

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФАТА МОРГАНА 4

Scan Kreyder - 09.05.2018 - STERLITAMAK

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

CDATA • МОИРПАНА

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

РЭЙ БРЕДБЕРИ
СТЕНЛИ ВЕЙНБАУМ
ЛАРРИ НАЙВЕН
ЛИ БРЕККЕТ
АЛЬФРЕД Э. ВАН ВОГТ
КУРТ ВОННЕГУТ-мл.
ДЖЕЙМС ХЭМИСАТ
ПОЛ АНДЕРСОН
ЛЛОЙД БИГГЛ-мл.
ЛЕСТЕР дель РЕЙ
ЛЬЮИС ПЭДЖЕТ
КЛИВ КАРТМИЛЛ
ФРИЦ ЛЕЙБЕР
ПИТЕР ФИЛЛИПС
ГЕРБЕН ХЕЛИНГА-мл.

ДЖОЭРН БАМБЕК
ФИЛИП МАКДОНАЛЬД
ЖЮЛЬЕТ РААБ
ЖЮЛЬ ВЕРН
ЛЮДВИГ ХЭВЕСИ
ЖЕРАР КЛЕЙН
ФЛЕТЧЕР ПРАТТ
ЭЛДЖИС БАДРИС
ДЖОРДЖ ГАМОВ
ФРЕДЕРИК БРАУН
ДЖЕЙЛИ САЛЛИ
ДЭВИД КЕРР
ПИРС ЭНТОНИ
ДЖЕЙМС КОЗИ

ФАТА МОРГАНА 4

Фантастические
рассказы
и повести

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1992

ББК 84.0
Ф 27

Художник **В. Ан**

На обложке использована работа
художника **Б. Вальехо**

Фата-Моргана 4: Фантастические рассказы и повести/
Ф 27 Пер. с англ., нем., фр.— Нижний Новгород: Флокс, 1992.—
544 с.: ил.

ISBN 5-87198-025-2

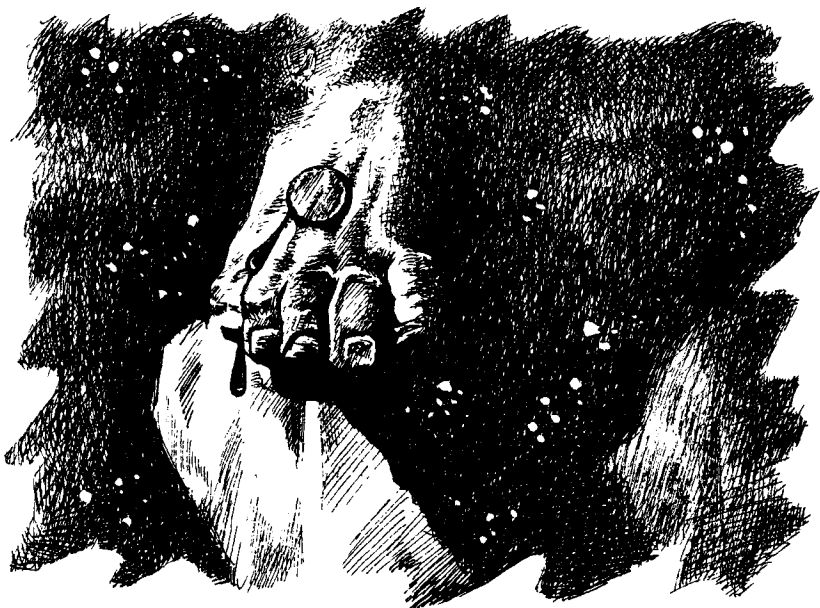
Сборник произведений популярных зарубежных фантастов всех направлений, от Жюль Верна до современных авторов «черной волны», большинство которых публикуется на русском языке впервые.

Ф 4703010100—021
Д 40 (03)—92 без объявл.

ББК 84.0

ISBN 5-87198-025-2

© Составление, перевод. Издательство «Флокс». 1992

Рэй Бредбери

ХРИСТОС-АПОЛЛО

*Кантата во славу восьмого дня,
возвещающая наступление дня девятого*

Раздался Глас средь Тьмы, и грянул Свет,
И странные на Свет летели твари,
И Землю постепенно заселяли,
Ее поля, пустыни и сады.
Все это нам с рождения известно,
Рукой Огня записаны в крови
Семь первых дней,
Семь долгих дней творенья...

И вот сейчас мы, дети этих дней,
Наследники Восьмого Дня,
Дня Бога,

Или, верней сказать,
Дня Человека,
На тающем снегу стоим, и Время
Бушует и под горло подступает.

Но птицы предрассветные поют,
И мы по-птичьи расправляем тело,
И тянемся к таким далеким звездам...
Мы вновь лететь готовы на Огонь.

И в это время Рождества Христова,
Мы славим День Восьмой —
День Человека,
Конец Восьмого Дня —
Конец Дня Бога,
Все миллионы миллионов лет,
Что тянутся от первого восхода,
Предел которым наш Исход кладет.

И наше тело — воплощение Бога —
Изменится и в огненном полете
Сольется с ярым солнечным огнем.
И на Девятый День взойдет светило,
И различим мы в утреннем ознобе
Чуть слышный зов далекой новой тверди.
И устремимся в новые сады,
И в новых землях вновь себя узнаем,
И новые пустыни оживим.

Мы наугад себя швыряем в поиск.

Пока же мы стоим, на звезды глядя,
Летят сквозь тьму посланцы Аполлона,

Чтоб, во Вселенной отыскав Иисуса,
Его спросить — что знает он о нас?

В глубинах тайных Бездны Мировой
Он шел, шагами меряя пространство.
Являлся ль он в немых мирах,
Что нам не снились в снах внутриутробных?
Ступал ли на пустынный берег моря,
Как в Галилее в давние года?
Нашлись ли души праведные там,
Вобравшие весь свет его ученья?
Святые Девы? Нежные Хоралы?
Благословенья? Есть там Кара Божья?

И, наполняя мир дрожащим светом,
Одна среди несчитанных огней,
И ужасая и благословляя,
Светила ли чудесная звезда,
Подобная звезде над Вифлеемом,
В чужой, холодной, предрассветной мгле?

В мирах далеких от Земного мира
Встречали ли Волхвы седой рассвет
В парном дыханье блеющего хлева,
Что позже стал святынею для всех,
Чтобы взглянуть на чудного ребенка,
Так непохожего на Сына Человека?

Так сколько новых Вифлеемских звезд
Взошло меж Орионом и Кентавром?
И сколько раз безгрешное рожденье
Чудесно освятило их миры?

И Ирод тамошний, трясущейся рукою
Подписывая свой приказ безумный
И посылая извергов-солдат
На избиенье нелюдских младенцев,
Лелеял мысль о сохраненье царства
В безвестных землях, что от нас скрывает
Туманность Лошадиной Головы?

Конечно, это так и должно быть!

Ведь в этот день, во время Рождества,
Наш долгий день — уже восьмой по счету,
Мы видим свет, сияющий сквозь тьму,
А существа, взлетевшие над Тьмою,
Какой бы мир иль век не создал их,
Срывая ночь с полуокрепших крыльев,
Безудержно должны лететь на Свет.
Ведь дети всех миров неисчислимых
С рождения боятся темноты,
Что черной кровью пропитала воздух
И в души нам сочится сквозь зрачки.

Совсем неважно, на кого похожи
Те существа, что искорку души
Несут сквозь мрак и холод долгой ночи,
Им — обрести Спасение свое!

В мирах далеких злое лихолетье,
Глухая, беспросветная година
Кончается пречистым снегопадом,
Рождением чудесного ребенка!
Дитя?
Средь буйных радуг Андромеды?
Тогда какие у него глаза?
И сколько рук?
Вы сосчитайте пальцы!
Он человек?
Да разве это важно!

Пусть будет он сияньем бледно-синим,
Как тихая лагуна под луною,
Пускай играет весело в глубинах
Средь странных рыб, похожих на людей,
Пусть кровь его — чернила осьминогов,
Пусть едкие кислотные дожди
Чудовищной пылающей планеты —
Лишь ласка нежная его ребячьей коже.

Христос свободно ходит по Вселенной
И в звезды претворяет плоть свою.
Среди людей — во всем на нас похожий,
Привычный, как и мы, к земной стихии,
Он носит человеческое тело,
Что так обычно нашему уму.
В иных мирах — скользит, летит, струится,
У нас он ходит, словно человек.

Ведь каждый луч из звездных легионов
Несет в себе святой Библейский свиток,
Пространство наполняя Словом Божьим.
На миллионах разных языков
Вздыхают и тоскуют, внемяют, ждут,
Когда же явится Христос пред ними
С побагровевших грозовых небес.

Шагая над глубинами морей,
Вскипающими яростью звериной,
Вспухающими бешеной опарой,
Христос имеет множество имен.
Мы так его зовем,
Они — иначе,
Но сладко имя на любых устах.

Любому он дары свои приносит,
Вино и хлеб для жителей Земли,
Другим мирам — совсем другую пищу.
Но утренняя трапеза всегда
Обильна и щедра, как взрыв сверхновой,
Всегда скудна последняя вечеря,
Ведь там — одни надежды да мечты.
Так было и у нас давно когда-то,
Когда еще он не взошел на крест.
У нас он мертв,
Но Там — еще не умер.

Пока еще несмелый, весь в сомнениях
Наш род земной. Но, напрягая разум,
Себя металлом прочным одевает
И возжигает искорку огня,
Чтоб в зеркале межзвездного пространства
Собою беззаботно любоваться.
И Человек, построивший ракеты,
Шагает горделиво и покорно
В бурлящее, огромное пространство,
Лишь одного боясь, что слишком рано,
Что спят еще бесчисленные миры.

Мы, благодарные за высшее доверье,
Несем Вселенной плоть и кровь Христову,
Идем, чтоб предложить вино и хлеб
Далеким звездам и другим планетам.
Мы щедро дарим первое причастье
Пока что незнакомым чужеземцам,
Мы рассылаем ангелов небесных
Во все концы обширнейших миров,
Чтоб возвестить, что мы уже ступили
На воды бесконечного Пространства,
О тысячах Пришествий и Прощаний
Чудеснейшего Богочеловека,
Что, впаянный в свою стальную келью,
Шагает по приливному потоку
И берегам межзвездных океанов
Несет в себе святую Божью кровь.

Мы Чудо-рыб задумываем, строим,
Разбрасываем их металл по ветру,
Что веет в окружающем пространстве
И мчит в Ночи ночей без остановки.

Мы в небо, как архангелы, взлетаем,
В своих соборах, в тесных гнездах аспид,
Слепящим светом наполняя темень
Пустых межзвездных склепов и могил.

Христос не умер!
Бог нас не оставил!
Коль человек шагает сквозь пространство,
Шагает, чтобы заново воскреснуть
И в Воскресенье обрести Любовь.

Нам страшны безнадежные скитанья
По истощенной нами же планете.
Собрав зерно Земного урожая,
Мы новый сев ведем на новом поле,
Чтоб снять за урожаем урожай.
Так кончатся и Смерть,
И Ночь,
И Бренность,
И наша одинокая тоска.

Мы ищем место далеко в Плеядах,
Где человек с богоподобным телом
Совместно с существами, что как мы,
Когда-то преклонившими колени
Перед Земной Невинностью Святою,
Положит в Ясли чудное дитя.

Готовы Ясли новые и ждут,
Волхвы, на небо глядя, видят звезды
И ангелов, чье тело из металла,
Творящих вечной жизни письма,
Что Бог скрепляет подписью своею.
Все ближе нам чужие небеса.
Все явственней в бездонном зимнем утре
Мы, спящие весь долгий-долгий путь,
Все десять миллиардов лет полета.
Настанет время возблагодарить,
Принять, понять, использовать во благо
Чудесный дар пульсирующей жизни,
Сжимающейся, как большое сердце,
Чтоб лечь, раскрывшись, Богу на ладонь.

И мы проснемся в дальнем далеке,
В затерянном в ночи кошмаре Зверя,

И вновь увидим вечную звезду,
Сияющую в небе на Востоке,
На всех Востоках всех небес Вселенной,
Над холодом сверкающих сугробов,
Что в Рождество насаелись со звезд.

Подумайте о предстоящем Утре,
Отбросьте страхи, слезы и сомненья,
Соблазны, суету, мольбы, рыдания!
Пусть все сгинет, все оцепенеет —
Вы возродитесь, слыша трубный глас,
Ракетный гром пронзит немое небо,
Звучащий не гордыней, но надеждой.

Внемлите все! Внемлите!
Это — Утро!
Внемлите!
Начался Девятый День!
Христос вознесся!
Бог воскрес из мертвых!
Воспрянь, Вселенная! Взгляни — твои светила
В пространстве, полном радости и света,
Подобны чистым агнцам свежих пастбищ,
Над Андромедой светят высоко!

Так славься, славься Новое Рожденье,
Что вырвалось из тьмы и бездны Смерти,
Освобожденное от жадной мертвой хватки
Ее разверстой пасти ледяной.

Под бесконечно чуждым нам светилом,
О Иисус, о Бог, о Человек,
В невероятном теле воплощенный,
Спасителя Спаситель, пульс души
Ты! Ангел, поднятый на небо жаждой
Познать, понять, увидеть и коснуться,
И удивиться самому себе.

В День Рождества, живущие, готовьтесь,
Познать еще неведомых себя!
Над зыбкою бездонною Пучиной
Узрите вы Волхвов, дары несущих.
Чудесные дары — не что иное,
Как Жизнь, та, что нигде конца не знает!
Увидите летящие ракеты,

Как семена, хранящие Начало.
Вам суждено засеять ими Космос!
В День Рождества,
В День Рождества Святого
Люби Его, ты — Сын Его любимый!
Единственный? Или один из многих?
Сегодня все собрались к Одному.
Они пробудятся в тепле ночного хлеба,
Что согревает спящего ребенка
И Вечную в него вдыхает Жизнь.

Ты должен сделать шаг в холодный Космос,
Сверкающий нездешнею зимою.
Чтоб раствориться в простоте невинной
И там уснуть до Нового Рожденья.
О, Новое Святое Рождество!
О, Бог с рукой, простертою далеко!
О, Иисус в миллионах воплощений,
Покинь свою Земную колыбель!
Сам Бог тебе приказывает это,
Вперед шагая, пролагает путь
Для всех твоих грядущих возрождений.

В дни нового Святого Рождества,
Ты, Человек, не вопрошай, не медли,
Ты, Иисус, не медли, не тяни,
Ведь именно сейчас настало Время!
Уже настало Время Уходить.
Встань и иди!
Пришла пора родиться.
Приветствуй Дня Девятого рассвет!
Начни Исход!
Восславь за это Бога!
Воздай хвалу, ликуй и восхищайся
Девятым Днем и Новым Рождеством,
Которое есть Торжество Господне!

ПЕРВАЯ НОЧЬ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Итак, ты хочешь понять ирландцев. Что их подготовило к их судьбе и заставило пойти своей дорогой? — спрашиваешь ты. Тогда слушай. Хотя я знал за свою жизнь только одного ирландца, но знал его сто сорок четыре дня подряд. Иди поближе, возможно, на его примере ты поймешь этот народ, который выступает в поход в дождь и, уходя, растворяется в тумане.

Смотри, вот и они. Вот они идут.

Того ирландца звали Ник. Осенью 1953 года я затеял писать пьесу и работал в Дублине. Каждый день я вызывал машину и ехал из Ривер-Лиффи в огромный серый деревянный дом времен короля Георга, в окрестностях которого мой директор-продюсер занимался конной охотой.

Всю долгую осень, зиму и раннюю весну мы перелопачивали по восемь страниц моей писанины за вечер. Затем, уже в полночь, когда подходило время отправиться на берег Ирландского моря в Королевский ОТЕЛЬ, я будил телефонистку сельского переговорного пункта Килкок и просил соединить меня с самым тепленьким, даже если оно и вовсе не отапливалось, местечком в городе.

— Это заведение Гебера Финна?— орал я, как только меня соединяли.— Ник там? Не позовете ли вы его?

Я живо представлял себе их, местных парней, как они выстраивались у пятнистого зеркала и таращились в него друг из-за друга.

Зеркало походило на зимний замерзший пруд, и они казались себе вмерзшими глубоко в этот волшебный лед.

И среди этой толкотни и таинственного перешептывания находился Ник, мой чересчур молчаливый деревенский шофер. Я слышал в трубке, как его окликнул Гебер Финн. Слышал, как Ник поднялся и его голос в трубке.

— Послушай, я уже собрался выходить!— Еще раньше я узнал, что это свое «собрался выходить» он не принимал особенно близко к сердцу, это не унижало его чувство собственного достоинства и тем более не портило чудесную филигрань какого-нибудь изящного и весомого постулата, который он, задыхаясь, обосновывал перед посетителями Гебера Финна.

Это было, скорее, начало перехода в иное состояние, поворот тела так, что центр тяжести почти неуловимо смещался к дальнему концу комнаты, где находилась дверь, на которую никто не обращал внимания, но все старались держаться подальше.

За это время надо было успеть извлечь кое-что ценное из кучи трепы и вранья, связать с другими фактами и снабдить ярлычками, чтобы на следующее утро сразу же после обмена хриплыми приветственными возгласами ухватить нить вчерашней беседы и, не тратя времени на передышки и обдумывания, запустить челнок общения так, чтобы все ниточки основы совпадали.

Я высчитал, что большую часть ночного пути Ника составляет расстояние до двери в заведении Гебера Финна, на его преодоление уйдет полчаса. А меньшая часть — дорога от заведения Финна до того места, где ожидаю я, займет не больше пяти минут.

Итак, был канун Великого поста.

Я позвонил. Я ждал.

Наконец из ночного леса вылетел «шевроле» выпуска 1931 года,

крыша которого была выкрашена в торфяной цвет, что было вполне в духе Ника.

Машина и водитель, как единое целое, пыхтели, сопели, хрипели мягко, вкрадчиво и нежно, легкими толчками заползая во двор. Я на ощупь спустился по парадной лестнице и очутился под безлунным, но светлым звездным небом. Вгляделся в крошечную тьму сквозь туман, со скоростью тридцать одной мили в час.

— Ник, это ты?

— И никого больше, — таинственно прошептал он. — Прекрасный теплый вечер, верно, а?

Температура была так себе. Но Ник отродясь не бывал ближе к Риму, чем морское побережье Типперери, и понятия тепла и холода были у него весьма относительными.

— Прекрасный теплый вечер, — я забрался в машину через переднюю дверь и захлопнул ее, отчего раздался скрежет и посыпались хлопья ржавчины.

— Ну, Ник, как ты поживаешь последнее время?

— Ох. — Он пустил машину накатом вниз по лесной дороге, лишь иногда поправляя ее. — Я здоров. Неужто это из-за того, что завтра начинается Великий пост?

— Великий пост, — пробормотал я. — И с какими грехами ты собираешься покончить в Великий пост?

— Вот я помозговал немного... — Неожиданно Ник пыхнул сигаретой, розовое морщинистое лицо его заволокло дымом. — А почему бы не с этой гадостью, что у меня во рту? Они приятны, словно битком набиты золотом, зато для легких — сущий яд. Откажись я от всего этого, брось курить, и к концу года всех болезней — как не бывало, ведь так? Ты не увидишь этой дряни у меня во рту весь Великий пост и, кто знает, может быть, и после!

— Bravo! — воскликнул я. — Сам я не курю.

— Вот и я говорю себе: bravo! — прохрипел Ник, щурясь от дыма.

— Удачи! — пожелал я ему.

— Она мне нужна, — признался он. — Чтобы разделаться с этим моим грехом.

И мы ехали дальше. Он твердо вел машину, неторопливо переключая скорости и объезжая торфяные ямы. Мы ехали в Дублин после поездки.

Провалиться мне на этом месте, если Ник не был самым внимательным водителем на всем белом свете, включая самые тихие и патриархальные деревенские местечки.

Кроме того, Ник был невинным агнцем по сравнению с некоторыми автолюбителями, у которых залипает кнопка под названием «шизофрения» каждый раз, когда они, буквально влипнув в кресла своих машин, несутся по дорогам Лос-Анджелеса, Мехико или Па-

рижа. А также по сравнению с теми слепцами, что отказываются от привычного глотка из оловянной кружки и прогулки с тросточкой ради того, чтобы, нацепив темные очки в стиле Голливуда, бездумно улыбаться из окон своих спортивных автомобилей на Виа Винетто, дергая тормозные колодки, как ленточку карнавального серпантина.

Представьте себе Римские руины. Без сомнения, это все обломки, оставленные моторизированными выдрами, рыскающими по ночным Римским аллеям, под окнами вашего отеля, так, что вы себя чувствуете христианином, брошенным на арену Колизея на растерзание львам.

А теперь о Нике. Взгляните на его легкие руки, так любящие медленное, подобное движению часовой стрелки, вращение автомобильной баранки, мягкое и беззвучное, словно кружение снежинок, падающих с неба.

Прислушайтесь к его пробивающемуся сквозь туман голосу, заклинаящему дорогу, такому тихому в ночи. Нога нежно, с ласковым великодушием нажимает на шуршащий акселератор, никогда скорость не бывает хотя бы на миллю ниже тридцати или хотя бы двумя выше. Ник, Ник и его надежная лодка, плавно скользящая по темной и гладкой поверхности озера, в глубине которого само Время.

Взгляни и сравни. И свяжи себя с этим человеком прядями летних трав, одари его серебром, тепло пожми ему руку каждый раз после поездки.

— Спокойной ночи, Ник,— пожелал я ему около отеля.— До завтра!

— Всего доброго,— прошелестел Ник.

И он тихо уехал.

Но вот пройдут двадцать три часа сна, завтрака, ленча, ужина, стаканчика спиртного на ночь. Промелькнут часы переписывания и доработки пьесы, переживания тумана и дождя, и снова я еду туда, и еще одна полночь, и опять я выхожу из дома времен короля Георга и, ступая по пестрому лестничному ковру, спускаюсь вниз и на ощупь, как слепой, читающий по системе Брайля, ищу знакомую машину, зная, что она неуклюже приткнулась где-то рядом. Я слышу ее огромное сердце, астматически вздыхающее в ночи, а Ник кашляет, бормоча под нос:

— Унция золота, это не так много.

— А вот и вы, сэр,— обрадовался Ник.

Я привычно забрался на переднее сиденье и захлопнул дверцу.

— Ник!— сказал я, улыбаясь.

А затем случилось что-то невероятное. Машина рванулась, как будто ей выстрелили из огнедышащего пушечного жерла, сорвалась с места, подпрыгнула и понеслась, а потом на полной скорости

бросилась вниз по каменистой дороге, сквозь редкие кусты, отбрасывающие скачущие тени. Я вцепился в собственные колени, четыре раза ударившись о крышу машины.

— Ник! — Я почти орал. — Ник!

В сознании промелькнули уличные картины Лос-Анжелеса, Мехико, Парижа. Я с откровенным ужасом уставился на спидометр: восемьдесят, девяносто, сто километров. Из-под колес летели фонтаны гравия, мы выскочили на основную дорогу, пронеслись под мостом и выскользнули на улицы Килкока. За городом на скорости сто десять километров я чувствовал только, как стелются травы Ирландии, когда мы с ревом неслись в гору.

«Ник!» — подумал я и повернулся.

Он сидел на своем обычном месте, но прежним в его облике осталось лишь одно. Сигарета во рту, отражающаяся красным огоньком то в одном зрачке, то в другом.

Все остальное в Нике изменилось, да так, как будто сам дьявол смял его, вылепил заново и крутил руль во все стороны; мы бешено пронеслись под мостами, сквозь туннели, задевая дорожные знаки на перекрестках, и те крутились, словно флюгера при порывах ветра.

Лицо Ника — разум покинул его, исчезла печать терпения и умиротворения, взгляд не был ни добрым, ни философским. Это было лицо без прикрас — ободранная и ошпаренная картофелина. Оно походило на ослепляющий прожектор, упорно и бездумно вперявшийся вдаль, в то время как проворные руки, охватившие руль, давили и давили на него, пока мы петляли по виражам и прыгали через буераки.

Это не Ник, подумал я, это его брат. Или в его жизни произошло что-нибудь страшное, катастрофа или удар, горе в семье или болезнь, да, все дело в этом.

А потом Ник заговорил, и голос его показался мне незнакомым.

Пропали мягкое торфяное болото, влажная почва, согревающий огонь под зябкой моросью. Исчезла шелковистая трава. Теперь голос чуть ли не трещал: рожок, труба, железо и жечь.

— Ну, как житуха? — орал он. — Что с вами?

Машину тоже трясло, как в лихорадке, ей были не по нутру эти перемены. Она была стара, сильно побита и теперь хотела бы скользить, как стареющий брызгливый бродяга, по морю и небу, прислушиваясь к своему дыханию и ломоте в костях. Но Нику было не до того, он нарывался на катастрофу, громыхая навстречу дьяволу и чтобы погреть озябшие руки на каком-нибудь особенном огне.

Ник пригнулся, и машина пригнулась, огромные меловые клубы дыма вырывались из выхлопной трубы. Наши бранные тела —

мое, Ника и автомобиля — содрогнулись, хрустнули и со страшной силой ударились обо что-то.

Лишь случайность спасла мою душу, и ее не вытряхнуло из тела напрочь. Мой взгляд в поисках виновника нашего полета наткнулся на пылающее, подобно вулканической лаве, лицо, и я почти нашел ключ к разгадке.

— Ник,— выдохнул я,— ведь это первая ночь Великого поста!

— Да?— удивился Ник.

— А ты помнишь свой обет, данный в честь Великого поста? Так почему же у тебя во рту сигарета?

Мгновение Ник не мог сообразить, что я имею в виду. Потом скосил глаза, увидел курящийся дымок и содрогнулся.

— Я бросил кое-что другое,— сказал он. И сразу все стало ясно.

Сто сорок минувших ночей у двери старого дома в стиле короля Георга я выпивал с моим заказчиком «посошок на дорожку» — жгучий глоток «Бурбона» или еще чего-нибудь «для сугреву».

Затем, вдыхая запахи позднего лета, запахи пшеницы, ячменя, овса, смешанные с моим собственным, разящим перегаром дыханием, я шел к машине, где сидел человек, коротающий в ожидании моего звонка все эти долгие вечера в заведении Гебера Финна.

«Идиот! — подумал я.— Как я мог об этом забыть?»

В долгие часы неторопливых задушевных бесед у Гебера Финна эти трудолюбивые парни словно бы сажали сад, заботливо взращивали его, а потом снимали урожай. Каждый из них сам сажал свое дерево или цветок, их садовыми инструментами были языки и поднятые за боковым стеклом машины; приборный щиток не работал уже много лет.

Там Ник и получал свою душевность. И она постепенно исчезала, смытая нудными дождями, проникающими в разгоряченные нервы и утихомиривающими в теле разнузданные страсти.

Те же дожди омывали его лицо, выявляя на нем признаки ума, линии Платона и Ахиллеса. Спелость урожая окрашивала щеки, согревала глаза, понижала голос до обволакивающей хрипоты, разливалась в груди, и сердце с галопа переходило на легкую рысь. Дождь смягчал его жесткие ладони, сжимающие дрожащий руль, бережно и удобно усаживал его в кресло из волосяной бортовки. И Ник бережно вез нас сквозь отделяющие от Дублина туманы.

И будучи сам хмельным и вдыхая жгучие пары виски, я никогда не замечал какого-либо запаха от моего старого приятеля.

— Да,— повторил Ник,— я бросил кое-что другое.

Последний кубик головоломки встал на свое место.

Стояла первая ночь Великого поста.

Впервые за все ночи, которые я провел с Ником, он был трезв.

Все те сто сорок ночей Ник вел машину осторожно и легко не из-за моей безопасности, нет.

Просто сидящая в нем душевность качалась то туда, то сюда, пока мы ехали по долгим и извилистым дорогам.

И тогда я сказал себя: «Кто же все-таки знает ирландцев, и что же все-таки они из себя представляют?»

Но мне не хотелось думать об этом. Для меня существует только один Ник. Такой, каким его сотворила сама Ирландия, с ее погодой, дождями, севом и урожаем, с ее отрубями и кашами, пивоварнями, бутылочным разливом, с ее летними трактирами, выкрашенными киноварью, бередящими запахами пшеницы и ячменя. И когда ты едешь через болота, ты чувствуешь ее громовой шепот. И все это — Ник. С его зубами, глазами, сердцем, легкими, руками. И если вы меня спросите, что делает ирландцев такими, какие они есть, я ткну в поворот к заведению Гебера Финна.

Первая ночь Великого поста, и, не досчитав до девяти, мы в Дублине! Я выхожу из машины, она медленно тащится по мостовой, и тогда я нагибаюсь и сую деньги моему водителю. Искренне, с мольбой, с теплотой, с самыми дружескими побуждениями, которые можно себе представить, я заглядываю в это симпатичное, по-мужски грубоватое, странно светящееся лицо.

— Ник,— позвал я.— Сделай мне одолжение.

— Какое угодно.

— Возьми еще и эти вот деньги,— сказал я,— и купи самую большую бутылку Ирландского мускуса, какую сможешь найти. И прежде чем заедешь за мной завтра вечером, выпей ее до дна. Ты сделаешь это, Ник? Ты обещаешь? Перекрестись и поклянись жизнью, что ты это сделаешь.

Он подумал, даже сама мысль о том, что я ему предлагаю, сделала его лицо прежним.

— Вы наводите меня на тяжкий грех,— сказал он.

Я втиснул деньги ему в ладонь. Он засунул их в карман и молча уставился перед собой.

— Спокойной ночи, Ник,— сказал я.— До свидания.

— Дай Бог,— отвечивал Ник.

И он уехал.

К ЧИКАГСКОЙ ВПАДИНЕ

Ближе к полудню старик приплелся в парк, почти безлюдный, накрытый бледным апрельским небом, из которого слабый ветерок выдувал последние воспоминания о зиме. Дряблые ноги были обмотаны грязными бинтами, длинные серые волосы включены, окаймляя непрестанно шепчущие губы.

Он быстро огляделся, словно надеялся найти что-нибудь кроме развалин и щербатого городского горизонта. Не увидев ничего

нового, он потащился дальше, пока не заметил женщину, что одиноко сидела на скамье. Он внимательно посмотрел на нее, кивнул, сел на другой конец скамьи и больше не глядел в ее сторону.

Минуты три он сидел с закрытыми глазами, шевелил губами и по-качивал головой, словно кончиком носа чертил в воздухе некие знаки. Дописав невидимую строку, он открыл рот и произнес приятным чистым голосом:

— Кофе.

Женщина застыла.

Старик узловатыми пальцами перебирал складки своих невидимых одежд.

— Протыкаешь фольгу! Огненно-красная банка с желтыми буквами! В нее врывается воздух! Иссс! Вакуумная упаковка... Сссс!... Как змея...

Женщина резко повернула голову, словно ее ударили по щеке, и теперь во все глаза смотрела прямо ему в рот.

— Запах, аромат, благоухание. Жирные, темные, свежие — чудесные бразильские зерна!

Женщина вскочила, будто у нее над ухом выстрелили, пошатнулась.

Старик глянул на нее.

— Не пугайтесь! Я...

Но она уже убежала.

Старик вздохнул и пошел дальше, пока не достиг скамьи, на которой сидел юноша, увешанный пучками сушеной травы вперемешку с кусочками папирусной бумаги. Его тонкие пальцы дрожали, священнодействуя, выдергивали травинки и заворачивали их в бумагу. словно сомнамбула, юноша вставил сигарету в рот, зажег ее. Потом откинулся на спинку скамьи, чтобы поглубже втянуть в легкие горький дым.

Облачко дыма унеслось по ветру.

Старик проводил его глазами и сказал:

— «Честерфилд».

Тот стиснул коленки.

— «Рализ», — добавил старик. — «Лаки Страйк».

Юноша уставился на него.

— «Кент». «Кул». «Мальборо», — не глядя на юношу, говорил старик. — Вот как они назывались. Белые, красные, янтарные пачки. Цвета свежей зелени, небесно-голубые, золотистые и со скользкой красной полоской, бегущей вокруг крышки, чтобы можно было легко разорвать целлофан и бандерольку...

— Заткнись, — сказал юноша.

— Продавались в аптеках, на станциях, в киосках...

— Заткнись!!

— Простите,— сказал старик,— я увидел, как вы курите, и подумал...

— Нечего думать!— Парень дернулся, его самодельная сигарета упала в пучки травы и запуталась в них.— Видишь, все из-за тебя!

— Извините. Такой день, захотелось по-приятельски...

— Я тебе не приятель!

— Все мы теперь друзья, иначе — зачем жить?

— Друзья!— фыркнул юноша, машинально нащипывая траву для новой сигареты.— Может быть, тогда, в семидесятом, они и были, но сейчас...

— Тысяча девятьсот семидесятый. Вы тогда, наверное, были ребенком. Масло в те времена упаковывали в ярко-желтую бумагу. «Детская радость» — Мыло Кларка в оранжевой обертке. «Млечный Путь»* — у тебя во рту целая Вселенная со всеми ее звездами, кометами и метеоритами. Славно...

— Ничего здесь нет славного,— юноша внезапно поднялся.— Ты что, больной?

— Я болен воспоминаниями о мандаринах и лимонах. А апельсины вы помните?

— Чертовски хорошо. Апельсины, черт побери. Ты ведь наврал, наврал? Тебе просто хочется, чтобы меня совсем скрутило? Ты что, спятил? Ты что, про закон не слыхал? Знаешь, куда я могу тебя отвести?

— Знаю, знаю,— ответил старик, пожав плечами. Это на меня погода действует. Захотелось сравнить...

— Сравнить небылицы, вот как называют это в спецполиции, небылицы, слышишь — ты, старый приставучий ублюдок!

Он схватил старика за лацканы, так что они треснули, и закричал ему в лицо:

— А почему бы мне самому не вытряхнуть из тебя душу?! Я сидел, никого не трогал, я...

Он отпихнул старика. Потом, решившись, бросился на него, осыпая ударами, а тот стоял, словно под дождем в чистом поле, и почти не защищался. Парень мстил за сигареты, фрукты, сладости, и старик наконец упал, сбитый пинком. Тогда юноша оставил его и завыл в голос. Старик сел на земле, сморщился от боли, потрогал разбитые губы, открыл глаза и удивленно посмотрел на своего противника.

Юноша рыдал.

— Ну... Пожалуйста...— умоляюще прошептал старик.

Юноша заплакал еще громче, слезы так и лились из глаз.

* «Млечный Путь». («Milky Way») — фирменное название шоколадных конфет компании «Марс».

— Не плачьте,— сказал старик.— Мы больше не будем голодать. Мы отстроим города. Послушайте, я вовсе не хотел вас расстраивать, я просто рассуждал: «Куда мы идем, что мы делаем, что мы наделали?» Вы не меня били. Вы хотели обрушиться на что-то другое, а тут я подвернулся под руку. Смотрите, я уже сижу. Со мною все в порядке.

Парень перестал плакать и уставился на старика. Тот силился улыбнуться окровавленными губами.

— Ты... ты больше не будешь приставать к людям!— сказал он.— Я найду кого-нибудь, чтобы тебя забрали!

— Подождите!— Старик приподнялся на колени.— Не надо. Но юноша уже убежал, крича, словно безумный.

Скорчившись, старик ощупал ребра, заметил среди щебня свой окровавленный зуб, с сожалением потрогал его.

— Болван,— раздался голос.

Старик поднял голову.

У дерева неподалеку стоял сухошавый мужчина лет сорока, на его длинном лице виделись усталость и, пожалуй, удивление.

— Болван,— повторил он.

— Вы были здесь все это время и ничего не сделали?— задыхаясь, спросил старик.

— Что же мне, бросаться на одного дурака, чтобы спасти другого? Ну нет,— он помог старику подняться и отряхнул его.— Я без толку не дерусь. Пошли отсюда. Идемте ко мне домой.

— Зачем?— прохрипел старик.

— Затем, что мальчишка сейчас вернется с полицией. А вы — слишком редкостная птица, чтобы так запросто им доставаться — я весь день хожу за вами, смотрю и слушаю. Я, слава богу, наконец-то нашел вас, а вы выкидываете этикие фокусы. Что вы ему наговорили? Отчего он взбесился?

— Я говорил о лимонах и апельсинах, о сладостях и сигаретах. Я только было собрался помянуть о детских вертушках, вересковых трубках и безопасных бритвах, а его уже прорвало.

— Трудно его осуждать. Я бы на его месте тоже вас побил. Идемте, время дорого. Слышите сирену? Быстрее же!

И они поспешили вон из парка.

Он пил домашнее вино, это было нетрудно. А вот с едой пришлось подождать, пока голод не пересилил боль в разбитых губах. Он прихлебывал и кивал.

— Чудесно... превосходно... большое спасибо.

Незнакомец, что утащил его из парка, сидел теперь напротив, за небольшим кухонным столом. Его жена постелила видавшую виды скатерть, расставила тарелки, все в склейках.

— Битые, — сказал муж. — То-то звону было!

Жена чуть не выпустила тарелку из рук.

— Успокойся, — сказал мужчина. — Никто за нами не следит. Итак, почтеннейший, рассказывайте, зачем вам понадобился венец мученика? Вы — личность известная. Многие хотят встретиться с вами. Я, к примеру, хотел бы знать, отчего вы ведете себя так, а не иначе. Ну?

Но старик видел только тарелку перед собой. Двадцать шесть, нет, двадцать восемь горошин! Невероятно много! Он снова пересчитал их, словно четки на молитве. Двадцать восемь славных зеленых горошин, а рядом — несколько трубочек спагетти, задираясь вверх, словно на диаграмме, показывали, что все превосходно. Правда, трещина пониже утверждала, что дела идут — хуже некуда. Старик витал над едой, словно гигантская пчела, ненароком залетевшая в этот холодный, но гостеприимный дом.

— Эти двадцать восемь горошин напомнили мне один фильм. Я его видел еще ребенком, — сказал он наконец. — Комик... Вам знакомо это слово? Ну, словом, один чудака встречает в пустом доме среди ночи лунатика и...

Муж и жена вежливо посмеялись.

— Нет, нет, соль не в этом. Лунатик усаживает комика за совершенно пустой стол — ни ножей, ни вилок, ни еды — и объявляет: «Кушать подано!» Комик, опасаясь, что лунатик приберет его, решает подыграть. «Великолепно!» — восклицает он, пережевывая невидимые яства. «Божественно!» — восхищается он, глотая воздух. — Чудесно!» Ну... теперь можно смеяться.

Но супруги молчали, глядя на скудную еду и убогие тарелки.

Старик покачал головой и продолжил:

— Наконец, увлекшись, комик объявляет: «А вино нежное, как персик! Просто чудо!» — «Персик?!» — вскрикивает безумец, доставая револьвер. — Здесь нет никакого персика! Вы с ума сошли!» И стреляет комику в зад.

Наступила тишина. Старик поддел самодельной вилкой первую горошину и долго любовался ею. Он поднес ее ко рту и...

В дверь постучали.

— Спецполиция, — раздался голос.

Дрожащими руками женщина тихо убрала третий прибор.

Мужчина поднялся из-за стола, подвел старика к стене. Одна из панелей со скрипом отошла, старик шагнул в темноту, панель вернулась на место, и он стал невидимым. Послышались возбужденные голоса. Старик представил, как полицейские в темно-синей форме с оружием наготове осматривают зыбкую мебель, голые стены, пол, покрытый хрустящим линолеумом, окна с картонками вместо стекол — осколки цивилизации, выброшенные на пустынный берег огненным прибоем войны.

— Я ищу старика,— донесся сквозь стенку писклявый голос начальника патруля.

«Удивительно,— подумал старик,— даже закон теперь говорит тонким голосом».

— ...в лохмотьях...

«Но сейчас все щеголяют лохмотьями!»

— ...грязного. Лет восьмидесяти от роду...

«Но разве не все сейчас грязные и старые?» — чуть не закричал старик.

— Тому, кто его выдаст, полагается недельный паек плюс десять банок овощей и пять банок супа.

«Настоящие жестяные банки с яркими этикетками,— подумал старик. Эти банки метеорами вспыхнули перед его внутренним взором.— Какая чудесная награда! Не десять тысяч долларов, не двадцать тысяч долларов, нет, нет — пять невероятных банок с настоящим, неподдельным супом и десять, только подумайте, десять блестящих радужных банок с чудесными овощами — тугой фасолью или солнечно-желтой кукурузой. Представьте-ка себе!»

Наступила тишина, и старику почудилось, что он слышит, как в нем бродит коктейль из старых иллюзий, минувшего кошмара и кислой трезвости долгих сумерек, наставших после Дня Истребления.

— Суп. Овощи,— снова донесся голос полицейского.— Пятнадцать больших тяжелых банок!

А потом хлопнула дверь.

Шаги удалились, двери хлопали, словно гробовые крышки, оставляя живые души вопить о сверкающих жестянках и настоящем супе. Топот затихал. Вот донесся последний отзвук.

Наконец стена раскрылась. Ни муж, ни жена не взглянули на него. Он знал, почему, и ему захотелось ободрить их.

— Даже я,— мягко сказал он,— даже я сам чуть не выдал себя, услышав о такой награде.

Они не смотрели на него.

— Почему? — спросил он.— Почему вы меня не выдали, а?

Мужчина, будто вспомнив что-то, кивнул женщине. Она подошла к двери, помешкала; мужчина кивнул снова, уже с нетерпением, и она бесшумно ушла, словно ветер унес тонкое паутинное кружево. Они слышали лишь тихие скрипы, вздохи и бормотание дверей.

— Куда она пошла? Что вы задумали?

— Узнаете. Садитесь. Доедайте ваш обед,— ответил мужчина,— и объясните мне, зачем вы дурачитесь сами и дурачите тех, кто вас отыскал и привел сюда?

— Почему я дурачусь? — старик уселся. Ему вернули тарелку, и он разом поддел несколько горошин.— Да, я шут. Как это нача-

лось? Несколько лет назад я взглянул на разрушенный мир, на диктатуры, на разметанные государства и нации и спросил себя: «Что я могу сделать? Я, слабый старец? Застроить эту пустыню? Ха!» Но однажды я задремал, и в голове моей словно бы завертелся старый фонограф. Далеко-далеко, в моем детстве, сестры Дункан пели песню, которая называлась «Воспоминания»: «Я только вспоминаю, дорогой, давай и ты повспоминай со мной». Я стал напевать эту песню, и это была уже не песня, но предначертание. Чем я могу помочь миру, который все позабыл? Моей памятью! Что это даст? Можно будет сравнивать, молодые будут знать о том, что когда-то было, мы будем сожалеть об утраченном. Оказалось, я помню многое и еще больше могу вспомнить. Я смотрел на человека, подсаживался к нему и вспоминал то об искусственных цветах, то о телефонных аппаратах, о холодильниках, о казу * (вы играли когда-нибудь в казу?), о наперстках, о брючных зажимах для велосипедистов, не о велосипедистах, нет, а именно о зажимах! Разве это не странно? Салфетки, что клали на спинки кресел. Слыхали о таких? Нет? Ну, ничего. Как-то раз один человек попросил меня описать приборный щиток кадиллака. И я описал. Во всех деталях. А он слушал. И плакал огромными слезами. От радости или от сожаления? Не знаю. Я только вспоминаю. Но только не литературу, моя память не сохранила ни строчки из стихов или пьес; их смыло, они умерли. По существу я являю собой свалку забавных безделушек, хромированного утиля цивилизации, что с разбегу бросилась в пропасть. И я раздаю блестящие осколки, часы без стрелок, рассказываю об абсурдной технологии, о бесконечной череде роботов и о людях, похожих на роботов. Однако цивилизация так или иначе вернется на круги своя. Те, кто могут слагать стихи, пусть слагают. Те, кто умеет плести сети, пусть плетут. Мое деяние менее прочих и, может быть, презренно среди них, но и оно — шаг к вершине. Те вещи, нужные и ненужные, о которых люди помнят, они могут создать заново, и потому я должен говорить. И я буду пробуждать их полумертвые желания, латать их дырявую память. В конце концов настанет час, когда люди соединят свои силы и отстроят города, страны весь мир. Пусть одному захочется вина, пусть другому понадобится мягкое кресло, третьему — бесшумный планер, чтобы оседлать мартовский ветер. Пусть создадут электрических птеродактилей, чтобы они летали над толпами и ураганами. Кому-то захочется справить Рождество у елки, кто-то пойдет и срубит ее. Соберите все это вместе, пусть снова закрутится машина желаний, все быстрее и быстрее. Я — только смазчик при ней, но смазчик исправный. Ха! Когда-то я проповедовал: «Только то хорошо, что

* Казу — игрушечный духовой музыкальный инструмент, трубка с мембраной из папиросной бумаги.

самое лучшее — в качестве!» А ведь прекрасные розы вырастают на навозе. Должна быть масса посредственностей, чтобы наступил рассвет. И я стану самым лучшим из них и всегда буду драться с теми, кто внушает: «Не сопротивляйтесь, скользите вниз, зарастайте мхом при жизни». Я стану пророком этих обезьян, этих слепцов, что жрут траву и молятся на феодалов, которые засели в уцелевших небоскребах, обжираясь забытыми яствами. А этих негодяев я уничтожу с помощью штопоров и консервных ножей. Я буду искушать овечье стадо призраками «бьюиков», попкорна * и луна-парков, буду сыпать соль на раны, пока они не завоюют от желаний. Смогу ли я? Один — я могу только пытаться.

Старик покончил с последней горошиной и со своим монологом. Его добрый хозяин восхищенно глядел на него. По всему дому захлопали двери, послышались шаги, и вскоре к порогу подошла целая толпа.

— И вы еще спрашиваете, почему мы не выдали вас? Вы слышали шаги?

— Да, за дверью кто-то есть.

— Кто-то! Старик, старый шут, помните ли вы... кинозалы или, точнее, кинотеатры под открытым небом, где не нужно было выходить из машины?

Старик улыбнулся.

— А вы?

— Смутно. Смотрите, слушайте, сегодня, сейчас, и если вы собираетесь остаться таким же шутком, если вы хотите рисковать и дальше, то делайте это вместе с другими. Зачем расточать ваше красноречие на одного, двоих или даже троих, если...

Мужчина распахнул дверь и кивнул гостям. Тихо, по одному или парами, входили в комнату люди со всего дома. Входили, словно в собор, или в синагогу, или в часовню, зная, что увидят что-то вроде кино под открытым небом, зримое лишь после захода солнца в сумерки, когда комната погрузится во мрак и зажгут свечу; старик заговорит, а они будут слушать, стискивая ладони, и все станет как раньше: аппарели и тьма, автомобили и тьма; и будут воспоминания и слова о воздушной кукурузе, и слова о галошах, лимонаде и конфетах, но только слова, только слова.

Когда все они вошли и уселись на полу, когда старик рассмотрел их, удивленный, что столько людей пришли слушать его, хозяин спросил:

— Не лучше ли это, чем ловить удачу под открытым небом?

— Да. Я ненавижу боль. Терпеть не могу убегать и прятаться. Но язык мой говорит сам по себе. А я должен слышать, что он скажет. Пожалуй, так и в самом деле лучше.

* Попкорн — воздушная кукуруза.

— Вот и хорошо,— мужчина вложил старику в ладонь красный билет.— Когда мы кончим, вы уедете. Раз в неделю отсюда отправляется поезд. Мой друг, железнодорожник, снабжает меня билетами. Каждую неделю я отдаю билет тому идиоту, которому хочу помочь. На этой неделе он достался вам.

Старик прочел надпись на красной бумажке:

— «Чикагская впадина». Что это за впадина такая?

— Примерно через год озеро Мичиган может прорвать последнюю дамбу, и тогда на месте города разольется новое озеро. Они там живут словно на вулкане, но каждый месяц оттуда ходит поезд на запад. Когда вы уедете, ведите себя тихо, забудьте о нашей встрече. Я дам вам небольшой список — это люди вроде нас. Найдите их, но не торопитесь и не заговаривайте с ними на улице. Бога ради, сдерживайтесь хотя бы первый год. Держите ваши золотые уста на замке. И еще...— он достал желтую карточку.— Это мой знакомый дантист. Он вставит вам новые зубы, чтобы размыкались только для еды.

Гости расселись, и старик тоже тихо засмеялся, и муж с женой закрыли дверь, и стали по сторонам ее, и обернулись, и ждали, когда старик в последний раз разверзнет свои уста.

Старик встал.

Все затихли.

Поезд, ржавый и дребезжащий, подошел к станции, запорошенной неожиданно поздней метелью. Немытая толпа, ломая жесткую белую корку, ворвалась в вагон, протащила старика из конца в конец и затолкала в закуток, где некогда был туалет. Тотчас же человек шестьдесят уселись прямо на пол и заворочались там в надежде уснуть.

Поезд рванулся в белую пустоту.

Старик уговаривал себя: «Тише, заткнись, не говори, молчи, ничего не говори, стой смирно, будь осторожен и благоразумен». Скорчившись, он притулился у стенки, его качало, толкало, швыряло. Только двое не спали в этом чудовищном купе — он и мальчик с бледным, осунувшимся лицом — он скорчился у стенки напротив. Казалось, он смотрел, да, смотрел на губы старика, вглядывался в них. Поезд свистел, грохотал, качался, завывал, несясь вперед.

В грохочущих пассажах ночи, освещенной заснеженной луной, прошло полчася; губы старика были плотно сжаты. Еще час — и они окостенели. Еще час — и мускулы на его лице расслабились. Еще — и он облизнул губы. Мальчик не спал. Мальчик смотрел. Мальчик ждал. Поезд, словно лавина, раздвигал снежную тишину. Пассажиры на пляшущем полу маялись своими кошмарами, а мальчик неотрывно смотрел на него. Наконец старик шагнул к нему.

— Ш-ш-ш, паренек. Как тебя зовут?

— Джозеф.

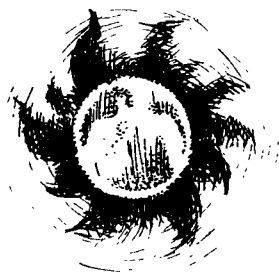
Поезд во сне раскачивался и грохотал, барахтался в безвременной темноте, неся к далекому, нереальному утру.

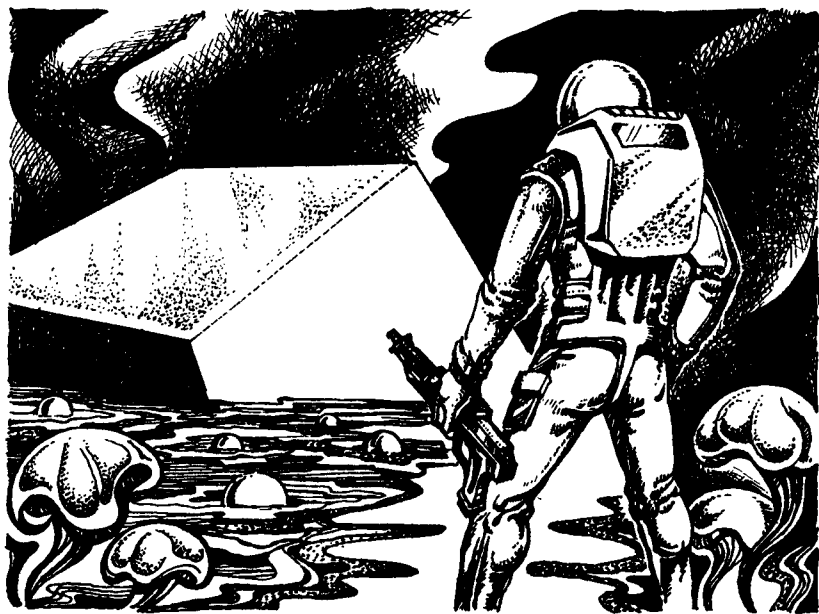
— Джозеф...

Старик попробовал имя на вкус, подался вперед, глаза его вспыхнули мягким светом, распахнулись, словно он только что прозрел. Лицо просияло. Он видел что-то далекое и потаенное.

Поезд взвыл на повороте путей. Люди окаменели в зимней спячке.

— Так вот, Джозеф...— прошептал старик. Он медленно воздел палец.— Когда-то, давным-давно...

Стенли Вейнбаум

ПЛАНЕТА-ПАРАЗИТ

Хэму Хэммонду повезло, что когда началось извержение грязи, стояла середина зимы. Зима на Венере ничем не напоминает земную; только жители самых теплых районов Амазонии или Конго могли бы представить себе зиму на Венере; самые худшие летние дни, зной, назойливые обитатели джунглей.

На Венере, как известно, времена года чередуются на противоположных полушариях, как и на Земле, однако с одной существенной разницей. Когда Северная Америка и Европа обливаются потом, в Австралии и Аргентине царит зима. На Венере же времена года связаны не с отклонением от плоскости эклиптики, а с либрацией*. Венера не вращается и все время обращена к Солнцу одной стороной, точно так же, как Луна к Земле. На одной ее стороне продолжается вечный день, на другой — ночь, и лишь в зоне суме-

* Периодические маятниковые колебания относительно ее центра масс.

рек, опоясывающей планету пятисотмильной полосой, существуют условия, допускающие проживание людей.

В направлении стороны, освещенной солнцем, сумеречный пояс сменяется жаром пустыни, где живут лишь несколько форм венерианской жизни, а на краю ночи зона, пригодная для жизни, кончается вдруг огромным ледяным барьером, возникшим в результате конденсации верховых ветров, непрерывно поступающих из жаркого полушария в холодное, чтобы здесь остыть, опуститься вниз и двинуться обратно.

Теплый воздух, остывая, приносит с собой дождь, который на краю вечной ночи замерзает, образуя огромные ледяные крепости. Что находится дальше, какие фантастические формы жизни можно встретить в беззвездной темноте замерзшего полушария или же оно мертво, как лишенная атмосферы Луна, до сих пор остается тайной.

Медленная либрация, тяжелое переваливание планеты с боку на бок вызывает появление чего-то вроде времен года. В районах сумеречного пояса сначала на одном полушарии, потом на другом закрытое облаками солнцем в течение пятнадцати дней постепенно поднимается высоко и лишь вблизи ледяного барьера почти касается горизонта, поскольку либрация составляет всего семь градусов, но и этого хватает для создания заметных пятнадцатидневных времен года.

И каких времен года! Зимой температура опускается до влажных, но терпимых тридцати пяти градусов, а две недели спустя вблизи выжженных зноем Тропиков шестьдесят градусов знаменуют холодный день. Зимой и летом кратковременные дожди мрачно льют с неба и поглощаются губчатой почвой, чтобы вновь подняться вверх в виде липких ядовитых испарений.

Именно огромное количество влаги явилось самой большой неожиданностью для первых людей, прибывших на Венеру. Разумеется, облака были видны, но спектроскоп не показывал наличия воды, и ничего удивительного, ведь он анализировал свет, отраженный от верхней поверхности облаков, находящейся в пятидесяти милях от поверхности планеты.

Обилие воды приводит к удивительным последствиям. На Венере нет морей или океанов, разве что предположить существование безмерных, молчаливых и вечнозамерзших океанов на ночной стороне. На горячем полушарии испарение происходит слишком быстро, поэтому реки, стекающие с ледяных гор, просто уменьшаются и в конце концов уходят в песок.

Дальнейшее определяется непостоянным характером почвы в сумеречном поясе. Под землей текут огромные подземные реки, одни кипящие, другие холодные как лед, из которого возникли. Именно они вызывают извержения грязи, делающие заселение че-

ловеком Тропиков таким рискованным: прочная и внешне безопасная поверхность может внезапно превратиться в море кипящей грязи, в которое погружаются здания, порой вместе с жителями.

Предсказать катастрофу невозможно, и здания стоят в безопасности только на редко встречающихся выходах коренных пород. Именно поэтому все поселения людей жмутся к подножиям гор.

Хэм Хэммонд был фактором, одним из тех авантюристов, которые всегда появляются на границе и окраинах населенных районов. Большинство из них относится к двум классам: это безрассудные смельчаки, гонящиеся за риском, либо изгнанники, преступники и люди, ищущие одиночества или забвения.

Хэм Хэммонд не принадлежал ни к одной из этих категорий. Он не гонялся за абстракциями, его влекло очарование богатства. Торгуя с туземцами, он добывал стручки семян венерианского растения ксикстхил, из которых земные химики экстрагировали тригидроксил-тертиарилин, или тройной Т-Д-А, необходимый для курса омоложения.

Хэм был молод и временами удивлялся, почему старые богатые мужчины и женщины склонны платить колоссальные суммы за несколько дополнительных лет, тем более что процедура эта не продлевала жизнь, а вызвала что-то вроде временной, искусственной молодости. Седые волосы темнели, морщины разглаживались, лысины покрывались пушком — но через несколько лет искусственно омоложенный человек все равно умирал. Однако, пока грамм тройного Т-Д-А равнялся по цене грамму радия, Хэм был склонен идти на любой риск, чтобы его добыть.

Честно говоря, он никогда не верил в возможность извержения грязи. Разумеется, это было постоянной потенциальной угрозой, и все-таки, когда, глядя сквозь окно своего жилища на парящую венерианскую равнину, он вдруг увидел появляющиеся вокруг кипящие лужи, то был просто потрясен.

На мгновение он оцепенел, но тут же принялся лихорадочно действовать. Натянул на себя защитный скафандр из резиноподобной прозрачной трансдермы, закрепил на ногах большие миски болотных лыж, закинул на спину рюкзак с драгоценными стручками семян ксикстхила, собрал немного продуктов и выскочил на открытое место.

Земля была еще наполовину твердой, но на его глазах темная почва вокруг металлических стен жилища начала кипеть. Куб контейнера накренился, постепенно исчезая из виду, пока наконец грязь с бульканьем не сомкнулась над ним.

Хэм очнулся. Он знал, что нельзя неподвижно стоять посреди грязеизвержения, даже если на ногах у тебя похожие на миски болотные лыжи. Если липкая жижа переливалась через верхний край лыж, положение становилось безвыходным. Не в силах пере-

двигать ноги, человек сначала медленно, а потом все быстрее погрузился следом за своим жилищем.

Он начал движение по кипящему болоту тем особенным скольльзящим шагом, который постиг за годы практики: не отрывая болотных лыж от поверхности, он осторожно скользил, следя, чтобы ни капли грязи не перелилось через загнутые вверх края.

Это был утомительный, но единственно возможный способ. Хэм двигался на запад, где находилась линия тени,— если уж искать безопасное место, почему им не может быть зона живительного холода? Трясина оказалась обширной, и Хэм прошел не меньше мили, прежде чем добрался до небольшой возвышенности, и лыжи заскребили по плотному грунту. Весь покрытый потом, он чувствовал себя в скафандре из трансдермы как в бане, но человек привыкает даже к Венере. Он отдал бы половину драгоценных стручков ксикстхила за возможность открыть маску скафандра и вдохнуть хотя бы этот насыщенный паром, влажный венерианский воздух, но — если хотел остаться в живых — это было невозможно. Один вдох непрофильтрованного воздуха в районах возле горячего края сумеречного пояса означал быструю и весьма болезненную смерть. Воздух содержал споры агрессивной венерианской плесени, которая покрывала бы пушистым мхом ноздри, губы, легкие, а затем уши и глаза.

Любой контакт с венерианской биосферой был опасен. Однажды Хэм наткнулся на труп торговца, тело которого разъела плесень. Этот человек случайно сделал дыру в скафандре — этого хватило.

Именно потому еда и питье на открытом пространстве становились проблемой. Требовалось дожидаться, пока дождь осадит на землю споры плесени — и быстро использовать следующие полчаса. Но даже при этом вода должна была быть свежевскипяченной, а продукты — только что вынуты из банок; в противном случае, как уже бывало не раз, пища неожиданно превращалась в пушистую массу плесени, которая росла со скоростью передвижения минутной стрелки на часах. Что за мерзкое зрелище! Да, Венера — отвратительная планета!

Эту последнюю мысль у Хэма вызвало зрелище болота, поглотившего его жилище. Растительность исчезла вместе с ним, но уже выныривала жадная и прожорливая жизнь: вьющаяся болотная трава и клубневидные грибы, называемые «шагающими шарами». Повсюду в грязи кишели миллионы небольших скользких созданий, пожирающих друг друга, раздирающих на части, причем каждый кусок через некоторое время превращался во взрослое существо.

Тысячи различных видов, совершенно идентичных в одном смысле: каждый на сто процентов был обжорой. В сущности, некоторые из них были всего лишь клочками кожи, рассеченными дюжиной голодных пастей и ползающими на сотнях паучьих ножек.

Жизнь на Венере характеризует более-менее паразитический характер. Даже растения, получающие питание прямо из почвы и воздуха, могут поглощать и переваривать, а во многих случаях и хватать животную пищу. Конкуренция на этой узкой полосе суши между огнем и льдом настолько остра, что не видевший ее просто не в силах вообразить. Животные непрерывно воюют между собой, а также с растениями, которые отвечают им тем же, часто превосходя первых в создании чудовищных хищников, которых трудно даже назвать растениями. Ужасный мир!

За несколько минут, на которые Хэм задержался на месте, побеги выющихся растений успели опутать его ноги, так что пришлось разрезать их ножом, и черный, отвратительный сок, потекший по непроницаемой трансдерме, тут же начал покрываться пухом, по мере того как пускала ростки плесень. Хэм вздрогнул.

— Что за адское место! — рывкнул он, наклоняясь, чтобы снять болотные лыжи, которые затем предусмотрительно закинул на спину.

С трудом брел он сквозь выющуюся растительность, автоматически уклоняясь от дерева под названием Джек-Хвататель. Дерево вытягивало в направлении его рук и ног ростки, похожие на щупальца. Время от времени Хэм проходил мимо экземпляра Джека-Хватателя, с которого свисало пойманное создание, обычно совершенно неузнаваемое, поскольку плесень покрывала его мохнатым саваном, в то время как дерево спокойно поглощало и то и другое.

— Ужасное место, — бормотал Хэм, отталкивал ногой дрожащий клуб червей, названия которых не знал.

Он задумался: его жилище располагалось у самого горячего края сумеречного пояса, и значит, от терминатора его отделяло более двухсот пятидесяти миль, хотя расстояние это колебалось в зависимости от либрации. Никто не может приблизиться к собственно линии, поскольку там свирепствуют совершенно невообразимые бури. Горячие верховые ветры сталкиваются с ледяными ураганами, приходящими с темной стороны, вызывая родовые схватки ледового барьера.

Хэму требовалось пройти сто пятьдесят миль на запад, чтобы оказаться в районе с климатом, слишком умеренным для развития плесени. Там он сможет передвигаться с относительным комфортом. Считая от этого места, не далее чем в пятидесяти милях к северу находится американский поселок Эротия.

Дорогу Хэму преграждал хребет Гор Вечности. Правда, это были не могучие двадцатимильные гиганты, вершины которых порой замечают земные наблюдатели и которые навеки отделяют британскую часть Венеры от американских владений, однако горы эти вызывали уважение даже на перевале, через который Хэм собирался пройти. Он находился на британской стороне, чему, впрочем, никто

не придавал особого значения: факторы пересекали эту границу, когда и как хотели.

Проект этот означал необходимость преодоления около двухсот миль, что лежало в пределах возможностей Хэма. Он был вооружен автоматическим пистолетом и огнеметом, а вода не составляла проблемы при условии, что ее старательно кипятили. В крайних ситуациях можно было есть и венерианские создания, но это требовало голода, тщательного приготовления и крепкого желудка. «Главное тут не вкус, а внешний вид», — говорили прошедшие через это испытание. Хэммонд горько усмехнулся — несомненно, ему придется самому проверить истинность этого утверждения, поскольку вряд ли консервов хватит на все путешествие. Хэммонд утешал себя тем, что, в сущности, нет поводов для беспокойства. Он может быть даже доволен. Стручки ксикстхила, лежащие в его рюкзаке, представляли состояние, сколотить которое на Земле он мог бы за полтора десятка лет упорного труда.

Как будто ему ничто не угрожало, и все-таки люди без следа исчезали на Венере дюжинами. О них напоминали плесень или какие-нибудь ужасные чудовища — полурастения-полуживотные.

Хэм брел, стараясь выбирать поляны, возникающие вокруг деревьев Джека-Хватателя, этих всеядных растений, уничтожающих любые проявления жизни в пределах досягаемости своих побегов.

В других местах продвижение вперед было практически невозможно, поскольку венерианские джунгли представляли собой такую жуткую путаницу пожирающих друг друга форм, что двигаться можно было лишь шаг за шагом, с огромным трудом прорубая себе дорогу. Но даже при этом оставалась опасность со стороны бог знает каких, вооруженных клыками и ядом созданий, зубы которых могли проткнуть защитную оболочку из трансдермы. А это означало смерть. Даже отвратительные деревья Джека-Хватателя были лучшей компанией, подумал Хэм, отпихивая непрерывно изучающие окружающее лианы.

Через шесть часов после начала вынужденного путешествия пошел дождь; Хэм нашел место, которое недавнее грязеизвержение очистило от деревьев и кустов, и сел поесть. Сначала он зачерпнул немного воды, покрытой пеной, профильтровал ее через ситечко, прикрепленное к манерке, и занялся стерилизацией.

Огонь был недоступен, поскольку в Тропиках Венеры сухие дрова встречаются крайне редко, поэтому Хэм бросил в жидкость термические таблетки, которые мгновенно вскипятили воду, сами улетучившись в виде газа. Вода сохранила слабый привкус аммиака, но это было минимальное неудобство. Хэм накрыл сосуд и поставил в сторону, чтобы вода остыла.

Потом открыл консервную банку с фасолью, огляделся, нет ли поблизости случайной плесени, затем поднял забрало и торопливо

проглотил пищу. Запив все теплой водой, он осторожно влил остатки в мешочек, находящийся внутри скафандра, откуда воду можно было потягивать через трубку.

Не прошло и десяти минут после окончания еды, и Хэм еще отдыхал, мечтая о недостигаемой роскоши сигареты, как мохнатая плесень покрыла остатки продуктов в банке.

Час спустя, усталый и взмокший, Хэм нашел Дружеское Дерево, названное так его открывателем, натуралистом Барлингом. Это одно из немногих деревьев Венеры с такими вялыми движениями, что можно безопасно отдыхать среди его ветвей. Хэм влез на него, расположился поудобнее и заснул как убитый.

Прошло пять часов. Проснувшись, Хэм констатировал, что веточки и небольшие присоски Дружеского Дерева оплели всю его трансдерму. Он осторожно оторвал их, спустился вниз и побрел на запад.

Сразу после второго дождя он встретил «пузана», создание, называемое так в английской и американской частях Венеры. Во французской части его называют *pot á colle*, то есть горшок теста, а в датской... ну что же, датчане не слишком стыдливы и называют чудовище так, как оно того заслуживает.

Вообще-то пузан — существо отвратительное. Масса белой, похожей на тесто протоплазмы доходит до двадцати тонн кашеобразной мерзости. Она не принимает никакой определенной формы, это просто бесформенное скопище клеток — освобожденный от телесной оболочки, ползающий, вечно голодный рот.

Пузан не обладает интеллектом, не имеет никаких инстинктов, кроме, пожалуй, чувства голода, и движется туда, где пища касается его поверхности. Касаясь двух съедобных поверхностей, он попросту делится, причем большая часть атакует большую добычу. Он невосприимчив к пулям, и ничто, кроме пламени огнемета, не в состоянии его убить, да и то лишь в том случае, если огонь уничтожит все клетки. Пузан катится по поверхности, поглощая все и оставляя за собой голую черную землю, на которой сразу же появляется вездесущая плесень.

Хэм отскочил в сторону, когда пузан вдруг выкатился из джунглей справа от него. Правда, он не мог повредить защитную трансдерму, но тестовидная масса могла просто задушить человека. Хэму очень хотелось поразить эту тварь полным зарядом из огнемета, висящего на поясе, но опытный венерианский пионер весьма экономно пользуется оружием. Оно заряжено алмазом, правда, промышленным, а не ювелирным, но все же бесценным в трудных ситуациях. Воспламененный кристалл отдает свою энергию в одной чудовищной струе огня, которая с громовым грохотом бьет на рас-

стояние в сто ярдов, превращая в пепел все на линии выстрела.

Пузан прокатился под аккомпанемент чмоканья и чавканья, а за ним открылась просека, проделанная в чаще, — выюны, лианы, змееподобный плющ и деревья Джека-Хватателя — все было выметено без остатка до самой влажной почвы, где буквально на глазах разрасталась плесень.

Коридор вел почти в том направлении, куда собирался идти Хэм, поэтому он воспользовался случаем и широко зашагал вперед, внимательно поглядывая на зловещие стены джунглей. Примерно через десять часов тропу эту снова заполнит враждебная жизнь, но пока существовала возможность передвигаться значительно быстрее.

Он прошел уже почти пять миль по дороге, начинавшей постепенно зарастать, когда встретил туземца, галопирующего на четырех коротких ногах. Руки его, похожие на клешни, вырезали проход в зарослях. Хэм остановился для краткого палавера.

— Мурра, — сказал он.

Язык жителей экваториальных Тропиков весьма причудлив. Он насчитывает около двухсот слов, но выучивший их не может сказать, что овладел им до конца. Слова характеризуют понятийные обобщения, а каждый звук имеет от дюжины до сотни значений. «Мурра», например, выражает приветствие, что-то близкое «хэлло» или «добрый день», однако может также передавать предупреждение — «берегись». Значит оно и «будем друзьями», а также, как это ни странно, «вызываю тебя».

Имеет оно и значение существительного, означая мир, войну, отвагу и страх. Утонченный язык. Только недавние исследования модуляции голоса продемонстрировали земным филологам его богатую природу. Впрочем, английский с его «to», «too» и «two»; «one», «won», «wen», «win», «when» и дюжиной других близких звуков тоже показался бы странным для ушей венериан, не приученных различать гласные.

Но самое плохое, что люди не могут читать по широким, плоским лицам венериан с тремя глазами, а они наверняка передают множество информации.

Венерианин однако принял предполагаемый смысл.

— Мурра, — ответил он, останавливаясь. — Уск? — Что означало среди прочего: «кто ты?», «откуда идешь?» или же: «куда направляешься?».

Хэм выбрал это последнее значение. Указав на закрытый туманом запад, он поднял руки, рисуя контур гор. — Эротия, — сказал он. Это название имело лишь одно значение.

Туземец молча раздумывал, потом махнул своими когтями вдоль тропы, в направлении на запад.

— Цурки, — сказал он и добавил на прощание: — Мурра.

Хэм прижался к стене джунглей, чтобы дать ему пройти.

«Цурки» означает около двадцати понятий, в том числе и торговца. Слово это обычно употребляют по отношению к землянам, и Хэм заранее радовался обществу человека. Прошло уже более шести месяцев со времени, когда он последний раз слышал человеческую речь иначе, чем с помощью маленького радиоприемника, утонувшего вместе с жилищем.

Пройдя еще пять миль по тропе, проеденной пузаном, Хэм вдруг оказался на поляне, где недавно произошло извержение грязи. Растительность здесь доходила лишь до пояса, а в четверти мили он заметил здание фактории. Было оно гораздо представительнее его собственного жилища, контейнера с металлическими стенами, и имело целых три комнатки, что было в Тропиках неслыханной роскошью: каждую унцию груза приходилось доставлять из поселка ракетой. Деятельность факторов была довольно рискованной, и Хэм радовался, что остался с такой прибылью.

Он двинулся через все еще топкий грунт. Окна фактории закрывали шторы защиты от вечного дневного солнца, а дверь... дверь была закрыта! Это являлось нарушением законов, царивших на границе цивилизации. Все оставляли двери открытыми, поскольку это могло спасти какого-нибудь заблудившегося человека, и даже человек без чести не отваживался красть из открытой фактории.

Не сделали бы этого и туземцы — ни одно существо не было таким порядочным, как венерианские туземцы, которые никогда не лгут и не крадут, но, разумеется, могут после традиционного предупреждения убить купца, чтобы завладеть его товарами.

Хэм стоял как вкопанный. Подумав, он утоптал клочок чистой почвы перед дверями, сел, прислонившись к ней, стряхнул многочисленных отвратительных мелких существ, копошившихся на его трансдерме, и стал ждать.

Прошло не менее получаса, прежде чем он заметил человека, бредущего через поляну. Шлем скафандра затенял его лицо, и Хэм разглядел только большие, обведенные темными кругами глаза.

— Привет! Мне пришлось в голову нанести вам визит. Меня зовут Гамильтон Хэммонд, но, как вы, конечно, догадались, друзья называют меня Хэм.

Фактор остановился, после чего заговорил удивительно мягким и приглушенным голосом, с явным английским акцентом.

— Может, вы отодвинетесь и впустите меня? — Голос его звучал холодно и враждебно.

Хэм почувствовал удивление и гнев.

— Черт возьми! — рявкнул он. — Ну и гостеприимство!

— Для вас нет места под моей крышей. — Хозяин остановился в дверях. — Вы американец? А что делаете на британской территории? Могу я взглянуть на ваш паспорт?

— Торговец, верно? — Фактор был худошав, а тон его резок. — Короче говоря, контрабандист и находишься здесь нелегально. Убирайся!

Хэм стиснул зубы.

— Легально или нет, — сказал он, — это не имеет значения. Я уполномочен пользоваться привилегиями, вытекающими из кодекса пограничья. Мне хочется вдохнуть чистого воздуха, стереть с лица пот и что-нибудь съесть. Открой дверь и войдем.

Перед глазами его сверкнул автоматический пистолет.

— Попробуй и будешь кормить плесень.

Как и все венерианские пионеры, Хэм по необходимости был смел и предприимчив. Как говорят в Штатах — крутой парень.

— Что ж, это убеждает. Я бы только хотел что-нибудь съесть.

— Подожди дождя, — холодно ответил фактор и повернулся к двери, чтобы ее открыть.

В ту же секунду Хэм пнул пистолет, который ударился о стену и упал в траву. Противник потянулся за огнеметом, висящим на боку, и Хэм схватил его за запястье.

Захват был настолько силен, что фактор тут же перестал вырываться, а Хэм испытал мгновенное удивление от хрупкости запястья, которую почувствовал сквозь слой трансдермы.

— Слушай! — рявкнул он. — Я собираюсь поесть в этом доме. Открывай дверь!

Теперь он держал его за обе руки. Типчик казался удивительно слабым, он кивнул головой, и Хэм отпустил руку. Дверь открылась, и они вошли.

Внутри его поразила совершенно неслыханная роскошь. Массивные стулья, солидный стол, даже книги, наверняка законсервированные экстрактом плауна от плесени, которая порой проникает в дома, несмотря на сетки, фильтры и автоматические распылители. Когда они вошли, автоматический распылитель окружил их облаком дезинфицирующих средств, чтобы убить споры плесени, которые могли бы попасть внутрь в момент открытия двери.

Хэм тяжело сел, внимательно следя за хозяином. Он оставил ему огнемет в кобуре на поясе, уверенный, что успеет опередить этого мозгляка; кроме того, кто, находясь в здравом уме, рискнет стрелять из огнемета в доме?

Хэм занялся забралом, доставанием продуктов из рюкзака, вытиранием вспотевшего лица, тогда как его товарищ — или противник — молча стоял и смотрел. Хэм некоторое время следил за открытой банкой мясных консервов, но плесень не появилась, и он начал есть.

— Какого черта, — буркнул он, — ты не поднимаешь забрала? — Тот упрямо молчал. — Боишься, что увижу твое лицо? Твоя физиономия меня не интересует, я не фараон.

Молчание. Он попытался еще раз.

— Как тебя зовут?

— Барлингем. Пат Барлингем.

Хэм рассмеялся.

— Патрик Барлингем умер, приятель. Я его знал.— Никакого ответа.— Если не хочешь говорить, как тебя зовут, по крайней мере не оскорбляй памяти хорошего человека и великого исследователя.

— Спасибо,— голос звучал сардонически.— Это был мой отец.

— Еще одна ложь. У Барлингема не было сына, а только...— Хэм озадаченно замолк.— Открой забрало! — крикнул он.

— Почему бы и нет? — сказал мягкий голос, и противосолнечное забрало опустилось.

Хэм проглотил слюну. Авантюрист и венерианский торговец был все-таки джентльменом, лишь жажда быстрого обогащения привела его, по образованию инженера, в Горячие Земли.

— Прошу прощения,— буркнул он.

— Эх вы, доблестные американские браконьеры! — насмешливо отозвалась Пат.— Вы все такие храбрые, чтобы навязываться женщине?

— Что вы делаете в таком месте?

— Я вовсе не обязана отвечать на ваш вопрос.— Она неопределенно махнула рукой, указывая вглубь комнаты.— Я классифицирую флору и фауну Горячих Земель. Меня зовут Патриция Барлингем, я биолог.

Только теперь он заметил образцы, законсервированные в банках и стоявшие в следующем помещении, вероятно, лаборатории.

— Одинокая девушка в Тропиках? Простите, но вы слишком легкомысленны.

— Я не ожидала встреч с американскими браконьерами.

Хэм покраснел.

— Можете не бояться меня. Я ухожу.— Он поднял руку к своему забралу.

В ту же секунду Патриция выхватила из ящика стола автоматический пистолет.

— Я вас не задерживаю, мистер Хэммонд,— холодно сказала она.— Но ксикстхил останется у меня, как собственность британской короны. Вы украли его на нашей территории, и я его конфискую.

Хэм уставился на нее.

— Я рискнул всем, что имею, чтобы добыть этот ксикстхил, и, если лишусь его, буду банкротом. Вы возьмете его только с трупа!

— Посмотрим.

Хэм захлопнул шлем и сел.

— Мисс Барлингем,— сказал он.— Не думаю, чтобы вы решились выстрелить в живого человека, но, чтобы забрать ксикстхил,

вам придется нажать на спуск. У меня есть время. Я буду сидеть, пока вы не упадете от усталости.

Он смотрел прямо в ее серые глаза: пистолет был нацелен в его сердце, но выстрела все не было.

Наконец девушка сдалась.

— Ты выиграл, браконьер.— Она бросила пистолет в пустой ящик.— А теперь убирайся.

— С удовольствием! — поспешно ответил он.

Хэммонд встал и коснулся забрала, но его остановил крик девушки. Подозревая новую хитрость, он повернулся. Широко открытыми от страха глазами девушка смотрела в окно.

Хэм заметил спутанную растительность, а затем огромную беловатую массу. Чудовищных размеров пузан размеренно полз в сторону их убежища. Послышалось слабое «плум», а потом окно закрыла клейкая масса. Чудовище, достаточно большое, чтобы поглотить все здание, разделилось на две части и обтекало его вокруг, соединившись по другую сторону.

Тишину прервал взволнованный голос Пат.

— Твой шлем, идиот! — резко сказала она.— Закрой его!

— Шлем? Зачем? — Несмотря на сомнения, он автоматически выполнил приказ.

— Смотри — пищеварительный сок!

Она показала на стены, на которых появились тысячи маленьких светлых точек. Пищеварительные соки пузана, достаточно агрессивные, чтобы переварить любую пищу, корродировали металл, ставший пористым. Жилище было уничтожено бесповоротно.

В мгновение ока косматые пятна плесени появились на остатках его обеда, а красновато-зеленый чехол покрыл стол и стулья.

Они переглянулись, и Хэм рассмеялся.

— Ага,— сказал он,— теперь и вы бездомны. Мой дом утонул в грязи.

— Этого следовало ожидать,— ледяным тоном ответила Пат.— Вы, янки, не можете догадаться, что нужно искать твердое основание. Коренные породы находятся здесь на глубине шести футов, и мой дом стоит на сваях.

— Во всяком случае ведете вы себя хладнокровно. Что вы собираетесь делать теперь?

— Можете не беспокоиться, я отлично справлюсь.

— Как?

— Не ваше дело. Каждый месяц ко мне прилетает ракета.

— В таком случае вы должны быть миллионершей.

— Экспедицию финансирует Королевское Общество.— холодно сказала она.— Ракета должна прибыть сюда...

Она сделала паузу, и Хэму показалось, что лицо ее под прикрытием шлема побледнело.

- Должна прибыть... когда?

— Она была тут два дня назад. Я совсем об этом забыла.

— Понимаю. И вы считаете, что сможете целый месяц ждать следующую?

Пат возмущенно смотрела на него.

— А вы понимаете,— продолжал он,— что ждет вас в течение этого месяца? Через десять дней начнется лето, а взгляните только на вашу лачугу.— Он указал на стены, на которых расплзались коричневые и рыжие пятна. От его резкого движения кусок стены размером с блюдо со скрежетом вывалился наружу.— Через два дня это развалится полностью. Что вы будете делать без укрытия, когда температура начнет подниматься до семидесяти, восьмидесяти градусов? Я вам скажу: вы погибнете!

Пат молчала.

— Прежде чем сюда вернется ракета, вы превратитесь в бесформенную массу плесени,— сказал Хэм.— А потом в груды голых костей, которые пойдут на дно при первом же извержении грязи.

— Заткнись!— выпалила она.

— Мое молчание не поможет. Сейчас я скажу, что вы можете сделать: забрать рюкзак и болотные лыжи и идти со мной. Если вы можете ходить так же, как говорить, мы дойдем до Страны Холода до лета.

— Идти с браконьером-янки? И не подумаю!

— А потом,— продолжал он,— мы можем без труда добраться до Эротии, солидного американского городка.

Пат потянулась за своим рюкзаком с предметом первой необходимости, лежащим наготове на случай несчастья, и закинула его за плечи. Потом вытащила толстую пачку записей, сделанных анилиновыми чернилами на трансдерме, смахнула попутно несколько пятен плесени и сунула свиток в рюкзак. Подняв пару болотных лыж, она решительно направилась к двери.

— Значит, идем? — засмеялся он.

— Я иду,— холодно ответила она.— В порядочный английский город Венобл. Одна.

— Венобл,— простонал он.— Это же двести миль к югу. И к тому же за Горами Вечности.

Патриция молча вышла из дома и повернула на запад в направлении Страны Холода. Хэм мгновение колебался, потом последовал за ней. Он не мог позволить девушке путешествовать в одиночку, а поскольку та игнорировала его присутствие, просто шел за ней следом, гневный и угрюмый.

Три часа, а может, и больше, они с трудом брели в бесконечном свете дня, уклоняясь от назойливых деревьев Джека-Хватателя. Шли в основном по не до конца еще заросшему следу первого пузана.

Хэма удивляла ловкость и гибкость девушки, которая скользила вдоль тропы со сноровкой туземца. Ему пришлось напомнить себе, что в некотором смысле она и БЫЛА туземцем. Дочь Патрика Барлингема была первым человеческим ребенком, рожденным на Венере, в колонии Венобл, основанной ее отцом.

Хэм вспоминал газетные статьи, появлявшиеся, когда Пат восьмилетним ребенком была выслана на Землю, — ему самому было тогда тринадцать. Сейчас ему исполнилось двадцать семь и, следовательно, Патриции Барлингом — двадцать два.

Они не обменялись ни словом до тех пор, пока выведенная из себя девушка резко не повернулась.

— Пожалуйста, уйди, — сказала она.

Хэм остановился.

— А я вам и не навязываюсь.

— Мне не нужен опекун. Я — лучший пионер, чем ты!

Хэм не спорил, и через минуту Пат воскликнула:

— Я ненавижу тебя, янки! Боже, как я тебя ненавижу! — Она повернулась и зашагала дальше.

Час спустя неожиданно началось извержение грязи. Безо всякого предупреждения водянистая масса закипела вокруг их ног, а растительность резко заколыхалась. Они торопливо закрепили ремнями болотные лыжи, в то время как самые гнжимые растения уже погружались с угрюмым бульканьем. Хэм вновь восхитился грацией девушки. Патриция скользила по волнующейся поверхности со скоростью, которой он не мог развить, и потому плелся далеко сзади.

Внезапно она остановилась. В районе грязеизвержения это очень опасно, и лишь критическая ситуация могла заставить девушку сделать это. Подойдя на сто футов, Хэм понял причину — на правом ботинке лопнуло крепление, и Пат беспомощно стояла, балансируя на левой ноге, пока вторая лыжа медленно погружалась. Черная грязь переваливалась через ее верх.

Дезушка следила за приближением Хэма, а когда поняла, что он собирается делать, сказала:

— Не справишься.

Хэм осторожно наклонился и поднял ее, держа под коленями и за спину. Лыжа была уже залита, но он резко выдернул ее, вдавив края своих лыж опасно близко к поверхности грязи. Грязь чмокнула, но Пат была освобождена. Девушка лежала в его объятиях очень спокойно, чтобы не вывести мужчину из равновесия. Хэм осторожно двинулся по предательской поверхности. Пат была не тяжелой, и все-таки жизнь их обоих висела на волоске. Грязь бурлила у самого края его лыж. Хотя гравитация Венеры немного меньше земной, через неделю человек привыкает и перестает замечать разницу.

Через сто ярдов они добрались до твердого грунта, Хэм поставил Пат на землю и отвязал лыжи.

— Спасибо,— холодно сказала она.— Это был мужественный поступок.

— Не за что. Надеюсь, после этого приключения вы откажетесь от путешествия в одиночку. Без одной лыжи следующее извержение грязи станет для вас последним. Ну как — идем дальше вместе?

Ее голос стал ледяным:

— Я же могу сделать себе лыжу из коры дерева. Кроме того, могу просто подождать день-другой, пока грязь высохнет, и откопать пропавшую лыжу.

Он указал ей на гектары грязи.

— Где откопать?

Неожиданно девушка сдалась.

— Ты снова выиграл, янки. Но только до Страны Холода, потом мы расстанемся: ты — на север, я — на юг.

Они пошли дальше. Пат не уступала Хэму в выносливости, но значительно лучше его знала специфику венерианских Тропиков. Хотя они разговаривали мало, он восхищался ее умением найти самую легкую трассу, причем, казалось, она определяла деревья Джека-Хватателя, не глядя. Но лишь когда они наконец остановились после дождя, давшего возможность торопливо поесть, у Хэма появилась реальная причина для благодарности.

— Ложимся спать,— предложил он, а когда девушка кивнула, сказал: — Там стоит Дружеское Дерево.

И он направился к нему, а девушка шла следом.

Внезапно она схватила его за руку.

— Это Фарисей,— воскликнула она и рванула его назад.

И вовремя. Фальшивое Дружеское Дерево со страшной силой опустило вниз ветвь, разминувшуюся с лицом Хэма всего на несколько дюймов. Это было вовсе не Дружеское Дерево, а замаскировавшийся хищник, привлекающий жертвы мнимой безопасностью, а затем атакующий острыми как ножи шипами.

У Хэма перехватило дух.

— Что это? Я никогда не видел ничего подобного!

— Это Фарисей, он выглядит в точности как Дружеское Дерево.

Она подняла автомат и пустила пулю в центр черного пульсирующего ствола. Потекла черная жидкость, а вездесущая плесень расцвела вокруг дыры. Дерево было обречено на гибель.

— Спасибо,— сконфуженно сказал Хэм.— Похоже, вы спасли мне жизнь.

— Теперь мы квиты.— Она взглянула ему прямо в глаза.— Понимаешь? Счет оплачен.

Они нашли настоящее Дружеское Дерево и уснули в его ветвях. Поглом снова шли, снова спали — и так в течение трех лишенных

ночей суток. Правда, грязеизвержения на их пути не встретилось, но все остальные «прелести» Тропиков имелись в избытке. Пузаны пересекали им путь, змеиное вино с шипением атаковало, деревья Джека-Хватателя расставляли петли, а миллионы мелких ползающих существ извивались под их ногами или падали на скафандры.

Однажды они встретили даже однонога — странное, похожее на кенгуру существо, пробирающееся сквозь джунгли, прыгая на одной мощной ноге и пикируя пробирающимся жертву трехметровым клювом.

Когда Хэм промахнулся, девушка подстрелила однонога во время прыжка, оставив на съедение безжалостной плесени.

В другой раз обе ноги Пат оказались охваченными петлей Джека-Хватателя, которая почему-то лежала на земле. Когда она наступила на нее, дерево внезапно дернуло, и девушка повисла головой вниз в десяти футах над землей. Она висела так, пока Хэму не удалось ее освободить. Несомненно, без помощи каждый из них погиб бы, но вместе они ухитрялись уцелеть.

Совместные переживания не смягчили холодной враждебной атмосферы, ставшей для них чем-то естественным. Хэм обращался к девушке лишь тогда, когда это становилось совершенно необходимо, Пат же во время редких разговоров называла его не иначе, как «браконьер-янки». Несмотря на это, мужчина порой ловил себя на том, что думает о пикантной красоте ее лица, о каштановых волосах и серых глазах, которые удавалось увидеть, когда прошедший дождь позволял ненадолго поднять забрало.

Наконец в один из дней ветер подул с запада, принося с собой дыхание зимы, бывшее для них даром небес. Это был низовой ветер, идущий с замороженной половины планеты и дышащий холодом из-за ледового барьера. Когда Хэм на пробу сорвал кожу с вьющегося растения, плесень появилась гораздо медленнее, чем обычно, и с меньшей интенсивностью. Это были обнадеживающие признаки: они приближались к Стране Холода.

С легким сердцем они нашли Дружеское Дерево. От подножия гор их отделял всего день пути, а там можно было двигаться без скафандра, без угрозы плесени, которая не могла развиваться при температуре ниже двадцати семи градусов.

Хэм проснулся первым и некоторое время молча смотрел на девушку, улыбаясь при виде ветвей дерева, обнявших ее как нежные руки. Он понимал, что Страна Холода означает расставание, разве что ему удастся убедить девушку отказаться от безумного решения пересечь Горы Вечности.

Вздохнув, он потянулся за своим рюкзаком, висящим на ветке между ними, и внезапно возглас удивления вырвался из его горла. Его стручки ксикстхила! Мешочек из трансдермы был распорот и пуст. Патриция вскочила, разбуженная его криком, и на ее лице под маской Хэм заметил насмешливую улыбку.

— Мой ксикстхил! — заорал он. — Ты забрала его?!

Девушка указала вниз, где среди редкой растительности возвышалась небольшая кучка плесени.

— Там, — холодно ответила она. — Там, внизу, браконьер.

— Ты... — от ярости он задышался.

— Я разрежала мешок, пока ты спал. Ты не вывезешь украденное сокровище с британской территории.

Хэм онемел, потом с трудом выдавил:

— Проклятая дьяволица! Это все мое состояние!

— Но краденое, — вежливо напомнила она, махая стройными ногами.

Свет проникал сквозь полупрозрачную трансдерму, подчеркивая ее фигуру и длинные ноги. Хэм затрясся от ярости.

— Надо бы тебя прикончить! — сдавленным голосом произнес он.

Девушка звучно рассмеялась. Со стоном отчаяния Хэм закинул рюкзак на спину и прыгнул на землю.

— Надеюсь... надеюсь, что ты погибнешь в горах, — угрюмо сказал он и направился на запад.

Когда он прошел сто ярдов, сзади донесся голос Пат:

— Эй, янки, подожди немного!

Не останавливаясь и даже не оглянувшись, он продолжал идти.

Спустя полчаса, взглянув назад, Хэм заметил, что она идет следом, отвернувшись и ускорив шаг. Дорога вела теперь в гору, и его сила превосходила ее быстроту и сноровку.

Когда девушка мелькнула далеко позади, видимая как маленькая точка,двигающаяся, как ему показалось, с усталой покорностью, Хэм нахмурился. Он вспомнил, что извержение грязи застанет ее совершенно беспомощной, лишенной необходимых болотных лыж. Потом до него дошло, что у подножия Гор Вечности не бывает извержений грязи, а кроме того, он решил, что это его не касается.

Некоторое время Хэм шел параллельно реке, несомненно, какому-то безымянному притоку реки Фледжетон. До сих пор не возникало необходимости переправы, поскольку все реки на Венере текут от ледяного барьера через сумеречный пояс к Тропикам и потому пока были параллельны направлению их движения.

Но теперь, когда он добрался до плоскогорья и повернул на север, реки будут встречаться ему. Их придется преодолевать либо на стволах, либо — если предоставится такая возможность и поток окажется достаточно узким — используя ветви Дружеского Древа. Сунуть ногу в воду означало смерть: грозные твари с пастями, полными зубов, таились даже в маленьких ручейках.

На краю плоскогорья Хэм с трудом избежал катастрофы. В момент, когда он продирался через поляну, окруженную деревьями Джека-Хватателя, внезапно появилась волна белой протоплазмы, и деревья скрылись в массе гигантского пузана.

Хэм оказался между чудовищем и непроницаемой путаницей растительности, поэтому сделал единственное, что мог сделать в данном положении. Выхватив из кобуры огнемёт, он послал мощную струю огня в центр чудовищного создания. Огонь испепелил тонны тестообразной массы, оставив несколько небольших кусков, которые ползали, пожирая мертвые останки.

Разряд, как это случалось неоднократно, разорвал ствол огнемёта. Хэм тяжело вздохнул, принимаясь за почти сорокаминутную замену ствола, но ни один настоящий пионер на Венере не станет тянуть с этим делом. Выстрел обошелся Хэму в пятнадцать солидных американских долларов: десять за промышленный алмаз, который взорвался, и пять за ствол. Когда он имел свой ксикстхил, это была мелочь, но сейчас становилось солидной суммой. Хэм вздохнул еще раз, обнаружив, что запасной ствол был одновременно и последним, поскольку он сэкономил на всем, что брал с собой в экспедицию.

Наконец он оказался на плоскогорье. Хищная фауна и флора Тропиков появлялась все реже, стали встречаться настоящие растения, лишённые способности свободного передвижения, а низовой ветер веял холодом ему в лицо.

Сейчас он находился в глубокой долине: направо вздымались вершины Малых Гор Вечности, за которыми лежала Эротия, а налево, как могучий мерцающий вал, тянулись склоны Больших Гор Вечности. Вершины их тонули в облаках, клубящихся на высоте пятнадцати миль.

Хэм взглянул на зазубренный перевал Безумца, разделяющий две колоссальные вершины. Сам перевал находился на высоте двадцати пяти тысяч футов, горы же превосходили его еще на пятьдесят тысяч. Только один человек преодолел пешком эту рваную трещину — Патрик Барлингем, именно этим путем хотела идти его дочь.

Впереди, словно тенистый занавес, лежала граница между ночью и сумеречным поясом, и Хэм видел непрерывные вспышки молний, вечно безумствующих в этом районе бесконечных бурь. В этом месте ледяной барьер пересекал цепь Гор Вечности, и морозный низовой ветер, поднятый огромным горным хребтом, сталкивался с горячим верховым ветром. Результатом их противоборства была непрекращающаяся стремительная метель, какая могла существовать только на Венере. Где-то здесь и начиналась река Фледжетон.

Хэм изучал дикий, великолепный пейзаж. Завтра, а еще лучше сейчас, после небольшого отдыха, он повернет на север. Пат пойдет на юг и, несомненно, погибнет где-нибудь на перевале Безумца. На мгновение он почувствовал болезненный укол и нахмурился.

Пусть умирает, если настолько глупа, чтобы пытаться в одиночку преодолеть перевал только потому, что слишком горда, чтобы воспользоваться ракетой из американского поселка. Она этого заслу-

живает, и судьба ее ему безразлична. Хэм то и дело убеждал себя в этом, даже когда готовился ко сну уже не на Дружеском Дереве, а на одном из экземпляров настоящих растений и с наслаждением подняв забрало.

Проснулся он от крика, в котором звучало его имя. Хэм посмотрел через плоскогорье и заметил Пат, перебиравшуюся через край. Как ей удалось его выследить? Это действительно большое достижение в районе, где растения сразу же закрывают тропу, по которой прошел человек. Потом он вспомнил выстрел из огнемета: вспышка и грохот были видны и слышны на несколько миль. Она или увидела ее, или услышала.

Хэм следил, как девушка с беспокойством оглядывалась по сторонам.

— Хэм! — крикнула она еще раз. Не «янки» или «браконьер», а Хэм!

Он упрямо молчал, а она позвала снова. Он видел ее загорелое очаровательное лицо, поскольку Пат откинула шлем своего скафандра. Девушка крикнула еще раз, потом разочарованно повернула на юг вдоль края. Хэм смотрел, как она уходила, а когда лес закрыл ее, спустился и медленно двинулся на север.

Шел он все медленнее, словно его тянула в обратную сторону какая-то невидимая эластичная нить. Все время перед глазами его стояло ее обеспокоенное лицо, а в ушах звучал крик. Он был уверен, что ее ждет неминуемая гибель, и несмотря на вред, причиненный ему, не хотел, чтобы Пат умирала. Она была слишком жизнерадостна, слишком уверена в себе, а прежде всего — слишком красива, чтобы умирать.

С другой стороны, это была нахальная, язвительная, эгоистическая дьяволица, холодная как кристалл и враждебно настроенная, но у нее были серые глаза, каштановые волосы и изрядная храбрость. Наконец, раздраженно бормоча что-то, Хэм повернулся и торопливо пошел на юг.

Слежка за девушкой была легким делом для любого, прошедшего школу Тропиков. В Стране Холода растения медленно заживляли свои раны, и Хэм то и дело находил следы ее ног или сломанные ветви, указывающие, где она прошла. Он нашел место, где Пат пересекла реку по кронам деревьев и где она остановилась, чтобы поест.

Скоре он заметил, что расстояние между ними начинает увеличиваться. Сноровка и быстрота движений девушки на голову превосходили его собственные. Наконец Хэм остановился. Плоскогорье постепенно уходило вверх, в сторону обширных Гор Вечности, и Хэм знал, что, идя прямо вверх, скоро ее догонит. Поэтому он прилег на минуту, наслаждаясь комфортом пребывания на воздухе без скафандра, лишь в шортах и рубашке, которые носил под ним.

Здесь это было уже возможно; вечный низовой ветер, дующий в направлении Тропиков, отгонял дрейфующую плесень, а та немногая, что приносили на себе животные, быстро погибала от первого же холодного дуновения. Кроме того, растения Страны Холода не угрожали его телу.

Хэм проспал пять часов. Следующий час похода принес очередные перемены окружения. Растительность у подножия гор была более скудной, чем на плоскогорье. Это были уже не джунгли, а лес, разумеется, ничем не напоминающий земной; он состоял из растений, похожих на деревья со стволом в пятьсот футов и кронами, кончающимися не листьями, а цветами. Лишь изредка встречающиеся деревья Джека-Хватателя напоминали о Тропиках.

Постепенно высота деревьев уменьшалась. Появились скопления скал и огромные черные откосы, лишенные какой-либо растительности. Время от времени Хэм встречал единственных летающих обитателей этой планеты: серых нетопырей, похожих на ночных бабочек размером с ястреба, но таких хрупких, что их можно было обезвредить ударом руки. Они летали вокруг, время от времени хватая небольшие извивающиеся создания и издавая звуки, похожие на звон. Казалось, прямо над Хэмом, хоть в действительности в тридцати милях от него, виднелись Горы Вечности; их вершины тонули в облаках, клубящихся в пятнадцати милях над его головой.

Служка за Пат стала труднее, поскольку часто она шла по голым скалам. Но со временем следы стали свежее — его сила давала ему преимущество. Наконец он заметил девушку у подножия колоссального откоса, рассеченного узким, заполненным деревьями ущельем.

Она осмотрела сначала огромную пропасть, а потом заросшую расщелину, явно прикидывая — позволит она пересечь барьер или нужно будет обходить препятствие. Как и Хэм, она сняла скафандр из трансдермы и сейчас была в рубашке и шортах, то есть обычном костюме в Стране Холода, которая по земным критериям не так уж и холодна. Она похожа на лесную нимфу со склона древнего Олимпа, подумал Хэм.

Он поспешил за ней, когда девушка направилась в глубь каньона.

— Пат! — крикнул он, впервые назвав ее по имени.

— Это ты! — Она с облегчением вздохнула, и глаза ее радостно вспыхнули. — Я думала, что ты... Я старалась тебя найти.

Лицо Хэма не выражало особого энтузиазма.

— Слушай, Патриция Барлингем, — холодно сказал он. — Прощения тебе нет, но я не могу смотреть, как ты идешь прямо навстречу смерти. Ты упряма, но ты женщина, и я забираю тебя в Эротию.

Ее запал остыл.

— Правда, браконьер? Мой отец пересек эти горы, и я тоже смогу это сделать.

— Твой отец пересек их в середине лета, разве не так? А середина лета — сегодня. Тебе не добраться до перевала Безумца раньше, чем за пять дней и двадцать часов, а тогда будет почти зима и ты окажешься возле зоны бурь. Это глупость.

Девушка покраснела.

— Перевал лежит достаточно высоко, чтобы находиться в зоне верховых ветров. Там будет тепло.

— Тепло. Даже жарко от молний.— Хэм помолчал. Слабый отзвук грома прокатился по каньону.— Прислушайся. Через пять дней это будет точно над нами.— Он указал на лишенные растительности склоны.— Даже венерианская жизнь не может здесь удержаться. А может, ты считаешь, что, будучи достаточно дерзкой, имеешь медный лоб и можешь служить громоотводом?

— Лучше молнии, чем ты.

Ну и темперамент, подумал он, а девушка вдруг смягчилась.

— Я пыталась докричаться до тебя,— сказала она без связи с предыдущим.

— Чтобы еще раз посмеяться,— язвительно откликнулся Хэм.

— Нет. Чтобы сказать, что мне очень стыдно и что...

— Твои извинения ни к чему.

— Но я хотела сказать тебе...

— Неважно,— прервал он.— Меня не интересует ни твоё извинение, ни твоё раскаяние. Сделанного не поправить.— Он взглянул на нее сверху вниз.

— Но ведь я...— сказала Пат.

Ее прервал треск и бульканье. Девушка в ужасе вскрикнула, когда взгляду их предстал гигантский пузан. Это был колосс, заполнивший каньон до высоты шести футов и катившийся прямо на них. В Стране Холода пузаны встречались реже, но были гораздо крупнее, поскольку обилие пищи в Тропиках постоянно заставляло их делиться. Этот же был огромен и ужасен: тонны отвратительной, вонючей массы, громоздящейся в узком проходе.

Хэм выхватил свой огнемёт, но девушка схватила его за руку.

— Нет! — воскликнула она.— Он слишком близко и разлетится!

Патриция была права. Их не защищала трансдерма, поэтому контакт с фрагментами этого монстра был бы смертелен, а выброс пламени завалил бы их его останками. Хэм схватил девушку за руку, и они побежали вверх каньона, стараясь огорваться на расстояние, с которого можно будет рискнуть выстрелить, а следом катился пузан, движущийся вслепую в единственно возможном для него направлении — направлении пищи.

Расстояние между ними постепенно увеличивалось. Ущелье, шедшее в юго-западном направлении, резко свернуло на юг, солнце, вечно висевшее на востоке, скрылось, и они оказались в мрачной котловине. Под ногами была голая, литая скала. Добравшись до

этого места, пузан остановился: он не мог двигаться, если запах пищи не указывал ему направления. Смыслом жизни этого огромного чудовища была еда, и лишь кишевшая жизнью Венера позволяла ему жить.

Двое беглецов остановились в тени.

— И что теперь? — буркнул Хэм.

Простой выстрел в тело пузана был невозможен. Из-за неудобного угла выстрел мог уничтожить лишь ту часть пузана, которая находилась в прямой видимости.

Патриция подпрыгнула и сорвала куст, извивавшийся по стене так, чтобы ловить слабые лучи солнца. Девушка бросила растение на пульсирующую массу, и пузан продвинулся вперед на фут или два.

— Заманим его дальше, — предложила Пат.

Они попытались, но ничего не вышло, растительность была здесь слишком скудна.

— Что станет с этим созданием? — спросил Хэм.

— Я видела одного, забравшегося на пустынный берег Тропиков, — ответила девушка. — Довольно долго он весь дрожал, а потом одни клетки атаковали другие. Они поедали друг друга. — Она содрогнулась. — Этот каннибализм был ужасен.

— И долго это продолжалось?

— Сорок, может, пятьдесят часов.

— Я не собираюсь ждать так долго, — буркнул Хэм и принялся копаться в рюкзаке, вытаскивая трансдерму.

— Что ты хочешь делать?

— Надену скафандр и попытаюсь сжечь всю массу выстрелом с близкого расстояния. — Он коснулся своего огнемета. — Это мой последний ствол. — Впрочем, у нас есть твои.

— Зарядная камера моего огнемета лопнула, когда я воспользовалась им часов десять-двенадцать назад, но у меня есть несколько запасных стволов.

— Вот и хорошо, — ответил Хэм.

Он осторожно подкрался к отвратительной, пульсирующей стене белого теста, вытянул руку в сторону, стараясь добиться максимального угла поражения, и нажал на спуск. Выстрел громом прокатился по каньону. Обрывки чудовища падали вокруг, а останки после сожжения многих тонн имели толщину только три фута.

— Ствол выдержал, — триумфально воскликнул Хэм. Это давало значительную экономию времени при новой зарядке.

Спустя пять минут оружие выстрелило снова. Когда масса отвратительной протоплазмы перестала бурлить, ее слой имел всего полтора фута. Однако ствол рассыпался в пыль.

— Давай твой, — сказал Хэм, но тут же озадаченно уставился на девушку. Стволы огнемета, сделанного в Энфилде, оказались слишком малы для его американского оружия.

— Вот идиоты! — воскликнул он.

— Идиоты? — вспыхнула Пат. — Только потому, что вы, янки, используете мортиры вместо стволов?

— Я имел в виду себя. Можно было догадаться. — Хэм пожал плечами. — Что ж, либо мы ждем здесь, пока пузан съест самого себя, либо ищем другой выход из ловушки. Я подозреваю, что каньон кончается тупиком.

— Вполне возможно, — согласилась Пат. — Эта узкая трещина возникла в результате давнего геологического катаклизма, который разорвал горы пополам. Поскольку это не результат водной эрозии, скорее всего она кончается отвесной пропастью, хотя не исключено, что в каком-нибудь месте эти крутые стены можно преодолеть. Времени у нас много, так что можно поискать выход. Кроме того... — Она с отвращением скривилась от вони, шедшей от пузана.

Не снимая скафандра из трансдермы, Хэм пошел следом за Пат в тень. Проход сузился, потом повернул на запад, однако теперь стены были настолько высоки и круты, что солнце, висевшее на юго-востоке, не доходило до Хэма и Пат. Это было место, полное теней, почти как в зоне бурь, отделяющей сумеречный пояс от полушария вечной ночи. Там нет настоящего света или настоящего дня, а царят постоянные сумерки.

Несмотря на загар, ноги Пат казались бледными. Когда она говорила, голос ее звучным эхом отражался от скал. Жуткое место, эта расщелина, мрачное и неприятное.

— Не нравится мне здесь, — сказал Хэм. — Проход все ближе подходит к линии тьмы. Ты понимаешь, что никому не известно, что находится в темных частях Гор Вечности?

Пат рассмеялась.

— Ничего нам тут не грозит. А если вдруг что-нибудь, у нас есть автоматы.

— Отсюда нет выхода, — продолжал Хэм. — Лучше вернуться. Пат остановилась.

— Испугался, янки? — Она понизила голос. — Туземцы говорят, что в этих горах живут призраки. — Она язвительно рассмеялась. — Мой отец говорил, что видел жутких существ на перевале Безумца. Если на ночной стороне Венеры существует жизнь, здесь единственное место, через которое она могла бы вторгнуться в сумеречный пояс. Здесь, в Горах Вечности.

Она пугала его и снова смеялась, но внезапно смех ее сменился ужасным воем, раздавшимся сверху. Теперь и Пат испугалась и побледнела. Они смотрели вверх, на скальные стены, где перемещались таинственные тени.

— Что... что это было? — прошептала она. — Хэм, ты видел?

Хэм видел. Какой-то силуэт мелькнул на фоне клочка неба, прыгая с камня на камень, высоко над ними. И вновь раздалось

уханье, звучавшее как язвительный смех, а размазанные фигуры почти взлетали на крутые склоны.

— Назад! — крикнула девушка. — Быстро!

Когда она повернулась, небольшой черный предмет упал и лопнул со звуком «пуфф» прямо перед ними. Хэм быстро нагнулся. Это был стручок спор какого-то незнакомого растения. Облако пыльцы лениво поднялось над ними, и внезапно оба они начали задыхаться. Хэм почувствовал, что у него кружится голова, а Пат покачнулась и навалилась на него.

— Наркотик! — крикнула она. — Бежим!

Но тут же еще несколько стручков лопнуло рядом, облачка спор поднялись вверх, и дыхание стало мукой. Люди задыхались и одновременно теряли сознание.

Внезапно Хэма осенило.

— Маски! — выдавил он и натянул шлем скафандра на голову.

Фильтры, защищавшие от плесени Тропиков, очистили воздух и от этих новых спор, и вскоре он уже полностью пришел в себя. Однако защитная одежда девушки находилась где-то в глубине ее рюкзака. Она вяло копалась в нем, потом вдруг пошатнулась и опустилась на землю.

— Мой рюкзак, — прошептала она. — Забери его с собой. Твои... твои... — она умолкла, зайдясь в приступе кашля.

Хэм затащил ее под небольшую скальную полку и выдернул из рюкзака скафандр из трансдермы.

— Надень его!

Еще с десятков стручков разбились вокруг них.

Какая-то фигура мелькнула на каменной стене. Хэм проводил ее взглядом, потом направил на нее автомат и выстрелил. Раздался пронзительный, хриплый визг, которому вторил хор нестройных воплей. Животное размером с человека свалилось вниз и с шумом упало в десяти футах от Хэма.

Выглядело оно ужасно. Хэм с отвращением смотрел на это существо, похожее на туземца, трехглазое, двурукое и четвероногое. Руки с двумя пальцами отличались от рук жителей Тропиков тем, что были белыми и заканчивались когтями. Его физиономия — это не плоское, лишенное выражения лицо туземца, а перекошенное, полное злобы, мрачное обличье с большими глазами. Существо еще жило, и взгляд его выражал ненависть. Схватив камень, оно из последних сил бросило его в Хэма, потом сдохло.

Разумеется, Хэм не знал, что встретился с *triops noctivivans*, трехглазым жителем тьмы, странным, полумразумным существом, до сих пор единственным известным живым реликтом, встречающимся в районах Гор Вечности, не освещаемых солнцем. Пожалуй, это самое кроважадное создание, встреченное на известных нам планетах, абсолютно неприступное и наслаждающееся убийством.

Град стручков прекратился, зато зазвучал хор оскорбительных уханий. Хэм воспользовался передышкой, чтобы натянуть шлем скафандра на голову девушки. Он уже почти закончил, когда она потеряла сознание.

Внезапно раздался громкий стук, и камень рикошетом ударил его в плечо. Потом они посыпались густо, пролетая со свистом, как пули. Черные фигуры прыжками перемещались на фоне неба, а их резкий смех звучал издевательски. В одну из них Хэм выстрелил, когда та находилась в воздухе, но сбить существо не удалось.

Камни сыпались градом, они были небольшими, размером с крупный щебень, но летели так стремительно, что ранили тела людей через трансдерму скафандров. Хэм повернул Пат лицом вниз, и девушка слабо застонала, когда один из камней ударил ее по спине. Хэм закрыл ее своим телом.

Ситуация становилась критической. Приходилось рисковать и возвращаться, несмотря на то, что пузан блокировал проход. Возможно, подумал Хэм, закрывшись скафандром, он сумеет пробраться. Конечно, идея была совершенно головоломной, студенистая масса попытается его окружить и задушить внутри себя, но другого выхода Хэм не видел. Подхватив девушку на руки, он бегом бросился вниз по ущелью.

Уханье, вой и каскады язвительного хохота отражались эхом от стен вокруг него. Хэм бежал от града камней, но все же один попал ему в голову, и американец покачнулся, прислонившись к стене расщелины. Потом побежал дальше. До него вдруг дошло, что причиной его упорства была девушка, которую он нес. Он должен спасти Патрицию Барлингем.

Наконец он добрался до поворота. Далеко вверх, на западной стене, виднелась полоса солнечного света, и жуткие преследователи перебрались на затемненную сторону. Они не выносили солнечного света, так что, двигаясь вдоль восточной стены, Хэм был частично защищен от камней.

Очередной поворот блокировал пузан. Приближаясь к нему, Хэм почувствовал тошноту: трое неизвестных существ добрались уже до белой массы и ели — действительно ели! — эту мерзость. При виде Хэма и Пат они с ворчанием обернулись, и он подстрелил двоих. Третий метнулся на стену, но Хэм выстрелил еще раз, и существо с глухим шлепком упало прямо в центр пузана.

Пузан отодвинулся, оставив существо в углублении, образуящем что-то вроде отверстия в белой массе. Даже пузан не хотел есть эти существа *.

* Тогда еще не было известно, что, хотя существа с ночной части Венеры могут поедать и усваивать продукты с дневного полушария, обратного явления не происходит. Ни одно существо с дневного полушария не может употребить продукты с ночного, поскольку в них присутствуют различные отравляющие вещества.

Прыжок неизвестного существа обратил внимание Хэма на узкую скальную полку: можно было подняться на нее и обойти пузана. Задача была почти невыполнимой под градом камней, но другого выхода Хэм не видел. Он положил девушку так, чтобы освободить правую руку, вставил в автомат новый магазин и сделал наугад серию выстрелов в направлении мелькающих вверх теней. На мгновение град камней прекратился, и Хэм рывком втащил Пат на скальную полку. Вновь посыпались камни. Шаг за шагом Хэм скользил вдоль стены, балансируя над обреченным на гибель пузаном. Смерть сверху и смерть снизу... Шаг за шагом он миновал поворот. Здесь обе стены освещало солнцем, и это было спасением, по крайней мере для него. Девушка могла уже умереть, с отчаянием подумал он, неся ее, спотыкаясь и скользя на слизи, оставленной пузаном. Отойдя на безопасное расстояние и выйдя на солнце, Хэм сорвал маску ее скафандра, глядя на белое, мраморно-холодное лицо Пат.

Однако это была не смерть, а лишь оцепенение, вызванное действием наркотиков. Час спустя девушка пришла в себя. Она по-прежнему была слаба, шокирована и перепугана. Ее первый вопрос был о рюкзаке.

— Он здесь, — ответил Хэм. — Что за сокровища ты там держишь? Записки?

— Мои записки? О, нет! — слабый румянец покрыл щеки девушки. — Это... я пыталась тебе сказать... это твой ксикстхил!

— Не шути так!

— Но я действительно не выбросила его, он принадлежит тебе по праву, Хэм. Масса английских факторов торгует в американской зоне. Я просто распорота твой мешочек и спрятала ксикстхил в своем рюкзаке. А плесень на земле была парой веток, которые я туда бросила, чтобы создать видимость правды.

— Но... но... почему?

Ее румянец усилился.

— Я хотела тебя наказать, — прошептала Пат. — Ты был такой холодный, равнодушный и надменный.

— Я? — Хэм был вне себя от обиды. — Это ты была такой!

— Да, но только сначала. Все-таки ты ворвался в мой дом. Но потом, когда ты перенес меня через грязь... Хэм, тогда все изменилось.

Хэм проглотил слюну и вдруг схватил девушку за плечи.

— Не будем спорить, кто тут виноват, — сказал он, — но об одном условимся на месте. Мы идем в Эротию и там поженимся в солидной американской церкви, если ее уже построили, или в солидной американской мэрии. И больше никаких разговоров о перевале Безумца и переходе через Горы Вечности. Ясно?

Пат взглянула на далекие вздымающиеся вершины и вздрогнула.

— Ясно, — покорно ответила она.

ЛОТОФАГИ

— Фью! — свистнул Хэм Хэммонд, выглядывая в наблюдательный иллюминатор с правой стороны корабля. — Ну и место для медового месяца!

— Не нужно было жениться на биологе, — бросила через плечо миссис Хэммонд, однако Хэм заметил ее серые глаза, отражающиеся в стекле иллюминатора.

— И на дочери первооткрывателя тоже, — добавила Пат, всего четыре недели назад носившая фамилию Бармингем и бывшая дочерью известного англичанина, узнавшего о сумеречном поясе Венеры не меньше американца Кроули.

— Я женился не на биологе, — заметил Хэм, — а на девушке, которая случайно интересуется биологией, вот и все. Это один из немногих ее недостатков.

Он уменьшил тягу, и ракета начала мягко опускаться на огненной подушке в направлении расстилающегося внизу темного пейзажа. Медленно, осторожно вел он вниз неуклюжую машину, пока не почувствовал слабое сотрясение. Хэм тут же отключил тягу, палуба под ним слегка накренилась, а когда стих рев двигателей, на супругов опустилась тишина.

— Мы на месте, — возвестил Хэм.

— Да, прибыли, — согласилась Пат. — И где же это место?

— Мы ровно в семидесяти пяти милях к востоку от Барьера, недалеко от Венобла, в Британской Стране Холода. К северу, если не ошибаюсь, находится продолжение Гор Вечности, а к югу — Бог знает что. То же самое и с востоком.

— Это отличное, детальное описание забытой Богом дыры, — засмеялась Пат. — Включим свет и посмотрим на эту дыру.

Она включила подсветку иллюминаторов, и они появились в темноте, как круги слабого света, отраженного от поверхности планеты.

— Предлагаю, чтобы Совместная Экспедиция отправилась в наблюдательный купол с целью внимательного изучения окрестностей. Мы здесь с исследовательскими целями, так что немного исследований не повредит.

— Вторая половина Совместной Экспедиции согласна, — рассмеялся Хэм.

Его веселила развязность, с которой Пат относилась к серьезным исследовательским задачам. Оба они составляли «Совместную Экспедицию Королевского Общества и Смитсоновского Института с Целью Изучения Условий На Темной Стороне Венеры», если пользоваться полным названием.

Разумеется, сам Хэм, формально представлявший американскую сторону, участвовал в экспедиции лишь потому, что Пат не хотела

и слышать о ком-нибудь другом, но это именно к ней обращались с вопросами, предложениями и инструкциями бородатые члены Общества и Института.

Так и должно было быть, поскольку именно Пат являлась ведущим авторитетом в области флоры и фауны венерианских Тропиков, а кроме того — первым человеком, рожденным на Венере. Хэм же был простым инженером, которого привела на Венеру мечта быстро разбогатеть на торговле ксикстхилом.

Именно там он познакомился с Патрицией Барлингом и, после полного приключений путешествия к подножию Гор Вечности, добился ее благосклонности.

Они поженились неполный месяц назад в американском поселке Эротии, а потом пришло предложение отправиться на темную сторону.

Хэм не хотел этого путешествия. Ему хотелось провести настоящий медовый месяц в Нью-Йорке или Лондоне, но с этим возникли трудности. Главная из них была астрономической природы: Венера прошла свой перигей и только через восемь месяцев медленное движение вокруг Солнца должно было привести ее в точку, откуда ракета могла добраться до Земли.

Восемь месяцев в примитивных пионерских условиях Эротии или в не менее примитивном Венобле, если бы они выбрали британское поселение, — никаких развлечений, кроме охоты и нескольких книг, без радио и театра. А уж если они обречены на охоту, убеждала Пат, почему бы не добавить к этому сильных ощущений и неизвестных опасностей?

Никто не знал, существует ли на темной стороне планеты жизнь: лишь немногие вообще видели эту сторону, да и те смотрели с ракет, скользящих над широкими горными цепями или скованными льдом бескрайними океанами. И вот представилась возможность выяснить эту тайну и изучить ее, к тому же за счет государства.

Личную ракету мог бы построить и снарядить только мульти-миллионер, но Королевское Общество и Смитсоновский Институт, распоряжающиеся государственными средствами, были выше таких забот. Конечно, могли встретиться опасности и леденящие кровь в жилах приключения, зато молодые наконец-то могли остаться одни.

Этот последний аргумент убедил Хэма. Они провели две напряженные недели, загружая ракету запасами продовольствия и снаряжения, пролетели высоко над ледяным барьером, ограничивающим сумеречный пояс, и поспешно миновали зону бурь, где встречаются холодный низовой ветер с темной стороны и верховые теплые ветры, дующие над пустынными районами планеты.

Венера не вращается вокруг своей оси, и потому на ней нет сменяющих друг друга дней и ночей. Одну сторону ее постоянно освещает

шает солнце, другая же вечно темная, и только медленная вибрация планеты дает сумеречному поясу некоторое подобие времен года. Этот пояс — единственная пригодная для жизни часть Венеры — с одной стороны переходит через Тропики в раскаленную пустыню, а с другой кончается ледяным барьером, где верховые ветры отдают свою влагу холодному воздуху низового ветра.

Супруги стояли, прижавшись друг к другу, на верхней ступени лестницы, ведущей в небольшой стеклянный наблюдательный купол, находящийся над пультом управления; их головы с трудом помещались в нем. Хэм обнял девушку, и они вместе смотрели на расстилающийся перед ними пейзаж.

Далеко на западе продолжался вечный рассвет или, может, закат солнца, и свет его отражался от ледяного барьера. Горы Вечности, словно огромные колонны, вздымались вверх на фоне этого света, а их могучие вершины терялись в верхнем слое облаков на высоте двадцати пяти миль. Чуть южнее находился массив Малых Гор Вечности, являющихся границей американской части Венеры, а между обоими хребтами непрерывно сверкали молнии.

Вокруг ракеты, слабо освещенной отраженным солнечным светом, раскинулся пейзаж темного и дикого великолепия. Повсюду был лед — ледяные горы, пики, равнины, валуны и скалы, все сияющее от зарева, идущего от барьера. Мир без движения, скованный морозом и бесплодный, куда не доносилось завывание низового ветра, поскольку ледяной барьер защищал его от Страны Холода.

— Это... великолепно,— пробормотала Пат.

— Да,— согласился Хэм.— Холодное, мертвое, но все-таки грозное. Пат, ты думаешь, здесь есть какая-то жизнь?

— Должна быть. Если жизнь существует на таких телах, как Титан и Япет, она должна быть и здесь. Какая там температура? — Она взглянула на термометр, размещенный снаружи башенки; его столбик и цифры светились собственным светом.— Всего тридцать градусов ниже нуля по шкале Фаренгейта. На Земле при такой температуре существует жизнь.

— Да, действительно. Но она не могла бы развиваться при температуре ниже точки замерзания воды. Жизнь должна находиться в жидкой воде.

Пат тихо рассмеялась.

— Ты говоришь с биологом, Хэм. Нет, жизнь не могла бы возникнуть при тридцати градусах ниже нуля, но что, если она появилась в сумеречном поясе и перебралась сюда? Или, скажем, была загнана сюда после проигранной битвы за пребывание в более теплых районах? Ты хорошо знаешь, каковы условия в Тропиках, где есть плесень, пузаны, деревья Джека-Хватателя и миллионы различных паразитов, поедающих друг друга.

Хэм задумался.

— А какого рода жизнь ты ожидаешь здесь встретить?

Она расхохоталась.

— Ты хочешь прогноз? Хорошо. Для начала, пожалуй, нужна какая-нибудь растительность, как база, поскольку фауна не может поедать друг друга, не имея дополнительного источника энергии. Как в той истории о кошачьей ферме, владелец которой разводил крыс, чтобы кормить кошек, а содрав с них шкуру, бросал мясо крысам, которыми потом кормил кошек. Это хорошо на словах, но на деле ничего не получается.

— Итак, должны быть растения. Что дальше?

— Дальше? А Бог его знает. Фауна темной стороны, если вообще существует, вероятно, происходит от слабых форм жизни сумеречного пояса, но во что она могла здесь превратиться, я угадать не могу. Разумеется, нельзя забывать о трехглазом, *triops noctivivans*, которого я обнаружила в Горах Вечности...

— Ты обнаружила! — рассмеялся Хэм. — Ты лежала без чувств, когда я выносил тебя из этого обиталища дьяволов. Ты даже не видела ни одного из них!

— Я изучила одного мертвого, которого охотники принесли в Венобл, — парировала девушка. — И не забывай, что Общество хотело дать ему мое имя — *triops Patriciae*. — Пат невольно вздрогнула, вспомнив дьявольских существ, едва не лишивших их жизни. — Однако я выбрала другое название — *triops noctivivans* — трехглазый обитатель темноты.

— Слишком романтическое название для этой адской твари!

— Да, но я хотела сказать, что... возможно, трехглазые относятся к существам, которых можно найти здесь, на темной стороне, и что бешеные дьяволы, атаковавшие нас в ущелье Гор Вечности, были передовым дозором, изучающим сумеречный пояс через проходы в горах, лишенные солнечного света. Они не выносят света — ты сам это видел.

— И что с того!

Она засмеялась.

— А то, что по их строению: шесть конечностей, три глаза и так далее, следует, что триопы — родственники коренных жителей Тропиков. Отсюда вывод, что на темной стороне они недавно; они возникли не здесь и попали сюда довольно поздно, разумеется, в геологическом смысле. Вообще-то, «геологический» — не то слово, поскольку «гео» — это земля. Нужно было сказать «в венерологическом смысле».

— А вот и нет. Ты поменяла греческий корень на латинский. Нужно было сказать «в афродизиологическом смысле».

Пат снова рассмеялась.

— Чтобы закончить спор, скажем в «палеонтологическом смысле», это звучит лучше. Во всяком случае, я имела в виду, что триопы

живут на темной стороне от двадцати до пятидесяти земных лет или даже меньше — ведь мы же ничего не знаем о скорости эволюции на Венере. Может, она идет здесь быстрее, чем на Земле, а может, триоп приспособлялся к жизни в ночи пять тысяч лет.

— Я видел студентов, которые приспособлялись к ночной жизни за один семестр,— усмехнулся Хэм.

Пат игнорировала это замечание.

— И потому,— продолжала она,— я считаю, что здесь существовала жизнь до того, как явился трехглазый,— он должен был что-то есть, иначе не выжил бы. А поскольку мои исследования показали, что он частично плотояден, здесь должна быть не просто жизнь, но фауна. Вот и все, если говорить о чисто логической части доказательства.

— Значит, ты не можешь угадать, что это за животные. Может, у них есть разум?

— Не знаю. Возможно. Однако, несмотря на уважение, которое вы, янки, испытываете к разуму, биологически он не имеет большого значения. Нет в нем особой ценности, и если говорить о выживании.

— Как ты можешь это говорить, Пат? Что, если не разум, дало людям власть над Землей и Венерой?

— А разве человек — хозяин Земли? Послушай, что я думаю о разуме, Хэм. Мозг гориллы гораздо лучше мозга черепахи, верно? А кому из них повезло больше: горилле, живущей лишь в небольшом районе Африки, или черепахе, которую можно встретить повсюду, от арктических районов до Антарктиды? Если же говорить о человеке... Найдись кто-нибудь с глазами как микроскоп, чтобы видеть всех живых созданий на Земле, он решил бы, что человек всего лишь редкий вид, а планета принадлежит нематодам или червям, поскольку черви значительно превосходят числом все остальные формы жизни вместе взятые.

— Пат, но это же не преобладание!

— А я этого и не утверждаю. Я только сказала, что разум не имеет большой ценности для выживания. Если мы решим, что он важен, то почему насекомые, не имеющие ничего, кроме инстинкта, так досаждают человеку? Мозги у людей лучше, чем у вредителей кукурузы или моли, однако они бьют наш разум единственным своим оружием — чудовищной плодовитостью. Понимаешь ли ты, что каждый раз, когда рождается ребенок (если этого не уравнивает чья-нибудь смерть), его можно прокормить единственным способом — отняв пропитание у такого числа насекомых, чья общая масса равна массе ребенка?

— Все это звучит весьма разумно, но как это связано с разумом на темной стороне Венеры?

— Не знаю,— ответила Пат, и голос ее при этом звучал удив-

тельно нервно.— Я только думаю... Взгляни на это чуть иначе, Хэм. Ящерица разумнее рыбы, но не настолько, чтобы получить какое-то преимущество. Почему в таком случае ящерица и ее потомки развили в себе разум? Да потому, что сама Природа стремится к разуму... А если это так, значит, разум может быть даже здесь — странный, чужой, непонятный разум.— Она вздрогнула в темноте, прижавшись к Хэму.— Впрочем, неважно,— продолжала она уже другим тоном.— Все это лишь химеры. Мир снаружи настолько странен, настолько чужд нам... Я устала, Хэм, это был длинный день.

Он спустился за ней внутрь ракеты. Когда погасли огни, игравшие на неземном пейзаже, Хэм видел уже только Пат, прелестную в скудном наряде, модном в Стране Холода.

— Итак, подождем завтра,— сказал он.— Продуктов у нас на три недели.

«Завтра», разумеется, означало только определенное время, а не свет дня. Когда они проснулись, снаружи царила та же тьма, которая вечно окутывает неосвещенную половину Венеры, все с тем же вечным зеленым закатом на горизонте. Однако Пат была в лучшем настроении и бодро занялась подготовкой к первому выходу наружу. Она достала арктические скафандры из покрытой резиной шерсти толщиной в дюйм, а Хэм, как инженер, тщательно осмотрел шлемы, снабженные короной сильных ламп.

Они предназначались главным образом для освещения, но могли использоваться еще для одной цели. Известно было, что невероятно дикие трехглазы не выносят света, и таким образом, используя все четыре снопа света, падающие из шлема, можно было двигаться в окружении охранного светового барьера. Впрочем, это не помешало включить в снаряжение два окислированных автоматических пистолета и два огнемета страшной разрушительной силы. Пат взяла свою сумку, куда собиралась складывать все образцы встреченной флоры и фауны, если они окажутся небольшими и в меру опасными.

Переглянувшись, они улыбнулись друг другу.

— Ты во всем этом настоящая толстуха,— ехидно заметил Хэм и весело улыбнулся, когда Пат гневно скривилась.

Отвернувшись, она широко открыла дверь и вышла наружу.

Все там выглядело иначе, нежели в свете иллюминатора. Тогда вся сцена казалась нереальной, неподвижной и тихой, как на картине, а сейчас она окружала их на самом деле, а холод и жалобный голос ветра давали достаточно доказательств того, что мир этот реален. Некоторое время люди стояли в круге света, падающего из иллюминатора корабля, восхищенно глядя на горизонт, где невероятно высокие вершины Больших Гор Вечности вздымались как гигантские башни на фоне фальшивого заката.

Во все стороны, насколько было видно без солнца, луны и звезд, расстилалась пустая, покрытая глыбами льда и камней равнина, на которой вершины, минареты, шпили и пики из льда и камня поднимались в фантастических формах, которые невозможно описать.

Хэм обнял Пат рукой и с удивлением почувствовал, что девушка дрожит.

— Тебе холодно? — спросил он, глядя на диск термометра на запястье. — Всего тридцать шесть ниже нуля.

— Это не холод, — ответила Пат, — а эта картина. — Она отодвинулась. — Интересно, что удерживает тепло в этом месте? Казалось бы, без солнечного света...

— Тут-то и таится ошибка, — прервал ее Хэм. — Любой техник слышал о диффузии газов. Верховые ветры движутся над нами на высоте всего пяти или шести миль и, разумеется, несут с собой много тепла из пустыни, лежащей за сумеречным поясом. Происходит некоторое проникновение теплого воздуха в холодный, а кроме того, когда теплые ветры остывают, они опускаются. Более того, большое значение имеет при этом рельеф района. — Он умолк, задумавшись, потом продолжал: — Слушай, я вовсе не удивлюсь, если мы найдем недалеко от Гор Вечности нисходящий воздушный поток, где верховые ветры двигались бы вдоль склона и в некоторых местах создавали вполне терпимый климат.

Он пошел следом за Пат, которая бродила среди камней на краю круга света, падающего из ракеты.

— Ха! — воскликнула она. — Вот он, Хэм! Вот экземпляр растительности темной стороны. — Девушка наклонилась над серой клубневидной массой. — Лишайник или гриб, — продолжала она. — Листьев, конечно, нет; они нужны только при солнечном свете. По той же причине нет хлорофилла. Очень примитивное растение и все-таки — в некотором смысле — сложное. Смотри, Хэм, высокоразвитая система циркуляции.

Он наклонился ближе и в бледно-желтом свете из иллюминатора заметил тонкую сеть жилок.

— Это может указывать, — продолжала Пат, — на существование какой-то формы сердца и... интересно! — Она быстро прижала свой дисковый термометр к мясистой массе, подержала немного, а затем взглянула на него. — Да! Смотри, как передвинулась игла. Это существо теплокровное. Если хорошенько об этом подумать, тут нет ничего странного, поскольку это единственный вид растительности, который может жить в районах с температурой ниже точки замерзания воды. Для жизни необходима жидкая среда.

Она потянула растение, которое оторвалось с глухим чмокающим звуком, а из обрывка корня брызнули капли темной жидкости.

— Фу! — скривился Хэм. — Что за мерзость! «И оторвал крова-точающий корень мандрагоры», не так ли? Вот только тот кричал,

когда его вырывали.— Он замолчал. Из дрожащей массы донеслось низкое, пульсирующее причитание, и Хэм удивленно взглянул на Пат.— Фу!— снова скривился он. — Омерзительно.

— Омерзительно? Да это чудесный организм! Он идеально приспособлен к окружающему.

— В таком случае я рад, что являюсь инженером, — заметил он, глядя, как Пат открывает люк ракеты и кладет растение на расположенный внутри резиновый коврик.— Пойдем погуляем.

Пат закрыла дверь и пошла за ним. Ночь немедленно окружила их как черный туман, и только оглядываясь на светящиеся иллюминаторы ракеты, они могли убедиться, что стоят на поверхности реального мира.

— Может, стоит зажечь лампы наших шлемов?— спросил Хэм.— Иначе мы рискуем споткнуться и упасть.

Однако не успели они шевельнуться, как сквозь стоны ветра услышали новый звук — дикий, яростный, нечеловеческий крик, похожий на смех, вой, плач и угрюмый хохот.

— Это триопы!— воскликнула Пат.

Она на самом деле испугалась; обычно смелостью она не уступала Хэму, а склонностью к риску даже превосходила его, но эти жуткие звуки вызвали в памяти мучительные минуты, когда оба они попали в ловушку в ущелье Гор Вечности. Испугавшись, она одинаково торопливо и так же безуспешно искала выключатель света и пистолет.

Хэм включил свои прожектора, когда вокруг них уже засветили камни, а один из них больно ударил его в плечо. Четыре снопа света крестом легли на блестящие пригорки, и дикий смех сменился крещендо боли. На мгновение Хэм заметил темные фигуры, срывающиеся с пиков и граней глыб и исчезающие в темноте, как призраки, после чего наступила тишина.

— Ох! — выдохнула Пат.— Я так... боялась... Хэм. Но теперь у нас есть доказательства. *Triops noctivivans* действительно творения ночной стороны планеты, а те, которых мы встретили в горах, были передовыми отрядами или группами, проникшими в ущелья, не освещаемые лучами солнца.

Где-то вдали раздался громовой смех.

— Интересно,— вслух подумал Хэм,— служит ли их хохот чем-то вроде языка?

— вполне возможно. В конце концов жители Тропиков разумны, а эти существа их родственники. Кроме того, они бросают камни и используют те стручки, которыми забросали нас в ущелье. Кстати, они должны быть плодами какого-то растения с ночной стороны. Триопы несомненно разумны, но эти бестии настолько неприступны, что сомневаюсь, узнают ли люди когда-нибудь о их разумности или языке.

Хэм согласился с ней, тем более что удачно брошенный камень, ударившись о ледяной шпиль в нескольких шагах от них, осыпал все вокруг сверкающими осколками. Хэм покачал головой, заливая равнину потоками света из ламп на шлеме, и из темноты доносился жуткий хохот.

— Слава Богу, свет держит их на расстоянии, — буркнул он. — Прелестные подданные Его Королевского Величества *, верно? Боже, храни короля, если у него таких много!

Пат вновь занялась поиском образцов. Она уже включила свои прожектора и ловко пробиралась между фантастическими обелисками этой странной удивительной равнины. Хэм пошел за ней следом, глядя, как она отрывает от скал кровоточащие и постанывающие образцы растений. Она нашла с дюжину разновидностей и одно маленькое извивающееся создание в виде сигары, которое разглядывала с удивлением, не в силах понять — растение это, животное или еще что-то другое. В конце концов сумка для образцов заполнилась до самых краев, и оба направились к ракете, иллюминаторы которой светили издалека, как ряд вглядывающихся в них глаз.

Однако, открыв дверь, чтобы войти внутрь, они испытали потрясение. Оба отпрянули, когда изнутри пахнуло в лицо теплым, душным, гнилым воздухом, не пригодным для дыхания и насыщенным запахом падали.

— Что... — прохрипел Хэм, а потом расхохотался. — Твоя мандрагора! — смеялся он. — Взгляни на нее!

Растение, которое они оставили внутри корабля, превратилось в бесформенную полуразложившуюся массу. В теплом воздухе оно быстро стало полужидким, растекшись по резине. Пат вытащила коврик и выбросила наружу.

Они вошли во все еще воняющую ракету, и Хэм включил вентилятор. Воздух, который он гнал, был, разумеется, холодным, но чистым, стерильным и свободным от пыли после пятитысячемильной дороги над замерзшими океанами и горами. Хэм захлопнул дверь, включил обогреватель и опустил забрало, чтобы взглянуть на Пат.

— И это твой чудесный организм! — рассмеялся он.

— Это был чудесный организм, Хэм. Какие могут быть претензии — ведь его подвергли действию температуры, которой он никогда не испытывал. — Она вздохнула и бросила на пол свою сумку для образцов. — Думаю, придется их немедленно обработать, раз уж они так плохо сохраняются.

Хэм что-то буркнул и занялся приготовлением пищи, делая

* Пат и Хэм находились на британской территории на широте Венобла. Международный конгресс в Лисле, состоявшийся в 2020 году, разделил права на темную сторону между государствами, владеющими территориями на Венере, выделив каждому из них клин, тянущийся от сумеречного пояса до точки на планете точно по другую сторону Солнца в середине осени.

это с профессионализмом истинного жителя Тропиков. Он взглянул на Пат, которая, склонившись над своими образцами, впрыскивала им раствор двухлорида.

— Ты считаешь, что трехглазый — высшая форма жизни на темной стороне? — спросил он.

— Несомненно, — ответила Пат. — Если бы здесь существовала какая-то высшая форма, она давно истребила бы этих диких дьяволов.

Однако она ошибалась.

В течение четырех дней Пат и Хэм использовали все возможности, какие давала им волнистая местность вокруг ракеты. Пат собрала различные образцы, а Хэм провел множество наблюдений за температурой, ариациями магнитного поля, направления и скорости холодного ветра.

Затем они свернули лагерь, и ракета стартовала на юг, к месту, где, как предполагалось, огромные и таинственные Горы Вечности возвышались над ледяным барьером и морозным миром ночной стороны. Они летели медленно, уменьшив скорость до пятидесяти миль в час, поскольку пользовались лишь передним прожектором, освещавшим торчащие пики.

Дважды они останавливались, и каждый раз им хватало дня или двух, чтобы определить, что район напоминает первую стоянку. Те же самые жилковатые, клубневидные растения, тот же вечный низовой ветер, тот же хохот кровожадных трехглазых.

Однако в третий раз оказалось иначе. Они приземлились на диком и мрачном плоскогорье у подножия Больших Гор Вечности. Далеко на запад половина горизонта по-прежнему светилась фальшивым закатом солнца, скрытая от глаз огромными вершинами хребта, вздымавшегося к черным небесам на высоту двадцати пяти миль. Горы, конечно, были невидимы в этом краю вечной ночи, но двое людей в ракете ощущали могучее соседство этих невероятно высоких вершин.

Мощь Гор Вечности действовала на них еще и другим способом. Район этот был теплым, конечно, не так, как сумеречный пояс, но гораздо теплее, чем находящаяся внизу равнина. Термометры показывали ноль с одной стороны ракеты и плюс пять градусов с другой. Гигантские вершины, поднимающиеся до уровня верховых ветров, вызывали возникновение вихрей и ложных течений, которые отводили вниз теплый воздух, смягчая холодное дуновение низового.

Хэм мрачно смотрел на видимое в свете ракеты плоскогорье.

— Не нравится мне здесь, — буркнул он. — Я никогда не любил этих гор, особенно с тех пор, как ты свалила дурака, собираясь пересечь их в Стране Холода.

— Сваляла дурака?— переспросила Пат.— А кто дал название этим горам? Кто пересек их? Кто их открыл? Мой отец, вот кто!

— И ты решила, что они принадлежат тебе.— парировал Хэм,— и нужно только свистнуть, чтобы они упали к твоим ногам и начали ластиться, а Перевал Безумца превратится в парковую аллею? В результате, если бы я не оказался на месте и не вытащил тебя, ты была бы сейчас кучкой чисто обглоданных костей, лежащих в ущелье.

— Эх ты, пугливый янки!— бросила она.— Я иду наружу осмотреться.— Натянув скафандр, Пат направилась к двери, но на пороге остановилась. — А... может, ты тоже пойдешь?

Хэм усмехнулся.

— Разумеется! Я хотел только, чтобы ты это сказала.— Он переоделся в полярный костюм и пошел следом за женой.

На сей раз снаружи было по-другому. На первый взгляд плоскогорье являло собой ту же мрачную дикость льда и камня, которую они встретили на расположенной внизу равнине. Здесь были выветренные скалы самых фантастических форм, а дикий пейзаж, поблескивающий в свете шлемных ламп, походил на тот, который они видели прежде.

Однако мороз был здесь не таким пронзительным; по мере подъема становилось теплее, а не холоднее, как на Земле, поскольку температура повышалась по мере приближения к зоне верховых ветров. Кроме того, здесь меньше докучал низовой ветер, разбитый могучими вершинами на слабые дуновения.

Растительность тоже стала богаче. Повсюду виднелись жилковатые и клубневидные массы, и Хэму пришлось ступать осторожно, чтобы не повторить неприятного опыта, когда он наступил на одно из них и услышал стон боли. Пат со своей стороны не испытывала никаких угрызений совести, уверяя, что это всего лишь тропизм, что образцы, которые она вырвала и препарировала, испытывали не больше боли, чем яблоко, когда его едят, и что в конце концов биолог должен быть биологом.

Где-то среди пиков раздался скрежещущий, язвительный смех трехглазых, и Хэму несколько раз казалось, что на границе досягаемости света шлемов он замечает фигуры этих демонов тьмы. Но даже если так оно и было, свет удерживал их на безопасном расстоянии и ни один камень не пролетел рядом с людьми.

И все же было довольно жутковато идти вперед посреди движущегося пятна света; все время казалось, что за пределами видимости таятся Бог знает какие странные и невероятные создания, хотя рассудок убеждал, что такие монстры не остались бы незамеченными.

Лучи прожекторов остановились на ледяном вале, насыпи или нависи, тянувшемся вправо и влево поперек их пути.

Пат вдруг указала в ту сторону.

— Смотри!— воскликнула она, удерживая свет прожектора в одном месте.— Пещеры во льду или, скорее, норы. Видишь?

Хэм заметил черные отверстия размером с клапан водосточной трубы, целый ряд которых находился у основания ледяного вала. Что-то темное со смехом промчалось вверх по скользкому склону и исчезло — трехглазый. Неужели это их жилища? Хэм пригляделся внимательнее.

— Там что-то есть!— шепнул он Пат.— Смотри! Перед половиной отверстий что-то лежит — может, просто камни, блокирующие вход?

Они осторожно приблизились, держа в руках оружие. Ничто больше не шевелилось, но в усиливающемся свете эти предметы все меньше напоминали камни, и скоро стали видны жилки и мясистая клубневидность живых существ.

Впрочем, эти создания были каким-то новым видом. Хэм разглядел ряд похожих на глаза пятен, а под ними клубок ног. Существо походило на перевернутые корзины, примерно того же размера и формы, покрытые жилами, дряблые и без особых примет, если не считать глазных пятен. Теперь можно было даже заметить полупрозрачные веки, которые закрывались явно для того, чтобы защитить глаза от болезненного света.

Люди находились всего в двадцати футах от одного из существ. Поколебавшись, Пат двинулась прямо к неподвижной фигуре.

— Ого! — сказала она.— Это что-то новое, Хэм. Привет, старик!

В следующую секунду оба остановились как вкопанные, удивленные, совершенно ничего не понимающие. Высокий, клекочущий голос, идущий как будто от пленки, расположенной наверху создания, произнес:

— Привет, старик!

Воцарилась тревожная тишина. Хэм держал в руке свой пистолет, но даже если бы потребовалось им воспользоваться, не сумел бы ничего сделать, забыв об оружии. Вообще, его словно парализовало. Пат наконец заговорила.

— Это... это невозможно,— сказала она слабым голосом.— Это тропизм. Это создание просто отражает звуки, которые до него доходят. Разве не так, Хэм? Разве не так?

— Я... я... ну, разумеется!— Он разглядывал глаза, закрытые веками.— Так и должно быть. Слушай!— Он наклонился вперед и крикнул «Привет!» прямо в сторону создания.— Сейчас оно ответит.

И существо ответило.

— Это не тропизм,— зачекотало оно пискливым, но идеальным английским языком.

— Это не эхо!— Пат говорила с трудом и пятилась все дальше.— Я боюсь!— пискнула она, таща Хэма за руку.— Бежим, быстро! Хэм задвинул ее за себя.

— Может, я и боязливый янки,— буркнул он,— но собираюсь допросить этот живой граммофон, чтобы узнать, что или кто приводит его в движение.

— Нет! Нет, Хэм! Я боюсь!

— Он не выглядит опасным,— заметил он.

— Опасности нет,— согласилось существо на льду.

Хэм сглотнул слюну, а Пат испуганно вскрикнула.

— Кто... кто ты?— спросил Хэм дрожащим голосом.

Ответа не было. Глаза с веками неподвижно смотрели на него.

— Кто ты?— попробовал он еще раз.

И снова нет ответа.

— Откуда ты знаешь английский?— продолжал спрашивать Хэм.

— Не знаешь английский,— заклекотал голос.

— Тогда... гм... почему ты говоришь по-английски?

— Ты говоришь по-английски,— логично объяснило создание.

— Я спрашиваю не почему, а каким образом?

К этому времени Пат уже частично справилась со своим испугом, и ее мозг нашел решение.

— Хэм,— прошептала она,— это существо использует слова, которыми пользуемся мы. А значение их узнает от нас.

— Значение узнает от вас,— подтвердило существо.

Хэма вдруг осенило.

— О Боже!— воскликнул он.— Значит, мы можем расширить его словарь.

— Вы говорить, я говорить,— предложило существо.

— Ну конечно! Понимаешь, Пат? Мы можем говорить, что угодно...— Он задумался.— Что бы ему... «Когда в течение наших дел...»

— Умолкни, янки!— оборвала его Пат.— Мы на британской территории! «Быть или не быть — вот в чем вопрос...»

Хэм улыбнулся и замолчал, а когда Пат умолкла, не зная, что говорить дальше, принял от нее эстафету: «Жили однажды три медведя...»

Так они говорили по очереди, и вдруг до Хэма дошло, что вся ситуация фантастически абсурдна — Пат рассказывает сказку о Красной Шапочке лишенному чувства юмора существу с ночной стороны Венеры! Он внезапно расхохотался, и девушка удивленно уставилась на него.

— Расскажи ему сказку о бродяге и дочке крестьянина!— сказал он, задыхаясь от смеха.— Посмотрим, улыбнется ли он хоть раз!

Пат подхватила его смех.

— Однако вопрос действительно серьезен,— сказала она наконец.— Представь себе, Хэм! Разумная жизнь на темной стороне. А ты действительно разумен?— обратилась она к созданию на льду.

— Я разумен,— заверило оно.— Я разумно разумен.

— По крайней мере, ты превосходный лингвист,— сказала девушка.— Хэм, ты когда-нибудь слышал, чтобы английский изучали за полчаса? Подумай об этом!— Страх ее совсем прошел.

— Что ж, воспользуемся этим,— предложил Хэм.— Как тебя зовут, дружище?

Ответа не было.

— Разумеется,— вставила Пат.— Он не может сказать нам свое имя, пока мы не произнесем его по-английски, а мы не можем этого сделать, потому что... Ну, хорошо, в таком случае назовем его Оскар, этого хватит.

— Пусть будет так. Кто ты, Оскар?

— Я человек.

— Что? Разрази меня гром, если это правда!

— Такие слова ты сказал мне. Для меня я человек для тебя.

— Подожди-ка. «Для меня я...» Я понял, Пат. Он хочет сказать, что единственные слова, которые у нас есть для определения того, кем он себя считает, это «человек». Ну, хорошо, в таком случае как называется твой народ?

— Люди.

— Я имею в виду твою расу. К какой расе ты относишься?

— К расе людей.

— Уф!— тяжело вздохнул Хэм.— Попробуй ты, Пат.

— Оскар,— сказала девушка,— ты человек. Ты млекопитающее?

— Для меня человек млекопитающее для тебя.

— О Боже!— Она попыталась еще раз.— Оскар, как размножается твоя раса?

— У меня нет подходящих слов.

— Вы рождаетесь?

Странное лицо или же тело существа без лица слегка изменилось. Полупрозрачные веки, защищающие его многочисленные глаза, покрылись еще более толстыми заслонками; это выглядело так, словно существо задумчиво сморщило лоб.

— Не рождаемся,— заклекотало оно.

— Тогда, может... семена, споры, партеногенез? Или же деление?

— Споры,— пропищало таинственное создание,— и деление.

— Но ведь...— Она умолкла, и в тишине они услышали зловеющий вой трехглазого где-то далеко слева. Люди повернулись, взглянули и в ужасе отступили. Там, куда едва доставал сноп света, один из хохочущих дьяволов подхватил и унесил что-то, несом-

ненно, бывшее одним из пещерных созданий. Остальные же, еще более усиливая ужас положения, продолжали все так же сидеть перед своими ямами.

— Оскар! — крикнула Пат. — Одного из вас схватили!

Она умолкла на полуслове, прерванная громом револьвера, но выстрел оказался неудачным.

— О-о! — простонала девушка. — Это дьяволы! Они схватили одного! — Существо, находившееся перед ней, молчало. — Оскар! — крикнула Пат. — Неужели это тебе безразлично? Они убили одного из вас, ты понимаешь это?

— Да.

— Но... неужели это не имеет для тебя никакого значения? — Пат испытывала что-то вроде человеческого сочувствия к этим существам. — Тебя это вообще не касается?

— Да.

— Но что эти дьяволы делают с вами? Почему вы позволяете им убивать себя?

— Они едят нас, — спокойно сказал Оскар.

— О! — От ужаса у Пат перехватило дыхание. — Но... почему вы не... — Она замолчала, потому что существо начало медленно и методически отползать к своей норе.

— Подожди! — крикнула девушка. — Они сюда не придут. Наши фонари...

— Холодно, — донесся до нее ответ. — Я уйду из-за холода. Стало тихо.

Действительно стало холоднее, участились порывы морозного ветра. Оглядевшись вокруг, Пат заметила, что все жители пещер забираются в свои норы. Девушка беспомощно посмотрела на Хэма.

— Это... это был сон? — прошептала она.

— В таком случае мы спали вместе, Пат. — Он взял ее за руку и повел обратно к ракете, иллюминаторы которой приглашающе светились в темноте.

Когда они оказались в теплом помещении и скинули неуклюжую верхнюю одежду, Пат поджала свои стройные ноги, закурила и принялась довольно рационально взвешивать происшедшее.

— Во всем этом есть что-то непонятное, Хэм. Ты заметил странности в разуме Оскара?

— Он дьявольски быстро соображает!

— Да, он весьма умен. Уровень его интеллекта равняется человеческому или даже... — она заколебалась, — выше его. Однако это не человеческий разум. Он какой-то другой... чужой, странный. Я не могу выразить свои чувства, но заметил ли ты, что Оскар не задал ни одного вопроса? Ни одного!

— Погоди-ка... а ведь точно! Это странно!

— Это чертовски странно. Каждый разум человеческого типа, встречая иную мыслящую форму жизни, задал бы множество вопросов. Мы задавали их.— Она задумчиво выпустила клуб дыма.— Но это еще не все. Это равнодушие, когда трехглазый атаковал его соплеменника... разве это по-человечески или хотя бы по-земному? Я видела, как охотящийся паук схватил одну муху из роя, не беспокоя других, но может ли такое быть с разумными существами? Не может, даже в случае мозгов, развитых так слабо, как у оленей или воробьев. Убей одно животное, и остальные испугаются.

— Это верно, Пат. Чертовски странные создания эти соплеменники Оскара. Странные зверушки.

— Зверушки? Только не говори, что не заметил, Хэм.

— Не заметил чего?

— Оскар не животное. Он растение — теплокровное, движущееся растение. Все время, что мы разговаривали, он укоренялся своим... своим корнем. А то, что выглядело как ноги — это стручки. Он не ходил на них, передвигался на корне. Более того...

— Что?

— Более того, Хэм, эти стручки такие же, как те, которыми трехглазые закидали нас в ущелье Гор Вечности, те, от которых мы чуть не задохнулись...

— Ты хочешь сказать, от которых ты потеряла сознание?

— Во всяком случае я успела их заметить!— ответила она, покраснев.— Это часть тайны, Хэм. Разум Оскара — это разум растения! Не кажется ли тебе,— спросила вдруг девушка,— что присутствие Оскара и его соплеменников представляет угрозу людям, живущим на Венере? Я знаю, что эти существа с темной стороны, но что будет, если здесь откроют ценные месторождения? Если именно здесь начнется промышленная эксплуатация? Люди не могут жить совсем без солнечного света, я это знаю, но может возникнуть потребность основания здесь временных колоний — и что тогда?

— Вот именно, что тогда?— повторил Хэм.

— Что тогда? Разве хватит на одной планете места для двух разумных рас? Разве рано или поздно не наступит конфликт интересов?

— И что с того?— буркнул он.— Это примитивные существа, Пат. Они живут в пещерах, не создали культуры, не имеют оружия. Для человека они не опасны.

— Но они так великолепно разумны! Откуда ты знаешь, не являются ли встреченные нами всего лишь варварами и что где-то в глубине темной стороны не существует цивилизация растений? Ты же знаешь, что цивилизация не является привилегией исключительно человека. Взгляни на могучую, хоть и клонящуюся к закату культуру Марса и на мертвые ее остатки на Титане. Человек просто стал ее самой сильной версией, по крайней мере пока.

— Это правда, Пат,— согласился Хэм.— Но если соплеменники Оскара воинственны не более, чем в отношении того кровожадного трехглазого, они не представляют особой опасности.

— Этого я вообще не могу понять.— Она вздрогнула.— Интересно...— Пат замолчала, хмурия брови.

— Что интересно?

— Я... не знаю. Мне кое-что пришло в голову...— Она подняла взгляд.— Хэм, завтра я хочу точно установить, на каком уровне интеллект Оскара. Если удастся.

Однако с этим возникли некоторые трудности. Когда Хэм и Пат приблизились к краю ледяного вала, с трудом преодолев фантастически смятый район, оказалось, что они понятия не имеют, перед которой пещерой разговаривали с Оскаром. В мерцающем свете ламп каждое отверстие казалось им похожим на другие, а существа, находящиеся у выходов, смотрели на них глазами, в которых не просматривалось никакого выражения.

— Ну вот,— озабоченно сказала Пат.— Придется экспериментировать. Эй, это ты, Оскар?

— Да,— произнес клекочущий голос.

— Не верю,— вставил Хэм.— Он был правее. Эй, это ты, Оскар?

— Да,— заклекотал другой голос.

— Но вы не можете оба быть Оскаром!

— Мы все им являемся,— ответил тот, которого выбрала Пат.

— А, неважно,— прервала девушка, опередив дальнейшие возражения Хэма.— Что знает один, явно знают все, поэтому не имеет значения, которого выбрать. Оскар, вчера ты сказал, что разумен. Ты более разумен, чем я?

— Да, много больше.

— Ха!— фыркнул Хэм.— Вот видишь, Пат!

Она со злостью шмыгнула носом.

— Этим он тебя превосходит, янки. Оскар, ты говоришь когда-нибудь неправду?

Полупрозрачные веки закрылись вторыми, толстыми.

— Неправду,— повторил пискливый голос.— Неправду. Нет. Нет необходимости.

— Тогда что...— она вдруг замолчала, услышав глухой треск.— Что такое? О, смотри, Хэм, один из его стручков лопнул!— Пат отодвинулась.

В ноздри людей ударил острый, терпкий запах, напомнивший им часы в ущелье, но сейчас не такой сильный, чтобы Хэм начал задыхаться, а Пат потеряла сознание. Резкий, терпкий и одновременно не совсем неприятный.

- Что это такое, Оскар?
- Это служит для...— голос умолк.
- Для размножения?— подсказала Пат.
- Да, для размножения. Ветер разносит наши споры между нами. Мы живем там, где нет постоянного ветра.
- Однако вчера ты говорил, что ваш способ — это деление.
- Да. Споры садятся на наши тела и происходит...— голос вновь умолк.
- Оплодотворение?— подсказала девушка.
- Нет.
- Тогда... поняла! Раздражение!
- Да.
- Которое вызывает появление шишковидного нароста?
- Да. Когда его рост прекращается, мы делимся.
- Фу!— фыркнул Хэм.— Шишка!
- Заткнись!— рявкнула Пат.— Ребенок в лоне матери тоже не более чем шишка.
- Не более... Как я рад, что не стал биологом! И что не родился жепщиной!
- Я тоже,— серьезно ответила Пат.— Оскар, каковы твои знания: что ты вообще знаешь?
- Все.
- Ты знаешь, откуда прибыли люди, похожие на меня?
- Со стороны света.
- Да, а до этого?
- Нет.
- Мы прибыли с другой планеты,— торжественно сказала девушка, а поскольку Оскар молчал, добавила: — Ты знаешь, что такое планета?
- Знаю.
- Но знал ли ты раньше, до того как я произнесла это слово?
- Да, гораздо раньше.
- Но откуда? Ты знаешь, что такое машины? А оружие? Знаешь, как все это производить?
- Да.
- Тогда... почему вы этого не делаете?
- Нет необходимости.
- Нет необходимости!— воскликнула она.— Имея свет, даже просто огонь, вы могли бы держать триопов на безопасном расстоянии. Вы могли бы избежать съедения!
- Нет необходимости.
- Пат беспомощно повернулась к мужу.
- Он лжет,— предположил тот.
- Не думаю,— буркнула она.— Это что-то другое... что-то, чего мы не понимаем. Оскар, откуда вы все это знаете?

— Разум.

У входа в другую пещеру с глухим треском лопнул очередной стручок.

— Но откуда? Скажи, как вы узнаете факты?

— Из любого факта,— заклекотало существо на льду,— разум может создать образ...— Воцарилась тишина.

— Вселенной? — подсказала Пат.

— Да, Вселенной. Я начинаю с одного факта и на основании его делаю выводы. Строю образ Вселенной. Начинаю с другого факта, делаю выводы. Констатирую, что полученный образ Вселенной такой же, как в первом случае. Я знаю, что образ правдив.

— Слушай,— выдавил Хэм,— если это правда, мы можем узнать у Оскара все! Оскар, ты можешь выдать нам тайны, которых мы не знаем?

— Нет.

— Почему?

— Вы должны знать нужные слова, чтобы сообщить их мне. Я не могу рассказать вам того, для чего у вас нет нужных слов.

— Верно! — шепнула Пат.— Но, Оскар, я знаю слова «время» и «пространство», «энергия» и «материя», «закон» и «причина». Скажи мне конечный закон Вселенной.

— Это закон...— Тишина.

— Сохранения энергии или материи? Гравитации?

— Нет.

— Закон... Бога?

— Нет.

— Жизни?

— Нет. Жизнь не имеет значения.

— Тогда чего? Мне больше ничто не приходит на ум.

— Может, случая? — задумчиво сказал Хэм.— Для этого нет нужного слова.

— Да,— заклекотал Оскар.— Это закон случая. Все остальные слова — другие аспекты закона случая.

— О, небо! — прошептала Пат.— Оскар, ты знаешь, что такое звезды, солнца, созвездия, планеты, туманности, атомы, протоны и электроны?

— Да.

— Но... откуда? Ты когда-нибудь видел звезды, находящиеся за этим вечным слоем облаков? Или Солнце за барьером?

— Нет. Достаточно разума, поскольку есть лишь один способ существования Вселенной. Только то, что возможно.—реально; то что нереально,— одновременно невозможно.

— Это... кажется, это что-то значит,— прошептала Пат.— Но я плохо понимаю, что. Оскар, почему... почему вы не используете свои знания, чтобы защититься от врагов?

— Нет необходимости. Нет необходимости делать что-либо. Через сто лет мы будем...— Тишина.

— В безопасности?

— Да—нет.

— Что?— Ее вдруг пронзила страшная догадка.— Ты хочешь сказать — вымрете?

— Да.

— Но... о, Оскар! Разве вы не хотите жить? Разве ваш народ не хочет уцелеть?

— Хочет,— проскрипел Оскар.— Хочет-хочет-хочет. Это слово ничего не значит.

— Оно значит... желает, жаждет.

— Жаждет ничего не значит. Желает-желает. Нет, мой народ не желает уцелеть.

— О!— слабо вздохнула Пат.— Тогда зачем вы размножаетесь?

Словно в ответ лопнувший стручок осыпал их удушливой пылью.

— Потому что должны,— заклекотал Оскар.— Когда на нас садятся споры — мы должны.

— Понимаю,— медленно сказала Пат.— Хэм, кажется, я поняла. Вернемся на корабль.

Она неуверенно повернулась, а Хэм пошел за ней следом, глубоко задумавшись. Его охватила странная апатия.

Их ждала еще одна небольшая неприятность. Камень, брошенный каким-то трехглазым, прячущимся за льдом, разбил левую лампу на шлеме Пат. Казалось, это ее мало тронуло: девушка лишь мельком взглянула в ту сторону и шла дальше, но всю обратную дорогу их преследовали вой, пiski и насмешливый хохот, несущийся с левой стороны, освещенной теперь только лампой Хэма.

В ракете Пат усталым жестом бросила на стол свою сумку для образцов и села, не снимая полярного костюма. Хэм тоже этого не сделал; несмотря на жару, он так же апатично опустил на койку.

— Я устала,— сказала девушка,— но не настолько, чтобы не понимать, что означает тайна снаружи корабля.

— Ну-ну, послушаем.

— Хэм,— сказала она,— в чем основная разница между растительной и животной жизнью?

— Ну, растения получают средства для жизни прямо из почвы и воздуха. Животным, чтобы есть, требуются растения или другие животные.

— Это еще не все, Хэм. Некоторые растения — паразиты и живут на других формах жизни. Вспомни Тропики или даже некоторые земные растения — грибы, рослянку, которая ловит мух...

— Ну... тогда... животные двигаются, а растения нет.

— Это тоже неправда. Взгляни на бактерии: это растения и все-таки движутся в поисках пищи.

— Так какая же разница?

— Порой это трудно сказать,— буркнула она.— Однако я думаю, что поняла. Вот она: животными движет потребность, а растениями — необходимость. Понимаешь?

— Ничуть.

— Тогда слушай. Растение, дажедвигающееся, делает что-то, потому что должно, потому что такова его природа, а животное действует так, потому что хочет.

— И где тут разница?

— Она есть. У животного есть собственная воля, у растения — нет. Понимаешь? У Оскара великолепный, божественный разум, но собственной воли меньше, чем у червяка. У него есть рефлексy, но нет желаний. Когда ветер теплый, он выходит и кормится, когда холодно — заползает обратно в пещеру, наполненную теплом его тела. Но это не воля, а лишь инстинкт. Оскар ничего не хочет!

Забыв об усталости, Хэм потрясенно смотрел на нее.

— Черт меня побери, если это не так!— выкрикнул он.— Вот почему он, а точнее они, не задают вопросов! Нужно хотеть или иметь собственную волю, чтобы о чем-то спрашивать! Потому у них и нет цивилизации, и никогда не будет.

— Это и еще кое-что,— сказала Пат.— Подумай вот о чем: Оскар существо бесполое, а несмотря на твою гордость янки, половое влечение всегда было важным фактором создания цивилизации. Это основа семьи, а народ Оскара не знает понятия родителей и детей. Оскар размножается делением, обе его половины взрослые особи и, вероятно, владеют всеми знаниями и памятью исходного существа.

Нет необходимости в любви, собственно говоря, для нее и места нет, а отсюда нет мотива для борьбы за партнера и семью, а также нет причин делать жизнь легче, чем она есть, или пользоваться разумом для развития науки или искусства — да вообще чего угодно!— Она помолчала.— Ты слышал когда-нибудь о законе Мальтуса, Хэм?

— Сомневаюсь.

— Так вот, закон Мальтуса гласит, что численность населения зависит от предложения продуктов. Если увеличивается количество пищи, численность населения пропорционально растет. Человечество развивалось под воздействием этого закона; оно было приостановлено почти на сто лет, но наша раса обрела под его влиянием глумность.

— Приостановлено! Это похоже на отмену закона тяготения или исправление теоремы Пифагора.

— Нет, нет,— сказала Пат.— Приостановление действия этого закона произошло в результате развития техники в девятнадцатом и двадцатом веках, что вазвало такой рост производства продук-

тов, что натуральный прирост не успевал за ним. Но скоро он догонит его, и закон Мальтуса снова вступит в силу.

— А как это связано с Оскаром?

— А вот как: его раса развивалась не под действием этого закона. Иные факторы поддерживали ее численность ниже границы предложения пищи, то есть развился вид, свободный от борьбы за пропитание. Он идеально приспособлен к среде и не требует ничего больше. Цивилизация для него излишня!

— Но... как же трехглазые?

— Да, трехглазые. Видишь ли, Хэм, как я говорила несколько дней назад, трехглазые — пришельцы, явившиеся из сумеречного пояса. Когда эти дьяволы сюда прибыли, народ Оскара уже полностью развился и не мог измениться, чтобы противостоять новым условиям, или же не мог измениться достаточно быстро. Поэтому они обречены на гибель.

Как говорит Оскар, скоро они вымрут и... это их нисколько не беспокоит. — Она вздрогнула. — Единственное, что они делают, что могут делать, это сидеть перед пещерами и думать. Может, их мысли — это мысли богов, но собственной воли у них нет ни на грош. Именно в этом и состоит растительный разум!

— Я думаю... думаю, что ты права, — буркнул Хэм. — Но это довольно страшно, правда?

— Да. — Девушка дрожала, несмотря на теплую одежду. — Да, это страшно. Такие великолепные умы, и нет возможности для их работы. Это как мощный бензиновый двигатель с лопнувшим карданным валом: как бы он ни работал, колеса все равно не крутятся. Хэм, знаешь, как я их назову? *Lotophag Veneris* — Лотофаги! Их вполне устраивает сидение на месте и размышление о мире, в то время как меньшие разумы — наши и трехглазых — борются за их планету.

— Это хорошее название, Пат. — Когда девушка поднялась, Хэм удивленно спросил:

— А твои образцы? Ты не будешь их препарировать?

— Завтра. — Пат как была, в одежде, бросилась на койку.

— Они испортятся! И твоя лампа на шлеме — ее нужно починить.

— Завтра, — устало повторила она, а его собственная усталость прекратила дальнейшие споры.

Когда через несколько часов запах гниения разбудил его, Пат все еще спала в тяжелой верхней одежде. Хэм выбросил сумку и образцы наружу, а затем снял с девушки скафандр. Когда он осторожно укладывал ее на койку, она почти не пошевелилась.

Пат не жалела о выброшенной сумке; следующий день, если эту бесконечную ночь можно назвать днем, застал их идущими по мрач-

ному плоскогорью со все так же не работающей лампой на шлеме девушки. Снова с левой стороны доносился дикий, издевательский смех жителей ночи, несущийся с низовым ветром; дважды брошенные с большого расстояния камни рассыпали вокруг сверкающие осколки льда. Люди двигались вперед апатично и молча, словно загипнотизированные, но им казалось, что головы их совершенно чисты.

Пат обратилась к первому лотофагу, которого они встретили.

— Мы вернулись, Оскар,— сказала она.— Как ты провел ночь?

— Я думал,— заклекотало существо.

— О чем ты думал?

— Я думал о...— голос умолк.

Треснул стручок, и характерный запах ударил в их ноздри.

— О... нас?

— Нет.

— О... мире?

— Нет.

— О... Нет, это не имеет смысла,— устало сказала Пат.— Можно попытаться до конца света и никогда не наткнуться на нужный вопрос.

— Если этот нужный вопрос существует,— добавил Хэм.— Откуда ты знаешь, что есть слова, подходящие для него? Откуда знаешь, что это мысль, которую мы можем понять? Наверняка есть мысли, лежащие за пределами нашего понимания.

Слева с глухим звуком лопнул еще один стручок. Хэм заметил, как пыль словно тень летит сквозь снопы света от их ламп, увидел, что Пат глубоко вдохнула терпкий воздух, когда облачко достигло ее. Запах был до странности приятен, особенно если вспомнить, что то же вещество, но в большей концентрации однажды едва не лишило их жизни. Он испытал какое-то смутное опасение, когда эта мысль пришла ему в голову, но не сумел понять причин этого опасения.

Внезапно до него дошло, что они в полном молчании стоят перед лотофагом, а ведь пришли сюда задавать ему вопросы.

— Оскар,— спросил он,— в чем смысл жизни?

— Его нет. Нет никакого смысла.

— Тогда почему за нее так держатся?

— Мы за нее не держимся. Жизнь ничего не значит.

— Потому что, когда вы исчезнете, мир будет существовать по-прежнему? В этом дело?

— Когда нас не будет, всем будет все равно, кроме триопов, которые нас едят.

— Которые вас едят,— как эхо повторил Хэм.

В этой мысли было нечто такое, что пробилось сквозь туман равнодушия, окутавший его мысли. Хэм взглянул на Пат, безучастно

и молча стоявшую рядом; в свете фонаря он видел за стеклами ее серые ясные глаза, смотрящие прямо перед собой с выражением либо рассеянности, либо глубокой задумчивости. А из-за ледяного вала донеслись вдруг крики и дикий смех жителей темноты.

— Пат,— сказал он.

Ответа не было.

— Пат!— повторил он, кладя отяжелевшую руку на ее плечо.— Нужно возвращаться.— Справа от них лопнул стручок.— Нужно возвращаться,— повторил он.

Из-за хребта внезапно обрушился град камней. Один ударил в шлем Хэма, и передний фонарь лопнул; другой попал в плечо, причинив мучительную боль, хотя это показалось ему удивительно несущественным.

— Нужно возвращаться,— упрямо повторял Хэм.

Пат наконец откликнулась, все так же не двигаясь.

— Зачем?— глухо спросила она.

Хэм задумался над этим. Действительно, зачем? Чтобы вернуться в сумеречный пояс? В памяти его возник образ Эротии, потом картины воображаемого медового месяца, проводимого на Земле, затем целая серия сцен на Земле: Нью-Йорк, академический городок, окруженный деревьями, солнечная ферма, на которой прошло его детство. Однако все это казалось далеким и нереальным.

К действительности его вернул внезапный удар в плечо и пронзительная боль. Еще он заметил, как камень отскочил от шлема Пат. Светили уже всего две ее лампы, задняя и правая, а из его, как он смутно сообразил, остались задняя и левая. На краю вала, темного из-за разбитых ламп, мелькали и галдели темные фигуры, а вокруг людей свистели и разлетались камни.

Хэм с огромным трудом схватил Пат за плечо.

— Нужно возвращаться!— пробормотал он.

— Зачем?

— Если мы останемся, нас убьют.

— Я знаю, но...

Он перестал слушать ее и резко потянул Пат за руку. Она повернулась и, пошатываясь, пошла за ним.

Когда их задние лампы осветили ледяной вал, раздался ужасный вой, а затем, пока Хэм бесконечно медленно тащил за собой девушку, вопли сместились влево и вправо. Он знал, что это означает: трехглазые окружали их, чтобы оказаться впереди, куда не светили разбитые лампы.

Пат безвольно шла за ним. Только рука Хэма заставляла ее двигаться, но и для него каждое движение давалось с огромным трудом. А перед ними мелькали тени воющих и хохочущих демонов, ждущих своего часа.

Хэм повернул голову так, чтобы его правый прожектор осветил

окрестности. Раздались вопли, и трехглазые бросились искать укрытия в тени пригорков и гребней, но Хэм с повернутой вбок головой споткнулся и упал.

Пат не желала подниматься, когда он потянул ее.

— Нет необходимости,— бормотала она, но не сопротивлялась, когда он ее поднял.

В голове Хэма возник смутный план. Он взял девушку на руки так, чтобы ее правая лампа светила вперед, и в конце концов добрался до круга света, бросаемого ракетой, открыл дверь и положил Пат на пол внутри корабля.

Последнее, что он увидел, были тени хохочущих трехглазых, подскакивающие в темноте и направляющиеся к ледяному валу, где Оскар и его народ со спокойной отрешенностью ждали своего предназначения.

Ракета летела на высоте двухсот тысяч футов, поскольку многочисленные наблюдения и фотографии, сделанные из космоса, показали, что даже самые высокие вершины Гор Вечности не поднимаются над поверхностью планеты выше сорока миль. Облака внизу белели впереди и чернели сзади, потому что корабль как раз входил в сумеречный пояс. С этой высоты можно было даже наблюдать кривизну планеты.

— Как бильярдный шар, только наполовину светлый, а наполовину темный,— сказал Хэм, глядя вниз.— Отныне мы будем держаться только светлой половины.

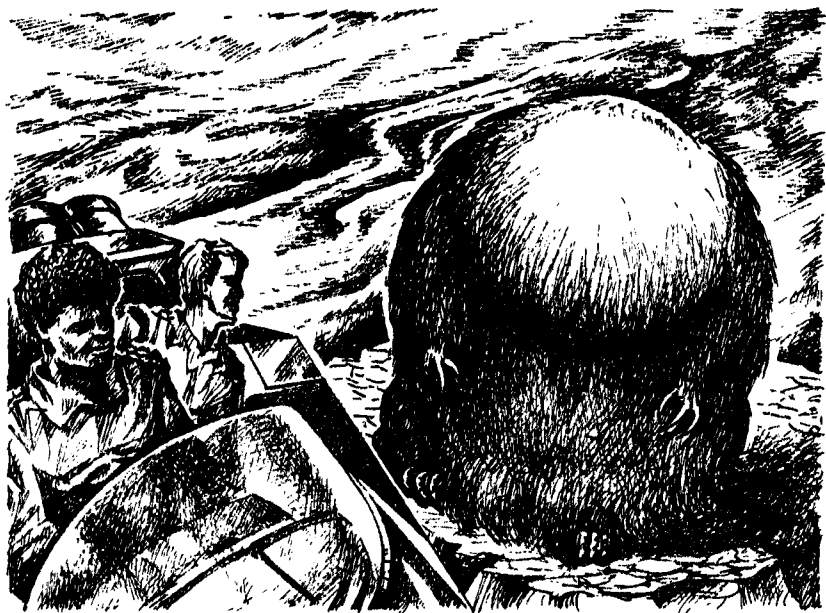
— Это все из-за спор,— сказала Пат, не обращая на него внимания.— Еще раньше мы знали, что они действуют как наркотик, но не могли предположить, что их действие настолько утонченно и заключается в лишении воли и ослаблении. Народ Оскара — это лотофаги * и цветы лотоса одновременно. Но... в некотором смысле мне жаль их. Эти их мощные, великолепные, бесполезные мозги!— Она помолчала.— Хэм, что помогло тебе понять, в чем дело? Что тебя отрезвило?

— Замечание Оскара, что они служат пищей для трехглазых.

— И что с того?

— А то, что мы израсходовали все наши запасы продовольствия. Это замечание напомнило мне, что я два дня ничего не ел.

* Лотофаги — поедатели лотоса, образ, заимствованный из «Одиссеи» Гомера.

Ларри Найвен

БЕЗРУКИЕ

Мы летели на воздушных велосипедах над красной пустыней в лучах мягкого красного солнца Доуна. Я пропускал Хильсона вперед. Он был моим проводником, кроме того, я еще не умел как следует управлять воздушным велосипедом.

Я родом из равнинной местности и большую часть своей жизни провел в городах Земли, где каждый летательный аппарат был объявлен вне закона, если он не был полностью автоматизирован.

Я летел с большим удовольствием, хотя был весьма неумел, но пустыня подо мной представляла достаточно места, чтобы делать ошибки.

— Тут, — сказал Хильсон и указал.

— Где?

— Там, внизу. Следуй за мной.

Его воздушный велосипед сделал изящную дугу влево, замедлил ход и опустился. Я последовал за ним несколько неуклюже, неточ-

но отреагировал и немного отстал. Некоторое время спустя и я увидел кое-что.— Этот маленький шар?

— Да, именно он.

Сверху пустыня казалась мертвой, без признаков жизни. Но это не так; в пустынях большинства обитаемых миров есть жизнь. Там, внизу, имелись, хотя и не различные сверху, колючие сухие растения, которые собирали воду в свои сердцевинки; здесь были цветы, которые расцветали после первого дождя и семена которых могли ждать следующего дождя год или десять лет, и насекомые с четырьмя ногами без суставов, не членимые на сегменты; и четвероногие, с кожным покровом, тощие, теплокровные, размером не более лисы и вечно голодные.

Тут был также волосистый шар величиной около двух метров с голым покатым верхом. И лишь его тень позволила нам увидеть его. Тонкие волосы были точно такого же цвета, как и красноватый песок. Мы приземлились в непосредственной близости от шара и сошли с велосипедов. Я уже подумал, что дал себя одурачить, так как этот шар был совсем не похож на животное, скорее, на большой кактус.

— Последуем за ним,— сказал Хильсон.

Он был темнокож, грузен и молчалив. Профессиональных гидов по пустыне на Доуне не было. Я уговорил Хильсона сопровождать меня за хорошее вознаграждение, но завоевать его дружбу мне не удалось. Мне кажется, что он попытался недвусмысленно дать мне это понять.

— Обойди и вперед,— сказал он.

Мы обошли волосистый шар, и я начал смеяться. У животного имелось пять особенностей. Там, где он коснулся плоской скалы, основание шара составляло четыре фута в длину и в ширину. Длинные гладкие волосы ниспадали на камень, как длинная юбка. Примерно на ладонь выше через завесу волос — две широко расставленные очень маленькие лапы. Формой и величиной они походили на передние лапы датского дога, но были голые и розового цвета.

Примерно в метре выше из-под волос торчали еще две лапы. У этих верхних лап пальцы были удлинены и изогнуты и оканчивались бесполезными ногтями; а еще выше виднелось отверстие, похожее на рот, длиной примерно в метр; отверстие не имело губ, в углах было изогнуто вверх и почти полностью закрыто волосами. Глаз не было видно. Этот шар был очень похож на идола каменного века или на карикатуру толстого человека.

Хильсон терпеливо ждал, пока я перестану смеяться.

— Да, странное существо,— сказал он, несколько сопротивляясь моему напору.— Но оно умное, это животное. Под этим голым верхним концом находится мозг, который больше твоего и моего вместе взятых.

— Оно никогда не пыталось вступить с вами в контакт?
— Ни со мной, ни с кем другим.
— Оно умеет делать инструменты?
— Чем же? Посмотри на его руки!— Он весело рассматривал меня.— Ты хотел это видеть или нет?

— Да. Напрасно я проделал такой дальний путь.

— Но ты, во всяком случае, видел его.

Я опять рассмеялся. Животное сидело, незрячее, неподвижное, как ленивая, жирная, клянчащая лакомство карликовая собачка, и оно должно стать моим потенциальным клиентом.

— Ну идем же, давай возвращаться,— сказал я.

Потерянное время и силы. Две недели я провел в специальном помещении, готовясь к этому путешествию. Конечно, расходы оплатит фирма, но, в конце концов, я должен буду рассчитаться за это. В один прекрасный день фирма будет принадлежать мне.

Хильсон взял чек, не сказав ни слова, сложил его вдвое и записал в карман, где лежала его зажигалка.

— Угостить тебя выпивкой?— спросил я.

— Конечно,— ответил он.

Мы оставили свои взятые напрокат воздушные велосипеды на границе во внутренний город и пересели на роликовую дорогу. Хильсон вел меня от одного перекрестка к другому, пока мы не добрались до огромного серебряного куба с извивающейся голубой надписью. «Ирландское кафе Сциллера», — прочитал я.

Внутри кафе тоже было похоже на куб: одноэтажное здание высотой в добрых сорок метров. Богато обитые обложенные подушками софы в форме подковы покрывали весь пол, стоя так плотно друг к другу, что между ними едва можно было протиснуться. В небольшом пространстве внутри подковы стоял маленький круглый стол. Из пола поднималось нечто похожее на дерево, увешанное всевозможными блестками. Дерево простирало свои длинные сверкающие ветви над гостями, будто защищая их, и его вершина доставала до потолка. Примерно на середине высоты находился механизм, приводивший в действие бар и весь обслуживающий персонал.

— Интересное место,— сказал Хильсон.— Эти софы должны, собственно, парить в воздухе.— Он поджидал, надеясь услышать от меня возгласы, но я ничего не сказал.

— Но это не удалось,— продолжал он.— Хотя... Прекрасная идея. Стулья и софы парят в воздухе, и если люди за одним столом хотят встретиться с гостями за другим столом, то им надо только остановить свои софы друг около друга и соединить их с помощью магнитных полей.

— Звучит забавно.

— Да, это была интересная шутка. Но человек, который выду-

мал это, видимо, забыл, что люди идут в бар, чтобы напиться. Они сталкивались софами, как автоскутеры. Они так высоко взлетали, что разливали свои напитки. Людям, сидящим внизу, это не нравилось, и часто возникали драки. Я вспоминаю, как одного парня сбросили с софы. Он бы убился насмерть, если бы не зацепился за что-то рукой. Но другой таким образом погиб. Он не зацепился при падении за ветви.

— Поэтому теперь софы расположены на полу?

— Нет. Сначала пытались автоматически регулировать их передвижение. Но иногда случалось, что выпивка все равно проливалась на людей внизу, и гостям нравилось это делать. Возник настоящий спорт. Но однажды ночью одному идиоту пришла мысль устроить короткое замыкание с автопилотом. Только он забыл, что ручное управление не было подключено. Его софа опустилась на другую и поранила трех важных особ. И с тех пор софы прочно стоят на полу.

Летающий поднос доставил нам два замороженных стакана и бутылку «Голубого Огня 2728». Бар был на две трети пуст, и здесь было очень тихо. Гости приходили позже. Когда мы выпили полбутылки замороженного дистиллированного вина, я объяснил, почему «Голубой Огонь» называют миротворцем Красланда: гибкая пластиковая бутылка имела очень узкое горлышко и широкое отверстие, и если она была не пуста, то представляла собой наполненную жидкостью прекрасную бúaву. Она была очень опасна.

Теперь, когда Хильсон не мог получать с меня деньги, он начал придирааться. И очень много говорил. Я тоже. Хотя мне этого и не хотелось. К черту все, я ведь был удален от Земли на многие световые годы, удален от моего предприятия и от милых людей, которых там знал, а здесь я был, так сказать, на краю населенного человечеством пространства. Я был на Доуне; это был почти пустой ранний кзин-мир с несколькими рассеянными далеко друг от друга очагами цивилизации и несколькими большими ранами прежних войн; мир, на котором фермеры должны были использовать ультрафиолетовые лампы, чтобы получать урожай, так как красное карликовое солнце было слишком слабо. Здесь я и находился. Этим я и должен был наслаждаться. Я и наслаждался. Хильсон был хорошим собеседником, а «Голубой Огонь» не причинял вреда. Мы заказали вторую бутылку. С наступлением времени для коктейля в баре стало виться все многолюднее.

— У меня есть идея,— сказал Хильтон.— Ты же против, если мы будем разговаривать о делах?

— Нет. О каких делах?

— О твоих делах.

— Конечно, нет. Почему ты спрашиваешь?

— У нас так принято. Некоторые неохотно говорят о своих

деловых секретах. А другие хотят позабыть на пару часов о своей работе.

— Это совершенно верно. В чем же дело?

— По тому, как ты произносишь слова «безрукие», чувствуется, что ты написал бы его только с большой буквы. Почему, собственно?

— Ну, если бы я произносил его иначе, ты бы подумал, что я имею в виду людей. Или нет? Потенциальных параноиков. Альбиносов-красландцев, аллергиков, страдающих от выхлопных газов, людей с отсутствующими конечностями, устойчивых против трансплантации, людей, которые лишены рук.

— Да, да...

— Я имею дело с чувствующими существами, которых природа одарила умом, но не таким, который может служить в качестве руки.

— О, как дельфины?

— Правильно. Есть на Доуне дельфины?

— Да, конечно. Как же мы могли бы иначе заниматься рыболовством?

— Ты видел эти штуки, которыми вы расплачивались с дельфинами за рыбу? Они выглядят, как мотор с дизелями, которые применяют в моторных лодках; у них две похожих на мягкую мебель металлические руки.

— Да, руки дельфинов. Конечно. Мы продаем им и другие вещи, инструменты и аппаратуру, с помощью которой они могут управлять температурой тела рыб. Но дельфины руки им нужны больше всего.

— Я изготавливаю их.

Глаза Хильсона расширились от удивления. Затем я почувствовал, как он внутренне содрогнулся, когда понял, что человек, сидевший напротив него, мог бы купить весь Доун. Проклятье! Мне ничего не оставалось делать, кроме как не заметить этого.

— Собственно, я хотел сказать, что это производит фирма моего отца. В один прекрасный день я стану руководителем нашего акционерного общества. Однако сперва должен умереть мой прадед. Но я сомневаюсь в том, что он это когда-либо сделает.

Хильсон деланно улыбнулся.

— Я тоже знаю таких людей.

— Да, некоторые люди, кажется, только высыхают, когда становятся старше. Они не жиреют, а становятся суше и выносливее, до тех пор, пока не создается впечатление, что они уже не будут меняться.

— Кажется, ты очень гордишься им. А зачем, собственно, ему умирать?

— Это своего рода традиция. Сейчас шефом нашей фирмы является мой отец. Когда у него возникают трудности, он может обра-

титься за помощью к своему отцу, который руководил фирмой до него. Если Гее-прима не справится с этим, они оба пойдут к Гее-скваред.

— Странные имена.

— Для меня нет. Это тоже традиция.

— Извини. Что же ты на Доуне?

— Мы торгуем не только с дельфинами, — «Голубой Огонь» навел меня на размышления. — Послушай, Хильсон. Нам известны три вида чувствующих живых существ без рук. Не так ли?

— Больше. Кукольники пользуются еще и своим ртом. А аут-сайдеры...

— Черт побери. Они же делают свои собственные инструменты. Я говорю о животных, которые сами не могут сделать даже ручной топор, или о таких, которые не могут развести огонь. Дельфины, бандерсначи и то существо, что мы видели сегодня.

— Грог. Ну и..?

— Неужели ты не понимаешь, что во всей Галактике должны быть подобные существа без рук. Мозги — да, но не руки. Говорю тебе, Хильсон, у меня мороз пробегает по коже. Чем дальше мы проникаем во Вселенную, чем больше звезд мы посещаем и заселяем, тем больше мы будем открывать чувствующих и думающих существ, не имеющих рук и инструментов, то есть беспомощные цивилизации. Иногда мы даже не можем распознать их. Что же нам делать с ними?

— Тогда делай для них дельфины руки.

— Прекрасно. Но мы не можем их раздаривать. Как только какой-либо вид начнет надеяться на других, он становится паразитом.

— А как обстоят дела с бандерсначами? Делаешь ли ты также руки и для них?

— Конечно. Только значительно большие. Бандерснач в два раза больше, чем бронтозавр. Скелет очень гибкий, не имеет суставов. На белой гладкой коже имеются пучки чувствительных щетинок по обеим сторонам голого заостренного черепа. Это существо передвигается при помощи ноги на животе. Они живут на равнинах Хинкса и питаются серой береговой пеной. Создавалось впечатление, что это самые беспомощные существа во всей известной нам Вселенной... пока однажды не увидели, как они нападают, подобно обвалу. Я однажды наблюдал, как старый броневик был сплюснут у скалы на равнине, а сплюснут он был сломанными костями животного, которое на него напало.

— Хорошо. Как вы рассчитываетесь за машины?

— Охотничьими привилегиями. Мы охотимся на них.

Хильсон с ужасом глядел перед собой:

— Нет. Я не верю тебе.

— Я и сам бы не поверил, но это правда,— я уперся локтями в крошечный столик и наклонился вперед.— Знаешь, это происходит вот как: бандерсначи должны контролировать народонаселение. На равнине имеется лишь определенное количество береговых линий, где они могут найти пищу. И они должны также заботиться о том, чтобы не скучать. Ты не можешь себе представить, как они скучали до появления людей на Хинксе. Что же происходит теперь? Люди заключили контракт с правительством Хинкса. Скажем, человеку нужен скелет бандерснача. Предположим, он хочет устроить музей трофеев. Он идет к правительству Хинкса и получает лицензию. Эта лицензия предписывает ему, какое снаряжение он может взять на равнину, в которой живут только бандерсначи, потому что там такое высокое давление воздуха, что легкие человека могут быть раздавлены. А температура такова, что он может свариться. Если же у него найдут оружие, то его надолго посадят в тюрьму. Может, ему и удастся убить бандерснача, а может, и нет, а может, он и сам не вернется назад. Его снаряжение дает ему шанс шестьдесят на сорок процентов. Независимо от того, как кончится охота, бандерсначи получают 80% от сбора, а это составляет ровно тысячу старс-нетто. И на эти деньги они покупают все, что им нужно.

— Например, руки.

— Правильно. И еще кое-что. Дельфин может контролировать свои руки языком, а бандерснач — нет. И поэтому мы должны хирургическим путем вмонтировать этот прибор в его нервную систему. Это не очень сложно.

Хильсон покачал головой и заказал третью бутылку.

— Они делают другое,— сказал я.— У института Знаний есть инструменты на равнинах. Лаборатории и тому подобное. И институт хотел бы узнать кое-что о том, что происходит с давлением и температурой на равнине. Бандерсначи проводят все эти эксперименты, пользуясь при этом механическими руками.

— Значит, ты приехал, чтобы разведать возможности нового рынка.

— Мне сказали, что на Доуне имеется новая мыслящая разновидность жизни, которая не пользуется никакими инструментами.

— Ты изменил свое намерение?

— Как раз сейчас я об этом и думаю. Хильсон, как ты считаешь — у них есть сознание?

— У них есть мозги. И очень большие.

— И больше ничего?

— Нет.

— Но их мозги, возможно, работают не так, как наши. Нервные клетки могут быть сконструированы совсем иначе.

— Посмотри-ка. Теперь мы взялись за технику. Оставим на сегодняшний вечер эту тему.

При этом Хильсон отодвинул в сторону бутылку и стаканы и прыгнул на стол. Он внимательно и медленно осмотрелся, медленно описывая головой дугу.

— Ага, Гарвей, я увидел свою кузину. Она здесь со своей подругой. Давай подсядем к ним. Скоро время ужина.

Я надеялся, что мы пригласим их к ужину, но мы не сделали этого. Жарон и Луис приготовили нам ужин, а все, что требовалось для него, мы купили в специальном магазине. Впервые я увидел сырое мясо, — как его вырезают из убитого животного, и сырые растения, — как они растут из почвы. Меня тошнило от этого, и мне стоило усилий, чтобы другие это не заметили. Но еда была превосходна.

После ужина мы еще немного мило и вежливо болтали, выпили друг с другом и вернулись в отель. Я ушел спать с твердым намерением на следующее утро сесть на корабль.

Около четырех часов утра я проснулся в полной темноте, уставился в невидимый потолок и увидел шар с закругленной вершиной и гладкими красноватыми волосами, а рот-щель слегка улыбался. Да, улыбался несколько иронически. У шара были тайны. После полудня я, видимо, приблизился к пониманию одной из этих тайн; я кое-что увидел, но не запомнил...

Не спрашивайте меня, откуда я это знаю. Но я знал это с пристальной ясностью, и сомнения быть не могло.

Но я не мог вспомнить, что же я увидел.

Я встал и набрал номер телефона кухни, чтобы заказать немного горячего шоколада и хлеба из тунца.

Почему они умеют мыслить? Почему шары, ведущие сидячий образ жизни, развили мозг? Я думал о том, как же они размножаются. Конечно, они не бисексуальны, они не смогли бы приблизиться друг к другу. Если нет... Но они должны все же владеть какой-то формой движения. Эти рудименты лап...

А что они едят? Они ведь не могут найти пищу. Значит, они должны ждать, пока пища придет к ним, как и другие не умеющие передвигаться животные; морские раковины, например, морские анемоны или орхидеи, которыми у себя дома я ужасно пугаю гостей.

У них есть мозг? Зачем? Для чего он им нужен? Чтобы сидеть, не двигаясь, и думать о том, чего им не хватает?

Мне нужны данные. Завтра я должен обратиться к Хильсону.

На следующее утро в 11 часов мы были в городском зоопарке. В стоящей за нашей спиной клетке что-то шелкнуло и фыркнуло; что-то смахивающее на попытку безумного бога создать волосатого бульдога. У животного не было носа, а рот был плоский, безгубая пасть которого скрывала два расчлененных подковообразных режущих инструмента. Длинные грубые волосы были цвета песка, когда на них падал красный солнечный свет. Передние лапы имели че-

тыре длинных растопыренных пальца, похожих на лапы курицы.

— Эти лапы я уже видел,— сказал я.

— Да,— сказал Хильсон.— Это молодой грег. В этом возрасте они спариваются. Самка ищет камень и сидит на нем. Когда она вырастает, то производит детей. Это теоретически.. В неволе они не размножаются.

— А самцы?

— Они в следующей клетке.

Два самца были величиной с чихуахуа и такого же темперамента. Но у них были губы с острыми краями в виде подков и грубые красноватые волосы.

— Хильсон, если они разумные существа, то почему тогда они в клетках?

— Если ты думаешь, что это плохо, тогда подожди, пока не увидишь лабораторию. Постой, Гарвей, не забывай никогда, что еще ни один человек не доказал, что это разумные существа. До тех пор, пока это кто-нибудь не сделает, они останутся подопытными животными.

От них исходил едва уловимый странный, почти приятный запах, но такой слабый, что спустя две-три секунды его уже не ощущаешь.

— Я следил за передвигающейся самкой. А что происходит тогда? Что они, все вдруг начинают стесняться?

— Не думаю. Ты не знаешь случайно, что делали Лилли и его люди с дельфинами, когда пытались доказать, что они разумны?

— Опыты с мозгом и заключение. Но это было давно.

— Лилли пытался доказать, что дельфины разумны, но обращался с ними, как с подопытными животными. А почему бы и нет? Это ведь благоразумно. Если он прав, то он оказал этому виду услугу. Если он неправ, то зря потратил на них время. И он здорово подстегнул дельфинов, чтобы они доказали, что он прав.

Вскоре после обеда мы добрались до лаборатории для ксенобиологических исследований.

Вдали мы увидели реку Хо, на которой позади моторных лодок теснились толпы водных лыжников.

Некий доктор Фуллер вел нас по лаборатории. Он был, без сомнения, красланец, альбинос ростом выше двух метров, очень толстый, несколько сгорбленный, с почти скелетообразными конечностями.

— Вас интересуют грег?— осведомился он.— Знаете, меня это не удивляет. Изучать их очень трудно. Их поведение ни о чем не говорит. Они ведь только сидят. Если что-либо проходит мимо них, они это поедают. А потом у них бывает потомство.

У него было несколько экземпляров со времен, предшествовавших сидячему образу жизни, четвероногие, величиной с бульдога, и он содержал их в клетках.

В большей клетке сидели два самца. Они не лаяли и не фыркали на него, а он обращался с ними ласково, почти с любовью. Он производил впечатление счастливого человека. Для альбиноса из мира «Мы достигли этого» Доун должен был быть настоящим раем. Целый год можно было находиться на воздухе, земля что-то родила, и под красным солнцем не надо было принимать таблетки танина.

— Они очень легко обучаются,— сказал он серьезно.— То есть они очень хорошо ориентируются на свободе. Но разума у них, конечно, нет. Или они разумны как собаки. Они быстро растут и едят очень много. Посмотрите-ка вот этих,— он поднял очень жирную самочку с круглым седалищем.— Через несколько дней она будет искать место, где бы могла обосноваться.

— И что вы тогда будете делать? Отпустите самку на волю?

— Мы будем держать ее вне лаборатории; мы приготовили для нее очень красивую скалу, вокруг которой построили клетку. Она останется в клетке, пока не изменит форму, а затем мы уберем клетку. Мы уже много раз делали этот опыт, но нам не везло. Все умирали. Они не хотят есть, даже тогда, когда им дают живое мясо.

— Что же вам внушает надежду, будто эта самка выживет?

— Мы должны попытаться достичь этого. Возможно, нам удастся установить, что мы делали неправильно.

— Скажите, грог когда-либо нападал на человека?

— Насколько мне известно, ни разу.

Это не означало ровным счетом ничего, потому что мне нужно было знать, разумны ли они.

Следует вспомнить о том времени, когда впервые предположили, что китообразные являются второй разумной формой жизни Земли. Тогда уже было известно, что дельфины очень часто помогали пловцам, оказавшимся в затруднительном положении, что нет никаких данных о нападении дельфинов на людей. Так в чем же, собственно, состоит разница: дельфины вообще не нападали на людей или не нападали тогда, когда знали, что это могут заметить? Оба факта, собственно, доказывали, что дельфины — разумные существа.

— Конечно, человек слишком велик, чтобы грог мог съесть его,— сказал доктор Фуллер. Он показал на футляр микроскопа:

— Посмотрите-ка.

Под микроскопом был виден срез нервной клетки.

— Это вид нервной клетки грога, точнее, его мозга. В этом направлении нами проведены серьезные исследования. Нервы этих живых существ передают импульсы медленнее, чем человеческие, хотя разница невелика. Мы открыли, что сильно стимулированный нерв может возбудить соседний нерв, как и в нервной системе человека.

— Значит, вы считаете, что шары обладают разумом?

Доктор Фуллер сам не знал, что ответить; он объяснял очень подробно и обстоятельно, и я заметил, что он сам был огорчен этим. Его уши с прозрачной кожей стали огненно-красными. Он бы и сам охотно это узнал. Возможно, он считал, что имеет право это знать.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, имеется ли какая-либо эволюционная основа для развития разума?

— Этот вопрос звучит лучше, правильное, — и все же он медлил с ответом. — Я могу ответить. На Земле имеется водяное животное, которое начинает свою жизнь как свободно плавающий червь, с явно выраженной хордой. Позже он становится оседлым и одновременно теряет эту хорду, основу туловища.

— Удивительно! А что же представляет собой эта хорда?

— Вот, основа спины, как я уже сказал. Она соответствует позвоночнику человека. Это цепочка нервных связей, ведущая к основным нервам тела. Более примитивные формы имеют чувственные связи, которые не имеют явно выраженной системы. Более развитые формы жизни превращают позвоночную цепочку в позвоночник.

— А грог лишается позвоночной цепочки?

— Да. Это регрессивное развитие.

— Но гроги устроены иначе.

— Верно. Они не развивают свой большой мозг, пока не осядут. Нет, эволюционную основу я не могу вам назвать. Им, собственно, не нужен мозг. И они не должны его иметь. Они ведь не могут делать ничего другого, только сидеть и ждать пищу, которая проходит мимо них?

— Вы становитесь поэтом, когда говорите о грогах.

— Большое спасибо. Я лишь размышляю о них.

— Мистер Гарвей, хотите пойти со мной? Пожалуйста. Вы тоже, Хил. Я хочу вам показать центральную нервную систему грога. Это вас удивит и смутит, как и меня.

Мозг был очень большим, похожим на пулю очертаниями, странного цвета, почти такой же серый, как мозговые клетки человека, только слегка желтоватый. Возможно, эта желтизна от консервированной жидкости. Маленький мозг был едва различим, а спинной мозг был почти такой же тонкий, как нить, прежде чем разветвиться. Кто же контролировал этот мозг, если практически не было аксонов, которые могли бы передавать команды дальше?

— Мне кажется, большинство нервов, которые обслуживают тело, не проходят через спинной мозг.

— В этом вы, я думаю, неправы, мистер Гарвей. Я напрасно пытался найти дополнительные нервы, — он слегка улыбнулся. — Теперь я понял часть проблем. Об этом можно было бы говорить несколько ночей.

— У подвижных форм нервы устроены иначе?

— Нет. Подвижные формы имеют меньший по размеру мозг и более крепкий спинной мозг. Я уже говорил, что их разум похож на разум собак. Мозг несколько больше, но этого следовало ожидать, если подумать, что импульсы проводятся медленнее и дальше.

— Правильно. Получили ли вы пользу от того, что испортили мне целый день?

— О, конечно.

Он засмеялся, глядя на меня. Мы были друзьями. Ему льстило то, что я понял, о чем он говорил.

Мягкое красное солнце уже клонилось к горизонту, когда мы покидали лабораторию. Мы еще раз остановились около клетки, которую доктор Фуллер распорядился соорудить отдельно. Большой кусок скалы лежал в этой клетке, а вокруг него песок, и все это было огорожено забором с решетчатой дверью. Около забора стояла маленькая клетка с колонией белых кроликов.

— Еще один, последний вопрос, доктор. Как они питаются? Не могут же они сидеть и ждать, пока пища сама прыгнет им в рот.

— Нет. У них очень длинный тонкий язык. Мне бы хотелось увидеть, как они пользуются своим языком. В неволе они не едят, и когда поблизости находится человек тоже.

Мы простились и улетели на наших воздушных велосипедах.

— Прошло всего три часа, — сказал Хильсон. — Хочешь еще раз посмотреть дикого грога прежде чем покинуть Доун?

— Конечно.

— Мы могли бы полететь в пустыню. До захода солнца мы вернулись бы назад.

И мы повернули на запад. Река Хо величественно катила под нами свои воды, а затем мы пересекли обширные пространства обитаемой страны.

«Они не имеют разума, — думал я. — Не могут иметь».

— Что?

— Прости, Хильсон. Я думал вслух?

— Да. Ты видел мозг, не так ли?

— Да.

— Почему же ты тогда говоришь, что они неразумны?

— Они не могут выполнять разумную работу.

— А дельфин? Или нарвал? Или бандерснач?

— Да, конечно. Нет... Подумай. Дельфин должен сам добывать себе пищу. Он должен перехитрить голодных хищных китов. У нарвалов тоже свои проблемы с хищными китами, или, по меньшей мере, они имели их. А потом китобойные суда. Чем они были умнее, тем дольше могли жить. Не забудь, киты — млекопитающие. Разум они развили на суше. Когда они возвратились в море, то стали расти и рос их мозг. Чем совершеннее был их мозг, тем лучше они могли

контролировать свои мускулы и тем маневреннее они были в воде. Им был нужен разум, и в этом было их преимущество.

— А бандерсначи?

— Ты ведь довольно хорошо знаешь, что они не созданы в процессе эволюции.

Он смотрел на меня непонимающе:

— Что-о-о-о?..

— Разве ты действительно не знал этого?

— Я не знаю ни одной формы жизни, которая возникла бы не путем эволюции. Как же тогда это произошло?

Я рассказал ему.

Однажды... Это была не сказка, а были: полтора миллиарда лет назад существовали двуногие разумные существа. Разумные, хотя и не очень. Но они обладали естественной способностью влиять на ход мыслей всех наделенных разумом разновидностей, с которыми они соприкасались. Теперь мы их называем «рабовладельцами». Империя рабовладельцев в период своего расцвета простиралась почти на всю Галактику.

Одной из ее разновидностей были тнуктипы, очень развитая и разумная раса, которая уже проводила биологические инженерные работы, когда рабовладельцы их открыли. Они предоставили им ограниченную свободу, когда убедились, какую большую пользу могут принести им эти высоко развитые умы. Они построили для них в обмен за биологические инструменты аниплантации для их космических кораблей, ступенчатые деревья с точным костным мозгом из твердого ракетного горючего, вывели животных для скачек и бандерсначей. Бандерснач питался мясом. Он поедал все, и сам был съедобен, кроме скелета.

Потом почти полтора миллиона лет назад настал день, когда рабовладельцы поняли, что большинство даров тнуктипов были не чем иным, как троянским конем. Восстание было подготовлено тщательно, а рабовладельцы недооценили своих рабов. Чтобы выиграть войну, они вынуждены были пользоваться оружием, которое уничтожало не только тнуктипов, но и все другие разумные виды живых существ, которые существовали тогда в Галактике. Но без рабов погибли и рабовладельцы.

Разбросанные по всему пространству в различных неизвестных и странных мирах, между звездами сохранились остатки рабовладельческой империи. Некоторые из них были рабовладельцы-артифакты, защищенные от влияния времени статичными полями. Другие были в большей или меньшей степени мутациями и тнуктип-креатурами: солнечные цветы, ступенчатые деревья, растения, произрастающие в воздушных кораблях, которые плавали в помещении в оболочках; и бандерсначи.

Они-то и были ловушкой для тнуктипов. Они были созданы как

разумные существа, и их можно было использовать в качестве шпионов.

Тнуктипам удалось каким-то образом сделать их неуязвимыми против власти рабовладельцев и такими им удалось пережить революцию.

Для чего?

Бандерсначи Хинкса жили постоянно в густом тумане, который имел высокое давление; они питались старой продуктовой плесенью, которая в виде серой сыроподобной массы наполняла до щиколотки океан. Они ничего не чувствовали и не воспринимали, кроме запаха и вкуса этой пены и нескончаемого серого тумана. Их мозги обладали способностью мыслить, но пищи для них не было... пока не пришел человек.

— А к мутациям бандерсначи не способны,— закончил я.— Следовательно, о них можно забыть. Это знаменитое исключение, которое лишь подтверждает правило. Всем остальным нужны были мозги.

— И все они являются разновидностью семейства китообразных, которые живут в океанах Земли.

— Да.

Хильсон зазнался. Черт его побери, как же он был прав! Все были китами...

Мы оставили далеко позади цивилизованную страну. Постепенно равнины превратились в пустыни. Теперь я чувствовал себя уютнее, сидя на воздушном велосипеде, состоящим из платформы и седла и очень большого спасательного мотора, воздушного насоса и генератора силового поля, чтобы исключить воздействие ветра. Теперь я уже не так боялся сделать ошибку и мог лететь ниже. С этой небольшой высоты пустыня выглядела довольно оживленной. Здесь можно было увидеть двоюродного брата степной ведьмы, гонимого ветром; здесь он имел форму прямого стебля с оранжевыми листьями внизу стебля. У этих мясистых листьев были острые, как бритва, края, чтобы отпугивать травоядных. Вдруг я заметил травоядного величиной с лису, который поедал середину листа. Он поднял голову, увидел нас и пустился прочь. И вдруг сверкнула красная молния — это распустился цветок пустыни. Мягкое красное солнце освещало все, и все казалось декорацией в ночном клубе, который я видел дома. Он был декорирован так, как, предполагалось, выглядел Марс перед началом космических полетов. Иллюзия удаленности: красный песок, прямые как струна каналы, в которых текла удивительно прозрачная вода, хрустальные башни, которые высоко поднимались в небо, и невероятно ясный, сияющий серп луны. Мне вдруг захотелось пить.

Я стал копаться в карманах моего седла в надежде найти бутылку. И я нашел одну, она была довольно полной. Я открыл бутылку.

ку, поднес ее к губам — и почти задохнулся. Мартини! Немного сладковат, но холоднее льда. Я пригубил два раза и опять спрятал бутылку.

— Я люблю жителей Доуна, — сказал я.

— Хорошо. А почему?

— Ни один житель равнины не додумался бы положить бутылку мартини в взятый напрокат воздушный велосипед, если бы этого настоятельно не потребовали.

— Гарри — славный парень. А вот и шар!

Я посмотрел и действительно увидел грога, сидящего в своей собственной тени, и его песчаного цвета волосы едва выделялись на песке. И вдруг я понял, почему я так неожиданно проснулся на рассвете.

— Что случилось? — спросил Хильсон.

Я понял, что застонал от удивления.

— Ничего. О животных Доуна я пока знаю далеко не все, что должен знать. Выделяют они твердые вещества?

— Выделяют ли они?.. Да, ты благородно выразился. Да, выделяют.

Хильсон направился к шару в одиночестве. Грог прочно сидел на плоском камне, один бок которого выступал из песка. Скала была абсолютно чистой.

— Гроги тоже это делают.

— Верно.

Хильсон приземлился. Я опустил ся около него, подпрыгивая при этом. Грог посмотрел на нас и приветливо улыбнулся.

— А доказательства? Кто же здесь убирает?

Хильсон почесал себе голову. Он обошел вокруг грога, вернулся назад и растерянно смотрел перед собой.

— Странно. Об этом я не подумал. Птицы... или?..

— Возможно.

— Это очень важно?

— Возможно. Большинство оседлых животных живут в воде. А вода все уносит.

— Но на Гиммидги есть оседлое существо, к которому это не относится.

— У меня есть такое. Но эта орхидея живет на деревьях. Она вцепляется в какую-нибудь красивую толстую горизонтальную ветку, а хвост спускает вниз.

— Гм.

Его, кажется, это не интересовало. Он, без сомнения, был прав. Какая-то питающаяся падалью птица убирала за грогом. Но мне это казалось невероятным. Почему это должна делать птица или животное?

Грог и я переглянулись.

Как правило, такие существа страдают от сенсорной недостаточности. Киты живут в воде, бандерсначи в горячем тумане под сильным давлением.

Возможно, было еще рано устанавливать какие-либо правила, но ясно одно: такие существа не в состоянии легко экспериментировать со своим окружением, для экспериментов нужны, как правило, инструменты.

Но у грога, действительно, были трудности. Слепой, с ничего не чувствующими конечностями вследствие почти бесполезного спинного мозга, неспособный самостоятельно проделать пусть даже небольшое расстояние — какое же представление о Вселенной могло составить себе подобное существо?

Я поймал себя на том, что рассматривал руки грога. Руки. Ни на что не способные. Но руки. Четыре пальца с крошечными когтями, с крошечной ладонью, как у маленького механического хватательного инструмента.

— Руки не развились, а деградировали!

Хильсон смотрел на меня непонимающим взглядом. Он использовал свой небесный велосипед в качестве сидения, так как вокруг не было ничего более подходящего.

— О чем ты, собственно, говоришь?

— О гроге. У него зачаточные, хилые руки. Этот вид был когда-то более высокой формой жизни.

— Или это было лаяющее животное, как обезьяна.

— Не думаю. Скорее, у него были мозг, руки, и он мог передвигаться. Затем что-то случилось, и он утратил разум. А теперь он лишился подвижности и рук.

— Почему же он перестал двигаться?

— Возможно, не хватало пищи. Если не двигаешься, то сохраняешь энергию.

Но я чувствовал, что это всего лишь предположение, и поэтому добавил:

— Или он слишком много смотрел телевизор. Я знаю людей, которые неделями не встают от телевизора.

— Во время межпланетных игр мой двоюродный брат Эрни... Ах, к черту все это! Ты всерьез думаешь, что это может быть ответом на вопрос?

— Да. Ловушка; без глаз, без чувствительности, без способности сделать что-либо задуманное. Это как слепоглухонемой ребенок без осязания. Так называемый эффект перчатки.

— Но у него есть мозг, разум.

— Как у тебя слепая кишка. Разум тоже страдает, если он не может развиваться.

— Но ты же честно занимался проблемой подобных существ. Ты можешь что-нибудь для них сделать?

— Разве что эвтаназию. Нет, это тоже нет. Давай лучше вернемся в Доунтаун.

Я зашагал по песку к своему воздушному велосипеду и чувствовал себя безмерно разочарованным и уставшим. Бандерсначам нужны были люди, которые бы им рассказали о звездах. Но что можно рассказать волосатому шару?

Нет, я должен вернуться в Доунтаун, а затем на Землю. Там тоже много дел; люди, которым не могут помочь ни врач, ни психиатр. И повсюду есть такие, которым уже нельзя помочь ничем. Грогам ничем не поможешь.

Я сел, скрестив ноги, на песок в нескольких шагах от воздушного велосипеда. Хильсон уселся около меня. Мы сидели напротив грога и ждали.

— Чего, собственно, мы ждем? — спрашивал время от времени Хильсон.

Я пожимал плечами, так как тоже не знал. Хильсон, как и я, сидел, не двигаясь. Я был твердо уверен, что мы делаем правильно. Мы одновременно отвернулись от грога и стали смотреть в пустыню.

Какой-то зверек величиной с мышь скакал нам навстречу; при этом он поднимал немного пыли. За ним появился еще один, другой, третий. Они прыгали довольно высоко, потом остановились полукругом вокруг грога и стали его рассматривать.

Грог повернулся к ним; мы, люди, или другие позвоночные повернули бы шею, но грог повернул все тело, и создалось такое впечатление, будто разворачивали скатерть. Грог смотрел невидящим взглядом на песчаных мышей, а они сидели на задних лапах и смотрели назад.

Рот грога открылся. Он выглядел, как пещера, а язык лежал свернутым на розовом дне. Он двинулся молниеносно и невидимо быстро; две мыши исчезли. Рот, который был так велик, что смог бы, наверное, проглотить и человека, закрылся и снова улыбался кротко, сытый и довольный.

Третья мышь сидела на задних лапах. Ни одна из них не попыталась убежать. Они могли это сделать без труда.

Рот грога снова раскрылся. И тогда последняя мышь разбежалась и прыгнула и приземлилась прямо на свернутом языке. Рот закрылся в последний раз, а шар снова повернулся к нам.

Теперь я знал все ответы, все сразу; интуитивно, убедительно. Это было так однозначно и так же само собой разумелось, как и то, что я сидел на песке со скрещенными ногами.

Грог обладал парапсихологическими способностями. Он мог контролировать мысли даже таких существ, как песчаные мыши.

Так вот в чем была суть огромного мозга грога. Его разумность была следствием его силы. С незапамятных времен они, видимо, подзывали пищу к себе. По окончании периода детства они уже

не охотились. После окончания развития им не нужно было двигаться. Им не нужны были глаза, а также и другие органы чувств. Они использовали органы чувств других животных.

Они подзывали своих дворников и птиц, питающихся падалью, которые очищали их скалы, их шкуру, если это было необходимо. Способность контролировать мысли доставляла их к самкам, руководила их привычками размножения и указывала им верные скалы для неподвижного образа жизни.

А теперь они передавали информацию прямо в мой мозг. Я сказал:

— А почему именно я?

С удивительно ясной уверенностью я понял, что я должен учиться понимать и познавать. Гроги точно знали, чего им не хватает. Они прочли мысли о том, что мы обсуждали: сперва о воинах зиннов, затем о человеческих исследователях, альпинистах, туристах; а мое занятие было — обеспечение безруких существ.

Они узнали о руках дельфинов. Они дали понять Хильсону и другим, хотя и без доказательств, что гроги — мыслящие существа, и приказали сказать это главному, кто занимался этим вопросом.

Без доказательств...

Это было важно. Они должны были знать, что их ждало, прежде чем сами поняли или занялись этим. Люди, вроде доктора Фуллера, могли исследовать разновидности поведения грогов, если им было так угодно.

Им показалось бы подозрительным, если бы им помогли в этом. Но что-то помешало им, этим наделенным руками существам, заметить крошечные передние лапы или отсутствие биологических отходов в окружении дикого грога.

Смог бы я им помочь?

Этот вопрос постепенно овладел им, превратился в навязчивую мысль. Я сильно потряхнул головой, так как хотел отделаться от вопроса.

— Я не знаю,— сказал я.— Почему вы так долго ждали, пока не дали распознать себя?

Страх...

— Почему? Неужели мы возбуждаем страх?

Я ждал ответа, но его не последовало. Я не мог найти в моем мозгу ни одной убедительной мысли, ни данных, ни объяснений — ничего подобного. Значит, они боялись меня. Меня, беспомощного перед молниеносно щелкающим языком и железным разумом. Почему?

Я был убежден, что гроги развились из более высокой двуногой формы жизни. Крошечные руки, похожие на механические захваты, были типичным признаком. И типичным был призрачный, жуткий контроль мыслей.

Я попытался встать, убежать, но ноги не слушались меня. Я попытался сделать безразличное лицо, чтобы скрыть то, что предполагал, но мне это не удалось. Они могли прочесть мои мысли, и таким образом они знали...

— Это сила рабовладельцев. Ваши предки были рабовладельцы.

И вот я сидел здесь, и мой мозг был открыт им и беспомощен.

Было утешительно, что я понял с удивительной ясностью: гроги ничего не знали о рабовладельцах. Что они существовали всегда, это они знали.

Гроги были не так глупы, чтобы переоценивать себя. Они были сидячими. Они не могли двигаться, их оставшаяся рабовладельческая сила не могла охватить больших пространств, и таким образом гроги не могли быть объединены для совместных усилий.

Разве они могли мечтать о том, чтобы напасть на другую расу, которая овладела пространством в тридцать световых лет? Лишь страх помешал им дать понять людям, что они представляли собой. Страх перед истреблением.

— Ты мог бы солгать мне, как далеко простирается твоя власть. Я бы никогда не узнал, если бы ты солгал.

Ничего. Абсолютно ничего не шевельнулось в моем мозгу. Я встал. Хильсон наблюдал за мной, встал тоже и механически отряхнул с себя песок. Он посмотрел на грога, открыл рот и снова закрыл. Потом сглотнул.

— Гарвей, что это существо сделало с нами? — сказал он.

— Он не сказал тебе?

И в тот же момент я понял, что прог не сделал этого.

— Он принудил меня сесть и наблюдать зрелище с песочными мышами. Ты ведь тоже это видел, не так ли?

— Да.

— А затем мы должны были немного посидеть. Ты разговаривал с ним. А потом мы вдруг могли снова встать.

— Правильно. Но он говорил и со мной.

— Я же тебе говорил, что у него есть разум.

— Хильсон, смогли бы мы завтра утром найти сюда дорогу?

— Не совсем уверен. Но я поставлю на твоём воздушном велосипеде курсовой ориентир, и ты сможешь вернуться сюда, когда пожелаешь.

— Я этого не хочу, но хотел бы уметь делать.

Солнце на западе представляло собой теперь красное дымящееся сияние, которое медленно угасало на черно-голубом горизонте.

Я смеялся.

В отеле не было настоящих кроватей и чего-либо подобного. Если вообще спали, то делали это на плоской поверхности без подушек, и это даже нравилось. В прошедшую ночь я спал превосход-

но, пока зов грога не разбудил меня перед рассветом. Но как же мне теперь спать?

Я не предполагал, что Жарон и Луис ждали нас к обеду. Хильсон позвонил им, прежде чем мы направились в зоопарк. Мы уже поужинали, каждый съел по маленькой птичке. От десерта мы отказались, так как боялись испортить оставшееся после этого блюда великолепное вкусовое ощущение; сначала надо было, кроме того, вытереть руки горячими влажными полотенцами.

Мы разговаривали о грогах. Шар почти не повлиял на разум Хильсона, и поэтому его мнение было непредвзятым. И оно подсказывало ему, что он никогда и ни по какой причине не поедет туда и мне лучше тоже этого не делать.

Девушки согласились с ним.

Я высмеял грога. Кто бы так не сделал?

Дельфины, бандерсначи, гроги — их высмеивают, это безрукие существа. Высмеивают дельфина, так как он самый великий клоун в известном нам космическом пространстве. Смеются, когда впервые видят бандерснача. Он выглядит так, будто бог забыл доделать его до конца. У него есть белое тело, но оно не расчленено. Смеются по большей части от нервного возбуждения, так как этот подвижный белый рот и не заметил бы тебя, как танк улитку под своими гусеницами. И ты смеешься над грогом. Не нервничайте. Грог — это карикатура.

Как врач, который пользуется желудочным зондом не по назначению, так грог запихал мне свою информацию. Я почувствовал это знание в виде кусочков льда, которые плавали в моем мозгу.

Конечно, я мог сомневаться в том, что мне было сказано.

Например, я мог сомневаться в том, что никто из грогов не смог бы побегать в Доун или не смог бы, согласно человеческим представлениям, добраться до Хинкса. Я мог сомневаться в их страхе, в их беспомощности, в их умоляющей просьбе о помощи. Но мне надо было бы самому себе непрерывно внушать эти сомнения, иначе они сами собой исчезали, а оставалась одна ледяная уверенность.

Это была уже не шутка, определенно, не шутка.

Мы должны бы их уничтожить. Сейчас же. Выселить всех людей с Доуна. А затем предпринять что-либо против этого солнца. Или мы могли бы подогнать старомодный бомбардировщик с ударным зажиманием, посадить его каким-либо образом без команды и вывернуть всю планету наизнанку. Но они пришли ко мне. Ко мне. Они просили меня о помощи.

Их охватил такой смертельный страх, что с ними будут обращаться как с дикими воскресшими рабовладельцами, что они проделали это совершенно тайно. Если бы доктору Фуллеру сказали всю правду, то он тотчас же прекратил бы свои эксперименты. Или

дальновидные мысли грогов могли бы прервать его работу. Но нет; они предпочитали умереть с голода, но сохранить свою тайну.

И они обратились ко мне, как только представилась первая возможность.

Гроги обладали очень развитым умом. Небо, какой случай им подвернулся! Им нужно было то, что им могли дать только люди. Я еще не знал, что это было, но одно я знал твердо: они хотели начать дело. И здесь был подходящий рынок сбыта. Гарантий их доброй воли и надежности, правда, не было, но их можно было сформулировать и принять.

И в моем мозгу гостоянно плавали ледяные кусочки кристально ясной уверенности.

Я не хотел терять ничего, ни капли этой уверенности.

Я встал, заказал масло из земляных орехов, ветчину, томаты и салат. Все подали без майонеза. И я попытался заказать майонез, но на кухне не знали, что такое майонез.

Прекрасно, что гроги не обратились к кзинам, когда планета еще была занята ими. Они бы уничтожили или — еще хуже — принудили бы их стать союзниками против человеческой расы в космосе. Питались ли кзины грогами? Если так, тогда... Но нет. В этом отношении гроги были не очень-то лакомым куском. Они же не могли бегать.

Перед моими глазами стояло красное зарево, так что звезды по другую сторону веранды, казалось, сияли светло-голубым светом над черной равниной. Может, мне надо было пойти на космодром и заказать место в одном из готовящихся к полету кораблей? Для того чтобы сделать это, мне надо было не видеть эти звезды, это небо. Ах, ерунда... Я не мог противостоять грогам, пока они могли разговаривать со мной таким образом...

Да, это был частичный ответ на вопрос, который меня мучил. Я позвонил компьютеру, принимающему заказы, и высказал свои пожелания.

Постепенно пришли другие ответы, один за другим. Имелся также гибридный альфафаграс, который тоже рос при свете красного солнца; семена находились в багажном помещении того корабля, с которым прибыл я. Они принадлежали сельскохозяйственной программе Доуна. Так вот...

На следующее утро я полетел в пустыню один. Парень, которому принадлежали воздушные велосипеды, поставил мой в сторону. Курс еще был задан в компьютер, и я мог легко найти это место. Грог был здесь. Или я случайно нашел другого. Я не был уверен в этом, но это не имело значения. Я спустился на велосипеде и оставил его. Затем я подождал немного, пока нежные щупальцы охватят мой мозг. Ничего. Я ничего не чувствовал. Но я был убежден в том, что грог читал мои мысли, просто я не мог чувствовать это.

И опять со знакомой кристальной ясностью пришла уверенность, что меня ждали.

— Выходи,— сказал я,— выходи и останься со мной.

Грог не предпринимал ничего.

Но убежденность была такой же прочной, как и вчера: меня оживляли. Добро пожаловать. Великолепно.

Я искал в своих сумках тяжелый плоский предмет.

— Мне было не так-то легко найти это здесь,— сказал я грогу.— Это музейный экспонат. Если бы люди из Доуна чертовски не стремились к тому, чтобы все делать своими руками, я не смог бы это найти.

Я открыл футляр в нескольких шагах от рта грога, вложил лист бумаги и подключил кабель к ручной батарее.

— Мой разум расскажет сейчас вам всем, как работает этот прибор. И сейчас мы посмотрим, как хорош твой язык.

Я осмотрелся, ища место, где можно было бы сесть, и прислонился в конце концов к грогу, как раз под его ртом. У меня не было чувства превосходства над ним. Если бы грог захотел меня съесть, я был в его власти. Точка.

Язык высунулся невероятно быстро.

— Пожалуйста, смотри все время на машину,— печатала машина.— Иначе я не смогу видеть ее. Не мог бы ты отодвинуть машину немного дальше?

Так и сделал.

— Да, так хорошо. Ты заботишься о том, чтобы сохранить эту тайну.

— Возможно. Пока это удастся. Прежде чем мы начнем, ты мог бы прочитать в моем мозгу о моторах Рамма-Баггера?

— Да, я понимаю. Подумай, что ты хочешь пояснить.

— Подумаю. Что бы вы могли предложить нам в качестве торгового товара?

— Как раз то, о чем ты думаешь. Мы могли бы пасти вам скот. Позже могут представиться и другие возможности. Мы могли бы следить за здоровьем ваших зверей в зоопарках. Мы можем выполнять работу полиции, охранять весь Доун. Ни один враг не попал бы на Доун.

Хотя язык высовывался молниеносно, грог печатал медленно и тщательно, как неопытный новичок.

— Хорошо. А вы не возражаете, если мы засеем вашу почву гибридной травой?

— Нет. Мы также не имеем ничего против того, если вы будете пасти ваш скот в нашей области. Конечно, мы воспользуемся для пропитания какой-то частью вашего скота и мы очень заинтересованы в том, чтобы сохранились местные животные пустыни. Мы не хотели бы ничего потерять из нашей теперешней территории.

— Вам нужна новая страна?

— Нет. Нам нетрудно планировать свое потомство. Нам нужно лишь ограничить количество предоседлых.

— Но вы должны знать, что мы не доверяем вам. Мы должны будем предпринять шаги, гарантирующие, что вы не контролируете мысли людей. Когда я вернусь домой, то подвергну себя тщательной проверке.

— Естественно. Ты будешь рад узнать, что мы не сможем оставить этот мир без особой охраны. Ультрафиолетовый свет убьет нас. Если вы хотите содержать грогов в зоопарках Земли...

— Хорошая идея. Мы могли бы позаботиться о вашем процветании. А теперь — что можем мы сделать для вас? Может быть, дельфины руки, специально переделанные для вас?

— Нет, благодарю. Что мы хотим и в чем нуждаемся — это знание. Энциклопедии, доступ к человеческим библиотекам. Или еще лучше — приезжие человеческие лекторы, для которых не составит никакого труда, если их мысли будут читать.

— Лекторы будут стоить дорого.

— Сколько? А сколько вы заплатите за наши услуги пастухов?

— Прекрасный вопрос, — я оперся удобнее о волосатое тело грога. — Хорошо. Давай говорить о делах.

Год спустя я снова приехал на Доун. «Акционерное общество Гарвей» уже начинало давать прибыль. Позади было такое трудное время, какое только можно себе представить. Что касалось планеты Доун, то «Акционерное общество Гарвей» имело здесь монополию на грогов. Даже сигареты они имели право покупать только через наше посредничество. Мы платили человеческому правительству Доуна огромные налоги, но эти расходы были сравнительно невелики.

Мы несли большие расходы.

Труднее всего дело обстояло с общественностью. Я не стал пытаться сохранить в тайне психическую силу грогов. Да это было бы невозможно. И сила эта была несколько жуткой. Нашим единственным средством против возможной паники, которая могла распространиться в населенных людьми районах, были сами гроги.

О, они были страшны.

Я наводнил весь мир картинками. Гроги за пишущей машинкой; гроги, пасущие стада скота на Доуне; гроги в кабине космического корабля; грог, ассистирующий во время сложной операции над большим медведем; они везде выглядели одинаково, эти гроги. Если видели одного, то смеялись, так как их нечего было бояться. Но дело было в том, что эту кристально ясную уверенность они вводили в глубочайшие слои мозга.

Самая главная деятельность грогов состояла в том, чтобы проникнуть в сознание людей. Чудо-страна уже изменила свои законы.

Она допустила грогов в суды в качестве детекторов лжи. На предстоящей конференции высших кругов между людьми и кзинами должен был присутствовать грог. Космические корабли, которые отправлялись в неведомые области космоса, должны были иметь на борту грогов, так как в случае встречи с неизвестными формами жизни необходимы переводчики.

В магазинах игрушки продавались милые куклы-гроги. На этом мы не зарабатывали ни цента, но в будущем мы сможем получить от этого пользу.

После прибытия на Доун я решил отдохнуть день, чтобы повидать Хильсона, Жарон и Луис. На следующее утро я вылетел в пустыню. Большие площади некогда неплодородной песчаной почвы поросли травой.

Я увидел внизу под собой белое пятно и стал спускаться, так как у меня было определенное предчувствие.

Белое пятно оказалось стадом овец, посредине которого находился караулящий их грог.

— Добро пожаловать, Гарвей!

— Большое спасибо,— ответил я и постарался не очень кричать. Грог все равно прочитает мои мысли и ответит мне с помощью прибора, встроенного в нервную систему. Этот прибор мы производили уже два месяца и поставляли им в больших количествах. Это тоже стоило больших денег, но эти расходы были необходимы.

— Как обстоят дела с этими куклами?

— Мы не зарабатываем на этом ни цента. Мы не имеем права на копирование грог-формы.

Я сделал круг почета на своем небесном велосипеде, приземлился и спустился с него. Мы говорили также о других вещах, не только о делах. Этот грог хотел иметь куклу-грога, и я обещал ему. Мы просмотрели список лекторов и расположили их по значимости. Необходимо было оплатить их путешествие и время, которое они должны были провести здесь, но говорить им не было необходимости.

О коперном экскаваторе мы уже никогда больше не говорили.

На Доуне его не было. Не успеешь привезти на Доун какое-либо оружие, как гроги присваивали его себе; оружие не являлось средством обороны. Оружие мы посылали на солнечную орбиту вокруг Доуна, а расстояние солнца от планеты было немного меньше, чем расстояние Меркурия от нашего солнца. Если бы гроги когда-либо превратились в опасность, тогда бы электромагнитное поле коперного экскаватора стало бы серьезной угрозой; тогда бы красное солнце Доуна вело себя довольно странно. И никто из нас не вспомнил бы его.

К чему? Они ведь знали мои доводы.

Не то чтобы я боялся грогов. Скорее, я боялся самого себя.

Копер был здесь, чтобы доказать мне, что мне позволено действовать против интересов грогов. Что вся власть была в моих руках.

И все же я никогда не был полностью уверен. Разве не могло случиться так, что последний человек на борту отключил бы мотор?

Могли бы гроги зайти так далеко? Не было никакой возможности проверить это. Если все произойдет именно так, тогда каждый, кто находится на борту этого старого космического корабля, мог увидеть, что все здесь в лучшем виде, и мог сказать:

— Гарвей, не ломай себе голову. Забудь это и спи спокойно.

Возможно, я так и сделаю. Легко поверить, что гроги — безобидный, доброжелательный вид, который отчаянно ищет друзей. Что нас ждет впереди?

ИЗМЕНЧИВАЯ ЛУНА

Я смотрел по телевизору последние известия и вдруг уголком глаз увидел что-то странное. Я тотчас же взглянул на балконную дверь, но ничего не заметил. В эту ночь луна светила необычно ярко. Отметив это, я улыбнулся и снова обратил свое внимание на телевизор, где уже шел комментарий Джонни Карсона.

Когда началась реклама, я встал, чтобы заварить кофе. До полуночи давали обычно три-четыре рекламных ролика, так что времени у меня было достаточно. Луна вновь приковала к себе мое внимание. Мне показалось, что она стала еще светлее. Меня словно загипнотизировали. Я открыл стеклянную раздвижную дверь и вышел на балкон.

Балкон был так мал, что здесь было место лишь для двоих (предположительно мужчины и женщины) и для гриля. Вид же отсюда открывался прекрасный, особенно на закате.

Компания по строительству электростанций возводила как раз недалеко от моего дома офис, типичный современный небоскреб из стали и стекла. Пока был построен лишь стальной каркас, и его темный скелет резко выделялся при заходе солнца на красноватом вечернем небе. Великолепный вид, сюрреалистический, адски впечатляющий.

Странный вечер...

Никогда я еще не видел такой яркой луны, даже в пустыне.

При таком свете можно прямо-таки читать, думал я, и вновь призвал себя к порядку. Возможно, дело лишь в одном моем воображении.

В общем-то луна величиной всего с двадцатипятицентовик, если рассматривать ее на расстоянии трех метров (где-то я читал об этом). И поэтому ее света недостаточно, чтобы читать.

А кроме того, она была видна лишь на три четверти. И все же —

луна, сиявшая над Сан-Диего, затмевала даже цепочки огней мчавшихся мимо автомобилей. Щурясь, я посмотрел на луну и подумал о людях, которые ходили по ней и оставили на ней свои следы. В связи с тем, что я однажды написал об этом статью, мне была предоставлена возможность подержать в руках сухой, как кость, лунный камень...

Я заметил, что шоу, которое я смотрел до новостей, продолжается, и снова вышел в комнату. Через плечо я еще раз посмотрел назад и заметил, что луна светит еще ярче, будто вышла из-за кучи облаков. Ее свет путал мысли, завораживал, дурманил...

Она сняла трубку лишь после пятого сигнала.

— Алло, послушай-ка,— сказал я.

— Алло,— ответила она заспанным голосом.

Черт побрал, я-то думал, что она тоже смотрит телевизор.

— Не сердись на меня, у меня была причина разбудить тебя. Ты уже спишь или?.. Встань и — ты ведь можешь встать?

— Который час?

— Скоро полночь.

— Великий боже!

— Выйди-ка на балкон и оглянись.

— Хорошо.

Я слышал, как она положила трубку, и подождал. Балкон Лесли, как и мой, выходил на северо-запад, только он был на 10 этажей выше. Следовательно, вид с него был еще красивее. Луна светила в мое окно, как наведенный прожектор.

— Стэн, ты здесь?

— Да. Что ты думаешь об этом?

— Фантастика. Никогда не видела ничего подобного. Почему луна так светит?

— Не знаю, однако это великолепно!

— Но ведь ты же живешь здесь дольше, чем я...

Лесли приехала сюда примерно год назад.

— Но я и сам не видел такой яркой луны. Но есть легенда,— ответил я.— Через каждые сто лет раскрывается завеса из смога над Лос-Анжелесом. И лишь в одну-единственную ночь воздух делается чистым, как в межзвездном пространстве. Боги хотят видеть, стоит ли еще Лос-Анжелес. А когда они убедятся в этом, то вновь надевают на город этот колокол из облаков, чтобы больше не видеть города.

— Эту небылицу я уже где-то слышала. Послушай, очень мило, что ты разбудил меня посматреть на луну, но мне завтра рано на работу.

— Бедное ты мое сокровище!

— Такова жизнь. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Потом я сидел в темноте и думал, кому бы мне еще позвонить. Если ты позвонишь девушке среди ночи и скажешь ей, чтобы она посмотрела на луну, то она примет тебя за романтика или за сумасшедшего. Но никогда не подумает, что до нее ты позвонил уже шести другим.

Мне пришли на память несколько имен, но эти девушки отвернулись от меня, когда я стал заигрывать с Лесли. За что обижаться на них? Джоан была в Техасе. Хильда готовилась к свадьбе. А если я позвоню Луизе, то Гарди тоже будет у телефона. Англичанка? Я позабыл ее имя. И фамилию тоже.

Все люди, которых я знал, соблюдали строгий режим.

Я тоже сам зарабатывал на жизнь, но, будучи свободным писателем, я сам регламентировал свое рабочее время. Если я позвоню сейчас какой-либо из моих знакомых, то обязательно нарушу не первый сон. Хватит...

Программа Джонни Карсона несколько изменилась. Когда я вернулся в комнату, на экране телевизора увидел снег. Раздавалась тихая музыка и сопровождающие шумы. Я выключил телевизор и опять вышел на балкон. Луна затмевала цепи прожекторов на Фривей и разливала свой яркий свет над виллами Вествуда, расположенными справа от меня. Гора Санта-Моника странно мерцала металлическим блеском. Звезд не было видно, их мерцание поглощал свет луны.

Я зарабатывал на жизнь научными трактатами и эссе. И, пожалуй, в состоянии найти убедительное объяснение этому странному изменению луны. Разве этот спутник Земли внезапно вырос? Раздулся, как шар? Или стал ближе к Земле? Сизигийные приливы — двадцатиметровые буруны — землетрясение — складка Сан-Андреас развернулась, как Большой каньон, — я прыгаю в свой автомобиль, несусь в горы — нет, уже поздно...

Бред! Луна была не больше, чем обычно, только светила ярче. Я хорошо это видел. Почему это луна вдруг могла упасть нам на голову? Я прищурился, яркий свет бросил темный отсвет на мою сетчатку.

Я уверен, что более миллиона людей тоже глазели сейчас на луну и дивились. Статья об этом имела бы прекрасный спрос — если я ее напишу и если меня не опередит другой. Итак, почему же луна светит все ярче? Лунный свет — это, собственно, отраженный солнечный свет. Разве солнце стало светить ярче? Значит, это произошло после его захода, иначе это бы заметили.

Эта мысль меня не убедила. Кроме того, другая половина Земли в это время освещалась солнцем. И тысячи корреспондентов газет «Лайф», «Тайм», «Ньюсвик» и «Ассошиэйтед Пресс» позвонили бы из Европы, Азии, Африки — если они не сидят в подвалах. Или не мертвы. Или не имели возможности позвонить, так как солнце за-

рядило атмосферу статическим электричеством и тем самым парализовало все агентства.

Радио, телефон, телевидение — да, телевидение! О боже! Постепенно меня охватил страх. Итак, все с начала. Луна светила ярче, чем всегда. Лунный свет, так вот, лунный свет являлся отраженным солнечным светом, это знает каждый дурак. Следовательно, что-то случилось с солнцем.

— Алло? Это снова я,— сказал я.

А затем слова застряли у меня в горле. Меня охватила паника. Что ей сказать?

— Я рассматриваю луну,— сказала она мечтательно.— Она прекрасна. Я хотела рассмотреть ее в бинокль, но ничего не увидела. Она слишком яркая, освещает весь город. А горы светятся, как чистое серебро.

Точно, она установила на своем балконе бинокль. Я совсем забыл об этом.

— Я даже и не пыталась снова уснуть. Слишком светло.

Я откашлялся и уже мог говорить.

— Послушай, Лесли, дорогая. Раз ты все равно уже не спишь и не можешь заснуть при такой луне, не пойти ли нам куда-нибудь поужинать?

— Ты что, сошел с ума?

— Нет, я в своем уме, в эту ночь невозможно уснуть. Возможно, такая ночь уже никогда не повторится. К черту твою диету. Давай попируем: мороженое с горячими фруктами, кофе по-ирландски...

— Что ж, пожалуй. Я только быстренько оденусь...

— Я зайду за тобой.

Лесли жила на 14 этаже во флигеле С на площади Баррингтона. Я постучал в ее дверь и ждал. И спрашивал себя между тем, почему я пригласил именно ее. Свою последнюю ночь на Земле я мог бы провести с другой девушкой или девушками, хотя это было мне не свойственно. Или я мог бы позвонить моему брату или моим разведенным родителям. Конечно, мой брат Майк ужасно бы рассердился, если б я разбудил его среди ночи. Такая же реакция была бы и у моих родителей. Правда, у меня была уважительная причина, но приняли бы они ее во внимание? А если даже и приняли бы, что тогда? Нечто вроде ночного бдения? Пусть лучше спят! Для меня главное найти какого-либо партнера, который участвовал бы в моем прощальном празднике, не задавая при этом ненужных вопросов. И это должна быть именно Лесли!

Я постучал еще раз. Она открыла дверь ровно настолько, что я мог войти. На ней было лишь нижнее белье. Я обнял ее. Жесткий пояс для чулок в ее руке оцарапал мою спину.

— Я как раз одеваюсь!

— Значит, я пришел вовремя,— ответил я, взял из ее рук пояс

и уронил его. Затем я наклонился, обхватил ее талию и выпрямился. Держа ее на руках, я осторожно направился в спальню, ее ноги ударялись о мои икры. Ее кожа была прохладна. Вероятно, она стояла на балконе.

— Эй, ты,— крикнула она,— ты думаешь, что можешь конкурировать с мороженым и горячими фруктами?

— В любое время! Этого требует моя гордость!

Мы оба немного запыхались. Единственный раз за все время нашей дружбы я попытался взять Лесли на руки и перенести через порог, как в кино. При этом я чуть было не сломал позвоночник. Лесли была высокого роста, почти с меня, а ее бедра были, пожалуй, немного полноваты. Мы вместе опустились на кровать. Я тотчас же начал ласкать ее спину, зная, что она не может устоять против этого. Тихий стон подсказал мне, где именно я должен был к ней прикасаться. В конце концов и она стянула с меня рубашку и тоже начала поглаживать мою спину. Мы раздели друг друга и бросили одежду на пол.

Кожа Лесли стала теплой, почти горячей...

Поэтому-то я и не смог бы найти себе другую девушку! Иначе мне нужно было сперва научить ее, как ей надо меня ласкать. А сейчас у меня не было для этого времени.

Были такие ночи, когда я не мог достаточно быстро достичь апогея. Но сегодня мы превратили это в настоящий ритуал. Я всякий раз оттягивал его, пытался доставить Лесли все большее наслаждение. Это оплатилось сторицей. Я забыл о луне и о том, что нам предстоит.

Но картина, которая вдруг предстала мне в самый эмоциональный момент, была поразительно впечатляющей и страшной. Мы находились в кольце голубоватого пламени, которое постепенно сужалось. Мои громкие стоны, в которых смешались ужас и экстаз, Лесли приняла за выражение удовольствия.

После этого мы лежали, крепко обнявшись, ленивые и сонные. Несмотря на свое обещание, я уже не испытывал ни малейшего желания пойти куда-либо, мне хотелось лишь спать. Но вместо этого я наклонился к Лесли и шепнул ей в ухо:

— Мороженое с горячими фруктами.

Она улыбнулась, выскользнула из моих рук и скатилась с постели.

Пояс для чулок раздражал меня, я не хотел, чтобы она его надевала.

— Уже за полночь. И кроме того, никто не посмеет тебя оскорбить, иначе я его изобью. Почему ты не носишь что-нибудь поудобнее?

Она засмеялась и уступила. В лифте мы снова обнялись — мне было приятнее обнимать ее без пояса.

Седая официантка взволнованно наклонилась к нам. Ее глаза горели. Она шептала, будто выдавала нам тайну:

— Вы не заметили, какая странная сегодня луна?

Ресторан «Джипс» был всегда полон в это время ночи. Он находился неподалеку от университета, и его посетителями были в основном студенты. Но сегодня они разговаривали приглушенными голосами, постоянно оглядывались и смотрели в окна работающего круглосуточно ресторана. Луна низко стояла в западной части небосклона, достаточно низко, чтобы конкурировать с уличными фонарями.

— Заметили,— ответил я.— Мы как раз хотели это отпраздновать. Дайте нам, пожалуйста, две порции мороженого с горячими фруктами.

Когда она отвернулась, я положил десятидолларовую банкноту под бумажную салфетку. Она, конечно, обрадуется, когда найдет ее.

Я почувствовал себя свободнее, расслабился. Все мои проблемы, казалось, разрешились сами собой. Кто бы мог подумать, что так просто примирить весь мир? В одну-единственную ночь: мир в Камбодже и Вьетнаме. Примерно в 23 часа по местному времени. В то время полуденное солнце находилось над Индийским океаном, освещало ярким светом всю Европу, Азию — исключая лишь ее отдаленные окраины — и Австралию.

Германия уже воссоединилась, стена пала, израильтяне и арабы сложили оружие, в Африке уже не существовал апартеид. Я был свободен, и моя фантазия не знала границ. Сегодня ночью я мог удовлетворить все мои низменные инстинкты, грабить, убивать, разорвать налоговые документы, бросать в витрины кирпичи, сжечь мои кредитные карточки. Я мог позабыть о своей научной статье о изменении формы металла во время взрыва, которую мне надо было сдать к четвергу, или заменить противозачаточные таблетки Лесли на безобидную глюкозу. Сегодня ночью...

— Сейчас я позволю себе выкурить сигарету.

Лесли удивленно взглянула на меня.

— А я-то думала, что ты бросил курить.

— Ты, конечно, помнишь, что я выговорил себе при этом право курить в экстремальных ситуациях. Я никогда бы не смог согласиться оставить курение навсегда.

— Но прошло уже несколько месяцев.

Она засмеялась.

— Мои журналы тоже все еще рекламируют сигареты.

— Значит, все в заговоре против тебя. Хорошо, бери свои сигареты.

Я бросил монеты в автомат, помедлил немного, выбирая марку, и предпочел наконец некрепкие сигареты с фильтром.

В общем-то мне не хотелось курить, но в одних случаях пред-

почитают шампанское, в других — сигареты. Не следует забывать о последней сигарете перед казнью...

Дай раку легких шанс, подумал я, и закурил. Вкус табака я еще не забыл, хотя и почувствовал сразу же резкий привкус, который обычно бывает, когда куришь окурок. При третьей затяжке я почти задохнулся. Мои глаза затуманились, окружающее я видел сквозь дымку. Я почувствовал биение пульса на шее.

— Тебе нравится сигарета?

— Как-то странно. У меня кружится голова.

Кружится голова! Эти слова я не произносил уже лет пятнадцать... Мы курили в колледже, чтобы испытать головокружение, это состояние полуопьянения, которое происходит из-за сужения клеток головного мозга. После нескольких раз головокружение прошло, но многие из нас продолжали курить.

Я погасил сигарету. Официантка принесла мороженое. Горячее и холодное, сладкое и кислое — нет ничего, что напоминало бы вкус мороженого с горячими фруктами. Кто умер, не вкусив этого, тот умер беднягой. Но в обществе Лесли этот кутеж имел особую прелесть, заменяя все лучшее в жизни. Смотреть, как она наслаждалась этим кушаньем, было уже само по себе удовольствием.

Итак, я потушил сигарету, чтобы есть мороженое. Но мне почему-то расхотелось его есть, мне приятнее было бы кофе по-ирландски. Но на это уже не было времени. Лесли уже съела свою порцию и удобно откинулась назад и, тихонько постанывая, гладила себя по животу, когда у одного из посетителей за маленьким столиком сдали нервы. Я видел, как он вошел в ресторан. Это был стройный молодой человек, похожий на школьника, с папкой, на носу у него были никелированные очки. Он то и дело смотрел в окно и, казалось, был вне себя от того, что там видел. И, кажется, потом он понял, в чем дело...

Я увидел, как изменилось выражение его лица. Сначала оно выражало смятение и недоверие, потом ужас, ужас и беспомощность.

— Вставай, мы уходим, — сказал я Лесли и бросил несколько монет на стойку.

— Ты не хочешь есть мороженое?

— Нет, имеется еще кое-что повкуснее. Что ты скажешь о кофе по-ирландски?

— А для меня еще и коктейль «Изящная леди». Посмотрите сюда!

Юноша-школьник вскарабкался на стол, выпрямился, стараясь удержать равновесие, и широко расставил руки. Он крикнул резким голосом:

— Посмотрите-ка наружу!

— Сейчас же слезайте со стола, — потребовала официантка и сильно потянула его за брюки.

— Близится конец света! Там, на другой стороне моря, царят смерть и адский огонь...

Мы больше ничего не услышали, так как мы были уже за дверью и неслись, смеясь, вниз по улице. Лесли запыхалась:

— Мы вовремя избежали религиозного заговора.

Я вспомнил о 10 долларах, которые я оставил под бумажной салфеткой. Официантка, наверное, уже не обрадуется им, так как молодой пророк предвещал начало Страшного суда. Седовласая официантка найдет банкноту и, наверно, подумает: значит, они знали об этом.

Здания бросали тень на место стоянки автомашин у ресторана «Ред Барн». Уличные фонари и лунный свет почти одинаково ярко освещали все вокруг. Ночь казалась немного светлее, чем обычно. Я не понял, почему вдруг Лесли остановилась посреди площади. Я посмотрел туда, куда смотрела она, и увидел ярко мерцающую звезду в южной части ночного неба.

— Очень красиво,— пробормотал я.

Она бросила на меня непонимающий взгляд. В ресторане «Ред Берн» не было окон. Приглушенный искусственный свет, значительно менее яркий, чем странный холодный свет луны, освещал гладко полированное дерево отделки и веселых гостей. Никто здесь, по-видимому, и не заметил, что эта ночь была не такой, как другие. Некоторые посетители собрались в небольшой кружок на эстраде, где стоял рояль. Один из них стоял у рояля, держа судорожно сжатой рукой микрофон, и пел дрожащим, немелодичным голосом какую-то сентиментальную песенку. Одетый в черное пианист, аккомпанировавший ему, снисходительно ухмылялся.

Я заказал два кофе по-ирландски и коктейль «Изящная леди». На вопросительный взгляд Лесли я ответил гланистой улыбкой.

Какими раскованными и довольными были посетители ресторана «Ред Барн»! Мы держали друг друга за руки и улыбались. Я боялся сказать что-либо, чтобы не спугнуть каким-либо неправильным словом это очарование...

Принесли напитки. Я поднял стакан с кофе. Сахар, ирландский виски, крепкий черный кофе с толстым слоем сбитых сливок — жидкость превратилась в волшебный напиток, горячий, крепкий, темный, могучий.

Официантка не захотела взять мои деньги.

— Вы видите там, на сцене, мужчину в пуловере с высоким воротником? Он платит за все,— объяснила она, убрав посуду.

— Он пришел два часа назад и дал бармену банкноту в 100 долларов.

Так вот откуда хорошее настроение: бесплатно напитки. Я посмотрел на мужчину, спрашивая себя о том, что же он такое праздновал... Широкоплечий, похожий на быка парень сидел, опустив

плечи, за столом около пианино и держал в руке пузатую рюмку. Пианист протянул ему микрофон, но парень отодвинул его небрежным движением руки в сторону, дав тем самым мне возможность видеть его лицо. Упитанное, симпатичное лицо было искажено опьянением и ужасом. Он чуть не плакал от страха.

Я понял, что он праздновал.

Лесли сделала гримасу.

— Они неправильно смешали мой коктейль.

В мире был лишь один-единственный бар, где этот коктейль делали точь-в-точь, как любила Лесли, но он находился не в Лос-Анжелесе. Я ухмыльнулся, что должно было означать — а я что говорил — и подвинул ей вторую порцию кофе по-ирландски. Но мое настроение ухудшилось. Страх щедрого парня был весьма заразителен. Лесли ответила мне улыбкой, подняла стакан и воскликнула:

— За голубой свет луны!

Я тоже поднял стакан и выпил, но я произнес бы другой тост.

Мужчина в пуловере с высоким воротником встал со стула. Он осторожно направился к выходу, и его походка была преувеличенно медленной и прямой — как океанский корабль, который направляется в док. Он широко распахнул дверь и, держа ее открытой, обернулся. Его фигура выделялась темным силуэтом на фоне бледного, голубовато-белого света ночи.

Проклятый подонок! Казалось, он ждал, что кто-нибудь скажет это, что кто-нибудь бросит всем правду в лицо. Огонь и тлен — Страшный суд...

— Закройте дверь! — крикнул кто-то.

— Давай лучше уйдем! — сказал я тихо.

— Зачем спешить?

Я хотел уйти, пока мужчина в дверях не заговорит. Но я не хотел говорить об этом ей, Лесли...

Лесли положила свои руки на мои, успокаивая меня.

— Хорошо, я все поняла. Но нам все равно не избежать своей судьбы, правда?

Огромный кулак безжалостно сжал мое сердце. Она все знала, а я, болван, не заметил этого. Входная дверь закрылась, ресторан снова погрузился в красноватый призрачный свет. Великодушный даритель исчез.

— Боже, когда ты это заметила?

— Незадолго до твоего прихода, — ответила она спокойно. — Но в это время у меня еще не было доказательств для моих предположений.

— Доказательств?

— Я вышла на балкон и направила подзорную трубу на Юпитер, Марс сейчас находится, к сожалению, ниже линии горизонта.

Когда Солнце превращается в новую звезду, то все планеты должны светить ярче, не только луна, верно?

— Точно, черт побери!

Мне бы следовало самому догадаться об этом. А Лесли была астрологом. Правда, я немного разбирался в астрологии, но никогда бы не смог найти Юпитер, даже если б речь шла о моей жизни. Но Юпитер светил не ярче, чем обычно.

— Это было для меня загадкой, и я не знала, что это могло означать...

— Но...

Вдруг я почувствовал надежду. И затем у меня открылись глаза.

— А что стало со звездой, на которую ты смотрела на стоянке автомашин?

— Это был Юпитер.

— Он горел, как неоновая реклама. Теперь мне все ясно.

Я говорил тихо. Лишь в какой-то момент у меня возникло непреодолимое желание вскочить на стол и крикнуть:

«Огонь и Страшный суд!»

Какое они имели право делать вид, будто все это их не касается?!

Рука Лесли еще крепче сжала мою. Странное желание прошло, но я дрожал всем телом.

— Давай уйдем! Пусть они думают, что это сумерки.

— Это и есть сумерки...

Лесли смеялась горько, безнадежно — я никогда не слышал от нее такого смеха. Она вышла из ресторана. Я полез в карман за портмоне, но потом вспомнил, что мне не надо было платить. Бедная Лесли! Тот факт, что Юпитер не изменился, вероятно, показался ей отсрочкой — до тех пор, пока белая звезда ярко вспыхнет спустя полтора часа.

Когда я вышел, Лесли бежала вниз по направлению к бульвару Санта-Моника. Ругаясь, я бежал ей вслед, спрашивая себя, уж не лишилась ли она рассудка.

Вдруг я заметил перед нами тени. Другая сторона бульвара Санта-Моника состояла лишь из света и тени, лунных теней, из горизонтальных полос темноты и бело-голубого света. На ближайшем углу я догнал Лесли. Луна медленно заходила.

Заходящая луна представляет странное зрелище, но в эту ночь ее пугающий свет проникал глубоко в каньоны домов бульвара Санта-Моника, рисовал на улицах невероятные картины из линий и теней. Даже ее последняя четверть светилась перламутровым блеском в отраженном дневном свете.

У меня исчезли все сомнения. Теперь я точно знал, что происходило на дневной стороне Земли. А что же происходило на Луне? Участники экспедиции на Луну погибли в первые же минуты после

вспышки новой звезды. Находясь на поверхности Луны, они были беззащитны перед обрушившимся на них раскаленным световым штормом. Вероятно, они тщетно пытались укрыться за одной из плавающих скал.

Или они находились в это время на темной стороне Луны?

Я не знал, что думать. К черту, они, возможно, еще переживут нас всех.

Зависть и ненависть вдруг вспыхнули во мне. А также гордость — ведь это мы послали их туда. Мы вступили на Луну прежде, чем Солнце превратится в новую звезду. Недалеко то время, когда наша нога ступит и на оставшиеся незавоеванными звезды.

На заходе Луна постоянно менялась. Сначала она была похожа на купол, потом, немного спустя, на летящее блюдце, потом на линзу, а в конце превратилась в полосу...

И наконец она исчезла. Ну вот, наконец-то. Теперь можно было разгуливать, не думая постоянно о том, что что-то не в порядке. С заходом Луны исчезли все странные рисунки из света и тени на улицах города. Но облака горели странным сиянием. Как и при заходе Солнца, края облаков, обращенные к западу, бледно сияли. Они быстро проплывали по небу, будто убегая от кого-то.

Я повернулся к Лесли. Крупные слезы стекали по ее щекам.

— Проклятье!

Я гладил ее руку.

— Перестань плакать! Успокойся!

— Не могу, ты ведь знаешь. Если я заплачу, то не могу уже быстро остановиться...

— Я не хотел этого. Я думал, что нам следует предпринять что-либо, что нас бы отвлекло, доставило радость. К тому же, это наша последняя возможность. Или ты хочешь плача умереть где-нибудь на углу улицы?

— Я вообще не хочу умирать!

— Скромное желание.

— Спасибо за утешение.

Лихорадочный румянец покрыл ее искаженное лицо... Лесли плакала, как ребенок, даже не пытаясь сохранить достоинство. Я чувствовал себя виноватым до отвращения, хотя точно знал, что не был виноват в том, что вспыхнула новая звезда. Я был в бешенстве.

— У меня тоже нет желания умирать! — крикнул я. — Покажи мне путь, каким можно избежать гибели, и мы пойдем этим путем. Куда идти... На Южный полюс? И там мы тоже проживем лишь на несколько часов дольше. На дневной стороне Луна, конечно, уже расплавилась. На Марс? Когда все закончится, то Марс, как и Земля, станет всего лишь частью Солнца. Может, на Альфу Центавра? Ускорение, необходимое для того, чтобы хоть когда-нибудь добраться туда, размазало бы нас по стенке, как назойливых насекомых.

— Ах, замолчи!

— Хорошо.

— Гавана! Стэн, через 20 минут мы сможем быть в аэропорту. Если мы полетим на Запад, то выиграем два часа. На два часа больше, чем осталось до восхода Солнца!

Это была верная мысль. Прожить на два часа больше — стоило любой цены! Но эту мысль я уже обдумывал, когда рассматривал Луну со своего балкона.

— Нет, это ложный вывод. Мы должны будем умереть раньше. Послушай, любимая. Луна взошла в полночь, то есть Калифорния находилась как раз на оборотной стороне Земли, когда Солнце превратилось в новую звезду.

— Да, верно.

— Итак, нас все равно здесь настигнет огненная волна.

Она недоуменно заморгала глазами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Подумай-ка. Сперва взорвется Солнце. Из-за огромной жары на дневной стороне Земли мгновенно нагреются воздух и моря. Перегретый воздух и кипящий пар распространяется невероятно быстро. Раскаленная волна быстро перебросится на ночную сторону Земли. До Гавайев она доберется скорее, чем до Калифорнии.

— Тогда мы не доживем и до рассвета?

— Нет.

— У тебя редкий талант все слишком подробно объяснять, — с горечью пробормотала она. — Значит, это будет раскаленная горячая волна.

— Прости, вероятно, я слишком увлекся этой проблемой, спрашивая себя, как это все будет происходить.

— Тогда сейчас же прекрати!

Она прижалась ко мне и заплакала, разрывая мне сердце. Я нежно обнял ее и, успокаивая, гладил по спине. При этом я следил за мчащимися облаками и уже не думал о том, как будет выглядеть смерть. И не думал уже об огненном кольце, которое все больше сжималось вокруг нас.

Но это представление было заведомо неправильным. Я полагал, что на дневной стороне Земли океан вскипит, думал, что горячий пар возвестит об огненной волне.

Я упустил из виду миллионы квадратных миль водной поверхности, которые должен был преодолеть гар. Пока он достигнет нас, он должен, к нашему счастью, охладиться. И вследствие вращения Земли он перемещается, как белье в центрифуге. И два урагана из клубящегося пара обрушатся на нас — один с севера, другой с юга!

Эти ураганы поднимут людей в воздух, и они будут кипеть там в раскаленном пару. Течение воздуха отделит мясо от кости, а остан-

ки развеет во все стороны света — смерть более ужасная, чем пламя ада. Мы уже не увидим восход Солнца. Жаль, это было бы примечательное зрелище.

Густые облака закрывали звезды и быстро уносились дальше. Юпитер матово сверкал, а затем и совсем исчез.

— Разве уже началось? Разве на горизонте сверкнули молнии?

— Утренняя заря,— пробормотал я.

— Что?

— Мы увидим такую утреннюю зарю, которую никому еще не довелось видеть.

Лесли вдруг громко рассмеялась.

— Вся наша болтовня здесь, на углу улицы, кажется мне не-реальной. Стэн, может, все это сон?

— Да, пожалуй.

— Нет, большинство из людей, вероятно, уже погибли.

— Конечно.

— Значит, негде найти спасения?

— Проклятье, ты ведь знаешь, что это так. Ты же сама все поняла. К чему этот вопрос?

— Ты не должен был будить меня! — возмущенно вскрикнула она. — Ты не мог оставить меня в покое, тебе обязательно надо было нарушить мой сон!

Я молчал. Ведь она была права.

— Мороженое с горячими фруктами, — бормотала она сквозь слезы. — Но, возможно, это была неплохая мысль прервать мою диету.

Я начал хихикать.

— Сейчас же прекрати!

— Мы могли бы пойти к тебе или ко мне и лечь спать.

— Мы ведь не смогли бы заснуть, разве не так?

— Нет, не перебивай меня! Мы примем снотворное, через пять часов проснемся от ужасной боли. Нет, уж лучше не буду спать и перенесу сознательно то, что со мной произойдет.

А если мы примем все таблетки... но эту мысль я не высказал. Вместо этого я предложил ей:

— А что ты скажешь, если мы устроим пикник?

— Где?

— Ну хотя бы на берегу моря. Но это мы можем решить и позже.

Почти все магазины были закрыты. Лишь один магазин, где продавались спиртные напитки, недалеко от ресторана «Ред Барн», был открыт, его хозяин знал меня уже несколько лет как хорошего клиента. Мы купили бисквит, несколько бутылок хорошо охлажденного шампанского, шесть различных сортов сыра и очень много орехов — пакетик каждого сорта, мороженое, бутылку старого бренди за 25 долларов, для Лесли бутылку вишневого ликера и шесть тройных

упаковок пива и апельсинового сока. Пока мы все это клали в продовольственную корзину, начался дождь. Тяжелые капли стучали по стеклам витрины, поднялся сильный вихрь.

Продавец был в хорошем настроении, прямо-таки чуть не лопался от энергии. Он всю ночь наблюдал за Луной.

— А теперь вот это! — крикнул он, укладывая в пакеты купленные нами продукты. Это был небольшого роста, но сильный пожилой мужчина с широкими плечами и мускулистыми руками.

— Такого дождя еще никогда не было в Калифорнии. Обычно льет как из ведра; если уж начинается дождь, он длится несколько дней, пока не изменится фронт облачности.

— Знаю, — сказал я и выписал ему банковский чек. Но совесть у меня все же была нечиста, так как он давно уже знал меня и доверял мне. Чек был гарантирован, так как в банке у меня был весьма приличный счет. Разве моя вина в том, что этот чек скоро превратится в кучку золы, что лучевой ураган сожжет все банки задолго до их открытия?

Продавец положил все пакеты в продовольственную корзину и повез ее к двери.

— Как только дождь немного перестанет, мы перенесем ваши покупки в ваш автомобиль.

Я встал у двери. Дождь шел такой, будто кто-то лил воду на окна витрины из ведра. Но немного погодя дождь несколько утих.

— Давайте, — крикнул продавец.

Я раскрыл дверь и мы выбежали наружу. Когда мы добежали до машины, то рассмеялись как сумасшедшие. Ветер громко завывал и завихрял потоки дождя.

— Мы выбрали правильный момент. Знаете, что мне напоминает эта погода? — спросил продавец. — Она напоминает мне торнадо, который я видел в Гагаде.

Совершенно неожиданно вместо дождя стала падать галька. Мы вскрикнули от ужаса и согнулись. Железо машины зазвенело, будто тысяча маленьких чертей превратили его в барабан. Я открыл машину и втянул туда Лесли и продавца. Ругаясь, мы терли ушибы и удивленно рассматривали белые камушки, которые сыпались вокруг нас. Продавец вынул один из-за воротника своей рубашки и положил на ладонь Лесли. С возгласом удивления она отдала его мне. Он был холодный.

— Град, — проговорил продавец, тяжело дыша.

Но ливень уже прошел. Мужчина плотнее укутался в свой пиджак, вышел из машины и бросился, как морской пехотинец при штурме высоты, к своему магазину.

Облака были похожи на гигантские горы, рвались от сильного, порывистого ветра и плыли с огромной скоростью дальше по небу, отражая море городских огней.

— Влияние новой звезды,— шептала в ужасе Лесли.
— Спрашивается, почему? Если бы волна жара была бы здесь, мы бы давно уже испустили дух. Или лишились бы сознания. Но град?

— Какая разница? Стэн, у нас уже нет времени.

Я опомнился.

— Ты права. Что бы ты сейчас больше всего хотела?

— Посмотреть бейсбольный матч.

— Сейчас только два часа ночи,— напомнил я ей.

— Значит, многое другое мы уже пропустили, не так ли?

— Верно. Последнее посещение бара, последнюю игру, последний фильм. Что еще осталось?

— Мы можем досмотреть витрины ювелирных магазинов.

— Ты серьезно? В твою последнюю ночь на Земле?

Она подумала немного и кивнула:

— Да.

В самом деле, она хотела это. Ничего более глупого я не мог бы себе представить.

— Хорошо. Где, в Вествуде или в Беверли-Хиллс?

— В обеих частях города.

— Но послушай-ка...

— Хорошо, в Беверли-Хиллс.

Вновь начался дождь и град, а мы поехали в Беверли-Хиллс, остановились недалеко от ювелирного магазина Тиффани.

Дорога представляла собой сплошную лужу. Большие капли воды стекали с карнизов окон и зданий прямо на нас.

— Отлично! — вскрикнула Лесли.— Здесь недалеко есть около дюжины ювелирных магазинов и до них легко дойти пешком.

— Я думаю, мы поедem на машине.

— Нет, нет, так не делают. Осмотр витрин делают пешком.

— Но ведь идет дождь...

— Не беспокойся, от воспаления легких ты не умрешь, у тебя не будет на это времени.

При этих словах она мрачно улыбнулась.

У Тиффани был в Беверли-Хиллс лишь небольшой филиал. Но к нашему разочарованию, в витринах были выставлены лишь дешевые украшения. И лишь немногие из них стоили внимания.

На Родео-Драйв нам повезло больше. Ювелирный магазин Тибора выставил в витринах огромный выбор колец, филигранных и современных украшений всякого размера и отделки, все возможные драгоценные и полудрагоценные камни. На другой стороне улицы Ван Клиф и Арпель предлагали свой ассортимент брошей, мужских наручных часов с элегантными отделками и браслетов с крошечными вделанными в них часами. Одна витрина представляла изысканные бриллиантовые украшения.

— О, как красиво! — воскликнула Лесли.

Она с восторгом рассматривала многочисленные великолепные сверкающие бриллианты!

— А как они сверкают при дневном свете! Черт возьми!

— Прекрасная мысль. Представь себе, как они заискрятся в свете новой звезды. Хочешь что-нибудь из этих украшений? Может быть, вот это ожерелье?

— О, можно мне его? Нет, я пошутила. Положи его назад, идиот, витрина определенно подключена к сигнальной установке.

— Ну и что, никто его уже не сможет носить. Почему нам нельзя взять его?

— Нас схватят!

— Но именно ты хотела посмотреть витрины ювелирных магазинов.

— И все же я не хотела бы провести свои последние часы в тюремной камере. Если бы у тебя сейчас была здесь машина, у нас, может быть, и был бы шанс...

— Удрать. Совершенно верно. Я и хотел взять машину.

В этот момент нас оставило самообладание, и мы совсем пали духом. Мы вынуждены были отвернуться друг от друга, чтобы вновь обрести внутреннее равновесие.

На Родео было около полдюжины ювелирных магазинов. Но и другие магазины притягивали нас с магической силой. Магазины с игрушками, книгами, рубашками, галстуками и другими товарами сменяли один другой.

Наша прогулка по витринам магазинов была особенно привлекательна от сознания того, что нам лишь стоило разбить витрину, чтобы взять то, что нам понравилось.

Рука об руку мы гуляли по улицам. Пешеходные дорожки были только для нас, так как плохая погода прогнала людей по домам. Облака все еще неслись по небу.

— Жаль, что я не знала раньше, что произойдет, — сказала вдруг Лесли. — Я провела свой последний день на Земле, отыскивая ошибку в компьютерной программе. Но эту программу мы теперь никогда не сможем запустить.

— А что бы ты сделала вместо этого? Смотрела бы бейсбол?

— Возможно. Оставим это, это уже не имеет никакого значения. Вдруг она нахмурила лоб.

— Что бы ты все же сделал?

— Я бы выпил в ресторане «Блю Сфер» несколько коктейлей, — быстро ответил я. Это бар, где посетители должны иметь обнаженной верхнюю часть тела. Раньше я часто бывал там. Говорят, что теперь там принимают посетителей лишь в обнаженном виде.

— Я никогда еще не была в таком заведении. До которого часу у них открыто?

— Забудь об этом, уже почти половина третьего.

Лесли сделала обиженный вид, рассматривая в витрине магазина игрушек огромного плюшевого зверя.

— Скажи, ты хотел бы кого-нибудь убить, если бы у тебя было время?

— Ты ведь знаешь, что мой агент живет в Нью-Йорке.

— А почему именно он?

— Мое милое дитя, ты хочешь знать, почему писатель хочет убить своего агента? Из-за рукописей, которые он надолго закопал среди других, из-за 10 процентов, которые он получает с меня за свое безделье, из-за преднамеренного затягивания публикаций, из-за...

Возникший вдруг сильный порыв ветра пронзил нас ледяным холодом. Лесли указала на какой-то магазин (случайно это оказался магазин Гуччи), и мы побежали к нему и спрятались под крышей входа.

Не прошло и секунды, как в воздухе появились градины толщиной с палец. Где-то зазвенело стекло, тонко завывли сигналы тревоги, звуки, затерявшиеся в вихре ветра. То, что падало с неба, было тверже, чем град, было, скорее, похоже на камни.

В воздухе я почувствовал запах и вкус морской воды. Я сильнее прижал к себе Лесли, а сам еще плотнее прижался к витринному стеклу магазина Гуччи. Строки одного старого стихотворения пришли мне на память, и я закричал громко:

— Непогода — гроза! Как сверкают вокруг нас молнии! — Но ветер уносил слова с моих губ, я почти не слышал себя, а Лесли и не заметила, что я кричал.

Климат новой звезды! Но почему это настало так скоро? Если волна шока уже достигла полюса, то она должна преодолеть еще более 4 тысяч миль — следовательно, могла достичь нас лишь через пять часов. Ну, возможно, через три часа. Я предполагал, что шоковая волна выразится не в виде внезапных порывов ветра. На другой стороне Земли взрывающееся солнце оттянет атмосферу от Земли в пустоту космоса. Следовательно, волна шока должна была проявиться в виде единственного невероятного удара грома.

На секунду ветер будто уснул, и я тотчас же побежал, таща за собой Лесли. Как только следующий порыв ветра налетел на нас, мы спрятались у следующего входа. Мне показалось, что где-то вдали завывала полицейская сирена.

Ветер снова утих. Мы быстро пересекли бульвар и добежали до машины. Поспешно сели в машину и ждали, замерзшие и обессиленные, пока внутреннее отопление согреет нас. В моих ботинках была вода, мокрая одежда неприятно натирала тело.

— Сколько еще нам осталось времени?! — крикнула Лесли.

— Не знаю! Пару часов.

— Значит, перенесем наш пикник домой!

— В твою или мою квартиру? В твою! — решил я и тронулся с места стоянки.

Бульвар был затоплен, вода достигала временами осей колес. Порывы ветра с градом превратились в непрерывный дождь, густые клубы тумана поднимались от земли и мешали видеть.

Роковая погода!

Погода новой звезды! Значит, нас не настигнет волна пара и огня. Вместо этого в стратосфере свирепствовал холодный ветер, вызывая вихри, которые обрушивались на Землю как сильные порывы ветра.

Мы поставили машину, не имея на это разрешения, на самой высокой площадке. С первого взгляда я понял, что расположенные ниже площадки были залиты водой. Я открыл багажник и вынул оттуда две полных бумажных сумки.

— Мы, наверное, сошли с ума, — сказала Лесли и покачала головой.

— Мы ведь не сможем все это съесть.

— И все равно мы возьмем это с собой.

Она засмеялась, не понимая ничего.

— Для чего?

— Так, у меня предчувствие. Ты pomoжешь мне нести?

Лесли взяла две сумки. Другие мы оставили в багажнике и поехали на лифте на 14 этаж.

— Оставь другие покупки в машине, — сказала Лесли. — У нас есть закуска, бутылки и орехи. Что нам еще нужно?

— А как же сыр и бисквиты?

— Оставь их внизу.

— Нет.

Она медленно повернулась ко мне.

— Ты потерял рассудок, — сказала она медленно, чтобы я мог понять каждое слово.

— Возможно, внизу тебя ждет смерти! Возможно, нам осталось жить всего несколько минут, а ты рискуешь жизнью для того, чтобы принести продукты, которых хватит на неделю! К чему?

— Не знаю.

— Тогда иди, дурак!

Она громко хлопнула дверью у моего носа, закрывая ее.

Находясь в лифте, я думал о божьем приговоре. Я спрашивал себя, не права ли Лесли. Здесь, внутри здания, завывание ветра доносилось приглушенно, но, возможно, именно сейчас он разрушил электрический кабель, чтобы оставить висеть меня в темной кабине лифта где-либо между этажами. Но я удачно спустился вниз. Верхняя площадка для стоянки была залита водой по колено. К моему удивлению, вода была теплой, как остывшая ванна. Но было неприятно идти по ней вброд.

Клубы пара поднимались с поверхности воды, в нишах завывал ветер.

Подъем наверх мне снова показался божьим судом. А вдруг я ошибался — вдруг это были всего-навсего скромные желания — вдруг на меня обрушится сейчас кипящее облако пара — я был, действительно, идиот. Но двери лифта открылись, и электричество не было выключено, лампы горели.

Лесли не хотела впустить меня в свою квартиру.

— Уходи! — кричала она через закрытую дверь. — Жри свой сыр и бисквиты где-нибудь в другом месте!

— Ты нашла кого-нибудь лучше меня?

Это было ошибкой. Она не отвечала.

Я мог ее понять. Не было никакой необходимости спорить об этом, спуститься мне еще раз за продуктами или нет. Почему так получилось? Если нам повезет, то наша любовь будет жить еще, возможно, час. Зачем же спорить сейчас из-за мелочей?

— Мне очень жаль, я не хотел ссориться с тобой! — крикнул я, надеясь, что она сможет услышать меня через закрытую дверь. — Но, возможно, нам понадобятся продукты на целую неделю — и надежное убежище!

Никакого ответа. Я размышлял, открыть ли мне самому дверь. Или лучше ждать на лестничной площадке. Может быть, она...

Дверь открылась. Лесли была бледна.

— Это очень жестоко, — сказала она спокойно.

— Я не могу тебе ничего обещать, не хочу обнадеживать тебя понапрасну. Но ты вынуждаешь меня к этому. Ну, хорошо, я спрашиваю себя: действительно ли солнце взорвалось?

— Это еще ужаснее. Я уже привыкла к этой мысли.

Она устало прислонила голову к дверной раме. Она выглядела усталой. Я переоценил ее...

— Послушай меня внимательно! Все происходит как-то не так, — сказал я. — Начиная с северного полюса к южному, утренняя заря должна бы освещать ночное небо. Взрывная волна, вызванная взрывом на солнце, должна бы со скоростью, равной скорости света, пронестись во Вселенной и сорвать с Земли ее атмосферу. Над каждым зданием мы бы увидели огненную корону. И, кроме того, буря двигалась слишком медленно!

Я уже не говорил, а кричал, чтобы перекрыть завывания ветра.

— Новая звезда унесла бы половину атмосферы нашей планеты, волна от разницы давления пронеслась бы над ночной стороной и вмиг бы разбила не только все стеклянные предметы, но и твердые тела. Но это не случилось, моя дорогая! Этому я и удивляюсь!

— Откуда же эта непогода? — Она почти прошептала это.

— Возможно, солнечная вспышка, но самое худшее...

Ее слова звучали как обвинение.

— Солнечная вспышка! Ты думаешь, что Солнце может так ярко светить, что...

— Совершенно правильно, и...

— ...и оно заставит планеты и луну светить как факелы, а затем, будто ничего не произошло, светить как обычно. Ну ты и дурак!

— Можно мне войти?

Она удивленно посмотрела на меня и отошла в сторону, пропуская меня. Я нагнулся, взял стоявшие на полу сумки с продуктами и вошел в квартиру.

Ветер с такой силой рвался в стеклянные двери и окна, будто какой-то великан пытался силой войти в дом. Дождь просочился через трещины и неплотно соединенные места и нарисовал темные пятна в коврах на полу. Я поставил сумки на кухне. В холодильнике я нашел хлеб, отрезал два ломтика, положил их в тостер и начал резать куски сыра.

— Моя подозрительная труба исчезла, — сказала Лесли и посмотрела на меня.

— Может быть, ты ее плохо закрепила, — сказал я, откупоривая бутылку шампанского.

Тостер выбросил поджаренные ломтики хлеба. Лесли взяла нож, намазала ломтики маслом и положила на них сыр.

Я поднес бутылку с шампанским ей к самому уху, это я делал всегда, когда мы пили шампанское. Когда же пробка выскочила, Лесли лишь едва улыбнулась. Потом она сказала:

— Нам надо перенести наш пикник за кухонную полку, так как рано или поздно ветер выдавит все оконные стекла и всюду будут осколки стекла.

Это была хорошая мысль. Я тотчас же собрал все диванные подушки и мягкие сиденья и построил для нас за кухонной полкой удобное гнездо для последних часов нашей жизни.

Получилось довольно уютно. Кухонная полка была выше наших голов и мы могли с комфортом растянуться на устланном подушками полу.

Лесли наполнила до краев шампанским две коньячных рюмки. Я судорожно искал подходящий тост, но на ум не приходило ни одного, который бы не звучал угнетающе. Так мы и выпили без тоста, поставили стаканы на пол и упали друг другу в объятия.

— Мы умрем, — шептала Лесли.

— Может быть, нет.

— Ты должен постепенно привыкнуть к этой мысли, как и я. Я уже сделала это, — посоветовала она. — Посмотри, ты ведь уже дрожишь нервной дрожью. Из страха перед смертью. Это была чудесная ночь, не так ли?

— Одна-единственная ночь. Жаль, что я не пришел к тебе раньше.

Шесть сильных ударов грома, как взрывы бомб, следуя непрерывно одним за другим, заставили зазвенеть все стекла.

— Это было бы здорово,— ответила она, когда грохот утих.

— Если бы я знала это сразу после обеда...

— Конфеты с орехами!

— Овощной базар! Жареные орехи... Кого бы ты убил, если бы у тебя еще было время и возможность?

— В студенческие годы у меня была подруга.

— ...которая отбила у меня друга.

Я назвал издателя, который не стал печатать мою рукопись из-за какой-то книги. Лесли назвала опять одну из моих старых знакомых, а я — ее единственного приятеля, назвав его по имени. Так мы играли некоторое время, пока уже не могли ничего придумать. И нам стало уже не интересно.

Свет вдруг замигал и погас на мгновение, потом снова вспыхнул. Как бы невзначай я спросил Лесли:

— Ты правда веришь, что Солнце нормализуется?

— Это было бы лучше для нас, иначе мы в любом случае умрем. Жаль, что мы не увидели Юпитера.

— Черт побери, отвечай мне. Ты думаешь, что это была лишь короткая вспышка?

— Да.

— Почему?

— Желтые неподвижные звезды не могут превращаться в новые звезды.

— А если в этом случае это все же произошло?

— Астрономы много знают о возникновении новых звезд,— сказал спокойно я.— Больше, чем ты думаешь. Они могли распознать это за несколько месяцев до наступления этого явления. Солнце относится к маленьким неподвижным звездам, которые не могут превратиться в новые звезды. Для этого им надо еще пройти основные стадии развития, а это длится многие миллионы лет...

Она нежно шлепнула меня по спине. Мы растянулись на полу, прижавшись щекой к щеке. Я не мог видеть ее лица.

— Я не верю тебе, я просто не осмеливаюсь верить. Стэн, такого, как сейчас, еще никогда не было. Откуда тебе известно, будто то, что ты говоришь, правда?

— Нечто подобное уже было однажды...

— А что? Я ничего не знаю об этом. Я бы наверняка вспомнила.

— Вспомни первое прилунение Олдрина и Армстронга.

— Я его хорошо помню. Я видела кадры по телевидению на приеме у Эрла по случаю прилунения.

— Олдрин и Армстронг сделали посадку на самой большой равнине Луны. Хотя фотосъемки, показанные по телевидению, и были не совсем четкими, но все же на некоторых из них можно было

ясно различить следы ног, которые оставили космонавты на поверхности Луны... Кроме того, они привезли с собой образцы пород с Луны. Ты ведь знаешь, они сказали во время интервью, что им потребовалось время, чтобы найти эти образцы. Ученые тут же установили, что породы были наполовину расплавлены. Когда-то в прошлом, скажем 100 тысяч лет назад,— в науке нет возражений против этой точки зрения — на Солнце была вспышка. Эта вспышка была недолгой и недостаточно сильной, чтобы оставить какие-либо следы на Земле. Но у Луны нет атмосферы, которая бы защищала ее. И на той стороне Луны, что обращена к Солнцу, все породы расплавились.

Воздух был плотным и душным. Я снял мое насквозь промокшее от дождя пальто, вынув из него сигареты и спички. Закурил сигарету и выпустил дым около уха Лесли.

— И все же мы бы узнали об этом. Следовательно, это было уж не так страшно, как ты изобразил, иначе бы и на Западе имелись следы.

— Я в этом не уверен. Представь себе, что вспышки на Солнце произошли над Тихим океаном. Это вызвало бы не слишком много несчастий. Или над американским континентом. Возможно, его излучение стерилизовало бы некоторые растения и животных, и от жары возникли бы пожары, в пламени которых погибли бы некоторые леса. Кто бы это заметил? Солнце тогда нормализовалось, а почему бы теперь нет? Солнце изменяется всего в пределах 4%. Возможно, иногда оно превышает этот предел.

Из спальни раздался сильный звон и треск. Окно? Влажный поток воздуха хлынул на нас, завывание шторма стало слышнее.

— Тогда мы, может быть, и останемся в живых,— медленно пробормотала Лесли.— Выпьем!

— Вижу, что ты теперь все поняла...

Я быстро отпил глоток из своей рюмки. Между тем было уже три часа утра, а ураган ревел у нашей двери, пытаясь сорвать ее.

— Разве мы больше ничего не предпримем для нашего спасения?

— Мы это и делаем.

— Может, попытаемся убежать в горы? Стэн, ведь будет наводнение.

— Тут ты можешь поклясться своей головой. Но вода не поднимется выше 14 этажа. Слушай внимательно! Я уже подумал об этом. Мы находимся в доме, который, как утверждают, сейсмически надежен. Во всяком случае, ты сама не раз это говорила. Так что ураган ему не страшен. А о горах ты забудь. Нам не удалось бы уйти далеко, так как все улицы уже затоплены. Предположим, что мы доберемся до горы Санта-Моника, а что дальше? Мы окажемся в заболоченной местности, так как при вспышке на Солнце испаряется достаточно воды, чтобы образовать из нее целое море. Дождь,

видимо, будет лить сорок дней и ночей. Дорогая, твоя квартира — самое надежное место, которое мы могли найти в эту ночь.

— А что будет, если растает лед на полюсах?

— Хм... ну, и в этом случае мы находимся достаточно высоко. Наверное, эта доисторическая вспышка на Солнце вызвала всемирный потоп, во время которого спасся лишь Ной в своем ковчеге. Возможно, это сейчас и повторяется. Поверь мне, на всей Земле нет более надежного места, чем находится в центре урагана. Эти два гигантских урагана, которые несутся друг на друга, наверное, уже столкнулись и превратились в сотни маленьких штормовых ветров.

Стеклянные двери с громким треском разбились. Мы инстинктивно нагнулись. Капли воды и осколки стекла посыпались на нас сверху.

— У нас, по крайней мере, достаточно продуктов. Даже если нас запрет здесь вода, мы, как Ной, сможем спокойно переждать, пока она спадет,— кричал я, пытаюсь перекричать ураган.

— Если не будет электричества, то мы не сможем готовить. А холодильник?..

Голос Лесли утонул в шуме урагана.

— Мы сейчас же сварим все скоропортящиеся продукты. Яйца...

Ветер ревел оглушительно. Я уже не пытался перекричать его.

Теплый дождь падал горизонтально в окно и промочил нас до костей. Готовить во время урагана на плите! Я, видимо, рехнулся. Мы ждали слишком долго. Ветер вылетит на нас кипящую воду...

Лесли крикнула.

— Нам надо воспользоваться духовкой!

Конечно! Духовка закрывалась, и нам ничто не грозило. Мы тотчас же нагрели ее до 250° и поставили туда яйца в кастрюле с водой. Мы вынули из холодильника мясо и поджарили его на сковороде. В другой кастрюле мы сварили два артишока, другие оставшиеся овощи мы могли есть сырыми. Чего нам еще не хватало? Я лихорадочно соображал.

Воды! Если выйдет из строя электроснабжение, то не будет питьевой воды и телефонной связи с внешним миром. Я отвернул кран и принялся наполнять водой все имеющиеся сосуды: кастрюли, вазы, кофеварку на 30 чашек, которой пользовалась Лесли лишь когда устраивала приемы гостей, ведро. Она, видимо, решила, что я сошел с ума, но я не хотел зависеть от дождя как единственного источника воды.

Грохот! Мы уже перестали пытаться перекричать его. Сорок дней и ночей этого грохота — и мы совершенно оглохнем. Вата? Слишком поздно, теперь невозможно добраться до ванной. Бумажные салфетки! Я разорвал одну и сделал из нее четыре пробки. Туалет? Еще одна причина предпочесть квартиру Лесли. Если выйдет из строя туалет, то хоть останется балкон. А если вода достигнет

14 этажа, то тогда останется крыша, двадцатью этажами выше. А если вода доберется и туда, то тогда останется, черт побери, совсем мало людей.

А вдруг все же образовалась новая звезда? Я крепко прижал к себе Лесли. Если солнце превратилось в новую звезду, тогда все бесполезно. И все равно, я предпринял бы все сделанные предосторожности, так как человек не перестает планировать даже тогда, когда у него нет никакой надежды. Если ураган обрушит на нас кипящий пар, тогда останется только два выхода: свариться живьем или смертельный прыжок с балкона в мокрую могилу. Но еще не настало время об этом говорить. Наверное, Лесли тоже уже подумала об этом. Свет погас около четырех часов утра. Я выключил духовку, на тот случай, если вдруг опять появится ток. Я решил охладить продукты и через час упаковать их в пластиковые пакеты.

Лесли уснула у меня в объятиях. И как она могла спать сейчас, когда будущее так ненадежно? Я положил ей под голову подушку, вытянулся удобнее и стал рассматривать, куря сигарету, игру света и тени, возникающих из-за вспышек молний, на потолке комнаты. Мне вдруг захотелось открыть бутылку бренди, но я воздержался.

Так прошло некоторое время. Я думал обо всем и ни о чем, но мои мозги работали вхолостую. Лишь с трудом и медленно я понял, что потолок надо мной окрасился в серый цвет.

Я осторожно выпрямился. Все было мокрым. Мои часы показывали 9 часов 30 минут. Я прополз вокруг кухонной полки в комнату. Из-за пробок в ушах завывание шторма доносилось приглушенно, и лишь теплый дождь, который падал мне в лицо, напомнил мне о нем. Ураган бушевал с той же силой. Но через черные облака просачивался бледный дневной свет. Все же хорошо, что не открыл бутылку с бренди. Наводнения, ураганы, невероятной силы огненные волны, лесные пожары, вызываемые вспышками на Солнце, — если разрушения достигнут такой степени, которую я предполагаю, деньги потеряют всякую ценность. Тогда начнется обмен товарами.

Я проголодался. И съел два яйца и кусок жареного сала, который еще не успел остыть. Оставшиеся продукты я упаковал. У нас было достаточно продовольствия на неделю, хотя выбор был небольшой.

Может быть, удастся обменяться продуктами с другими жильцами дома. Это ведь был большой дом. Конечно, здесь имелись и незанятые квартиры, которые можно использовать как склад для продуктов — и в качестве убежища для жителей нижних этажей, если вода выгонит их из своих квартир.

Проклятье, я забыл самое главное! Накануне вечером жизнь казалась такой простой. А теперь — разве у нас были медикаменты?

Разве в доме были врачи? Скоро могут начаться дизентерия и другие эпидемии. Люди будут голодать. В доме был магазин, но есть ли возможность добраться до него?..

Вопросы, ответа на которые я не знал! Но сначала мне надо немного поспать. Все остальное устроится само собой.

Между тем стало светлее. Дела наши обстояли не так уж плохо, ситуация могла быть куда хуже. Я думал о лучевом шторме, который, наверное, промчался на другой стороне Земли, и спрашивал себя, смогут ли наши дети заселить когда-нибудь Европу, Азию или Африку...

Ли Бреккет

МАРСИАНСКИЙ БЕСТИАРИЙ

Берк Винтерс оставался в отсеке для пассажиров во время посадки «Старфлайта» в Кагора Порт. Для него было непереносимо видеть, как другой — даже друг, которого он любил, Джонни Найлс, — будет командовать кораблем, так долго принадлежавшим ему. Он даже не хотел прощаться с Джонни, однако не было никакой возможности этого избежать. Молодой офицер ждал его внизу у трапа, и его чисто формальная улыбка не могла скрыть глубокого недовольства.

Джонни протянул ему руку:

— Пока, Берк. Ты заслужил этот отпуск. Используй его как следует.

Взгляд Берка пробежал по просторной взлетно-посадочной площадке, протянувшейся на километры через пустыню цвета охры. Космодром был, казалось, в беспорядке — а на самом деле в строгом порядке, — усеян грохочущей двигателями техникой: транспор-

тами с минералами, торговыми, грузовыми кораблями и элегантными линейными, такими, как «Старфлайт». Над ними бились флаги Трех Планет и не менее дюжины колониальных, а больше всего было, пожалуй, земных, надменно развевавшихся на ветру...

Джонни проследил за его взглядом.

— Тебя все это по-прежнему волнует, не так ли? — сочувственно спросил он.

Винтерс ничего не ответил. В нескольких километрах отсюда, вдали от оглушительного грохота ракетных двигателей, возвышался гласситовый купол Кагоры, Коммерческого центра Марса, как будто редкая драгоценность на границе красных песков. Крошечное солнце устало глядело на город, окруженный древними курганами и обдуваемый со всех сторон таким же древним ветром. Создавалось впечатление, словно планета еще терпела Кагору и ее космопорт, как будто это было незначительное местное воспаление, которое вскоре исчезнет само собой...

Винтерс уже успел забыть Джонни Найлса. Он забыл обо всем, за исключением своих мрачных мыслей. Молодой офицер продолжал смотреть на него с жалостью, и Берк понимал это.

Он был высоким, сильным и очень суровым, так как характер его формировался годами полетов в глубинах космоса. Жесткие лучи далеких солнц продубили его кожу, а волосы выгорели до белизны. А за последние несколько месяцев его глаза приобрели, казалось, такой же безжалостный, как у этих излучений, отблеск. В них исчезло прежнее свойственное ему выражение доброжелательности и некоторого легкомыслия, а морщинки, которые часто появлялись вместе с улыбкой вокруг рта, теперь застыли в гримасе постоянной горечи...

Это был крепкий и энергичный мужчина, в чьей душе теперь, однако, чувствовался надлом. Во время всего полета, как только они покинули Землю, он не переставал курить коротенькие венерианские сигареты с успокаивающим действием. Вот и сейчас он был занят этим же, но руки у него все равно дрожали, а нервный тик постоянно пробегал по правой щеке.

— Берк. — Голос Джонни доходил до него откуда-то издалека. — Берк, это меня, конечно, не касается, но... — Он поколебался, потом все-таки закончил мысль. — Ты уверен, что на Марсе тебе сейчас будет хорошо?

Винтерс довольно резко ответил:

— Береги «Старфлайт», Джонни. Пока.

И стал спускаться по трапу. Пилот смотрел ему вслед. К Джонни подошел второй. — Этот тип, точно, готов, — сказал он.

Джонни кивнул. Ему было очень жаль, что все окончилось этим, так как все его успехи были связаны со службой при Винтерсе, и он обожал командира.

— Вот идиот,— сказал он.— Ему не надо было возвращаться сюда.— Он обвел глазами пустынные просторы Марса, которые раздражали его.— Его подруга пропала где-то здесь,— продолжал он.— Даже тело не нашли...

Такси перенесло Берка Винтерса в Кагору, и Марс исчез. Он снова был в одном из тех типовых Коммерческих городов, которые появлялись на всех освоенных планетах.

Вия на Венере, Нью-Йорк на Земле, Солнечный город на Сумеречном кольце Меркурия — гласитовые убежища Внешних Миров, все они были похожи, как близнецы. Посвященные культу богатства и жадности, они превратились в уголки рая, где спокойно выигрывались и терялись миллионы, где мужчины и женщины, прибывшие со всех концов Солнечной системы, могли лихорадочно растративать свою энергию, заботясь о таких скучных предметах, как температура и гравитация.

Но, кроме наживы, были и другие занятия в Коммерческих городах. Прекрасные здания из ценных минералов, террасы и висячие сады, связанные между собой совершенной системой движущихся тротуаров, предоставляли возможность познакомиться с любыми удовольствиями и пороками цивилизаций всех открытых миров.

Винтерс ненавидел эти Города. Он привык к элементарному городству пространства. В этих же заведениях чувства, одежда, даже воздух были искусственными.

Ненавидеть их у него были еще и более веские основания.

В лихорадочной спешке покинул он Нью-Йорк, чтобы добраться до Кагоры, а теперь, когда уже был здесь, чувствовал, что не в состоянии ждать, пока такси пересечет город. Так он и сидел, вцепившись в подлокотники своего кресла, ощущая, что его нервное возбуждение нарастает с каждой минутой.

Прибыв на место, он даже не смог удержать в руке деньги для платы за проезд. Они прямо-таки выпали у него из руки, и водителю пришлось самому собирать их на полу глайдера.

Несколько секунд он стоял, изучая помпезный фасад здания цвета слоновой кости, возвышавшийся прямо перед ним. Ни один звук или луч света не вырывался оттуда, что придавало ему оттенок неизбежности и властности... Над дверью виднелась надпись зеленоватым серебром по-марсиански: «ШАНГА».

— Вот оно, «возвращение»,— перевел он.— Путешествие назад...

Странная и в то же время ужасная усмешка исказила его лицо. Он открыл дверь и вошел.

Приглушенный свет, комфортабельные диванчики, тихая печальная музыка. Прекрасный зал ожидания. Тут была примерно дюжина мужчин и женщин, все земляне. На всех были простые и элегантные белые туники Коммерческих городов, которые подчер-

кивали волшебный блеск их украшений и экзотических причесок.

Лица у всех были бледными и изнеженными, как это и должно быть у людей, находящихся под постоянным нервным напряжением новой эпохи.

У стойки из глассита сидела женщина-марсианка. У нее была матовая кожа, красота ее была совершенной. На ней была коротенькая туника в духе античного Марса, приспособленная к вкусам современности, и она не носила никаких украшений. Она бросила на Берка Винтерса косой взгляд. Ее топазовые глаза выражали типичную профессиональную доброжелательность. Однако в глубине ее взгляда он смог различить презрение и высокомерие древней расы, по сравнению с которой утонченные земляне Коммерческих городов казались всего лишь дурно воспитанными детьми.

— Капитан Винтерс! — сказала она. — Как мы рады снова увидеть вас!

Но у него не было настроения поддерживать обычный светский разговор.

— Я хочу видеть Кор Хала, — сказал он. — И немедленно.

— Боюсь, что... — начала она, но тут взглянула повнимательней на его лицо и тотчас повернулась к интеркому. — Вы можете войти, — сказала она почти сразу же.

Берк открыл дверь, ведущую во внутреннюю часть здания. Здесь оно почти полностью было похоже на огромный солярий. Он был заставлен столами с регулируемой поверхностью, похожими на операционные. Над каждым столом было устроено нечто вроде огромной непрозрачной линзы с пультом управления.

Следуя вдоль прозрачных стен к бюро Кор Хала, Винтерс с презрением смотрел сквозь них на разворачивающийся перед его глазами вид внутреннего двора. Там буйствовал всеми невиданными здесь красками экзотический лес. Тропические деревья, папоротники, необыкновенной красоты цветы, ярко-зеленые газоны, тысячи птиц. На этой псевдопримитивной площадке для развлечений резвились мужчины и женщины, фанатики Шанги.

Сначала их укладывали на столы и подвергали воздействию определенного облучения. Все это было известно Винтерсу. Медики употребляли термин «нейропсихическая терапия». Наследие утерянной мудрости древнего Марса. Специфическое средство лечения нарушенного душевного равновесия у современного человека, вынужденного вести слишком бурную жизнь в слишком сложном окружении.

«Итак, вы располагаетесь, и все ваше тело подвергается воздействию облучения. Устойчивость ваших желез немного меняется. Ритм мозговых колебаний замедляется. В то время, как излучение очищает ваши нервные клетки, улучшает рефлексы и улучшает обмен веществ, с вами происходят странные и приятные превращения.

И через некоторое время вы снова превращаетесь в ребенка, если рассматривать этот процесс с точки зрения эволюции».

Шанга — возврат назад. Умственно и совсем чуть-чуть физически, возврат к примитивной жизни, так что потом не останется никаких следов этого, и обычный уровень развития восстановится сам собой. И даже, на некоторое время, вы почувствуете себя лучше и счастливее, потому что вы воспользовались прекрасной возможностью отдохнуть...

Белые ухоженные тела, довольно легкомысленно одетые в звериные шкуры или в набедренных повязках из разноцветных кусочков материи. Так земляне Кагоры играли и боролись среди деревьев. И все их заботы ограничивались едой, любовью и ожерельями из цветных жемчужин.

Скрытые от посторонних взглядов, в укромных местах находились надзиратели с парализующими излучателями. Ведь случалось, что кто-нибудь из клиентов забирался слишком далеко на пути назад... Винтерс знал об этом. И последний раз, когда он был в этом саду, ему здорово досталось. Он смутно помнил, что пытался кого-то убить...

Во всяком случае, так ему потом сказали. А вообще-то никто потом ничего не помнил из того, что с ним происходило во время сеансов Шанги. Именно за это земляне ее и ценили. Потом не надо было мучиться угрызениями совести.

Этот порок был таким элегантным, одетым наукой в видимость респектабельности. Возбуждение от нового вида развлечения, новая возможность уйти от всепроникающих сложностей этой жизни. Земляне были без ума от этого.

Но они были единственными. Венерианские варвары были еще очень близки к своему прежнему состоянию дикости, чтобы испытывать хоть какую-то потребность в этом. А марсиане принадлежали к слишком древней цивилизации, они слишком хорошо разбирались в греховной опасности «возврата», чтобы это могло соблазнить их. «А кроме того,— говорил себе Винтерс,— они и создали Шангу. Они понимают».

Дрожь прошла по всему его телу, когда он вошел в кабинет Кор Хала, директора.

Кор Хал был худощав, темноволос и неопределенного возраста. Его марсианское происхождение скрывала строгая белая туника. Однако это был настоящий марсианин, и его обходительность была всего лишь бархатным футляром, скрывавшим ледяную сталь.

— Капитан Винтерс,— сказал он,— будьте добры, садитесь. Винтерс сел. Кор Хал изучающе разглядывал его.

— Вы нервничаете, капитан Винтерс. Но я не хотел бы проводить процедуру снова. Ваш атавизм еще слишком близок к поверхности.— Он пожал плечами.— Вы помните, что было последний раз?

Винтерс кивнул.

— То же самое было в Нью-Йорке.— Он склонился к своему собеседнику.— Я больше не хочу, чтобы вы меня лечили. То, что у вас здесь, меня больше не устраивает. Сар Кри сказал мне об этом там, в Нью-Йорке. Он посоветовал мне отправиться сюда, на Марс.

— Он известил меня,— сказал Кор Хал совершенно спокойно.

— Что ж, тогда вы...

Винтерс не закончил фразу, так как у него не было слов.

Кор Хал не ответил. Он откинулся на спинку своего удобного кресла. Он был красив, на лице его застыло выражение спокойного безразличия. И только глаза, зеленые и суровые, выдавали наличие где-то там, в глубине, едва заметной заинтересованности. Жесточкой заинтересованности кота, который лапой придавил парализованную ужасом мышшь...

— А вы уверены,— наконец спросил он,— будто знаете, что делаете?

— Да.

— Есть разница между людьми, капитан Винтерс. У этих марионеток, там,— он показал в сторону сада,— нет ни ума, ни сердца. Это искусственные продукты искусственной среды. Но такие, как вы, Винтерс, играют с огнем, когда играют с Шангой.

— Послушайте,— сказал Винтерс.— Женщина, на которой я собирался жениться, как-то отправилась через пустыню на своем глайдере и не вернулась. Один бог знает, что с ней произошло. Я провел следствие. Я нашел ее аппарат в том месте, где он разбился. Но никаких ее останков я так и не обнаружил. После этого ничто не имеет слишком большого значения для меня. Только бы забыть.

Кор Хал склонил голову.

— Да, вспоминаю. Это трагедия, капитан Винтерс. Я знал мисс Леланд — очаровательная женщина. Она часто приходила сюда.

— Я знаю,— отвечал Винтерс.— По правде говоря, она не была типичной жительницей Коммерческого города, однако у нее было слишком много денег и времени. В любом случае, меня не беспокоит игра с огнем, Кор Хал. Я уже обжегся, и достаточно жестоко. Как вы сами говорите, люди очень разные. У этих типов там, в джунглях, нет никакого желания продолжить «Возвращение», так как для них это всего лишь игра. У них не хватит смелости, да они и не очень увлечены этим. В противоположность мне.

Взгляд Винтерса принял необычно дикое выражение.

— Я хочу вернуться назад, Кор Хал. Настолько далеко, насколько Шанга в состоянии это сделать!

— Иногда путь очень долгий,— сказал марсианин.

— Мне все равно.

Кор Хал смотрел на него в упор.

— Для некоторых нет возврата...

— Мне незачем возвращаться.

— К тому же все не так просто, Винтерс. Шанга — настоящая Шанга, бледная копия которой воплотилась в этом солярии и излучателях,— была запрещена столетия назад городами-государствами Марса. Тут немало риска и проблем, так что операция стоит немало...

— У меня есть деньги.— Внезапно Винтерс вскочил, начиная терять терпение.— Идите вы к дьяволу со всеми вашими доводами! В любом случае, это все сплошное лицемерие. Вы прекрасно знаете, что людям надо от Шанги. И не морочьте мне голову, стоит людям дать вам денег, вы им дадите все, что угодно!

И он швырнул на стол чековую книжку. В первом чеке сумма не была проставлена, но он был подписан.

— Я предпочитаю наличные,— сказал Кор Хал, возвращая книжку интересу.— И всю сумму авансом.

Берк Винтерс ответил только одним словом:

— Когда?

— Сегодня вечером, если угодно. Где вы остановились?

— В «Трех Планетах».

— Ужинайте там, как обычно. Потом оставайтесь в баре. В определенный момент за вами зайдет наш человек.

— Буду ждать,— сказал Винтерс и ушел.

Кор Хал улыбнулся. Зубы у него были очень белые и очень острые. Как будто клыки голодного хищника.

Наконец-то, когда взошел Фобос, Берку Винтерсу удалось установить местонахождение, и он догадался, в каком направлении они летят.

Они потихоньку выскользнули из Кагоры, он и молодой марсианин, который незаметно зашел за ним в бар «Трех Планет». В чьем-то частном владении их уже ждал глайдер. В нем сидели Кор Хал и еще один мужчина, похожий на одного из тех варваров, которые жили на курганах к северу от города Кеш. Управлял аппаратом Кор Хал.

Теперь Винтерс был уверен, что они направляются к Нижним Каналам. Это были древние водные пути со старинными городами всеобщего разгула на берегах, так и не подчинявшиеся законам городов-государств: Джеккара, Валкис, Барракеш. Воплощение рынков преступников, рабов и любых пороков. Землянам советовали держаться от них подальше.

Путь казался бесконечным. Видневшаяся внизу безжизненная пустыня действовала Винтерсу на нервы. Молчание в кабине аппарата становилось невыносимым. В нем было что-то угрожающее. Казалось, Кор Хала, великана Кеши и худощавого юношу объеди-

няет какая-то тайная мысль, которая придает их молчанию особый криминальный характер. Ее отблеск можно было заметить в выражении их лиц. Наконец Винтерс решил заговорить.

— Здесь, что ли, ваш генштаб?

Никакого ответа.

— Чего уж тут скрытничать, — продолжал он с раздражением. — В конце концов, сейчас я один из вас!

— А разве животные говорят со своими хозяевами? — заметил худощавый молодой человек резким тоном.

Винтерс уже собирался взорваться, когда варвар поднес руку к рукоятке небольшого острого кинжала у себя на поясе. Тогда Кор Хал сказал ледяным тоном:

— Вы захотели попробовать настоящую Шангу, капитан Винтерс. За это вы и заплатили. Вам будет предоставлена такая возможность. Все остальное не имеет значения.

Винтерс пожал плечами с угрюмым видом. Он продолжал курить свою успокоительную сигарету и больше не произнес ни слова.

Через несколько часов, казалось, безбрежная пустыня стала меняться. Невысокие голые холмы стали появляться из песка и вскоре, становясь все выше, постепенно перешли в горную цепь.

Отроги гор спускались к дну исчезнувшего моря. В свете луны было видно, что оно постепенно понижается, превращаясь в бездонную пропасть. Тут и там блестели прожилки мела и кораллов. Они выпирали из мха, как кости из высохшей кожи давно умершего человека.

Винтерс увидел город, расположенный у подножия гор на берегу бывшего моря.

Было заметно, что город спускался вниз вслед за отступающим морем. С высоты полета Винтерс мог различить остатки пяти портов, покинутых один за другим по мере того, как море отступало. Еще сохранились просторные набережные. Дома сначала строились, а потом их тоже покидали, чтобы спуститься на следующий уровень. Теперь дома выстроились вдоль почти пересохшего канала, и именно здесь еще теплилась жизнь. Было нечто бесконечно грустное в этой еще живой темной ниточке — все, что оставалось от когда-то голубого бурного океана.

Глайдер описал круг и сел. Кеши очень быстро сказал что-то на своем диалекте. Винтерс понял только одно слово: Валкис. Кор Хал ответил ему на том же языке. Потом он повернулся к Винтерсу и сказал:

— Нам уже недалеко. Держитесь рядом со мной.

Все четверо вышли из аппарата. Винтерс чувствовал, что его охраняют, и не только для того, чтобы защитить от неведомой опасности...

Дул сухой ветер, перехватывавший дыхание. Их ноги поднимали

тучи пыли. Валкис лежал перед ними. Сплошная масса мрачных развалин поднималась к скалам, холодная и равнодушная в безжизненном свете двух лун. На самой вершине холма Винтерс различил полуразрушенные башни древнего дворца.

Они шли по выщербленным сандалиями бесчисленных поколений мостовым, и у их ног еле слышно плескалась черная вода. Даже в этот поздний час Валкис не спал. Желтый свет факелов небезуспешно боролся с мраком ночи. Кое-где слышалась тихая музыка излюбленной на Марсе двойной арфы. Улицы, переулки, дворики, плоские крыши домов были полны жизни.

Не говоря ни слова, худощавые мужчины и женщины с вкрадчивыми манерами, глаза которых излучали странный блеск, наблюдали за чужаками. И в то же время Винтерс различал звуки, характерные для жизни городов Нижних Каналов: возбуждающий шепот и игривый звон колокольчиков, вплетенных в косы из темных волос, свободно падающих на шеи.

Да, пагубный городишко, и очень пагубный, но жизнь продолжала бурлить в нем. Винтерс прямо-таки чувствовал пульсацию этой порочной и горячей жизни, и ему стало страшно. Его одежда иностранца и белые туники его спутников слишком заметно контрастировали в этом месте с обнаженными по пояс фигурами местных жителей обоих полов, с набедренными повязками мужчин и коротенькими юбками женщин, украшенных широкими поясами с драгоценными камнями...

Никто не заговорил с ними. Следуя за Кор Халом, они вошли в большой дом. Кор Хал запер изнутри огромную дверь из старинной кованной бронзы. Винтерс вздохнул с облегчением. Он повернулся к Кор Халу и спросил, стараясь не выдавать охватившую его дрожь:

— Когда же?

— Все готово, Винтерс. Халк, покажи ему дорогу.

Кеши поклонился, и Винтерс последовал за ним.

Помещение совершенно не было похоже на зал Шанги в Кагоре. Среди этих каменных стен текла жизнь, мужчины и женщины проживали ее, любили друг друга и умирали сами или в борьбе. В трещинах каменного пола давно высохли попадавшие туда веками капли крови и слез. Древние ковры, занавеси и мебель наверняка стояли целые состояния. Их красота, отмеченная столетиями, пережила их.

В самом конце коридора находилась массивная бронзовая дверь с решеткой посередине.

Халк остановился.

— Раздевайтесь, — сказал он.

Винтерс колебался. У него был с собой карманный дезинтегратор, и ему не хотелось расставаться с ним.

— Почему это? Я хотел бы остаться в одежде...

— Раздевайтесь,— повторил Халк.— Таков обычай.

Винтерс послушался.

Раздевшись, он вошел в крохотную каморку. Здесь не было, как в Кагоре, комфортабельного стола, а всего лишь несколько шкур на голом полу. На противоположной стене был виден проход, закрытый решеткой.

Бронзовая дверь захлопнулась у него за спиной. Было совершенно темно. Теперь ему по-настоящему стало страшно. Ужасно поздно. Но было слишком поздно. Вот уж, в самом деле, слишком поздно...

Как раз с тех пор, как Джил Леланд исчезла...

Он растянулся на шкурах. Прямо над ним, в самой верхней точке купола, он различил легкое свечение. Постепенно оно стало более интенсивным. Вскоре он разглядел призму, встроенную в камень купола. Довольно большую призму из кристаллической массы цвета огня.

Через решетку двери к нему обратился Кор Хал: «Землянин!»

— Да?

— Эта призма — одно из чудес Шанги. Они устанавливались мудрецами Каер Дху пятьсот тысяч лет назад. Только они знали секрет этого вещества и как располагать линзы. Их осталось только три...

По стенам каморки пробегали искры, которые, скорей всего, имели большее отношение к энергии, чем к свету. Золотые, оранжевые, зеленовато-голубые. Короткие язычки пламени, огонь Шанги, сжигающий души...

Винтерс испугался.

— Но потоки излучения,— спросил он,— те же самые, что и в Кагоре?

— Да. А секрет излучателей тоже утерян. Видимо, они использовали неизвестные космические лучи. С целью заменить их мы используем обычные кварцевые излучатели. Получаемый эффект значительно более слабый, но достаточный для тех целей, которые мы ставим перед собой в Коммерческих Городах...

— Кто это «мы», Кор Хал?

В ответ раздался тихий порочный смех:

— Землянин, мы — марсиане!

Танцующий по стенам огонь становился все ярче, пробегал искрами по коже, проникал в артерии, в мозг. В солярии с его изысканной природой было совсем не так. Там это было удовольствием, удовольствием пылким, возбуждающим. Станным и чарующим. Здесь же...

Тело Берка стало вытягиваться, выгибаться, биться в судорогах. Ему казалось, что он больше не в состоянии выносить это прекрасное, прекрасное страдание...

Откуда-то издалека раздавался голос Кор Хала:

— А мудрецы Каер Дху не были на самом деле такими уж мудрыми. Они нашли секрет Шанги, и им удалось избежать неизбежных войн и других неприятностей. Они бежали, ускорив ход эволюции. Знаете ли вы, что случилось с ними? Они погибли, землянин! Целое поколение Каер Дху исчезло с поверхности Марса...

Винтерс уже не мог как следует думать и отвечать.

— Разве это было так уж важно? — сказал он хрипло. — Пока они жили, они были счастливы.

— А вы счастливы, землянин?

— Да, — произнес он заплетающимся языком. — О, да!

Его слова были уже почти нечленораздельны. Изгибаясь, катаясь по шкурам под влиянием такого восхитительного чувства, такого извращенного, о котором он даже и не мечтал, Берк Винтерс чувствовал себя счастливым. Пагубный огонь Шанги сжигал его, и все его горести исчезали, оставалась только радость...

Кор Хал снова рассмеялся.

Потом Винтерс уже ни в чем не был уверен. Сознание у него помутилось, и были моменты, когда оно вообще отключалось.

Когда он приходил в себя, то испытывал только чувство, что происходит нечто весьма странное. Но одно воспоминание его память продолжала хранить.

В момент просветления, в течение одной или двух минут, ему казалось, что один из камней сдвинулся, а за ним открылся экран, с которого на него смотрело чье-то лицо, в то время как он, обнаженный, блаженствовал в этом волшебном пламени.

Это было лицо женщины. Лицо высокородной марсианки с тонкими чертами и высокомерным выражением на нем. Ее алые губы напоминали плод, надкусив который можно было ощутить привкус горечи. И глаза сверкали золотым пламенем и обжигали так же, как пламя Шанги.

Должно быть, в стене был замаскирован динамик, так как она заговорила, и он услышал ее голос, наполненный чарующей магической силой и в то же время жестокостью. Она назвала его имя. Он не мог подняться, но подполз поближе, и в его мерцающем сознании она представлялась частью этой сверхъестественной силы, которая овладела им. Силы разрушительной и обворожительной, непреодолимой, как сама смерть.

На его вкус чужака, она не обладала таким же очарованием, как Джил. Но в ней чувствовался скрытый темперамент. Ее алый рот возбуждал Берка, а покатые плечи доводили до сумасшествия...

— Да, ты силен, — сказала она. — Ты выдержишь до конца, Берк Винтерс. И это прекрасно...

Он попытался заговорить, но тщетно.

Она улыбнулась.

— Ты бросил мне вызов, землянин. Я знаю об этом. Ты храбр, а мне нравятся храбрецы. И ты безумен, а мне нравятся безумцы, потому что тогда игра возбуждает. Я с нетерпением жду того момента, землянин, когда ты дойдешь до конца своих испытаний!

Он опять хотел что-нибудь ответить — и опять безуспешно. Потом наступила тьма и тишина. И в этом мраке последнее, что он слышал, был ее язвительный смех...

Он больше не думал о себе как о капитане Берке Винтерсе, но просто как о человеке по имени Берк. Камни, на которых он лежал, были острыми и холодными. Было темно, как в глубокой шахте, но все органы чувств были настороже. По отсутствию малейшего сквозняка он догадался, что находится в герметично закрытом помещении, и это совершенно ему не нравилось...

Из его горла вырвалось приглушенное рычание. И волосы у него на затылке стали дыбом. Он постарался вспомнить, как попал сюда. Случилось нечто такое, что имело отношение к волшебному огню, но он не знал, что именно и почему.

Осталась только одна мысль: он как будто что-то искал. Это «что-то» покинуло его, и он хотел, чтобы «оно» вернулось. И он был несчастен, потому что «это» отсутствовало. Он никак не мог вспомнить, что же он искал, но «это» было ему так необходимо, что он был готов преодолеть любые препятствия...

Он поднялся и начал исследовать свою тюрьму.

И почти тотчас же нашел выход. Понемногу продвигаясь вперед, он обнаружил проход. Он ничего не мог рассмотреть, но порывы ветра доносили до него странные запахи. Инстинкт говорил ему, что это западня. Он присел на корточки, в нерешительности всматриваясь в темноту. Его ладони сжимались и разжимались: ему хотелось бы иметь хоть какое-нибудь оружие. Но его не было. Затем он решился и стал медленно и бесшумно продвигаться по проходу.

Шел он долго. Время от времени голова его касалась свода. Потом впереди он заметил мерцающий огонь костров. Ветер донес запах дыма и человека.

Медленно, очень медленно особь по имени Берк продвигалась по направлению к свету.

Он подошел к выходу из туннеля, и вдруг железная решетка со скрежетом опустилась за его спиной. Он больше не мог вернуться обратно.

Но ему и не хотелось этого. Враги ждали его, и он хотел сразиться с ними. Он понимал, что не сможет напасть на них внезапно. Сжав кулаки, он отважно ринулся прочь из туннеля.

И тотчас был ослеплен ярким светом факелов и оглушен ревом неистовствующей толпы. Оказалось, что он одиноко стоит на огромном каменном постаменте — древнем постаменте, куда когда-то выставляли для продажи рабов Валкиса (но он, конечно, ничего не

знал об этом). Площадь была заполнена возбужденными мужчинами и женщинами, однако вокруг постаamenta оставалось свободное пространство. И они указывали пальцами на землянина, они насмеялись над тем, кто попробовал запретный плод, до которого не осмеливались дотронуться даже бездушные жители Нижних Каналов.

Особь по имени Берк еще была человеком, но человеком, который уже превращался в обезьяну. В течение часов, проведенных в лучах Шанги, он изменился физически. Изменилась вся его фигура и внешний вид.

Это был все такой же крепкий мужчина, но теперь он сутулился, и было заметно, что он стал дикарем с грубой животной силой. Его подбородок и надбровные дуги теперь резко выдавались вперед. Густой мех покрывал грудь, руки и ноги, а на затылке появилось нечто вроде гривы. В глубоко запавших глазах мелькали проблески примитивного ума: это существо умело кое-как говорить, разжигать огонь, делать оружие — и ничего более.

Полуприсев, оно исподлобья следило за толпой. Оно не знало, кто эти люди, но оно их ненавидело. Они принадлежали к другому племени, и даже их запах был для него чужим. И они тоже ненавидели его. Воздух буквально вибрировал от их враждебности.

Тут взгляд Берка упал на одного из них, который легким и изящным прыжком опередил толпу и оказался на свободном месте. Берк уже не помнил, что этого человека звали Кор Хал. Он не заметил, что Кор Хал сменил белую тунику Коммерческих Городов на набедренную повязку и пояс в стиле Нижних Каналов, а в ушах носил теперь кольца по моде Барракеша и что теперь он стал самим собой — бандитом, родившимся и выросшим среди разбойничьей расы, вступившей на путь цивилизации так давно, что она могла позволить себе забыть об этом.

Берк понял только, что этот человек был его личным врагом.

— Перед вами капитан Берк Винтерс, — сказал Кор Хал. — Человек из племени Терра, повелителей звездных дорог, строителей Коммерческих Городов, чемпионов хищничества и грабежа.

Он не кричал, но его звучный голос проникал во все углы заполненной народом площади. Берк в упор смотрел на него. В отблеске факелов его глаза были как два мерцающих красных уголька. Он слегка покачивался, а его ладони сжимались и разжимались, пустые, но готовые хватать и рвать... Он не понимал языка, но ему было ясно, что это угрозы, возбуждающие толпу.

— Посмотрите на него, люди Валкиса! — воскликнул Кор Хал. — Теперь это ваш хозяин. Это его правительство управляет Городами-Государствами Марса. Мы лишены нашего древнего благородства, наши богатства уплыли. Что же теперь остается нам, детям агонизирующего мира?!

В ответе, прозвучавшем из самих стен Валкиса, не было слов. Это были первые аккорды гимна, написанного, казалось, в преисподней...

И кто-то бросил камень.

Берк легко прыгнул с постамента и бросился через площадь к Кор Халу, чтобы схватить его за глотку.

Площадь ответила смехом, смехом, похожим на кошачье мяуканье, на рев диких животных. С необыкновенной легкостью толпа пришла в движение. Засверкали сталь ножей, камни украшений. Возбужденные глаза, зеленые и топазовые, и ужасные металлические кастеты, инкрустированные драгоценными камнями. Длинные черные языки хлыстов со свистом и щелканьем забили по камням мостовой.

Кор Хал ждал, пока Берк окажется совсем рядом с ним. Тогда он, грациозно повернувшись вокруг своей оси, применил против Берка один из приемов марсианской борьбы. Он ударил Берка ногой под подбородок, и тот кубарем полетел на землю.

В то время как Берк с трудом приходил в себя, Кор Хал взял хлыст.

— Вот так, землянин! — воскликнул он. — Ползай на брюхе, лижи камни, которые были уложены здесь еще до того, как земные обезьяны научились ходить!

Длинный хлыст просвистел и ужалил Берка, оставив красные полосы на волосатом теле, и тотчас послышались разрозненные выкрики: — Заставь его поползать! Гони вперед дикого зверя Шанги, как наши предки делали то же с этими дикарями, которые нас потом завоевали!..

И они погнали его вперед хлыстами, уколами ножей и палками по улицам Валкиса при свете равнодушных лун. И ему не оставалось ничего другого, как подчиниться — под градом их напутствий.

Сходя с ума от ярости, он пытался сопротивляться, но у него ничего не получалось. Когда он бросался на них, они буквально таяли, а с другой стороны следовал удар хлыста или ноги, укол ножа. Кровь текла, но это была только его кровь, а острый и пронзительный женский смех безостановочно преследовал его.

Он хотел убивать. Желание убивать было в нем сильнее его собственной безопасности. Но он уже начал шататься от стольких ран, он почти ничего не видел, и все его попытки поймать кого-нибудь заканчивались провалом. Это его рвали и гнали, валили на землю ударами хлыстов и ног.

В конце концов ужас объял его, и осталось только желание бежать и спастись.

И они дали ему возможность убежать. Они дали ему возможность бежать вдоль узеньких улочек Валкиса, поднимающихся и опускающихся к извилистым сумрачным проходам, в которых еще

чувствовался дух вчерашних преступлений. Но убежать не слишком далеко. Они загородили ему путь к каналу и к бывшему морю, путь к свободе. Они продолжали гнать перед собой вверх задыхающееся, шатающееся существо, которое когда-то было Берком Винтерсом, капитаном «Старфлайта».

Теперь Берк продвигался очень медленно. Он рычал, голова у него моталась из стороны в сторону, ноги заплетались, как у слепого. Его теплая кровь капала на камни. А удары хлыстов продолжали гнать вперед...

Все выше, все выше. Он пробирался теперь через район древнего порта, где еще можно было различить остатки причалов и останки кораблей, постепенно превращавшихся в пыль в этом забытом богом месте. Он прошел уже четвертый уровень, начиная от канала. Четыре порта, четыре города, четыре эпохи, отмеченные каменными летописями. Берк, первобытный человек, был загнан и запуган.

В этих местах не было никаких следов жизни. И не было очень давно. Ветер снес крыши и разорил пустые дома, сгладив углы, расширив проемы окон и дверей, так что следы работы человеческих рук теперь были едва заметны.

Теперь люди Валкиса молчали. Они продолжали преследовать зверя, и их ненависть нисколько не угасла, наоборот, она усилилась.

Они ступали по останкам своего мира. Земля была зеленой, голубой, богатой планетой. А здесь марсиане ступали по мрамору набережных, куда приставали корабли и галеры королей Валкиса, и даже мрамор рассыпался под каблуком времени.

А высоко на вершине холма королевский дворец смотрел на бичевание этого непрошеного гостя. И теперь во всем городе был слышен только звон колокольчиков в женских прическах, что было, казалось, единственным признаком жизни этого затухшего мира, где женщины тоже бежали в толпе, по щиколотки утопая в пыли.

В качестве обезьяны Берк пробежал по всей истории Марса. И даже теперь, когда его ум был первобытным, он испытал ужас при виде этого мрачного места, где не было никаких запахов, даже запаха смерти...

Он пересек площадь, где дома были построены в основании кораллового рифа. Он с трудом вскарабкался по остаткам рифа и увидел прямо перед собой поднимающийся вверх скалистый выступ. Он стал подниматься на него, не отдавая себе отчета, зачем он это делает.

Он оказался на довольно ровном плато, уходящем во тьму, затем пересек очередную полуразрушенную набережную, остановился и посмотрел назад.

Преследование продолжалось. Он уже полностью обессилел, им овладело отчаянье. Тем не менее он продолжал продвигаться вперед по извилистым пустынным улочкам. Дома были теперь всего лишь

бесформенными горами камня. Его руки и ноги оставляли красные следы там, где касались стен или мостовой...

Наконец он пересек плато и оказался у подножия еще одного холма. Огромная масса древнего дворца смутно вырисовывалась в кромешной тьме. Примитивный инстинкт дикаря говорил Берку, что это место еще опаснее. Он пошел вдоль высокой мраморной стены, окружавшей дворец. И вдруг почувствовал запах воды.

Распухший язык уже не ворочался у него во рту. Он задышался, горло было забито пылью. Из многочисленных ран текла кровь, его лихорадило. Его так тянуло к воде, что он даже забыл о своих врагах и смутной опасности, исходившей от этого места. Пошатываясь, он, насколько мог, ускорил шаг. Неожиданно стена кончилась, и он оказался у железных ворот. Они были открыты, и он, не раздумывая, вошел. Его разбитые ступни ощутили мягкий газон. Вокруг, при слабом свете лун, едва виднелись кусты и цветы с тяжелым, одуряющим запахом.

Ворота беззвучно захлопнулись за его спиной. Он даже не заметил этого. Запнаясь, он с трудом побегал вперед по траве, между рядами деревьев необыкновенного вида, увлеченный запахом воды. Тут и там он замечал странные статуи из мрамора и полудрагоценных минералов. Он чувствовал, что опасность приближается, но был так изможден, так измучен жаждой, что не придавал этому значения.

Наконец он оказался на месте. Перед ним было открытое пространство, в центре которого виднелась огромная каменная чаша, украшенная тонкой резьбой и барельефами. Неподвижная поверхность водной глади была черней асфальта.

Все замерло вокруг. По другую сторону бассейна возвышалась безмолвная и темная громада дворца. Казалось, там не было никакой жизни, но Берку, нервы которого были напряжены до предела, виделась в этом особая опасность. Он притаился в чаще, затаил дыхание и прислушался.

Ничего. Только мрак и тишина. Берк снова посмотрел на манившую его воду. И жажда заставила его забыть об осторожности. Он бросился к воде.

Он опустился ничком на бирюзовые плиты борта бассейна и прильнул к ледяной жидкости. Напившись, он некоторое время оставался неподвижным, совершенно обессиленный и тяжело переводящий дыхание.

Все вокруг было по-прежнему неподвижно.

И вдруг с дальней стороны дворца в ночи раздалось грозное рычание. Берк застыл. Он опустился на четвереньки.

Ответом на рычание был странный крик, как будто издаваемый рептилией...

Теперь, утолив жажду, Берк начал различать странные запахи,

которые приносил легкий ночной ветерок. Запахи были самые разнообразные и часто смешанные, поэтому было трудно установить, кому или чему они принадлежали, однако совершенно четко различалась противная мускусная вонь, и у него от инстинктивного отвращения шерсть встала дыбом. Он не знал, какое существо распространяло этот запах, однако ужас наполнил его душу, потому что ему казалось, что он знает,— но он не хотел знать...

Ему больше всего хотелось покинуть это место, где шла непонятная тайная жизнь, чувствовалась неведомая угроза и царил мрак.

Повернув назад, он углубился в чащу. Он продвигался очень медленно из-за кровоточащих ран и ужасной слабости. И в этот момент, как-то сразу, он увидел ее.

Она бесшумно шла по поляне, выйдя из тени густых зарослей гигантских кустарников. Она была уже совсем рядом и в неверном свете небольших лун внимательно смотрела на него. Выражение лица у нее было испуганным, глаза широко открыты, и, казалось, она была готова убежать. Длинные волосы, падавшие ей на спину, были, как и все ее тело, цвета лунного света.

Берк остановился. Дрожь пронзила все его тело. Он вспомнил о какой-то тяжелой потере, о каких-то напрасных поисках и в то же время испытал жгучее желание приблизиться к этому призрачному существу.

И имя вдруг выплыло из тьмы подсознания:

— Джил!

Она встрепенулась. Он подумал, что она сейчас убежит, и снова крикнул:

— Джил!

Тогда, очень осторожно, все еще колеблясь, она стала приближаться к нему, очаровательная, как олененок весной.

Она издала какой-то звук, похожий на вопрос, и он ответил:

— Берк.

На какой-то момент она застыла на месте, повторила это имя, потом бегом бросилась к нему, плача от охватившего ее волнения, и он почувствовал, что очень рад. Он смеялся и без конца повторял ее имя, и слезы застилали ему глаза. Он протянул к ней руки.

В этот момент в землю между ними, вибрируя, вонзилось копьё.

Она предостерегающе крикнула и исчезла в густом кустарнике. Берк хотел последовать за ней, но ноги не послушались. Заревав от гнева, он обернулся.

Огромного роста охранники Кеши в блестящих доспехах внезапно появились среди деревьев, окружив его. Они были вооружены копьями и приближались к Берку с сетью из толстых волокон. Его моментально скрутили. Остриями копий его зажали со всех сторон и накинули сеть. Он рухнул и застыл, совершенно беспомощный. Когда его подняли и понесли, он еще услышал несколько звуков.

Это был жалобный стон девушки с серебристыми волосами и, совсем рядом, издевательский женский смех.

Он уже где-то слышал этот смех. Но не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах. Тем не менее смех этот привел его в такую ярость, что, чтобы утихомирить его, один из охранников ударил его древком копья по голове.

Он пришел в себя — на этот раз в себя, капитана Берка Винтерса — в комнате, которая очень походила на такую же в Валкисе, правда, здесь стены были из зеленого камня, а на потолке не было излучателя.

Винтерс уже забыл обо всем, что произошло с ним в той комнате. У него только оставалось смутное чувство, что там с ним случилось нечто очень странное. А теперь он думал только о Джил...

Он попытался встать и только тут понял, что скован цепью. Она соединяла наручники с похожими браслетами на ногах и с обручем на талии. И это была единственная его одежда.

Раскрылась тяжелая дверь. Четверо гигантского роста варваров в доспехах, украшенных драгоценными камнями, вошли в камеру, подняли его и, поддерживая, повели по коридору. Впереди шел офицер. Они не сказали ему ни слова, а он прекрасно понимал, что не стоит и пытаться заговорить с ними.

Берк совершенно не представлял себе, где находится и как попал сюда. У него осталось только смутное впечатление о невыносимых страданиях и нескончаемой погоне — как будто это было во сне.

И в какой-то момент этого сна он, вроде бы, видел Джил и даже разговаривал с ней. И в этом он был совершенно уверен, как и в том, что его цепи очень тяжелы...

Он спотыкался, слезы застилали глаза. Начиная с этого момента, он больше ни в чем не был уверен. Ведь он своими глазами видел искореженные обломки ее глайдера и, до конца все же не веря в это, должен был свыкнуться с мыслью, что ее больше нет и что он должен оставить надежду когда-либо увидеться с ней.

А теперь он знал наверняка. Она была жива.

Он старался запомнить, по каким коридорам и залам тащили его охранники. Судя по их размерам и роскошному убранству, он находился во дворце и решил, что это тот самый дворец, который как будто бы он уже видел над скалами в том самом сне. Подтверждением этому была панорама города, которую он в какой-то момент заметил из окна, мимо которого они проходили.

Он решил, что дворец — самое древнее сооружение из всех, которые он видел на Марсе, за исключением, может быть, затерянных руин Лхака в пустынях севера. Дворец состарился, оставшись все таким же мрачно-величественным. Мозаика полов во многих местах стерлась, драгоценные камни в настенных барельефах стали тонкими, как фарфоровая посуда. Ковры, как и все на Марсе, стали

хрупкими и рассыпались в пыль. Их краски почти полностью выцвели, так что остались только легкие тона, навевающие бесконечную грусть и в то же время очаровательные...

В разных местах на стенах и на сводчатом потолке можно было заметить фрески — замечательные свидетельства былой славы. Изображенные на них моря были глубокими и полноводными, корабли — само совершенство, кольчуги воинов украшали драгоценные камни, а пленных королей было не меньше, чем черного жемчуга...

Это был стиль архитектуры, преисполненный тщеславия, где сливались утонченная культура и варварство, так свойственные марсианскому обществу. Винтерс думал о той эпохе, когда эти драгоценные камни были только что добыты в карьерах. Он решил, что к этому времени древняя цивилизация уже погибла в бесконечных ядерных войнах, а гордые валкийские короли давно превратились в предводителей бандитских шаяк среди погружающегося во мрак мира.

Наконец они оказались у дверей из чеканного золота, вдвое превышающих рост Берка. Охранники отворили их, и он оказался в тронном зале.

Тусклые лучи заходящего солнца проникали сюда через расположенные под потолком амбразуры, освещая тусклым светом величественные колонны и мозаичный пол. Этот свет отражался в оружии и доспехах застывших изваяний усопших королей, оживлял поблекшие краски старинных знамен. А в большей части этого зала царили мрак и тишина, время от времени нарушаемая чьим-то шепотом и еле слышным эхом...

А в самой глубине зала солнечный луч освещал трон.

Трон был целиком выточен из глыбы черного базальта. Когда Винтерс направился к нему, цепи его загремели и нарушили жуткую тишину. Приблизившись к нему, Винтерс понял, что когда-то это была подводная скала. Море отполировало ее так, что человеку оставалось только придать ей некоторую необходимую завершенность.

И как будто слившись с ним, на троне сидела старуха. На ней была ветхая черная мантия. Ее волосы были уложены в виде короны и украшены драгоценными камнями. Некоторое время она разглядывала землянина своими подслеповатыми глазами и вдруг заговорила на верхне-марсианском наречии, языке таком же древнем, как санскрит на Земле. Винтерс не мог разобрать ни слова, но по ее интонации и внешнему виду понял, что она совершенно безумна.

Еще чья-то сидящая фигура виднелась на ступеньках у подножия трона, куда не доходил солнечный луч. Винтерс не мог различить, кто это. Он только вроде бы разглядел лицо цвета слоновой кости, и сердце его затрепетало как будто в ожидании чего-то необыкновенного...

В то время как он приближался к трону, старуха встала и, продолжая свою пламенную речь, указала на него рукой: прямо-таки сморщенная Кассандра, призывающая проклятья на его голову. Звуки ее дикого голоса отражались под сводами зала, а глаза ее пылали ненавистью.

Охранники уперлись в спину Берка древками копий, так что он упал плашмя на пол, прямо перед лестницей к базальтовому трону. Тихий и уже знакомый издевательский смех раздался прямо над ним, и он почувствовал, как маленькая ножка, обутая в сандалию, наступила ему на затылок. И он узнал голос, насмешливо произнесший:

— Приветствую капитана Винтерса! Трон Валкиса говорит вам «Добро пожаловать!»

Ножка освободила его шею. Он поднялся. Старуха в изнеможении опустилась на трон. Она запела что-то похожее на церковную литургию, с экзальтированным выражением подняв глаза к потолку. Запомнившийся ему голос произнес в полумраке:

— Моя мать производит обряд коронации. Сейчас она как бы спрашивает согласие у племен Внешних Островов и у народов побережья. Ни время, ни пространство ее не интересуют, и она любит играть в королеву. А в это время, как вы успели заметить, в тени трона я, Фанд, управляю Валкисом.

— Однако, — заметил Винтерс, — необходимо, чтобы и вы иногда появлялись на свет...

— Конечно.

Гибкое и быстрое движение — и она стояла перед ним в лучах заходящего солнца. Волосы у нее были цвета ночи и уложены в очень сложную прическу. Одета она была по старинной вызывающей моде разбойничьих королевств — в свободную юбку с разрезами по бокам до самой талии, так что были видны бедра, когда она поворачивалась. На ней был широкий пояс, украшенный камнями, и колые из золотых пластин. Ее небольшие груди были обнажены, а стройное тело очаровывало грацией подростка...

Именно это лицо он уже видел. Гордое и прекрасное, губы, напоминающие плод с красной мякотью, в котором мед соединился с отравой, а легкомыслие с дремлющей чувственностью, с очарованием всего прекрасного и смертельно опасного...

— Итак, вот ваши поиски и увенчались успехом.

Берк взглядом указал на свои цепи и обнаженное тело.

— Станный успех. Я щедро заплатил Кор Халу за эту привилегию. — Он бросил на нее испытующий взгляд. — А вы правите еще и Шангой, кроме Валкиса? Если это так, то вы не очень-то любезны с вашими гостями...

— Что вы, наоборот, я к ним очень хорошо отношусь, вы это увидите.

И на ее лице промелькнула саркастическая усмешка.

— Но ведь вы же прибыли сюда не для того, чтобы позабавиться с Шангой, капитан Винтерс?

— А для чего же еще?

— Чтобы найти Джил Леланд!

Он не был так уж удивлен. В глубине души он подозревал, что она была в курсе. Но ему удалось сделать вид, что он удивлен.

— Но Джил Леланд мертва...

— В самом деле? А с кем же вы разговаривали в саду? — Фанд рассмеялась. — Вы что же, думаете, что мы так наивны. Любой, кто приходит в зал Шанги в Коммерческих Городах, подвергается тщательному контролю и тестированию. А уж к вам мы были особенно внимательны, капитан Винтерс, так как с точки зрения вашей психики вы никоим образом не были расположены к воздействию Шанги. Вы для этого слишком сильная личность.

Вы, конечно, знали, что ваша невеста предается этим развлечениям. Вам это не нравилось, и вы старались убедить ее покончить с Шангой. Кор Хал говорил мне, что такое противоречие очень огорчало ее. Но Джил зашла слишком далеко, чтобы остановиться. Она умоляла, чтобы ей разрешили попробовать настоящую Шангу. Она помогла нам инсценировать свою гибель в пустынных глубинах бывшего морского дна. Мы в любом случае так бы и сделали, так как эта девушка происходила из знатной семьи и мы не могли позволить, чтобы люди начали искать одну из наших клиенток. Но она еще хотела, чтобы вы думали, что она мертва и забыли ее. Она понимала, что не имеет права выходить за вас, что она испортит вам жизнь. Ну разве это не трогательно, капитан Винтерс? Что ж вы не плачете, услышав эту историю?!

Но эффект был куда более сильный: ему с непреодолимой силой захотелось схватить это очаровательное и дьявольское существо, разорвать его на куски и втоптать их как можно глубже в землю.

Цепи его натянулись со страшной силой, а наконечники копий тотчас впелись в кожу спины, оставив на ней красные пятна.

Он застыл.

— Зачем же вы это сделали? — спросил он. — Из-за денег или из ненависти?

— По обоим причинам, землянин! И еще по одной, гораздо более важной. — На какую-то секунду выражение лица у нее стало серьезным. — А вообще-то я не сделала ничего плохого вашему народу. Я построила залы Шанги, это правда. А земные мужчины и женщины сами унизили себя как только могли. Идите сюда.

Она жестом подозвала его к окну.

— Вы видели только одну часть дворца, — сказала она, пересекая просторный зал. — Земные деньги дали мне возможность перестроить и реставрировать дворец моих предков. Это капиталы

тех, кто решил вернуться к своему первобытному состоянию, потому что их подмяла под себя цивилизация, которую они сами создали. Вот, смотрите. Все это деньги Земли.

Перед глазами Винтерса развернулся пейзаж, подобного которому больше нельзя было увидеть почти нигде на Марсе. Настоящий цветущий сад, переливавшийся всеми красками богатого урожая. Правильные ряды ухоженных сочно-зеленых газонов, плодовых деревьев, кустарников, статуи...

Но по какой-то причине, о которой Берк не мог вспомнить, вид этого сада вызвал у него пронизывающую дрожь...

Но сад был только частью открывшегося перед его глазами пейзажа. Небольшой частью. Прямо под окном начиналась огромная впадина в форме котлована, простиравшаяся вдаль метров на четыреста, и взгляд Винтерса привлек древний амфитеатр, занимавший почти всю его площадь. Во многих местах разрушенный, он был по-прежнему прекрасен, со строго очерченными рядами сидений, вырубленных во внутренних гранитных стенах. Он подумал, что в древности у этого амфитеатра был еще более величественный вид, когда здесь проводились игры, а тысячи мест были заняты шумной толпой...

Теперь же на арене находился другой сад. Заросший и запущенный, огражденный высокими стенами, которые прежде защищали зрителей от нападения диких зверей. В этом саду были заросли и поляны, и Винтерс смутно различал странные фигуры, которые передвигались в наступающих сумерках. Он не мог различить их ясно из-за большого расстояния и тусклого освещения, но сердце его сжалось, он задрожал, он почувствовал как будто ледяное дыхание ужасного предчувствия...

В центре арены находилось озеро. Оно не было большим и, видимо, слишком глубоким, но какие-то существа плавали там, и Берк услышал что-то отдаленно напоминавшее крик рептилий. Крик, который он уже слышал...

Фанд разглядывала амфитеатр со странной улыбкой. Винтерс обратил внимание, что самые первые скамейки уже заняты публикой и что зрители продолжают прибывать.

— Что же это за причина, — спросил он ее, — более важная, чем деньги и чем ваша ненависть к людям Земли?

Когда через несколько секунд она ответила, все бесконечное тщеславие ее расы и ее династии сверкало в ее глазах. На какое-то мгновение он забыл о своей ненависти к ней из-за уважения, которое ему внушала ее искренность.

— Марс, — тихо произнесла Фанд. — Марс. Тот самый мир, который даже умереть не мог благопристойно и спокойно, потому что хищные птицы накинулись на его кости, мир, который алчные крысы уже успели высосать до последней капли крови.

— Я не понимаю,— сказал Винтерс.— Какое отношение Шанга имеет к Марсу?

— Вы увидите.— Она вдруг резко повернулась к нему.— Вы бросили вызов Шанге, землянин, точно так же, как ваш народ бросил вызов Марсу. Посмотрим же, кто сильнее!

И она сделала знак офицеру охраны. Тот удалился.

— Вы хотели найти свою подругу,— продолжала она.— Для этого вы были готовы пройти через огонь Шанги, несмотря на весь ужас, который она вам внушает. Вы даже были готовы рискнуть своей личностью, не побоявшись тех изменений, которые возникают в ней под воздействием лучей — и которые по прошествии определенного времени, землянин, необратимы. И все это ради Джил Леланд. Вы все еще хотите, чтобы она вернулась?

— Да.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Прекрасно.— Фанд бросила взгляд в сторону двери.— Она здесь.

Какое-то время Берк не мог решиться и обернуться назад. Фанд отошла немного в сторону и наблюдала за происходящим с заинтересованным и вместе с тем злобным выражением. Винтерс взял себя в руки и обернулся.

Она была здесь, прекрасная дикарка, явившаяся из первобытного мира с веревкой на шее. Охранники смеялись.

Винтерс с болью говорил себе: «Она не слишком изменилась. Да, она стала примитивным существом, но еще не превратилась в обезьяну. В ее глазах еще заметно отражение души и разума. Ах, Джил, Джил! Как же ты могла так поступить?»

Но теперь ему было ясно, как. Он вспомнил их бесконечные споры относительно Шанги. Он считал, что это глупость и ребячество, что это не достойно уровня его интеллекта, что это ведет к полной деградации личности, как никакой другой наркотик. Но тогда он не понял.

А понял сейчас. И так ясно, что его охватил панический страх.

Ведь сейчас и он стал одним из дикарей Шанги. И наряду с охватившим его ужасом при виде этого существа, которое было Джил и в то же время уже не было ею, у него появилось смутное чувство, что она как будто стала еще красивее и привлекательнее, чем когда бы то ни было... Лишенная всех искусственных оболочек, созданных цивилизацией, освобожденная от всех комплексов. Своим крепким и гибким телом она напоминала сейчас молодую лань, переполненную радостью жизни и чувственностью...

— Ее еще можно спасти,— сказала Фанд,— если вы найдете средство. Если только вам самому не понадобится помощь, чтобы спастись,— прибавила она с многозначительным видом.

Очаровательное существо приближалось. Его взгляд был направлен на Винтерса. Он видел, что привлекает ее внимание и что она мучительно пытается понять, в чем дело. Она не произнесла ни слова, и у Берка мучительно сжалось горло.

Охранник отпустил веревку, и теперь она была свободна. Она подошла вплотную к Винтерсу, настороженная, как молодое животное. Она остановилась и посмотрела ему прямо в лицо. Слезы наполнили ее большие темные глаза. Затем она тихо застонала и опустилась на колени у его ног.

У старухи вырвалось что-то похожее на громкое кudahтанье. Глаза Фанд напоминали две чаши расплавленного золота...

Винтерс нагнулся и взял Джил на руки. Он застыл, прижав ее к себе, охваченный щемящим чувством любви и жалости. Потом он очень тихо сказал Фанд:

— Теперь вам все ясно. Мы можем уйти?

— Отведите их в сад Шанги,— сказала она, кивнув головой.— Уже пора.

Охранники увели Берка Винтерса с женщиной, которую он сначала потерял, потом нашел, провели их через огромные гулкие залы дворца, потом по длинному травянистому спуску, ведущему к амфитеатру.

Массивная решетка преграждала вход в туннель. Охранники подняли ее, освободили Винтерса от цепей и втолкнули его и Джил внутрь. И решетка опустилась за их спинами.

Крепко держа Джил за руку, Винтерс прошел через туннель и оказался на арене, в саду Шанги.

Он остановился, ослепленный ярким светом. Джил вцепилась в его руку. Она трепетала от напряженного ожидания, казалось, она внимательно прислушивается.

Через несколько секунд раздался удар гонга, который можно было бы сравнить с призывом на молитву поклонников какого-то зловещего культа. Всего несколько секунд понадобилось Винтерсу, чтобы различить странные антропоидные существа, которые, кравшись между деревьями, распространяли зловонный запах диких зверей, заполнивший воздух; чтобы услышать плеск воды и шипящие крики, доносящиеся со стороны еще не видимого бассейна.

Всего лишь несколько секунд понадобилось, чтобы ужас сковал его тело, чтобы он захотел попытаться отринуть реальность этого кошмара и пожелать самому себе ослепнуть или еще лучше — умереть...

А с сидений над решеткой арены-сада тысячи марсиан смотрели вниз. Их лица выражали чувства, которые можно испытывать к существам давно прошедших времен, собранным в зоопарке, — к опаснейшим существам, ненавидимым ими.

Как раз в этот момент и раздался удар гонга. Джил встрепе-

нулась, рванув его за руку. Во всем саду сначала воцарилась мертвая тишина, затем послышались первые звуки дьявольского хора рычаний и криков, которые ужасно походили на человеческие голоса, и еще более ужасно было то, что они ими больше не были, а совсем рядом с Берком к ним присоединился голос Джил, которая затынула на манер псалма:

— Шанга! Шанга!

И тут Винтерс понял, что хотела сказать Фанд, имея в виду Марс. В то время как Джил, с туманным взглядом и ничего не замечая вокруг, увлекала его вперед через заросли и зеленые поляны, он понял, что этот сад Шанги и в самом деле был зоопарком, где обитатели Марса могли удостовериться, что их экономические завоеватели были дикими зверями. Ему стало мучительно стыдно. Ведь это были дегенеративные обезьяны, голыми бегающие среди деревьев, рабы, покорившиеся соблазнительному огню Шанги!

Он крикнул Джил, чтобы она остановилась.

Но она только ускорила шаг, и ему пришлось прямо-таки бороться с ней, чтобы удержаться. Она не обращала на него внимания и только без конца повторяла: «Шанга!»...

Прямо на них бежал огромный антропоид-самец. Он уже не мог разговаривать, и только нечленораздельные звуки вырывались из его глотки. За ним бежала целая толпа особей такой же стадии развития: самки, самцы, детеныши. Это стадо подхватило и понесло за собой Винтерса и очаровательное существо по имени Джил. Винтерс попытался освободиться, но все было напрасно. Мохнатые дикири крепко держали его.

Другие толпы догоняли их при приближении к центру сада. Винтерс чувствовал, что тошнота подкатывает к горлу. Это была настоящая Вальпургиева ночь, оргия богохульства. И было ясно, что он попал в страшную ловушку, которая должна уничтожить его.

Оставалось еще несколько похожих на Джил, которых разложение личности только затронуло. Они пока оставались людьми. Винтерс знал, что только вчера он сам был таким же, и не испытывал к ним отвращения. Но были и другие. Здесь была представлена вся галерея праотцов, начиная от обезьяны и кончая неандертальцем.

Здесь были полуживотные дикири, передвигавшиеся, волоча ноги, целиком заросшие шерстью, с бесформенными черепами и маленькими глубоко посаженными красными хитрыми глазками, беспрестанно гримасничавшие и показывавшие желтые зубы. Экспонаты, которых никогда не видели ученые-антропологи и о знакомстве с которыми они могли только мечтать. Экспонаты, которые не были ни человекообразными, ни обезьяноподобными, не относившиеся ни к одной из когда-либо классифицированных форм.

Все темные секреты эволюции человека были представлены здесь

как на выставке на потеху марсианам. Винтерс в изнеможении подумал, что и он, землянин, произошел от этих кошмарных созданий. Какое же уважение могли испытывать марсиане к этой расе, так недалеко ушедшей от своих истоков?

Но ему предстояло заглянуть назад, еще дальше в эти истоки...

Удар гонга раздался в последний раз. Море мохнатых и сутулых плеч, низких лбов и отвратительных морд существ, передвигавшихся на четырех конечностях, увлекло Винтерса и Джил в центр сада. Сильный мускусный запах забивал все другие. Запах был таким же, как в павильоне рептилий в зоопарке. Винтерс увидел, что поверхность бассейна вздыбилась от усилий существ, живущих там и пытавшихся выбраться по призыву гонга.

Да, это и был взгляд назад, взгляд на общего предка и еще дальше. Дальше млекопитающего, к жабрам и чешуе, к яйцу, снесенному в теплой грязи, к первоначальному уровню шипящих и свивающихся, донельзя отвратительных!

Джил задышалась. «Шанга! Шанга!» — повторяла она, подняв голову вверх, в то время как Винтерс чувствовал, что сознание его затуманивается. Что-то холодное и мокрое проскочило у него между ног, он пошатнулся, и его вырвало.

Он схватил Джил за руку и попытался выбраться из толпы, но не было никакой надежды добиться этого. Он попал в ловушку.

Он посмотрел вверх и прямо над собой увидел излучатели на высоких вышках. Он заметил, что они начали светиться тем самым знакомым ему светом.

Он совершенно обессилел. Это был конец его попытки найти Джил Леланд, это был конец всего...

Первое легкое прикосновение проклятого луча достигло его кожи. Он тотчас почувствовал, что голод и желания просыпаются в нем, трепет сидящего под кожей зверя прошел по его телу. Он подумал об обитателях озера и о том, какие чувства могли испытывать они, погруженные в воду и дышащие жабрами, которые ведь и у него самого существовали, когда он был всего лишь эмбрионом в материнской утробе...

«Потому что именно там я и должен быть, — говорил он себе. — В озере. Джил и я. А что до озера? Амеба, а до нее...»

Он увидел королевскую ложу, из которой короли Валкиса наблюдали бои гладиаторов, видели, как лилась кровь. Теперь там стоял трон Фанд. Облокотившись на каменные перила, она внимательно следила за происходящим. Берку показалось, что даже на таком расстоянии он мог заметить презрительную усмешку на ее губах. Рядом с ней сидел Кор Хал, а также старуха, одетая во все черное.

А лучи Шанги сверкали и жгли. Тишина опустилась на площадку в центре. Редкие стоны и короткие жалобные вскрики не могли нарушить молчания, они только подчеркивали его глубину. Блики

играли на поднятых к небу лицах, отражались в широко открытых глазах. Все тела, покрытые чешуей и мехом, стали как будто краше. Джил в молитвенном экстазе протягивала руки к новому светилу...

А безумие уже растекалось и по его венам. Мускулы у него напрягались и опадали. Легкое облако навевало забвение и расслабление души. Здесь были теперь два существа, Джил и Берк, на заре своей жизни, счастливые просто от сознания, что они вместе, равнодушные ко всему остальному, кроме своей любви и наслаждения ею.

В этот момент он слышал издевательский смех и остроты марсиан, собравшихся, чтобы поглазеть на бесчестие его мира. Он с усилием оторвал взгляд от этого проклятого излучателя и снова посмотрел на Фанд, Кор Хала и тысячи других. Лицо его помрачнело, в глазах зажглась ярость.

Вокруг площадка была усеяна звериными телами, корчившимися в экстазе Шанги. Джил встала на четвереньки. Винтерс почувствовал, что сила покидает его. Он ощущал необыкновенно болезненное наслаждение, дикое ликование охватывало его...

С огромным усилием он еще раз превозмог свои инстинкты, схватил Джил и потащил ее к деревьям, подальше от дьявольской поляны.

Но она не хотела следовать за ним. Она кричала, отбивалась, царапала ему лицо, пинала ногами. Тогда он ударил ее по голове, и она обмякла в его объятиях. Он продолжал упорно пробираться назад, натываясь на корчившиеся тела, падая, снова поднимаясь, и, в конце концов, пополз, взвалив Джил себе на спину. И только одна мысль придавала ему мужества. Только одна мысль заставляла его продолжать свои мучения: презрительно улыбающееся лицо Фанд стояло у него перед глазами...

Влияние лучей стало слабее, потом исчезло вовсе. Он был жив и за пределами поляны. Он продолжал тащить Джил в чашу, спиной к этому месту, так как чувствовал, что поляна притягивает его как наркомана и лучше туда не смотреть.

Наконец он выпрямился и посмотрел в сторону королевской ложи. Только прежняя гордость удерживала его в этом положении. Несмотря на расстояние, он старался смотреть прямо в глаза Фанд, и вдруг ее ясный серебристый голосок достиг его ушей.

— Вы все равно вернетесь к Шанге, землянин. Завтра или послезавтра, вы все равно вернетесь.

Она сказала это с абсолютной уверенностью, сравнимой с уверенностью в том, что солнце обязательно взойдет завтра утром.

Берк Винтерс ничего не ответил. Какое-то время он продолжал стоять на том же месте, глядя на Фанд. Затем силы покинули его. И он вяло и равнодушно опустился на траву рядом с Джил.

Последняя сознательная мысль, пришедшая ему в голову, была о

том, что Фанд и Марс бросили вызов Земле и что теперь речь не шла только о спасении любимой женщины.

Когда он пришел в себя, была ночь. Джил покорно ждала, сидя рядом с ним. Она принесла ему поесть и, пока он расправлялся с убогой подачкой марсиан, она пошла за водой.

Он попробовал завязать с ней беседу, но пока между ними была слишком глубокая пропасть. Она покорно и виновато молчала. Он вырвал ее из огня Шанги, и она еще с трудом понимала, что происходит.

То, что бежать отсюда бесполезно, было слишком хорошо ясно. Через какое-то время он встал и оставил ее в одиночестве. Она не сделала никакой попытки следовать за ним.

Сад был по-прежнему освещен тусклым светом лун, еще не поднявшихся над горизонтом. Дикие звери Шанги, видимо, крепко спали. Передвигаясь с максимальной осторожностью, Винтерс исследовал арену с целью найти хоть какой-нибудь выход. Постепенно в голове у него начал вырисовываться определенный план. Этот план не был особо выдающимся, и он понимал, что, весьма вероятно, может погибнуть еще до рассвета, но терять ему было нечего. Это почти совсем не беспокоило его. Ведь он был земным мужчиной, космонавтом, к тому же его гордость была сильно задета и холодная ярость заглушала любой страх.

Стены были высокими и гладкими. Даже обезьяна не смогла бы вскарабкаться по ним. Все туннели были наглухо замурованы, за исключением того, по которому его ввели. Он осторожно вошел в него и вскоре уперся в крепкую решетку. По другую сторону горел костер, разложенный охранниками.

Он вернулся на арену.

Потерпев неудачу, еще не успев ничего начать, Винтер в задумчивости остановился здесь, с тоской глядя на непреодолимые стены своей тюрьмы. И в этот момент он обратил внимание на вышку с излучателями Шанги.

Он подошел к ближайшей, осмотрел ее. Конечно, она была слишком высокой, чтобы можно было дотянуться, ее дуга с излучателем свешивалась над ареной, а остальная часть находилась за ее пределами.

Да, она слишком высока, чтобы достать до нее. Но для кого-нибудь, у кого есть веревка...

Винтерс вернулся в заросли и после непродолжительных поисков нашел лианы, свисающие с деревьев. Он сорвал их и связал как можно прочнее между собой. Затем он нашел палку, достаточно легкую, чтобы ее можно было забросить как можно выше, которая могла бы потянуть за собой лиану. Затем он вернулся к вышке.

С третьей попытки палка зацепилась за решетчатую арматуру. Он натянул эту хрупкую связь с внешним миром и два раза обмотал

ее вокруг пояса. Затем, бормоча молитву, чтобы лианы выдержали, он начал осторожно карабкаться вверх.

Подъем казался ему бесконечным. В свете лун он чувствовал себя совершенно уязвимым.

Лианы не подвели, ничей голос не окликнул его. Наконец он ухватился за арматуру вышки и поднялся вверх. Он тотчас сбросил вниз лиану. Через несколько секунд он оказался в целости и сохранности на ступенях амфитеатра.

Обходя стороной охранников, стороживших вход в туннель, он вышел наружу и осторожно пошел вверх по уже знакомому подъему. Он прятался в кустах, когда была возможность, а когда местность была открытой, двигался ползком. Тучи, время от времени скрывавшие свет лун, способствовали его продвижению, так как видимость моментально становилась никудышной. А дворец возвышался над ним, огромный и темный, раздавленный весом пролетевших над ним столетий...

Только два окна светились в нем. Одно, на первом этаже, видимо, принадлежало помещению для стражи. В другом, на четвертом, свет был едва заметен, как будто там горел ночник. Вот там и находятся, наверное, апартаменты Фанд, подумал он.

Он подошел к уже знакомому входу. Кругом не было видно ни одной живой души. Он решил, что это огромное и наполовину в руинах здание не могло охраняться так же тщательно, как амфитеатр, даже если бы в этом была необходимость. Бесшумно ступая босыми ногами, Винтерс миновал просторный и безлюдный холл и углубился в длинную анфиладу залов и переходов.

Постепенно его глаза привыкли к темноте, а тусклый свет лун, проникавший в окна, освещал ему дорогу. Залы, вестибулы и коридоры, казалось, были погружены в воспоминания о былой славе, от которой теперь оставались поблекшие знамена и развалины городов... Винтерс вздрогнул. В этом месте чувствовалось ледяное дыхание вечности.

Он поднялся по одной лестнице, по другой и наконец на четвертом этаже, в конце коридора, заметил слабый дрожащий свет из щели под дверью.

Здесь не было охраны. И это был его шанс. Не только потому, что ему не пришлось преодолевать лишнее препятствие, но и потому, что ее отсутствие подтверждало его мысль о том, что Фанд не требовала, дабы следили за теми, кто к ней приходит. С точки зрения безопасности охранник был бы здесь бесполезным украшением. Ведь Фанд находилась у себя дома. И здесь не могло быть врагов...

Кроме одного.

Винтерс бесшумно открыл дверь. На низком ложе рядом с ней спала усталая служанка. Она не пошевелилась, когда он прошел мимо. А прямо перед собой он увидел хозяйку дома, Фанд.

Она спала на широченном украшенном барельефами ложе, ложе королей Валкиса. У нее, утонувшей в этой необъятности, был вид невинного ребенка. Да, она была очень красива. Очень опасна и красива колдовской красотой.

Винтерс безжалостно обрушил на ее голову удар кулака. И она, не просыпаясь, потеряла сознание. И не издала ни единого звука. Он связал ее найденными в комнате поясами и простынями, заткнул клепом рот и взвалил эту легкую ношу на плечо. Затем он тем же путем осторожно вышел из дворца.

Это оказалось очень простым делом. Он никогда бы не подумал, что это так. В конце концов, подумал он, люди редко предохраняются от невозможного.

Фобос скрылся по своей циркулярной орбите за горизонтом, а Деймос не мог дать слишком много света. То неся Фанд в руках, то волоча ее по земле при пересечении открытого пространства, Винтерс вернулся в амфитеатр. По ступеням он добрался до стены. Она была высотой метров шесть, и, привязав Фанд к своей спине, он перелез через стену, на какое-то мгновение повис на кончиках пальцев, затем прыгнул в заросли кустарника.

Приземлившись, он перевел дыхание и убедился, что с Фанд все в порядке. Он взял ее на руки и как можно быстрее углубился в чащу. Он вспомнил, что в центре большой поляны была густая роща. Волоча девушку за собой, он ползком пересек ее и, вздохнув с облегчением, скрылся в роще вместе с наследницей валкисских королей.

Затем он стал ждать.

Наконец глаза Фанд раскрылись и гневно уставились на него.

— Да,— сказал он,— это не сон, вы здесь, в саду Шанги. Я привел вас сюда. Нам надо договориться, Фанд.

Он вытащил клеп у нее изо рта, однако держал его наготове.

— Нам не о чем договариваться, землянин,— ответила она.

— Вашу жизнь, Фанд. Вашу жизнь в обмен на мою с Джил и других, которых еще можно спасти. Вы должны разрушить излучатели, прекратить это безумие, тогда вы спокойно доживете до такой же старости и мазама, как ваша мать.

В ней не было ни капли страха. Неизмеримая гордость, ненависть, но никакого страха. Она рассмеялась.

Его рука легла на ее горло, и он сдавил его железной хваткой.

— Тонкое какое,— сказал он.— И нежное. И так легко разорвать его...

— В добрый час. Шанга может существовать и без меня. Кор Хал этим займется. А вы, Берк Винтерс... Вам не удастся избежать вашей участи.— Она язвительно улыбнулась.— Вы опуститесь до уровня зверей. Шанга никого не отпустит!

— Я знаю,— кивнул Винтерс.— Поэтому я должен уничтожить Шангу, пока она меня не уничтожила.

Фанд с саркастическим выражением смотрела на него, голого и безоружного, опустившегося на корточки в густом кустарнике, и рассмеялась сильнее прежнего.

— Может быть, это невозможно, — сказал он, пожав плечами. — Я в любом случае узнаю об этом, только когда будет слишком поздно. Но на самом деле я забочусь в первую очередь не о себе. Я мог бы чувствовать себя счастливым, бегая на четвереньках по вашему садику. Я также был бы совершенно удовлетворен, нырнув в ваш бассейн, испуская гнусное шипение. Так нет. Не обо мне речь и даже не о Джил.

— О ком же?

— У Земли тоже своя гордость, — сказал он серьезно. — Конечно, она моложе и примитивнее, чем ваша планета. Иногда в ней проявляются одержимость и безжалостность, я должен признать это. Но, в общем, Земля добрая планета, на ней живут стоящие люди, и она сделала больше, чем все другие планеты, для развития Солнечной системы. И в качестве землянина я не могу спокойно смотреть, как унижают родственный мне мир.

Он обвел взглядом амфитеатр.

— Я верю, — продолжал он, — что Земля и Марс могли бы многому научиться друг у друга, если фанатики с обеих сторон прекратят сеять семена раздора. Вы самая ужасная личность, о которой я когда-либо слышал, Фанд. Вы больше, чем фанатичка. — Он задумчиво посмотрел на нее. — Я думаю, что вы так же безумны, как ваша мать...

Его речь не привела девушку в ярость, и он убедился, что она не была сумасшедшей, а только испорчена образом жизни и воспитанием.

— И что же вы можете предложить конкретно? — сказала она.

— Подождать. До рассвета, может быть, немного дольше. В любом случае, пусть у вас будет достаточно времени подумать. Тогда я дам вам последний шанс. Потом я вас убью.

Когда он снова заткнул ей рот, она улыбнулась и, не мигая, продолжала смотреть на него.

Время шло. Ночь сменил рассвет, потом наступило утро. Винтерс сидел, не двигаясь, склонив голову на колени. Фанд лежала с закрытыми глазами, казалось, она спит.

Под лучами солнца сад возвращался к жизни. Винтерс услышал крадущиеся шаги и ворчание диких зверей Шанги. Со стороны мелководного озера слышались крики живущих там существ, и ветер доносил исходящую от них мускусную вонь.

Неожиданно появилась Джил. Она чуть не вскрикнула при виде Фанд, но Винтерс успел сделать ей знак молчать. Она опустилась на землю рядом с ним, не спуская с него взгляда. Он погладил ее по плечу. Оно было упругим и в то же время нежным, но Джил дрожала.

Она по-прежнему походила на лань со своим грустным взглядом.

Лицо Винтерса стало таким же холодным и безжалостным, как стерильный свет звезд, смотревших на них с бездонного неба.

Времени больше совсем не оставалось. Джил начала поглядывать в сторону излучателей. Винтерс чувствовал, как нервное напряжение охватывает ее.

Он разбудил Фанд. Она открыла глаза, посмотрела на него, и, еще ни о чем не спросив, он уже знал ответ.

— Ну и?..

Она отрицательно покачала головой.

В первый раз Винтерс улыбнулся.

— А вообще-то, — сказал он, — я решил не убивать вас.

То, что он потом сделал, произошло быстро, и никто этого не видел, кроме Джил и Фанд. До Джил сразу ничего не дошло, а наследница валкисских королей поняла слишком хорошо.

Амфитеатр продолжал заполняться. Марсиане приходили, чтобы научиться презирать и ненавидеть жителей Земли. Винтерс рассматривал их. Он все еще улыбался.

Неожиданно он повернулся к Джил. Когда через несколько минут он, исцарапанный и запыхавшийся, закончил свое дело, она тоже была связана ремнями, позаимствованными у Фанд. На этот раз ей не удастся полностью отдаться огню Шанги.

Марсиане продолжали собираться. Кор Хал вошел в королевскую ложу вместе со старухой, опиравшейся на его руку.

Раздался удар гонга.

Еще раз Винтерсу пришлось присутствовать на сборище диких зверей Шанги. Спрятавшись далеко в чаще, вне зоны действия лучей, он наблюдал, как мохнатые тела устремились к центральной поляне, давя и отталкивая друг друга. Он видел, как лихорадочно блестят их глаза. Он слышал их стоны и вскрики, и по всему саду было слышно: «Шанга! Шанга!»

Джил корчилась и билась, пытаясь освободиться. Ее крики приглушались кляпом, которым он предусмотрительно заткнул ей рот. Винтерс не мог спокойно смотреть на нее. Он знал, как она страдала. И сам он страдал.

Он заметил, что Кор Хал, свесившись над оградой, внимательно рассматривал происходящее в саду. Винтерс знал, кого он ищет.

Раздался последний удар гонга. Тишина опустилась на поляну. Здесь опять присутствовали мохнатые антропоиды, передвигавшиеся на четвереньках, множество предшественников обезьян, ползающие, покрытые чешуей существа, мокрые и блестящие — и все молчали в ожидании.

Излучатели принялись за дело.

Волшебный тлетворный огонь Шанги заполнил воздух. Берк Винтерс засунул руку в рот и укусил ее так, что брызнула кровь. Ему

показалось, что из цветущих насаждений у озера, где осталась Фанд, доносились приглушенные крики. В этом месте лучи падали совершенно отвесно.

«Шанга! Шанга!»

Нет, ему надо было тоже пойти на поляну, понежиться под жаркими лучами. Он больше не мог выдержать. Ему очень хотелось снова почувствовать это жгучее прикосновение к своей коже, испытать радость и безумие.

В отчаянии он упал на траву рядом с Джил, вцепился в ее путы, дрожа от возбуждения.

Он услышал голос Кор Хала, который звал его по имени. Он заставил себя встать и подойти к королевской ложе. Марсиане, сидевшие по обе стороны от нее, стали с интересом рассматривать его, на какой-то момент оставив без внимания оргию зверей Шанги.

— Я здесь, Кор Хал! — крикнул Винтерс.

Человек из Барракеша посмотрел на него и рассмеялся.

— Зачем продолжать эту борьбу, Винтерс? Вы все равно не можете противиться призыву Шанги.

— А где ваша великая предводительница? Ей что, уже надоели эти развлечения?

— Кто знает, о чем думает госпожа Фанд? — сказал Кор Хал, пожав плечами. — Она приходит и уходит, когда ей нравится. — Он склонился над ареной. — Ну, Винтерс! Огонь Шанги ждет вас. Смотрите все, как он потеет, стараясь остаться человеком! Ну, сын обезьяны... догоняй своих братьев!

Злобный смех марсиан ударил Берка, как копье.

Он продолжал стоять на том же месте, выпрямившись, вызываясь глядя на них, и не двигался. Он был не в состоянии управлять своим дрожащим телом и учащенным дыханием. Пот попадал ему в глаза и ослеплял. Он чувствовал, что сейчас сойдет с ума от вожделения, но продолжал неподвижно стоять на месте. Он подумал, что лучше умрет, но не сдвинется ни на шаг.

И марсиане продолжали разглядывать его.

— Что ж, завтра, — сказал Кор Хал. — Может быть, после завтра... но вы все равно не устоите, землянин.

И Винтерс знал, что не устоит. Он больше не сможет вынести это испытание. Если завтра он еще будет здесь, то присоединится к своим братьям, когда раздастся удар гонга.

Излучатели погасли. Марсиане, удовлетворенно усмехаясь, собрались покинуть амфитеатр.

Берк Винтерс крикнул:

— Подождите!

Его голос раздавался со стороны королевской ложи, и все взгляды сконцентрировались на нем. В этом крике смешались отчаянье, торжество и ярость человека, выброшенного из жизни.

— Подождите, люди Марса! Вы побывали на спектакле. Я хочу продолжить его. Вы, Кор Хал! В Валкисе вы рассказывали мне о мудрецах Каер Дху, которые первыми отведали Шангу, и целое поколение было истреблено ею. Целое поколение!

Он шагнул вперед, в этой своей речи он находил возможность хотя бы немного расслабиться.

— Мы, земляне, молодая раса. Мы еще недалеко ушли от наших прародителей, и поэтому вы ненавидите нас, вы насмехаетесь над нами, относясь к нам, как к обезьянам. Ладно. Но наша молодость придает нам силы. Мы довольно медленно поддаемся Шанге.

А вы, марсиане, старая раса. Вы проделали долгий путь по спирали времени, и конец стал ближе к началу. Люди Каер Дху исчезли в течение жизни одного поколения. У нас нервы из железа, а у них были всего лишь из соломы.

Поэтому ни один марсианин не пользуется Шангой, поэтому она запрещена Городами-Государствами. Вы боитесь этого, потому что моментально окажетесь на стадии конца цивилизации. Или начала, кто знает? У вас нет сил противостоять Шанге, вы боитесь ее.

Насмешливые и яростные возгласы были ему ответом.

— Послушайте обезьяну! — воскликнул Кор Хал. — Послушайте дикаря, которого мы гнали по улицам Валкиса!

— Да, послушайте его! — крикнул в ответ Винтерс. — Ведь госпожа Фанд исчезла, а только обезьяна знает, где она!

Воцарилось молчание. Затем в тишине послышался смех Берка.

— А, так вы мне не верите. Рассказать вам, как я это сделал?!

Он рассказал, а когда закончил свой рассказ, они засвистели и обзвали его лжецом. Он усмехнулся, глядя прямо в лицо Кор Халу.

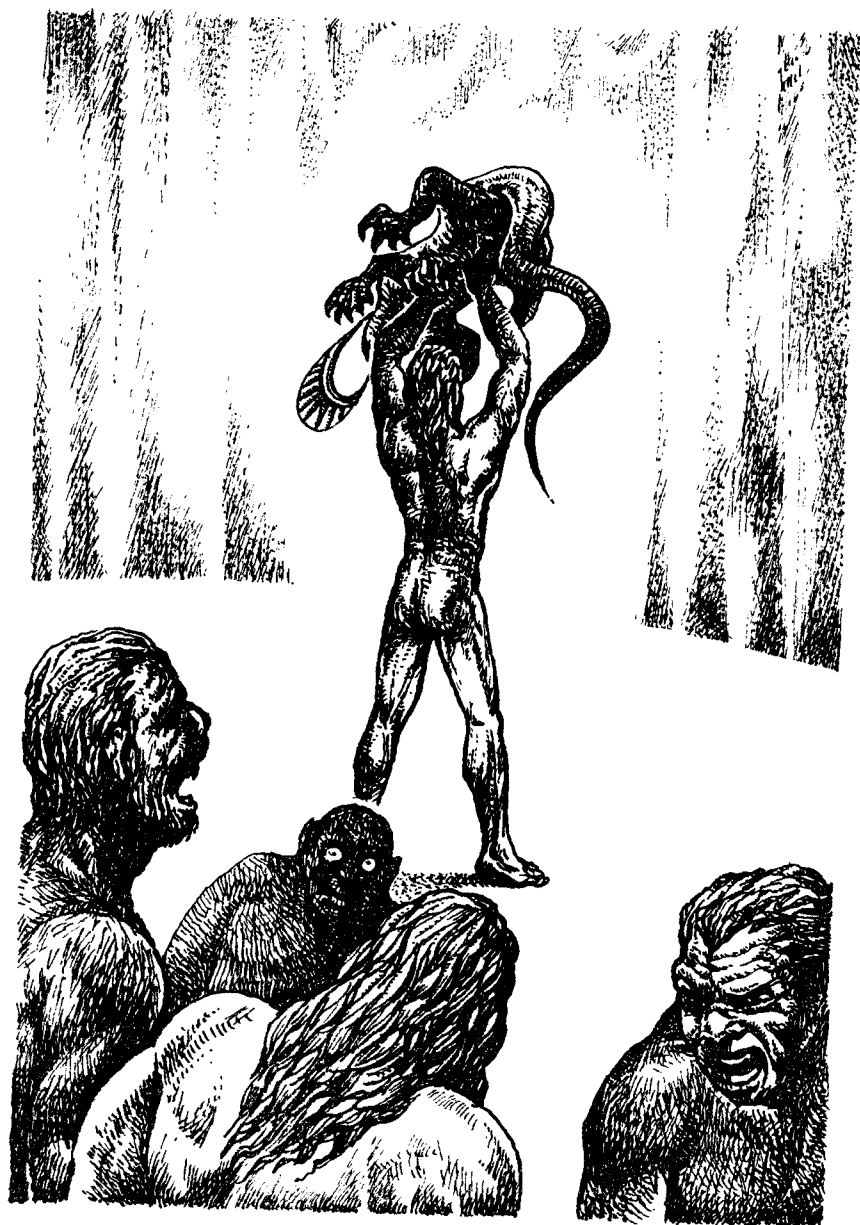
— Подождите! — воскликнул он. — Сейчас я вам ее покажу!

Он повернулся и отправился к поляне. Пробираясь среди дикарей, расталкивая их, он добрался до зарослей цветущего кустарника у озера и пополз под деревьями.

Да, он не догадывался. По словам Кор Хала, он знал, что превращение может быть очень быстрым, но не знал, насколько. Есть вещи, о которых невозможно догадаться.

Несмотря на всю его выдержку, он не смог сдержать крик отвращения и ужаса. Он не хотел смотреть на это существо, которое лежало на том месте, где он оставил Фанд, он не хотел знать, что такая форма жизни могла существовать или существует. Но ему пришлось смотреть. Ему пришлось приблизиться, чтобы развязать ее. Ему пришлось дотронуться до нее. Ему пришлось коснуться ее руками, почувствовать ее дряблую кожу, прижать к себе это липкое тошнотворное существо, которое к тому же извивалось.

И у ЭТОГО были глаза. И это было хуже всего. У него были глаза, и оно смотрело на него.

Пошатываясь, он выбрался из чащи со своей ношей. Он снова пересек поляну, где два огромных самца уже дрались из-за самки, он добрался до открытого пространства перед королевской ложей.

Он поднял существо как можно выше над головой, и яркие лучи солнца осветили его.

— Смотрите все! — крикнул он. — Что, вы не узнаете ее?! Это последняя представительница славной королевской династии Валькиса — госпожа Фанд!

На том месте, где у Фанд была когда-то шея, у этого извивающегося существа болталось и сверкало под солнечными лучами золотое ожерелье, которое все тотчас узнали...

Так он держал ее какое-то время, и лица марсиан застыли, стали похожими на лица мертвецов. Кор Хал медленно встал со своего места и облокотился на перила.

Тогда Винтерс положил свою ношу и отошел на несколько шагов, в то время как существо поползло по зеленому газону самым отвратительным образом.

— Смотрите вы, марсиане! Вот так вы начинали!

В полной тишине старуха встала. Некоторое время она стояла, не двигаясь, с опущенными глазами. Можно было подумать, что она что-то скажет или закричит, но она не произнесла ни слова. И вдруг она стала медленно клониться через перила и полетела вниз. Она рухнула на арену и больше не двигалась...

Как будто по ее примеру, марсиане с яростными криками в едином порыве вскочили со своих мест и стали прыгать на арену тоже, выбирая, впрочем, густые заросли для приземления. Это не была коллективная попытка самоубийства: речь шла о мести.

Винтерс был уже далеко. Он моментально освободил Джил и увлек ее за собой, чтобы лучше спрятать. Он заметил, что вход в туннель недалеко от них...

Марсиане собирались в центре площадки. И в этот момент дикие звери Шанги заметили их. С ревом и рычанием они высыпали навстречу противнику.

Ножи, сабли и кастеты с шипами против клыков, когтей и мощной мускулатуры. Существа, покрытые чешуей, бросались вперед, шипя и разрывая в клочья все, что попадалось, своими острыми, как шила, зубами. Огромные руки хватали и отрывали конечности, ломали, как спички, кости, сворачивали головы. И острые клинки блеснули на солнце, принося, в свою очередь неминуемую смерть.

В этот день месть правила свой бал в саду Шанги. Месть Земли Марсу, месть бывших людей за унижение своего рода.

Винтерс увидел, как Кор Хал вонзил свою саблю в ползучую нечисть, которая раньше была Фанд, и продолжал это до тех пор, пока она не перестала двигаться. Затем он стал выкрикивать имя Винтерса.

Тот приблизился.

Никто из них не сказал ни слова. Говорить больше было не о чем. Безоружный Винтерс должен был сражаться с вооруженным саблей противником. В разгар творящегося вокруг кошмара они столкнулись лицом к лицу. У них были личные счеты.

Первый же выпад Кор Хала ранил Винтерса в плечо, однако Берку тотчас удалось схватить его за руку и сломать ее. Марсианин даже не застонал. Левой рукой он попытался выхватить нож, висевший на поясе, но не успел это сделать. Винтерс опрокинул Кор Хала на свое колено и схватил его за горло. Через несколько минут он выпустил обмякшее тело и удалился, унося с собой саблю.

В это время через туннель на арену ворвались охранники.

Начавшись у озера, бой распространялся все дальше. Дикари перемешались с марсианами. В этой яростной схватке было множество павших с обеих сторон. Вода в озере стала красной, какая-то из тварей уже утащила первого марсианина под воду... Ведь там были и такие, которые уже не могли дышать воздухом, но терпеливо и тихо ждали своей добычи, не показываясь на поверхности.

Винтерс знал, что в конце концов в саду не останется в живых никого. Он взял Джил за руку и осторожно повел ее к туннелю под прикрытием деревьев. Все внимание марсиан было привлечено к разгоревшемуся бою. Дикарей-самцов трудно было убить, драка доставляла им удовольствие. Туннель был пуст, решетка поднята, а все охранники были заняты на арене. Винтерс и молодая женщина прошли через туннель и едва успели спрятаться в глубине амфитеатра, в то время как следующий отряд охранников бегом спускался на арену со стороны дворца.

Торопясь и с бесконечными предосторожностями, они спустились по скалам, затем через руины Валкиса и, к счастью, никем не замеченные, очутились на берегу канала. Глайдер Кор Хала по-прежнему стоял на площадке.

Он втолкнул Джил в кабину и, уже присоединившись к ней, увидел, как толпы жителей Валкиса бегом продвигаются в их направлении. Видимо, сообщение о его преступлении и бегстве уже успело распространиться. Однако было поздно.

Он поднял в воздух аппарат и направил его в сторону Кагоры.

Теперь, когда все было кончено, он почувствовал, как устал и как ему хочется забыть это, вплоть до названия Шанги.

Но он чувствовал, что забыть не сможет. Золотой огонь прижег его душу слишком сильно. Он знал, что прекрасное лицо Фанд, каким он видел его в тот момент, когда связывал ее, и ее тихий стон, который он слышал в тот момент, когда излучатели начали свою дьявольскую работу, будет вечно преследовать его. Самые лучшие психологи и гипнотизеры никогда не смогут заставить его забыть об этом...

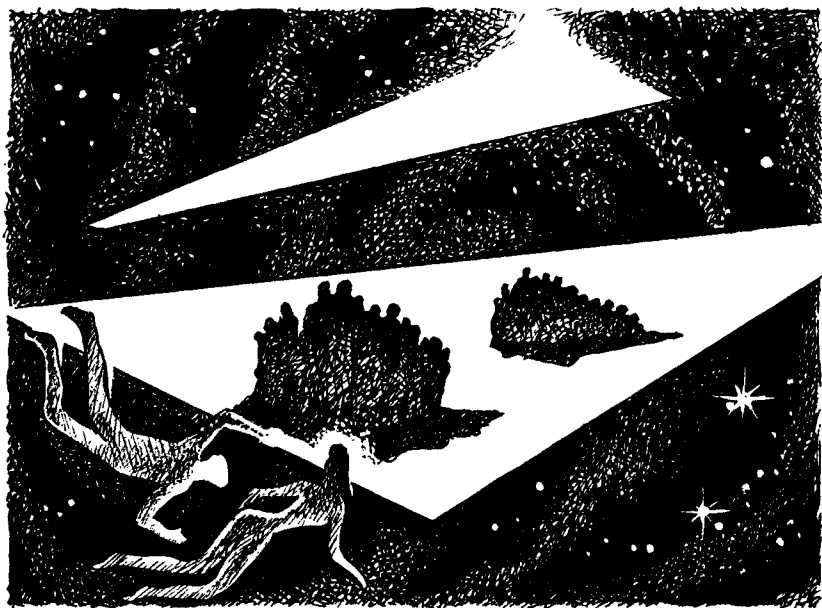
Оставалось позаботиться о том, чтобы правительства Земли и Марса проследили за полным уничтожением Шанги. И он был счастлив и даже немного горд, потому что это было дело его рук. Оставалось еще...

Он посмотрел на Джил. Придет время, о котором он будет молиться, и она снова станет прежней. Печать Шанги исчезнет, и она снова будет прежней Джил Леланд, кому он отдал свое сердце.

Но исчезнет ли эта печать окончательно? Ему вдруг показалось, что он снова слышит язвительный голосок Фанд. «А у вас исчезнет эта печать, Берк Винтерс? Станет ли прежним тот, кто побывал в стаде диких зверей Шанги?»

И он не мог ответить. Обернувшись, он увидел дым, поднимающийся в том месте, где находился тлетворный сад, — и он по-прежнему не мог ответить...

А. Э. Ван Вогт

КОРАБЛИ ТЬМЫ

Д'Орманду пришлось согласиться с тем, что принять какое-либо решение на Земле — одно, а выполнить его в Космосе — совсем другое. Уже шесть месяцев он следовал курсом, который вел его из Солнечной системы и далее — от гигантского спирального колеса Галактики. И вот настало время приготовиться к прыжку в другое время.

Дрожащими пальцами он настроил машину времени на 3 000 000 год. Его рука легла на выключатель, но он медлил. Согласно теории Хэлли, здесь, в открытом Космосе, вдали от звезд, можно легко избавиться от строгих законов, которые управляли течением времени на планетах. Хэлли говорил, что корабль сначала должен достичь скорости света, чтобы таким образом натянуть ткань пространства вплоть до разрыва, а затем можно включать МВ.

Д'Орманда окатила волна нервного жара. «Пора», — подумал он и толкнул рукоятку вперед. Послышался мерзкий треск, оглушитель-

ный скрежет рвущегося металла, а потом вернулось ощущение равномерного полета.

Д'Орманд видел все словно сквозь дымку. Он помотал головой и понял, что зрение скоро восстановится. Он мрачно ухмыльнулся, как человек, который рискнул жизнью и выиграл.

Зрение вернулось мгновенно. Он бросил взгляд на пульт управления машины времени и испуганно вздрогнул. Пульт исчез.

Он недоверчиво огляделся. В небольшом корабле все было на виду. В одном помещении сгрудились рабочая часть корабля, кровать, резервные баки и камбуз. Машина времени исчезла!

Так вот что означал металлический скрежет! Машина времени оторвалась, покинула корабль и исчезла во времени. Он проиграл. Д'Орманд тихо вздохнул и вдруг боковым зрением уловил какое-то движение. Он резко откинулся — в верхних иллюминаторах маячил темный корабль.

Он присмотрелся и понял: что бы ни случилось с машиной времени, она не сломалась.

Сперва он подумал, что чужой корабль находится очень близко и потому его можно разглядеть, но потом понял в чем дело и у него захватило дух. Да такой корабль мог быть только в трехмиллионном году.

Вслед за зачарованностью появились сомнения, а потом пришел ужас. Неестественным было не только то, что он мог видеть чужой корабль, но и сам корабль.

Все это казалось страшным сном. Длиной в три километра, шириной в восемьсот метров и толщиной корпуса лишь в тридцать сантиметров, он был похож на плот, специально созданный для мрачного моря Космоса, платформа, блуждающая в темной, беззвездной пустоте.

На широкой палубе стояли мужчины и женщины. Они были нагие, и ничто, буквально ничто — не защищало их тела от холода Вселенной. Они не могли дышать в безвоздушном пространстве, и все же были живы.

Они жили и стояли на широкой темной палубе; они подняли к нему взгляды, кивали и кричали ему. Это, вероятно, был самый странный крик, который когда-либо слышал смертный. Это было нечто большее, чем мысленный зов, более настойчивое, сильное, взволнованное. Он мог ощущать его физически, как голод или жажду. Желание росло, как потребность в наркотике.

Д'Орманд испытывал потребность опуститься со своим кораблем на эту платформу. Ему нужно опуститься, чтобы стать таким же, как они. Он должен... первозданное, безграничное, страшное желание.

Корабль стал поспешно готовиться к посадке. Почти одновременно он почувствовал непреодолимое желание уснуть.

Но у него осталось еще время для последней отчаянной мысли.

«Я должен воспротивиться этому! Нужно уходить отсюда! Прочь! Тотчас же!»

Сон настиг его на пике самого сильного страха.

Тишина! Он лежал с закрытыми глазами в мире, где было так же тихо, как...

Д'Орманд не мог придумать подходящего сравнения. С этим ничто не могло сравниться. В жизни своей он не испытал ничего подобного, что можно было бы сравнить с таким молчанием, этим полным отсутствием каких-либо звуков, которое давило на него, как... Он снова не мог найти сравнение. Была только тишина.

«Как странно», — думал он. Он почувствовал слабое желание открыть глаза, но желание быстро исчезло. Осталось лишь убеждение, что он, Д'Орманд, прошедший в одиночестве много месяцев в космическом корабле во Вселенной, должен иметь точное представление, что такое тишина.

Но до сих пор он по меньшей мере слышал шум собственного дыхания, временами звуки, которые издавали его губы, прикасавшиеся к мундштуку трубы с питанием, шорох костюма, когда двигался. Но это?

Его ум отказывался дать ему определение. Д'Орманд открыл глаза. То, что он увидел, почти не отличалось от того, что слышали его уши. Он лежал не то на спине, не то на боку. Рядом с ним похожий на торпеду предмет закрывал звезды. Предмет был почти десяти метров в длину и четырех метров в толщину. Больше ничего не было видно — только звезды и чернота Вселенной.

Обычный вид. Он не испытывал страха. Его мысли и обычная жизнь, казалось, были далеко отсюда. Еще дальше воспоминания об этом. Наконец одно желание возобладало в его сознании: он хотел знать, в каком положении находится и что окружает его.

Он вспомнил черный корабль — тяжелое воспоминание. Потом сон. Теперь звезды и межзвездная ночь. Кажется, он сидел в своем пилотском кресле перед экраном, на котором было изображено звездное небо.

Но все же — он это точно знал — он не сидел. Он лежал на спине и пристально смотрел в небо, усеянное звездами. Потом было пятно, которое напоминало ему космический корабль.

Часть его сознания упорно противилась этой мысли, поскольку в этой части Вселенной лишь у него одного был земной космический корабль. Второго быть не могло. Вдруг Д'Орманд оказался на ногах. Он не мог вспомнить, что вставал. Он только что лежал на спине, а в следующее мгновение уже стоял покачиваясь на палубе, на широкой палубе, около своего космического корабля. Он мог окинуть взглядом всю платформу, хотя и было темно. Кругом стояли, сидели и лежали нагие мужчины и женщины, не обращавшие на него никакого внимания.

Д'Орманд уцепился бесчувственными пальцами за воздушный шлюз корабля и попытался открыть его. Через некоторое время он понял, что основательно изучил закрывающийся механизм шлюза. Потом он отступил на несколько шагов назад, чтобы оглядеть весь корабль.

Непонятно почему, но он сохранял спокойствие и молча обошел весь корабль, заглядывая в иллюминаторы. Вид хорошо знакомых предметов интерьера почти лишил его сознания, но на этот раз он быстрее взял себя в руки.

Наконец он остановился, отогнал все несущественные мысли и сосредоточился только на одном — на мысли, которая так захватывала дух, что он должен был собрать всю силу своего ума, чтобы удержать и понять его безграничную действенность.

Ему стало труднее свыкнуться с мыслью, что он находится на корабле-платформе. Его мысли вращались по кругу, дробились, превращаясь в сомнение, страх и неверие, но мысли опять и опять возвращались к одному, к действительности. Что ему оставалось? Выхода не было. Ему ничего не оставалось, как ждать, какую судьбу ему уготовили его охранники.

Он сел и стал ждать.

Прошел час. Час, которого не было в истории его мира: человек из 2975 года наблюдает сцену на космическом корабле, которая разыгрывается тридцать тысяч столетий позже.

Это длилось целый час, пока Д'Орманд понял, что наблюдать-то было вовсе нечего. Его, казалось, никто и не замечал. Время от времени мимо него проходил человек. Он отчетливо вырисовывался на фоне сияющих звезд. На платформе со сверхчеловеческими существами ничего не происходило. Никто не подошел к нему, чтобы утолить его жажду информации об этой платформе. Он со страхом понял, что должен взять инициативу на себя. Он должен сам сделать первый шаг.

Он заметил, что опять почти лежал на спине. Он и так потерял много драгоценного времени. Очевидно, он ничего не соображал. Конечно, в этом не было ничего удивительного.

Но хватит! Он решительно вскочил на ноги, потом заколебался и остановился, покачиваясь. Следует ли ему приблизиться к одному из существ из команды ночного корабля? Задавать ли ему вопросы с помощью передачи мыслей на расстоянии?

Неизвестность пугала его. Эти существа не были людьми. Спустя три миллиона лет родство их и человека было таким же, как родство человека и обезьяны во времена Д'Орманды.

Три миллиона лет, 16×10^{10} минут, и каждую секунду этого необозримого периода одни люди умирали, а другие рождались. Жизнь шла своей извилистой, колдовской тропой до сего момента, до этих ультралюдей.

Эволюция продвинулась так далеко, что эти существа завоевали Космос и сделали его своим жизненным пространством. Невообразимая адаптация жизни невероятна и одновременно так проста, что хватило лишь одного-единственного периода сна, чтобы адаптировать его, жителя иного мира, к этому жизненному пространству.

На этом месте Д'Орманд прервал свои размышления. Что-то смутило его: внезапная мысль, что он в общем-то не мог оценить, как долго он спал. Могли пройти годы или столетия. Для спящего времени не существует.

Теперь ему показалось вдруг, что гораздо важнее изучить свое окружение. Его взгляд остановился на одном мужчине, который медленно шел примерно в тридцати метрах от него. Он поспешил к нему, но в последний момент в ужасе отшатнулся. Слишком поздно. Его вытянутая рука уже коснулась голого тела.

Мужчина остановился и посмотрел на Д'Орманд; он не сопротивлялся, но Д'Орманд отдернул руку. Он съезжился с искаженным от боли лицом под взглядом мужчины, узкие щели глаз которого метали в него огненные копыя.

Странно, но этот взгляд не выражал демоническую власть, хотя Д'Орманд и задрожал от страха; в глазах мужчины мерцала душа. Это был непостижимо чужой дух, который пронизывал его с перехватывающим дыхание напором.

Потом мужчина отвернулся и продолжил свой путь. Д'Орманд дрожал всем телом.

Спустя некоторое время он понял, что не сможет отказаться от своей идеи. Он не раздумывал об этом далее, а сделал несколько быстрых движений и зашагал дальше плечо к плечу с загадочным инопланетянином.

Они проходили вместе мимо мужчин и женщин. Лишь теперь Д'Орманд заметил, что женщин было по меньшей мере втрое больше, чем мужчин. Удивление по этому поводу быстро прошло. Шагая рядом со своим спутником, он совершал самую странную прогулку в своей жизни. Теперь они шли по краю платформы, и Д'Орманд с напускным хладнокровием смотрел в пропасть глубиной в миллиарды световых лет.

Он начинал чувствовать себя лучше. Одна мысль сменила другую. «Как мне преодолеть духовную пропасть, разделяющую меня и этого темнокожего инопланетянина?» — думал он. Когда его соблазнили сделать посадку на этот темный корабль, то не обошлось без телепатии. Возможно, он получил бы ответ, если бы смог достаточно сосредоточиться на одной мысли?

Он прервал свои размышления, что было уже не в первый раз, так как ему в голову пришло другое. Он все еще был в своей одежде.

Этот факт следовало рассмотреть под другим углом зрения: они не отняли у него его одежду. Почему? Какая психология скры-

ввалась за этим действием? Размышляя о своей беспомощности, он продолжал свой путь. Он шагал, опустив голову, и рассматривал попеременно свои ноги, одетые в бьюки, и голые ноги инопланетянина, которые ритмично двигались рядом с ним.

Когда Д'Орманд почувствовал первый импульс, это произошло постепенно и осторожно, так что он почти не воспринял его как чужую мысль. Вдруг он откуда-то узнал, что скоро состоится большая битва и он должен будет показать себя в ней достойным образом. Тогда он может остаться на корабле навсегда. Иначе ему придется уйти в изгнание.

Его сознание сделало скачок. Только что его наполняло неясное предчувствие, а уже в следующий момент он был в состоянии охватить всю важность ситуации. Охваченный внезапным ужасом, он поспешил к своему кораблю. Пока он возился с люком, он понял, что таким образом ему не уйти. Изнеможенный и отчаявшийся, он опустился на палубу. Охвативший его ужас затруднял дыхание. И все же не было никакого сомнения: ему была передана информация и предупреждение; без сожаления и с железной холодностью. Он должен адаптироваться к жизни на корабле, прежде чем сможет принять участие в фантастической битве. Он должен показать себя достойным, после этого может остаться на корабле навсегда.

Навсегда!.. Представление об этом потрясло Д'Орманд до глубины души. Оно было так нереально, что он не мог постичь его. Ему вдруг показалось невероятным, что он мог правильно понять нужную мысль. Предстояла битва — это же бессмысленно! Он должен быть «достойным» или уйти в изгнание. Д'Орманд напрягал свой мозг, но высказывание опять пилило: изгнание! Может быть, под этим понималась смерть, решил он наконец, следуя законам холодной логики.

Он лежал на палубе в глубокой задумчивости.

Вдруг он очень рассердился на самого себя.

Какой же он был глупец!

В самый разгар поучительного обмена мнениями у него отказали нервы.

Разве он не преуспел? Он просил об информации, и ему дали ее. Ему надо было собраться с мыслями и задать один из сотни вопросов, которые вертелись у него в голове: «Кто вы? Куда летит корабль? При помощи чего он движется? Почему на борту больше женщин, чем мужчин?»

Д'Орманд вздрогнул. Погруженный в терзающие его мысли, он не заметил, как оказался в сидячем положении. Он открыл глаза и увидел женщину. Она находилась от него на расстоянии метра.

Он опять лег на палубу. Горящие глаза женщины были устремлены на него. Д'Орманд отодвинулся назад и уже лежал на спине. Он лежал и смотрел вверх, на светящуюся спираль Млечного Пути,

который он уже давно оставил позади. Точки огней, из которых состоял великолепный сияющий вихрь, был и теперь от него так далеко, как никогда.

Жизнь, которую он вел до сих пор, мгновенные прыжки к далеким звездам, приятные недели в отдаленных частях Галактики больше не существовали. В мыслях он удалился от них дальше, чем во времени и пространстве.

Д'Орманд напрягся и встал. Теперь не время для печальных воспоминаний. Он должен принудить себя к признанию, что ему нужно принять трудное решение. Женщина пришла, конечно, не к нему, не для того, чтобы спокойно рассматривать его. У нее было для него задание, и он должен был принять ее вызов. Он повернулся к женщине, чтобы лучше рассмотреть ее.

Приятное зрелище. У нее было красивое молодое лицо. Темные волосы были спутаны, но не всклокочены и очень красивы. Ее тело...

Д'Орманд буквально вздрогнул. Теперь он заметил, что она лишь в одном отличалась от других. Она была одета. На ней было облегающее платье с широкой юбкой, из-под которой выглядывали босые ноги.

Одета! Теперь не могло быть сомнений! Женщина пришла к нему. Но чего она хотела от него? Он в полной беспомощности рассматривал лицо женщины. Ее глаза были похожи на темные драгоценные камни, они околдовали его. Какие мысли скрывались за этими окнами ее души? Если бы он мог заглянуть в них, то увидел бы мир, который был на три миллиона лет старше того, который он знал.

Это было волнующее представление! Станные и взбалмошные мысли мелькали у него в голове. Он думал: женщина — катод, мужчина — анод. Ведь смысл в их отношениях. И они становятся сильнее, когда один анод вступает в соединение с тремя катодами.

Д'Орманд прислушался к своим мыслям. Неужели он это подумал? Никогда!

По нему будто бы прошел электрический ток. Опять! Странная коммуникация при помощи мыслей, передаваемых этой инопланетянкой, незаметно повлияла на его сознание. На этот раз он узнал, что один мужчина может иметь интимные отношения с одной или несколькими женщинами. Этим объясняется тот факт, что женщин на корабле значительно больше мужчин.

Д'Орманд снова успокоился. Что дальше? Он по-прежнему еще не знал, с какой целью пришла к нему эта женщина. Вероятно, это было своеобразное сватовство.

Д'Орманд снова погрузился в созерцание женщины.

Впервые за многие месяцы ему в голову пришла циничная мысль: двенадцать лет ему удавалось уворачиваться от всех молодых, жаждущих замужества женщин, а теперь он попался! На-

прасно сопротивление. Он понимал, что женщина пришла к нему, чтобы предложить себя ему в жены.

Незнакомец внушил ему, что время не терпит, поэтому он поспешно подошел к женщине, обнял ее и поцеловал. «Необходимо действовать быстро», — думал он спонтанно и без задних мыслей.

Его уверенность быстро исчезла. Губы женщины были мягкими и пассивными. Они не оказали сопротивления, но в то же время их реакция говорила о том, что они не понимали значения поцелуя. А у него было ощущение, будто он поцеловал маленького ребенка.

Ее глаза, которые теперь были так близко от него, сияли. Они выражали непонимание и одновременно такую глубокую нежность и покорность, что Д'Орманду это показалось ненормальным. Ему вдруг стало ясно: молодую женщину еще никто не целовал. В ее взгляде была странная нерешительность, но потом выражение ее глаз вдруг изменилось. Перемена была потрясающей. Ее лицо изобразило глубокое смущение. Она освободилась от его объятий ловким, гибким движением, отвернулась и пошла прочь, не оборачиваясь. Опять она стала для него чужой, призрачной фигурой.

Смущенный Д'Орманд смотрел ей вслед. В глубине души он испытывал мрачное удовлетворение, смутив ее, но тут же понял, что снова оплошал. Он опять потерял драгоценное время. Опять ему не удалось адаптироваться в жизни на темном корабле.

Смущение немного прошло, но не совсем. Он и не делал попыток совсем освободиться от него. Он не должен забывать, что его предупредили. То, что он не понял смысла предупреждения, вовсе не означало, что оно было бессмысленным.

Он снова лег на спичу и закрыл глаза. Он провел уже целую вечность, находясь в центре истинной жизни миров, а ему все еще не удалось адаптироваться.

Что? Д'Орманд испугался. Это ведь были не его мысли! Он открыл глаза и отшатнулся. Мужчины с сверкавшими огнем глазами стояли прямо над ним. Д'Орманд не успел спросить себя, откуда явились вдруг эти существа. Они действовали.

Один из них вытянул руку. Вдруг в руке появился нож, нож, который возник из ничего, и длинный клинок ножа переливался разноцветными красками. В то же мгновение к нему подскочили несколько мужчин. Они схватили его и крепко держали. Живой клинок опустил. Он целил ему прямо в грудь. Д'Орманд хотел закричать. Губы, язык и гортань сделали движение, как при крике, но крика не было слышно. В безвоздушной космической ночи были напрасны все усилия.

В страхе перед болью Д'Орманд корчился, как сумасшедший. Но когда вибрирующее лезвие пронзило кожу и мускулы, он ничего не почувствовал. Это было похоже на смерть во сне. В то же мгновение Д'Орманд последовал взглядом за движением клинка.

Мужчины вырезали из его груди сердце. Безумным взглядом он рассматривал руки этих демонов ночи, в которых спокойно и равномерно билось его сердце.

Он прекратил сопротивление. Как замороженная змеей птица, он наблюдал за вивисекцией собственного тела.

Он увидел, что после того, как инопланетяне внимательно рассмотрели все органы, они положили их на прежнее место. Некоторые органы они рассматривали очень тщательно и долго. Вскоре после этого Д'Орманд почувствовал изменения.

Его тело излучало знание. Уже в первые минуты он смутно понял, почувствовал, что есть лишь одно препятствие, которое мешало ему понять все до конца: он должен передавать все знания в мыслях. Причем информация соответствовала чистым эмоциям. Как и чувства, информация испытала его нервы и обещала ему новые многочисленные разновидности радостей жизни.

Медленно и неуклюже, как переводчик, который не знает языка в совершенстве, он переформулировал чудесный поток в мыслительные структуры. Делая это, он изменял его. Он лишал его блеска, будто выжимал из маленького, проворного живого существа жизнь, чтобы в итоге разочарованно уставиться на мертвое тело.

Факты, голые и лишенные красоты, наполняли его мозг: платформа была не кораблем, а силовым полем. Им управляла сила воли. Люди на корабле называли себя мирами. Действительно, существовать можно было лишь тогда, когда превратишься в единое целое с жизненной энергией. Это удовольствие матушка Природа предоставила только мужчинам. Женщины в роли катодов создавали поле, а мужчина, анодная энергия, был центром энергии.

Сила этой энергии зависела от того, в какой степени миры, находившиеся на корабле, могли объединиться для достижения единой цели. А так как предстояла битва с другим кораблем-платформой, то было жизненно важным, чтобы все миры сосредоточили их чистую волю на одной точке. Лишь тогда они могли производить дополнительную энергию, которая была крайне необходима для победы в битве.

Он, Д'Орманд, бы помехой. Он был виноват в том, что одна из женщин на какое-то время перестала быть катодом. Он должен адаптироваться, и как можно скорее!

Чудодейственный нож из его тела убрался в ничто, откуда он и появился. Мужчины удалились, как голые ночные призраки.

Д'Орманд не пытался следовать за ними. Он чувствовал себя усталым и опустошенным. Его разум еще пытался осмыслить акт насилия, жертвой которого он стал. Одно ему было ясно: никогда он не был так близок к безумию, и он еще не преодолел критический момент. Глубокая депрессия, мучившая его, была безошибочным признаком этого. Лишь постепенно он мог с ясностью понять: спо-

способность жить во Вселенной была результатом радикального развития, которое охватывало огромный период времени, а мирам все же удалось адаптировать его к этим экстремальным жизненным условиям, его, который не прошел эволюцию. Явление необычайное.

Но это не играло никакой роли. Он провалился в преисподнюю, и ему не помогло даже то, что он нашел этому логическое обоснование, почему не могло быть так, как было. Все дело было в том, чтобы приспособиться духовно и тотчас же!

Д'Орманд вскочил на ноги. Этим действием он хотел подтвердить свою готовность, но это привело к тому, что он заметил нечто, чего не замечал ранее: силу тяжести. Она соответствовала приблизительно одному грамму, решил он. В физическом отношении ее нельзя было даже считать необычной. Еще в его времена производство искусственной силы тяжести было обычным делом. Нет, поучительным было другое. Даже если миры сами и не знали этого, сила тяжести указывала на то, что они происходили с Земли. Зачем же тогда существам, обитающим в отдаленных районах Вселенной, сила тяжести? Да зачем им вообще корабль?

Д'Орманд иронически улыбнулся. Он только что понял, что люди даже спустя три миллиона лет еще были склонны к нелогичному мышлению. Такое открытие доставляло ему некоторое удовлетворение, но он решил не думать больше об этом парадоксе.

Он пошел к своему кораблю. Не то чтобы он снова обрел надежду на спасение при помощи корабля. Он придерживался мнения, что не должен оставлять корабль без присмотра, если он хочет еще раз использовать хоть какую-нибудь возможность действий.

Все же он вновь испытал глубокое разочарование, когда ему не удалось открыть входной люк. Он обошел вокруг корабля, посмотрел в иллюминатор... У него чуть не помутилось сознание! С этой стороны он еще ни разу не заглядывал в кабину, поэтому не мог видеть приборы и инструменты. Сейчас он видел, что контрольные лампы горели.

Подача энергии была включена!

Д'Орманд уцепился за раму иллюминатора, как утопающий. Он не мог понять то, что увидел там. Источник энергии работал! Во время посадки он, видимо, включил его, подчиняясь, возможно, последнему отчаянному желанию скрыться. Одна мысль поразила его, как удар молнии: почему же тогда корабль давным-давно не удрал? Он ведь должен был двигаться почти с предельной скоростью!

Этому могло быть только одно объяснение. Он ошибся, когда определял силу притяжения на корабле-платформе. Для него она составляла, пожалуй, один грамм, а какова же она была у космического корабля с предельной скоростью?

Значит, если он не мог открыть люк, миры были ни при чем,

поскольку из предосторожности воздушные шлюзы маленьких космических кораблей не открывались, пока была включена подача энергии. Так они были сконструированы. Когда же подача энергии падала ниже определенной точки, то люк можно было открыть без труда. Д'Орманд должен ждать до тех пор, пока будет достигнута эта точка. Если он тогда активизирует резервы энергии для аварийного старта, то сможет улизнуть. Корабль-платформа не в состоянии противиться сконцентрированной силе атомного двигателя.

Эта надежда была сильна, и он не хотел подвергать ее сомнению. Он должен верить, что у него имеется возможность побега. Пока он должен найти молодую женщину и успокоить ее. Кроме того, он хотел выяснить, как соотносятся друг с другом аноды и космическая энергия. Он должен остаться в живых после битвы.

Время шло. Д'Орманд подобно ночному призраку в этом мире тьмы бродил по палубе в поисках молодой женщины, которую поцеловал; и пока он шагал, светящаяся Галактика над ним заметно меняла свое положение.

Его неудачные поиски незнакомки почти приводили в отчаяние. Дважды он останавливался около групп, которые состояли из одного мужчины и нескольких женщин. Он надеялся получить информацию или предложение от какой-либо женщины. Но никто ничего не сообщал ему. А женщины на него даже не глядели.

Д'Орманд пытался объяснить это абсолютное безразличие: они поняли, что я хочу адаптироваться. И этого им достаточно.

Решив не терять мужества, он вернулся к своему кораблю. Люк все еще не поддавался; он улегся на жесткой палубе и вытянулся. Вдруг платформа сильно качнулась.

Он не почувствовал боли, но рывок, должно быть, был необычайно сильным. Д'Орманд покатился по палубе... на десять, пятнадцать, тридцать метров. Он был так оглушен, что с трудом воспринимал свое окружение. Будто сквозь туман, он увидел другой корабль.

Вторая платформа имела те же размеры, как и та, на которой он находился. Она закрыла собой небо со стороны борта управления, спустилась вниз. По-видимому, корабль миров повернулся, чтобы подставить врагу широкую сторону.

В голове Д'Орманды стучало. Он пытался прийти в себя. Безумие! Страшный сон! То, что он пережил, не могло быть реальностью. Страшно взволнованный, он выпрямился, чтобы лучше наблюдать происходящее.

Корабль миров опять повернулся. На этот раз его легко встряхнуло. Д'Орманд свалило на палубу, но он смягчил падение, вытянув руки. Он опять поднялся, не желая пропустить ничего из происходящего.

Он увидел, что обе платформы находились бок о бок друг с другом. На огромной платформе другого корабля он увидел нагих мужчин и женщин, и они не отличались от миров. Теперь Д'Орманд понял, для какой цели были предприняты маневры с поворотом. Они рассчитывали на старомодный кровопролитный абордажный маневр.

«Сейчас начнется», — думал Д'Орманд. Ни в коем случае он не должен быть помехой в надвигающихся событиях.

Он сидел на палубе, дрожа от волнения. Оказалось, он вел себя правильно, так как вдруг из тьмы ночи показалась незнакомка и заспешила к нему. Она бежала, все еще одетая в черное платье. Она упала перед ним на палубу. Ее глаза горели, как два янтаря. Они излучали волнение и страх. В тот же момент нервы Д'Орманды начали вибрировать под натиском чужих чувственных образов. Ей дали еще один шанс. Если бы ему сейчас удалось образовать анодный центр, тогда бы их шансы на победу увеличились и ее бы не изгнали. Она нарушила власть чистоты, так как ей понравилось то, что он сделал с ней.

Она хотела сообщить ему еще многое, но Д'Орманд перестал переводить сообщения. Он молчал. Только теперь он вспомнил, что ему сообщили мужчины: он виноват в том, что женщина перестала быть катодом. Он испортил ее.

Поцелуем!

Извечные отношения между мужчиной и женщиной не потеряли свою силу. Он представил себе вдруг, — он — как вор ночью — крадется по палубе темного корабля и целует всех женщин. Таким образом он спутал всю организацию этих людей...

Он с трудом подавил в себе это представление.

«Я глупец, — ругал он себя. — Как я могу думать об этом, когда должен сосредоточить каждую клеточку своего тела на том, чтобы установить связь с этими существами, если хочу остаться живым. Надо, наконец, найти эту возможность!»

Молодая женщина толкнула его. Он сразу же вернулся к действительности. Через несколько мгновений он понял, чего она хотела от него: сидеть рядом со скрещенными ногами... держась за руки... не думая...

Д'Орманд подчинился ее желаниям. Он протянул ей свои руки и наблюдал, как она закрыла глаза. Казалось, что она молится.

Всюду вокруг себя он увидел группы людей. Мужчины сидели, как и он, со скрещенными ногами, а женщины опустили на колени. В одной из ближайших групп пары держались за руки, образуя тем самым замкнутую цепь.

Его взгляд упал на другой корабль-платформу. Там тоже мужчины и женщины сидели на палубе, держась за руки.

В этот час звезды наблюдали сцену, которой не должно было быть, — высшее выражение атактистического обычая, молитва перед

битвой. Охваченный цинизмом, Д'Орманд ожидал того момента, когда закончится торжественная увертюра, когда из ниоткуда появятся сверкающие клинки и в кровавожадных руках проснутся к жизни.

Цинизму способствовало и то, что спустя три миллиона лет войны продолжали существовать. Другой вид войн, но это не меняло сути.

В этот мрачный миг Д'Орманд вдруг превратился в анод. Что-то зашевелилось у него внутри. Не боль, не огонь, а пульсирующий ток. Холодное пламя, которое разгоралось все сильнее и сильнее. Его наполнило чувство полноты, все вокруг него, казалось, двигалось.

Вселенная сама начала светиться. Навстречу ему сиял Млечный Путь. Солнца, которые были крошечными светящимися точками, раздувались до чудовищной величины, как только на них падал его взгляд, и тут же уменьшались опять, когда он смотрел в другую сторону.

Расстояния потеряли свое значение. В то время, как его кругозор невероятно раздвигался, Вселенная уменьшалась. Миллиарды Галактик, биллионы планет раскрывали свои многочисленные тайны перед его ужасным, всепроникающим взглядом.

Он увидел невероятные вещи, прежде чем его колоссальный разум вернулся обратно из этого немыслимого прыжка в бесконечность. Когда же он опять очутился на корабле, то понял, что битва была в полном разгаре. Это была борьба разумов, не тел. Победа доставалась той стороне, которой удавалось взять под свой контроль энергию обоих кораблей. Если это удавалось, то победители могли слиться с космической энергией.

Саморастворение являлось высшей целью, к которой стремились обе стороны. Они хотели стать единым целым с е р в о о с н о в о й.

Их умственная энергия могла плавать вечно в постоянно воз-
растающей энергии, пока...

П о к а?

Неожиданно Д'Орманд почувствовал глубокое отвращение. Экстаз прошел. Все произошло молниеносно. Он понял, что случится, если ужасное видение миров станет реальностью, когда они одержат победу. От ужаса он опустил руки девушки и таким образом прервал контакт с космической энергией. Вдруг он заметил, что сидит один в темноте.

Д'Орманд закрыл глаза. Непрерывно дрожа, он боролся с приступами панического страха. Судьба сыграла с ним дьявольскую шутку. Ему удалось спастись в самый последний момент.

Так как миры действительно победили, они достигли своей цели — самоуничтожения...

Плечи Д'Орманда судорожно вздрагивали.

«Неплохо быть анодом», — устало думал он.

Но он не был готов уйти в мрачную бесконечность.

Тьма? Лишь теперь он смутно осознавал, что был не в состоянии осознать под влиянием сильных чувств, овладевших им. Он сидел уже не на палубе корабля-платформы. Корабль исчез.

Было ужасно темно.

Уголками глаз он заметил, как что-то двигалось. Это был другой корабль. Он двигался по своей орбите высоко в небе и спустя некоторое время скрылся в вечной темноте.

Значит, битва кончилась. Что дальше?

Вокруг — тьма. Миры одержали победу. Они превратились теперь в частицу космической энергии. Когда исчезли его создатели, корабль перешел в элементарное энергетическое состояние; он больше не существовал.

Где же был маленький корабль Д'Орманда?

В панике он попытался смотреть одновременно во все стороны, но как ни старался, нигде не нашел следов корабля. Он понял, что произошло.

В тот момент, когда платформа растворилась в Космосе, маленький корабль взлетел. Теперь он летел где-то во Вселенной со скоростью девяносто миллионов миль в секунду.

Д'Орманд был один в бесконечной ночи, песчинка во Вселенной.

Это было изгнание.

Парализующий ужас волнами захлестывал его сознание.

Страшные мысли восставали, но спустя некоторое время он уже не испытывал ничего, кроме глубокого смирения.

Значит, такова была его судьба. Ничего, кроме бесконечной веницы чувств и мыслей, пока не наступит когда-либо безумие. Это было изгнание, которого боялась молодая женщина.

Вдруг в нем опять проснулась жизнь.

Он извивался, крутил головой туда-сюда и наконец увидел ее. Ее тело четко вырисовывалось на фоне далеких звезд Млечного Пути.

Она плавала совсем рядом, с удивлением констатировал он. Не далее, чем в четырех метрах от него. Они постепенно подплывут друг к другу, двигаясь кругами.

Скоро они будут так близко, что смогут коснуться друг друга и образовать анодно-катодное соединение. Тогда у них будет достаточно силы, чтобы найти корабль и тут же оказаться около него. Тогда кончатся ночь и одиночество.

На борту корабля Д'Орманд сосредоточил все свое внимание на том, чтобы определить положение корабля. Но он ни на минуту не забывал, что рядом с ним была молодая женщина, хотя задание

поглощало все его внимание. Сначала при помощи очень трудоемкого метода проб и ошибок он должен был локализовать небесный маяк Антарес. А потом уже было бы не так трудно найти расположение сияющей Миры в 3 000 000 году после рождества Христова.

Но Миры не было.

Д'Орманд озадаченно хрустнул пальцами, потом пожал плечами. Достаточно было бы и Бетельгейзе.

Неправильное показание! Большая красная звезда находилась на расстоянии ста трех световых лет от того места, где должен был бы находиться супергигант. Это было просто смешно. Он не мог себе представить, что все его расчеты были неверными.

Его охватила дрожь. Трясущейся рукой он написал несколько цифр. У него было предчувствие, и теперь он определял положение Солнца, каким оно должно быть, если его невероятное предположение окажется правильным.

Невероятное стало реальностью! Он совершил путешествие не в будущее, а в прошлое. Машина времени, видимо, сошла с ума, так как перенесла его в 37000 год до рождения Христа.

Новая мысль прервала его размышления:

Люди?.. В это время?

Д'Орманд оторвался от своих вычислений и повернулся к молодой женщине. Он сел на пол, скрестив ноги, и показал ей, чтобы она встала на колени и взяла его за руки. Один миг анодной энергии был бы достаточен, чтобы в ту же секунду доставить корабль на Землю и внести ясность.

К своему удивлению, Д'Орманд увидел, что девушка не собирается делать то, что он предложил ей. Ее карие глаза смотрели на него холодно и отчужденно. Очевидно, она не поняла его. Поэтому он встал, взял ее за руки и заставил сесть на пол.

Она отшатнулась от него. Удивленный Д'Орманд наблюдал за ней. Когда он понял, что она больше никогда не подчинится ему как катод, она подошла к нему, обвила своими руками его шею и поцеловала его.

Д'Орманд оттолкнул ее. Но потом погладил ее руку, испугавшись собственной грубости.

В глубокой задумчивости вернулся он в свое кресло пилота. Он начал высчитывать орбиты, тормозящую силу близлежащих звезд и запас энергии, которым располагал корабль. Полет будет длиться семь месяцев, подсчитал он, достаточный срок, чтобы обучить женщину самым простым понятиям устной речи.

Первое понятное слово, которое она произнесла, была ее версия его имени. Она назвала его Ардом — искажение, которое натолкнуло его на мысль. Теперь он знал, как назвать женщину.

Когда они приземлились наконец на большой ненаселенной,

покрытой зелеными лесами планете, он давно уже привык к ее серьезной, прерывистой манере речи.

Ему легко было называть ее именем, которое он для нее придумал: Ева, мать всех людей.

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ СВЯТОЙ

Когда Леонард Ханли шел по коридору звездолета «Колонист-12», он услышал отрывок из разговора двух женщин. Одна из них говорила:

— Узнав о наших трудностях, он явился с другого конца Галактики. Вы же, наверное, знаете, что для путешествий в космосе ему не нужен космический корабль...

Ханли не стал останавливаться. Он был настроен скептически и к тому же раздражен. Сам он узнал о прибытии Марка Рогана два часа назад от капитана Кренстона. В сообщении были, между прочим, такие слова: «Мы достигнем планеты Ариэль менее чем через двенадцать часов. Есть надежда, что крупный эксперт по межпланетным связям из Космического Патруля придет к нам на помощь. Появление мистера Рогана будет означать, что вы и все колонисты высадитесь немедленно, не дожидаясь выяснения причин происшедшего с первыми колонистами... Корабль отправится обратно».

Последнее предложение вызвало у Ханли резкое недовольство.

«Нет уж, капитан,— подумал он,— это у вас не пройдет: высадить нас, не узнав, что случилось внизу!»

Тем временем он подошел к радиорубке и увидел, что там дежурит молодой радист по имени Фред.

— Что-нибудь есть? — спросил Ханли.

Тот небрежно повернулся. Он вел себя достаточно нагло, чтобы вывести собеседника из равновесия, но в то же время достаточно почтительно, чтобы к такому обращению нельзя было придираться.

— Все то же. Повторяют наши сообщения,— ответил он.

В начале полета Ханли пробовал уничтожить барьер между экипажем и пассажирами. По его мнению, в длительном полете не должно быть отчуждения или враждебности на корабле. Но эти попытки ни к чему не привели. Члены экипажа считали восьмьсот колонистов — мужчин, женщин и детей — эмигрантами, и в их устах это было самой презрительной из всех кличек.

А Ханли, инженер, профессор университета, постепенно начинал считать экипаж одной отвратительной бандой.

Он все стоял у рубки, вспоминая разговор двух женщин о загадочном Марке Рогане.

— Мы, значит, сумели заманить Марка Рогана,— развязно сказал он.

— Это да, вам повезло!

— Когда он связался с нами?

— Вообще-то, этого не было, сэр.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Ханли.— Разве в рубке дежурство не круглосуточное?

— Нет... в общем,— начал оправдываться радист,— иногда мистер Роган не вступает в прямой контакт. Ему сообщают по системе связи о возникших проблемах, и он появляется, если находит это интересным для себя.

— Он соглашается прийти, вы хотите сказать?

— Именно так, сэр.

— Спасибо,— ответил Ханли и ушел.

В нем клочкотала ярость. Этот шарлатан хочет уверить всех, что является каким-то сверхъестественным существом! Надо же, ему не нужен звездолет в космосе! И он помогает, только если заинтересуется! И вдруг ярость исчезла, потому что Ханли понял: прибытие Рогана имеет очень мрачный смысл, даже зловещий. А он УЖЕ прибыл.

Ханли дошел до своей каюты. Его жена Элеонора уже подала завтрак, но в это время по интеркому началась передача:

«Пассажиры и экипаж, всем внимание! Корабль выходит на орбиту вокруг Ариэля. Капитан Кренстон приглашает всех в зал совещаний. Сбор через час».

Ханли очень неловко чувствовал себя, стоя в зале совещаний перед взбешенными колонистами. Сейчас даже не верилось, что они сами избрали его своим начальником. Теперь он должен убедить их в необходимости высадки, и это при том, что никто не знает, какая опасность подстерегает их на планете. Немедленная высадка была неизбежностью, с которой люди не хотели мириться.

Колонисты яростно кричали и размахивали руками, обращаясь к капитану Кренстону, стоящему перед ними на возвышении. Их голоса заполняли все помещение и были хорошо слышны за его стенами, где стояли другие колонисты, воспринимая все происходящее через динамики.

Нервы Ханли были напряжены, но он все же обратил внимание на незнакомца, сидящего в кресле. «Роган,— подумал он.— Кто же еще». На корабле все друг друга знали.

Вообще-то, были причины, чтобы заинтересоваться незнакомцем. Роган был худощав и достаточно высок, скорее всего, выше метра семидесяти. Ханли услышал его слова, обращенные к капитану Кренстону. Они были сказаны таким нежным и ласковым голосом, что Ханли сразу почувствовал антипатию к незнакомцу. Кроме того, у Рогана были изумрудно-зеленые глаза — весьма необычный для человека цвет.

Ханли чуть повернулся и нашел глазами экран, расположенный

за возвышением. Он занимал почти всю стену, и сейчас на нем проплывала поверхность планеты.

«Колонист» находился на довольно высокой орбите, и ландшафт просматривался не очень четко, но все же было ясно видно, что большую часть планеты занимала зеленая растительность. В данный момент справа на экране была видна извилистая речка, а слева — развалины построек первых колонистов.

Ханли смотрел на этот пейзаж достаточно равнодушно. Сам он не боялся спускаться на планету, но необходимость брать с собой жену и детей вызвала смутную тревогу.

Колонисты в конце концов успокоились, и заговорил капитан Кренстон.

— Я признаю сложность ситуации. Сам я совершенно не понимаю, почему на этой, по-видимому, необитаемой планете земляне были уничтожены. Но высадка неизбежна. На корабле нет ни продовольствия, ни кислорода, чтобы обеспечить на обратном пути еще кого-либо, кроме команды. Как человек я вам сочувствую, но как капитан заявляю: вы прилетели сюда и должны здесь остаться. А сейчас я представляю вам гостя, который прибыл к нам сегодня. Марк Роган — один из самых влиятельных людей в Космическом Патруле, и он готов помочь вам. Подойдите, пожалуйста, ко мне, мистер Роган. И вы, мистер Ханли.

Обращаясь к Рогану, капитан добавил:

— Прошу вас, мистер Роган, скажите несколько слов этим несчастным людям.

Роган оглядел всех с улыбкой и заговорил тем же ласковым голосом, каким раньше обращался к капитану.

— Друзья мои, не стоит бояться будущего. Я знаю, в чем состоят ваши трудности, и уверен, что уже сегодня смогу все выяснить и гарантировать вам безопасное приземление.

Он сделал шаг назад. В зале некоторое время стояло гробовое молчание, а потом стали слышны облегченные вздохи женщин. Ханли с удивлением выслушал это необычайно спокойное заявление. В то же время он заметил, что мужчины были беспокойны. Он вспомнил, что Марк Роган имел сомнительную репутацию относительно женщин.

Капитан Кренстон снова заговорил, теперь уже неофициальным тоном, обращаясь к Ханли и Рогану:

— Лен, я хочу познакомить вас с Марком Роганом. Мистер Ханли, глава колонистов.

Живые земные глаза гостя внимательно изучали Ханли. Потом Роган улыбнулся и протянул тонкую нежную руку. Ханли без воодушевления взял ее и инстинктивным движением крепко сжал длинные хрупкие пальцы.

Улыбка гостя стала жестче, и Ханли показалось, что его рука

попала в тиски. Он побледнел от боли и, не в силах переносить ее, разжал захват. В тот же миг его руку отпустили. Роган еще раз посмотрел на него, теперь уже задумчиво. И Ханли почувствовал, что Роган понял его отношение к себе. Первая встреча закончилась не в пользу колониста.

Капитан снова обратился к аудитории:

— Дамы и господа, высадка будет произведена на хорошо защищенном пароме. Командирами я назначаю двух человек: мистера Рогана и мистера Ханли. Подготовку к высадке начать немедленно.

Ханли взял с собой портативную рацию, счетчик Гейгера, радар для почвы и небольшое устройство, преобразующее звуковые волны посредством ультразвука в коротковолновое радиоизлучение.

Краем глаза он заметил Рогана, шедшего по коридору. Ханли быстро повернулся и в упор посмотрел на эксперта. Его ощущение подтвердилось: на Рогане были только брюки и рубашка с открытым воротом. Карманы были пусты, и в руках ничего не было. Сам вид его выражал абсолютное спокойствие, как внешнее, так и внутреннее. Роган кивнул в знак приветствия, Ханли ответил. Когда Роган зашел в спускаемый модуль, Ханли ухмыльнулся про себя: «Межзвездный путешественник снисходит до общепринятых средств передвижения».

Минут через десять челнок опустился в центре бывшей колонии землян, в которой когда-то жила тысяча человек.

Когда Ханли нетвердо ступил на почву, один из колонистов сказал:

— Это место выглядит так, будто здесь поработал бульдозер.

Увидев, что его окружает, Ханли нервно сглотнул. Здесь произошло что-то ужасное. Постройки из местного камня были измельчены до щебенки. Между ней уже пробивалась трава. На всей площадке сохранилось лишь несколько больших деревьев. От колонии не осталось ничего.

Ханли пошел размашистым шагом, не глядя под ноги, но через несколько шагов споткнулся, машинально опустил глаза и отступил. Он увидел останки человека. Они были вдавлены в почву.

Он огляделся внимательнее и увидел, что трупы разбросаны повсюду. С первого взгляда их сложно было заметить, так они были изуродованы и засыпаны каменной пылью.

Ханли повернулся к Рогану.

— Я думаю, мистер Роган, что сейчас нам надо осмотреть окрестности. Может быть, мы с вами пройдем по берегу реки, а мистер Стреттон, — он указал на молодого колониста, стоящего недалеко от него, — и еще один техник поднимутся на эти холмы. Другие могут идти группами по своему усмотрению. Пусть они просто осмотрят местность. Я думаю, мы уйдем часа на два.

Не ожидая ответа от кого-либо, Ханли поспешил к парому. Со стороны могло показаться странным, что оба руководителя уходят вместе, но дело было в том, что Ханли решил посмотреть, как будет работать «эксперт по межпланетным сообщениям». Сам-то он уже решил, что найдет разгадку без чужой помощи.

Он вытащил наружу мешок с инструментами и приборами и взвалил его на плечо. Мешок оказался тяжелым, и Ханли инстинктивно согнулся и сморщился, но уже через секунду выпрямился и вместе с Роганом пошел к реке. В глубине души Ханли был удивлен, что Роган так легко принял его предложение. Кроме того, он заметил, что Роган постоянно смотрит на небо, а пару раз останавливался и изучал землю под ногами.

Каменистая почва сменилась травой. Появились и группы деревьев. На некоторых уже были плоды, другие только цвели. Сладкий аромат наполнял теплый влажный воздух. Широкая и, кажется, глубокая река плавно несла свои воды.

Они спустились с крутого берега к самой воде. Немного дальше берег переходил в обрыв тридцатиметровой высоты.

Роган, шедший немного впереди, остановился. Ханли, воспользовавшись этим, снял мешок и вытащил счетчик Гейгера. Радиации не было — прозвучал всего один щелчок, и Ханли, успокоенный, просто положил счетчик на землю. Потом он передал сообщение в лагерь, но рация вместо ответа выдала только невнятное бормотание. Такое положение со связью здесь, на неизведанной планете, за несколько километров от колонии, произвело на Ханли неприятное впечатление. Почувствовав внезапную тревогу, он обратился к Рогану:

— Мистер Роган, вы не находите, что наше положение здесь достаточно ненадежное?

Роган даже не обернулся и вообще не прореагировал на реплику спутника. Ханли покраснел и с неожиданно нахлынувшим раздражением двинулся к Рогану. «Мы выясним отношения прямо сейчас», — подумал он.

Подойдя, он увидел, что Роган внимательно осматривает песок, и вспомнил, что тот уже два раза делал это. Гнев тут же прошел. Ханли с самого начала пытался найти смысл в поступках эксперта, теперь он мог это сделать. Ханли посмотрел на песок. Это был самый обычный серо-желтый с коричневатым оттенком песок.

Ханли очень хотел спросить Рогана о смысле его деятельности, но эксперт казался очень необщительным. Ханли не хотелось еще раз почувствовать пренебрежение к себе.

Он обернулся и увидел, что Роган смотрит на него.

— Мистер Ханли, — сказал он мягким голосом, — по вашему поведению я понял, что вы обращались ко мне только что и очень сердитесь, что я вам не ответил. Я прав?

Ханли покачал головой. Ему не хотелось говорить, потому что в словах Рогана было что-то такое... Ханли молчал и злился: «По нашему поведению я понял», ну надо же! Это что же — Роган не слышал вопроса?!

— Со мной часто случается такое,— продолжал Роган,— и я не хотел бы в дальнейшем возвращаться к этой теме.

Его зеленые глаза блестели, будто излучая собственный свет.

— Но поскольку нам придется работать вместе на этой планете, я скажу вам: если я на чем-либо сосредоточен, то ничего вокруг не слышу. Я полностью погружаюсь в проблему. Если вам неприятна эта моя особенность — мне очень жаль.

— Я слышал о таком,— хмуро ответил Ханли.— Самогипноз.

— Если вам нужен ярлык,— сказал Роган спокойно,— то можете назвать и так. Но мне-то вы не ответили.

Ханли заметил, что Роган старается показать себя внимательным. Он ответил:

--- Спасибо, мистер Роган, я принимаю ваши объяснения. Но теперь скажите мне, что вас заинтересовало в этом песке?

— Жизнь, мистер Ханли. Жизнь в таком примитивном состоянии, что ее обычно не замечают. Видите ли, на каждой планете происходит свой процесс зарождения разумной жизни. В определенный момент наступает состояние, когда органическая и неорганическая формы ее практически неразличимы. Этот процесс непрерывно идет на разных планетах. Доказать это вам я сейчас не могу. Нет другого инструмента, кроме мозга, чтобы определить это состояние на планете. Возможно, вы не сразу поймете, насколько это убеждение руководит моими действиями. И я думаю, что это объяснение не более необычно, чем то, что я внушаю вам неприязнь. Может быть, потом вы пожалеете об этом.

И Ханли, который уже было решил изменить свое отношение к спутнику, вновь почувствовал себя неловко. Но ему стало ясно, что Роган прямо и открыто выражает свои чувства.

Потом эксперт снова принялся за работу. Ханли вернулся к приборам. «В конце концов,— подумал он,— я могу найти более крупные формы жизни, и в этом случае оборудование окажется полезным».

Он установил радар для почвы и начал посылатъ сигналы во все стороны. Один раз пришел ответ, указывающий на наличие небольшой пустоты в почве. Но практического значения это не имело.

Он убрал радар и стал настраивать вибратор. Иголка прибора начала перемещаться. И тут раздался крик Рогана:

— Ханли, прыгайте! Сюда!

Ханли услышал катящийся сверху грохот обвала и инстинктивно поднял голову. В нескольких метрах над собой он увидел летящие камни, закричал и упал на землю. Сильный удар оглушил

его. Тут же он почувствовал нестерпимую боль, а затем наступила ночь.

Боль — первое, что ощутил Ханли. Голова страшно болела. Он со стоном открыл глаза. Он лежал под нависающим берегом, в нескольких метрах от того места, где скала обрушилась на него.

Ханли отчетливо слышал шум водопада невдалеке и попытался рассмотреть его, не сообразив, что водопад находится вне его поля зрения. Ему удалось увидеть только ту часть карниза, где раньше находился Роган. Теперь там его не было.

Ханли встал. Приборы лежали рядом, радар был раздавлен. Не обратив на это внимания, Ханли дошел до изгиба берега. Оттуда он мог видеть участок реки примерно в полтора километра. Нигде не было заметно какого-либо движения.

Озадаченный, чувствуя, как в нем разгорается гнев, Ханли пошел в противоположную сторону. Пройдя около двухсот метров, он увидел водопад, скрытый за поворотом. Вода падала с более чем тридцатиметровой высоты. За ним начиналась большая долина. Дальше лес спускался до самой реки, а вдали все сливалось в зеленовато-коричневой дымке.

И никакого следа Рогана.

Ханли вернулся к приборам, не зная, что предпринять. Сначала он хотел продолжить работу. Но ведь скала чуть не убила его. Всего несколько миллиметров... На виске запеклась кровь, кожа на щеке содрана...

Он почувствовал мгновенное облегчение, найдя записку, прикрепленную на счетчике Гейгера. «Все-таки он человечен», — подумал Ханли.

В записке говорилось: «Возвращайтесь в лагерь. Меня не будет день или два».

Кровь прилила к лицу Ханли, губы сжались. Но и на этот раз раздражение отступило. Роган не обязан постоянно находиться рядом с ним или ухаживать за ранеными.

Ханли собрал приборы в мешок и отправился обратно. Он добрался до колонии, когда уже стемнело, и был немедленно отправлен в медицинский отсек. Два врача настояли, чтобы он провел ночь в боксе, уверяя, что в таком случае к утру он будет в полном порядке.

Спал Ханли беспокойно. Один раз он проснулся с мыслью: «И все-таки Роган — храбрый человек. Один, ночью, на незнакомой планете...»

Поведение эксперта в какой-то мере оправдывало ложь, которую Ханли преподнес колонистам. Он сказал, что Роган ушел только после того, как убедился, что состояние Ханли не внушает опасений. Конечно, на самом деле все было не так, но Ханли хотел, чтобы люди продолжали верить Рогану.

На рассвете Ханли проснулся страшно возбужденный. Его пронзила мысль, что падение скалы не было случайностью. Кто-то или что-то сбросило ее. «Утром пойду и посмотрю», — решил он.

В девять часов, когда он одевался для похода, пришла Элеонора. Она без сил опустилась на стул. Ее красивые серые глаза запали, лицо осунулось, волосы растрепались.

— Я очень беспокоюсь, — сказала она подавленно.

— Я чувствую себя почти нормально, — ответил Ханли. — Вчера я просто сильно ушибся.

Похоже было, что она не слушала.

— Ведь он там совершенно один, а судьба всей колонии зависит от него, от того, останется ли он жив...

Ханли онемел. Выходит, его жена все это время думала только о Рогане! Элеонора выглядела совершенно несчастной.

— Лен, как ты думаешь, ты правильно сделал, что вчера отпустил его одного?

Ханли от изумления не мог ответить. Он чувствовал, что просто не находит слов.

За завтраком он твердо решил, что найдет разгадку раньше, чем Роган.

После завтрака он опять отправился к реке. Транспортный бот вел Френк Стреттон. План действий представлялся Ханли предельно простым: если на этой планете есть жизнь, она так или иначе проявит себя. Наблюдательный человек ДОЛЖЕН был это заметить.

Они опустились на площадке в семистах метрах от реки и примерно в полутора километрах от водопада. Это было удобное место для наблюдений.

Стреттон, молчавший все время полета, неожиданно сказал: — Красивое место, если бы не камни.

Ханли машинально кивнул. Он вышел из бота и осмотрелся. Все как вчера: деревья, очень зеленая трава, цветы, недалеко серебрится водопад, а дальше большая долина и лес. Действительно, камней здесь было достаточно, но при необходимости их можно и убрать.

Ханли подошел к одному и поднял. Камень был размером с большую дыню, но оказался неожиданно легким. Солнце отражалось от его поверхности. На первый взгляд камень казался гранитом, но потом Ханли заметил, что его пальцы окрасились в желтый цвет. «Сера, — подумал он, — и почти чистая».

Стреттон опять заговорил:

— Что из себя представляет этот Роган? Я хочу сказать: что в нем такого особенного, что все женщины в колонии с ума посходили? Дороти всю ночь тормозила меня, потому что, видите ли, он здесь подвергается страшной опасности.

Мысли Ханли были заняты камнем, но почти бессознательно он вспомнил аналогичную реакцию Элеоноры. Он повернулся к Стреттону.

— Роган по-своему уникален, если не считать...

Здесь Ханли остановился, потому что дальше все основывалось на слухах. Все же он продолжил.

— Судя по рапортам, его родители попали в аварию, обследуя новую планету, и он родился, пока они чинили корабль. Его увезли совсем маленьким, а когда начали проявляться необычные способности ребенка, было уже поздно.

— Для чего поздно?

— Они не могли вспомнить координаты планеты, на которой потерпели аварию.

— Вон что!

Некоторое время они молчали. Ханли рассматривал камень. Потом Стреттон заговорил опять:

— А что это за разговоры, будто у него дети по всей Галактике?

— Тоже слухи,— резко ответил Ханли. Ему был неприятен этот разговор, потому что приходилось защищать человека, к которому он не питал дружеских чувств. Кроме того, он сам с удовольствием послушал бы ответы Рогана на эти вопросы.

— И чего он хочет этим добиться? — хмуро обронил техник.— Произвести на свет банду таких же монстров, как и он сам?

Такие рассуждения Ханли уже слышал. Помимо воли он ответил с сарказмом:

— Возможно, он считает, что его таланты к налаживанию контактов с негуманоидными цивилизациями должны получить распространение среди людей. Видимо, он уверен, что если в каждой колонии будут его отпрыски, то будущее землян там обеспечено. Это...

Он вдруг остановился, пораженный. Он-то хотел высмеять Рогана, но вдруг понял, что эти объяснения вовсе не безумны. Наоборот, в них есть рациональное зерно, и даже больше: такое его поведение НЕОБХОДИМО. «Боже мой,— подумал Ханли,— если он приблизится к Элеоноре...»

В волнении он размахнулся и кинул камень в ближайшую скалу. Раздался грохот. Камень разлетелся в пыль. Порыв неизвестно откуда взявшегося ветра бросил ее в лицо Ханли. Он закашлялся от удушающего облака и отскочил, чтобы вдохнуть чистого воздуха.

Он хотел посмотреть на скальные осколки, разбросанные в траве, но Стреттон дико закричал:

— Мистер Ханли! Камни... двигаются!

В первый миг Ханли не мог понять, что это означает, потом он увидел, что все камни покатались к боту. Медленно, как будто нере-

шительно, но они катились. В то же время ветер, дувший ранее порывами, внезапно приобрел силу урагана. Сухие листья закружились в воздухе, мельчайший песок царапал кожу людей. Глаза Ханли начали слезиться. Он с трудом добрался до бота и едва нашел ступеньки, ведущие внутрь. Ветер был так силен, что Ханли опустился на четвереньки, чтобы его не сбило с ног. Раздался крик Стреттона:

— Сюда! Скорее!

Он схватил Ханли за плечо и почти втащил в кабину. Ханли рухнул рядом с техником. Некоторое время он приходил в себя и только потом заметил, что Стреттон пытается запустить двигатель:

— Мистер Ханли,— встревоженно проговорил он,— нам лучше убраться отсюда. Того и гляди, буря перевернет бот.

Его слова заглушал ветер, и Ханли плохо понимал их. Но он отрицательно покачал головой.

— Нет. Разве вы не видите, что эти камни являются формой жизни на этой планете? Мы должны остаться и понаблюдать за ними. Если мы узнаем что-либо ценное, то сможем обойтись и без помощи Рогана.

Молодой человек повернул к Ханли искаженное страхом лицо.

— Боже мой,— простонал он,— мы узнаем...

— Включите передатчик,—почти прокричал Ханли.— Посмотрим, есть ли связь.

Неизвестно, на какую волну была настроена рация, но из динамика раздавался только сильный непрерывный треск и скрежет. Ханли послушал минуту, сморщился и решил посмотреть, что творится на поляне.

Он вздрогнул, увидев, что камни собираются у бота. Они составили пирамиду, высота которой уже достигла метра. В основании она составляла пять метров. Ханли подумал, что в ней уже несколько сотен камней.

К пирамиде постоянно подкатывались и подлетали другие камни. Ханли почувствовал, что ему становится плохо от этого зрелища, но продолжал смотреть. Он видел, что вся поляна теперь была усеяна камнями, катящимися к боту. Скорость их движения зависела от размеров. Чем крупнее были камни, тем быстрее они передвигались.

Некоторое время он смотрел, как растет пирамида. Потом обернулся к Стреттону и увидел, как тот отталкивает палкой что-то, находящееся с другой стороны шлюпки.

— Камни,— хрипло прорычал Стреттон, на миг обернувшись к Ханли.— Они собрались в кучу и через несколько минут нападут на нас.

Ханли колебался. Ему казалось, что если они останутся здесь, то смогут узнать повадки камней. Но его размышления были прерваны воплем техника:

— Мистер Ханли, смотрите!

Ханли проследил за рукой Стреттона и увидел, что огромная скала поднялась в воздух, на высоту тридцати метров, и летит прямо на них. Она была не меньше трех метров в диаметре и в полете крутилась вокруг своей оси будто волчок. Еще секунда — и она обрушится на них.

Ханли весь сжался от ужаса, но голос его прозвучал твердо и спокойно: «Отлично... взлетаем!»

Стреттон тут же взялся за рычаги управления. Двигатель заработал так мощно, что металлический корпус затрясся. Ханли буквально всем телом чувствовал, как работают механизмы, поднимая бот в воздух.

— Мистер Ханли, нас что-то держит!

Единственная мысль появилась в мозгу у Ханли: «Надо выпрыгнуть и бежать. Но куда?» Он уже хотел сказать: «Попытайся еще раз», когда увидел, что скала находится прямо над ними. Она готова была рухнуть на них.

— Френк! — закричал Ханли. — Прыгайте на землю!

Он не стал смотреть, последует ли молодой человек его совету: одним прыжком он очутился за бортом шлюпки, приземлившись на большой камень. Воспользовавшись им как трамплином, он снова прыгнул.

Позади него раздался треск раздавливаемого металла и отчаянный человеческий крик.

Затем все стихло.

Ханли бежал, подгоняемый ветром. Наконец, решив, что опасность миновала, он остановился и оглянулся. Он отбежал недалеко. Кустарник и деревья не закрывали от него ужасную картину: скала лежала на раздавленной шлюпке.

Камни теперь были полностью неподвижны. Ветер снова стал мягким и приятным. Происшедшее казалось кошмарным сном. Ханли не мог поверить, что Френк Стреттон находится в боте, мертвый или тяжело раненный. «Я должен вернуться!» — подумал Ханли.

В тридцати метрах от него зашевелился маленький камешек. Он поднялся над землей и медленно поплыл, как бы выбирая направление. Одновременно Ханли заметил, что еще с десятка камней катятся на него. И он отступил.

Было ужасно думать о том, что случилось с молодым техником, но важнее всего, что Ханли открыл на планете форму враждебной жизни. Теперь нужно было вернуться в колонию с этим известием.

Он пошел вдоль реки. Через несколько минут камни отстали. «Значит, они не могут двигаться быстро,— с облегчением подумал Ханли.— Им надо какое-то время, чтобы почувствовать живое существо рядом».

Он стал размышлять о будущей жизни людей на этой планете. Необходимо будет уничтожить все камни. Атомное оружие с зарядом в тысячу единиц будут носить все, как мужчины, так и женщины. Возможно, в будущем эта любопытная форма жизни останется только в качестве музейного экспоната. Растут они, наверное, медленно, их можно будет оставить в заповедниках и изучать.

Он шел, погруженный в эти мысли, когда заметил солнечные блики, отражающиеся от камней, которые собрались на его пути. Ханли встревожился и быстро обернулся. За ним тоже сверкали камни. Чувствуя комок в горле, он прошел несколько шагов, внимательно осматривая почву вокруг в поисках камней. Неясные движущиеся предметы виднелись в кустах, но растительность была слишком густа для их продвижения. И это было единственной надеждой.

Он осмотрел несколько больших деревьев. Одно из них, больше всех остальных, росло менее чем в пятидесяти метрах от речного обрыва. Часть его огромного ствола шла наклонно, так что можно было залезть на дерево и добраться до вершины, которая возвышалась над всеми.

Ханли осторожно подошел к реке. Берег обрывом пятнадцатиметровой высоты нависал над темными водами. Один взгляд убедил Ханли, что этот путь для побега невыносим.

Он вернулся к дереву и с тревогой обнаружил, что с полдюжины камней кружатся вокруг ствола, который давал единственную возможность спасения. Ханли наугад перепрыгнул через один из камней, тот продолжал монотонное движение и остановился, лишь столкнувшись с двумя другими. Потом он начал неуверенно перемещаться в сторону человека.

Ханли немного успокоился. Он внимательно наблюдал за камнями, стоя на месте в ожидании, когда этот камень приблизится к нему. Он пытался обнаружить в его поведении признаки разума, но видел лишь пористую субстанцию, напоминающую вулканическую породу. Камень подкатился к ноге, коснулся башмака и прилип.

Ханли резко выбросил ногу вперед, но камень даже не шелся. Весил он не менее пяти фунтов, так что Ханли с трудом мог поднимать ногу. Ему стало страшно, что он не сможет освободиться.

Другие камни стали приближаться к нему. Единственным выходом было добраться до дерева. Пытаясь избавиться от камня, Ханли снял башмак и потряс им. Бесполезно. Импульсивным движением он бросил башмак в подкатывающийся камень. Оба камня рассыпались, и порыв ветра опять бросил пыль ему в лицо. Ханли отчаянно закашлялся. Когда он смог открыть глаза, то сквозь слезы увидел кристалл, сверкавший в груде обломков. Он осмотрел его, потом надел башмак и полез на дерево.

И как раз вовремя: теперь вся земля, насколько хватало взгляда, была закрыта камнями, двигавшимися к нему.

День на дереве прошел без всяких приключений. Вечером Ханли добрался до самой высокой ветки и нашел, что на ней можно неплохо переночевать.

Так он и провел первые ночные часы, внимательно прислушиваясь к звукам чужого мира. Около полуночи он наконец уснул.

Ханли проснулся внезапно. Солнце едва показалось на горизонте... А вдоль реки на полной скорости несясь транспортный бот. Ханли вскочил на ноги, чуть не свалившись с дерева, и, с трудом удерживая равновесие, начал яростно размахивать курткой, как флагом...

Подавая завтрак, Элеонора рассказала ему, что Марк Роган вернулся прошлым вечером в колонию и провел здесь ночь. На рассвете он снова ушел. Услышав это, Ханли перестал жевать и с минуту размышлял.

— Он сказал что-нибудь? — спросил он наконец. — Он нашел решение?

Он ждал ответа Элеоноры, беспокоясь за собственное открытие, гравежаясь, что его, возможно, опередили. Жена вздохнула и ответила.

— Не думаю. То есть, в принципе, он, конечно, говорил с людьми. Может, он что-нибудь и сказал.

Ханли не думал, что это так. Значит, все в порядке: обычный человек победил знаменитого межпланетного эксперта.

Он снова принялся за еду, но тут вспомнил странные интонации в речи Элеоноры и поднял голову.

— Он в ПРИНЦИПЕ говорил с людьми? — переспросил он настороженно.

Она покраснела.

— Я пригласила его пообедать... — и быстро добавила: — Вообще-то, я ждала тебя. Я ведь не думала, что ты...

Она держалась так напряженно, что он перебил:

— Да нет, все хорошо. Я понимаю, милая.

Но Ханли не был уверен, что понял. Продолжая есть, он исподтишка поглядывал на нее, охваченный подозрениями. Ему хотелось спросить: «А может, он и ночь провел здесь?», но сама мысль была так обидна, что он только опустил голову.

И это заставило его решиться. Сначала он хотел подождать возвращения Рогана и поговорить с ним, потому что оставалась проблема: что делать с враждебной жизнью, как расправиться с камнями. Но теперь он не был расположен к беседе с экспертом.

Ханли заметил, что другие руководители, выслушав его детальный отчет, также не намеревались ждать.

— Наши женщины без ума от этого человека, — раздраженно

сказал один из них.— Знаете, что сказала моя жена, узнав о гибели Френка Стреттона? Она считает, что его вдова должна немедленно выйти замуж за Рогана, пока тот не уехал. Конечно, если все эти разговоры хоть чего-нибудь стоят, он ни в коем случае не женится. Но ведь надо же такое придумать!

— Инстинкт выживания,— заметил другой.— История кишит женщинами, мечтавшими родить от знаменитости. А тут еще особые способности Рогана...

— Не такие уж и особые,— перебил кто-то.— Смог же Леонард Ханли разрешить загадку планеты без помощи этого героя.

Вмешательство Ханли положило конец дискуссии.

— Нам понадобится почти целый день, чтобы разгрузить корабль. Если мистер Роган соблаговолит появиться до завершения выгрузки, то сможет высказать свое мнение.

Но Марк Роган не появился. Выгрузка проводилась в долине за водопадом, у реки. К полудню работа была окончена. Ханли в последний раз связался с капитаном Кренстоном и узнал, что «Колонист-12» немедленно уходит к Земле.

— Рейс и так затянулся,— сказал капитан Кренстон, как бы оправдываясь.— Владельцы звездолета придут в ярость.

Ханли не мог испытывать положительных эмоций к этим господам и понимал, что расплачиваться за этот меркантилизм придется колонистам. Ему бы хотелось задержать отлет корабля, но он не смог придумать уважительной причины для этого и только спросил:

— Вы не собираетесь ждать мистера Рогана?

— Нет, возможно, его заберет патрульный корабль,— ответил Кренстон, пожав плечами.— Итак, прощайте.

Ханли с некоторым злорадством подумал, что не прозвучало даже намек на якобы существующие возможности Рогана к путешествиям в космосе без космического корабля. Конечно, наивно думать, что мыслящий человек поверит в подобный вздор.

Вскоре после этого он увидел Элеонору, которая работала на устройстве постоянного лагеря для поселенцев. Вдруг она достала пудреницу из кармана и стала приводить себя в порядок. Ханли проследил за ее взглядом и сморщился: по берегу реки шел Марк Роган.

Не дойдя двух метров до Ханли, эксперт заговорил:

— Мистер Ханли, что это значит? Вы отдали приказ о выгрузке?

Его голос был по-прежнему нежен, но в интонациях чувствовался сдержанный гнев, который заставил Ханли вздрогнуть. «Неужели я совершил ошибку?» — смятенно подумал он, но вслух сказал:

— Да, мистер Роган, я дал приказ о выгрузке. И сделал это

потому,— продолжал он уже увереннее,— что понял природу этой враждебной жизни и принял все необходимые меры предосторожности.

Дважды Роган хотел остановить Ханли, но в конце концов не стал этого делать. Он только оглядел колонистов, и на его лице появилась непонятная ироническая усмешка.

Множество деревьев уже было срублено. Их собирались пустить на доски. Роган молча подошел к лесопилке, посмотрел, как пила разделяла дерево на части. Затем он приблизился к Ханли. Его зеленые глаза смотрели с иронией.

— Так что же вы поняли?

Он слушал ответ Ханли, склонив голову набок, как будто прислушивался к чему-то, скрывающемуся за внешней стороной слов. Он как будто рассматривал рассказ Ханли.

— Значит, вы считаете, что кристалл, который вы видели в разбитом камне, является его мозгом.

— Кристалл является элементом радио- и телеаппаратуры. В определенном смысле, кристаллы растут и...

Он замолчал, потому что Элеонора обеспокоенно схватила Рогана за руку.

— Прощу вас, скажите,— умоляюще воскликнула она,— что-нибудь не так? В чем дело?

Роган осторожно высвободил руку и спокойным голосом сказал:

— Миссис Ханли, ваш муж совершает смертельную ошибку. Поведение камней — только видимое проявление Разума, который управляет этой планетой.— Он повернулся к Ханли.— Когда на вас напали камни, был ли сильный ветер?

Ханли утвердительно кивнул.

— И это тоже проявление Разума,— подтвердил Роган, взглянув на часы.— До темноты еще около двух часов. Если мы возьмем только самое необходимое, то до захода солнца сумеем уйти из долины.

Роган холодно посмотрел на смущенного Ханли.

— Отдайте приказ,— сухо сказал он.

— Но...— начал Ханли неуверенно, стараясь вернуть твердость голосу,— это невозможно. Кроме того, нам нужно будет где-то устроиться...

Он замолчал, внутренне уже согласный на требования Рогана и слишком несчастный, чтобы продолжать говорить.

— Отдайте приказ,— повторил Роган.— Я вам сейчас все объясню...

С наступлением темноты поднялся ураганный ветер. Он дул непрерывно целый час, поднимал тучи песка и кидал их в лицо людям, идущим длинными вереницами за гусеничными тракторами. Самых

маленьких детей рассадили в шесть ботов. Когда буря окончилась, часть детей спустили на землю, а их место заняли женщины.

К полуночи в атаку пошли камни. Внезапно из темноты в свет прожекторов, установленных на тракторах, с грохотом выкатились огромные валуны. И не успели люди опомниться, как два трактора были раздавлены. Раздался треск сминаемого металла, крики ужаса и боли, а потом атомные ружья превратили камни в пыль.

Множество мелких камней прилипло к башмакам и сапогам людей, почти парализовав движение. Потратили немало времени и сил, чтобы освободиться от них. А после этого Ханли пришлось уговаривать усталых мужчин и женщин идти дальше, как того требовал Роган.

Перед восходом солнца почва начала колыхаться и дрожать у них под ногами. Появились большие трещины, и людям пришлось очень тяжело: ведь спасти человека, провалившегося туда, было невозможно.

Когда наконец забрезжил рассвет, Ханли заговорил с Роганом.

— Выходит, что они могут создавать сильные и продолжительные землетрясения.

— Да, но не думаю, что это может происходить слишком часто, — ответил Роган. — Вероятно, им нужно много энергии, чтобы проникнуть в глубокие слои литосферы, где можно вызвать землетрясение. — На мгновение он задумался. — Мне кажется, выход в том, чтобы заключить договор, если можно так выразиться. Человек должен доказать, что он может быть полезен на этой планете. Естественно, это потребует времени. Сейчас главное — убедить Разум этой планеты, чтобы он пошел на такое сотрудничество.

Ханли внимательно слушал.

— Объясните мне свою позицию, — сказал он. — Вы ведете нас к северу от нашей прежней стоянки. И вы хотите, чтобы мы построили там дома из синтетических материалов и жили в них, пока вы будете убеждать Разум, что мы не причиним ему вреда. Так?

— Да. Сейчас самое лучшее, если бы вы продолжали двигаться, — ответил Роган, — но, конечно, это очень трудно с женщинами и детьми. — Он как будто убеждал сам себя.

— Но будем ли мы в безопасности на новом месте? — спросил Ханли.

— В безопасности? — Роган посмотрел на него. — Дорогой мой, вы, видимо, меня не поняли. Эта планета совершенно не похожа на Землю. Жизнь здесь существует совершенно в другой форме. Скоро вы поймете, что я имею в виду.

Ханли был слишком утомлен, чтобы продолжать расспросы.

Через час он увидел, как Роган взял одну из шлюпок и скрылся в утреннем тумане. Днем Ханли послал другие шлюпки за оборудованием, оставленным вчера в долине.

Боты вернулись вечером, и люди узнали странные вещи: бочонок с соленым мясом укатился от прилетевших за ним колонистов, и, несмотря на все усилия, его не удалось поймать. Самолет с атомным двигателем сам поднялся в воздух и полетел; потом двигатель замолк и самолет рухнул на землю, но через некоторое время опять начал полеты. Он почти полностью раздавил одну из шлюпок.

«Воздействие Разума», — устало подумал Ханли.

Люди провели ночь на равнине, заросшей травой. Мужчины охранили лагерь, патрулируя всю ночь. Моторы тракторов не глушили, прожекторы пронзали тьму. Все взрослые были готовы к отпору.

Ближе к утру Элеонора разбудила Ханли.

— Лен, посмотри на мои ботинки.

Он смотрел на них, еще не вполне проснувшись. Кожа сморщилась, на поверхности появились крошечные наросты. Ханли вздрогнул от ужаса, представив, что они будут расти.

— Где ты их оставила? — спросил он.

— Рядом с собой.

— На земле?

— Да.

— Не надо было снимать их, — мрачно сказал Ханли. — Я так и сделал.

— Леонард, я не буду спать в ботинках, даже если это будет последняя ночь в моей жизни... — она помолчала и добавила более спокойно: — Я надену их и посмотрю, можно ли их носить.

Утром он увидел, что Элеонора хромает, в глазах у нее стояли слезы, но она не жаловалась.

После обеда один из тракторов неожиданно взорвался, убив водителя. Кусок металла при этом распорол плечо пятилетнему мальчику, оказавшемуся поблизости. Врачи тут же занялись им.

Женщины причитали. Мужчины тихо ругались. Один из них подошел к Ханли:

— Мы не хотим дальше терпеть это. Мы же можем ответить на нападение.

К вечеру появился Роган и молча выслушал рассказ о происшедшем.

— Будут и другие инциденты, — заметил он.

— Я не понимаю, — с угрозой в голосе сказал Ханли, — почему бы нам не сжечь окрестные леса и не освободить всю эту местность от чужой жизни.

Роган, который уже уходил, обернулся к Ханли. Его глаза казались почти желтыми в лучах заходящего солнца.

— Боже мой, Ханли, вы говорите, как какой-нибудь необразованный юнец. Я же объяснял вам: вы не сможете, играя, уничтожить Разум, управляющий деревьями, даже если огонь — единст-

венный способ испугать его. Именно уязвимость человека делает возможным сотрудничество, ибо становится возможным доказать, что все его действия — только защита.

— Но как он функционирует?— растерянно спросил Ханли.— Как этот Разум управляет камнями, заставляет ветер дуть и...

— Это происходит потому,— сказал Роган,— что передача импульсов по энергетическим путям происходит гораздо быстрее, чем у нас. У человека нервные импульсы движутся со скоростью примерно ста метров в секунду, а на этой планете — почти двенадцать километров в секунду. Таким образом, камни получают возможность реагировать на чужеродное воздействие. Кристаллы — проводники импульсов, — растут быстро, и через них можно провести любое воздействие, вплоть до землетрясения. И что гораздо важнее: эти импульсы постоянно проходят через почву. В результате все можно контролировать и на все влиять. Импульсы проходят через корни деревьев и песок, а сильный ветер поднимается, чтобы ослабить их мощность...

— Но тогда,— нахмурился Ханли,— почему дерево, на котором я сидел, не пыталось меня убить?

— И привлечь к себе внимание?— спросил Роган со своей обычной улыбкой.— Оно могло сделать с вами только то, что сошло бы за несчастный случай, например, обломить ветку, на которой вы находились.— Закончил он твердо:— Мистер Ханли, кроме сотрудничества, другого пути нет. Вам следует помнить об этом.

Спокойно и лаконично он рассказал о принципах, которых должны будут придерживаться люди на этой планете. В течение многих лет не допускается вторжение в зоны обитания деревьев. Ни в коем случае не пользоваться древесиной, кроме мертвых деревьев, которые можно будет рубить после того, как Роган договорится об этом с лесом. Установить у лесов вблизи колонии противопожарное оборудование, чтобы помочь лесам бороться с природными пожарами, а через некоторое время распространить это оборудование по всей планете.

Когда Роган закончил, Ханли молчал некоторое время, обдумывая сказанное, а затем спросил:

— Я понял все, кроме одного: как мы будем поддерживать контакт с Разумом после вашего отъезда?

Говоря это, он заметил, что Элеонора тихо подошла к ним, как бы желая услышать ответ Рогана.

— Только время,— ответил Роган, пожав плечами,— поможет решить эту проблему.

Они построили поселок на берегу ручья и называли его Новая Земля. В этом месте не было деревьев. Что же касается кустов, то, по мнению Рогана, они были очень слабо связаны с жизнью деревьев и не могли использоваться против людей.

За последующие одиннадцать дней люди пережили не менее восемнадцати атак камней. Один раз громадный камень метров шестидесяти в диаметре прокатился через поселок. Он раздавил два дома, отдалился на два километра, а потом повернул обратно. Люди, используя атомные пушки на ботах, успели взорвать его прежде, чем он вернулся.

Однажды, совершенно неожиданно, ночь прошла спокойно. На рассвете появился Роган, бледный, усталый, но улыбающийся.

— Все в порядке,— сказал он,— у вас есть шанс выжить.

Мужчины хриплыми от усталости голосами приветствовали его. Женщины плакали и тянули к нему руки. Ханли держался в стороне, думая с беспокойством: «Не рано ли говорить об этом?»

Но дни шли, и никаких событий не происходило. Часовые начали спать на посту, и в конце концов патрулирование прекратили совсем.

На восемнадцатый день в дверь дома Ханли постучали. Элеонора пошла открывать, и Ханли услышал, как она с кем-то тихо разговаривает. Он разобрал нежный голос ее собеседника, и в нем немедленно проснулись подозрения. Он уже хотел выйти на порог, когда дверь захлопнулась. Элеонора вошла, прерывисто дыша.

— Он уходит,— только и сказала она.

Ханли не спросил, о ком речь, а бросился к двери и увидел, что Роган уходит из поселка. В темноте был виден только его силуэт.

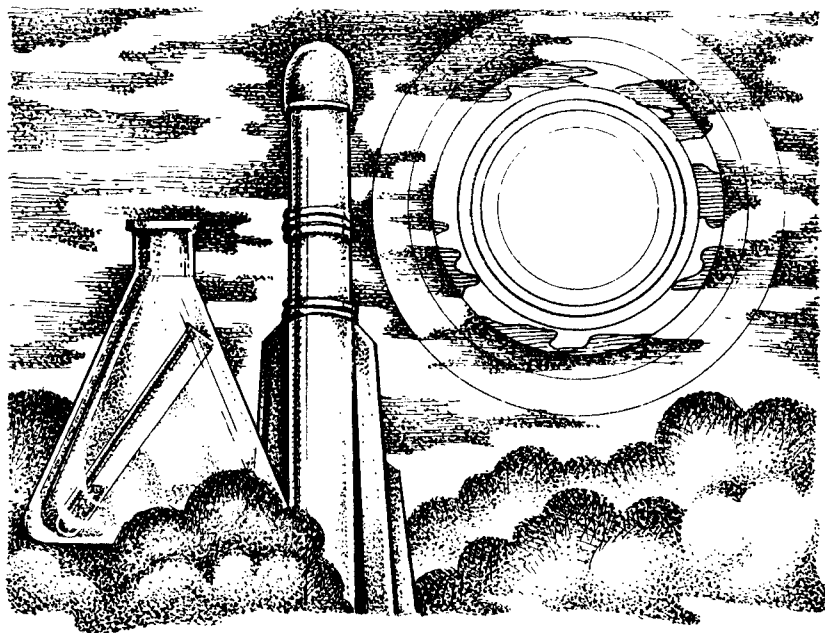
Прошла неделя, но о нем не было никаких известий. Колонисты шептались, что он теперь, наверное, на другом конце Галактики. Ханли пытался поднять эти рассказы на смех, но когда слышал, как об этом запросто рассуждают техники, с грустью понял, что легенда о Марке Рогане сильнее всех его доводов.

Прошло два месяца. Однажды утром Ханли проснулся и увидел, что Элеонора скользнула к нему в постель.

— Я хочу сообщить моему господину и повелителю,— сказала она шутливым тоном,— что клан Ханли скоро увеличится на одного человечка.

Ханли поцеловал ее и продолжал лежать, ничего не говоря. «Если у него будут зеленые глаза и черные, как смоль, волосы, я... я...» — думал он.

Он не успел придумать, что он сделает. Он еще мысленно ворчал, охваченный ревностью, но в глубине души уже понимал, что в таком случае человеческая раса **ОБЯЗАТЕЛЬНО** выживет на этой планете.

Курт Воннегут-мл.

БОЛЬШОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ ТРАХ

В 1977 г. у молодежи Соединенных Штатов Америки появилась возможность подавать в суд на своих родителей за педагогические промахи.

Родителей могли вызвать в суд, оштрафовать на определенную сумму в пользу детишек или даже посадить за серьезные ошибки в воспитании своих отпрысков, когда те были еще совсем малы и беспомощны.

Делалось это не справедливости ради, а лишь для того, чтобы пресечь воспроизводство, поскольку есть к тому времени стало уже практически нечего.

Аборты были бесплатны. Любая решившаяся на аборт женщина могла либо воспользоваться гирей в ванной комнате, либо лечь под медицинский рефлектор.

В 1974 году Америка стала готовиться к Большому Вселенскому Траху, что было серьезной попыткой продолжить человеческий

род где-нибудь во Вселенной. На Земле это было явно невозможно. Все превратилось в скопище ночных горшков, банок из-под пива, старых автомобилей и бутылок фирмы «Кларекс».

Забавный случай произошел на Гавайях, где много лет всякий хлам сбрасывали в кратеры потухших вулканов. Внезапно пара из них выплюнула все это обратно. Ну, и так далее.

В то время можно было не стесняться в выражениях. Даже сам Президент использовал крепкие словечки, но никого это не пугало и не шокировало. Все было о'кей. Вселенский Трах он называл Вселенским Трахом, точно так поступали и все остальные. А вообще, это был ракетный корабль, напичканный высушенной, сублимированной джизмой.

Его собирались запустить на пару миллионов световых лет в сторону Созвездия Андромеды. Корабль назвали именем Артура С. Кларка, в честь известного первооткрывателя космоса.

Запуск назначили на полночь четвертого июля.

В 10 часов вечера того же дня Двэйн Гублер и его супруга Грэйс сидели в гостиной своего дома в Элк Габоре, штат Огайо, на побережье так называемого Лэйк Эри, и смотрели по телевизору запуск. Как раз шел отсчет предстартового времени. Лэйк Эри почти высохло. На всех его 38 квадратных футах жили миноги-людоеды.

Двэйн работал охранником в исправительном заведении для взрослых штата Огайо, которое находилось в двух милях от озера. Он любил мастерить скворечники из бутылок «Кларекс». Он делал их один за одним и развешивал по всему двору.

Двэйн и Грэйс были поглощены видеоклипом, раскрывавшим секрет высушивания джизмы, которой был начинен корабль. Небольшая пробирка с выделениями декана математического факультета Чикагского университета мгновенно замораживалась. Затем ее помещали в коническую колбу, из которой выкачивали воздух. Вместо исчезнувшего воздуха в колбе появлялся мелкий белый порошок. Конечно, порошка было немного, что отметил и Двэйн Гублер, но там в сублимированном состоянии находилось несколько сот миллионов сперматозоидов. Исходное количество материала в среднем составляло два кубических сантиметра.

— Порошка достаточно, чтобы лишь забить игольное ушко, — размышлял Двэйн вслух. — А восемьсот футов этой дряни вот-вот полетят к Андромеде.

— Хрен тебе, Андромеда! — выругался Двэйн, и это не прозвучало как непристойность. Весь город вторил ему. Но встречалось и такое:

— Андромеда, мы любим тебя! Земля соблазняет тебя, Андромеда! — И так далее.

В дверь постучали, и в проеме возник старый друг семьи, окружной шериф.

— Как поживаешь, старый потаскун? — поинтересовался Двэйн.

— Не жалуясь, гнида, — отозвался шериф, и некоторое время перебранка продолжалась в том же духе. Грэйс хихикала, наслаждаясь их остроумием. Будь она понаблюдательней, ей было бы не до смеха. Ей следовало бы заметить, что веселье шерифа было напускным. Что-то его угнетало. Грэйс могла бы заметить и то, что в руке шериф держал какие-то служебные бумаги.

— Садись, старый шелудивый осел, — сказал Двэйн, — и давай посмотрим, как Андромеде ломают целку.

— Как я понимаю, мне предстоит там торчать пару миллионов лет, — ответил шериф. — Посмотрела бы моя старуха...

Он был немного сообразительней Двэйна, и поэтому для его джизмы нашлось место на борту «Артура С. Кларка».

Для того, чтобы джизму приняли, необходимо было иметь показатели интеллекта не менее 115.

Существовал ряд исключений: быть хорошим спортсменом, выдающимся музыкантом или художником. Однако Двэйн ничем таким не занимался. Он надеялся, что скворечники выведут его в ряд избранных, но это был не тот случай.

С другой стороны, директор Нью-Йоркской филармонии имел право сдать целую квартиру. А ему уже стукнуло шестьдесят восемь.

Теперь по телевизору выступал старый астронавт. Он говорил о том, что готов сопровождать свою джизму хоть на край Вселенной. Однако был вынужден оставаться дома наедине с воспоминаниями и стаканом виски «Танг». «Танг» считался официально признанным напитком астронавтов. Это был сублимированный оранжад.

— Может быть, двух миллионов лет у тебя и нет, а вот, по крайней мере, пять минут в твоём распоряжении, — сказал Двэйн.

— Я пришел сюда по службе, — шериф дал волю чувствам и погрузнел, — все равно, что на судебный процесс.

Двэйн и Грэйс опешили. Они не имели ни малейшего представления о том, что за этим последует. А произошло вот что: шериф передал каждому из них по судебной повестке и сказал:

— Я обязан сообщить, что ваша дочь Ванда Джун обвиняет вас в том, что вы исковеркали ее еще в раннем детстве.

Двэйн и Грэйс были как громом поражены. Они знали, что Ванда Джун исполнился 21 год и она имела право преследовать их по закону, но вовсе этого не ожидали. Ванда жила в Нью-Йорк Сити, и когда они ее поздравляли с совершеннолетием по телефону, Грэйс пошутила:

— Ну вот, дорогая, теперь, если захочешь, можешь подать на нас в суд. — Грэйс была уверена, что они с Двэйном были прекрасными родителями, и поэтому со смехом продолжала: — При желании ты можешь упечь своих старых предков в тюрьму.

Между тем Ванда Джун была всего-навсего ребенком. У нее могли быть брат или сестра, но Грэйс вовремя делала аборт. Она сделала три аборта.

— Что же, по ее мнению, мы сделали не так?— спросила Грэйс шерифа.

— У вас в повестках есть списки предъявляемых обвинений,— ответил шериф.

Он не мог смотреть в глаза старым друзьям, выглядевшим сейчас такими жалкими, и уставился в TV.

Там какой-то ученый объяснял, почему в качестве объекта исследований была выбрана Андромеда. Между Землей и Андромедой существовало, по крайней мере, 87 единоподобленных воронкообразных временных аномалий. Поэтому, если корабль пройдет сквозь одну из них, он сам и его груз умножатся в триллион раз и займут все окрестное пространство и время.

Ученый обещал, что если где-нибудь во Вселенной есть подходящая почва, то наше семя падет на нее и прорастет.

Единственное, что разочаровывало в этой космической программе, так это то, что плодородная почва была чертовски далеко, если вообще существовала. Всякие тупицы, вроде Двэйна и Грэйс, да и более толковые, вроде шерифа, вынуждены были верить в ее гостеприимство, а также в то, что Земля теперь — всего лишь куча дерьма и стартовая площадка для корабля.

К тому времени Земля и впрямь была кучей дерьма, и даже недалекие люди начинали понимать, что скоро эта планета станет самой неподходящей для жизни во Вселенной.

Грэйс была в слезах из-за иска своей дочери. При чтении перечня обвинений на нее нахлынули воспоминания.

— О Боже, Боже мой, она говорит о таких вещах, которые совершенно вылетели у меня из головы, а она помнит абсолютно все. Она помнит даже то, что происходило, когда ей было всего четыре годика...

Двэйн углубился в чтение списка обвинений, предъявленных ему, поэтому он не поинтересовался, что же такого ужасного совершила его жена, когда Ванде Джун было четыре года, а случилось вот что:

Чтобы порадовать маму, Ванда Джун разрисовала карандашом все обои в только что отделанной гостиной.

Мать вспылила и отшлепала дочь. С тех пор, как утверждала Ванда Джун, она не могла смотреть на произведение искусства без дрожи. Она тряслась как осиновый лист и покрывалась холодным потом. Как сказала Ванда Джун своему адвокату, из-за этого она не сделала блестящей и весьма выгодной карьеры в искусстве.

Тем временем Двэйн узнал, как он, по словам адвоката Ванды, лишил ее возможности выгодно выйти замуж. Предполагалось, что

Двэйн виноват в том, что оказывал поклоннику дочери довольно-таки холодный прием. Кроме того, зачастую он открывал дверь голый по пояс, но всегда при патронташе и с револьвером на боку. Она даже могла назвать потерянного из-за отца ухажера по имени: Джон А. Ньюком, который в конце концов на ком-то женился. Теперь у него была приличная работа. Он возглавлял охрану арсенала в Южной Дакоте. Там хранились штаммы чумы и холеры.

Шериф сообщил еще не все плохие вести и ждал подходящего момента.

Несчастные Двэйн и Грэйс спросили его, что заставило их дочь поступить с ними так жестоко. Именно в ответе на этот вопрос и заключалась оставшаяся про запас скверная новость. Ванда Джун находилась в тюрьме за руководство магазинными кражами. Единственным способом выйти оттуда пораньше было доказать, что во всем виноваты родители.

Тем временем на телевизионном экране появился сенатор штата Миссисипи Флем Сноупс, председатель комитета по делам космоса. Он был очень доволен проектом Большого Вселенского Траха и сообщил, что именно этот проект является целью всей американской программы исследований космоса. По его словам, он очень гордился тем, что именно в его родном городе Майху был размещен завод по замораживанию джизмы.

Кстати, слово «джизма» имеет любопытную историю. Оно появилось так же давно, как и слова «дерьмо», «трахать» и подобные им, но до сих пор его исключают из словарей. Причиной этого явилось желание скрыть смысл последнего, воистину магического слова.

Когда Соединенные Штаты заявили о своем намерении запустить сперму в созвездие Андромеды, массы внесли поправку в решение правительства. Они коллективно решили, что настало время последнему магическому слову прозвучать на всю Вселенную. Сперма была недостойна полететь на другую планету, эта роль отводилась джизме! Так правительство начало употреблять это слово, прежде всего установив его точное написание.

Ведущий телепрограммы попросил сенатора Сноупса встать, чтобы все могли получше разглядеть его гультфик. Гультфики были тогда в моде. У многих мужчин они имели форму ракетных кораблей в честь Большого Вселенского Траха. Как правило, на них были вышиты буквы U.S.A. Однако у сенатора на гультфике красовался государственный герб Конфедерации.

Разговор коснулся геральдики как таковой. Вспомнили проводившуюся сенатором кампанию, когда он предлагал отказаться от орла в качестве национального символа. Сенатору было не по нраву, что его страна была представлена существом, во всех отношениях явно не подходившим к современным условиям.

Взамен сенатор предложил целых две подходящих кандидатуры: миногу и кровавого червя.

Никому было невдомек, что даже миногам в Великих Озерах приходилось несладко. В то время, когда люди, сидя дома у телевизоров, смотрели на Большой Вселенский Трах, миноги, корчась, выползали из болота на сушу. Некоторые из них были почти такими же длинными и толстыми, как «Артур С. Кларк».

Грэйс Гублер вытерла слезы и наконец задала шерифу вопрос, которого тот боялся:

— Что же заставило ее так с нами поступить?

Шериф начал свою речь, сетуя на жестокую судьбу:

— Настало время выполнить самую тяжелую миссию в моей жизни — сообщить своим близким друзьям душераздирающие вести. И это именно в тот вечер, который должен был стать самым счастливым в истории человечества. — Его рыдания прекратились, потому что он именно в этот момент угодил прямо в пасть миноге. Она мгновенно проглотила едва успевшего вскрикнуть шерифа.

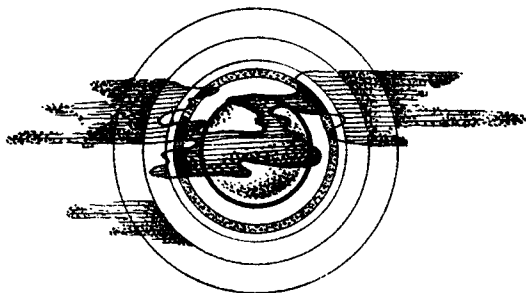
Двэйс и Грэйс вскочили, чтобы посмотреть, в чем дело. Минога и их заглотила.

По иронии судьбы по телевизору продолжался отсчет времени, хотя этого уже никто не слышал. Здесь уже никому не было до этого никакого дела.

Голос отсчитывал: «Девять! Восемь! Семь!» И так далее.

Послесловие Харлана Элисона

Да, так оно все и было.

Джеймс Хэмисат

ГАРРИ ЗАЯЦ

По слабо освещенному кинотеатру прокатился глухой шумок, затем одна из вращающихся дверей из фойе распахнулась, и толстый коротышка начал спускаться по проходу к сцене.

Было рано, и сеанс еще не начался. Толстый коротышка скатился вниз по проходу, взобрался по ступенькам на сцену и подошел вплотную к большому белому прямоугольнику киноэкрана.

— Привет, «Байжоу»... я вернулся,— сказал он мягко, почти с почтением. Он со знанием дела ткнул пальцем в экран и, хихикая, произнес:— Всего-навсего продырявленная пластмасса? Смешно.

— Добрый день,— раздался голос из глубины кинотеатра.— У вас здесь дело? Мы еще не открылись!

Коротышка при первых же словах повернулся. И теперь он уставился в глубину зала. Там было слишком темно, и он едва мог видеть, едва различал что-то. Рука в перчатке покоилась на шарнирном окошечке проекционной будки.

— Я хотел бы увидеть Гарри.— Мужчина прикрыл рукой глаза и искоса поглядывал.

— Он завтракает,— проскрипели оконные петли.— Он должен подойти к дневному сеансу.

— Хорошо. Я подожду.— Мужчина сел на сцене нога на ногу. Подпер подбородок и сидел, покачиваясь.— Дневной сеанс в час. Не так ли?

— Зачем тебе нужен Гарри?— Две руки в перчатках на подоконнике.— Ты ему друг?

— Да,— ответил мужчина.— Я всегда любил мультфильмы с участием Гарри Зайца.— Он улыбнулся.— Я, как ребенок, приходил каждую субботу прямо сюда, в «Байжоу».

— В самом деле? Вот я сейчас проверю.— Руки в перчатках держали кусок веревки.— Что я делаю?

— «Колыбель для кошки»? — Мужчина, спотыкаясь, вскочил на ноги. Искоса уставился.— Да, точно. «Колыбель для кошки».— замолчал.— Но это же трюк Гарри Зайца.

— Почти угадал. А сейчас?— Веревка соскользнула на пол.— Посмотри на мои руки. Что ты видишь?

— Только четыре пальца.— Мужчина протер глаза.— И перчатки. Но ведь это означает...

— Почти угадал. Я Гарри Заяц.— Руки в перчатках помахали ему.— Извини за ложь.— Наступила тишина.— Ну, то, что я сказал про завтрак.— Руки в перчатках сжались в кулаки.— Но я должен быть осторожен. Они преследуют меня.

— Кто «они»?

— Мои создатели. Те, кто меня нарисовал.— Руки в перчатках крепко сжались в кулаки.— Студия прекратила производство мультфильмов. Меня должны были похоронить...

— Но ты исчез.— Глаза мужчины наполнились слезами.— Почему же они хотят тебя вернуть?

— Потому что они установили на меня авторское право.

Руки в перчатках.

— Они мои владельцы.

— Но ты мне нужен. Я люблю Гарри Зайца.

— Меня любят многие. Они приходят сюда. Только чтобы посмотреть на меня.

Меня зовут Джек Джексон. Я адвокат кинокомпании «Голубые крылья», бывшего создателя мультфильмов с участием Гарри Зайца. Два месяца назад Гарри Заяц исчез из музея классики передвижных картинок, принадлежащего компании. Вчера на дневном сеансе в «Байжоу» закончилась охота на человека. Кинотеатр был переполнен подростками.

Гарри Заяц стоял на сцене, а я кричал:

— Гарри Заяц принадлежит «Голубым крыльям»!— Рядом со мной сидел толстый коротышка. Он заплакал. Я дал ему носовой платок.— Гарри Заяц должен вернуться в музей.

— Я никогда не вернусь. Я принадлежу людям.— Гарри переминался с ноги на ногу.— Народ...

— Авторское право принадлежит «Голубым крыльям». Я вызвал полицию.

— Гарри Заяц нужен людям. Мультфильмы с моим участием больше не идут. У них есть только я.

— Виноват, но закон гласит...

Большинство людей плакали. Громче становились звуки полицейской сирены. Я сел.

Гарри Заяц улыбнулся и прислушался. Он щелкнул пальцами, и появились ножницы. Затем он произнес:

— Я останусь с людьми,— и отрезал себе правую ногу. Затем левую ногу. Оба уха. И левую руку до локтя.

Я вскочил и закричал:

— Гарри Заяц принадлежит «Голубым крыльям»!

Затем я сел. Проход заполнился людьми.

Пол Андерсон

ЧЕТЫРЕЖДЫ ЕВА

1

Монолог Арсанга затягивался.

— Очень жаль,— бубнил он себе под нос, — хотя это осознали задолго до нашего рождения. Скорее всего, еще во времена открытия протеиновых структур и вызванного этим открытием бурного развития новых отделов в биохимии. Про последовавшие почти вслед за этим открытия в астрономии... Я уже не говорю... Да. Так вот... Как я уже говорил, очень жаль, что процент планет, пригодных для жизни какого-то определенного вида живых существ, ничтожно мал. Природа в своем творчестве весьма разнообразна и изобретательна. В придачу надо не забывать, что и этот ничтожно малый процент миров, пригодных для жизни, уменьшается, если учесть, что на многих из них есть свои, и часто весьма развитые, цивилизации. Мне кажется, что появление незваных соседей кого-либо из них обрывает...

Терезина Фабриций в отчаянии покосилась на одну из стен гостиной, представляющую из себя огромный экран с изображением звездного неба, окружавшего корабль. Пространство на экране сияло и переливалось сотнями бриллиантов звезд. Но, увы, и это не могло улучшить ее настроения... Она ощущала себя мухой, угодившей в паутину, сотканную из бесконечных банальных монологов, и не было никаких шансов на побег из этой западни. И как только она умудрилась забраться в эту ловушку?

По характеру Терезина была доброй и ласковой девушкой, и она не решилась оборвать Арсанга, когда тот в первый раз поймал ее за запястье и начал вещать. Но разве она могла предвидеть, во что это выльется? Она впервые отправилась в столь дальнее путешествие. Более опытные пассажиры, знавшие, что самым большим недостатком в дальних полетах является скука и каждый старается избавиться от нее всеми доступными способами, безошибочно распознали в Арсанге хронического болтуна и старались держаться от него подальше.

— Так вот, как я уже говорил, миры, населенные разумными существами, например, ваша родная Земля, разбросаны по исследованному нами кусочку Галактики,— продолжал он все тем же заунывным голосом, клонившим в сон. Точно таким же голосом при первой встрече он сообщил ей о том, что она, без сомнения, студентка — выпускница математического факультета, которая должна провести год на одной из недавно колонизированных планет, по программе обмена опытом.— Расстояние, разделяющее Землю и Ксенофон, примерно сто пятьдесят четыре световых года и для лайнеров типа нашего невелико. Но большинство пассажиров нашего корабля совершают что-то вроде кругосветного путешествия. И остановка на Ксенофоне входит в программу круиза. Обычно же для подобных полетов используются корабли классом ниже. Вам крупно повезло. Если бы вас направили на планету типа Нового Ганимеда, то вам не пришлось бы наслаждаться удобствами лайнера, подобного нашему. Туристы не любят посещать молодые колонии. Ну, что бы там стали делать наши туристы по вечерам? Тогда как на Ксенофоне, куда направляется наш корабль, или на моем родном Тау Кита, которого наш корабль достигнет в конце своего полета и где я, разумеется, непременно сообщу своим коллегам из дипломатической службы Его Величества Внушающего Благоговение Светлости Пиппа Одиннадцатого Высшего Властителя Соединенных Штатов Норлабену...

Заунывно певучий голос начал обширную и нудную лекцию. Терезина в полудреме ощущала себя стоящей в центре Вселенной на проповеди у священника...

Наконец до ее сознания стало доходить, что в каюту вошел еще один человек. На миг сердце учащенно забилося в надежде... Будь

это даже Джек Якоб Ньюхауз... Лучше отбиваться от его знаков внимания, чем выслушивать бесконечный монолог Арсанга, тридцать третьего Лорда Высшего Гонгонта Высшего Двора Его Величества Внушающего Благоговение Светлости Пиппа Одиннадцатого... Все, что угодно. Но только не это. Лучше смерть в когтях какой-нибудь инопланетной твари... А ведь ей еще не предложили ни квартиру, ни деньги, ни драгоценности...

Вошедшим оказался красивый молодой человек с копной черных, слегка вывихшихся волос и правильными чертами лица, одетый в голубой китель и белые брюки. Форма великолепно сидела на нем, о чем молодой человек был осведомлен. На мгновение его взгляд, полный искреннего восхищения, задержался на девушке...

Глядя на Терезину, было невозможно не восхищаться ее высокой и гибкой, как ива, фигурой. Ее длинными светлыми волосами и огромными небесно-голубыми глазами. Довершали портрет пухленькие губки и слегка вздернутый нос. Черное платье и белая накидка, считавшиеся на Земле несколько детской одеждой, на борту звездного лайнера выглядели особенно привлекательно, и, увы, Ньюхауз это быстро смекнул.

Но тут девушкой завладел Арсанг, а он, наверное, смог бы поспорить в болтливости с испанской дуэньей. Нет, не то чтобы таукитянец был абсолютно бесстрастен. Скорее, он походил на сказочного эльфа — огромная голова, маленькое тельце на четырех ножках, слегка смахивающих на паучи, две ручки, по временам прикладывавшихся к разветвленным ушам. Бледно-золотистая кожа и почти человеческое лицо с огромными изумрудно-зелеными глазами. Одежда из тончайшей фосфоресцирующей пленки и рост чуть меньше метра придавали таукитянину неповторимое очарование... Но он говорил, говорил, говорил...

— А мисс Фабриций, — вежливо поздоровался Ньюхауз. — Надеюсь, вам не приходится скучать?

Терезина постаралась изобразить улыбку.

— Спасибо! — ответила она.

Ньюхауз подмигнул ей в ответ и продолжал путь. Терезина проводила его сердитым взглядом. Нет, помощник капитана был совершенно невыносим! Не то чтобы она была абсолютно равнодушна к мужчинам... нет, она, разумеется, мечтала когда-нибудь выйти замуж и все такое прочее... но та прогулка на верхней палубе в первые дни путешествия... ведь должен же мужчина хотя бы немного пофлиртовать и не лезть в первую же минуту с поцелуями! Одновременно с этими рассуждениями Терезина со злорадным удовольствием наблюдала, как Хедвиг Трамбл поспешно встала из-за стола и устремилась за помощником капитана, без сомнения, собираясь сказать ему что-нибудь типа: «Дорогой мистер Ньюхауз, может быть, вы разрешите называть вас просто Джо?» Но было заметно,

что офицер куда-то спешит по своим делам и не собирается беседовать с мисс Трамбл. По крайней мере, женщина, так и не догнав космонавта, вернулась и с кислой физиономией уселась на свое место.

— Мне кажется,— заговорила Терезина, пытаясь под благовидным предлогом удрать от Арсанга,— что я проголодалась и с удовольствием чего-нибудь выпью перед обедом.

— Я полностью разделяю ваше мнение,— согласился Арсанг. Но слабая попытка удрать улетучилась. Арсанг пошел рядом с ней, продолжая свой бесконечный монолог. Теперь он говорил о своей выдающейся дипломатической миссии на Земле по установлению твердых торговых соглашений. Таукитянин подробно пересказывал протоколы заседаний... Девушка в ярости собралась прогнать его, сказать, что он надоел, довел ее до... Нет. На такое она была неспособна. В конце концов, если бы она даже смогла его прогнать, то потом бы никогда не смогла избавиться от мысли, что обидела одинокое существо ради нескольких дней развлечений.

Устроившись около стойки бара, девушка внимательно посмотрела на пневмовизор. Пневмовизор в ответ заблестел никелированными каналами. Терезина смутно припомнила, что для получения картины берут джин и вермут. Но как ни старалась, не смогла припомнить их процентное соотношение. Наконец девушка решила, что пятьдесят на пятьдесят будет в самый раз.

К счастью, она так и не успела испытать эту смесь в действии. Раздался злобещий сигнал тревоги.

2

Когда из скрытых где-то в стенах динамиков раздался сигнал тревоги, даже Арсанг замолчал. Какая-то женщина прижалась к своему кавалеру и всхлипнула.

В следующую минуту раздался громкий, не терпящий возражений голос:

— Внимание, это касается всех. Говорит первый помощник капитана Лев Кович. Через несколько секунд с вами будет говорить капитан. Прошу сохранять спокойствие и не поддаваться панике,— и так далее... Затем раздался какие-то непонятные звуки и динамики донесли шепот:— Сэр, проснитесь, да ради бога...— затем другой голос:— Э... о... зачем... пошли они все...— последние слова заглушила вновь взывавшая сирена.

— Что случилось?— робко спросил Арсанг.

— Мне кажется... — Терезина облизнула пересохшие губы. — Мне кажется, что нам надо занимать места в спасательных шлюпках...

— Верно, спасательные шлюпки, точно, спасательные шлюпки.— Вновь раздался полупроснувшийся голос из динамиков...— Спасательные шлюпки. Все вы знаете инструкцию, что надо делать в случае тревоги. Да-а! Итак, леди и джентльмены, говорит капитан Айрон Смит. Для паники нет никаких оснований. Само собой разумеется, что сигнал тревоги трудно назвать приятным. Но он и предназначен для предупреждения... Вы согласны со мной? Но вот что я вам скажу: не бойтесь. Верьте нам. Мы еще не выяснили, из-за чего включился этот проклятый сигнал. Но мы непременно это узнаем. А тем временем верьте нам и ничего не бойтесь. Это говорю вам я, капитан Айрон Смит. Я обращаюсь к вам, господа пассажиры, и надеюсь, что вы все внимательно меня слушаете. А все члены команды должны собраться в... ну, в общем, в особых пунктах, о которых все члены команды должны знать. Сигнал тревоги включился автоматически. Возможно, чуть-чуть фонит конвертор и ослаб экран радиационной защиты. Поверьте, все это пустяки. Но на всякий случай вы должны соблюдать инструкцию и, следуя ее требованиям, занять спасательные шлюпки. Каждый из вас должен знать, к какой шлюпке он прикреплен. А мы, как только отыщется причина этой проклятой тревоги... поверьте, это обыкновенная мера предосторожности...— на этом месте голос капитана вновь потонул в завывании сирены.

— Моя шлюпка номер четырнадцать,— сказала Терезина вставая.— До встречи, мистер Арсанг.

— Нет, я пойду с вами,— пробубнил таукитянин.

— Что?— девушка чуть не заплакала.— Но вы же не... это не... инструкцию я помню смутно, но у вас другая шлюпка...

— Знаю, знаю, учил,— огрызнулся Арсанг.— Но я, хоть убейте, забыл номер своей. Неужели вы считаете, что я, наследный Лорд Высшего Гонгонга Высшего Двора Его Величества Внушающего Благоговение Его Светлости Пиппа Одиннадцатого и специальный дипломатический представитель Соединенных Штатов Корлабенда, буду запоминать какие-то там номера? Ну, пойдете же, пойдете же.— Он схватил ее за руку и поволок вперед с такой силой, какую никак нельзя было ожидать от его тщедушного тела.— Некомпетентность!— кричал он, продвигаясь вперед.— Просто ужасающая некомпетентность! Я предъявлю компании счет... Вот увидите!

Проходы заполняли перепуганные туристы и грубо пихающиеся стюарды. Иногда людское море начинало волноваться сильнее, это сквозь толпу прорывался один из членов команды, спешащий на пост. Зажатая в угол и не способная пошевелиться Терезина заметила Фреда из Гомбер Рсуд и вспомнила, что они прикреплены к одной шлюпке.

— Фред, вы не могли бы мне помочь?— закричала девушка.—

В этой толпе я не могу самостоятельно продвигаться вперед.

— Разумеется, мисс Фабриций, почту за честь, — ответил аеликан. Одна из его могучих рук протянулась к ней. Волосатое, голубоватого цвета, похожее на носорожье тело Фреда подалось вперед, и люди расступились под его могучим напором. Арсант замыкал маленькую группу.

Терезина нагнулась к уху гиганта и, стараясь перекрыть всеобщий гвалт, прокричала:

— Думаете, случилось что-нибудь серьезное, мистер Фред?

— Уверен, что ничего страшного, — ответил ее спутник. — Во всяком случае, хочу надеяться на это... Я так хочу посетить Ксенофон и увидеть один из образчиков подлинной, живой первобытной культуры. — Его небольшой хвост слегка покачнулся, когда он наклонил голову и поправил красный гребень на затылке. Птичьи глаза поблескивали с беспокойством. — Признаюсь, что посещением вашей родной Земли я разочарован. На Земле у меня не было вдохновения. Совершенно. О, не думайте, что я собираюсь обвинять ваших соплеменников. Пожалуйста. Ваш народ был ко мне очень добр и гостеприимен. Но, понимаете, я отправился на вашу планету как ученик и поклонник Бодлера. Мне казалось, что я должен побывать на его родине, пожить там же, где и он. И так же, как он, чтобы полностью его понять... Но современная Земля уже не та. Мне показалось, что там уже никто не интересуется декадансом, — метровые плечи гиганта передернулись в чисто земном жесте. — Быть декадентом самому по себе — боюсь, что меня бы не поняли.

Наконец их маленькая группа добралась до спасательной шлюпки и, пройдя сквозь открытый воздушный шлюз, они прошли в пассажирский отсек. Спасательная шлюпка представляла из себя миниатюрный космический корабль, рассчитанный на десять пассажиров. Но, так как к их шлюпке был прикреплен гигант Фред, то помимо него к шлюпке были прикреплены всего четыре пассажира. Войдя в салон, Терезина села в кресло рядом со стюардессой Лори Кесней.

Скорее всего, она была самой чувствительной из пассажиров, и кроме того, полет ничего хорошего не предвещал, но Терезина, воспользовавшись возможностью, передала таукитянина на попечение добряка Фреда.

— Вы не знаете, в чем же все-таки дело? — тревожно спросила девушка стюардессу.

Лори пожалла плечами. Она была маленькой, очень подвижной девушкой с каштановыми волосами. Голубое с красным форменное платье было великолепно подогнано и подчеркивало достоинства ее более чем пропорциональной фигурки.

— О да, мисс, разве объяснишь. Капитан сказал, что какое-то незначительное повреждение. Подобные тревоги бывают в космо-

се просто необходимо соблюдать осторожность. Через час-два все закончится, и мы вернемся к нормальному распорядку. А за обедом в виде извинения за доставленные неприятности пассажирам подадут шампанского.

— О...— Терезина почувствовала себя намного бодрее и робко кивнула двум другим девушкам, сидящим через проход, Камале Чатерети и Хедвиг Трамбл. Последняя презрительно хмыкнула. Камала приветливо кивнула. Она вообще была очень добрым и отзывчивым человеком, ставшимся всюду нести мир и согласие.

Терезина припомнила, что индианка отправилась на Ксенофон за собственный счет (правда, для ее бюджета подобная трата была малозначительна), как миссионерка от общества «Внутренней Реформации». Девушка была очень красивой брюнеткой, розовое сари подчеркивало ее восточную красоту. Единственной женщиной из собравшихся на борту, чья привлекательность была ниже среднего, оказалась Хэдвиг Трамбл. Терезина догадывалась, что Хедвиг поменялась местами с прелестной рыжеволосой девушкой... скорее всего в надежде, что один привлекательный офицер...

Из шлюза донесся топот ботинок, и в каюту вошел третий помощник капитана, Ньюхауз подойдя к двери, ведущей в кабину управления, обернулся, покачиваясь на каблуках и дымя сигаретой:

— Как устроились? Всем удобно?— поинтересовался он.

— А где наш пилот?— резче, чем следовало бы, спросила Трамбл.

Ньюхауз покосился на нее, и на лицо офицера легла еле заметная гримаса недовольствия, смешанного с удивлением. Затем он перевел взгляд на ее соседку, чья внешность была более экзотична.

— Небольшая перестановка,— ответил он.— Скорее всего, возникшая неисправность потребует вмешательства инженера-электронщика. Поэтому я приказал мистеру Манфреду остаться в мастерской. Как вы, наверное, знаете, он — инженер-электронщик. А мне, естественно, придется его заменить у пульта управления вашей шлюпкой.

Хедвиг не пыталась скрыть своей радости:

— Лучшей замены невозможно придумать.— Трамбл была в полной «боевой раскраске»: в модном платье и с волосами, выкрашенными по последней моде в зеленый цвет. Но несмотря на все свои ухищрения, она выглядела унылой старой девой. Глядя на нее, Терезина подумала о том, что ее страдания из-за Арсанга лишь маленькое развлечение в сравнении с тем, что выпало на долю холостяков, выбранных кандидатами в женихи.

— Все это великолепно! Восхитительно!— ворковала Хедвиг.

— Я предлагаю всем постараться успокоиться и немного расслабиться,— предложила Камала.

— ...основной статус королевского шафера определяется,

разумеется, сопутствующими факторами,— Арсанг нашел очередного собеседника.

— К счастью,— отвечал Фред,— мне повезло, и я открыл нового земного поэта, певца свободы и демократии, короче, декадента. По прибытии я обращаюсь к мистеру Уолту Уитмену.

Лори недоверчиво покосилась на Ньюхауза:

— А почему вы решили поступить подобным образом? Мне кажется, что третий помощник при поисках причин включения сигнала тревоги не последнее лицо,— поинтересовалась она.

— Я заступил на этот пост как официальное лицо, мисс Кесней,— ответил Ньюхауз. И быстро, как бы извиняясь за резкий тон, добавил:— Впрочем, раньше мне никогда не приходилось руководить столь очаровательной командой.— И тут он заметил Арсанга, в глазах третьего помощника зажегся недобрый огонек.— Эй, вы, да-да, вы, как вы сюда попали?..

Терезина зажмурилась и постаралась полностью отключиться от происходящего, чтобы не слышать перебранку между таукитянином и Ньюхаузом. Но перебранки не произошло. Что-то зазвенело, Ньюхауз быстро развернулся.

— Да поможет нам бог!— крикнул он, бросившись в отсек управления. Дверца захлопнулась у него за спиной.

Спустя несколько секунд Терезина ощутила, как невидимая рука перегрузки вжала ее в спинку кресла. Как сквозь вату, до ее слуха доносились крики ее спутников. Вселенная, словно в сумасшедшем вальсе, закружилась вокруг нее...

Она пришла в себя, когда на шлюпке уже установился нормальный уровень псевдогравитации. Ньюхауз включил автопилот и вернулся в пассажирский салон. В иллюминаторах Терезина увидела какое-то «нездоровое» верчение. Вращалось все. Миллионы звезд и отблеск гигантского лайнера — все вертелось, и казалось, что шлюпка угодила в фантастический водоворот.

3

Пассажиры смотрели на Ньюхауза в тревожном ожидании.

В руках офицер недоуменно вертел какой-то небольшой предмет обтекаемой формы. Терезина сразу же узнала реле сопротивления, спаренное с таймером.

— Вот так,— мрачно пробурчал офицер.

— Что произошло? Объясните, пожалуйста!— закричал Арсанг.

— Ну, ну,— заговорил Фред,— пусть третий помощник объяснит все по порядку. Я, хотя и свободный, большой и сильный, как само человечество, но могу понять чистый и сильный зов механики.

— Без паники!— прогремел Ньюхауз. Затем добавил гораздо

мягче.— Будьте благоразумны. Дело серьезное. Мы в опасности.

— О-о-о!— истерично завопила Хедвиг и, выскочив из кресла, рванулась к офицеру. От неожиданности третий помощник потерял равновесие, и они очутились на полу.— Спасите!— верещала она.

Камала удивленно посмотрела на них и сказала:

— Мир вашим душам.

Фред хотел помочь, но проход между креслами оказался для него непреодолимой преградой. Лори Кесней бормотала что-то наподобие:

— Ну дает, старая корова,— при этом пытаясь схватить Хедвиг за руку и поставить на ноги.

Наконец все пришло в норму. Терезина, не принимавшая участия в общей возне, сидела скорчившись в своем кресле и думала: «Великий Гаусс, в хорошенькую же историю меня угораздило вляпаться». Арсанг дернул ее за рукав:

— Мне кажется, у вас хватило здравого смысла не вмешиваться в эту возню,— сказал он.— Я приношу вам свои поздравления. Вы ведете себя почти как нумянка. Нумой называется моя родная планета. Тау-Кита-Два на всеобщем языке нашего государства означает СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НОРЛАБЭНУ. Нет, я не скажу, что вы мыслите на равных, скажем, с бароном, или рыцарем, или даже к крестьянином, простите, мне приходится пользоваться словами из старой английской речи. Но вы стоите намного выше, чем, скажем, варвары из Ортип Хайлэнуз. Мисс Фабрици, вы очень быстро прогрессируете, и очень заметно.

К счастью, Ньюхауз его прервал. Пригладив волосы и приняв вновь уверенный вид, он заговорил:

— Вот этот предмет я нашел запятанным в контрольную цепь стартового механизма. По-моему, это саботаж. Вне всяких сомнений, тревога на корабле была спровоцирована и ее конечной целью была наша шлюпка. Точнее, тревога должна была заставить нас занять места в шлюпке за несколько минут до ее старта. Коммуникационная цепь корабля осталась выключенной. А это значит, что никто не заметил, как одна из шлюпок ушла в открытый космос. Никто не догадывается о нашем отлете. И поскольку мой пост именно здесь... наш отлет обнаружат не скоро.

— Я думаю,— сказала Камала Чатерети, стараясь говорить спокойно,— что мы должны постараться догнать корабль.

— Разумеется, мы можем попробовать,— мрачно ответил Ньюхауз,— но максимальная скорость нашей шлюпки пятьсот. В то время как лайнер мчится со скоростью порядка двух тысяч. Как только мы сошли с его трассы, мы тотчас безнадежно отстали от него. Более того, шансы на то, что нас найдут, стремятся к нулю. Представьте, что мы уклонились от курса всего на десять граду-

сов, при этом десять градусов очень скромно, скорее, отклонение гораздо значительнее. Так вот, представьте, что на корабле обнаружили наше исчезновение и повернули. Но они же не знают, когда мы улетели. Значит, они даже примерно не смогут определить наши координаты. Нет, на то, что нас найдут, рассчитывать не приходится.

Трамбл всхлипнула.

— Мне кажется, что если это шутка,— воскликнула она,— то какая-то детская. Я не сомневаюсь, что во всем виновата компания. Почему она не предлагает решившим отправиться в путешествие пройти тестирование? А теперь мы будем вынуждены лететь на какую-нибудь захудалую планету и попусту терять время в ожидании, пока...

Ньюхауз отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что это не случайность, а диверсия,— сказал он, разговаривая как бы сам с собой.— И конечная цель этой акции... убийство.

— Нет! Невозможно,— прошептала Терезина.— Никто не стал бы...

— По навигационным законам на каждом космическом корабле должен храниться навигационный ежегодник с полным комплектом карт,— продолжил Ньюхауз.— Но на нашей шлюпке он почему-то отсутствует.

— Что?— загремел голос Фреда.— Услышать голос этого служителя муз было событием. Но на этот раз оно прошло незамеченным.

Ньюхауз, не обращая внимания на Фреда, махнул рукой в сторону иллюминатора, видимого сквозь открытую дверь кабины пилота.

— Посмотрите на звезды,— сказал он.— Запасов на нашей шлюпке хватит примерно на полгода. За это время мы сможем преодолеть расстояние, равное двумстам пятидесяти световым годам. Но вы знаете, какое огромное количество звезд находится в этом сравнительно небольшом участке? Я думаю, что их никак не меньше десяти миллионов. Никто не в состоянии запомнить такое количество координат. Это невозможно. Невозможно запомнить даже координаты всех колонизированных планет. Я могу на глаз выделить таких супергигантов, как, например, Ригель, но эти системы находятся вне нашей досягаемости. Когда же оказываешься в окружении небольших миров, можно надеяться только на карты. Но наш атлас пропал.

На несколько секунд воцарилась тишина, даже Арсанг сидел молча.

— Но мы можем отправиться на поиски,— робко предложила Терезина.

— Перелетая от звезды к звезде? Совершенно верно. Больше нам ничего не остается,— согласился Ньюхауз.— Но не советую обольщаться. Разумеется, мы будем выбирать звезды типа С, находящиеся в пределах досягаемости. Но не советую обольщаться и надеяться найти колонизированную планету. Шансы на подобную удачу ничтожны.

— А найти просто обитаемую?— спросила Лори.— Меня и такая бы удовлетворила.

Ньюхауз пожал плечами.

— Если вы верующая, то молитесь,— после небольшой паузы ответил он,— только боги могут нам помочь.

4

В одном месте скопление звезд казалось наиболее густым. Ньюхауз воспользовался спектроскопом и через некоторое время развернул шлюпку и повел ее к этому скоплению.

— Я наугад выбрал звезду со спектром, близким к солнечному,— сообщил он.— Это все, что я пока знаю об этой системе. Но насколько я знаю, в этом районе работали только земляне. А изыскатели с Земли в первую очередь обследуют звезды именно с этим спектром. Если нам повезет и мы их повстречаем, нам крупно повезет. К сожалению, я не могу сказать, сколько дней отнимет у нас дорога... Траектория нашего полета зависит от множества обстоятельств. В том числе и от скорости перемещения звезды, но определить ее я не в силах. Хотя, хочу надеяться, что дней через десять мы будем у цели. А тем временем вы сможете отдохнуть, предоставив автопилоту управление кораблем.

— Не может ли на этой звезде оказаться колония?— спросила Камала.

— Конечно же, нет!— закричал наконец-то пришедший в себя Арсанг.— Никто и никогда даже не слышал о колонизированной звезде. Проклятые низшие расы! Ньюхауз, может ли у нее оказаться колонизированная планета?

— Но я же вам говорил, что не знаю.— Офицер раздраженно пожал плечами.— Сама по себе такая возможность ничтожна. Если даже планета и посещалась, это совсем не значит, что на ней основали колонию. Возможно, что лишь запись в атласе, которого у нас, к сожалению, нет. Если же на планете живут аборигены, то подобная планета посещается не чаще раза в столетие.— Он кисло улыбнулся.— В кабине тесновато, но если вы хотите, то я могу вам показать пункт нашего конечного назначения. Правда, заходить вам придется по одному. А вам, мистер Фред, я приношу свои извинения, но вы просто не сможете войти в кабину.

— Да к чему это? — рассмеялся гигант. — Я, Фред, стою выше мелочной жизни. Я предпочитаю стоять на ее острие. Я и так вижу рои звезд перед нами. Я — Фред — ПОЭТ.

Лори решила первой воспользоваться предложением. Дверца закрылась за ней и Ньюхаузом. Затем послышалось гневное восклицание, звонкий хлопок и... в следующую секунду девушка выскочила из кабины управления, по пути выкрикивая слова, слыша которые Терезина порадовалась ограниченности своего словарного запаса.

— Следующий, — сказал третий помощник из-за двери, потирая щеку и улыбаясь.

Но улыбка космонавта угасла, когда со своего места поднялась мисс Трамбл. На этот раз Ньюхауз решил оставить дверь открытой, но дама сама аккуратно затворила ее. Затем послышалось еще более недовольное восклицание, и в салон вошел слегка потрепанный Ньюхауз.

Арсанг поднял трехпалую руку, призывая к тишине. Никто не обратил внимания на его жест, и он прокричал:

— Тише! Успокойтесь! Слушайте! Нам надо посоветоваться! — когда присутствующие наконец обратили на него внимание, он продолжил: — Мы еще не решили, кто же несет ответственность за случившееся. Лорд Высшего Гонгбита Высшего Двора Его Величества Внушающего Благоговение Светлости отправлен неизвестно куда против своей воли. Мне, скорее всего, следует говорить о похищении с самыми кровавыми намерениями. При подобных обстоятельствах нельзя терять время на созерцание каких-то бесполезных звезд!

— По-моему, ваше присутствие на борту этой шлюпки не было предусмотрено. Вы сюда попали из-за собственного разгильдяйства, — заметил Ньюхауз.

— Не имеет никакого значения, как я сюда попал! — заорал еще громче Арсанг, становясь шафрановым.

Терезина, преодолевая смущение, сказала:

— Да и мне тоже все случившееся кажется странным. Слово кто-то хотел избавиться от одного из нас.

Ньюхауз кивнул.

— Невероятно, чтобы кто-нибудь хотел избавиться от вас, мисс Фабрици, — ответил он.

— Подождите, — перебила Камала. Ее голос и темное аристократическое лицо казались удивительно красивыми. — Вопрос задан по существу. Трудно предположить, из-за чего кому-то пришла идея запустить нашу шлюпку неизвестно куда. Если не согласиться с тем, что это покушение на одного из нас. Но подобное предположение сразу же исключает мистера Арсанга и мистера Ньюхауза из числа предполагаемых жертв: они оказались на борту шлюпки случайно.

— Я?— Лора Кесней недоуменно пожала плечами.— Не думаю, что кто-нибудь может так рассердиться на маленькую стюардессу космического корабля... О, я припоминаю Рауля из Марселя... это было так необычно... но он не стал бы так изощряться... А вы, мисс Фабрици, ничего подходящего не припоминаете?

Терезина отрицательно покачала головой:

— Даже меньше, чем вы.— Она с тоской подумала о том, как это другим девушкам удастся попадать в шекотливые ситуации. Однажды, когда ей было пятнадцать лет, она была застигнута пургой в заброшенной хижине, с ней был мальчик. Но он почему-то так ее боялся, что они не обменялись и десятком слов. Потом... но этот вопрос до сих пор остается открытым.

— А мадемуазель Трамбл?— продолжала Лора.

— Ну,— прохрипела Трамбл краснея,— я бы не стала утверждать, что нет мужчин, которые хотели бы...

— Но не таким же способом и не угрожая жизням пяти невинных людей. Гораздо проще было бы удушить вас в шлюзовой камере,— прекратила ее болтовню Лори.

Все оглянулись на Фреда. Он опустил глаза.

— О, подошла моя очередь!

— Я не могу вспомнить ваше имя,— сказала Хедвиг.

— Фред.

— Как?

— Фред. На языке моего народа — прекрасное имя. А почему бы и нет?— Затем, немного успокоившись, он продолжал:— Я — гражданин Гомбар Роуд. Мой мир называется Кафлах, это вторая планета звезды Грумбреут-1830.

— Ваша поездка вызвана какой-то важной причиной?— спросил Ньюхауз.

— Несомненно!— Фред гордо расправил гребень, а шетинистый хвост закрутился в кольцо.— Я знакомился с поэзией Земли.

— О.

— Вам этого не понять. На последних выборах «Поэтическая партия» победила. Прозаики получили только двенадцать мест в Ассамблее.

— В таком случае...— Ньюхауз посмотрел довольным взглядом на Камалу.— Остаются вы, мисс Чаретети.

Индианка нахмурилась скорее задумчиво, чем беспокойно.

— В данном предположении я не вижу никакой логики,— ответила она.

— Говоря о предположении...— Ньюхауз не стал договаривать.

— Моя семья довольно богата,— ответила Камала.— Но какой смысл похищать меня без надежды на возвращение? Я состою на миссионерской службе партии Внутреннего реформизма, но вряд ли моя работа могла вызвать ненависть оппозиции, ибо главная запо-

ведь нашего учения — признание всех прочих форм деятельности.

— Но, может быть, какая-то причина...— начала было Лори.

— Конечно,— ответила Камала, не обратив внимания на замечание,— все учения различны. Их объединяют лишь ценности, признанные во всей Вселенной,— милосердие и мир. Наше учение основано на концепции нирваны и, если во многом оно близко к Дзен-Буддизму, то по части достижения идеального совершенства. С ним ни в коем случае не согласуются такие учения, как христианство или мусульманство...

— Понятно, понятно,— перебил девушку Ньюхауз.

— ...этикой и подобными вещами. Вы явно ничего не понимаете, а поскольку, как вы сказали, пройдут дни, прежде чем мы достигнем обитаемых мест, я предлагаю несколько расширить ваш кругозор...

5

Когда звезда из сверкающей точки превратилась в огненный шар, Ньюхауз снизил скорость и заперся в рубке, никого к себе не пуская, хотя Хедвиг неоднократно пыталась проникнуть к нему.

Терезина сидела у себя в кресле, стараясь прочесть свою судьбу на стене. Прошедшие десять суток показались ей нестерпимо долгими из-за своей кошмарной монотонности. Если бы не Лоран, развернувшая бурную деятельность и заставившая остальных участвовать в ее начинаниях, то бог знает, что бы могло произойти. Но теперь все молча сидели в креслах и ждали, надеясь, что ни у кого из них нервы не сдадут.

Тишина была как благословение свыше. Раньше у Терезины не было возможности оценить, насколько же бывает прекрасно, когда все молчат. Даже Арсанг со своими монологами был лучше, чем бесконечная болтовня о женских делах, бас Фреда и баритон третьего помощника. Тишина была настолько хороша, что девушка чуть прослезилась.

Удивительно, думала она, что разговоры могут так надоесть, без тишины человечество, скорее всего, давно бы исчезло...

Затем она стала вспоминать годы своего детства, колледж, учебу, те счастливые студенческие времена, когда они могли ночь напролет просидеть, попивая пиво, и проболтать о загадках вселенной, о том незабываемом дне, когда пришло приглашение и ее направили на целый год в Ксенофонский университет на стажировку... Это было вдвойне приятно, ведь она не только получала бесплатную возможность познакомиться с новым миром, но ей в придачу за это удовольствие собирались платить деньги... А теперь? Терезина рассматривала астрономическую статистику с точки зрения теории ве-

роятности. К сожалению, результат не прибавлял оптимизма. Звезда, сверкавшая перед ними, обладала планетами. Был шанс, что одна из них подвергается такому же излучению, как и Земля. Существовала вероятность, что гравитация и природные условия на ней также сходны с земными. Они даже могли отличаться от земных процентов на двадцать. При этом еще оставалась возможность, что на планете есть протоплазма и в атмосфере присутствует кислород. Во всех остальных отношениях вероятность, что им повезет, не превышала пяти процентов. Математические законы, увы, не подчиняются желаниям, и результаты ничего не значат по отдельности. А если их рассматривать в сумме, то выходило, что у них не более двух процентов за то, что планета окажется пригодной для жизни.

Что ж, в случае неудачи им придется продолжить это изнурительное путешествие, и так до тех пор, пока не истощатся припасы... Хотя до этого все сойдут с ума...

«Нет, так думать я не должна»,— Терезина сжала зубы и попыталась вспомнить, чему равен корень от двух миллионов четыреста пятидесяти двух тысяч пятьсот двадцати трех...

Лори, сидящая на соседнем кресле, щелкнула пальцами и улыбнулась.

— Хорошо,— прошептала она по-французски.

Час проходил за часом, Терезина, успокоившись, начала засыпать, когда из репродуктора послышался голос Ньюхауза.

— Внимание. Мы приближаемся к планете... Всем оставаться на местах! Ко мне не входить и не мешать. Это опасно. Я управляю шлюпкой, ориентируясь по приборам. Не хочу, чтобы вы строили на этот счет иллюзии, но мне удалось найти планету с природными условиями, близкими к земным...

— Я хочу видеть!— закричала Хедвиг, вылезая из кресла.

— Назад, я приказываю!— закричал Ньюхауз.— Показания некоторых приборов сильно отличаются от положенных. Мне не хотелось бы вас пугать... В общем, поймите, я не пилот, навигационный опыт у меня небольшой, но я все-таки попробую посадить нашу шлюпку.

— Эта планета колонизирована?— шепотом спросил Арсанг.— Я не спрашиваю, насколько на ней развита техника, но скажите, вам удалось найти на ней хоть какие-нибудь следы разумной жизни?

— Никаких,— грустно ответил Ньюхауз.— Если бы на планете жили люди, то нейтринодетектор зарегистрировал бы излучение атомных электростанций. На экране также ничего не видно. Никаких следов разумной жизни, одни леса и океан. Я облечу планету по экватору. Но боюсь, что у нас здесь нет никаких шансов обнаружить цивилизацию...

— Только бы приземлиться!— прошептала Терезина.— И выбраться из этой проклятой шлюпки.

— Шлюпка от нас никуда не денется,— напомнила Лори.— Если мы здесь ничего не найдем, то сможем основать базу, а затем организовать экспедицию к другим звездам и со временем найти...

— При условии, что шлюпка не развалится при посадке!— голос Ньюхауза дрожал от напряжения.— Мне не хотелось бы вас пугать. Но, чем сильнее на нас действует гравитационное поле планеты... тем беспокойнее ведут себя приборы контроля... Возможно, наш противник был коварнее, чем мы ожидали.

— О-о-о!— заплакала Хедвиг.

— Ну, не надо,— стала ее успокаивать Камала.— Как сможет наш пилот сосредоточиться и благополучно посадить нашу шлюпку, если мы не будем доверять ему?

— Нет, я ему полностью доверяю,— пробормотала Хедвиг.— Но я никогда не доверяла машинам.

Камала нахмурилась.

— Вы правы,— ответила она.— Способ придания машинам душевного спокойствия до сих пор не обнаружен...

В этот миг снаружи послышался тонкий, пронзительный свист. Затем свист перешел в рев, и Терезина почувствовала, как воздух в кабине нагревается. Спустя еще несколько секунд корпус шлюпки начал вибрировать.

— Знаю, что приземляемся мы паршиво,— сердито заговорил Ньюхауз.— Но главный двигатель вот-вот развалится на куски! Я не в силах справиться с фазировкой!

Затем лодку так тряхнуло, что послышался дружный лязг зубов. Грохот... Запах паленого... и долгожданная тишина.

6

Широкая зеленая долина, где в траве кивали головками цветы, а деревья шептались друг с другом под легким ветерком, тянулась вдоль реки, скрываясь у поросших лесом холмов.

Солнце в голубом небе походило на огромный золотой диск; плывшие куда-то вдаль белые облака придавали небу еще большее очарование. Птицы, словно ярко раскрашенные стрелы, пронеслись над головами. Там и сям можно было заметить ярко-красных животных с голсами, гордо увенчанными рогами.

Терезина глубоко вздохнула:

— Как красиво. Почти как в Висконте.

— Но очень давно,— добавил Фред.— До того, как великое разложение в Европе не перекочевало на запад в Америку, о которой я пою. Я, Фред с Тумбриджа тысяча восемьсот тридцатого, о, пионеры!

— Возможно, что я неправа,— сказала Терезина.— Мне сле-

довало бы быть несчастной и переживать за мать и отца, оставшихся на Земле.— Она покачала головой, и ее волосы заструились в потоках ветра.— Но я счастлива!— Немного подумав, она добавила:— Мне кажется, все дело в чистом воздухе и в возможности ходить по земле.

Они поднялись на холм и увидели под собой блик обшивки спасательной шлюпки. Налюбовавшись окружающим ландшафтом, они стали спускаться и на полпути встретились с Ньюхаузом, торпливо поднимавшимся им навстречу. Волосы на его голове были всклокочены, рубашка была мокрой от пота.

— Что с вами случилось?— спросил космонавт, переводя дыхание.— Я собирался отправить людей на ваши поиски. Я думал, что вы собрались лишь немного побродить в окрестностях.

— Но мы так и сделали,— ответила Терезина, ничего не понимая,— и обнаружили, что очутились в поистине райском уголке. Здешняя природа до неправдоподобия богата и красива. Если лесные плоды съедобны, то мы сможем собрать богатый урожай...

— Они съедобны. Я уже проделал все необходимые анализы,— ответил Ньюхауз.— Естественно, перед употреблением придется в отдельности проверять каждый вид; и несомненно, что для правильного питания нам потребуется меню более разнообразное, чем на Земле. Одно несомненно, в биохимическом отношении эта планета — сестра Земли.

Фред с благоговением посмотрел вниз (Боги Гембар Роуд живут в земле).

— Чудо,— после недолгих размышлений сказал он.

Ньюхауз взял Терезину под руку.

— Но вы так долго отсутствовали!

— О?— девушка покраснела.— У меня нет часов.... Нет. Невозможно. Солнце практически не сместилось.

— Сместилось на 3 градуса 14 секунд,— уточнил Фред.

Ньюхауз насторожился.

— Что? Вы можете с такой точностью наблюдать движения светила?

— Разумеется,— удивился вопросу гигант.— А разве земляне этого не могут?

— Вы отсутствовали целых четыре часа,— ответил Ньюхауз, вновь оборачиваясь к девушке.

— Боже! Я, наверное...— тут Терезина наконец заметила, что третий помощник держит ее за руку, и не мешкая освободилась.— Не понимаю, какая, собственно, разница,— сердито сказала она.

— Огромная, моя дорогая,— мужчина улыбнулся и зашагал рядом с ней.— Отныне нам придется держаться вместе...

— Но Фред смог бы меня защитить от любой опасности.

— Согласен.— Ньюхауз с уважением посмотрел на кентав-

роподобную фигуру гиганта.— Мы можем только радоваться, что мистер Фред оказался в одной с нами шлюпке. Его сила нам очень пригодится.

— Что... подождите!— девушка замерла как вкопанная. Казалось, кровь в ее жилах застыла.— Вы хотите сказать, что шлюпка...

— В данных условиях она ремонту не подлежит,— вздохнул Ньюхауз.— Центральный стержень главного двигателя сместился, и просто удивительно, что нам удалось благополучно сесть до того, как произошел взрыв. Даже если бы среди нас находился первоклассный бортинженер, у нас все равно бы ничего не получилось из-за отсутствия необходимых запасных частей.

— Но... мне кажется... второй...

— Да, с ним все в порядке. Но он бесполезен. Вы должны знать, что в сильном гравитационном поле нельзя перемещаться со скоростью выше скорости света, а второй двигатель рассчитан только на работу при сверхсветовых скоростях. Без главного двигателя невозможно выйти в открытый космос или совершить орбитальный полет. В довершение бед сломалось радио...

— Но... почему?

— Вредитель постарался. Тот, кто хотел избавиться от одного из нас. Лишение возможности слушать эфир послужило ему дополнительной гарантией. Если бы мы благополучно опустились на планету, пригодную для жизни, что, впрочем, мы и сделали, то у нас оставалась надежда повстречать поисковую группу. Хотя шансов на это у нас не было практически никаких. Никто не знает, в каком направлении мы полетели. Звезд много, и наш шанс на то, чтобы благополучно выбраться из этой передраги, настолько ничтожен, что никто не станет терять время на наши поиски. Сохранись у нас радио, мы могли бы постоянно держать его включенным и, поймав какой-нибудь сигнал, попытаться подать весть о себе. Теперь же у нас нет даже этой, пусть и маловероятной, возможности. Предположим, что на эту планету все же опустится какое-нибудь судно... Теперь прикиньте, какую площадь надо будет прочесать, чтобы обнаружить наш лагерь. Это попросту неосуществимо.

Терезина зажмурилась. Вновь открыв глаза, она обнаружила, что контуры предметов стали слегка расплывчаты.

Фред, с виду более флегматичный, чем большинство людей, во всех областях, кроме поэзии, пробасил:

— Мистер Ньюхауз, не заметили ли вы следов местных аборигенов?

— Когда я совершал облет, то не заметил никаких признаков разумной деятельности,— пожал плечами третий помощник.— Если здесь существует цивилизация, то она находится на уровне нижнего палеолита и не сможет ничем нам помочь.

— На что мы можем рассчитывать?

— На самые благоприятные условия. Мы опустились в широтах с климатом, наиболее для нас благоприятным. Сейчас, по моим расчетам, здесь середина весны, так что у нас впереди лето. Но поскольку осевой наклон планеты всего десять градусов, то мы не заметим прихода зимы. Может быть, станет чуть-чуть попрохладнее и пойдут дожди. Как вы уже заметили, собственное вращение этой планеты весьма незначительно. Один оборот за три недели земного времени. Но по ночам будет довольно тепло, даже если у планеты нет своих спутников. Это район звездного скопления. Так что по ночам вы сможете любоваться великолепными звездами. Ко всему этому следует добавить, что наша планета ближе к своему светилу, чем старушка Земля, так что в течение круглого года мы сможем любоваться прекраснейшими зорями. Как я уже говорил, у нас не будет затруднений с пищей. Начнем заниматься сельским хозяйством, но не стоит бояться: в этих условиях труд землепашца не будет слишком тяжелым.

— А где мы возьмем инструменты?

— В шлюпке, там полный комплект снаряжения колонистов, включающий несколько ружей. Есть даже семена земных растений. Это обычный комплект для спасательных шлюпок. Хотя, насколько я понимаю, мы будем первыми из тех, кому придется им воспользоваться.

За разговорами они довольно быстро добрались до шлюпки. Ньюхауз приветливо помахал рукой остальным. Лори, разозленная полной беспомощностью Хедвиг и Арсанга, нарубила дров. Камала развела небольшой костер, и из котелка, висевшего над ним, шел приятный запах вкусного варева. Почувствовав запах пищи, Терезина поняла, насколько она проголодалась.

— Мы сколько угодно можем жить в лодке,— сказал Ньюхауз.— Но нам, разумеется, потребуется более комфортабельное жилище. Завтра, я имею в виду завтра по земному времени, мы сможем установить подъемник и электропилу. После чего мы сможем построить удобный бревенчатый дом, в котором у каждого будет отдельная комната. На это нам потребуется около недели. А со следующим восходом здешнего солнца мы начнем обрабатывать землю, и не пройдет трех месяцев, как мы заживем лучше королей!

— Каких именно?— подозрительно уточнил Фред.— Я знаком с обычаями некоторых племен на Кефлахе, там при любых невзгодах короля приносят в жертву богам.

— О,— рассмеялся Ньюхауз.— Это было сравнение с королями, жившими когда-то на Земле.

— Не говоря уже о тех, что заразились идеями «мировой революции» и свергли свои монархии...

— ...сравнение, используемое в земных оборотах речи.

— И потом, есть король Вернус Вей. Он постоянно в долгах. Двух шагов не может пройти, чтобы не встретиться с кредитором, который начинает дергать его за хвост и требовать выплаты долга.

— Забудем об этом!

— И бедняга король Хоррон из Юнгер Трейс. Он собрался воевать и захватить новые земли, но из-за природной трусости побоялся и выписал с Земли дорогого психиатра. А тот настолько заинтересовался симптомом помадической цивилизации, что...

— Это неважно! Неважно!

— Удивительно ли, что я, Фред, воспеваю демократию, содержащуюся во всем и все содержащую, когда существуют такие индивидуумы?

Терезина захохотала...

7

Отдохнув, робинзоны поневоле стали смотреть на свое будущее более оптимистично. До вечера ярко светило солнце, легкий ветерок по-прежнему гнал по небу белые облака. Но люди успокоились, между ними не было никаких конфликтов. Завтрак около шлюпки прошел в дружеской, мирной обстановке.

Поев, Ньюхауз поднялся на трап и осмотрел маленький отряд. Третий помощник выглядел весьма живописно: слегка взлохмаченные ветром волосы, расстегнутый воротник форменной рубашки, брюки, плотно облегающие бедра, и начищенные до зеркального блеска сапоги. Терезина подумала, что космонавт не менее полукруга вертелся перед зеркалом, готовясь произвести благоприятный эффект. Во всяком случае, планы и обстановка давали ему возможность казаться перед «своим» маленьким отрядом в костюме, более всего подходящем для верховой езды.

— Леди и джентльмены,— начал он, стараясь придать своему голосу высокопарность и уверенность.— Вы знаете, что, возможно, нам придется провести на этой планете всю жизнь. Думаю, мне не надо вам объяснять, как нам повезло, что мы попали в этот райский сад. Теперь мы должны доказать, что являемся достойными представителями человечества.

— А также Великой Расы Таукитян,— вмешался Арсанг.

— Разумеется,— согласился Ньюхауз, явно раздраженный тем, что его прерывают.— Я не забыл о вашем народе. Но, пожалуйста, позвольте мне закончить. Мы можем превратить эту планету во что захотим. Сейчас у нас нет ни твердой власти, ни прав, ни чего бы то ни было. Нам предстоит проделать огромную работу. К счастью, у нас есть инструменты, а неисправный двигатель еще можно использовать в качестве электростанции. Мы бросаем этой планете вызов!— перешел на крик третий помощник.

— Зачем вы кричите?— сказала Камала.— Мы не глухие.

Ньюхауз смутился и продолжил свое выступление более спокойным голосом:

— Мы должны создать если не конституцию, то хотя бы небольшой свод правил. То, с чего мы начнем, должно предопределить наше будущее. Заложить первый кирпич наших законов и обычаев, по которым наши потомки будут судить о нас. Проклиная своих предков или благодаря за мудрость...

— Подождите!— вскочила Лори.— Я что-то не понимаю. Какие еще потомки?

Ньюхауз, по-прежнему стоявший на ступеньках трапа, скрестил руки на груди и улыбнулся:

— Наши. С одной стороны, наших многоуважаемых дам, а с другой... мои.

Хедвиг демонстративно застонала.

Терезина в гневе поднялась на ноги.

— Ньюхауз, объясните поточнее!— закричала она, но тут же осклаб, сраженная собственной горячностью.

— Вы знаете закон,— сказал офицер, словно ничего не случилось.

— Что за закон?— вступила в спор Камала.

— Закон номер двести девяносто восемь тысяч триста семьдесят шесть. Свод объединенных государств,— ответил третий помощник.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Я никогда не слышала о подобном законе, хотя мой отец — член парламента с...

— Чаще известный как «Акт о вынужденной колонизации»...

— Никогда о нем не слышала...

Терезина и Лори переглянулись.

Стюардесса скорчила гримасу. Разве нормальный человек способен знать законы?

— Как я начинаю догадываться, лица гражданских специальностей не слишком знакомы с законодательными актами,— задумчиво, как бы обращаясь к самому себе, сказал Ньюхауз.— Космонавты по долгу службы гораздо лучше знакомы с этим актом. Хотя и им, к счастью, приходится прибегать к нему крайне редко. Так вот, попросту говоря, этот закон требует от всех граждан Земли, не по своей воле оказавшихся на чужой планете и не имеющих шансов вернуться домой... заводить детей, дабы создавать население и не допускать вырождения.

Терезина отодвинулась поближе к Фреду. Ньюхауз одобрительно улыбнулся девушке.

— Но это жестоко!— неожиданно запротестовала мисс Трамбл.— Это нечестно!

— Таковы условия космоса. Он не всегда позволяет нам вести себя так, как дома,— сухо ответил третий помощник.— Закон продиктован жизнью и исходит из того, что группы потерпевших кораблекрушение, как правило, малочисленны и неохотно всеми силами избегать рождения детей от близких родственников. Иначе очень быстро может начаться вырождение. Чтобы этого избежать, приходится стремиться как можно к более широкому генетическому разнообразию. Во-вторых, требуя постоянного размножения, закон способствует колонизации галактики. К примеру, к тому времени, когда нашу колонию наконец обнаружат, тут может быть вполне развитая цивилизация. В-третьих, этот закон защищает ваше же будущее... Ну, кто же захочет оказаться последним жителем планеты? Встретить старость в одиночестве, не имея рядом никого из тех, кто бы мог о вас позаботиться?

— Но... прежние браки...— возразила Камала.

— Они автоматически аннулируются,— ответил третий помощник,— но дети, в них рожденные, остаются законными.

— В ваших объяснениях я не вижу никакой логики,— пожаловался Арсанг.

— Как бы там ни было, среди нас женатых нет,— усмехнулся Ньюхауз.— Пока нет.

— По крайней мере, со мной вы спать не будете!— взорвалась Лори.— Козел!— добавила она для пущей убедительности.

В голосе офицера зазвенел металл.

— За невыполнение указа полагается суровое наказание...

— Наказание может последовать лишь в том случае, если нас спасут...— вставила Терезина.

— Но если спасут, наказание не замедлит последовать. К тому же надо посмотреть жизни в лицо... Я оказался единственным мужчиной на бог знает какое количество парсеков.— Ньюхауз внимательно рассматривал свои ногти, чему-то улыбаясь.

— Но это чудовишно!— Хедвиг приблизилась к трапу, сжав кулачки.— Это нечестно, к тому же **АМОРАЛЬНО!**— последнее слово она подчеркнула.— Когда вы собираетесь начать?

Ньюхауз подвинулся к люку.

— О...

Хедвиг пригладила зеленые, с пробивающейся у корней сединой волосы.

— Я во всеуслышание заявляю, что я сдаюсь только под нажимом,— заявила она.— В дальнейшем, если нас найдут, вы должны защитить мое честное имя...

— Хорошо, хорошо,— забеспокоился Ньюхауз, соскакивая с лестницы и отступая назад.— Не надо спешить. Я никого не хотел смущать или принуждать... Я понимаю, что вам понадобится некоторое время на то, чтобы посмотреть беспристрастным взглядом

на сложившуюся ситуацию. Позже мы вернемся к этому разговору и поговорим в отдельности с каждой из вас... позже.

— Не считайте, что я испугалась,— Хедвиг наступала.— Я пойду на это ради цивилизации... Как бы мне это ни было отвратительно.

— Фред,— взмолился перепуганный Ньюхауз.— Пора приступить к работе, пошли за инструментом.

8

Казалось, окрестности не таят ничего опасного. Терезина прихватила легкую винтовку просто на всякий случай. Более важной в своем снаряжении она считала корзину, в которую она собиралась сложить образцы плодов для тщательного отбора и анализов. Она уже несколько часов бродила одна, что доставляло ей радость.

Возвращаясь через небольшую рощицу, сквозь царство тени, в котором шуршали сухие листья, девушка почувствовала себя настолько усталой, что забыла про всякую осторожность. Образцов собралось предостаточно, и не было смысла продолжать поиски. И тут она вновь задумалась о своем будущем.

С каждым днем положение начинало ей казаться все более безвыходным. Планета может быть идеальная — но клетка, даже золотая, все равно остается клеткой. Она не очень любила компании. Нет, она ни в коей мере не была синим чулком, но все же предпочитала проводить вечера в кресле с книжкой в руках. Она считала, что больше всего интересуется анализом теории равенств. Лишь оказавшись на этой планете, она поняла, как любит людей, как много для нее значит каждый житель Земли — от незнакомца, случайно встреченного во время прогулки, до близкого друга. Она думала о себе как о математике, но вдали от библиотек и специальных ежемесячных журналов она не была... Она вздрогнула, осознав это.

Туризм и все такое прочее — прекрасное хобби, но не более.

Позади послышалось тяжелое дыхание, девушка резко обернулась, вскидывая винтовку.

— Сдаюсь, сдаюсь! — усмехнулся Ньюхауз, выходя из-за кустов.

Терезина повесила винтовку на плечо.

— Как вы сюда попали? — выдохнула она. Ее сердце было готово выпрыгнуть из груди.

— Простите, но я не вижу причин для беспокойства, — он пошел рядом. — День или, в общем, не знаю, как назвать эту часть суток, прошел в тяжелом труде. Вот я и решил прогуляться и... случайно увидел вас...

Терезина покраснела.

— Вокруг целый мир. Шансы кого-нибудь СЛУЧАЙНО встретить крайне малы.

— А я... верю в счастливые случайности,— парировал Ньюхауз, похлопав рукой по небольшому прибору на поясе.— У вас есть энергокомпас, реагирующий на излучение реактора шлюпки. Я настроил свой компас на ваш. Да... Кстати, о настройке...

— Но... Зачем?

— Вы сами...— Ньюхауз попытался галантно обнять ее за талию.

Терезина увернулась.

— Отвяжитесь!

Третий помощник демонстративно рассмеялся, ничуть не стыдясь.

— Ладно, ладно, не будем играть в «Красную шапочку». Пока не будем... Хотя, если бы я хотел быть серым волком... Вы не смогли бы мне помешать... Не так ли?

— Что вы имеете в виду?

— Как я уже говорил, волею обстоятельств я оказался единственным мужчиной на планете. А вы скромная, законопослушная девушка и не захотите иметь неприятности в случае, если нас найдут...

— О...— взгляд Терезины померк.— Закон...

Ньюхауз подошел ближе.

— Не огорчайтесь. Или я так страшен?

Терезина заставила себя промолчать. Наконец, все-таки не выдержав, она заговорила, не поднимая глаз:

— Нет.

— Ага,— обрадовался Ньюхауз и обнял ее за талию.

Терезина продолжала старательно выговаривать слова:

— Дело не в вас. Не в вас лично. Дело в идее...

— Но постойте,— взмолился Ньюхауз, поглаживая ее по волосам.— Не пытайтесь себя обмануть. Я знал, и, признаю, довольно близко, многих женщин вашего типа... Только не надо смущаться — могу с полной уверенностью сказать, что вы весьма чувственны. Сдержанны, почти синий чулок — это верно, но под этой маской скрывается страстная ЖЕНЩИНА.

Терезина смотрела на сухие листья под ногами, не смея поднять глаз.

— Я всегда мечтала выйти замуж,— призналась она.— Но не представляла, как это трудно — рассказывать о себе почти незнакомому человеку. Разумеется, я имела в виду законный брак...

— И это вас беспокоит? Но, кажется, я достаточно хорошо разобрал основные положения закона...

— Да... Среди жестоких и глупых законов, когда-либо существовавших... Меня не интересует, о чем говорят эти идиотские па-

параграфы. Я говорю о ЗАКОННОМ БРАКЕ. Между мной и одним женщиной... Одним на всю жизнь; о том, что было бы нашим, и только нашим, и не принадлежало бы никому другому... Не считаю, что я такая уж собственница. Во всяком случае, надеюсь, что нет. Но... я голосую за моногамию...

— Тем не менее ситуация изменилась...— Ньюхауз опустил руку ниже.— Бернارد Шоу писал столетия назад... Догадаетесь, что?— продолжил он тоном университетского профессора.— «Женщина предпочитает довольствоваться частью блистательного мужчины, нежели иметь в полном своем распоряжении всего, но заурядного».

— Поясните.

— Объясняю. Так как я — единственный мужчина на планете, у меня есть полные основания считать себя незаурядным. Поверь, моя лапочка, я с удовольствием затерялся бы в этих дебрях с тобою вдвоем. Но ничто нам не мешает сделать это прямо сейчас...

Терезина наконец заметила, к чему подбирается рука третьего помощника, и попыталась освободиться, но Ньюхауз лишь рассмеялся и еще крепче прижал ее к себе. Попытка освободиться не увенчалась успехом. Космонавт развернул ее лицом к себе и собрался поцеловать.

Девушка что есть силы стукнула его лбом по носу...

Его объятия разжались, и, хрипя от боли, он отпрянул назад. Терезина вынула винтовку.

— Мне совсем не хочется стрелять по вам,— выдохнула она.— Пожалуйста, больше не пытайтесь приставать ко мне.— И девушка торопливо добавила:— Прошу вас, не заставляйте меня стрелять.

Ньюхауз, морщась, потирал разбитый нос.

— Уберите эту штуковину,— прошептал он, морщась от боли.— Вы что, захотели превратиться в убийцу?

Сердце бешено билось у нее в груди, но чувство превосходства подняло ее настроение.

— А вы сами что собирались совершить?— поинтересовалась она.

— То, что предписывает закон,— ответил Ньюхауз. Но ответ прозвучал весьма уныло.

— Идите вы... к черту со своим мычанием,— сказала Терезина, дивясь собственным словам.— И закон ваш пусть катится... Неужели вы считаете, что я боюсь одиночества.— сейчас ли, в старости ли? Неужели надеялись, что отправлюсь в ваш гарем? Приведите хоть одну причину, из-за которой я должна становиться воспроизводительницей ваших потомков.

— Жизнь нашей колонии,— твердо ответил Ньюхауз.

Терезина припомнила грубое славянское слово, вычитанное ею в какой-то книге на Земле, и сказала его в качестве эксперимента.

Ньюхауз оказался так шокирован, что она отважилась повторить его еще раз.

— Какая бы компания старух, напаявших брюки, не сочинила бы этот закон,— добавила она,— эта компания должна была пасть так низко, что забыла о том, что воспроизведение — отнюдь не венец человеческой мысли. Есть ценности и поважнее. Око за око... Ну, все, хватит!

И она тщательно прицелилась. Ньюхауз отшатнулся и упал, споткнувшись о корень.

— Что вы собираетесь делать?— поинтересовался он охрипшим голосом.

— Немного успокоиться, а затем вернуться в лагерь,— ответила Терезина.— Про это происшествие нам лучше поскорее забыть.

Ньюхауз сидел в нерешительности на земле.

— Простите,— вымолвил он.— Я вас не понимал...

— Советую быть менее самоуверенным в понимании других.

— Но закон есть закон. Любая община должна уважать законы. Где кончается закон — начинается хаос. Да и кто захочет рисковать и подвергнуться наказанию в случае спасения. Ведь все остальные члены нашей колонии будут подвергнуты наказанию за соучастие... если начнут потакать вашему упрямству.

Ответ пришел настолько неожиданно, что Терезина в который раз подивилась своей находчивости.

— Это мы обсудим позже. Закон требует размножаться. Великопно. Но он не указывает, в каком порядке оно должно проходить. Сомневаюсь, что было бы удобно и умно делать всех женщин беременными одновременно. Поэтому предлагаю вам... начать с другого объекта. Когда родится первый ребенок, тогда будем думать о следующей кандидатуре.

— С другого?— изумленно выдохнул он.

— На вашем месте я бы начала с Хедвиг Трамбл,— фыркнула Терезина.— На мой взгляд, она готова предоставить свое тело для нужд колонии.

Сообразив, что пришло время для достойного отступления, она развернулась и ушла, оставив кавалера в растерянности.

В следующий раз население колонии приступило к работе на закате. В течение нескольких часов на небе пылал золотой закат. Но, как ни странно, Терезина, постоянно жалевшая, находясь на Земле, о том, что любоваться закатом можно в течение лишь нескольких коротких минут, заключила, что местные закаты нудны

и чрезмерно монотонны. Возможно, именно из-за этого первые звезды показались ей особенно желанными.

Компания в полном составе расположилась возле новостройки и развлекалась разговорами. По большей части это были воспоминания. Земля, друзья и родственники, надежды на возвращение домой. От подобных разговоров Хедвиг чуть не разревелась. Заметив состояние подруги, Лори в весьма резкой форме предложила прекратить тратить время на пустую болтовню и обсудить насущные проблемы. Работать они могут и ночью при свете прожекторов, а вот охоту и прочие мероприятия, связанные с походами в лес, приходилось отложить до следующего восхода. Но было бы интересно выяснить, что же творится в лесу ночью. Фред с Ньюхаузом могли бы...

— Нет, Ньюхауз не должен рисковать, — сказал Фред и вызвался отправиться в экспедицию в одиночестве. Ему практически ничто не могло угрожать...

Терезина вызвалась сопровождать гиганта, но Ньюхауз запретил ей подвергать риску ее яйцеклетки. Терезина обиделась и стала доказывать, что она — свободный человек... Но остальные поддержали третьего помощника. Один Арсанг поддерживал девушку, и то скорее из-за недовольства окружающими. Его обязанностью стал сбор ягод, а он считал, что физическая работа несовместима с достоинством Лорда Высшего Гонгонта...

Наговорившись, все разошлись спать. Перед сном, чтобы не осложнять себе жизнь ночными дежурствами, включили сигнализацию. Терезина мимоходом с ехидцей заметила, что Ньюхауз по-прежнему отправляется спать в одиночестве. Хедвиг, видимо, пытаясь изменить подобную ситуацию, что-то ему сказала, но он, не обратив внимания на ее слова, быстро прошел к себе, тщательно заперев каюту.

Арсанг и Хедвиг отправились спать в пассажирский салон. Остальные расположились под звездным небом в спальнях мешках. Фред устроился просто на голой земле, для него было достаточно охапки сена.

Улегшись, Терезина никак не могла уснуть. Проворочавшись с боку на бок часа два, она выбралась из мешка, обулась и, набросив одеяло на плечи, пошла пройтись.

Наступала ночь. Небо над головой превращалось из темно-синего в черное. Звезды из редких искорок превращались в созвездия. Да, в этом уголке галактики их было великое множество. Несмотря на отсутствие луны, было довольно светло. Девушка видела капли вечерней росы на траве и блеск извилистой реки. При желании можно было различить силуэты далеких холмов. А звуки — их она слышала гораздо больше, чем днем; шуршание, чей-то далекий топот, свист, ворчание, трели какой-то ночной птицы — вокруг лагеря жил непонятной, ночной жизнью неведомый, непонятный мир.

Она задумалась о том, что дневной и ночной животный мир на этой планете различаются гораздо больше, чем на Земле... Было удивительно, что планета, так похожая на ее родину, настолько отличается скоростью своего вращения. Правда, здешнее солнце гораздо ближе к планете, так что земледелие неизбежно. Но все же притяжение светила не может оказывать столь сильное действие. Даже луна лишь слегка подтормаживает вращение Земли. А этот мир, скорее всего, гораздо моложе ее родины, значит, по законам звездной механики должен вращаться быстрее. Этой звезде предстоит развиваться еще миллионы лет. А у планеты отсутствуют спутники. По крайней мере, видимых размеров, а значит, и способные замедлить скорость вращения. Нормальное действие угловой скорости движения гарантирует любой безлунной планете, не слишком близко вращающейся от своего светила, период вращения в... скажем, не более ста часов. Но что же замедляет вращение этого мира?..

А как прекрасна эта бесконечная звездная ночь.

Шорох заставил Терезину обернуться. На миг она испугалась — в смутном свете звезд ей показалось, что к ней приближается парочка троллей. Но тени приблизились и превратились в Лори и Камалу, одетых в плащи из одеял.

— Здравсьте, давно не виделись, — сказала Терезина слегка дрожащим от пережитого волнения голосом. В темноте хотелось разговаривать тихо-тихо. — Похоже, и вам не спится?

— А вы что, страдаете от бессонницы? — в свою очередь поинтересовалась Камала. — Лично я захотела полюбоваться чудной ночью на этой планете. Внутренний покой достигается путем долгих тренировок... Но я могу показать вам несколько простейших дыхательных упражнений, с помощью которых...

— Дело не в этом, — перебила Лори. — Я тоже не могла уснуть и ворочалась с боку на бок до тех пор, пока не заметила, что ты, Камала, отправилась прогуляться, тогда я выбралась из мешка и присоединилась к тебе. Потом мы заметили Терезину.

— Но если бы вы освоили дыхательные упражнения... — начала индианка.

— Я не...

— ...и повторите их одиннадцать раз, поднимаясь на носках, потом сядете, скрестив ноги и пригнув голову к коленям...

— Да не желаю я спать! — закричала Лори. — Я хочу присесть и подумать.

— Хорошо, постараюсь вам не мешать, — сказала Камала. — Спокойной ночи.

— Камала, не уходи. Терезина, думаю и тебя заинтересуют мои размышления. На мой взгляд, нам надо сейчас посидеть и подумать.

Терезина почувствовала, что краснеет.

— Ты имеешь в виду... этот... в общем, нашу проблему... — заплетающимся языком пролепетала она.

— Разумеется, именно об этом свинстве я и хочу поговорить. Он и к тебе приставал?

— Нет. То есть разумеется. Но у меня была винтовка и я...

— А я в школе занималась дзю-до, — ответила улыбающаяся Лори. — Для стюардессы владение приемами дзю-до бывает весьма полезно. А у тебя, Камала, как дела?

— А... — безмятежно махнула рукой индианка. — Я рассказала ему о трех основах и уже почти дошла до рассказа о пяти философских трактатах, когда он решил, что лучше продолжить разговор в лагере...

Лори рассмеялась.

— Надо будет взять ваш метод на вооружение...

Терезина, довольная тем, что темнота скрывает румянец, проступающий на ее щеках, добавила:

— Я порекомендовала ему начать с того, кто сам его уговаривает.

— Я посоветовала то же самое, — поддакнула Лори. — И мне кажется, что мы говорим про один и тот же объект, не так ли? Но в связи с тем, что его интерес к ней, мягко говоря, невелик, он не пытается потребовать от нее исполнения закона, — девушка передернула плечами. — Но, друзья, это не может продолжаться вечно. Он молодой, здоровый мужчина. Во многих отношениях выше среднего... Если у него ничего не получится с нами, то, думаю, он последует нашему совету, и тогда спустя несколько месяцев он сможет с полным основанием потребовать от одной из нас...

— Пусть только попробует, — фыркнула Терезина.

— Но на его стороне закон, — мягко напомнила Камала. — Они, разумеется, захотят, чтобы на планете была большая колония. Да и о старости забывать не стоит... Речь здесь идет даже не о законе, а о долге.

— Закон! Долг! Да пошли вы... — Терезина несколько секунд в задумчивости смотрела на реку, наконец заговорила, и голос у нее больше не дрожал. — Задумывались ли вы по-настоящему хоть раз, насколько этот закон отвратителен и глуп? Становись шеренгой в затылок и ставь в списке галочку. Во-первых, это покушение на гражданские права. Конституция защищает права граждан на самоопределение. Что же касается брака по принуждению, то он, в сущности, не является таковым и не признается. Во-вторых, ситуации подобного типа так редки, что необходимость их регулировать в законодательном порядке отсутствует. А кто будет выдумывать закон, о котором, если и вспомнят, то не раньше, чем через несколько сотен лет? Они что, думают, что в космос летают идиоты? Случаи вынужденных посадок крайне редки. Даже разведчики

и изыскатели летают по заранее согласованным трассам. Звезды, к которым они улетают, предварительно изучаются земными астрономами и спутниками. Если же корабль в условленное время не возвращается, то на его поиски отправляется спасательная экспедиция!

— Правильно,— подтвердила Лори.— Но меня удивляет, откуда вы, сугубо гражданское лицо, так хорошо знакомы с правилами навигации.

— Совсем не знаю,— ответила смущенная Терезина.— Просто я исходила из того, что космонавты не идиоты.

— Что ж,— подытожила Камала.— Этот закон, как вы только что абсолютно верно подметили, практически не нужен. Но мало ли ненужных и нелепых законов? К примеру, в Америке, в одном из штатов, запрещается утреннее купание по воскресеньям с левой стороны дороги. Этот закон относится к числу подобных, хотя раньше я никогда не слышала о подобных ситуациях.

— Все ясно,— вынесла приговор Терезина.— Один Ферми может узнать, что случится, если Всепланетный Парламент закусит удила. Но надо рассматривать каждый, даже самый глупый, закон с позиции его возможной ценности. Наш закон должен гарантировать получение самых различных наследственных признаков для последующих поколений. Но...— она вновь порадовалась темноте, скрывающей румянец.— Задумывались ли вы о том, что закон, по идее, должен предохранить колонию от вырождения путем возможно более интенсивного размножения? Но потребуется ли это? Я хотела сказать, что раз в какой-то колонии не могут додуматься до этого самостоятельно, то... ее обитатели просто глупцы. А если они глупцы, то не лучше ли им не мешать и позволить... выродиться. Ведь все, что им необходимо, это додуматься до регулировки браков между детьми и внуками, достигая максимального контраста между семьями. И так далее в том же духе.

— Согласна,— сказала Лори.— Я живо себе представляю несколько пар, потерпевших кораблекрушение, в подобной ситуации им нужно постоянно меняться партнерами, иначе эмоциональное напряжение отодвинуло бы на второй план проблемы наследственности!

— К тому же,— перебила Терезина, добавив свое славянское слово, поскольку оно подходило как никогда, — ... нечто вроде посева зерен цивилизации. Да! Если на планете нет собственной разумной жизни. Но, может быть, попросту подождать, пока разум не родится на планете естественным путем? Если же есть, то страшно представить, к чему может привести появление чужаков... Может разгореться война со всеми вытекающими отсюда последствиями. Короче, закон, если он придуман умными людьми, должен бы был не поощрять, а, наоборот, запрещать размножение!

Девушка смолкла. Несколько минут слышалось лишь шуршание листьев, о чем-то шептавшихся с травой.

Наконец Камала нарушила тишину:

— Да, милая, вы совершенно правы. Этот закон воистину смехотворен. Если мне удастся когда-нибудь вернуться домой... Я первым делом уговорю отца подать на рассмотрение билль. А пока...

— А пока,— подхватила Лори,— мы должны смотреть фактам в лицо. Попробуем забыть об этом свинском законе... У нас есть один мужчина на, бог знает, сколько парсеков, четыре женщины и никаких надежд на спасение... Боюсь, мы будем вынуждены уступить его домоганиям...— Затем после секундной паузы она добавила: — Как вы только что говорили... закон тут ни при чем.

— Мы не должны!— испугалась Терезина.

Лори недоуменно пожала плечами.

— Ньюхауз мне не по душе. И я не собираюсь сразу же бросаться ему на шею. Но рано или поздно природа возьмет свое... В конце концов, я и сама здоровое животное...

— А я — никогда! Я не скотина!— Терезина гневно топнула ножкой.

Камала рассмеялась. Терезина, смутившись своего порыва, робко пояснила:

— То есть, я хотела сказать, есть же самодисциплина.

— Сейчас-то она для нас существует,— ответила Лори.— А через год? Два года? Пять? Я видела жизнь гораздо больше, чем вы. Не думаю, что вы откажете себе в возможности стать матерью. Да и если говорить честно, лет через пятьдесят наши дети очень нам пригодятся. Не надо быть эгоисткой и думать только о себе.

— Не пройдет и нескольких месяцев, как вам придется подчиниться неизбежному,— сказала Камала.— Я помогу вам и научу вас владеть своими эмоциями. Когда вы овладеете этим искусством, все остальное не будет вам казаться таким уж страшным...

— Неужели вам все равно? — неожиданно осипшим голосом спросила девушка.

Камала несколько секунд медлила с ответом.

— Я знакома, была знакома с одним молодым человеком из Калькутты... Я собиралась вернуться к нему через год и... Нет!— сама себе противореча, она добавила:— Жалко, что все это осталось в прошлом! Об этом придется забыть!

— Кейли и Сильвестр!— фыркнула Терезина.— Если бы вы хотели вырваться из этого проклятого круга, вы смогли бы мне помочь поднять шляпку в воздух! Мы могли бы отправиться на поиски людей. Лучше погибнуть, пытаясь что-нибудь изменить, чем отдаться во власть этой сусальной планеты!

— Ты забываешь,— попыталась успокоить девушку Лори.— Главный двигатель неисправен...

— А отремонтировать его мы можем?

— Если верить Ньюхаузу, то это невозможно. Я не разбираюсь в механике. Меня учили управлять шлюпкой в атмосфере, но управлять ею в пространстве... Я не рискну.

— Если верить Ньюхаузу...— передразнила Терезина.— Да сколько же можно верить этому... этому,— девушка забыла свое славянское слово.

— Недоразвитой личности,— подсказала Камала.

— Хаму!— отрезала Терезина.

— Пожалуй, что-то в этом роде,— согласилась Камала.

— Но почему мы не можем ему доверять?— поинтересовалась Лори.— Ему повезло, как ни одному мужчине в истории. Я не имею в виду всяких шахов и ханов с гаремами. Лишь я предпочту счастливого, а не умного невезунчика...

— Счастливого...— от пришедшей догадки Терезина поперхнулась.

— Да, похоже, что даже теория вероятности работает на него,— согласилась Камала.— Это говорит о том, что за его напускным легкомыслием и верхоглядством кроется гармония с окружающим миром. Кажется, я была несправедлива к нему. Надо познакомиться с ним поближе...

Терезина схватила Лори за руку.

— Ты говоришь, что умеешь управлять шлюпкой?— закричала она.

— Да. Немного. Но как, ты не сможешь...

— Почему не смогу?— развернувшись, Терезина побежала к шлюпке.— Бежим.

— Куда? Зачем?— попробовала спросить Лори. Но так как ей никто не ответил, она побежала за девушкой.— Камала, помоги, она совсем спятила!

Фред поднялся навстречу девушкам.

— Что случилось?— хриплым спросонья голосом поинтересовался он.— Вас что, кто-нибудь напугал?

— Фред... Милый Фред...— Терезина бросилась ему на шею.— Вы же не хотите остаться здесь навсегда, да? Правда?

— Разумеется, нет. Тут прекрасный райский сад. Но мне вредно подолгу оставаться в одиночестве. Красота новизны прошла, и я начинаю уставать от этого великолепия.

— Тогда пойдем с нами!— закричала Терезина.

Подбежавшая Камала схватила ее за руку.

— Успокойся,— приказала она.— Немедленно, моя милая, успокойся. Глубоко вдохни...

Лори поймала ее за другую руку.

— Съешьте, это успокаивает,— сказала она, доставая таблетку.

— В шлюпке я познакомился с интересными микрофильмами,— пробасил Фред.— На мой взгляд, успокоению более всего способствует музыка Дебюсси и поэзия Джеймса Уоткомба Райли.

В шлюзе послышались шаги, и наружу вышел Ньюхауз с пистолетом в руке. Хедвиг и Арсанг выглядывали у него из-за спины.

— В чем дело?— спросил космонавт.

— Кажется, у бедняжки Терезины истерика. Она совсем не владеет собой,— ответила Лори.

— Что?— Ньюхауз быстро сбегал с лестницы. Спустя мгновение Арсанг и Хедвиг последовали за ним.

Ньюхауз подошел ближе.

— Что случилось?— повторил он вопрос.

— Она неожиданно закричала и побежала,— ответила Камала.— Кажется, девочка переутомилась.

— Да нет, я в порядке!— завизжала Терезина.— Шлюпка! Вы обманули нас! Шлюпка в порядке!

— Что?— Ньюхауз забыл закрыть рот.

— Послушайте!— кричала Терезина.— Ну послушайте меня! Ньюхауз поднял пистолет.

— Кажется, у нее истерика,— сказал он. В скупом свете звезд его лицо казалось вытесанным из гранита.— Я ее сам успокою. У меня уже есть определенный опыт в подобных делах.

— У меня более богатый опыт,— возразила Лори.

— Здесь команду я!— рявкнул третий помощник.

Терезина только сейчас заметила в руке космонавта пистолет, направленный ей в грудь.

— Успокойся, милочка,— продолжил Ньюхауз.— Успокойся и расслабься.

— А что со шлюпкой?— спросил Фред.

— Ничего,— отстранил Ньюхауз.— Абсолютно ничего. Ведь так?— и он, и его пистолет смотрели в грудь Терезине.

Впоследствии она так и не поняла, откуда пришли уверенность и хладнокровный расчет. Рывок. Удар ногой по руке, и пистолет по дуге отлетел в трапу. Ньюхауз, ругаясь, бросился к оружию...

Терезина рванулась к шлюпке.

— Бежим!— закричала она. Ньюхауз ползал на четвереньках, разыскивая пистолет. Лори оглянулась на него и, не раздумывая, побежала к трапу.

— Фред!— закричала Терезина. Гигант, подхватив Камалу, как пушинку, вскочил в шлюз.

Терезина замыкала отступление и успела заметить, как офицер поднимается с колен, вновь сжимая в руке пистолет. Она не знала, решится ли он стрелять, но все похолодело у нее внутри. В следующий миг Фред схватил ее за шиворот своей огромной ручищей и втянул в шлюз. Люк закрылся.

Мгновение она лежала, тяжело дыша, лишь спустя минуту она выпалила, обращаясь к Лори:

— Иди в рубку... поднимай корабль.

Стюардесса смотрела на люк, словно он был прозрачный и она видела происходящее снаружи.

— Но Хедвиг и Арсанг,— проговорила она.— Они остались там...

— Он не посмеет причинить им вред. Если вообще когда-нибудь и собирался.— Терезина потерла колени.— Все снаряжение снаружи. Я думаю, не случится ничего страшного, если они немного побудут в одиночестве.

Неожиданно Камала истерически рассмеялась:

— Никогда мне так не хотелось увидеть кого-нибудь стоящими вместе, как эту троицу,— объяснила она, успокоившись.

Вместо эпилога

Сэр Чарльз Рассел, офицер, а по совместительству еще и главный фармацевт, ассистент врача и главный распорядитель Ирены, единственного города на планете Ватсон, удивленно посмотрел на стройную белокурую девушку, остановившуюся около его письменного стола.

— Это прямо-таки фантастика!— воскликнул он.— Как вы догадались, что вас обманывают?

— Все случившееся,— ответила Терезина.— Я хотела сказать, что вся история с вредительством выглядела слишком неправдоподобно. Мы так и не смогли найти ей правдоподобного объяснения. Да и выполнена она была довольно топорно! Зачем нагораживать столько нелепостей, когда можно было попросту подложить бомбу с часовым механизмом? Впридачу я математик и подсчитала, что вероятность найти с первого раза удобную планету равно одному на десять в двенадцатой степени...

— Спасибо,— поклонился сэр Чарльз.— Признаться, для нас жителей Ватсона, ваша версия выглядит единственно верной. Хотя жители Холмса, наши соседи и друзья... Простите, что перебил вас. Продолжайте.

— Ньюхауз, будучи третьим помощником, отвечал за комплектование экипажей спасательных шлюпок,— продолжила свой рассказ Терезина.— В четырнадцатую шлюпку он наметил четверых молодых красивых леди, по крайней мере, на его вкус. В придачу туда же был назначен Фред, чья сила была необходима при обустройстве колонии и который был инопланетянином, а значит, не мог составить ему конкуренцию. К его разочарованию, план с первых минут оказался нарушен. Войдя в шлюпку, он узнал, что миссис

Трамбл поменялась местами с его рыжеволосой избранницей. В придачу в лодке оказался Арсанг. Но помехи они не составляли, да и времени у него оставалось мало... Цепь включения тревоги было несложно замкнуть при помощи обыкновенной булавки. Связь шлюпки с лайнером он перерезал, судя по всему, входя в шлюз... Скорее всего, он даже не удосужился заменить таймер, а попросту замкнул его пусковой механизм. А затем, соорудив удивленную мину, сообщил нам о подмене. Естественно, что, возможно, и против своего желания он избавился от навигационных приборов и атласа. Он не хотел рисковать и играл наверняка. Координаты вашей звезды он, судя по всему, выучил наизусть или записал на листке бумаги. Во время полета он вывел из строя радио и посадил шлюпку на необитаемом полушарии, сделав вид, что нам крупно повезло и мы открыли новый мир.

— Вы догадались, что это за планета еще до того, как подняли шлюпку в воздух и увидели Холмс?— уточнил сэр Чарльз. Терезина утвердительно мотнула головой.

— Да. Заподозрив, что нас попросту дурачат, я вспомнила рассказ о двойной планете, находящейся в этих краях. К тому же на это указывала скорость вращения... Я поняла, что столь медленно может вращаться только двойная планета.

— Значит, если верить вашему рассказу, не было никакого вредительства? Но лично мне как-то не верится, что Ньюхауз был способен всю жизнь играть в Робинзона Крузо. Через два-три года он, скорее всего, сделал бы вид, что ему удалось починить двигатель. А потом к всеобщей радости вы бы обнаружили нашу колонию.

— Или же он мог взять нас с собой на «поиски» колонизированной планеты и найти «случайно» другую колонизированную планету.

— Я подозреваю, что он мог улететь, бросив нас на произвол судьбы.

— Вполне возможно, судя по вашему рассказу, мисс. Он сущий МУЖЛАН,— последнее слово офицер произнес по слогам.— Когда нам удастся его найти, он будет строго наказан. К сожалению, планета большая, а у нас мало полицейских, и, скорее всего, на это уйдут месяцы, если не годы,— заканчивая фразу, сэр Чарльз не смог скрыть улыбку.

— Не важно,— в свою очередь улыбнулась Терезина.— Пусть остается там, где мы его оставили. Хочется верить, что каждая минута жизни в нашем бывшем лагере приносит ему истинное наслаждение.

— Скорее всего, если бы вы не заподозрили обмана, так бы и случилось,— сэр Чарльз стал серьезен.

Терезина покраснела:

— Да. Скорее всего, именно так и случилось бы. Видимо, он

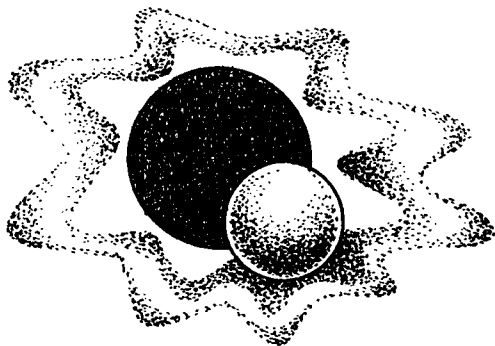
хотел изведать прелести жизни султана. При этом закон оказывался на его стороне.

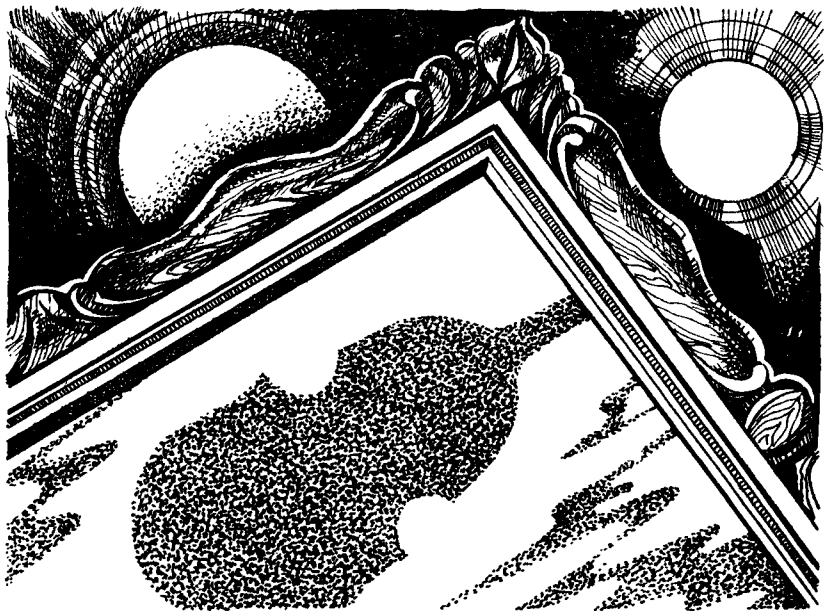
— Что за закон?

Терезина из красной стала вишневой:

— Сами знаете о чем. Идиотское правило о том, что все потерпевшие крушение должны иметь детей...

— О, небо!— сэр Чарльз на мгновенье потерял дар речи.— Что за правило? Я по долгу службы знаю практически все звездные законы и... Милая девочка, могу вас заверить... Подобных законов не создавали никогда и нигде!

Ллойд Дж. Биггл-мл.

КРЫЛЬЯ ПЕСНИ

Вывеску Чарльз Брэндон увидел случайно. Он смотрел вслед планеру, пролетавшему мимо, потому что это был «смайрс» последней модели, и заметил маленькую вывеску среди тех, что блестели на навесах коммерческого центра.

«Древности» — возвещала она.

Брэндон взглянул на часы и сообразил, что может потратить двадцать пять минут. Он толкнул локтем своего шофера и показал вывеску. Через две минуты он был в магазинчике. Одним взглядом он оценил пыльный беспорядок. У него был терпеливо развитый инстинкт знатока, и этот инстинкт подсказывал ему, что он теряет время, осматривая эту жалкую халтуру.

Рядом внезапно появился антиквар. Это был плешивый маленький человечек, который качал головой и потирал руки.

— Да, господин?

— Зажигалки? — спросил Брэндон.

— Да, конечно, господин, конечно, у нас есть одна чудесная коллекция... Если хотите, пойдемте со мной...

Брэндон последовал за антикваром. Он ступал след в след, настолько был растроган.

Он может внять своему инстинкту попозже. Если он найдет поистине превосходную коллекцию зажигалок, хотя это и было маловероятно в таком месте, это стало бы большой удачей его жизни. Здесь, в Пала-Сити, под самым носом у Гарри Моррисона! Моррисон бы так зарычал, что дошло бы до Актюриса, а Брэндон бы наслаждался каждым децибелом.

Антиквар принес поднос. Брэндон глубоко вздохнул и медленно рассмотрел содержимое подноса, предчувствуя свое разочарование.

Это была куча неразвалившихся и незаржавленных обломков. Во всем наборе не было ни одного интересного экземпляра.

— Нет,— сухо произнес Брэндон, отворачиваясь.

— У меня есть один, который работает,— сказал антиквар. Он извлек кусок металла, потер его большим пальцем и показал дрожащее пламя. Брэндон презрительно фыркнул.

— У меня в коллекции 761 зажигалка, милейший, и все они работают.

Антиквар поднял голову и выговорил неизбежное:

— Другие вещи?

Брэндон нетерпеливо покачал головой. Он бросил последний взгляд на вещичку, добрался до двери. На вершине какой-то груды причудливого хлама лежал один странный предмет, привлечший вдруг его внимание. Несмотря на толстый слой пыли, полностью покрывший хлам, Брэндон острым взглядом уловил признак некоего блеска, своеобразную изюминку.

Он взял предмет в руки. Вещь походила на шкатулку с длинной ручкой, но щели не оказалось, за исключением двух забавных прорезей наверху и дыры в днище, возникшей, очевидно, от удара. Брэндон ощупал рукой края дыры, рассмотрел ее, подойдя к свету.

— Что за черт! — пробормотал он.

Вездесущий антиквар победно прошепелявил:

— Я не думаю, что вы сможете это узнать,— сказал он.— Это дерево.

— Дровесина? — Брэндон нагнулся, чтобы еще раз посмотреть.

— Вы уже видели такое? — спросил антиквар.

— Я не знаю. Думаю, что видел деревянный стол в музее.

— Возможно,— сказал антиквар.— Возможно, но это редкость.

А это подлинник, взгляните.

Он поднес предмет к лампе и провел пальцем. Внутри, неясно видимая сквозь одну из щелей, была надпись: «Джекоб Рейманн в И Бел Хауз, Саут-марк, Лондон, 1688».

— Подлинник,— сказал антиквар.— Почти тысяча лет...

— Это невозможно. И... это из дерева?

— Из дерева? Выделано из одного дерева.— Антиквар взял лоскут и стер пыль с полированной поверхности.

— Из одного дерева,— повторил он, поднимая предмет к свету.— Вы видели дерево? Нет, конечно. На нашей матушке Земле было множество деревьев, но в других местах его так и не смогли вырастить. Теперь на Земле ничего родного больше нет. Издержки войны невозможно оценить деньгами, мой друг, это безвозвратная потеря некоторых вещей, деревьев, например.

— Но что это за вещь?

— Это скрипка.

Брэндон погладил предмет. Он почувствовал хрупкую форму, наполненную, не похожую ни на что из того, что он уже видел.

— Что такое скрипка?

— Музыкальный инструмент.

— Невозможно. Как же она работает?

У антиквара в первый раз поубавилось самоуверенности.

— Ну, я точно не знаю.

— Здесь мало места для механизма,— сказал Брэндон, глядя через отверстие.

— Милейший,— воскликнул антиквар,— в то время не было механизмов.

— Но каким дьяволом тогда это производит музыку?

Антиквар покачал головой в знак неведения.

Брэндон уверенно положил предмет на прежнее место.

— Это теперь ни на что не годится.

— Подумайте, мой друг. Века перед последней войной на Земле были деревья, миллионы, может быть, и она, она была частью их жизни. Один искусный ремесленник обрабатывал ее собственноручно, потому что тогда не было станков. Древесина — самый редкий материал в Галактике. Это дивный предмет, украшение. Роскошный. Может быть, на стене или на столе...

— Я приобрел для себя много украшений. Если я покупаю музыкальный инструмент, я хочу, чтобы он звучал. Я выходил 761 зажигалку, и я должен быть способен извлекать музыку из этого предмета. Как вы его называете?

— Скрипка.

— Должно быть много книг, которые рассказывают о том, как она действует.

Антиквар согласился.

— Несомненно, должно быть что-нибудь в университетской библиотеке.

— Сколько?

— Десять тысяч.

Брэндон уставился на него.

— Смешно. Это изломанная развалина, и в ней не хватает, конечно, всех деталей. Простой ящик.

— Подлинное произведение,— мурлыкал антиквар.— Деревянный подлинник.— Почти тысяча лет...

— До свидания.

Брэндон оставил позади себя хлопающую массивную дверь. Его шофер скакал за планером, а теперь застыл в ожидании. Он остановился на миг, погруженный в свои мысли: пора начинать новую коллекцию. К зажигалкам его интерес ослабел. И потом, деревянный... У Гарри Моррисона в его коллекции нет ни одного куска дерева.

Брэндон повернулся и снова вошел в магазинчик.

— Я беру это,— сказал он.

Моррисон отложил свою лупу и важно покачал головой.

— Да-а,— сказал он. Провел по щеке длинными пальцами с маникюром. Ногти его были слегка подкрашены голубым. Брэндону это не нравилось. Он находил Моррисона немного фатоватым.

— Да,— повторил Моррисон.— Может быть, это открытие.

— Я тоже так думаю,— сказал Брэндон.

— Или может быть...— элегантный Моррисон поднял голову и уставился в потолок.— Это не открытие. Посмотри на этот рисунок. А! Да, довольно четкий. По крайней мере, можно рассмотреть. Допустим, что так музыкант играет. Жаль, что его рука закрывает часть инструмента. Это лучший рисунок из того, что они нашли?

— Единственный, какой могли найти.

— Гм, да. Не хватает клочка. Эти штуковины...

— Струны,— сказал Брэндон непринужденно.

— По-видимому, они тянутся по всей длине, хотя из-за руки музыканта трудно разобрать, каким образом они закреплены. А что это у него в другой руке? Назывался смычок.

— Не известно, что это. Описание не содержит этого.

— А! Описание. Послушаем.

Брэндон начал читать: «Скрипка. Наиболее значительный из струнных музыкальных инструментов. Основные части: кофр, который состоит из деки, верхней и нижней, грифа, заканчивающегося струнодержателем, скрипичными колками и завитком. Внутри кофра находится рессора и дужка. Четыре струны созвучны в квинту: ми, ля, ре, соль».

Моррисон снова посмотрел на чертеж и покачал головой.

— Явно не хватает страницы. И никаких существенных идей: как играют-то?

— Я не знаю,— сказал Брэндон.— Профессор Вельц точно так же ничего не может придумать. Он собирается изучить этот вопрос. Он сфотографировал скрипку, снял размеры и собрался заказать копию.

— Из дерева? — спросил Моррисон.

Брэндон загоготал:

— Из металла или пластика. Профессор считает, что сможет разрешить многочисленные серьезные проблемы, связанные с древней музыкой, когда поймет, как играть на этой штуке.

— Что вы намереваетесь делать?

— Надо восстановить ее,— сказал Брэндон,— и учиться играть.

— Может быть, это труднее, чем вы думаете. К большому сожалению, ни один рисунок не показывает, как играть.

— О! Найдут. Что я хочу у вас спросить, так...— Он перевернул скрипку и показал дыру.— Сначала надо починить это. Кто может восстановить дерево?

Моррисон оставался безмолвным минуту, наконец сказал:

— Я готов поискать. Может быть, никто и не умеет.

Личный секретарь Брэндона был серьезным и трудолюбивым молодым человеком, увлечения которого удачно совпадали с таковыми Брэндона. Последний ценил в нем эту черту и оплачивал секретаря соответственно. Но когда Паркер осторожно положил на стол Брэндона пластиковую коробку, он не казался восторженным.

— Дело оказалось тяжелее, чем я думал,— сказал он с печальным видом.

Брэндон открыл коробку и бросил ласкающий взгляд на скрипку.

— Что-то не получается, Паркер?

— Я говорил с директором Музея Конгресса. У него есть один деревянный предмет, стол.

— Припоминаю,— сказал Брэндон.

— Он рассказал мне, что, когда нашли стол, понадобилось его отремонтировать, но главной проблемой оказалось достать клей, подходящий для дерева. У них были все детали, надо было только соединить их. У меня есть формула состава клея.

Брэндон одобрил расторопность помощника.

— Но он так никогда больше и не смог найти других кусков дерева. Он не знает ни как это можно сделать, ни того, кто может это сделать. В нашем Отделе Палайвер я нашел одного инженера, который предложил залатать дыру пластиком.

— Глупо,— отрезал Брэндон.

— Точно. Он думает также, что мог бы сделать это деревом, но, естественно, у него его нет. Он согласен попробовать, если мы найдем ему дерево.

— Найди ему дерево.

— Это проблема. Его вообще нет. Я повсюду спрашивал.

— Вам нужно искать интенсивнее, чтобы найти. Я сумел это сделать.

— Это случайность, сэр, потому что я везде спрашивал...

— Да, надо знать, где спрашивать. Соедини меня с Моррисоном.

Он с нетерпением ждал, когда физиономия Моррисона покажется на стенном экране. Моррисон в знак приветствия поднял палец — сегодня его ногти были красные — и сказал:

— Я полагаю, это по поводу вашей замечательной скрипки.

Брэндон согласился.

— Гарри, я уверен, что вы знаете всех антикваров, достойных своей профессии. Передайте им, пожалуйста, что мне нужна древесина.

— Я уже спросил, — ответил Моррисон. — Если найду, я скажу вам.

— Спасибо.

— Если только это не будет настолько важным, чтобы сохранить. Было бы глупо уничтожить одну ценную вещь, чтобы восставить другую.

Брэндон не поддался желанию улыбнуться. Открытие скрипки ужалило Моррисона больше, чем он воображал. Он считает, что самое интересное открытие состоится в коллекции Моррисона.

— Нет, этого не понадобится, — сказал он. — Мне нужны только крошечные кусочки.

— Хорошо. Если я что-нибудь найду, я уведомя вас об этом.

Моррисон махнул рукой, и его изображение пропало. Брэндон сидел, не шевелясь, нервно вращая большими пальцами. Затем он поднялся и нажал на кнопку.

— Паркер, — кричал он, — достаньте мне дерево.

Паркер пропадал в течение недели. По возвращении он был уставшим и мертвенно-бледным. Брэндон понял с одного взгляда и сказал:

— Безуспешно, а?! Где вы были?

— В справочном зале библиотеки, сэр.

— Вы что, рассчитывали найти там дерево?

— Сведения, сэр. Боюсь, что о дереве они знают немного. Но я кое-что нашел. Сто лет назад на Белоумане — это в Округе Порту — был скульптор по дереву.

— Я не верю, что это может дать что-то полезное, — сухо сказал Брэндон.

— Нет, сэр. Но если он был скульптором по дереву, ему надо было много древесины. Если он долго работал, значит, у него было много древесины, а может, она там осталась.

Брэндон размышлял.

— Скульптор по дереву. Человек, который ваяет из дерева. Человек, делавший из дерева вещи. Но это невозможно! Даже сто лет назад не было достаточно дерева, чтобы заниматься таким ремеслом. Где вы это нашли?

— В брошюрке с заглавием «Диковинные ремесла». В последнюю перепись нашли на Белоумане человека, бывшего по специаль-

ности скульптором по дереву. Это все, что было. Округ Парту достаточно удаленный, и возможно, расследование мистера Моррисона дотуда не распространилось. Думаю, поискать в том направлении было бы интересно.

— Белоуман, что-то знакомое. Мои интересы там представлены?

— Да, сэр. Под вашим контролем рудники. Вам можно запросить вашего Директора-Резидента, я уверен, что он легко сможет найти дерево, если оно там есть.

— Это мысль. Может быть, это хорошая мысль. Бывал ли я когда-нибудь на Белоумане, Паркер?

— Нет, сэр, насколько мне известно. Конечно, нет, с тех пор, как я у вас.

— Не думаю, что ездил когда-нибудь в Округ Парту. Паркер, приготовьте опись моих владений в Парту. Пора собираться в инспекторское турне.

Они приземлились на Белоуман в День Дождя. Чарльз Роздел, Директор-Резидент, бормотал извинения, пока они шлепали по грязи к планеру.

— Это дело местных властей. Вы единственные путешественники в единственный День Дождя в неделю, и ни Межзвездные Перевозки, ни Бюро Метеорологического контроля не соизволят его изменить. Я им повторю, что это производит на посетителей скверное впечатление. Я знаю туристов, которые тотчас улетали обратно, когда видели эту грязь.

Брэндон ворчал, но это ни к чему не обязывало, и Паркер прижал рукой к себе коробку со скрипкой, надеясь, что она герметична.

Роздел посадил их в планер и привез в гостиницу.

Часом позже Брэндон отодвинул груды книг и личных дел, вызывавшихся перед ним, и подошел к окну.

Белоуман был почти пограничной планетой. Широкие проветриваемые проспекты, окаймленные приземистыми строениями, придавали городу вид диковатой юности. Дождь продолжал хлестать по их каменным плитам.

— Вы когда-нибудь видели дерево? — спросил Брэндон.

Роздел был любителем отвечать вычурно.

— Дерево? Что это такое?

Брэндон скрыл свое разочарование.

— Если вы не знаете, нечего и говорить об этом. Паркер, вы должны начать поиски. — Он повернулся к Розделу. — Мы узнали, что на этой планете был человек, по специальности — скульптор по дереву. Следовательно, подумали мы, дерево было. Хорошо бы, чтобы эти догадки, по меньшей мере...

— Скульптор по дереву? — перебил Роздел. — О! Теперь я припоминаю. Это старик Тор Петерсон называл себя скульптором по дереву. Я об нем и не подумал, но он делает украшения, безделушки

и... наверное, из дерева. Он назначает фантастические цены и работает, в основном, на заказ. Думаю, что он отправляет свой товар в Парту. Там у людей, вероятно, есть деньги на такие глупости, но не здесь.

— В таком случае, он еще жив?

— Я не знаю. Я не видел... Э! Примерно... по крайней мере, два года. Ему было уже трудно ходить. Он довольно стар, знаете ли.

— Я верю,— воскликнул Паркер.— У него должно быть...

— Неважно,— сказал Брэндон.— Если он жив, мы его увидим, а если мертв, нам все-таки нужно дерево. Где он достает дерево?

— Я не знаю,— сказал Роздел.— Его семья, наверное, сможет сообщить вам. Я спрошу, жив ли он еще, и покажу, где ферма Петерсона.

— Пожалуйста, сделайте немедленно,— сказал Брэндон.— Паркер, вызови планер.

Белоуман был планетой аграрной и ремесленной. Они бегло ознакомились с миленькими усадьбами и ремонтировавшимися дорогами. Порой встречались леса из гигантских трав. Вскоре они переправились через границу метеорологических зон, сменив День Дождя в городе на яркое солнце. Брэндон нетерпеливо рассматривал ландшафт.

— Должно быть, теперь недалеко. Это река, про которую нам говорил Роздел, так ведь?

Паркер справился по карте.

— Верно. Немного дальше здесь, наверное, населенный пункт.

Они сели в центре большого круга, образованного старыми каменными зданиями, огромными ригами, силосными башнями, автомастерскими и строениями совсем крошечными, укрывавшими крохотную домашнюю птицу и разную скотину. Ферма, высокое квадратное здание с примыкающими с трех сторон пристройками, возвышалась посреди круга.

В тот момент, когда они собирались направиться к ферме, Брэндон схватил Паркера за руку и остановил.

— Ну и ну!

Возле фермы устремилось к небу одно строение, шероховатое и прямое, как палец, увенчанное зеленой кроной.

— Это?..

— Дерево.

— Я думал, что в Галактике не осталось больше ни одного дерева.

— Ну что ж, одно осталось,— сказал Паркер.

— Может быть, и другие есть. Вот так он тут и находит свое дерево. Паркер, это добрых пять метров в высоту.

Они подошли. Грунт постепенно опускался, а между фермой и пристройками шли ряды ям, окруженных камнями.

— Вот где он их выращивает,— сказал Брэндон.— Двадцать три, двадцать четыре ямы. И только одно дерево. Ну что ж, пошли поговорим с этим человеком.

На пороге их вежливо встретила молодая женщина, препроводившая их в маленькую комнату.

— Входите,— предложила она и сказала: — Папа, к вам.

Они вошли. За исключением верстака и суппортов, комната была пуста. Но в ней находился старец с комично сморщенным лицом, увенчанным белой лохматой шевелюрой. В комнате царил мрак, но верстак был ярко освещен.

— Извините, пожалуйста. Я не могу подняться, чтобы принять вас.— Его голос сильно дрожал.— Мои ноги больше ни на что не годятся,— продолжал он.— Мой голос почти исчез. Мои глаза и руки уже не те, что раньше. К счастью, аппетит хороший, и аппетита столько, сколько и надежды.— Он засмеялся.— Что вы хотите, господа?

Брэндон приблизился и отдал карточку. Старик сидел в инвалидной коляске, завернутый в длинные покровы с ярким рисунком. На верстаке лежал кусок дерева. Это была почти законченная голова женщины, выделявшаяся захватывающей выразительностью. Брэндон открыл рот.

— Вы прибыли издалека, мистер Брэндон,— сказал Петерсон.— Не только затем, чтобы увидеть меня, несомненно.

— Мы не ожидали вас увидеть,— сказал Брэндон.— Мы... Мой секретарь в старой книге нашел намек на скульптора по дереву, который жил здесь.

— Когда датирована эта книга?

— Она издана сто сорок лет назад,— сказал Паркер.

— О! В таком случае, это намек на моего деда, а может быть, на прадеда. Мы, Петерсоны, скульпторы по дереву с тех поколений, коих я и счесть не смогу. Но я последний. Мои сыновья достигли более высокого положения. Мои дочери вышли замуж за фермеров — за хороших фермеров. Они процветают. А я, так как мои руки дрожат, я трачу останки своего таланта на безделушки.

— Я видел дерево,— сказал Брэндон.— Я думал, что здесь, как и на Земле, деревья не растут.

— Здесь по-другому,— сказал Петерсон.— Теперь ничего не растет. Но Петерсоны выращивали деревья, потому что скульпторы по дереву нуждаются в древесине. Долгое время эта культура была секретом семьи. Когда рубили дерево, всегда было готово новое зерно, чтобы положить в почву. Но не теперь. Я не выращиваю деревьев, потому что не проживу достаточно долго, чтобы их использовать. То, которое вы видели,— последнее. Когда я его срублю, на Белоумане больше не будет скульпторов по дереву... Но вы отправились в такую даль не для того, чтобы слушать вздор старика.

— Может быть, это последнее дерево во всей Галактике,— сказал Брэндон.

Старик вздохнул.

— Может быть. Деревья выращивают с химикатами. Это долго и утомительно. Я от сердца отдал этот секрет многим людям, но никто не заинтересовался. Чего ради вкладывать столько труда, если нет больше скульпторов, чтобы использовать эту древесину?

Брэндон взял коробку из рук Паркера и открыл ее.

— Я приехал сюда ради этого,— сказал он.

Побелевшие руки с выпуклыми венами приподняли скрипку. С глазами, блестящими от волнения, рассматривая со всех сторон, Петерсон поднес ее к свету.

— Великолепно,— прошептал он.— Великолепно! Но что это такое?

— Скрипка,— ответил Брэндон.— Музыкальный инструмент.

— Ах! В то время были настоящие мастера, и настоящие музыканты тоже.— Он широко улыбнулся Брэндону.— Я благодарю вас за то, что показали мне это. Мне трудно передвигаться, но я отправился бы далеко, чтобы увидеть это. Великолепно.

— Я хочу, чтобы вы ее отремонтировали,— сказал Брэндон.

Улыбка рассеялась. Петерсон покосился на дыру, потрогал опытной рукой.

— Зачем?

— Зачем? — Брэндон устался на него.— Затем, что я хочу видеть ее восстановленной. У нас есть чертеж ее, какой она должна быть. Я хочу научиться играть.

Петерсон взглянул на чертеж и на скрипку. Медленно покачал головой. Последнее нежное прикосновение, и он снова положил инструмент в футляр.

— Нет,— сказал он.— Я очень сожалею, но... нет.

— Но почему? Дерево ведь ваше ремесло, не так ли?

— У моего деда был музыкальный инструмент,— сказал Петерсон.— Флейта. Он ходил играть в поля. Даже животные приходили его слушать. Я видел их собственными глазами. Исполнял он удивительную музыку. Я извлекал какие-то звуки, но не музыку. Музыка умирает вместе с музыкантом.

— Что стало с флейтой? — спросил Брэндон, которому в мыслях уже виделась коллекция бесценных музыкальных инструментов.

— Я похоронил ее,— сказал Петерсон.— Это был очень, очень древний инструмент, вроде этой скрипки. Секрет музыки передавался от владельца к владельцу, но мой дед так и не нашел человека, который захотел бы учиться. Когда он умер, его музыка тоже умерла. Музыка этой скрипки умерла.— Он осторожно похлопал по футляру.— Похороните ее,— сказал он.

— Глупости,— сказал Брэндон.— Это великолепное произве-

дение. Вы сами сказали. Что за беда в том, чтобы восстановить ее, даже если человек не умеет играть?

— Вы вызываете врача перед агонией? Нет. Может быть, он сможет ее замедлить, но он не сможет вылечить умирающего. Я с радостью исцелил бы вашу скрипку, если бы смог заставить ее говорить вновь. Но раз я не могу ее исцелить, я не стану ее чинить. Похороните ее.

— Я хорошо вам заплачу, — сказал Брэндон. — У вас есть дерево, у вас есть талант, вы долго не работали.

— Слишком долго, — произнес он дрожащим голосом. — Работай я всю жизнь, даже тогда я не смог бы ее исцелить. Я не ожидал, что вы поймете. Музыка — древняя музыка — не такая, как сейчас. У нас музыкальные машины, а они не имеют души. Древняя музыка... Я знаю, потому что слышал игру моего деда. — Он с опаской закрыл футляр. — Я очень огорчен, что вы даром так далеко ехали.

— Знаете ли вы кого-нибудь другого, кто смог бы ее починить? Петерсон покачал головой.

— Я — единственный. Скоро я умру, и тогда больше никого не будет.

Брэндон принял вызывающий вид, вздернул голову и сказал дерзко:

— Я не думаю, что вы полностью отдаете себе отчет в том, кто я есть. Даже на этой безвестной пасмурной планете...

— Вы — человек, владеющий мертвой скрипкой, а я не хочу вам помогать. — Петерсон повернулся к верстаку и взял резец.

— Пошли, — сказал Брэндон.

До приезда в город он не проронил ни слова. Там он загремел:

— Старый гордец. Я ему покажу, какой он единственный.

В Парту, переливающимся и космополитическом, Брэндон осматривал заводы, посещал собрания, приносил речи и скупал дерево. Неумолимый Паркер шел от победы к победе в своих поисках владельцев скульптур Тора Петерсона или его отца, деда и бесчисленных Петерсонов-предков. Деревянные шкатулки с резными крышками, статуэтки, настенные панно, подносы, резные чашки. Были старинные деревянные часы с боем, с механизмом, двигавшим парад деревянных кукол.

Перечень рос в длину и становился все более разнообразным. Брэндон также покупал и предметы попроще. В Парту торговали всегда, и партусинцы полагали, что продадут вещь в любом случае. Брэндон скупал скульптуры или принимал их даром, когда делали подарки.

Более изысканные предметы зачастую были наследством, но у Брэндона имелись деньги, влияние и дар убеждения. Он использовал эти три вещи с щедростью или с жестокостью, смотря по обстоятельствам.

За несколько дней он собрал самую обширную коллекцию дерева во всей Галактике, коллекцию, заставлявшую Гарри Моррисона бледнеть от зависти. Он условился также, обещая кругленькую сумму Тору Петерсону, чтобы тот оставлял ему все следующие поделки.

— Теперь мы можем вернуться,— весело сказал он Паркеру,— и отремонтировать скрипку.

Брэндон кропотливо изучил свою коллекцию и в конце концов согласился пожертвовать одной шкатулкой. Инженер из Полаивер взял ее, разобрал на части и принялся учиться обрабатывать дерево. Вырезал кусочки, собрал, чтобы получить желаемую толщину, подровнял их и склеил. Брэндон обуздывал свое нетерпение, предлагая инженеру не торопиться. Он воистину не желал быстрого завершения.

Наконец инженер закончил. Он отыскал в коллекции Брэндона вещь, которая лучше всего подошла бы по хрупкой фактуре скрипке. Он отскоблил ее, срезал тонкие стружки, на которые Брэндон взирал уныло, пряча их про запас. Он не знал, на что они пойдут, но это была, бесспорно, древесина. С хирургической точностью инженер выровнял растрескавшиеся края дыры. С хирургической точностью он вырезал деталь и вклеил.

Кусок отклеился.

Разочарование Брэндона немного умерилось от прибытия скульптур, отправленных на деньги Петерсона из Парту: маленькая дощечка, та, над которой работал старик, когда они к нему приходили, и две крошечные шкатулки с очень незатейливой резьбой на крышке. Брэндон окинул их критическим взглядом и решил, что это низкое качество.

Он похлопал инженера по спине.

— Это первая попытка.— Он ликовал.— Продолжайте.

Техник попробовал второй, затем третий раз. Находчивый и терпеливый, он сумел соединить кусок с основой скрипки.

Дыра была заклеена.

Радость Брэндона хлынула через край. Он вызвал одного из своих химиков и приказал ему воспроизвести глянец скрипки на заплате. Химик удалился, ворча, далеко не в восторге от предшествующих опытов инженера. Дело не двигалось и причиняло ему столько страданий, что он ворчал даже на Брэндона, но, в конце концов, его упрямство было далеко не бесполезным.

— Наконец-то,— сказал Брэндон.— Мы продвигаемся.

Профессор Вельц, Брэндон и его специалисты исследовали рисунок скрипки. Они опознали подставку, скрипичные колки, которые тут же вырезали техники. Они отождествили также гриф, но Брэндон не решался жертвовать еще одним предметом для того, чтобы пустить его на столь важную для дела древесину. Решили

сделать гриф из пластика. К тому же профессор Вельц утверждал, что он не был важнейшей деталью и что природа его не изменит звучания. Со струнодержателем тоже была проблема, потому что на чертеже он был скрыт рукой скрипача, но находчивый инженер придумал маленькую перекладину, вокруг которой обмотали струны. Узнать, из чего были сделаны струны, было задачей посложнее. Наконец профессор Вельц нашел выход. Для этого ему пришлось провести длительное исследование значения слова «струна» в древних языках. Он рекомендовал некий вид фибры, о котором Брэндон никогда не слышал.

Брэндон заказал фибру... в метрах. Инженер нарезал струны и прикрепил их на скрипку. Брэндон, натянув пальцем, поиграл на одной струне. Скрипка издала вязкий, но музыкальный «динь».

— Удалось,— закричал Брэндон.

Профессор Вельц продемонстрировал, каким образом действуют колки и как расположение пальцев меняет звучание. По прошествии одной недели Брэндон умел играть на струнах и исполнял простенький, но узнаваемый мотив.

Через две недели он приобрел некоторую технику.

— А теперь перейдем к смычку, который музыкант держит в другой руке,— сказал профессор Вельц.

— Какой к черту смычок,— сказал Брэндон.— Я исполняю музыку. Что еще вы хотите от музыкального инструмента?

Моррисон пришел полюбоваться достижениями Брэндона и опечалился, осмотрев коллекцию дерева.

В течение еще одной недели Брэндон, преисполнившись веселья, натирал воском свои деревяшки; из Парту пришла вторая ценная посылка.

В одной из шести коробок, рельефно вырезанная, лежала скрипка чудесного воспроизведения.

— Каков мерзавец,— пробормотал Брэндон.

Он вообразил себе старого Тора Петерсона, склоняющегося над верстаком, чтобы вырезать ее без единого изъяна, руководимого только своей памятью, без сомнения, единственного человека во вселенной, умеющего обрабатывать дерево.

Брэндон поднялся и нервно зашагал по комнате. Снова сел за стол, желая подтвердить свои обязательства. Он позвал Паркера.

— Мы отправляемся на Белоуман.

Невозмутимый Паркер понял сразу:

— Снова?

— Организуйте это,— сказал Брэндон.— Я смогу полететь через два дня.

Снова пролетели они над городом льющегося дождя, чтобы затем окунуться в благотворную негу сверкающего солнца. Поля спелого хлеба волновались под ними. Брэндон вертелся во все стороны,

выискивая знакомые места. Они миновали стремительную реку и вновь приземлились среди построек фермы. Брэндон прыгнул на землю, Паркер последовал за ним, осторожно прижимая скрипку.

— Того дерева там больше нет,— сказал Паркер.

— Он сообщил, что использовал его,— сказал Брэндон.

Они пошли прямо к мастерской, и Брэндон уже взялся за ручку двери, когда чей-то голос остановил его. Молодая женщина, которую они встретили в первый приезд, подбежала к ним.

— Что вам угодно? — спросила она.

— Мы хотели бы видеть мистера Петерсона,— сказал Брэндон.

— Я сожалею. Папа умер. Он умер месяц назад.

Брэндон промолчал.

— Я сожалею,— повторила молодая женщина.

— Я тоже, тоже сожалею,— сказал Брэндон.

Они развернулись. Медленно добрались до планера. Медленно взлетели.

Брэндон коснулся руки Паркера.

— Остановимся где-нибудь,— сказал он.— Мне нужно подумать.

Паркер приземлился на лужайку около глубокого русла реки.

Брэндон отошел со скрипкой в футляре под мышкой, сел на пригорок, который возвышался над речными водоворотами.

Он очень отчетливо видел лицо старого Тора Петерсона с седыми волосами, глубокими морщинами, задумчивыми впалыми глазами.

«Музыка этой скрипки умерла».

Брэндон открыл коробку и коснулся струн.

День.

«У моего деда был один музыкальный инструмент. Флейта. Он ходил играть в поля. Даже животные приходили его слушать».

«Музыка умирает вместе с музыкантом».

День.

Внутри скрипки полустертая надпись: «Джекоб Рейманн в И Бел Хауз, Саутмарк, Лондон, 1688». Почти тысяча лет. Вечно великая музыка. День.

У Брэндона возникло внезапное и острое предчувствие музыки. Он слышал, как парит жалобный стон, словно поющая стрела, странная и околдовывающая, уходит в небытие с прозрачной нежностью. Он слышал непостижимую сюиту, последовательность нот, молниеносное тональное движение, сирену, ослепительно прекрасную и губительную.

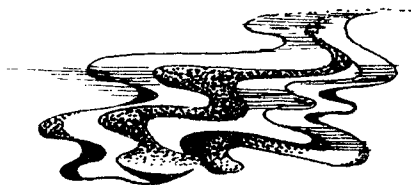
И он увидел публику, тысячи людей, потрясенных, безмолвных от восторгов.

День.

Брэндон нагнулся над рекой и бросил скрипку.

Не обращая внимания на крик ужаса Паркера, он смотрел, как заколдованный, на скрипку, которая закружилась в полете. Она коснулась воды с едва слышным всплеском и, к изумлению Брэндона, поплыла. Какое-то мгновение она легко покачивалась на волне, затем нырнула в стремнину, ударилась об одну скалу, затем о другую и скрылась в облаке щепок и брызг.

Брэндон отвернулся. Снова ему послышалась музыка, но на этот раз это было приглушенное журчание реки и шелест теплого ветра в сухой траве луга.

Лестер дель Рей

ДОБРОТА

Порыв ветра вырвался из-за угла и пронесся мимо отдельно стоящей скамейки в парке. Он подхватил газету, лежащую на земле, и развернул ее. Потом унес часть ее с собой, причем страницы с штатным комиксом оказались наверху. Дэнни встал и вышел туда, где было посветлее. Он посмотрел на страничку для детей.

Но у него не было никакой цели. Он не стал поднимать газету. В мире, где даже комиксы для детей нуждались в объяснении, ничто не могло иметь значения для *Homo Sapiens* — последнего нормального человека во всем мире. Он затолкал газету ногой под скамейку, где она больше не могла напоминать ему о его недостатках. Было время, когда он пытался объяснить все при помощи логики и найти смысл всех вещей. Иногда это ему удавалось, но чаще нет. Тогда он предоставил это естественному интуитивному мышлению окружающих. Ничего не может быть большим маразмом, чем шутка, которую приходилось обстоятельно объяснять.

Номо Sapiens! Тип человека, который выбрался из пещер и постиг тайны атомной энергии, электроники и всяких чудес древности — человек «разумный», как это переводится с латинского. Предки — властители древней Земли — сократили это обозначение до «homo sap». Здесь «sap» звучало как «дурак». Тогда еще смеялись над этой шуткой, потому что не было никакого другого человеческого типа для конкуренции. Сегодня это была уже не шутка.

Теперь нормальный человек был «сапом» для homo intelligens — человека интеллигентного, который теперь был хозяином мира. Дэни теперь был пережитком, последним нормальным человеком в мире сверхлюдей. Он ненавидел сам факт своего рождения и то, что его мать умерла при родах, оставив ему в наследство лишь одиночество.

Услышав шаги молодой пары, он вернулся на скамейку и нагнул шляпу на лицо, чтобы его не узнали. Но они были так заняты собственными делами, что прошли мимо, не обратив на него внимания. До его ушей донеслись какие-то обрывки разговора. Он повертел их в уме, пытаясь понять; существовало бесчисленное множество вариаций.

Невозможно! Даже повседневные разговоры перескакивали через целые логические ступени. Номо intelligens думали по-новому, их разум мгновенно перемещался, минуя длинные трудные шаги логики. Новый человек мог сразу же сложить верную картину из множества обрывков информации. Как старый человек искал логику, чтобы применить эмпирический метод, как это делает большинство животных, так Номо Intelligens нмучился легко использовать свою интуицию. Этим людям нужно было только просмотреть первую страницу книги, и они тотчас узнавали все ее содержание, потому что маленькие приемы автора соединялись в их интенсивном сознании, и они тут же дополняли их отсутствующими частями. Им было это совсем не трудно — они просто смотрели и знали. Это было как в то мгновение, когда на голову Ньютона упало яблоко, и он тотчас же понял, почему планеты кружатся вокруг Солнца и какому закону подчиняется тяготение. Но новые люди были постоянно способны на это не только в свои звездные часы, как это было у Номо Sapiens.

Человечество, за исключением Дэни, погибло, и он тоже должен был покинуть этот мир сверхлюдей. Он должен был как можно быстрее закончить разработку плана бегства, прежде чем остатки мужества покинут его! Он сделал торопливое движение, при этом мелкие монеты тихо звякнули в его кармане. Опять благотворительность или трудотерапия! Шесть часов ежедневно: пять дней в неделю он работал в маленьком бюро, занимаясь оупляющей рутинной работой, которую, вероятно, лучше выполнила бы любая машина. Конечно, они уверяли его, что его собственные способ-

ности были такими же, как и у них, и что он был нужен, но он был не так уж в этом уверен. Может быть, по своей неизмеримой доброте они решили позволить ему жить так же, как и они сами, поэтому они придумали работу, соответствующую его способностям.

На дорожке снова слышались шаги. Он даже не посмотрел, кто это, и поднял взгляд только когда они замерли перед ним.

— Добрый день, Дэнни. Ты не в библиотеке. Но мисс Ларсен считает, что сейчас день зарплат и хорошая погода, поэтому ты, вероятно, здесь. Как у тебя дела?

Чисто внешне Джека Торна можно было принять за отражение Денни. Оба сильные, мускулистые, спортивные; в их улыбающихся лицах тоже не заметно было большого различия. Мутация людей в сверхлюдей происходила внутренне; быстрые, заметные изменения связей клеток мозга снаружи не были заметны.

Дэнни улыбнулся Джеку и, колебавшись, отодвинулся в сторону, чтобы дать место на скамейке человеку, который был его товарищем по играм в то время, когда оба они были еще так малы, что разница между ними не играла никакой роли.

Он не спросил, откуда библиотекарьше известно, где он находится. Насколько ему было известно, те, кто посещал его здесь не придерживались какого-то четкого плана, но другие, очевидно, его здесь видят. Он установил, что он даже может улыбаться их способности предугадывать его планы.

— Хэлло, Джек! Я думал, ты на Марсе!

Торн скривил лицо, словно ему все время приходилось напряженно думать о том, что юноша возле него был другим. Джек, как и все остальные, беседуя с Дэнни, пользовался точными формулировками.

— Я за несколько минут закончил там все дела. А теперь должен связаться с Венерой. Ты знаешь, у них там проблемы с установлением равновесия между юношами и девушками. Я подумал, может быть, ты захочешь отправиться со мной? Ты еще никогда не был вне Земли, причем, насколько я помню, ты был одержим историей космических путешествий.

— Я все еще одержим ею, Джек, но... — Он знал, что все это значит. Те, кто стоял за кулисами, обнаружили, что он все время недоволен и теперь надеялись отвлечь его, дав ему возможность увидеть места, которые его отец покорил в то время, когда раса пребывала в варварстве. Но Дэнни не хотелось видеть их в их теперешнем состоянии, преобразованными старательными руками новых людей. Лучше представлять их такими, какими они были, когда их завоевывали. Кроме того, корабль был Здесь. Не было никакой возможности сбежать с одного мира на другой.

Джек кивнул. Его раса отличалась почти телепатическим взаимопониманием.

— Конечно! Как хочешь, старина. Ты пойдешь к дому? Мисс Ларсен сказала, что у нее для тебя что-то есть.

— Не сейчас, Джек. Я думаю, мне кажется... я поеду в старый музей.

— Ах, так? — Торн медленно встал и отряхнул костюм. — Дэнни!

— Да?

— Я, вероятно, знаю тебя лучше, чем кто-нибудь еще, друг мой, поэтому... — Он поколебался и покачал плечами. — Не злись, если я сделаю преждевременные выводы. Я заткнусь. Ну, всего хорошего. Будь счастлив, Дэнни!

Сразу же после. Сердце Дэнни разрывалось. Еще пара слов, выражение лица или намек на воспоминание о детстве, и он громко выкрикнет все самое сокровенное. Сколько других знали о его интересе к старомодному кораблю в музее и о его тщательно разработанном плане покинуть этот мир пытки насильной добротой и любовью высших к низшему?

Он раздавил сигарету и попытался прогнать эти мысли. Джек еще играл с ним, когда они были детьми, другие же — нет. На этом он обосновывал свою надежду, с этих пор он стал еще осторожнее и никогда не думал о своем плане, когда другие были поблизости. Пока он должен держаться подальше от корабля! Может быть, предупреждение Торна можно обратить себе на пользу — предположив, что этот человек сдержит свое обещание никому не говорить.

Он испугался своих сомнений, потому что точно знал — он не отважится отказаться от надежды на последнюю зацепку за независимость и самостоятельность. В противном случае его ждали только отчаяние и безучастная безнадежность, бессмысленная смерть от острого комплекса неполноценности, вызванного все уменьшающимся количеством индивидуумов его расы и еще тем, что он остался последним, единственным ее представителем. Он должен как-то вырваться! А пока он пойдет в библиотеку и будет держаться подальше от музея.

Когда Дэнни поднимался на лифте, из библиотеки выходила большая толпа людей, но никто не узнал его под низко надвинутой на лоб шляпой или они почувствовали его неприязнь и сделали вид, что не узнали его. Он выбрал один из наименее используемых коридоров и направился к отделу исторических документов, где мисс Ларсен только что разложила и убрала микрофильмы. Но когда он вошел, она все отложила и наградила его теплой, лучезарной улыбкой своей расы.

— Хэлло, Дэнни! Вы уже нашли своего друга?

— Ммммммм. Он сказал, что у вас кое-что для меня есть.

— Да, есть, — лицо ее засветилось радостью, когда она повернулась к письменному столу позади себя и достала маленький, пере-

вязанный тесемкой пакетик. Дэнни поймал себя на том, что он уже в тысячный раз испытывает желание, чтобы она принадлежала к его расе, но он снова был вынужден подавить свои чувства, когда ему стало ясно, что она в действительности о нем думает. Короткая беседа о прошлом его расы возбудила у нее лишь исторический интерес — не более. И он был только дурацким пережитком давно прошедших дней.

— Отгадайте, что это?

Не в силах ничем себе помочь, он изобразил радость от того, что она решила поиграть с ним и с пакетиком.

— Журналы! Утерянные экземпляры «ТРОПЫ ВО ВСЕЛЕННУЮ»? — Он прочитал только первую часть одного из выпусков, но этот роман заставил его сердце забиться быстрее, чем какой-нибудь другой роман о покорении Вселенной, написанный его предками. Теперь у него была отсутствующая часть, и в ближайшие часы, когда он будет совершать подвиги вместе с первопроходцами, не обращая внимания на окружающих его гениев, его жизнь будет чудесной.

— Не все, Дэнни, но почти все. Мы не могли найти ни малейших следов журналов, но я на прошлой неделе дала первую часть Брайану Кеннингу, и он дописал ее для вас. — Потом она извинилась. — Конечно, словесный состав не идентичен, но Кеннинг клянется, что роман имеет совершенно то же содержимое и смысл почти точно такой же.

Почти такой же! Кеннинг видел первые страницы романа, на который древний писатель потратил недели, месяцы, и он уже четко видел перед собой все его действие, представив его себе в течение одного мгновения! Потом он поработал над ним еще одну ночь, изготавливая сюжет, — неприятная и скучная возня, но отнюдь не тяжелая работа! Дэнни ни секунды не сомневался в точности, потому что Кеннинг был величайшим историческим романистом. Но радость предвкушения чтения уже прошла.

Он взял пакетик и заметил, что иллюстратор скопировал даже манеру древнего художника. Размер тоже соответствовал формату оригинала.

— Большое спасибо, мисс Ларсен. Мне очень жаль, что я доставил вам столько хлопот. Это было очень мило и со стороны мистера Кеннинга.

Ее лицо, так же, как и у него, вытянулось, но она сделала вид, что не заметила тона Дэнни.

— Он хотел это сделать — он сразу же предложил, как только услышал, что мы ищем потерянное издание. И, если будет еще один роман, сохранившийся лишь отчасти, вы должны тут же сообщить ему об этом, Дэнни. Вы оба практически единственные, кто еще пользуется нашим отделом. Почему вы не познакомитесь с ним? Если вы приедете сюда сегодня вечером...

— Большое спасибо. Но я весь вечер буду читать. Вы скажите ему, что я бесконечно благодарен ему. Вы это сделаете? — Он еще немного постоял и подумал, не отважиться ли ему самому попросить книги по истории астероидов. Нет, риск, что все рано или поздно выплывает наружу, слишком велик. Он не хотел выдавать свой план ни малейшим намеком.

Мисс Ларсен снова улыбнулась и почти подмигнула ему.

— Ну, хорошо, Дэнни, я сделаю это. Доброй ночи!

Снаружи уже опускалась ночная прохлада, когда Дэнни направился в мало посещаемую часть города. Когда навстречу ему вышла группа людей, он перешел на другую сторону улицы, даже не задумываясь над этим, и пошел дальше. Пакетик у него под мышкой, казалось, стал тяжелее, и он переложил его под другую руку. Дэнни чувствовал, что в душе у него шла борьба. С одной стороны, он охотно узнал бы, что произошло с героями, а с другой стороны — сердился на свой мозг Сапиенса, потому что тот был таким неспособным. В конце концов он решил идти домой и читать, но пока удовлетворился тем, что шел пешком, отдавшись на волю своих чувств.

Перед ним раскинулся небольшой парк. Он медленно брел по парку и вдруг услышал детские голоса, перед ним оказались два маленьких мальчика и девочка. Их воспитательница (а ее уже давно прислали из центра) казалась только неясной тенью среди других теней возле детей, а пятилетние ребятишки весело играли в древнюю игру, строя крепость из песка.

Дэнни остановился, и губы его медленно растянулись в улыбке. В этом возрасте они только начинали развивать свои интуитивные способности, их игры были очень просты и потому понятны. Он с грустью вспомнил, как его друзья в этом возрасте начинали постепенно овладевать своими трюками, очевидно, понимая, как велик был его страх остаться одному. Некоторое время духовное просветление, которое все время возникало у Homo Sapiens, разжигало его надежду, но в конце концов воспитатели вынуждены были сообщить ему, что он был другим, и почему это произошло. Теперь он отметал эти болезненные воспоминания и незаметно смешался с играющими мальчиками.

Они приняли его с мгновенным взаимопониманием детей, даже не попытались прогнать и теперь усердно старались, чтобы их песочная крепость получилась выше, но у него было в этом больше опыта. Он также мог лучше оценить свойства влажного песка, чем они. В нем поднялась странная радость из-за своих способностей, когда он надстроил еще один этаж в своей крепости, а потом подпер ветками и листьями мост, ведущий в его воспоминания.

Потом зажглись фонари, появившись возле песочницы, и стало совсем светло — как днем. Тени в черных сумерках исчезли. Млад-

ший из двух мальчиков поднял глаза и впервые по-настоящему разглядел Дэнни.

— А, ты же Дэнни Блэк, не так ли? Я видел твоё изображение. Джуди, Бобби, это человек...

Их голоса стали слышны слабее, когда он побежал через парк по заброшенной боковой дорожке, прижимая к себе пакетик. Идиот! Обрадовался возможности поиграть с детьми в жалкую игру! И ещё удивляется, что дети узнали его! Он замедлил бег, перешел на шаг, прикусил губу и думая о том, что воспитательница упрекает детей за их бездумный поступок. А ноги несли его вперед без всякой цели. Потом стало ясно, что они несут его к музею, где таились все его тайные надежды. И все же он был удивлен, увидев музей прямо перед собой. Но потом он обрадовался. Они, конечно, не могли увидеть в его незапланированном посещении ничего подозрительного; он сразу же закрыл за собой дверь музея. Глубоко вдохнул воздух и заставил свое лицо принять равнодушное выражение, идя по длинному коридору к залу, где находился корабль.

Он был там, нос слегка приподнял к небу, стройный и великолепный даже в этом зале, который имитировал бесконечное измерение Вселенной. Двести метров блестящего металла без единой царапины, великолепие, стремящееся вверх, с округлым носом, стройной кормой, с почерневшими ионно-лучевыми двигателями...

Насколько было известно Дэнни, это был самый последний и самый большой космический корабль, который его раса построила в зените своей славы. Но уже перед этим под воздействием излучения в пространстве произошла мутация, в результате которой возникло множество новых людей. Такое воздействие происходило все чаще. Как было ясно из бортового журнала, этот корабль летал на Марс, на Венеру и в другие форпосты империи человека, в то время как дома все больше нарастало напряжение. Потом никто больше не использовал корабль, созданный только *Homo Sapiens*, потому что новая раса быстро увеличивалась в числе и возможности ее возросли. Вместо этого люди эти пользовались немногими собственными ионными ракетами, которые были намного быстрее корабля, ракетами, сворачивающими пространство. Так как больше не разрабатывалось новых типов кораблей, старые постепенно выходили из обращения, превращаясь в металлолом. Потом началась война между старой и новой расой, корабли были погребены под горами мусора, не оставив никаких следов своего существования.

Этот корабль осторожно извлекли из-под старого, древнего дока, и теперь он вот уже год стоял в музее истории *Homo Sapiens*, тщательно вычищенный и отремонтированный, и вокруг него крутились все надежды и молитвы Дэнни. Его все еще не покидало благоговейное чувство, когда он по ковру входил через шлюз в ярко освещенные внутренние помещения.

— Дэнни! — внезапный зов оторвал его от мыслей и заставил виновато обернуться. Это был профессор Кири. Дэнни облегченно вздохнул, старый археолог направился к нему, его улыбка была едва заметна в темноте под гигантским куполом. — Я уже не думал, что увижусь с тобой, и собирался уходить. Но случайно обернулся еще раз и увидел тебя. Я думаю, ты проглотишь парочку фактов, которые я сегодня выписал для тебя.

— Информация о корабле?

— А что же еще? Заходи сюда в салон, у меня здесь есть кое-какие привилегии, и мы можем удобно устроиться здесь. Ты же знаешь, что, чем старше я становлюсь, тем больше ценю представления твоих предков об удобствах, Дэнни. Собственно, жаль, что наша культура еще слишком молода для многих удобств, — из всех новых людей, казалось, только Кири действительно чувствует себя в присутствии Дэнни совершенно естественно. Отчасти потому, что он был стар, а отчасти потому, что он чувствовал рядом с кораблем такое же воодушевление.

Теперь профессор Кири опустился на древний диван, с легкой душой отмечая все предписания, достал сигарету и повернулся к молодому человеку.

— Ты знаешь, что все запасы и оборудование в корабле представляют для нас обоих загадку: мы, как ты понимаешь, не можем понять их значения. Бортовой журнал заканчивается сообщением о превращении старого корабля в металлолом. Мы также не можем найти никакого объяснения, почему все это отремонтировано, и все запасы обновлены, словно корабль готовился к новому путешествию. В результате новых раскопок, которые теперь завершены, Дэнни, это выяснилось. Твои люди сделали это во время войны... нет, после войны, собственно, после своего поражения.

Дэнни поднялся. Война была отрезком истории, постоянно занимающим его мысли, хотя он знал о ней лишь в общих чертах. В то время, когда Homo Intelligens становились все многочисленнее и старая раса по закону выживания была оттеснена в сторону, его люди сделали последнюю отчаянную попытку, чтобы сохранить свое положение. Хотя старая раса не хотела войны, она в конце концов была вынуждена сражаться так же безжалостно, как и те, кто напал на нее. Но у них было огромное преимущество — интуитивное мышление, и от первоначальных миллиардов старой расы осталось только несколько тысяч индивидуумов, и это было ее концом. Вероятно, после того, как произошли первые мутации, такой конец был неизбежен, однако об этом Дэнни думал очень неохотно. Теперь он кивнул и предоставил возможность говорить своему собеседнику.

— Твои предки, Дэнни, были тогда разбиты, но их не полностью смешали с землей. Они собрали все свое мужество и всю энергию и снова восстановили корабль — это единственное оставшееся у них

средство передвижения — и снарядили его. Они хотели куда-то улететь на нем — точно неизвестно — куда, может быть, в другую солнечную систему. Они хотели также взять с собой несколько людей старой расы, чтобы все начать снова, вдалеке от нас. Это последняя попытка выжить. Она провалилась, когда мои люди узнали о ней и взорвали док под кораблем. Но то было славное поражение, парень! Я думаю, ты должен это знать.

Дэнни медленно собирался с мыслями.

— Вы имеете в виду, что все, кто находился на борту этого корабля, были людьми моей расы? Но ведь старые припасы за такой долгий срок должны испортиться!

— Да ну! В результате проб, сделанных нами, мы получили однозначный ответ. Твои люди разбирались в консервировании так же хорошо, как и мы, и они рассчитывали пробыть в полете по меньшей мере полстолетия. Эти припасы пригодны и сейчас, спустя тысячу лет,— профессор бросил окурок через салон и радостно хихикнул, когда тот упал точно в пепельницу.— Я задержался здесь только затем, чтобы сообщить тебе об этом. А в школе я подготовил все бумаги, из которых ты сам можешь во всем убедиться. Почему ты не поднимешься ко мне наверх, Дэнни?

— Только не сегодня, профессор. Я лучше немного побуду здесь.

— Как хочешь... Я знаю, что ты чувствуешь, и мне действительно жаль, что корабль забирают. Нам будет очень не хватать его, верно, Дэнни?

— Корабль забирают?

— Разве ты ничего не слышал? Я думал, что ты поэтому и пришел сюда. Его отправляют в Лондон. Для этого используют старый лунный корабль. Жалко, в самом деле жалко! — Он задумчиво провел рукой по стене, потом его ладонь скользнула по замшевой обшивке дивана.— Ну, осталось недолго. Выключи свет, когда будешь уходить. Музей закроется через полчаса. Доброй ночи, Дэнни!

— Доброй ночи, господин профессор,— Дэнни неподвижно сидел на шаткой софе, вслушиваясь в мягкие шаги старика и в удары собственного сердца. Они хотели украсть корабль и разрушить его планы. Они хотели оставить его в этом мире новой расы, где его жалеют даже дети.

Это было не так уж плохо, пока у него была надежда, что однажды он сможет бежать отсюда. Он неторопливо выключил свет. В темноте он чувствовал себя теснее связанным с кораблем, потому что ни один смотритель музея не мог видеть его чувства. Уже на протяжении целого года своей жизни он представлял себе, как возьмет этот корабль и улетит, оставив новую расу позади. Он провел долгие, однообразные месяцы, изучая конструкцию корабля, разбирая запасы и изучая старые книги страницу за страницей. Он приобрел уверенность, что теперь сможет справиться с кораблем.

Казалось, корабль был сконструирован так, что им мог управлять один человек; даже калека мог справиться с ним, в случае необходимости здесь все функционировало автоматически. Оставалась только проблема нахождения цели, потому что планеты двигались относительно друг друга; но бортовой журнал давал ответ и на это.

Среди людей его расы раньше тоже были очень богатые люди, понимающие смысл в экстравагантности и уединении (или проще сказать: в сумасбродстве). И то, и другое они нашли на крупных астероидах. С помощью денег, науки и ядерных силовых установок они создали искусственную силу тяжести и атмосферу, которые должны существовать вечно. Теперь эти богачи, несомненно, уже умерли, а новая раса отказалась от таких бесполезных вещей. Где-нибудь среди астероидов должно было найтись укромное местечко и для него, потому что из-за огромного количества этих маленьких планеток было невозможно обыскать их все.

Дэнни услышал, как мимо прошел зритель, и медленно встал, чтобы снова выйти в тот мир, где у него больше не было никакой надежды, — это была прекрасная мечта, необходимая мечта! Потом он услышал, как закрылись огромные двери! Профессор забыл сказать им о его присутствии. И...

Ну и хорошо. Он не знал истории всех этих маленьких миров. Может быть, ему придется обыскать их все один за другим, чтобы найти подходящее убежище. Но играло ли это какую-нибудь роль? В конце концов, он как можно лучше постарался подготовиться. Он колебался всего лишь мгновение. Потом его руки легли на большой рычаг управления шлюзом. Люк тихо закрылся в темноте. Его шаги теперь не будут слышны снаружи.

После того, как он, наконец, нашел кресло пилота и опустился в него, медленно разгорелись лампочки. Эти лампочки свидетельствовали о готовности корабля к старту: «Корабль загерметизирован... воздух в порядке... ток... автоматика... машины, автоматика...» Почти пятьдесят лампочек и шкалы показывали ему, что корабль ждет только его приказа. Он медленно стал передвигать курсограф по крошечной атмосферной карте, пока он не оказался над стратосферой. Курсограф на большой звездной карте прочертил неравномерную зигзагообразную линию, которая вела куда-то к астероидам. Во всяком случае, она проходила далеко от теперешнего местоположения Марса, но у нее не было другой цели. Позже он воспользуется анализатором, чтобы определить точное местоположение астероидов и продолжить к ним курс. А в данное мгновение было важнее улететь как можно дальше, чтобы после того, как о его исчезновении станет известно, нельзя было бы напасть на его след.

Секундой позже он передвинул главный рычаг подачи энергии. Корабль задрожал и двинулся с места. Стены музея разлетелись от чудовищного давления ионной ракеты, не оказав никакого сопро-

тивления. На карте засветилось маленькое световое пятнышко, указывающее местоположение корабля. Теперь планета осталась позади. Никто больше не будет с сожалением смотреть на его усилия и напоминать ему о его слабостях. Теперь ему противостояла только слепая судьба, которая встретила его предков и победила их.

Сигнал показал ему, что корабль уже покинул атмосферу. Автопилот начал тихо тикать, временами издавал громкие щелчки, — когда корабль отклонялся от расчетного курса и сам же выводил корабль на нужный курс. Дэнни с удовлетворением убедился, что все функционирует в лучшем виде. Хотя у его предков был лишь обычный разум, они создали машины, которые реагировали почти интуитивно, как, например, этот корабль, в котором он находится. Направляясь в камбуз, он поднял голову повыше. По его походке было видно, что он был горд собой.

Продукты были все годны в пищу. Он набросился на еду как голодный волк, у него еще никогда не было такого аппетита. Потом он заглянул в бортовой журнал, в котором были записаны все долгие полеты корабля. Он стал искать сведения об астероидах Церере, Палладе, Весте или каких-нибудь других, которые носили только номера или прозвища. Каких?

Снова вернувшись в рубку, он принял решение. Взглянул наружу, в ледяную бесконечность Вселенной, прерываемую только крошечными белыми булавочными головками, которые, очевидно, были звездами. Они были более пестрыми, маленькими и яркими, чем те, что видны сквозь атмосферу. Его целью, должно быть, был один из пронумерованных планетоидов, который в журнале значился как «К датчанину». Название ничего не говорило, но оно, казалось, было просто сокращением. Но с другой стороны, оно было настолько древним, что его значение установить было сейчас невозможно.

Найдя в журнале ключевой номер, Дэнни ввел его в анализатор и некоторое время смотрел, как медленно тот погружается в прошлое. Потом немного поиграл с радио, пока не заметил, что оно настроено на волну, которой давно уже никто не пользуется. Но это ничего не меняло, потому что он окончательно порвал с новой расой.

Анализатор продолжал работать. Вселенная со временем утрачивала свое очарование, и работа автопилота больше его не интересовала. Он вернулся в корабельный салон, чтобы посмотреть, что в пакетике, который он отложил и забыл.

Как только он начал читать, то сразу забыл обо всех своих сомнениях и о том, что это не оригинал, а история, написанная Кеннингом. Столь же захватывающее действие, такие же яркие человеческие характеры и та же активность расы, которая так долго держала в руках свою судьбу. Потому не было ничего странного, что читатель того времени оценивал этот роман как самый значительный космический эпос, когда-либо написанный.

Однажды он посмотрел, как анализатор, завершив свои исследования, тихо звякнул, прежде чем передать результаты автоматике управления, чтобы она могла привести корабль к маленькой планете, которой посчастливилось стать домом Дэнни. После этого рысканье корабля прекратилось, и он, описав пологую кривую, лег на курс. Во время этого маневра Дэнни удобно устроился в кресле пилота и продолжил чтение. Теперь он чувствовал совершенно новую, более сильную связь с действующими лицами. Он больше не был жалким, привязанным к земле отбросом общества, он был таким же мужчиной и победителем, как они!

Когда он добрался до конца романа и книга упала на пол из его усталых рук, нервы его были возбуждены. Под книгой вспыхнул световой сигнал, который он раньше не заметил, пока над его креслом внезапно не прозвучал удар гонга. Точно такой же гонг был описан в романе.

Таким же было и его значение. Он прочел на бортовом экране красную надпись, которая, казалось, с упреком подмигивала ему: **«ИЗЛУЧЕНИЕ ГОРИЗОНТАЛЬНО, ДЕСЯТЬ ЧАСОВ — ПОБЛИЗОСТИ КОРАБЛЬ»**

Поняв это сообщение, Дэнни взялся за рычаг и отключил двигатели и псевдотяжесть во всем корабле. Другой корабль был ясно виден в иллюминаторе наблюдения. Четко были видны толстые, раскаленные добела полосы инверсионной материи, извергающиеся из дюз ракеты. Очевидно, этот корабль возвращался на Землю — вероятно, это «КАЛЛИСТО»!

Несколько мгновений он был уверен, что они его обнаружили, но дрожь корабля, вероятно, возникла всего лишь из-за корреляции курса. Он не был знаком с новыми кораблями и не знал, есть ли у них системы обнаружения, но, очевидно они сочли такие системы излишними. Полосы исчезли вдали, и буквы предупреждения погасли. Дэнни подождал, пока корабль не исчезнет из поля зрения даже при сильном увеличении, потом снова включил энергию. Слабое свечение ионных ракет, конечно, не было заметно с такого расстояния.

Больше ничего не происходило. Автопилот лишь удовлетворенно тикал, с кормы доносилось только тихое, усыпляющее гудение, не было ни гонга, ни других звуков. Тело Дэнни медленно наклонилось вперед, на панель управления. Скоро его храп смешался с другими приглушенными звуками. Корабль продолжал свою деятельность, для которой он был предназначен. Он твердо выдерживал курс, и за ним даже тянулся старомодный шлейф. Он не требовал никакого внимания.

Дэнни проснулся от тихого звонка, на экране появилась новая надпись. Лампочки мигали ей в такт: **«ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА! ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА! ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА!»**

Он выключил все, протер сонные глаза и осмотрелся. Сверху голубоватого неба, на котором низко над почвой плыла пара облаков, проникал слабый солнечный свет. За небольшой песчаной полосой, на которую опустился корабль, была зеленая трава и пышный лес. Горизонт был очень близок и напоминал ему, что он находился на маленькой планете, в противном случае это могла быть и Земля. Он увидел заброшенный ангар и подал в двигатель немного энергии, очень осторожно передвинув корабль вперед в ангар. Теперь его не могли видеть с воздуха.

Потом он подошел к шлюзу и повернул рукоятку. Когда люк наконец открылся, он ощутил свежий аромат растительности. Вблизи он услышал щебет птиц. Когда он вышел на солнечный свет и остановился, к нему по лугу подскочил любопытный кролик. Деревья и кустарник почти скрывали находящееся поблизости строение. Он облегченно вздохнул. Совсем не трудно начать новую жизнь на этом небесном пятачке.

Осмотр строений снова вызвал у него сомнение. Раньше они были окружены тщательно ухоженным садом, и здесь были руины большой величественной виллы. На некотором отдалении от нее находился маленький домик, для которого, очевидно, был использован камень виллы. Хотя он зарос плющом, в нем сохранилась полуоткрытая дверь.

Из калорифера все еще шло слабое тепло. Он питался от большого атомного реактора, который обеспечивал и поддерживал сходство этого маленького мирка с Землей. Повсюду был толстый слой пыли. Но обстановка была в хорошем состоянии. Он тщательно осмотрел все и установил, что некоторые из вещей напоминали музейные экспонаты, сделанные руками людей его расы. Он перебирал их одну за другой, считая это счастливой случайностью: теперь это был его дом!

На столе лежала раскрытая книга. В ней был заложен листок бумаги. Почерк был похож на женский. Стряхнув пыль, он прочел:

**«ОТЕЦ, ЧАРЛИ САММЕРС НАШЕЛ ПОТЕРПЕВШИЙ
КРУШЕНИЕ КОРАБЛЬ ЭТИХ СКОТОВ И ЗАБРАЛ МЕНЯ.
МЫ ЖИВЕМ НАВЕРХУ, НА ТРИНАДЦАТОМ. ПРИЛЕ-
ТАЙ, ЕСЛИ ТВОИ ДЮЗЫ ВЫДЕРЖАТ, И ПОЗНАКОМЬСЯ
СО СВОИМ ЗЯТЕМ».**

На этой записке не было ни даты, ни подписи, ни сообщения о том, вернулся ли «отец» и что с ним произошло. Дэнни благоговейно положил записку на стол и посмотрел на посадочную полосу, словно увидел там, в коротких сумерках, все, что случилось в этом маленьком мирке. «Эти скоты» могли быть только новой расой после

войны, и это значило, что здесь был последний форпост людей его расы. Запись могла быть сделана и десять, и пять столетий назад, но в любом случае его люди были здесь, сражались и остались после того, как Земля была для них потеряна. Если они это сделали, ему это тоже удастся!

И, как бы ни невероятно это звучало, — может быть, там, снаружи, кто-нибудь еще остался. Разве невозможно, несмотря на время и все трудности, и даже на *Intelligens*, что они выжили?

Глаза Дэнни повлажнели, когда он повернулся и начал убирать свой новый дом. Снаружи было темно. Если остались выжившие, он найдет их. А если нет...

Тоже хорошо, потому что он все еще был представителем великой отважной расы, которую нельзя уничтожить, пока существует хотя бы один ее представитель. Он должен всегда помнить об этом.

Внизу, на Земле, Брайан Кеннинг кивнул маленькой группке, настраивая коммуникатор. Несмотря на улыбку, смягчившую черты его лица, глаза его были печальны.

— Разведывательный бот вернулся. Он нашел «К датчанину». Бедный парень. Я уже думал, что мы ждали слишком долго, и что он никогда не сможет этого сделать. Еще четыре месяца — завял бы, как цветок без солнца. И все же, я надеялся, что это удастся, когда мисс Ларсен передала мне книгу о сказочном райском планетоиде. Хотя она не историческая, однако написана великолепно. Я надеюсь, что та, которую я написал, ничем ей не уступит.

— Что касается исторических ляпов, так это уж точно, — профессор Кири так и не выразил своей радости. — Ну и что! Он проглотил нашу ложь и улетел на корабле, который мы для него построили. Я надеюсь, что он будет счастлив, по крайней мере, некоторое время.

Мисс Ларсен скомкала носовой платок. Казалось, что она вот-вот сорвется.

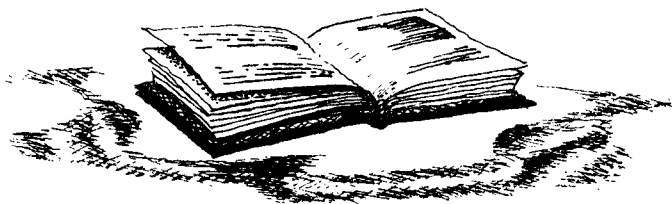
— Бедный мальчик! Он был бы великолепным парнем, если бы не вызывал такую жалость. Я хотела бы, чтобы девочки, над которыми мы работаем, удались лучше. Может быть, тогда все получится. Проводите меня домой, Джек?

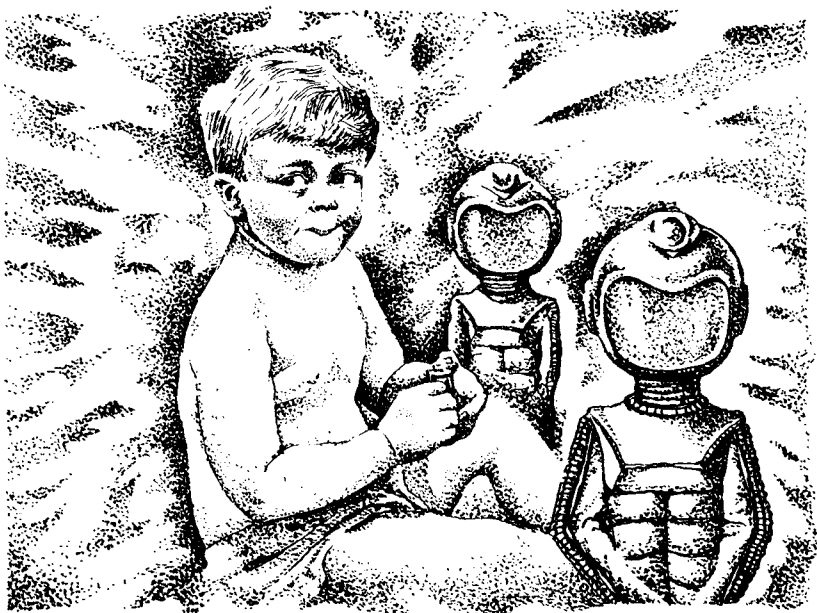
Оба старика переглянулись, когда мисс Ларсен и Торн ушли. В комнате повисло молчание и клубы табачного дыма. Наконец Кеннинг пожал плечами и посмотрел на профессора.

— За это время он должен найти записку. Я не знаю, действительно ли это было такой хорошей идеей. Когда я в первый раз наткнулся на это в старой книге, я вынужден был подумать о сообщении Джека номер семь. Но теперь я больше в этом не уверен. В лучшем случае — это девушка неизвестного роста. Во всяком случае я сделал это из добрых побуждений, из доброты.

— Доброта! Доброта как награда, пара тысяч рабочих часов... а тут еще ложь... обо всем, чем мы обязаны расе этого юноши! — Голос профессора звучал устало. Он выколотил трубку в пепельницу и медленно подошел к большому окну. Снаружи было темно.— Иногда мне хочется, знать, Брайан, как можно было выказать добро неандертальцу, когда последний из них достиг конца своей жизни. И раса, которая будет после нас, тоже отнесется к нам со всей возможной добротой, когда над нами опустится тьма, не так ли?

Писатель скептически покачал головой. Потом оба снова посмотрели наружу, на мир и звезды.

Льюис Пэджет

КОГДА ЛОМАЕТСЯ ВЕТВЬ

Они были поражены, что получили квартиру, где плата за наем была так высока и договор был так наштампован оговорками, но Джо Кальдерон был счастлив, что за десять минут на подземке он мог добраться до университета. Его жена Майра рассеянно распустила рыжие волосы, считая, что домашняя прислуга, вероятно, ожидает своих нанимателей и что она размножается при помощи партеногенеза — если так можно выразиться. Во всяком случае, нужно исходить из того, что организм делится на две половины, причем получаются два взрослых экземпляра. Кальдерон, усмехнувшись, заметил:

— Из двух частей, глупышка, — и посмотрел на маленького Александра, которому было восемнадцать месяцев и который ползал на четвереньках по ковру, стараясь встать на свои толстые, кривые ножки.

Впрочем, это была милая квартирка. В ней каждый день было

солнце и больше комнат, чем они могли бы ожидать за эту плату. Соседка, привлекательная блондинка, говорящая почти исключительно о своей мигрени, рассказала, как гяжело выносить жильца четвертого этажа. Хотя он и не плевал оттуда, но к нему приходят странные посетители. Предыдущий жилец, страховой агент, уже выехал с квартиры, а сейчас речь идет о людях, которые каждый час стучали в дверь и спрашивали мистера Пота или тому подобное. Только спустя некоторое время Джо связал «Пот» с «Кальдероном»*.

Они спокойно сидели на кушетке и наблюдали за Александром. Он был нормальным малышом. Как и у всех малышей, вокруг затылка у него был жировой воротник, а его ножки, по мнению Кальдерона, являли собой две толстые тумбочки, лишённые суставов,— во всяком случае, они казались такими. Они привлекали взгляд своими невероятными розовыми округлостями. Александр, хохоча как сумасшедший, встал на ножки и, качаясь как пьяный, направился к родителям, бормоча что-то неразборчивое.

— Ты дурачок,— нежно сказала Майра и бросила ребенку его любимую мягкую меховую свинку.

— Итак, мы все подготовили на зиму,— сказал Кальдерон. Это был высокий худой мужчина затравленного вида, физик-исследователь с хорошим именем, очень довольный своей работой в университете. Майра была милой рыжеволосой женщиной, курносая и с темными приподнятыми бровями. Она пренебрежительно фыркнула.

— Если только мы сможем получить домашнюю прислугу. Иначе мне придется заниматься уборкой.

— Ты стенаешь, как потерянная душа,— сказал Кальдерон.— Что ты подразумеваешь под словом «уборка»?

— Убирать как уборщица. Выметать, готовить, чистить. Дети — тяжелое испытание. Но они имеют свою ценность.

— Только не Александр. Он становится слишком заносчивым.

В дверь позвонили. Кальдерон пересек комнату и открыл дверь. Он несколько раз выглянул наружу, но никого не увидел. Потом он опустил глаза, и то, что увидел, заставило его замереть от удивления.

В прихожей стояли четыре маленьких человечка. Это значило, что нормальными они были только ото лба и ниже. Их черепа были огромны, величиной со средний арбуз, и арбузоподобными были на них невероятно большие шлемы из блестящего металла. Их лица были сморщенными, похожими на заостренные маленькие маски из переплетения линий и пятен. Их одежда была кричащего неприятного вида и казалась сделанной из бумаги.

* Игра слов: Pot (англ.) — горшок; Gauldron (англ.) — котел. Galderon — фамилия.

— О? — растерялся Кальдерон.

Четверо обменялись быстрыми взглядами. Один из них осведомился: «Вы Джозеф Кальдерон?»

— Да.

— Мы,— объяснил самый морщинистый,— потомки вашего сына. Он суперребенок. Мы пришли, чтобы воспитать его.

— Да,— сказал Кальдерон.— Да, конечно. Я... послушайте!

— Что?

— Супер...

— Он тут! — воскликнул другой карлик.— Это Александр! Наконец-то мы прибыли в нужное время! — Он просеменил мимо Кальдерона в комнату. Кальдерон сделал несколько попыток поймать карликов, но человечки без труда уклонялись. Когда он повернулся, они уже столпились вокруг Александра. Майра подтянула под себя ноги и пораженно наблюдала за происходящим.

— Посмотрите на это! — потребовал один карлик.— Посмотрите на его потенциальную Тефитуи.— (Это звучало как «Теофитуи»).

— Но его череп, Бордент,— вмешался второй.— Это важная часть. Виринг почти точно Кобластабилен.

— Чудесно,— согласился Бордент. Он наклонился. Александр полез в переплетение морщин, схватил нос Бордента и сильно повернул его. Бордент стоически перенес это, пока захват не ослаб.

— Не развит,— снисходительно произнес он.— Мы его разовьем.

Майра спрыгнула с кушетки, подняла ребенка и, готовая к драке, встала перед человечками.

— Джо,— спросила она,— тебе это нравится? Кто эти дурно воспитанные гномы?

— Бог знает,— Кальдерон облизнул губы.— Что это за чушь? Кто их сюда послал?

— Александр,— ответил Бордент,— из... по грубым подсчетам, 2456-го. Он практически бессмертен. Супера можно убить только силой, а насилие в 2456 году не существует.

Кальдерон вздохнул.

— Шутки в сторону. Чушь есть чушь. Но...

— Мы снова и снова пытались это сделать в 1949, 1944, 1947-м.— во всей этой эре. Или мы приходили слишком рано, или слишком поздно. Но теперь мы попали в нужную точку времени. Наше задание — воспитать Александра. Тот факт, что вы его родители, должен преисполнить вас гордостью. Вы знаете, мы почитаем вас, Отца и Мать новой расы.

— Ха! — фыркнул Кальдерон.— Прекратите это!

— Им нужны доказательства, Добиш,— задумчиво произнес один карлик.— В конце концов, они сегодня впервые слышали, что Александр является homo superior.

— Хомо вздор,— сказала Майра.— Александр — совершенно нормальный ребенок.

— Он совершенно сверхнормален,— подчеркнул Добиш.— Мы — его потомки.

— Вы сделаете из него супермена,— Кальдерон скептически посмотрел на карликов.

— Ни в малейшей степени. Существует очень мало Х-свободных типов. Биологическая норма — специализация. Только немногие являются суперами во многих областях. Некоторые особенно сильны в логике, другие специализируются на внушении, а другие — мы, например,— на руководстве. Если бы мы были Х-свободными суперами, мы бы не стояли здесь и не говорили бы с вами. Посмотрите на нас. Мы только части. А такие, как Александр,— славное целое.

— Ох, убирайтесь прочь! — для Майры это было уже слишком.

Кальдерон кивнул.

— О'кэй. Исчезните, джентльмены! Выметайтесь отсюда! Я говорю серьезно.

— В самом деле,— сказал Добиш,— им нужны доказательства. Что нам делать? Скискиниры?

— Как доказательство это будет недостаточно,— вмешался Бордент.— Я за наглядный урок. Парализатор.

— Парализатор? — спросила Майра.

Бордент вытащил из одежды какой-то предмет и повертел его в руках. На всех пальцах у него были двойные суставы. Кальдерон почувствовал, что его тело пронизал слабый электрический ток.

— Джо,— побелев, сказала Майра.— Я не могу двигаться!

— Я тоже не могу. Только без паники! Это... это...— Он говорил все медленнее, потом и вовсе умолк.

— Садитесь! — Бордент все еще вертел прибор.

Кальдерон и Майра отступили назад, к кушетке, и сели. Языки их, как и все остальное, были парализованы.

Добиш подошел, забрался на кушетку и взял Александра из рук матери. В ее глазах застыл ужас.

— Мы ничего ему не сделаем,— пообещал Добиш.— Мы только хотим дать ему первый урок. У вас с собой матрицы обучения, Финн?

— В сумке,— Финн вытащил из складок одежды крошечную сумочку. Из нее он начал извлекать какие-то вещи. Множество невероятных предметов. Скоро весь ковер был усеян этими штучками, размер, вид и назначение которых были непонятны. Кальдерон узнал среди них тессеракт.

Четвертый карлик, имя которого, как выяснилось, было Кват, утешающе улыбнулся потрясенным родителям.

— Внимание! Вы не сможете научиться: у вас нет для этого потенциала. Вы принадлежите к виду *homo sapiens*. А Александр, который...

У Александра снова изменилось настроение. Он стал невероятно ироничен. С дьявольской одержимостью всех детей он отверг опеку. С удивительной скоростью отполз назад. Затем разразился громкими, визгливыми рыданиями. С видимым удивлением рассматривал свои ноги. Сунул кулачок в рот и горько оплакал результаты. Тихим монотонным голосом бормотал непонятные вещи. Затем ударил Добиша в глаз.

Человечки проявляли неистощимое терпение. Два часа спустя все было закончено. У Кальдерона не сложилось впечатления, что Александр многому научился.

Бордент снова провернул предмет. Он дружески кивнул и направился к двери. Четыре человека покинули квартиру, и через мгновение Кальдерон и Майра снова обрели способность двигаться.

Майра вскочила, шатаясь на подгибающихся ногах, подхватила Александра и понесла его назад, на кушетку. Кальдерон поспешил к двери и распахнул ее. Прихожая была пуста.

— Джо...— Голос Майры звучал тонко и испуганно. Кальдерон вернулся и погладил ее по волосам. Он посмотрел на блестящий, взлохмаченный чуб Александра.

— Джо, мы должны... должны что-то сделать.

— Я не знаю,— произнес Джо.— Если это произойдет на самом деле...

— Это произойдет. Они забрали эти штуки с собой. Александр... О-о!

— Они не пытались сделать ему больно,— поколебавшись, произнес Кальдерон.

— Наш МАЛЫШ! Он не суперребенок.

— Ну, сейчас я достану свой револьвер,— сказал Кальдерон.— Что я смогу еще сделать?

— Я сделаю,— пообещала Майра.— Эти злые маленькие гномы! Я кое-что сделаю, только погоди!

И все-таки она мало что могла сделать.

На следующий день они молча согласились больше не упоминать эту тему. Но во второй половине дня, около четырех, тогда же, когда произошло первое посещение, они сидели вместе с Александром в кино и смотрели новый цветной фильм. Здесь четыре человека едва ли их найдут...

Кальдерон вдруг почувствовал, как Майра судорожно сжалась и, оборачиваясь, подумал о самом худшем. Майра вскочила, дыхание ее пресеклось. Пальцы ее впились в его руку.

— Он исчез!

— ИС-ЧЕЗ?!

— Он только что пропал. Я держала его... и внезапно... Нам нужно выйти отсюда!

— Может быть, ты уронила его,— жалким голосом предположил Кальдерон и зажег спичку. Сзади раздалось яростное шиканье. Майра уже протискивалась к выходу. Под стульями не было никакого малыша, и Кальдерон догнал жену в фойе.

— Он исчез,— жалобно стонала Майра.— Просто исчез. Может быть, он в будущем. Джо, что нам делать?

Каким-то чудом Кальдерону удалось поймать такси.

— Мы поедem домой. Это самое вероятное место. Надеюсь...

— Да. Конечно, там. Дай мне сигарету.

— Он будет в квартире.

Он был там. Сидел на короточках и проявлял явный интерес к прибору, который поставил перед ним Кват. Этот прибор был радужно-пестрым снеговиком с четырехмерными присосками, и он говорил тонким, высоким голосом. Не по-английски.

Бордент увидел вошедшую пару, одним движением выхватил парализатор и начал размахивать им. Кальдерон схватил Майру за руку и потащил ее назад.

— Оставьте! — взмолился он.— Это не нужно. Мы ничего не будем делать против вас.

— Джо! — Майра пыталась высвободиться.— Ты хочешь посмотреть, как они...

— Верно! — сказал Джо.— Бордент, уберите эту штуку! Мы хотим поговорить с вами.

— Ну... если вы обещаете не мешать нам...

— Мы обещаем,— Кальдерон силой отвел Майру на кушетку и удержал ее там.— Смотри же, дорогая, у Александра все хорошо. Они не причинят ему боли.

— Делать ему больно? Да, действительно! — воскликнул Финн.— Да с нас же в будущем шкуру сдерут, если мы кому-нибудь в прошлом причиним боль.

— Тише,— приказал Бордент. Он, должно быть, был главным в этой четверке.— Я рад, что вы все поняли, Джозеф Кальдерон. Мне очень не нравится применять силу против одного из полубогов. В конце концов, вы ведь ОТЕЦ Александра.

Александр протянул свою толстенькую лапку и попытался коснуться движущегося радужного снеговика. Очевидно, он был им очарован. Кват сообщил:

— Кивелиш испускает искры. Стоит ли мне вас ТИНИРОВАТЬ?

— Не слишком быстро,— предупредил Бордент.— Через неделю он станет рациональным, и мы сможем ускорить процесс.

А вы, Кальдерон, пожалуйста, расслабьтесь. Вы чего-нибудь хотите?

— Выпить.

— Это значит — алкоголь, — объяснил Финн. — Рубайят упоминает его, вы же знаете.

— Рубайят?

— Пьющий драгоценный камень в библиотеке 12.

— Ах, да, — Бордент вспомнил. — Этот. Я подумал о доске джауе, той, с громовыми эффектами. Будьте так добры, приготовьте что-нибудь алкогольное, Финн.

Кальдерон сглотнул.

— Не беспокойтесь. У меня есть алкоголь в этом шкафчике. Можно мне...

— Вы же не пленник! — Бордент, казалось, был шокирован. — Мы только должны проводить вас туда и выслушать ваши объяснения, а потом... Ну, потом все будет по-другому...

Майра покачала головой, когда Кальдерон протянул ей стакан, но он мрачно и многозначительно посмотрел на нее.

— Ты не почувствуешь никакого действия. Проглоти это!

Она ни на мгновение не спускала глаз с Александра. Малыш повторял теперь вслед за снеговиком тонкие звуки. Они, казалось, не имели никакого смысла.

— Луч работает, — сообщил Кват. — Однако индикатор показывает легкое кортикальное сопротивление.

— Измените угол подачи энергии, — посоветовал Бордент.

Александр прокаркал:

— Моджевабба?

— Что это? — сдавленно спросила Майра. — Суперязык?

Бордент улыбнулся ей.

— Нет, это только язык малышей.

Александр разразился слезами. Майра сказала:

— Супермалыш он или нет, но если он плачет таким образом, значит, у него есть для этого важные основания. Ваше обучение это предусматривает?

— Конечно, — спокойно ответил Кват. Он и Финн вынесли Александра наружу. Бордент снова улыбнулся.

— Вы начинаете верить, — кивнул он. — Это помогает.

Кальдерон выпил и почувствовал, как горячие пары виски обожгли внутреннее небо. Желудок его сжался от дурного предчувствия.

— Если бы вы были людьми... — с сомнением начал он.

— Если бы мы были ими, нас бы здесь не было. Старые категории изменились. Когда-то это должно было начаться. Александр — первый homo superior.

— Но почему мы? — спросила Майра.

— Наследственность. Вы оба работаете с радиоактивностью и несомненно, с коротковолновым излучением, которое влияет на

зародышевую плазму. Поэтому произошла мутация. С этого времени она будет происходить снова и снова. Вы случайно оказались первыми. Вы умрете, но Александр будет продолжать жить. Может быть, тысячу лет.

Кальдерон осведомился:

— Вы пришли из будущего?.. Вы сказали, что вас послал Александр?

— Взрослый Александр. Зрелый супермен. Конечно, тогда будет другая культура — она превзойдет ваше понимание. Александр — один из X-свободных. Он сказал мне (конечно, через машину-переводчика): «Бордент, я осознал себя как супера лишь в возрасте тридцати лет. До сих пор я развивался как простой homo sapiens. Я сам не знал своего потенциала. И это нехорошо». Это действительно нехорошо, — признал Бордент. — Все способности организма проявляются только тогда, когда ему с самого рождения предоставляются все шансы для развития. Или, по крайней мере, с раннего детства. Александр сказал мне: «С моего рождения уже прошло пятьсот лет. Возьми пару руководителей и отправляйся в прошлое! Найди меня, когда я был еще мальчиком! Дай мне с самого начала особое образование! Я думаю, вам удастся развить меня».

— Прощлое, — задумчиво произнес Кальдерон. — Вы думаете, его можно изменить?

— Ну, оно оказывает влияние на будущее. Нельзя изменить прошлое без того, чтобы будущее не менялось. Но существует известная тенденция возвращения к норме. Существует временная норма, всеобщий уровень. В первоначальном секторе мы не посещали Александра. Теперь это изменено. Таким образом, мы меняем будущее. Но незаметно. Это не затрагивает критических темпоральных точек, основ развития. Единственное последствие будет состоять в том, что взрослый Александр полностью осознает свой потенциал.

Александра снова внесли в комнату. Он буквально сиял. Кват продолжил обучение со снеговиком.

— Вы в связи с этим мало что можете предпринять, — заверил Бордент. — Я думаю, что теперь вам это ясно.

Майра спросила:

— Александр будет выглядеть как вы? — Лицо ее напряглось.

— О, нет. Он физический совершенный экземпляр. Я, конечно, никогда его не видел, но...

Кальдерон вмешался:

— Наследство всех времен. Майра, ты постепенно осознаешь эту идею?

— Да. Супермен. Но он — наш малыш.

— Он и останется им, — поспешно заверил ее Бордент. — У нас

нет намерения лишать его дома и влияния родителей. Малышу это необходимо. Действительно, терпимость к малышам — эволюционная черта, нацеленная на появление суперменов, так же как исчезнувший аппендикс тоже является подготовкой. В определенные периоды истории человечество становится восприимчивым для подготовки новой расы. Но до сих пор эта подготовка еще никогда не бывала успешной — это, так сказать, было антропологическим вакуумом. И как это важно! Дети ужасно раздражают. Они очень долгое время беспомощны, постоянно испытывают терпение родителей, — и чем ниже животные на ступени развития, тем быстрее развиваются их детеныши. У людей это занимает годы, пока ребенок не станет самостоятельным. И терпимость родителей пропорциональна этому. Впрочем, супермладенец достигает зрелости к двадцати годам.

— Александр до тех пор останется ребенком?

— Физически он будет обладать всеми признаками восемнадцатилетнего экземпляра вида *homo sapiens*. Духовно... ну, вы сочтете это иррациональным. Но он не будет соответствовать интеллектуальной и эмоциональной норме. Он не будет психически нормален — это же не младенец. Отбор всегда необходим для развития. Но высшая точка его развития еще далеко, далеко от тех, кого, например, вы считаете детьми.

— Спасибо, — сказал Кальдерон.

— Его горизонт будет гораздо шире. Его разум может охватить и усвоить намного больше, чем ваш. Мир на самом деле — его раковина. Для него не существует ограничений. Но ему понадобится некоторое время, пока разум овладеет его личностью.

— Я хочу еще выпить, — попросила Майра.

Кальдерон налил ей. Александр ткнул большим пальцем в глаз Квата и попытался выдавить его. Кват покорно подчинился.

— Александр! — прикрикнула Майра.

— Сидите тихо! — приказал Бордент. — Терпимость Квата в этом отношении, несомненно, развита намного выше, чем у человека.

— Если он выдавит глаз Квату, — произнес Кальдерон, — будет очень жаль.

— Кват не имеет значения по сравнению с Александром. Он это знает.

К счастью для глаз Квата, Александр внезапно оставил новую игрушку и снова устался на снеговика. Добиш и Финн наклонились к малышу и осмотрели его. У Кальдерона, ясное дело, появилось впечатление, что за этим что-то кроется.

— Индуцированная телепатия, — объяснил Бордент. — Чтобы развить ее, нужно много времени, однако мы начинаем уже сейчас. Какое это было облегчение наконец попасть в нужное время! Я слышал этот звонок по меньшей мере сотню раз.

— Прочь, — четко сказал Александр. — Уходите прочь!
Бордент кивнул.

— На сегодня достаточно. Завтра мы снова придем. Вы будете готовы?

— Я думаю, мы уже готовы, — сказала Майра, — как никогда. — Она опустошила стакан.

Этим вечером они выпили еще довольно много и все время говорили. На них повлияло то, что они узнали, какие средства, очевидно, есть у четверых человечков. Они больше не сомневались. Они знали, что Бордент и его спутники прибыли из будущего через 500 лет, из будущего Александра, который превратился в первоклассный экземпляр супермена.

— Удивительно, не правда ли? — сказала Майра. — Этот комок жира в спальней комнате превратился в вундеркинда на 20 %.

— Когда-то это же должно было начаться. Так объяснил Бордент.

— И он не будет похож на гнома — ха!

— Он станет супером. Девкалион и эта, как ее там звали *, — это мы. Родители новой расы.

— Какое странное чувство, — сказала Майра. — Я чувствую себя так, словно родила лося.

— Этого никогда не произойдет, — утешил ее Кальдерон. — Выпей еще стаканчик!

— Это может произойти. Александр — СВЕЛЬХ.

— СВЕЛЬХ!

— Я могу так же болтать, как и эти гномы. Вот увидишь.

— Для них это язык, — сказал Кальдерон.

— Александр будет говорить по-английски. У меня есть права.

— Ну, Бордент, по-видимому, не намерен отнимать их у тебя. Он говорит, что Александру нужно домашнее окружение.

— Только потому я еще не сошла с ума, — сказала Майра. — Пока он... они... не отберут нашего малыша...

Неделей позже было ясно установлено, что Бордент даже не думал ограничивать их родительские права — по крайней мере, не больше, чем необходимо: два часа в день. В это время четыре человечка выполняли свое задание, нагружая Александра всевозможными знаниями, которые его детское сознание — но мозг супермена — могло воспринять. Они не пользовались кубиками, книжками с картинками или счетными досками. Их оружие в этом бою было загадочным, невероятным, но действенным. И Александр обучался, в этом не было никакого сомнения. Как витамин В₁ всасывается корнями растений, обеспечивая их рост, так Александр впитывал

* Девкалион и Пирра (*греч. миф*) — прародители человечества.

вал витамин обучения карликов, и его потенциально сверхчеловеческий ум реагировал, обучаясь с невероятной, но неравномерной скоростью.

На четвертый день он уже говорил понятно. На седьмой день он был способен без труда вести беседу, только при разговоре его младенческие мускулы уставали. Его щеки были все еще как околососковые диски, он все еще был не совсем похож на человека, кроме спорадических душевных просветлений. Однако эти просветления теперь происходили чаще и следовали друг за другом.

На ковре царил хаос. Человечки теперь не забирали с собой свое снаряжение, они оставляли его с Александром. Ребенок ползал — это теперь не составляло ему труда, много ходил, действовал уверенно — среди всех этих штук он выбирал отдельные и складывал вместе. Майра ушла за покупками. Человечки теперь появлялись только на полчаса. Кальдерон устал за рабочий день в университете, взял коктейль и стал рассматривать своего отпрыска.

— Александр,— сказал он.

Александр не ответил. Он монтировал прибор из отдельных частей, странным образом приставляя их друг к другу, а затем с довольным видом выпрямился. Потом он произнес:

— Да? — Произношение было нечетким, но осмысленным. Александр говорил как беззубый старик.

— Что ты делаешь? — спросил Кальдерон.

— Нет.

— Что это?

— Нет.

— Нет?

— Я это понимаю,— сказал Александр.— И этого достаточно.

— Ага,— Кальдерон с каким-то недобрым предчувствием посмотрел на своего потомка.— Ты не хочешь мне сказать?

— Нет.

— Ну хорошо.

— Дай мне попить! — потребовал мальчик. На мгновение у Кальдерона мелькнула сумасшедшая мысль, что малыш требует коктейль. Потом он вздохнул, встал и принес бутылку.

— Молока,— Александр отверг напиток.

— Ты хочешь чего-нибудь попить. Вода для питья, не так ли?

«Боже мой,— подумал Кальдерон,— я дискутирую с малышом. Я обращаюсь с ним как... как... с взрослым. Но он же ребенок. Он толстый малыш, сидящий на ковре и развлекающийся с металлической игрушкой».

Металлическая игрушка что-то пропищала тонким голосом. Александр пробормотал:

— Повтори!

Металлическая игрушка повторила.

Кальдерон спросил:

— Что это?

— Нет.

— Чушь! — Кальдерон прошел на кухню и взял молоко. Он сам налил его и подал. Это было так, словно внезапно пришел какой-то родственник — родственник, которого он не видел уже лет десять. Как, черт побери, обращаться с супермладенцем?

Он оставался на кухне, пока Александр пил молоко. Потом в двери повернулся ключ Майры. Ее вскрик заставил Кальдерона броситься в комнату со всех ног.

Александр вел себя как исследователь, все внимание которого захвачено чарующим феноменом.

— Александр! — воскликнула Майра. — Ты болен?

— Нет, — ответил Александр. — Я изучаю процесс питания. Я должен научиться контролировать процесс пищеварения.

Кальдерон облокотился на дверной косяк и криво усмехнулся.

— Да. Лучше, если ты сразу же начнешь с этого.

— Я готов, — ответил Александр. — Убери это!

Три дня спустя малыш решил, что его легкие должны развиваться. Он кричал каждый божий день с различными вариациями — задыхаясь, визжа, вопя и ревя на высоких нотах. Он переставал только тогда, когда был удовлетворен. Соседи начали жаловаться. Майра сказала:

— Дорогой, тебя что-то колет? Дай мне посмотреть...

— Уходи! — потребовал Александр. — Ты слишком теплая. Открой окно. Мне нужен свежий воздух.

— Да, дорогой. Конечно, — она вернулась в постель, и Кальдерон обнял ее. Завтра утром у нее будут круги под глазами. Александр продолжал кричать в своей кроватке.

Так это продолжалось. Четыре человечка появлялись ежедневно и обучали Александра. Они были довольны успехами ребенка. Они не жаловались, когда Александр проявлял свою идиосинкразию, к примеру, если он кого-нибудь изо всех сил бил по носу или рвал в клочки их бумажную одежду. Бордент похлопал по своему металлическому шлему и торжествующе улыбнулся Кальдерону.

— Он реагирует великолепно. Он развивается.

— Ах, так? А как насчет дисциплины?

Александр оторвался от своих занятий с Кватом.

— Дисциплина homo sapiens не применима в отношении ко мне, Джозеф Кальдерон.

— Не называй меня Джозеф Кальдерон. Я ведь, в конце концов, твой отец.

— Примитивная биологическая необходимость. Ты недостаточ-

но развит, чтобы понять дисциплину, которой я не подчиняюсь. Твоя задача как родителя — обеспечить меня.

— Это превращает меня в инкубатора? — пробурчал Кальдерон.

— Но мы почитаем вас как бога, — утешил его Бордент. — Отца истинного Логоса, новой расы.

— Я, скорее, Прометей, — ворчливо произнес отец новой расы. — Он тоже хотел помочь. И кончил тем, что коршун стал жрать его тело.

— Вы многому научитесь от Александра.

— Он говорит, что я не способен это понять.

— И вы не способны?

— Конечно. Я же только наседка, высиживающая чужого птенца, — Кальдерон молча и печально посмотрел на Александра, который под внимательным оком Квата собирал какой-то прибор из сверкающего стекла и гнутых металлических частей. Бордент вдруг воскликнул:

— Кват! Будьте осторожны с яйцом! — и Финн убрал голубой овоид, прежде чем неуклюжая рука Александра успела схватить его.

— Это неопасно, — успокоил Кват остальных. — Это не присоединяется.

— Он может присоединить.

— Мне это нужно, — потребовал Александр. — Дай мне!

— Еще нет, Александр, — ответил Бордент. — Ты сначала должен научиться правильно присоединять его. Иначе оно может причинить вред.

— Я смогу это сделать.

— Ты еще недостаточно владеешь ложкой, чтобы взвесить все свои способности и слабости. Позже будет безопаснее. А теперь, я думаю, немного философии будет не лишним, как, Добиш?

Добиш присел на корточки и занялся Александром. Майра вышла из кухни, бросила быстрый взгляд на все происходящее и вернулась назад. Кальдерон последовал за ней.

— Я никогда не привыкну к этому, даже когда мне будет тысяча лет. — Она медленно и с нажимом делала насечку по краям паштетного теста. — Он все еще мой малыш, только когда спит.

— У нас нет в запасе никакой тысячи лет, — напомнил Кальдерон. — У Александра есть. Хотел бы, чтобы у нас была домашняя прислуга.

— Сегодня я снова попыталась достать ее, — устало сообщила Майра. — Но это бесполезно. Все работают на военных заводах. Как только я упоминала о малыше...

— Ты же не можешь все делать одна.

— Ты помоги мне, — сказала она, — если можешь. Но работа у тебя тяжелая, мой дорогой. Тебя не хватит на все.

— Я спрашиваю себя: если мы заведем второго ребенка, если... Ее робкий взгляд встретился с его глазами.

— Я уже думала об этом. Но я думаю, такой ситуации больше не будет. В один и тот же отрезок жизни. И тем не менее мы не можем быть полностью в этом уверены.

— В данное время это не играет никакой роли. Одного малыша достаточно.

Майра посмотрела на дверь.

— Там, внутри, все в порядке? Посмотри! Я беспокоюсь.

— Там как всегда.

— Я знаю, но это голубое яйцо... ты же слышал, Бордент сказал, что оно опасно. Я сама слышала.

Кальдерон выглянул в притвор двери. Четыре карлика сидели напротив Александра, глаза которого были закрыты. Теперь он открыл их и злобно посмотрел на Кальдерона.

— Не ходи сюда! — приказал он. — Ты прервал урок.

— Я нижайше извиняюсь, — Кальдерон отступил назад. — Там все о'кэй, Майра. Маленький диктатор такой же, как всегда.

— Он уже супермен, — в ее голосе звучало сомнение.

— Нет. Он супермладенец. Это огромная разница.

— Его новый трюк... — Майра возилась у плиты, — загадка. Или нечто подобное загадке. Он кажется мне таким маленьким, когда я беру его на руки. Но он говорит, что этого достаточно для его «Я». Это компенсирует его физическую слабость.

— Загадка, да? Я тоже знаю пару...

— С Александром это не сработает, — с яростной убежденностью произнесла Майра.

Ничего не вышло.

— Что поднимается в камине? — изложил он с презрением, которого это заслуживало: Александр исследовал загадку отца, так и сяк повертел ее в своем уме — свержуме, — проанализировал на ошибки в семантике и логике и забросил. Или со свойственной ему педантичностью решил, что Кальдерон попал в слишком затруднительное положение, чтобы дать ответ. Он сократил вопросы из категории «чем ворон похож на конторку», и, так как даже сумасшедший шляпный мастер из «Алисы в стране чудес» не был в состоянии разгадать свою собственную загадку, он, к некоторому ужасу слушателей, начал излагать диссертацию по сравнительной орнитологии. Потом Александр стал задавать по-детски шутливые вопросы о связи гамма-излучения с фотонами и попытался философски воспринять ответы. Мало что раздражает так, как детские вопросы. Его насмешливый триумф разлетелся как пыль, в которой копошились взрослые.

— Ох, оставь в покое своего папу,— растрепанная Майра вошла в комнату.— Ему хочется почитать газету.

— Эта газета не имеет значения.

— Я читаю комикс,— сказал Кальдерон.— Мне хочется узнать, не похмелье ли заставило Капитана мстить за то, что его подвесили под водопадом.

— Формула смешного заключается в бессмысленности бедственного положения,— поучающе начал Александр. Кальдерон с отвращением ушел в спальню, где к нему присоединилась Майра.

— Он задал мне еще одну задачу,— сообщила она.— Дай мне посмотреть, что вызывает похмелье.

— Вид у тебя довольно жалкий. Ты не замерзла?

— Я не пользуюсь косметикой. Александр сказал, что из-за нее у меня плохой запах.

— Ну и что? Он не петунья.

— Ему действительно не нравится запах. Но, конечно, он сказал это мне нарочно.

— Послушай! Он снова начинает. Что ему надо теперь?

Александр хотел, чтобы была публика. Он нашел новый метод производить идиотские звуки губами и пальцами. Иногда его нормальные детские хоралы еще сильнее действовали на нервы, чем его суперменство. Однако, когда прошел месяц, у Кальдерона появилось чувство, что самое худшее еще впереди. Александр продвинулся в те области знаний, которых раса *homo sapiens* еще не касалась, и у него появилась привычка, как пиявка высасывать из мозга отца каждую каплю знаний, которыми бедняга обладал.

С Майрой все обстояло точно так же. Действительно, мир для Александра был раковиной. Он проявлял ненасытное любопытство ко всему, и нигде в квартире не осталось ни одной целой вещи. Кальдерон стал на ночь запирает спальню от сына — кровать Александра стояла теперь в другой комнате,— но яростный рев каждый час вырывал его из сна.

Если Майра готовила еду, она была вынуждена прерывать свое занятие и объяснять Александру тайну нагрева плиты. Он выучил все, что она знала, сделал скачок в запутанных аспектах материи и издевался над ее познаниями. Он обнаружил, что Кальдерон был физиком, что до сих пор тщательно скрывалось, а потом выпытал все знания своего отца. Он задавал вопросы о геодезии и геополитике. Он допрашивал отца о монорельсе и монологе. Он интересовался биологией и античностью. И он был настроен скептически. Он сомневался, обладает ли его отец исчерпывающими знаниями.

— Но,— объяснил он,— ты и Майра Кальдерон до сих пор были единственным примером тесного контакта с *homo superior*, поэтому желательно начало. Погаси сигарету. Это вредно для моих легких.

— Ладно,— Кальдерон устало поднялся, и обычное желание

перейти из одной комнаты в другую снова охватило его. Он отправился на поиски Майры. — Скоро придет Бордент. Мы сможем пойти куда-нибудь, согласна?

— Хорошо, — она стояла перед зеркалом и наскоро причесывалась. — Мне нужен перманент. Если бы у меня только было время!

— Завтра я возьму выходной и останусь здесь. Тебе нужен отдых.

— Нет, дорогой. Скоро начнется сессия. Ты просто ничего не сможешь сделать.

Александр завопил. Это означало, что он хочет, чтобы мать пела для него. Он интересовался диапазоном голоса и предполагаемым эмоциональным и усыпляющим действием колыбельной. Кальдерон смешал коктейль, сел на кухне, закурил и задумался о славном предназначении своего сына. Когда Майра кончила петь, он прислушался, не завопит ли Александр снова, но не доносилось ни звука, пока Майра в легкой истерике не ворвалась на кухню, дрожа, с широко раскрытыми глазами.

— Джо! — она упала на руки Кальдерона. — Быстрее дай мне выпить или... или покрепче обними меня!

— Что случилось? — он сунул ей в руки бутылку, подошел к двери и выглянул. — Александр? Он спокоен. Ест конфету.

Майра не стала наливать в стакан. Горлышко бутылки застучало по зубам.

— Посмотри на меня! Ты только посмотри на меня! Видишь, что со мной?

— Что произошло?

— О, ничего. Совсем ничего. Александр занялся черной магией, вот и все, — она опустилась на стул и провела рукой по лбу. — Ты знаешь, что только что сделал наш гениальный сын?

— Укусил тебя, — сказал Кальдерон, — ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Хуже, много хуже. Он начал с того, что ему захотелось сладкого. Я сказала, что в доме нет ничего такого. Он приказал мне идти вниз, в продуктовую лавку, и принести чего-нибудь. Я ответила, что сначала надо одеться и к тому же я слишком устала.

— Почему ты не попросила меня?

— У меня не было для этого возможности. Прежде чем я успела сказать «бух», этот малыш — Мерлин — взмахнул волшебной палочкой или чем-то подобным... Я... я оказалась внизу, в продуктовой лавке. У прилавка со сладостями.

Кельдерон заморгал.

— Индуцированная амнезия?

— Здесь не было никакого разрыва во времени. Он только свистнул — ф-ф-ф-с — и я оказалась внизу. В этом халате, без косметики, волосы растрепаны и свисают космами. Мисс Бишерман тоже

была там, покупала курагу — эта кошка из квартиры напротив. Она была настолько любезна, что сказала мне о том, что я должна лучше следить за собой. Мяу! — яростно воскликнула Майра.

— Великий боже!

— Телепортация. Скажи Александру, что это такое. Он научился кое-чему новому. Это мне не нравится, Джо; в конце концов, я не тряпичная кукла! — она почти впала в истерику.

Кальдерон прошел в соседнюю комнату и посмотрел на сына. Рот Александра был измазан шоколадом.

— Послушай, парнишка,— сказал Кальдерон.— Ты оставишь свою мать в покое, понял?

— Я ее не ранил,— промямлил отпрыск с набитым ртом.— Я ее только перенес.

— Тогда больше не переноси ее так. Впрочем, где ты научился этому трюку?

— Телепортации? Кват показал мне это вчера вечером. Сам он не может этого, но я — Х-свободный супермен и могу. Но я еще не могу полностью контролировать эту способность. Если, к примеру, я попытаюсь перенести Майру Кальдерон в Джерси, я могу ненадолго уронить ее в Гудзон.

Кальдерон пробормотал что-то невежливое. Александр осведомился:

— Равзе это не в англо-саксонских традициях?

— Не думай об этом. Ты не должен сразу есть весь этот шоколад. Тебе может быть плохо. Ты делаешь свою мать несчастной. И у меня ты вызываешь дурноту.

— Уходи! — сказал Александр.— Я хочу сконцентрироваться на вкусе.

— Нет. Говорю тебе, от этого тебе станет плохо. Шоколад слишком тяжел для тебя. Отдай его! Ты съел уже достаточно.— Кальдерон потянулся за кульком. Александр исчез. На кухне завизжала Майра. Кальдерон тяжело вздохнул и повернулся. Его охватило отчаяние. Как он и ожидал, Александр был на кухне, над плитой, и жадно поедал шоколад. Майра сосредоточилась на бутылке.

— Что за сумасшедший дом! — простонал Кальдерон.— Малыш телепортируется по всей квартире, ты застряла на кухне, а я нахожусь на пути к нервному срыву,— он усмехнулся.— О'кэй, Александр. Ты можешь есть конфеты. Я знаю, когда мне стратегически сократить свою линию обороны.

— Майра Кальдерон,— возбужденно сказал Александр,— иди, я хочу, чтобы ты меня несла.

— Может быть, ты намекаешь на то, что я шатаюсь? — сказала Майра, но послушно отставила бутылку и взяла Александра на руки. Они вышли. Кальдерона не очень удивило, когда мгновение спустя он услышал ее крик. Когда он присоединился к этой счастливой

семейке, Майра сидела на полу и терла руки, прикусив губу. Александр смеялся.

— Что еще случилось?

— Он-он-он у-у-ударил меня током,— голос Майры был похож на детский.— Он как электрический угорь. И он сделал эт-т-т-то намеренно. О, Александр, может быть ты прекратишь смеяться?!

— Ты упала! — с торжеством прокаркал малыш.— Ты вскрикнула и упала!

Кальдерон посмотрел на Майру, и губы его сжались.

— Ты сделал это нарочно? — спросил он.

— Да. Она упала. Она выглядела так смешно.

— Ты сейчас будешь выглядеть еще смешнее. Х — свободный супер ты или нет, но что тебе нужно — так это хорошая порка!

— Джо...— сказала Майра.

— Не возникай! Он должен научиться уважать права других!

— Я homo superior,— объяснил Александр с таким выражением, словно считал спор законченным.

— Это homo posterior, которым я должен заняться,— сказал Кальдерон и попытался схватить сына. Жгучее пламя нервной энергии пробежало по синапсам. Он постыдно отскочил, ударился о стену и поспешно схватился за голову. Александр смеялся как сумасшедший.

— Ты тоже упал! — прокаркал он.— Ты такой смешной!

— Джо! — воскликнула Майра.— Джо, ты ранен?

Кальдерон кисло сказал, что он, похоже, выживет. Однако, вероятно, добавил он, будет умнее приобрести пару шин и запас кровяной плазмы.

— На тот случай, если он начнет интересоваться вивисекцией. Майра обеспокоенно посмотрела на Александра.

— Надеюсь, ты шутишь?

— Я тоже надеюсь.

— Ну... вот и Бордент. Мы поговорим с ним.

Кальдерон открыл дверь. Четыре человечка торжественно вошли. Они не теряли времени. Они скрутили Александра, достали новые приборы из недр своих бумажных одежд и принялись за работу. Малыш сказал:

— Я телепортировал ее примерно на 8000 футов.

— Это было далеко, да? — спросил Кват.— Ты от этого не устал?

— Ничуть.

Кальдерон отвел Бордента в сторону.

— Я хочу поговорить с вами. Я считаю, что Александр нуждается в порке.

— Во имя Форастера! — шокированно воскликнул карлик.— Но он же АЛЕКСАНДР! Он Х-свободный супертип!

— Еще нет. Он все еще ребенок.

— Он суперребенок. Нет, нет, Джозеф Кальдерон, должен вам сказать, что дисциплинарные меры к нему может применить только авторитет с выдающимся разумом.

— Вы?

— О, пока еще нет,— ответил Бордент.— Мы не хотим перенапрягать его. Даже у сил супермозга существуют границы, прежде всего в начальный период формирования. Нужно сделать еще очень многое, и его представление о социальных контактах будет формироваться еще некоторое время.

Майра подошла к ним.

— В этом я могу с вами не согласиться. Как и все младенцы, он антисоциален. Он может обладать сверхчеловеческими силами, но его духовный и эмоциональный уровень ниже человеческого.

— Да,— согласился с нею Кальдерон.— Эти электрические удары, которые он нам нанес...

— Он только играет,— сказал Бордент.

— И телепортация. Предположим, он телепортирует меня в Гайдис Сквер, когда я буду принимать душ?

— Это тоже только игра. Он же еще малыш.

— Ну, а как насчет меня?

— У вас врожденное свойство родительской терпимости,— объяснил Бордент.— Как я вам уже говорил, Александр и его раса является основанием для этой терпимости. У *homo sapiens* для этого нет большой потребности. Я имею в виду, между нормальной терпимостью и нормативными требованиями большое расстояние. Нормальный малыш может пару мгновений сильно действовать на нервы, но это и все. Взрыв энергии слишком незначителен, чтобы испытывать весь огромный запас терпимости, которым обладают родители. Но у X-свободного типа, конечно, все по-другому.

— Даже у терпимости есть границы,— возразил Кальдерон.— Я думаю о детских яслях.

Бордент покачал укрытой металлом головой.

— Он нуждается в вас.

— Ну,— сказала Майра,— ну! Не могли бы вы хоть немного его дисциплинировать?

— О, это не нужно. Дух его все еще незрел, и он должен сконцентрироваться на более важном. Вы должны проявить терпимость.

— Но мне иногда кажется, что это не мой ребенок,— проговорила Майра.— Он больше не Александр.

— И все же это точно он. ОН — АЛЕКСАНДР!

— Послушайте, это же нормально, когда мать может касаться своего малыша. Но как ей это делать, если она каждый раз ожидает, что ее швырнет через всю комнату?

Кальдерон задумался.

— В дальнейшем у него разовьются другие... э-э... суперсилы?
— Да, конечно.
— Он представляет опасность для здоровья и жизни окружающих. Я все еще считаю, что он нуждается в дисциплине. В следующий раз я надену резиновые перчатки.

— Не нужно,— Бордент наморщил лоб.— Кроме того, я должен настаивать на том... нет, Джозеф Кальдерон, так не пойдет. Вы не должны вмешиваться. Вы не способны применить к нему нужный вид дисциплины, да он в ней еще и не нуждается.

— Я хочу только несколько раз отшлепать его,— с тоской произнес Кальдерон.— Не из мести. Только для того, чтобы показать ему, что он должен уважать права других.

— Он научится уважать права других X-суперов. Вы не должны делать никаких попыток в этой области. Шлепки — если они и принесут успех, что весьма маловероятно — могут повредить его психике. Мы его воспитатели, его менторы. Мы должны защищать его. Вы это понимаете?

— Мне кажется,— медленно ответил Кальдерон,— что это была угроза.

— Вы родители Александра, но — пожалуйста, извините,— важнее всего сам Александр. Если я вынужден буду принимать против вас дисциплинарные меры, я не буду колебаться ни секунды.

— О, забудем об этом,— вздохнула Майра.— Джо, пойдем погуляем в парке, пока Бордент здесь.

— Вернетесь через два часа,— потребовал человечек.— До свидания.

Время шло, а Кальдерон не мог решить, что больше действовало ему на нервы — фазы слабоумия Александра или прорыва ослепляющего разума. Отпрыск научился новым трюкам, и самым худшим было то, что Кальдерон никогда не знал, чего ему ожидать: когда ему на голову свалится что-нибудь удивительное или произойдет неизвестно что. К примеру, как тогда, когда клейкая медовая масса при помощи искусной телепортации была извлечена из продуктовой лавки и материализовалась в его постели. Александр нашел это очень забавным. Он ржал.

Или когда Кальдерон отказался идти в магазин купить сахарных конфет, потому как утверждал, что у него не было денег...

— И даже не пытайся телепортировать деньги. Я разорен.

Александр с помощью ментальной энергии ужасающим образом изменил линии гравитационного поля. Кальдерон вдруг обнаружил, что висит в воздухе посреди комнаты вниз головой. Его встряхнуло, и мелкие монеты брызнули из его карманов. Он пошел и купил сахарных конфет.

Юмор — это приобретенная способность, которая в основном происходит из жестокости. Чем примитивнее разум, тем меньше его избирательность. Каннибал, вероятно, от души веселился барахтаную жертвы в кипящем котле. Человек поскользывается на банановой кожуре и ломает позвоночник. Взрослые при этом перестают смеяться, ребенок — нет. И цивилизованное «Я» находит мучительную ситуацию такой же прискорбной, как и физическая боль. Малыш, ребенок, слабоумный не способны на сочувствие. Они не способны идентифицировать себя с другими индивидуумами. Он отталкивающие эгоистичен, он следует только своим собственным правилам, рассыпанный им в спальне мусор не смешит ни Майру, ни Кальдерона.

В доме живет маленький чужак. Он никому не доставляет радости. Кроме него самого, Александра. Он очень веселится.

— Нигде от него не спрячешься, — сказал Кальдерон. — Он материализуется везде и в любое время. Дорогая, я хочу, чтобы ты пошла к врачу.

— Что он может мне посоветовать? — спросила Майра. — Беречь себя и все. Ты знаешь, что прошло уже два месяца с тех пор, как Бордент взял власть в свои руки?

— И мы достигли замечательного прогресса, — произнес Бордент и подошел к ним. Кват занимался с Александром на ковре, а два других карлика собирали новый прибор. — Или, лучше сказать, Александр заметно прогрессирует.

— Нам нужна передышка, — пробурчал Кальдерон. — Если я потеряю свое место, кто же тогда будет кормить ВАШЕГО гения? — Майра бросила быстрый взгляд на мужа. Ее удивило использованное им притяжательное местоимение. Бордент казался озабоченным.

— У вас трудности?

— Декан уже пару раз говорил со мной. Я больше не могу ладить со студентами. Я слишком раздражен.

— Вы не обязаны расточать терпение на студентов. Что же касается денег, мы о вас позаботимся. Я полагаю, что в ваше распоряжение надо предоставить достаточную сумму.

— Но я хочу работать. Я всем сердцем предан своему делу.

— Александр — вот ваше дело.

— Мне нужна прислуга, — Майра безнадежно посмотрела на них. — Не можете ли вы мне построить робота или что-нибудь еще? Ведь если мне удастся нанять какую-нибудь девушку, Александр запугает ее. Она не выдержит и дня в этом сумасшедшем доме.

— Механический разум окажет плохое действие на Александра, — ответил Бордент. — Нет.

— Мы хотели бы изредка принимать гостей. Или посетить друзей. Или просто побыть одни, — вздохнула Майра.

— Когда-нибудь Александр созреет, и вы будете вознаграждены. Как родители Александра. Разве я вам не говорил, что мы повесили ваши портреты в большом старинном зале?

— Они, должно быть, отвратительны, — произнес Кальдерон. — Я знаю, как мы теперь выглядим.

— Будьте терпеливы. Подумайте о предназначении своего сына.

— Я так и делаю. Часто. Но иногда он все же немного утомляет. Это все довольно сильно действует на нервы.

— Вот тут-то вы и должны проявить терпение. — подчеркнул Бордент. — Природа новой расы хорошо спланирована.

— Гм-м-м.

— Теперь он работает над шестимерными абстракциями. Все идет великолепно.

— Да, — сказал Кальдерон. А потом, ворча, отправился к Майре на кухню.

Александр без труда обращался со своими приборами. Его пухлые пальцы стали значительно сильнее и искуснее. Он все еще чувствовал неутоленное влечение к голубому овоиду, но под внимательным надзором Бордента он мог использовать его в определенных границах, которые установили для него менторы. Когда урок заканчивался, Кват, как обычно, собирал пару предметов и запирали их в шкаф. Остальные оставлял лежать на ковре, чтобы гений Александра мог чему-то у них научиться.

— Он развивается, — сказал Бордент. — Сегодня мы сделали большой шаг вперед.

Майра и Кальдерон вошли как раз вовремя, чтобы услышать это.

— Что за шаг? — спросил Кальдерон.

— Мы удалили один из психоблоков. Александр теперь не будет нуждаться во сне.

— Что?! — воскликнула Майра.

— Он больше не будет нуждаться во сне. Это ведь искусственная привычка. Суперрасе она не нужна.

— Он не будет больше спать, да? — Кальдерон немного побледнел.

— Верно. Теперь он будет развиваться быстрее, вдвое быстрее.

Около трех часов тридцати минут утра Кальдерон и Майра, полностью проснувшись, лежали в постели и смотрели в приоткрытую дверь на яркий свет, в котором играл Александр. Видимый так же четко, как на ярко освещенной сцене, он больше не выглядел самим собой. Разница была небольшой, но она была. Голова, покрытая золотистым пушком, немного изменила форму, а на его бесформенном лице появилось выражение разума и целеустремленности. Черты лица не были привлекательны. Они не красили малыша. Алек-

сандр выглядел не как сверхмладенец, а, скорее, как старик-дегенерат. Все — нормальная жесткость и эгоизм — совершенно здоровые, естественные свойства развивающегося ребенка — отражались на лице Александра, когда он глубокомысленно вкладывал друг в друга твердые кристаллические брусочки, наполняющие китайскую головоломку. Жутко было смотреть на это лицо.

Кальдерон услышал возле себя вздох Майры.

— Это больше не наш Александр,— сказала она.— Ни в коем случае.

Александр поднял взгляд, и внезапно его лицо расплылось. Странное выражение старческой дегенеративности исчезло, когда он открыл рот и яростно заревел, разбросав брусочки во все стороны. Кальдерон увидел, как он прыгнул в дверь спальни и оказался на ковре, куда посыпался каскад компактных, все более и более уменьшающихся брусочков, которые, сверкая, покатались к нему. Рев Александра наполнил квартиру. Сразу же за этим захлопали окна на другой стороне двора, а потом зазвонил телефон. Кальдерон, вздохнув, подошел к нему.

Положив трубку, он посмотрел на Майру и скривил лицо. Он сказал сквозь непрекращающийся рев:

— Нас выселяют.

— О,— ответила Майра,— Ну, хорошо.

— Лучше не скажешь.

Некоторое время они молчали. Потом Кальдерон произнес:

— Еще девятнадцать лет. Мы должны рассчитывать на это. Они же нам сказали, что он созреет в двадцать лет, не так ли?

— Он наберется ума задолго до этого,— простионала Майра.— О, моя голова! Я думала, что замерзну, когда он незадолго до обеда телепортировал нас на крышу. Джо, первые ли мы родители, которые... которые так попались?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, не было ли перед Александром другого супермладенца? Мне кажется, от нас потребуется огромный запас терпения, если мы первые, кто им нужны.

— Нам может потребоваться много всего. И скоро потребуются.— Сначала он не стал продолжать, лежал, задумавшись, и старался не обращать внимания на ритмические вопли своего суперчада. Терпение. Всем родителям требуется очень много терпения. Каждый ребенок время от времени делается невыносим. Расе, конечно, требуется огромное количество родительской любви, чтобы ее дети остались в живых. Но еще никогда родительское терпение не подвергалось такому испытанию. Еще никогда родители не видели перед собой двадцати лет мучений, которые, в конце концов, станут невыносимы. Родительская любовь — возвышенное и всеобъемлющее чувство, но...

— Я спрашиваю себя,— задумчиво сказал он.— Я спрашиваю себя, действительно ли мы первые.

Размышления Майры шли в другом направлении.

— Я думала, что здесь все обстоит так же, как с миндалинами и аппендиксом,— произнесла она.— Они потеряли свое значение, но они все же еще существуют. Эта терпимость находилась в рудиментарной форме, ожидая явления Александра.

— Может быть. Я спрашиваю себя... Ведь если бы уже был один такой Александр, мы должны были бы слышать о нем. Поэтому...

Майра приподнялась на локтях и посмотрела на мужа.

— Ты так думаешь? — тихо спросила она.— Я не так уверена в этом. Думаю, что так уже было раньше.

Александр внезапно замолк. На мгновение в квартире воцарилась тишина. Потом знакомый голос заговорил в их мозгах одновременно.

— Возьми меня! Я хочу твоего тепла, но не жары.

Джо и Майра молча переглянулись. Майра вздохнула и откинула покрывало.

— На этот раз пойду я,— сказала она.— Это что-то новое, да? Я...

— Не мешай! — потребовал беззвучный голос, Майра вздрогнула и тихо вскрикнула. Атмосфера в комнате ощутимо наэлектризовалась, и через дверь был слышен ревущий хохот Александра.

— Я думаю, он теперь уже так же цивилизован, как хорошо выдрессированная обезьяна.— Джо вылез из постели.— Пойду я. Ты снова забирайся под одеяло. На следующей ступени он, возможно, достигнет состояния бушмена. Тогда, если мы все еще будем живы, мы получим удовольствие от жизни с каннибалом, обладающим сверхсилами. В конце концов, он, может быть, пробивает себе дорогу на уровне бойца, предпочитающего ближний бой. Это может быть интересно,— пробормотав это, он вышел.

Через десять минут Джо вернулся. Майра сидела, обхватив колени и глядя в пустоту.

— Мы не первые, Джо,— она не смотрела на него.— Я подумала над этим. Я почти уверена, что мы не первые.

— Но мы никогда не слышали, чтобы где-то был супербожок.

Она повернула голову и посмотрела на него долгим, задумчивым взглядом.

— Нет,— сказала она.

Они помолчали, потом он кивнул.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

В гостиной что-то сломалось. Александр засмеялся, и звук ло-

мающегося дерева громко раздался в тишине ночи. Где-то снаружи хлопнуло еще одно окно.

— Существует поломка с тыла,— прошептала Майра.— Она должна быть.

— Насыщение,— пробормотал Джо.— Насыщение терпимостью или что-то подобное. Это должно существовать.

Александр появился в поле зрения, сжимая что-то голубое. Он сел и начал возиться с блестящими проводками. Майра выпрямилась одним движением.

— Джо, он заполучил в руки голубое яйцо! Он, должно быть, взломал шкаф.

— Но Кват сказал ему...

— Это опасно!

Александр посмотрел на них, усмехнулся и согнул проволоочки, сделав клетку, соответствующую яйцу.

Кальдерон снова оказался вне постели на пути к двери. Он остановился, прежде чем достиг ее.

— Ты ведь знаешь,— с нажимом сказал он,— что он может ранить себя этой штукой.

— Мы должны отобрать ее,— согласилась Майра и устало, с видимой неохотой, поднялась.

— Посмотри на него! — настаивал Кальдерон.— Ты только посмотри!

Александр искусно управлялся с проволочками. Его руки снова и снова исчезали из поля зрения, когда он приводил в равновесие тессеракт внутри клетки. Это странное проявление знания придавало ему то выражение старческой дегенеративности, которое было им так хорошо известно.

— Ты ведь знаешь, все это будет продолжаться,— пробормотал Кальдерон.— Завтра он будет еще чуть меньше похож на себя самого, чем сегодня. На следующую неделю... на следующий месяц... а каким он будет на следующий год?

— Я знаю,— повторила Майра, словно эхо.— Несмотря на это, мы, может быть, будем...— Она замолчала. Она босиком стала возле мужа и смотрела.

— Прибор, кажется, будет готов,— сказала она,— когда он присоединит эту проволочку. Мы должны отобрать у него эту штуку.

— Ты знаешь, как нам это сделать?

— Мы должны попытаться.

Они посмотрели друг на друга. Кальдерон заметил:

— Эта штука похожа на пасхальное яйцо. Я еще никогда не слышал, чтобы пасхальное яйцо кого-нибудь ранило.

— Думаю, на самом деле мы оказываем ему любезность,— выдохнула она.— Обжегшийся ребенок боится огня. Если ребенок однажды обожжется спичкой, он больше не сунет пальцы в огонь.

Они молча стояли и наблюдали.

Александр понадобилось еще примерно две минуты, чтобы сделать аппарат таким, каким он хотел. Результат был феноменальным. Вспыхнул белый свет, затрещал рассекаемый воздух, и Александр исчез в сиянии. Остался только слабый запах чего-то горелого.

Когда они оба снова могли видеть, то, моргая, недоверчиво уставились на пустое место.

— Телепортация?! — пораженно прошептала Майра.

— Убежден в этом, — Кальдерон поднялся и посмотрел на мокрое пятно на ковре и на башмаки Александра посреди него.

Он сказал:

— Он действительно исчез. Так что он никогда не станет достаточно большим и не пошлет Бордента к нам назад во времени. Это все никогда не произойдет.

— Мы были не первыми, — произнесла Майра дрожащим, измученным голосом. — Есть переломный пункт, и это все. Как мне жаль первых родителей, которые не достигли его!

Она быстро отвернулась, но недостаточно быстро, чтобы скрыть от него слезы, и вышла. Он колебался, устремив взгляд на дверь. Потом сказал себе, что, может быть, будет лучше, если он за ней не последует.

Клив Картмилл

ЛИНИИ СМЕРТИ

Детонация и монтаж

12.16. Как упомянуто во второй главе, цепную реакцию невозможно предотвратить, если масса больше критической. Потому что всегда достаточно свободных нейтронов (из космических лучей, от спонтанных ядерных реакций или реакций в ядерных отходах, в результате которых возникают альфа-частицы), чтобы вызвать цепную реакцию. Поэтому бомба должна состоять из множества отдельных частей, каждая из которых из-за своих небольших размеров или неблагоприятной формы остается за порогом критической массы. Чтобы вызвать взрыв, нужно быстро соединить части бомбы. Во время этого процесса монтажа-соединения, в результате присутствия свободных нейтронов, вероятнее всего, цепная реакция начнется прежде, чем бомба достигнет наиболее компактной (с наибольшей отдачей) формы. Поэтому взрыв не дает бомбе достигнуть

своей наиболее компактной формы. Это может даже привести к тому, что взрыв будет относительно малоэффективным. Решение этой проблемы двояко. Первое: свести время монтажа-соединения бомбы к минимуму и второе: свести к минимуму количество свободных (предвзрывных) нейтронов.

Официальный доклад «Атомная энергия для военных нужд». Генри Д. Смит

Тяжелые флэк-снаряды взрывались над и под цепью бомбардировщиков, летевших в ночном небе планеты Катор. Йбор Себроф, усмехаясь, направил свой планер под прямым углом прочь от фейерверка. Бомбардировщики выполнили свою миссию: они высадили его неподалеку от Нилрека, имитировав нападение.

Он удалился от самолетов, прежде чем прожектора начали обыскивать небо своими гибкими белыми руками. Они не схватили планер, помеченный их опознавательными знаками. И действительно, это был их собственный планер, захваченный, когда передовой отряд Сейлы неожиданно погрузил в сон гарнизон Нами. Йбор оставит его на месте посадки. Тайной службе Сиксы придется поломать голову, когда она его обнаружит.

Разумеется, если только ему удастся сесть незамеченным.

Сотрудникам тайной службы Сиксы предстояла еще одна работа. Они должны были найти объяснение факту, что во время налета бомбардировщиков не было сброшено ни одной бомбы. Сиксе не удалось сбить ни одного бомбардировщика Сейлы, и она не могла знать, что те были пусты. У них не было ни бомб, ни экипажей.

Йбор уже видел перед собой утренние газеты, слышал утренние передачи: «Нападение бомбардировщиков отбито. Трусливые пилоты Демократии бежали от флэк-снарядов Нилрека». Но высшие чины задумаются. Самолеты Сейлы могли бы сбросить бомбы, если бы они этого захотели. Они совершенно бесстыдно пролетали над крупным индустриальным городом. У них была возможность отложить свои яйца. Бонзы будут удивлены. «Почему же они этого не сделали? — глубокомысленно будут они вопрошать друг друга. — Что им помешало?»

Йбор усмехнулся. Основанием для этого был он сам. Он позаботился, чтобы они думали о бомбах, а не о нем. Возможность предательства даже не приходила ему в голову. Ему не оставалось ничего, кроме как проникнуть в крепость врага, найти доктора Ситрука, убить его и уничтожить самое разрушительное оружие в истории. И все.

На некотором расстоянии от него виднелся сельский домик. Йбор резко задержал дыхание и направил машину к краю темного леса. Серо-зеленый планер не был виден на этом фоне, но острые глаза увидели его тень на фоне бегущей по небу луны.

Теперь он тихо скользил, гонимый легким ветерком, раскачивающим вершины деревьев. Только ветер и деревья видели, как он пролетает мимо них. Но они могли хранить тайны.

Он совершил посадку на зерновом поле, которое шелестом выразило свой протест, когда планер смял налитые колосья. Стебли были выше безмоторной машины, и Йбор подумал, что его обнаружат только тогда, когда жатки будут убирать зерно.

Обнаружение планера с воздуха было другой проблемой. Это не должно произойти слишком быстро, прежде всего потому, что целью его путешествия была вражеская столица. Если его почему-либо арестуют в этой местности, даже новичок из тайной службы сразу же увидит связь между ним и брошенным планером, если о его посадке на этом поле станет известно уже завтра утром.

Он вытащил длинный нож из укрепленных на планере ножен и скопил несколько снопов хлеба. Затем равномерно, но в полном беспорядке распределил стебли по поверхности планера. Теперь с воздуха планер больше не был похож на машину.

Йбор пробрался к краю поля сквозь стебли, достигающие ему до плеч.

Теперь он двигался очень осторожно. Он был почти уверен, что где-то здесь неподалеку скрыты тяжелые орудия, и он не должен позволить, чтобы его обнаружили. Словно ночная кошка, скользил он на четвереньках по мягкому ковру из растений под низко нависшими ветвями, выпрямляясь там, где это было возможно.

Острый запах опасности ударил ему в нос. Неподвижно застыв на корточках, он исследовал его. Запах породил в его мозгу образ: люди и нефть, едкий чад выхлопных газов. Орудийная установка находилась прямо перед ним.

Йбор продолжил свой путь среди деревьев. Он двигался от одного дерева к другому, производя не больше шума, чем крылья ночной птицы и наконец приблизился к источнику запаха. Иногда он останавливался и прислушивался, стараясь услышать шаги постовых. Наконец до него донеслось их тихое тап-тап, которое сливалось с другими звуками, храпом, доносимым легким ветерком.

Йбору стало ясно, что самым разумным теперь будет обогнуть это место, чтобы часовые не заметили, как он крадется по лесу. Но привычка была слишком сильна. Он должен был убить этих людей, потому что они были врагами.

Он приблизился вплотную к источнику звука. Затем пригнулся к дорожке, протоптанной часовыми, и, напрягая слух, стал вглядываться в темноту. Мимо прошел человек, и Йбор позволил ему пройти. Он вслушивался в храп, доносящийся из ближайшей палатки, пока не услышал шаги второго постового. Охрану несли два человека.

Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать. Когда постовой про-

шел мимо него, Йбор вскочил ему на спину и заколол в падении.

Звук был слабым, негромким, но вполне достаточным, чтобы второй охранник крикнул приглушенным голосом:

— Намрех, что происходит?

Йбор хрюкнул, забрал ружье и шлем убитого и продолжил обход. Он двигался в том же ритме, что и его враг, пока не встретил второго охранника. Йбор оборвал все вопросы быстрым ударом ножа, а потом повернулся к палатке.

Все вскоре было кончено. Он сомкнул пальцы первого охранника на рукоятке ножа и пошел прочь. Они должны подумать, что один из их людей сошел с ума, убил других, а потом покончил с собой. Психологи обломают об это зубы.

Он достиг другого конца леса. Рассвет окрасил Нилрек бледными красками и превратил хаос строений в темные силуэты. Там было поле его деятельности. Там, может быть, была его судьба, а может быть, и судьба всей его расы.

Последняя мысль не была риторической. Это была холодная, жестокая реальность. В этом не было ничего от патриотизма, это также не было связано с политико-экономической философией, это был лишь один голый факт: если сверхоружие, находящееся где-то во вражеском городе, будет использовано, очень может быть, что исчезнет вся раса, вплоть до последнего ее представителя.

Теперь началась самая трудная часть задания Йбора. Он вышел из леса. За его спиной раздался тихий шорох. Он на долю секунды застыл, чтобы идентифицировать его. Потом одним невероятно быстрым движением обернулся и бросился на того, кто произвел этот шорох.

Сразу же после первого контакта он понял, что борется с женщиной. Это немного испугало его, но не настолько, чтобы нанести ущерб его боевым качествам. Удар в челюсть, и она неподвижно замерла у его ног. Он прищурил глаза, но во тьме под ветвями не смог разглядеть, как она выглядит.

Потом рассвет на востоке взорвался, словно залп, и он увидел, что она была молода. Не подросток, но очень молода. Солнечный свет, словно копьё, пронзил тень, и он увидел, что она была красива.

Йбор вытащил свой боевой нож. Она была врагом, и ее нужно было уничтожить. Нож его поднялся для последнего удара, но рука застыла в воздухе. Он не мог вонзить клинок в ее тело. Он смотрел на нее: она лежала без сознания, словно спала, полные губы приоткрыты, руки расслаблены. Он мог убить во сне мужчину, но природа заложила среди человеческих инстинктов глубокое отвращение к убийству беспомощной женщины.

Она тихо застонала. Потом открыла большие карие глаза, кроткие, как у плененной лани.

— Ты меня ударил,— шепотом пожаловалась она.

Йбор молчал.

— Ты меня ударил,— повторила она.

— А чего же ты ждала? — грубо спросил он.— Конфет и цветов? Что тебе вообще здесь нужно?

— Я преследовала тебя,— ответила она.— Можно мне встать?

— Да. Почему ты меня преследовала?

— Я видела, как ты совершил посадку на моем поле и хотела узнать почему. Я выбежала наружу, а ты замаскировал свой планер и скользнул в лес. Я последовала за тобой.

Йбор не поверил ей.

— Ты следовала за мной через этот лес?

— Я могла бы коснуться тебя,— заявила она.— В любое время.

— Ты лжешь!

— Не оскорбляй меня,— она быстрым движением поднялась на ноги. Глаза ее были примерно на одном уровне с его глазами. Она обнажила в улыбке маленькие белые зубы.— Я в этом очень искусна,— сказала она.— Больше, чем другие, хотя охотно признаю, что и ты был весьма ловок.

— Спасибо,— коротко ответил он.— Ну, хорошо, послушаем твою историю. Вероятно, это последнее, что ты рассказываешь кому-либо. Какую ты ведешь игру?

— Ты говоришь по-инамрски как местный житель,— сказала девушка.

Глаза Йбора блеснули.

— Я и есть местный житель.

Она недоверчиво усмехнулась.

— И ты убиваешь своих собственных солдат? Нет, нет! Я же видела, что ты делал у оружейной установки. Это было сделано слишком по-деловому. Любой из нас сделал бы это с ненавистью. Для тебя же это был только тактический маневр.

— Ты сама перерезаешь себе горло,— предупредил Йбор.— Теперь я не могу позволить тебе уйти. Ты видела слишком много.

Она повторила:

— Нет, нет! — После паузы она объяснила: — Тебе нужна помощь, какую бы миссию ты ни выполнял. Я могу тебе ее предложить.

Он с презрением ответил:

— Ты предложишь мою голову этим типам. Смогу ли я спрятаться от них? Мне не нужна помощь. Особенно от того, кто был так неуклюж и позволил поймать себя. А я поймал тебя, красotka.

Она покраснела.

— Ты внутренне готов штурмовать крепость. Я прочитала это на твоём странном лице, когда ты уставился на Нилрек. Я задержала дыхание в надежде, что тебе это удастся. Но ты меня услышал.

Если бы я считала тебя своим врагом, ты ничего бы не услышал. Кроме, может быть, пения моего ножа, вонзающегося в твоё сердце.

— Чего такого странного в моем лице? — спросил Йбор. — В толпе людей оно совершенно незаметно.

— Женщины его заметят, — ответила она. — Оно искажено.

Он ответил на это чисто личное замечание пожатием плеч. Потом обхватил руками её горло.

— Я должен сделать это, — сказал он. — Слишком важно, чтобы никто не узнал о моем присутствии здесь. Это война. Я не могу позволить себе быть гуманным.

Она не оказала никакого сопротивления. Спокойно посмотрев на него, она спросила:

— Ты слышал об Илас?

Пальцы его так и не сдавили мягкую плоть.

— О ком?

— Я Илас, — сказала она.

— Это трюк.

— Не трюк. Позволь мне доказать это! — глаза её сузились. — Нет, — сказала она, — у меня, конечно, нет никаких документов. Ты знаешь Мульба, Сворба и Номоса? Я помогала им бежать.

Йбор колебался. Она могла быть Илас, но это был бы фантастически счастливый случай, если бы он так быстро наткнулся на легендарную предводительницу инамрских подпольщиков. В это почти невозможно было поверить. Несмотря на это, вполне было возможно, что она говорила правду. Он не должен был отвергать этот шанс.

— Имена, — возразил он, — ты могла услышать их где угодно.

— У Номоса на предплечье татуировка Новой Луны, — сказала она. — Сворб высок, почти так же высок, как и ты, а плечи его немного сутулы. Он говорит так быстро, что его с трудом можно понять. Мульб дурак. У него повадки священника.

Йбор вынужден был признать, что это были короткие, но точные наброски.

Она развила свой успех.

— Разве я вела бы себя так тихо, когда ты убивал солдат у орудийной установки, если бы была лояльным членом альянса Сиксы? Разве я не предупредила бы остальных, когда ты напал на первого часового и забрал его шлем и ружье?

«В этом что-то есть», — подумал Йбор.

— Разве с того мгновения, когда ты совершил посадку на моем зерновом поле, мне не стало очевидно, что ты агент Сейлы? — продолжила она. — Я могла бы позвонить властям и сообщить им обо всем.

Йбор убрал руки с её горла.

— Мне нужно к доктору Ситруку,— сказал он.

Она, наморщив лоб, посмотрела на Нилрек, на его башни. Золотые от света утреннего солнца. Йбор бесстрастно подумал, что она, стоя лицом к солнцу, представляла из себя эффектное зрелище. Темный цветок, раскрывавшийся в утреннем свете. Нет, это неважно. У него нет времени для нее. У него вообще нет времени.

— Это потребует некоторых усилий,— произнесла она.

Он отвернулся.

— Тогда я сделаю это сам. Время слишком дорого.

— Подожди! — в голосе ее прозвучали нотки, заставившие его обернуться. Он с кислой усмешкой посмотрел на пистолет в ее руке.

Презрение к самому себе затмило мысли Йбора. Он был в ее власти, но он видел в ней женщину, а не вооруженного врага. По наивной сентиментальности он не обыскал ее. Он достиг вершины глупости, и теперь его ждал заслуженный конец. Пистолет неподвижно застыл в руке девушки, а в ее темных глазах светилась решимость.

— Я слишком легко поддаюсь на рассказы,— сказала она.— Некоторое время я действительно думала, что ты агент Сейлы. Как вы дьявольски хитры, ты и ваши крысы! А я еще подумала, почему это самолеты улетели так быстро. У них была слишком большая скорость.

Йбор попытался молча переварить это.

— Это была хорошая идея,— продолжила она резким тоном. В голосе ее слышалась горечь.— Они приказали тебе и ты совершил посадку на моем поле. Какая случайность! Я живу в этом сельском домике всего три дня и из всех возможных мест ты выбираешь именно это. Нет, это не может быть случайностью. Ты и другие призраки в крысином гнезде Сиксы, вы знали, что самолет засек меня в окне, знали, что я замечу тень планера, знали, что я буду следить за ним. Ты даже убил шестерых своих людей, чтобы усыпить мои подозрения. О, некоторое время я действительно заблуждалась.

— Ты говоришь как сумасшедшая,— возразил Йбор.— Убери пистолет!

— Когда у тебя был шанс убить меня, ты не воспользовался им,— продолжила она.— Ты усыпил все мои подозрения. Как это глупо с моей стороны! Нет, приятель, ты не вернешься, чтобы выдать мое местопребывание, чтобы вашим негодьям нужно было лишь подождать, пока не соберется весь мой комитет, а потом арестовать всех нас. О, нет. Ты умрешь здесь и теперь!

Мысли Йбора бешено мчались. Убеждать ее, выдвигая логические доводы, было напрасной тратой сил, но если она убьет его, тогда действительно все пропало. Это пахло риторикой. Ему нужно было придумать что-нибудь простое, доходчивое и эффективное. Но что? Время шло, а он глядел в ее темные глаза.

— Твоим последним адресом...— он вспомнил, что Сворб рассказывал о своем бегстве,— был Коурквей-40. Ты продавала выпечку, а Сворбу внезапно стало дурно. Его вырвало в твоём грузовике, в который он сел в одиннадцать минут первого ночи.

— Все верно,— при этом воспоминании решимость убивать исчезла с ее лица. Она на мгновение задумалась.

Потом глаза ее блеснули.

— Я не слышала, что он благополучно добрался до Ациреба. Может быть, вы схватили его на границе Энарты и все из него вытянули. Но, несмотря на это,— она размышляла,— ты все же говоришь правду...

— Я говорю правду,— тихо сказал Йбор.— Я агент Сейлы и нахожусь здесь для выполнения невероятно важной миссии. Если ты не можешь прямо помочь мне, ты должна отпустить меня. И немедленно!

— Но ты можешь и солгать. Я не могу пойти на риск. Ты пойдешь в лес впереди меня. И если ты сделаешь хоть одно подозрительное движение, которого я не пойму, я застрелю тебя.

— Куда ты хочешь отвести меня?

— В свой дом. Куда же еще? Там мы поговорим.

— Теперь послушай меня,— жалобно взмолился он.— У меня нет времени для...

— Марш!

Планы Йбора, которые она нарушила, превратились в ничто, когда они оказались в сельском домике и когда он увидел гиганта, впустившего их. Это был самый огромный и мускулистый парень, какого он когда-либо видел, и он возвышался над Йбором, хотя тот был отнюдь не коротышкой. Руки этого парня были толщиной в бедро Йбора, а желтые глазки — маленькие и злобные. Однако, несмотря на свою обезьяноподобную внешность, гигант двигался как барс, бесшумно и невероятно быстро для своего сложения.

— Стереги его,— приказала девушка, и Йбор понял, что желтые глаза теперь не упустят его.

Он опустился на стул, старый стул — примитивное кресло-качалку — и посмотрел на девушку, которая возилась у огромного очага. В этой кухне было место для двадцати рабочих фермы и на очаге со множеством конфорок можно было приготовить обед для всех них.

— Мы должны поесть,— сказала девушка.— Если ты не лжешь, ты должен вынести пытку достаточно долго, чтобы сказать нам всю правду.

— Ты совершаешь ошибку,— горячо заверил ее Йбор, однако замолк, когда охранник сделал угрожающий жест.

Вскоре девушка поставила на стол еду. Это был хороший завтрак, и Йбор с удовольствием налег на него.

— Приговоренный,— с улыбкой заметил он.

Потому что между ними возникло нечто вроде дружеского соглашения. Он был мужчиной, но детство его не было таким уж далеким, у него были ясные, темные глаза и он был приспособлен для преодоления трудностей. Она была женщиной в расцвете лет. Домашняя работа, приготовление обеда и сервировка стола уменьшили напряжение между ними. Пока он ел, по ее губам временами скользила быстрая улыбка.

— Ты хорошая повариха,— похвалил он, покончив с едой. Но тут все тепло схлынуло с него. Она посмотрела на него.

— А теперь доказательства! — резко потребовала она.

Йбор гневно передернул плечами.

— Может быть, ты думаешь, что я ношу с собой бумаги, которые доказывают, что я агент Сейлы? Бумаги, в которых написано: «Владелец данного документа обладает высоким рангом в Совете Сейлы. Каждый должен оказывать ему возможную помощь». У меня бумаги, свидетельствующие, что я журналист из Эйры. Здание редакции газеты уничтожено и нет возможности проверить, правда это или нет.

Она задумалась над сказанным.

— Я хочу дать тебе шанс. Если ты тайный агент Сейлы, ты сможешь назвать одного из ваших людей в Нилреке. Назови одного, и мы доставим его сюда.

— Ни один из них не знает, как я выгляжу. Мое лицо изменили, прежде чем поручить мне это задание, чтобы меня никто, даже случайно, не мог выдать.

— У тебя на все есть ответ, да? — фыркнула она.— Тогда мы отведем тебя в подвал и вытряхнем из тебя правду. И ты не умрешь, пока мы этого не сделаем.

— Подожди минутку,— попросил Йбор.— Есть человек, который может узнать меня. Но он, может быть, еще не прибыл. Солрак.

— Он прибыл еще вчера,— ответила она.— Хорошо. Если он тебя узнает, этого мне будет достаточно. Слейг,— повернулась она к гиганту,— привези Солрака.

Глубоко в горле Слейга что-то заклокотало, и девушка сделала нетерпеливое движение рукой.

— Я могу сама проследить за ним. Иди! — она полезла за пазуху, вытащила пистолет из кобуры и направила его через стол на Йбора.— Сиди тихо!

Слейг вышел. Йбор услышал, как он завел мотор машины. Звук этот быстро удалился.

— Можно мне закурить? — спросил он.

— Конечно,— свободной рукой она бросила через стол пачку сигарет. Он взял одну, следя, чтобы руки его оставались в поле ее зрения; она поднесла огонь к кончику сигареты.

— Итак, ты Илас,— заметил он.

Она ничего ему не ответила.

— Ты проделала хорошую работу,— продолжил он.— Прямо у них под носом. Тебе пару раз удалось надуть их.

Она терпимо улыбнулась.

— Только не пытайся лукавить, болельщик. На всякий случай, если тебе все же удастся бежать, я не дам тебе никакой информации, которую ты потом сможешь использовать.

— Не будет никакого потом, если я не уйду отсюда. Ни для тебя, ни для кого-нибудь еще.

— Теперь ты мелодраматичен. Пока есть время, будет и потом.

— Время существует только в сознании,— ответил он.— Времени больше нет, потому что пыль и камни не осознают себя.

— Ты рисуешь картину полного разрушения.

— Это и есть полное разрушение. И ты приближаешь его с каждой минутой. Ты уменьшаешь срок, который у нас еще остается.

Она усмехнулась.

— Что же я должна делать?

— Даже если ты отпустишь меня в это мгновение...— начал он.

— Я этого не сделаю.

— ...катастрофы, может быть, уже не избежать. Наши умы не могут охватить те непредставимые силы, которые, весьма вероятно, уничтожат всю высшую жизнь. Это невозможно себе представить,— произнес он.— Представь себе, космические путешественники будущего увидят эту планету лишенной всякой высшей жизни, покрытой джунглями. У нее даже не будет названия. Все следы цивилизации будут полностью уничтожены. Космонавты будут рыться в осыпавшихся руинах и находить там кусочки истории, а потом вернуться на свою родную планету, унося с собой тайну Катора. Почему на Каторе исчезла жизнь? Они найдут достаточно скелетов, чтобы представить себе наши размеры и внешний вид, расшифруют некоторые из наших записей. Но они нигде не найдут доказательств, почему же погибла наша цивилизация. Они нигде не найдут имени Илас, причины этого.

Она только усмехнулась.

— Это будет очень скверно,— в заключение сказал Йбор.— Ни птицы в небе, ни свиньи в загоне. Может быть, даже никаких насекомых. Хотел бы я знать,— задумчиво произнес он,— не было ли когда-нибудь таких взрывов на других планетах нашей системы. Например, на Ларе. Там когда-то была жизнь. Достигла ли там цивилизация своей высшей точки, а потом погибла в войне, в которой каждый человек сражался на той или иной стороне? Не изобрели ли обе стороны в отчаянии взрывчатое вещество, которого было более чем достаточно, и не утратили ли они над ним контроль, в результате чего вся жизнь там погибла?

— Тише! — приказала она, к чему-то напряженно прислушиваясь.

Теперь он тоже услышал это, шаги тяжелых ног. Он бросил взгляд через окно на лес.

— Инаmrцы,— сказал он.

Фельдфебель вел восьмерых солдат по полю к дому. Йбор повернулся к девушке.

— Ты должна меня спрятать! Быстрее!

— Здесь нет никакого убежища.

— Оно должно быть! Ты же прячешь беглецов! Верно?

— Ты можешь взять меня в плен,— с яростью заявила она,— но ты ничего не узнаешь. Лучше оставим укрытие в покое.

— Ты, маленькая дурочка! Я же на вашей стороне.

— Это говоришь ты. У меня нет никаких доказательств.

Йбор больше не стал терять времени. Отряд был почти у дверей. Одним прыжком он оказался у стены и присел там. Он полузакутался в свое пальто, сбросил на глаза черные волосы и так расслабил мускулы лица, что на нем появилось пустое выражение идиота. Он играл своими пальцами и бормотал.

В дверь застучали приклады ружей. Девушка пошла, Йбор не поднял взгляда. Он вертел свои пальцы и булькал.

— Вы ничего не слышали сегодня ночью? — спросил фельдфебель.

— Что слышала? — спросила в ответ Илас.— Самолеты — выстрелы.

— Вы вставали? Выглядывали наружу?

— Я испугалась,— виновато ответила она.

Он презрительно сплюнул. Последовало короткое молчание, прерываемое только бульканьем Йбора.

— Что это? — вздрогнул фельдфебель. Он протопал через кухню и поднял за волосы голову Йбора. Йбор наградил его слюнявой улыбкой слабоумного. Фельдфебель с отвращением посмотрел на него.— Идиот! — фыркнул он и убрал руку.— Почему ты его не убьешь? — спросил он девушку.— Почему ты его так кормишь? Ты выглядишь... — казалось, он видит ее в первый раз,— ...неплохо, совсем неплохо. Я как-нибудь посетую тебя в другой раз, милашка.

Йбор не двигался, пока солдаты не вышли из зоны слышимости. Потом он встал и мрачно посмотрел на Илас.

— Я мог бы уже быть в Нилреке. Ты должна была отвести меня туда. Они нашли убитых у оружейной установки и теперь будут наheckу.

Держа пистолет в руке, она указала ему на кресло.

— Не лучше ли нам сесть?

— После всего случившегося? Ты все еще не доверишь мне? Ты же дура.

— Да? Я так не думаю. Это может быть частью трюка, чтобы усыпить мою бдительность. Садись!

Он сел. Ему больше нечего было сказать. Он подумал о приходе солдат. Этот фельдфебель, вероятно, не узнает его, если они встретятся где-нибудь еще. Но, несмотря на это, было очень важно, что он сохранил его в памяти. Лицо, которое он запомнил и которого должен будет избегать.

Если бы только эта огромная обезьяна вернулась с Солраком! Словно в ответ на это до ушей Йбора донесся звук мотора приближающейся машины. Он с удовольствием обнаружил, что услышал его на целую секунду раньше, чем Илас. Таким образом, ее рефлекс были хуже, чем его.

Это был Слейг, один лишь Слейг. Он бесшумно, как кошка, проскользнул в дом.

— Солрак мертв,— сообщил он.— Его убили накануне ночью. Илас бросила на Йбора убийственный взгляд.

— Как это полезно для тебя! Не кажется ли вам странным, господин шпион Сиксы, что среди всех агентов Сейлы вы выбрали именно того, который уже мертв? Я нахожу, что это уже слишком. В подвал его, Слейг! На этот раз мы вытащим из него правду. Даже,— добавила она в адрес Йбора,— если нам придется убить тебя.

Кресло было вроде электрического, с многочисленными захватами и ремнями, которые делали Йбора совершенно неподвижным. Он мог только вращать глазами.

Илас осмотрела его, потом удовлетворенно кивнула.

— Иди и разогрей свое железо,— сказала она Слейгу.— Сначала,— объявила она Йбору,— мы сожжем тебе уши. Кусочек за кусочком. Если тебе это не поможет, мы перейдем к более серьезным вещам.

— Теперь я скажу тебе настоящую правду,— произнес Йбор. Она высокомерно ответила ему:

— Ничего странного, что враг стучится в ваши двери. Вас изгоняют на юге из Айссу и на севере из Итала. Теперь вы убираетесь к себе домой, потому что вы трусы.

— Я убежден, что ты Илас,— спокойно сказал Йбор.— И хотя мне приказали, чтобы никто не узнал о моей миссии, я думаю, что тебе можно рассказать о ней. Я должен это сделать. У меня нет выбора. Итак, слушай! Меня послали в Инамр, чтобы...

Она диким жестом оборвала его.

— Правду!

— Ты будешь слушать или нет?

— Я не хочу больше слышать твоих сказок.

— Ты будешь меня слушать, нравится тебе это или нет. И ты

сдержишь свои замечания, пока я не кончу. Или вина за гибель всей расы падет на твою голову.

Она скривила губы.

— Говори!

— Ты слышала об уране-235? Это изотоп урана.

— А кто не слышал?

— Хорошо. Я говорю о фактах, а не о теории. Уран-235 получен в некотором количестве, достаточном для исследования ядерных реакций и тому подобного. Его извлекают из урановой руды новыми методами, и его уже получили целый фунт. Я имею в виду исследователей Сейлы. Но у них сконцентрировано не все его количество и даже не большая часть его. Поэтому они не уверены, не распространится ли реакция, если она начнется, и не уничтожит ли она все вокруг — и все это за одну микросекунду.

Слейг спустился в подвал. В одной руке он держал переносную жаровню, а в другой несколько металлических прутьев. Илас знаком приказала ему положить все это в угол.

— Иди наверх и охраняй! — приказала она. — Я позову тебя!

В душе Йбора поднялось что-то вроде торжества.

— Взрыв фунта урана-235, может быть, и не уничтожит все, — сказал он, — но при этом выделится столько же энергии, сколько при взрыве пятисот тысяч фунтов тринитротолуола. Если взрыв произойдет на одном из островов, тот, может быть, будет полностью опустошен, деревья вырваны с корнем и вся высшая жизнь уничтожена, но даже пятьсот тысяч тонн ТНТ — непредставимая масса, — находящиеся на маленьком острове, не могут серьезно повредить его.

— Я все жду, — прервала она его, — когда же ты перейдешь к делу? Не хочешь же ты лишь прочитать мне лекцию о мощных взрывчатых веществах?

— Подожди! Проблема заключается в том, что они опасаются, что этот взрыв будет так несравнимо силен, а концентрация чудовищной энергии так велика, что окружающая материя тоже детонирует. Если ты представишь себе, что полмиллиарда самых ужасных молний, которые ты когда-либо видела, со всей своей яростью сконцентрируются в пространстве размером не больше половины сигаретной пачки, — тогда, может быть, ты получишь представление о мощности этого взрыва. Это не просто огромное количество энергии, это чудовищная ее концентрация в крошечном объеме.

Окружающая материя, которая в обычном состоянии взорваться не может, под воздействием энергии урана-235 может измениться в непосредственной близости от эпицентра взрыва и вызвать новые взрывы. Это значит, что взорвется не только фунт урана-235, но и от пяти до пятидесяти или даже пятидесяти тысяч тонн другой материи. Размеры катастрофы можно себе только представить.

— Переходи к делу! — нетерпеливо потребовала она.

— погоди! Позволь мне несколькими мазками нарисовать картину. Такой взрыв и в самом деле очень серьезен. Он может стереть с лица планеты остров или даже часть континента. Он сотрет Катор от полюса до полюса, вызовет землетрясения, несущие с собой огромные разрушения даже на другой стороне планеты, а в радиусе примерно тысячи миль от очага взрыва все будет полностью уничтожено. Я имею в виду все.

Поэтому наши исследователи занялись экспериментами. Они могли бы при помощи управляемых бомб с ураном-235 покончить с войной за одну ночь. Они могли бы покончить с этим циклом цивилизации одной или двумя неуправляемыми бомбами. Но они не знали, какой тип бомбы они получают, когда изготовят ее. Мы до сих пор не можем найти способ управления взрывом урана-235.

— Если ты и дальше будешь напрасно тратить время, — сказала Илас, — лично тебе это ничего не даст. А если нас посетит еще кто-нибудь, я застрелю тебя на месте.

— Я напрасно трачу время? — воскликнул Йбор. — Я, черт подери, делаю все возможное, чтобы сократить свой рассказ. Но я еще не кончил. Пожалуйста, не прерывай меня! Как ты подчеркнула, армия Сиксы оттеснена на исходные позиции: в Инамр. Они выступили, чтобы покорить мир, и они были к этому очень близки. Но при этом они очень многое потеряли. Мы, Сейла, не отваживаемся взорвать экспериментальную атомную бомбу. Эта война для нас лишь эпизод; для Сиксы же это все будущее. Поэтому Сикса в отчаянии и доктор Ситрук изготавливает в ее владениях бомбу не с одним, а с шестнадцатью фунтами урана-235. Она может быть готова в любое мгновение. Если они ее используют, нам так и так конец. Войне, если эксперимент будет удачным, и всему миру — если нет. Ты, ты одна стоишь между уничтожением расы и ее процветанием.

Казалось, она была готова броситься на него.

— Ты лжешь! Ты говоришь, уничтожить бомбу? Как? Ты хочешь утащить ее в ненаселенное место и там взорвать? Или в пустыне? В высоких горах? Не хочешь ли ты бросить ее в море из страха, что они могут ее взорвать? Как только она окажется в твоих руках, ты схватишь за хвост десять миллионов тигров — и ты не отважишься отпустить их.

— Я могу уничтожить ее. Наши ученые описали мне, как это сделать.

— Минутку, оставим это, — ответила Илас. — Ты должен кое-что объяснить мне поподробнее. Во-первых, мне кажется странным, что вы слышали об этом, а я нет. Мы много ближе к месту разработки бомбы, чем вы, отделенные тремя тысячами миль воды.

— Сворб, — ответил Йбор, — сделал свое дело, хотя и не принес с собой ни кусочка бомбы. Он сделал ее зарисовки. Послушай, Илас,

время слишком ценно! Если доктор Ситрук изготовит эту бомбу прежде, чем я найду его, они в любое мгновение могут взять ее и сбросить над нашей штаб-квартирой. И если даже взрыва, который я описал тебе, не произойдет,— хотя я более чем уверен, что он будет,— они уничтожат нашу армию и наше оружие на юге и мы все потеряем за одну ночь.

— Еще два вопроса требуют дальнейшего объяснения,— спокойно продолжила она.— Почему посадка совершена именно на моем поле? Здесь было достаточно других полей, которые ты мог выбрать.

— Это была чистая случайность.

— Может быть. Но не слишком ли много случайностей, если взять еще и смерть Солрака?

— Об этом я ничего не знаю. Я понятия не имел, что он мертв.

Илас замолкла. Она ходила по подвалу взад и вперед, наморщив лоб и нервно куря. Йбор тихо сидел. Это было все, что он мог делать. Даже его пальцы были в захватах.

— Я все больше и больше склоняюсь к тому, чтобы поверить тебе,— наконец сказала Илас.— Но пойми мое положение! У нас здесь мощная организация. Мы рискуем жизнью и многие из нас умерли, чтобы создать ее. Я знаю, как нас боятся и ненавидят власти. Если ты агент Сиксы, что можно заключить по твоему владению языком, ты должен сделать все, включая и такой великолепно разработанный план, чтобы разоблачить методы нашей организации и ее участников. Я не могу поставить на карту все наши усилия и жизни.

— Тогда и ты пойми мое положение,— сказал в ответ Йбор.— Я мог бы сбежать от тебя, в лесу или отсюда, после того как Слейг оставил нас. Но я не отважился пойти на риск. Все дело во времени, ты понимаешь? Есть твердый, хотя и неизвестный, последний срок. Доктор Ситрук может закончить изготовление бомбы в любое мгновение. Потом бомбу могут увезти в любое место и подготовить к взрыву. Если я попытаюсь бежать и ты застрелишь меня,— а я уверен, что ты сделаешь это,— потребуется недели, чтобы заменить меня. А у нас, может быть, осталось для действий всего лишь несколько часов.

Она недолго оставалась спокойной и задумчивой. В глазах ее появилась мука, и кулаки сжались.

— Я не могу позволить себе пойти на риск.

— Ты не можешь позволить себе не пойти на него,— сказал Йбор.

Над ними внезапно раздались шаги. Илас замерла, бросила на Йбора подозрительный взгляд из-под прищуренных век и вышла из подвала. Йбор косо усмехнулся. Несмотря на угрозу, она не застрелила его.

Он сидел неподвижно, но каждый нерв его был напряжен и взвинчен. Что теперь? Кто там пришел? Что это может значить для него? Кому принадлежали шаги там, наверху? Почему они были такими тяжелыми? Он скоро узнает это, потому что шаги приблизились к двери подвала, и Илас вошла с фельдфебелем, который недавно уже побывал здесь.

— У меня приказ обыскать каждый дом в окрестностях,— сказал он.— Так что успокойтесь.

Взгляд его упал на Йбора, и глаза его расширились.

— Ведь это же не идиот! — воскликнул он.— Скажи, ты снова обрел разум?

Одна мысль так стремительно пронеслась в голове Йбора, что тот задержал дыхание.

— Я был оглушен наркотиком,— он увидел шанс бежать.— А теперь действие его прошло.

Илас наморщила лоб. Он видел, что она пытается понять значение его ответа. Он подсказал ей:

— Слуга этой девушки, тот увалень там, наверху...

— Он бежал,— сказал фельдфебель.— Мы поймаем его.

— Я понимаю. Он схватил меня вчера вечером снаружи, в поле, притащил сюда и накачал наркотиком.

— Что вы искали в поле?

— Я направлялся к доктору Ситруку. У меня для него информация чрезвычайной важности.

Фельдфебель повернулся к Илас.

— Что вы на это скажете, девушка?

Она пожала плечами.

— Чужак, среди ночи — что бы вы стали делать?

— А почему вы ничего не сказали, когда я был здесь в первый раз?

— Если бы я обнаружила, что он шпион, я хотела бы сама арестовать его.

— Вы, гражданские! — в голосе фельдфебеля сквозило презрение.— Ну, может быть, он тот человек, которого мы ищем. Почему вы убили наших людей возле оружейной установки? — повернулся он к Йбору.

Йбор заморгал.

— Откуда вы это знаете? Я убил их потому, что они были врагами.

Рука фельдфебеля потянулась к пистолету. Лицо его вспыхнуло.

— Ты, грязный шпион...

— Подождите минутку,— прервал его Йбор.— Что за оружейная установка? Конечно, вы имеете в виду форпост Сейлы в Айссу?

— Я имею в виду оружейную установку, ты, крыса, снаружи, в лесу.

Йбор снова замигал.

— Я ничего не знаю об орудийной установке в лесу. Послушайте, немедленно отведите меня к доктору Ситруку! Вот предыстория: я был на территории Сейлы, и я узнал кое-что, о чем должен знать доктор Ситрук. От этого зависит исход войны. Немедленно отведите меня к нему или вы расскажете!

Фельдфебель задумался.

— Здесь что-то не так,— сказал он, наконец.— Почему она вас связала?

— Чтобы допросить его,— ответила Илас.

Итак, она решила подыграть ему, но она, как видел Йбор, не была ни в чем убеждена. Но, как он сказал, правда заключалась в том, что они не могли действовать иначе.

Фельдфебель, анализируя сказанное, погрузился в оцепенение, казавшееся почти каталепсией. Потом он медленно покачал головой.

— Я не все понял,— смущенно произнес он.— Каждый раз, когда мне кажется, что я нашел решение, я вытягиваю пустой билет... Что я тут говорил? — голос его стал резким и угрожающим.— Как ваше имя? — обратился он к Йбору.

Йбор не мог пожать плечами. Он поднял брови.

— По моим бумагам я Йенрак Экор, журналист. Но не заблуждайтесь насчет этого. Доктору Ситруку известно мое настоящее имя. Он хорошо знает его. Вы теряете время, солдат! — взорвался он.— Немедленно отведите меня к нему! Вы же еще хуже, чем эта глупая женщина!

Фельдфебель осведомился у Илас:

— Он сказал вам, о чем он хочет говорить с доктором Ситруком? Она снова пожалала плечами, задумчиво посмотрев на Йбора.

— Он только сказал, что должен с ним поговорить.

— Тогда так: почему вы хотите с ним говорить? — фельдфебель повернулся к Йбору.

Йбор решил все поставить на карту. Иначе этот дурак может целый день задавать свои бессмысленные вопросы. Он рассказал историю о бомбе почти так же, как рассказал ее Илас. При этом, наблюдая за лицом фельдфебеля, он понял, что его рассказ для того был совершенно непснятен. Хорошо! Солдат, как и многие другие люди, ничего не знает об уране-235. Йбор перешел к вымышленной, фантастической части своего рассказа.

— Итак, если бомба неконтролируема,— сказал он,— она может уничтожить планету, развевая ее в пыль. Однако мне удалось узнать о способах контроля, а бомба в Сейле уже почти готова. Они воспользуются ей, чтобы уничтожить Инамр. Но если мы сначала сбросим нашу бомбу, мы ее уничтожим. Это нейтронный щит, который я обнаружил, находясь в лагере Сейлы в качестве шпиона. Он не дает свободным нейтронам, образующимся при взрыве бомбы,

мчаться в пространстве и разбивать горы. Вы уже знаете, что единственный свободный нейтрон может разбить планету на две половинки? Щит сможет удержать их в одной определенной области — и победа наша. Итак, поспешите! Может быть, у нас осталось всего лишь несколько минут!

Фельдфебель задумался над этим. Он не отважился поверить этому рассказу, потому что картина разрушения, которую нарисовал ему Йбор, была так грандиозна, что было необходимо шестнадцать поколений людей, таких, как фельдфебель, чтобы понять ее.

Он принял решение.

— Эй! — проревел он в направлении двери подвала, и внутри вошли три солдата. — Освободите его от пут! Мы отведем его к капитану. Заберите также и девчонку! Может быть, капитан захочет задать ей пару вопросов.

— Я же ничего не сделала, — запротестовала Илас.

— Тогда вам нечего бояться, милашка. Если вас отпустят, я сам займусь вами.

Фельдфебель расплылся в довольной улыбке.

Примем все это фаталистически, решил Йбор, ожидая в прихожей доктора Ситрука. Здесь его легко могла настигнуть смерть, но, несмотря на это, ставка была слишком велика. Если он должен быть пешкой в великой игре — а игра была действительно велика, — он хотел полностью отдалиться ей.

Пока что ему везло. И, посмотрев на двух охранников, он сказал себе, что окончательный успех приведет его к смерти. Он не мог надеяться уничтожить бомбу и ускользнуть живым из этой крепости. Охраняемые входы означали его конец, если даже ему удастся выбраться из лаборатории.

Он подумал о том, что, собственно, и не рассчитывал убраться отсюда живым. Задание это с самого начала было самоубийственным. Это задание, теперь он понял это, придавало налет достоверности его невероятной истории. Капитан, так же как и фельдфебель, не отважился не поверить этой истории. Йбор придал видимость правдоподобия своему рассказу о разрушениях, потому что его охватила твердая, горячая решимость предотвратить эти разрушения.

Он не стал нести перед капитаном дикую чушь о нейтронном щите. Капитан, по сравнению со своим фельдфебелем, был гораздо умнее. Йбор деловито говорил о тепловом контроле и так убедительно преподнес это что охранники, которые доставили его сюда становились все более испуганными с каждым поворотом колес грузовика, везшего его.

Очевидно, история о бомбе стала известна здесь, в исследовательской лаборатории правительства. У всех охранников был затравленный взгляд, потому что они знали, что если что-то пойдет не так

они даже не услышат взрыва. И так лучше. Если бы ему удалось использовать этот факт в свою пользу, как он сделал это с предыдущими событиями, может быть, ему удалось бы...

Он, пожав плечами, оторвался от размышлений. Внутренняя дверь открылась, охранники вытянулись по стойке смирно, и вошедший мужчина посмотрел на Йбора.

Это был странный человек с цепкими темными глазами, странной формы лицом и властными манерами. На нем был пиджак, из рукавов которого вырисовывались ловкие на вид руки.

— Итак, вы конечный результат,— сухо сказал он Йбору.— Входите!

Йбор последовал за ним в лабораторию. Доктор Ситрук показал ему на плоский, неудобный стул; он сделал это пистолетом, который, словно указка, внезапно появился в его руке. Йбор сел, неотрывно смотря на ученого.

— Что вы подразумеваете под «конечным результатом»? — осведомился он.

— Разве это не ясно? — любезно спросил доктор.— Самолеты, которые пролетели над нами в последнюю ночь, были пусты; и еще, их скорость была слишком высока. Я весь день размышлял, ища смысл этой атаки. Теперь мне все ясно. Самолеты высадили вас.

— Я что-то слышал о самолетах,— сказал Йбор,— но я их не видел.

Доктор Ситрук вежливо поднял брови.

— Мне очень жаль, но я вам не верю. Моя интерпретация событий следующая: у этих самолетов Сейлы была только одна цель. Они хотели посадить здесь своего агента, которому поручено было уничтожить урановую бомбу. Я уже довольно давно знаю, что верховному командованию Сейлы стало известно о ее существовании, и спрашиваю себя, какие же шаги оно предпримет, чтобы дезактивировать ее.

Йбор не видел никакого смысла уходить в оборону.

— Сейла изготавливает свою собственную бомбу. Но она может контролировать ее. Я здесь затем, чтобы сообщить вам об этом, чтобы вы использовали такой же контроль, как и у нашей бомбы. У нас есть время.

Доктор Ситрук возразил:

— Сегодня утром я слышал рассказ о вас. Вы сделали пару фантастически бессмысленных утверждений. По моему личному мнению, вы дилетант со всего лишь поверхностными знаниями на этот счет и пылко их отстаиваете. Я узнаю, так это или нет, прежде чем я убью вас. Ах, да,— он улыбнулся,— вы умрете в любом случае. На моей стороне знание. Власть. Если я обнаружу, что вам действительно известно что-то, неизвестное мне, мне хотелось бы, чтобы об этом узнал я один. Вы понимаете меня?

— Вы здесь как бог. Это ясно видно по поведению охранников.

— Верно. Я обладаю самой мощной взрывной системой в истории планеты, и моим желаниям повинуются, как железным приказам. Когда я хочу, я отдаю приказы верховному командованию. У них нет никакого другого выбора, кроме как повиноваться моим капризам. А теперь — ваше имя не играет никакой роли, оно, несомненно, фальшивое — расскажите мне, что вы знаете.

— Почему я должен это делать? Если я в любом случае должен буду умереть, вот моя точка зрения: черт побери, доктор Ситрук! Я знаю кое-что, чего не знаете вы, и у вас нет времени, чтобы узнать это от кого-нибудь другого. Пока ваши шпионы заберутся к нам достаточно высоко, чтобы узнать это, Сикса давно уже будет разбита. Но я не вижу, почему я должен дарить вам эту информацию. Я хочу продать ее — в обмен на мою жизнь.

При этих словах Йбор осмотрел маленькую, ярко освещенную лабораторию и обнаружил ее. Она была не особенно велика; объем ее не был основанием для ужаса, который, словно когтями, сжал его сердце. Ужас вызвал тот факт, что бомба была готова. Она висела в защищающем ее от толчков гамаке. Ни одна бомбардировка не могла серьезно встряхнуть ее. Она взорвется только тогда, когда этого захочет доктор.

— Она действительно заставила вас побледнеть. Ваше лицо сейчас словно лист бумаги. — хихикнув, сказал доктор Ситрук. — Она тут, самое разрушительное оружие, которое когда-либо знал мир.

Йбор судорожно сглотнул. Да, это была она. Она означала конец войны и одновременно конец мира. В голову ему пришла ироничная мысль, что все эти религиозные фанатики, которые утверждают, что война прекратится чудесным образом благодаря божественному вмешательству, не проживут достаточно долго, чтобы называть этим чудом бомбу. Какое развитие дал бы взрыв их доктрине, если бы только они смогли пережить его!

— Я побледнел потому, — ответил он доктору Ситруку, — что вижу ее как слепую, неконтролируемую силу. Я вижу ее как конец цикла, в котором погибнет всякая жизнь. Потребуются тысячелетия, пока другая цивилизация возникнет и поднимется до нашего уровня.

— Это правда, что здесь присутствует элемент случайности. Если эта бомба вызовет распад материи на довольно значительном расстоянии вокруг себя, весьма вероятно, что вся высшая жизнь будет уничтожена в одно мгновение. Однако, если окружающая материя не детонирует, мы завоюем весь мир. Я один — а теперь еще и вы — знаем это. Верховное командование видит в этом оружии только победу. Но хватит бесполезной болтовни. Вы хотите обменять информацию о том, как контролировать взрыв, на свою жизнь. Если вы убедите меня, что у вас есть такие знания, я отпущу вас. Как насчет этого?

— Теперь мы снова остановились на мертвой точке,— заметил Йбор.— Я не скажу вам этого, пока не буду свободен, а вы не отпустите меня, пока я вам этого не скажу.

Доктор Ситрук поджал губы.

— Это так. А как насчет этого: я отдаю охранникам снаружи письменный приказ без задержки пропустить вас после того, как вы выйдете из лаборатории?

— А что может помешать вам убить меня здесь, внутри, как только я вам все расскажу?

— Я даю вам слово.

— Этого для меня недостаточно.

— А какой у вас выбор?

Йбор подумал и неохотно признал правоту доктора. Когда-нибудь или он, или доктор Ситрук будут вынуждены довериться другому. Доктор здесь дома, а Йбор был его пленником и легко мог предположить, кому на чье слово придется положиться. Ну, это даст ему передышку. Теперь ему нужно было только время.

— Пишите приказ,— сказал он.

Доктор Ситрук подошел к письменному столу и стал писать. Он не спускал глаз с Йбора, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения. Даже если Йбор достаточно быстро вскочит со стула, все закончится его смертью, потому что доктор находился слишком далеко от него и у него было время поднять пистолет и выстрелить. Что-то подсказало Йбору, что у доктора Ситрука есть великолепная защита. Он стал ждать.

Доктор Ситрук вызвал охранника, отдал приказ и сказал, что он должен позволить Йбору прочитать его. Йбор прочитал приказ и кивнул. Охранник вышел.

— А теперь...— начал доктор Ситрук и замолк, потому что звонил телефон. Он снял трубку, стал слушать, прищурившись и наблюдая за Йбором, потом положил трубку на рычаг.— Может быть, вас интересует,— спросил он,— что девушку, которую мы взяли в плен, вырвали из рук охранников члены подполья?

— Не особенно,— произнес Йбор.— Это только... нет! — воскликнул он.— Это меня интересует! Это доказывает, что я говорил правду. Вы знаете, как разветвлено подполье, как оно могуче. Совершенно ясно, что произошло. Члены подполья знали, что я приду, проследили мой путь и арестовали меня. Они хотели пытать меня в подвале. А теперь они пытаются украсть бомбу. Если это им удастся, они смогут диктовать свои условия.

Это, может быть, звучало немного нелогично, но Йбор говорил как нельзя более убедительно. Доктор Ситрук задумчиво посмотрел на него.

— Они могут попытаться. К делу!

Теперь Йбор сам попал в свою паутину, сотканную из лжи. Он

не знал способа управлять бомбой. Доктору Ситруку это было неизвестно, и он просто застрелит его, если Йбор пойдет слишком далеко. Йбор должен удерживать его и выбрать благоприятный момент, чтобы сделать необходимое. Он может записать это в свой актив; если он выйдет наружу через эту дверь, он свободен. Итак, он должен выйти через эту дверь — и с бомбой. А у доктора Ситрука в руке пистолет.

— Начнем с реакции, — сказал Йбор.

— Контроль! — набросился на него доктор Ситрук.

Лицо Йбора затвердело.

— Не нападите. От этого зависит моя жизнь. Я должен убедить вас, что знаю, о чем говорю, и я смогу это сделать, если начну описывать метод с самого начала. А если вы будете прерывать меня, тогда черт с вами!

Странное лицо доктора Ситрука пылало от гнева, который, однако, вскоре улегся. Он кивнул.

— Продолжайте!

— Кислород и азот не горят — если бы это было не так, любой огонь мог бы смести атмосферу этой планеты одним-единственным мощным взрывом. Однако кислород и азот горят, если их, например, нагреть до трех тысяч градусов, и при этом они выделяют энергию. Но энергии этой не хватит, чтобы поддерживать нужную температуру, — поэтому газы быстро охлаждаются, и огонь потухает. Если температуру искусственно поддерживать на этом уровне... ну, вам, конечно, знаком процесс получения окислов азота.

— Конечно, — ехидно подтвердил доктор Ситрук.

— Хорошо. Теперь при помощи урана-235 можно поднять температуру определенного объема окружающей материи там, где она... где мы хотим ее «сжечь» и получить энергию. Предположим, мы взорвали щепотку урана-235, окружающая материя тоже взорвалась, потому что она нагрелась до почти непредставимой температуры. Она быстро остывает; в течение примерно стомиллионной доли секунды она снова концентрируется вокруг точки взрыва. Потом проходит еще миллионная доля секунды, и температура падает на миллион градусов, а через минуту или около этого световое излучение снова достигает нормы. Это видимое излучение не составляет и стотысячной части видимого излучения при миллионе градусов — но оно во много раз ярче солнца. Верно?

Доктор Ситрук кивнул. Йбору показалось, что в этом кивке появились признаки уважения.

— Примерно так выглядит температурный цикл взрыва урана-235 и окружающей материи, доктор Ситрук. Я, конечно, очень сильно упрощаю, но нам и не нужно вдаваться в подробности. А теперь свое действие оказывает лучевое давление. Физическое давление света длится лишь мгновение. Но давление света, исходящего

от раскаленной до миллионов градусов материи, составляет тонны и тонны. Оно, как титанический шторм, обрушится на здания, и здания, поглотив эту чудовищную энергию, испарятся, даже не успев упасть. Верно?

Доктор Ситрук снова кивнул. Он почти улыбался.

— Хорошо, — продолжил Йбор. Теперь в своем рассказе он достиг той фазы, где мог только гадать, и у него не было никаких шансов продолжить это гадание во второй раз. — Что нам нужно — так это испаритель, что-то, что может снизить температуру окружающей материи. Таким образом, мы можем ограничить действие взрыва желаемой областью и не позволить разрушить города на другой стороне Катора. Способ изготовления испарителя зависит от точной механической структуры самой бомбы.

Йбор беспрепятственно встал и прошел через лабораторию к посуду, в котором находилась бомба. Он не смотрел на доктора Ситрука; он не отваживался делать это. Разве ему позволят подойти к бомбе? Не пробьет ли его мозг пуля, которой он не увидит и не услышит, прежде чем он сделает следующий шаг?

Когда он прошел половину пути, ему показалось, что он преодолел уже тысячу миль. Каждый шаг, казалось, замедлился во времени, а между ним и бомбой все еще находились многие мили. Он сохранял постоянный темп движения, силой воли подавляя желание броситься к своей цели, схватить ее и убежать.

Он остановился у бомбы и посмотрел на нее. Затем серьезно кивнул.

— Я понимаю, — сказал он постепенно восстанавливая в памяти записи Сверба и исчерпывающие объяснения, которые ему дали — Два чугунных полушария, укрепленных над оранжевыми сегментами из кадмия. И взрыватель — я вижу, он там, внутри, — маленькая ампула из того же кадмия, содержащая крупницу радия в бериллиевом держателе, а также немного обычной взрывчатки, чтобы взорвать кадмиевую ампулу. Потом в центральную емкость сыпается порошок окиси урана — вы поправите меня, если я ошибусь, да? Радий испускает нейтроны в огромном количестве — а их поглощает уран-235. Верно?

Доктор Ситрук подошел к Йбору и встал у его плеча

— Вы что-то слишком много знаете об этой бомбе, — с подозрением произнес он.

Йбор небрежно усмехнулся через плечо.

— Это очевидно, не так ли? Кадмий задерживает нейтроны, он дешев и эффективен. Поэтому вы разделяете радий и уран-235 тонкими кадмиевыми стенками. Они так хрупки, что даже слабый взрыв разбивает их, но все же достаточно прочны, чтобы с некоторой осторожностью можно было обращаться с бомбой.

Доктор Ситрук улыбнулся самому себе.

— Вы действительно сказали правду!

Он расслабился, и Йбор начал действовать. Он коротко ударил по рукоятке пистолета доктора Ситрука и рванул оружие вниз. Одновременно с этим его кулак врезался в челюсть ученого. Свободной рукой он вырвал оружие из руки доктора Ситрука.

Он не дал доктору возможности упасть на пол от удара кулака и треснул его рукояткой пистолета по голове. Доктор Ситрук сразу же потерял сознание. Йбор, прищурив глаза, посмотрел на лежащую на полу фигуру. Стоит ли ему отважиться на выстрел? Нет, потому что тогда охранники, несмотря на полученный письменный приказ, не выпустят его без обыска. И так...

Рукоять пистолета опустилась во второй раз. Доктор Ситрук на некоторое время вообще перестал представлять какую-либо угрозу. Все, что нужно было Йбору, — это немного времени. Но сначала он должен был выйти наружу.

Это значило, что он должен снять с бомбы взрыватель. Йбор пошел к гамаку с бомбой, нашел взрыватель и попытался вывинтить его. Тот был завинчен крепко. Йбор осмотрелся в поисках гаечного ключа. Но его не было. Он чуть было не ударился в панику. Мог ли он себе позволить искать ключ, которым он мог бы вывинтить взрыватель? Если кто-нибудь войдет сюда, он пропал. Нет, он должен покинуть лабораторию, пока это возможно.

И если кто-то выстрелит в него и попадет в бомбу, это будет означать конец для Катора и всего живого на нем. Но он не должен больше здесь оставаться. И он должен перестать обливаться холодным потом и дрожать.

Он снял гамак, взял его и осторожно направился к двери. Охранники снаружи, которые привели его сюда, побледнели. Кровь схлынула с их лиц, как воздух из проколотого воздушного шарика. Они стояли неподвижно, только их колени слегка дрожали; они смотрели, как Йбор идет по вестибюлю.

Доктор Ситрук написал «беспрепятственно». Йбору не только не препятствовали, его избегали. По-видимому, известие это распространилось по зданию как ядовитый газ под сильным ветром. Двери распахивались, фигуры людей выбегали наружу и мчались прочь от Йбора и его ноши. Охранники, ученые, мужчины в форме, девушки со стройными ногами, юноши в шортах — бежали все.

«Куда?» — спросил себя Йбор, сердце которого колотилось где-то у подбородка. Во всем мире не было ни одного безопасного места. Они могли бежать как угодно быстро и убратся как угодно далеко, но бомба все равно поймает их, если он ее уронит или если она случайно взорвется.

Теперь он должен был найти самолет. Но как ему его найти, если все от него бегут? Он пошел бы на аэродром пешком, если бы знал, где он находится. Кроме того, когда он покинет здание, в кото-

ром находится лаборатория, любой полицейский может задержать его, отобрать оружие и, может быть, даже убить его.

Бомба должна остаться у него.

Но проблема эта разрешилась, по крайней мере, частично. Когда он вышел из здания и увидел людей, бегущих от него во все стороны, из-за одной из колонн вышла массивная фигура и схватила его за руку.

— Слейг! — Йбор почти закричал. Ужас его сменился облегчением.

— Идем, — потребовал Слейг. — Илас хочет тебя видеть.

— Обеспечь мне самолет! — Йбору показалось, что он сказал это спокойно, но в желтых глазах Слейга засветилось любопытство.

Огромный мужчина кивнул, согнул один из пальцев и пошел вперед. Бомба, по-видимому, не интересовала его. Йбор проследовал за ним к маленькой машине, стоящей у бордюра. Они забрались в нее, и Слейг вывел ее на центральную полосу улицы.

Итак, Илас хочет его видеть. Зачем? Почему? Он отказался от напрасных размышлений и все свое внимание посвятил дороге перед ним. Он крепко сжимал бомбу в руках, чтобы защитить ее от тряски на неровной дороге.

Он услышал звук моторов самолетов и возбужденно старался увидеть их. Теперь ему не хватало еще бомбардировки и прямого попадания в этот автомобиль! Ему было обещано, что не будет никакого нападения, пока они не удостоверятся в его успехе или провале, но золотопогонники — странные люди. Никогда не знаешь, что они сделают в следующий раз. Например, они могут изменить приказ, который отдали несколько минут назад.

Но сигналов тревоги не было. Поэтому это должны были быть самолеты Сиксы. Йбор облегченно вздохнул.

Они поехали дальше, и Йбор подумал об огромной молчаливой фигуре. Откуда Слейг узнал, что он должен выйти из здания? Откуда он вообще узнал, что он находится там? Разве руки подполья дотянулись и до кабинета доктора Ситрука?

Это тоже были напрасные размышления, и Йбор, пожав плечами, оборвал их. Слейг выехал из города и поехал по зерновым полям. Очевидно, Сикса и ее армия питались в основном кашей, потому что других овощей и фруктов нигде не было видно.

Слейг свернул с главного шоссе на ухабистую дорогу. Йбор покрепче обхватил бомбу.

— Осторожнее, — предупредил он.

Слейг послушно снизил скорость, и Йбора снова удивило поведение этого человека. Йбор, по-видимому, не был теперь пленником, но, с другой стороны, он не мог отдавать здесь распоряжения. Теперешняя ситуация была комбинацией двух предыдущих, и это было совсем неудобно.

Они выехали на голый, ровный участок, где стоял самолет. Пропеллер его вращался на холостом ходу. Слейг подъехал к нему. Он остановил машину и знаком приказал Йбору выходить. Потом показал, что Йбор должен подняться на борт этого самолета.

— Дай мне твою сумку с инструментами,— попросил Йбор, и гигант подал ее.

На самолете были опознавательные знаки Сиксы, но Йбору теперь больше некуда было отступать. Если он использует бомбу в качестве угрозы, он будет в состоянии заставить любого человека подчиниться его воле. Несмотря на это, он испытывал грызущее чувство беспокойства.

Когда он хотел было уже ступить на край несущей плоскости, из самолета раздался выстрел. Йбор инстинктивно пригнулся, но упал Слейг — с аккуратной дыркой между глаз. Йбор замер.

Дверь в фюзеляже открылась, и наружу высунулось лицо.

— Солрак! — воскликнул Йбор. — А я думал, что ты мертв!

— Ты должен довериться мне, Йбор. Входи!

— Подожди, пока я не передам тебе эту штуку,— Йбор подал сосуд с бомбой черноволосому человеку, который улыбнулся ему. — Держи этого бэби! — сказал Йбор. — Не урони его! Если он заревет, ты ничего больше не услышишь!

Он взял сумку с инструментами и поднялся в самолет. Солрак взмахом руки приказал пилоту поднимать машину в воздух. Пока Йбор осторожно удалял взрыватель, Солрак сообщил:

— Слейг оказался очень хитер,— рассказал он. — Мы считали его тупоумной обезьяной. Он затеял большую игру, и ему почти удалось довести ее до конца. Ты называешь меня как человека, который мог бы опознать тебя, но он не может допустить этого, потому что мы отправили бы тебя прямо к доктору Ситруку и помогли бы тебе. А Слейг еще не был готов, поэтому он сказал, что я мертв. Он позвал солдат, чтобы те обыскали дом и арестовали тебя. У него появились трудности, когда этот юбочник, фельдфебель, решил прихватить с собой Илас. Он практически вынужден был сообщить об этом остальным членам подполья, потому что ему нужно было дождаться собрания Большого Совета, во время которого он должен был нанести решающий удар.

— Ты понимаешь, он никогда бы не доложил об этом,— продолжил Солрак. — Он наблюдал, боясь идти на риск. Когда Илас и я встретились, мы сопоставили все, что нам известно, обыскали его вещи и нашли доказательства. Потом мы подготовились к этой встрече — на тот случай, если тебе удастся ускользнуть. Илас сказала Слейгу, где ты находишься, и приказала ему привезти тебя сюда. Я не думал, что тебе удастся бежать, но она настаивала, что такой ловкий человек не позволит загнать себя в ловушку. Ну, тебе удалось бежать, и это хорошо. Не то чтобы это имело какое-то особое значение.

В случае твоей неудачи мы все равно как-нибудь завладели бы бомбой или просто взорвали бы лабораторию доктора Ситрука.

Йбор не стал вступать в дискуссию; было совершенно безразлично, где взорвалась бы эта бомба. Ему надо было постараться не допустить взрыва здесь, в самолете. Наконец он удалил взрыватель. Он сделал знак Солраку, чтобы тот открыл бомбовый люк. Когда подвижные створки разошлись, он выбросил взрыватель наружу.

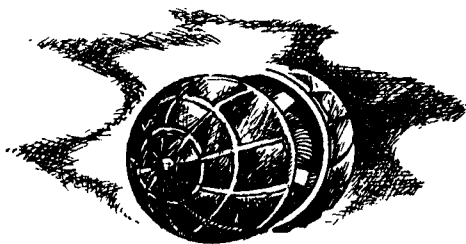
— Я выдернул зубы у этой штуки,— сказал он.— А теперь мы ее опустошим.

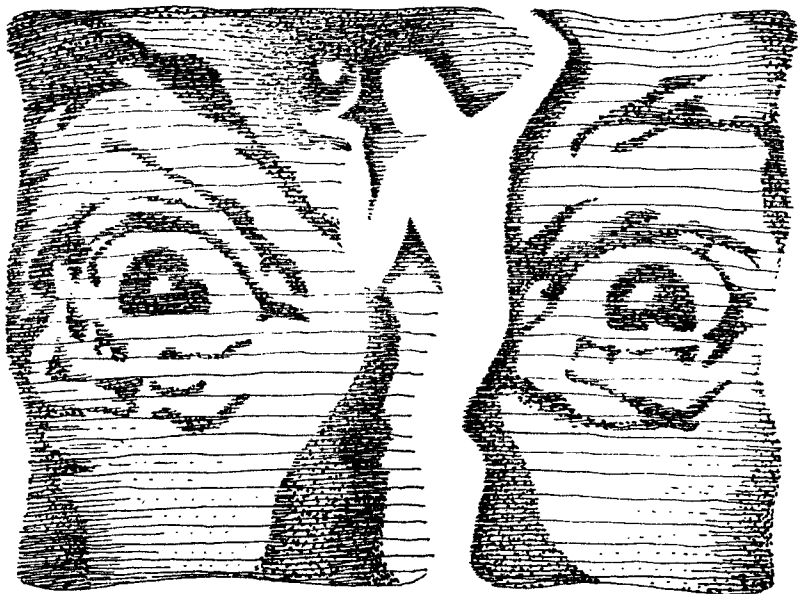
Он отвинтил крепления и разъединил полушария. Зубилом из сумки с инструментами он проткнул каждую из оранжевых капсул-сегментов и высыпал порошок. Он улетел наружу и рассеялся над теми, кто продолжал жить, так ничего и не заметив.

Жизнь будет продолжаться, потому что война теперь закончится прежде, чем доктор Ситрук успеет создать новую бомбу.

— Мне кажется, это все,— сказал он.— Куда мы теперь полетим?

— Мы выпрыгнем с парашютами, как только увидим корабль, находящийся в пятидесяти милях от берега, а самолет упадет в море. На борту корабля мы получим новый приказ. А эта миссия завершена.

Фриц Лейбер

ЗДРАВОМЫСЛИЕ

— Входи, Фи, и устраивайся поудобнее.

Звучный голос и внезапно открывшийся вход застигли Генерального Секретаря планеты за игрой с одним из комков зеленоватых газоидов. Он зажал их в кулаке и теперь смотрел, как плоские, нервующиеся усики вылезают между его пальцами. Он медленно, перекосив шею, повернул голову. Устремил на правителя мира Каррсбери взгляд, который был одновременно простодушным, хитрым и пустым. Внезапно на его лице появилась нервная улыбка. Худощавый мужчина напрягся, насколько ему позволили привычно опущенные плечи, вошел и опустил на самый краешек пневматического контурного кресла.

Он смущенно посмотрел на комок газоидов в своем кулаке, затем перевел взгляд, ища подходящую щель. Не найдя ее, он сунул комок в карман. Затем, стиснув руки, подавил дрожь. Глаза его были устремлены в пол.

— Как у тебя дела, старик?— спросил Каррсбери с дружеской теплотой в голосе.

Генеральный секретарь не поднял взгляда.

— Тебя что-то беспокоит, Фи?— озабоченно спросил Каррсбери.— Ты чувствуешь себя немного несчастным или недоволен своим... э-э... перемещением теперь, когда пришло время?

Генеральный секретарь все еще ничего не отвечал. Каррсбери нагнулся над матово-серебристым полукруглым письменным столом и настойчиво произнес самым своим убедительным тоном:

— Начинай, старина, расскажи обо всем!

Генеральный секретарь не поднял головы, но закатил свои странные, смотрящие в пустоту глаза вверх, пока они не уставились прямо на Каррсбери. Он слегка вздрогнул, его тело словно уменьшилось, и руки крепко сцепились друг с другом.

— Я знаю,— тихим, сдавленным голосом произнес он.— Ты считаешь меня душевнобольным.

Каррсбери выпрямился, и брови его в удивлении поползли к гриве серебристых волос.

— О, ты не должен волноваться из-за этого,— быстро продолжил Фи, когда первый лед был сломлен.— Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что значит это слово. Еще лучше... нам обоим лучше провести исторические исследования, чтобы выяснить это.

— Душевнобольной,— словно во сне, повторил он, взгляд его блуждал.— Значительное отклонение от нормы. Неспособность следовать основополагающим правилам, определяющим все поведение человечества.

— Глупости!— Каррсбери снова взял себя в руки, и на его лице опять появилась неотразимая, сердечная улыбка.— Не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь. Ты немного устал, слегка перенапрягся, чуть рассеян — это я могу понять, принимая во внимание бремя, которое ты несешь. Небольшой отдых снова вернет тебя в форму, милый маленький отпуск вдали от всего. Но мысль, что ты... смешно!

— И все же,— взгляд Фи впился в Каррсбери,— ты считаешь меня душевнобольным. И всех моих коллег в правительстве мира ты считаешь душевнобольными. Поэтому ты и заменяешь нас людьми, по десять лет обучавшимися в твоём институте политического руководства — с того мгновения, когда ты с моей помощью и под моим покровительством стал президентом мира.

Каррсбери отступил перед категоричностью этих объяснений. Его улыбка в первый раз стала несколько неуверенной. Он хотел что-то сказать, но не решился и посмотрел на Фи, словно надеялся, что тот добавит что-нибудь еще.

Но этот тип снова устался в пол.

Каррсбери откинулся назад и задумался. Когда он наконец

заговорил, голос его снова был естественным, не таким наигранно успокаивающим и отеческим.

— Ну, хорошо, **Фи**. Послушай, ты можешь честно ответить на мой вопрос? Не будешь ли ты — и остальные — счастливее, если избавишься от всей ответственности?

Фи удовлетворенно кивнул.

— Да,— сказал он,— мы были бы... но...— лицо его напряглось.— Ты видишь...

— Что вижу?— настойчиво спросил Каррсбери.

Фи с трудом сглотнул. Он, очевидно, был не способен продолжить. Он медленно опустился на край кресла, и давление выдавило зеленого газоида из его кармана. Его длинные пальцы обхватили комочек и начали нервно мять его.

Каррсбери встал и вышел из-за письменного стола. Участливые морщины на его лбу больше не выражали никакого удивления, они не были настоящими.

— Не вижу, почему бы мне не рассказать тебе всю историю, **Фи**,— просто сказал он.— Как ни странно, я всем обязан тебе. И теперь больше не нужно держать это в тайне... нет никакой опасности...

— Да,— согласился **Фи** с быстрой горькой усмешкой.— Тебе уже несколько лет нечего опасаться смертельного удара. Если мы когда-нибудь восстанем,— взгляд его был устремлен на противоположную стену, где тонкие прямые щели свидетельствовали о наличии двери,— твоя тайная полиция будет тут как тут.

Каррсбери вздрогнул. Он не предполагал, что **Фи** это известно. В его мозгу странным образом появилось выражение «Хитрость душевнобольного». Но только на мгновение. Дружелюбное самодовольство снова захлестнуло его. Он подошел к креслу, в котором сидел **Фи**, и положил руки на его обвисшие плечи.

— Ты же знаешь, что насчет тебя у меня всегда была особая точка зрения, **Фи**,— сказал он,— и не только потому, что именно благодаря тебе я так легко стал президентом мира. Я всегда считал, что ты не такой, как другие, и иногда, когда...— он замолк.

Фи слегка повернулся под его дружескими руками.

— Когда ко мне возвращается душевное здоровье,— без всякого выражения закончил он предложение.

— Как теперь,— тихо подтвердил Каррсбери с легким кивком, которого **Фи** не мог видеть.— У меня всегда было впечатление, что ты все понимаешь нереалистичным, извращенным способом. А это очень много значит для меня. Я одинок, **Фи**, ужасно одинок, вот уже десять лет. Нигде никаких товарищей, даже среди людей, которые обучались в институте политического руководства — потому что с ними мне приходится играть роль и я должен скрывать от них некоторые факты, чтобы они не захватили власть через мою

голову, прежде чем будут по-настоящему подготовлены. Никакого общества, за исключением надежд — и в данное мгновение тебя. Теперь, когда все закончилось и для нас обоих начались новые времена, я могу тебе это сказать. И я рад.

На некоторое время воцарилась тишина. Потом... Фи не повернул головы, но его худая рука поднялась вверх и коснулась руки Каррсбери. Каррсбери отклонился. Странно, подумал он, что может быть всего лишь кратковременное взаимопонимание между здоровым и душевнобольным человеком. Но это было так.

Он убрал руки, быстро отошел к письменному столу, потом вернулся.

— Я — атавизм, Фи, — начал он новым, свежим, ровным голосом. — Атавизм из времен, когда человеческое мышление было намного более здравым! Неважно, результат ли это наследственности, или к этому привело совершенно невероятное совпадение, или оба этих фактора вместе. Главное, что родился человек, который был в состоянии критически оценить современное состояние человечества в свете прошлого, определить его заболевание и начать лечение. Долгое время я отказывался признать факты, но наконец мои исследования — особенно литературы двадцатого века — не оставили мне другого выбора. Человечество оказалось на ложном пути. Лишь известный технический прогресс, в результате которого жизнь стала намного легче и проще, и то, что войны в результате образования теперешнего мирового правительства были исключены, позволили не допустить неизбежного крушения цивилизации. Но только временно, все это лишь отодвинуло его. Огромные массы людей находятся в том состоянии, которое раньше называли невротическим. Их вожди были... ты это первым сказал, Фи... душевнобольными. Впрочем, этот последний феномен — стремление психически ненормальных индивидуумов к руководству — был во все времена.

Он замолк. Он ошибается, или Фи следит за его словами, выражая гораздо более серьезные признаки душевной болезни? Неужели Генеральный секретарь болен намного серьезнее, чем он думал? Может быть, самоуверенно подумал он, все еще есть возможность спасти Фи. Если он все объяснит ясно и четко. Итак:

— В результате своих исторических исследований я быстро пришел к выводу, что критический период, завершившийся окончательной амнистией, закончился созданием современного мирового правительства. Нас учили, что тогда миллионы политзаключенных — и миллионы других — были выпущены из тюрем. Ну, а кто эти другие? На этот вопрос современные труды по истории дают лишь слабые, поверхностные ответы. Я встретился с чрезвычайно сложными семантическими трудностями. Но я продолжил изучение. Почему, спросил я себя, из нашего лексикона исчезли такие слова,

как «душевная болезнь», «сумасшествие», «слабоумие» и стоящие за ними концепции? Почему тема «Психология ненормальных» была вычеркнута из школьных планов? И еще, почему наша новейшая психология ненормального имеет такое поразительное сходство с той, что изучалась в двадцатом столетии, и только с ней? Почему больше нет никакого оборудования для размещения и ухода за психически больными, какое было в двадцатом столетии?

«Хитрость душевнобольного», — снова, словно предупреждение, мелькнуло в голове Каррсбери. Он кивнул.

— Сначала я отказывался делать какие-либо выводы. Но постепенно я уяснил себе все зачем и почему — что же произошло на самом деле. Высокотехническая цивилизация создавала для человечества широкую, быстро меняющуюся шкалу стимуляции, а с другой стороны, возбуждала исключительный психический стресс и эмоциональные страдания. Однако это еще не все. Психиатрическая литература двадцатого столетия сообщает о психозах, вызываемых успехом. Неуравновешенный человек существует до тех пор, пока он борется, пока стремится к цели. Но вот он достигает цели и ломается. Его подавленное смущение выходит на поверхность, он осознает, что вообще не знает, чего он хочет, его энергия, которая использовалась в борьбе с чем-то, вне его личности, обращается против него самого и разрушает его. Ну, когда война наконец закончилась, когда мир стал единым соединенным государством, когда исчезло все социальное неравенство... ты понимаешь, к чему я клоню?

Фи медленно кивнул.

— Это, — сказал он странным, равнодушным голосом, — интересная дедукция.

— После того как я неохотно признал свои предпосылки, — продолжал Каррсбери, — все стало ясно. Циклические, шестимесячные процентные колебания — я тотчас же понял, что Моргенштерн из финансового управления должен быть подвержен депрессии с шестимесячными фазами, иначе произойдет расщепление личности, одна половина которой будет мотом, а другая — скрягой. Я установил, что нужно прощупать первое. Почему прекратилось культурное развитие? Потому что правитель Хобарт решил быть консервативным. Почему это привело к буму во взземных исследованиях? Потому что Май-Элви поддался эйфории.

Фи удивленно посмотрел на него.

— Ну конечно, — он развел тощими руками; из одной, как струйка зеленого дыма, выполз газонд.

Каррсбери окинул его острым взглядом.

— Да, я знаю, что вы — ты и многие другие — извращенным образом осознате различия между вашими личностями, даже если в них всех нет существенных отклонений... Но продолжим! Как

только я осознал ситуацию, курс мой изменился. Как душевно здоровый человек, способный преследовать точно определенные реалистические цели, окруженный индивидуумами, непоследовательность и самообман которых я легко мог использовать для себя, я был способен со временем, пойдя на некоторый обман, достичь любой цели, которую я ставил перед собой. Я уже был на правительственной службе. За три года я стал правителем мира. Когда я занял этот пост, мое влияние значительно выросло. Как у человека из анекдота об Архимеде, у меня была точка опоры, с помощью которой я мог переворачивать мир. Я был способен — под различной маскировкой и предлогами — издавать законы, смысл которых заключался в том, чтобы успокоить одолеваемые неврозами массы. Таким образом, я свел к минимуму возбуждающие и стимулирующие факторы, ввел строгую регламентированную и упорядоченную программу жизни. Повлияв на своих коллег по службе, я позаботился о том, чтобы привести в относительный порядок все дела мира, — по крайней мере, я смог предотвратить самое худшее. Одновременно я разработал свой десятилетний план. Я составил группу возможных разновидностей, которых я тщательно проверил на отсутствие у них невротических тенденций, и стал обучать их в относительной изоляции, давая им сведения сначала понемногу, потом во все большем количестве, инструктируя их, чтобы они затем в свою очередь сами могли давать инструкции.

— Но это... — довольно возбужденно начал Фи, готовясь вскочить.

— А что? — быстро спросил Карсбери.

— Ничего, — подавленно пробормотал Фи и осел в своем кресле.

— Так это было в общих чертах, — голос Карсбери внезапно стал более мягким, — за исключением некоторых второстепенных подробностей. Я не мог позволить себе действовать без защиты. Слишком многое зависело от меня. Всегда существовала опасность, что я паду жертвой плохо скоординированного, но тем не менее эффективного насилия, которое мои коллеги по службе не смогут мгновенно и тактично взять под контроль. Я совершил опасный шаг только потому, что у меня не было альтернативы. Я создал... — взгляд его теперь скользнул к узкой щели в боковой стене, — свою тайную полицию. Есть один вид душевной болезни, известный как паранойя: преувеличенно подозрительное поведение, связанное с манией преследования. Я воспользовался полевой техникой из двадцатого столетия, чтобы при помощи гипноза имплантировать эту идею-фикс нескольким несчастным индивидуумам: их жизни зависят от меня, мне угрожают со всех сторон и меня нужно защитить любой ценой. Это отвратительный метод, хотя цель и была достигнута. Я буду рад, очень рад, если этим все и закончится. Ты же понимаешь необходимость этого шага, не правда ли?

Он вопросительно посмотрел на Фи — и с испугом обнаружил, что этот индивидуум улыбается ему пустой улыбкой, а между его пальцами свисает газонд.

— Я прорезал отверстие в своей кушетке, и множество этих штук вылезло наружу, — объяснил Фи невинным тоном. — По всему моему кабинету натянуты канаты из этого. Иногда я спотыкаюсь об них. — Его пальцы искусно разминали комок и превращали его в пугающе прозрачную зеленую голову, которую он тотчас же снова смял. — Странная вещь, — пробормотал он. — Разреженная жидкость. Газ со свойствами твердого тела. И это громоздится вокруг мебели по всему моему кабинету.

Каррсбери откинулся в кресле и закрыл глаза. Плечи его обвисли. Он внезапно почувствовал себя слегка уставшим, он сожалел, что день его триумфа остался позади. Однако он не должен падать духом и показывать это Фи. Фи действительно играл второстепенную роль. Он всегда знал, что Фи, за исключением нескольких проблесков, так же безнадежен, как и остальные. Но, несмотря на это...

— Тебе не надо думать о поле в твоём кабинете, Фи, — сказал он с безрадостным дружелюбием. — Только не теперь. Твой преемник не заботится о том, чтобы вычистить его. Ты же знаешь, что он уже заменил тебя во всех твоих делах.

— Вот именно! — воскликнул Фи с такой экспрессией, что Каррсбери вздрогнул. Мировой секретарь вскочил, шагнул к нему и возбужденно протянул руку. — Поэтому я и пришел сюда! Это я и пытаюсь тебе сказать! Но в остальном все не так! Это не работает! Ты не сможешь сделать этого!

С выработанной долгой практикой быстротой Каррсбери скользнул за письменный стол. Он принудил черты своего лица остаться спокойными, благосклонно улыбался, но устал он несказанно.

— Ну, ну, Фи, — успокаивающе произнес он. — Если я не смогу сделать этого, я, конечно, этого делать не буду. Но не кажется ли тебе, что ты должен сказать мне — почему? Ты не находишь, что будет очень мило, если мы сядем и все обсудим?

Фи остался стоять, смущенно опустив голову.

— Да, может быть, — несколько неожиданно сказал он тихим напряженным голосом. — Может быть, я должен сделать это. Поэтому что нет другого пути. Однако я надеюсь, что мне не надо будет рассказывать тебе все. — Последние слова прозвучали полувопросом. Он посмотрел на Каррсбери исполненным лести взглядом. Тот, все еще продолжая улыбаться, покачал головой. Фи вернулся к своему креслу и сел.

— Все началось с того... — Он мрачно мямлил комки газондов, — что ты хотел стать правителем мира. Ты не был обычным, но мне кажется, это было как-то смешно — да, и ты был отзывчивым, —

он посмотрел на Каррсбери.— Ты действительно во многих направлениях сделал миру много добра, никогда не забывай об этом,— заверил он его.— Конечно...— Он снова направил взгляд на газойдов, которых он мучил,— это не были те направления, которые ты имел в виду.

— Не те?— автоматически переспросил Каррсбери. «Выполнял его капризы! Выполнял его капризы!» — непрерывным рефреном гремело в его голове.

Фи печально покачал головой.

— Возьмем, к примеру, те законы, которые ты издаешь, чтобы успокоить людей.

— Да?

— Они действительно вызывают изменения. К примеру — твой запрет на чтение всей возбуждающей литературы... О, сначала мы попробовали некоторые из тех успокаивающих вещей, которые ты нам предложил. Весь мир был доволен ими. Люди все время смеялись. Но потом, как я уже говорил, твой закон, так сказать, изменился — в данном случае превратился в запрет на всю литературу, даже не возбуждающую.

Улыбка Каррсбери стала шире. На мгновение опасение коснулось края его сознания, но последнее замечание Фи прогнало его.

— Каждый день я прохожу мимо пары книжных и журнальных лотков,— дружески сказал Каррсбери.— Выставленные на продажу беллетристические издания всегда имеют просто оформленные обложки воспитательного содержания. Ни на одной из них нет тех диких, чудовищных сцен, которые раньше можно было видеть повсюду.

— Но ты покупаешь эту книгу, и она принадлежит тебе? Или просто проецируется визуальный телек? — робко осведомился Фи.

— Я уже десять лет слишком занятой человек,— ответил Каррсбери.— Конечно, я читаю официальные сообщения о происходящем и иногда бросаю взгляд на дайджесты художественных книг.

— Да, конечно, это официальная информация,— согласился Фи и посмотрел на стену, полную книжных полок, за письменным столом.— Ты знаешь, что мы сделаем? Мы оставим однотонные обложки, но содержание книг совсем другое, такое же, как и в прежние времена. Контраст щекочет нервы людей. Не забывай, что многие из твоих законов, о которых уже я упоминал, принесли много добра. Например, они устранили огромное количество шума и беспорядка.

Это официальная информация. Выражение было почему-то неприятно для ушей Каррсбери. В его взгляде были следы нескрываемой подозрительности, когда он быстро оглянулся через плечо на полки с книгами.

— Ах, да,— снова продолжал Фи,— и этот закон по предотвращению увлечений, связанных с необычным или непристойным поведением с длинным списком специфических катастроф. Он будет действенным, но с небольшим примечанием. Это будет так, если у вас действительно будет желание выполнять его. Мы находим это абсолютно необходимым, ты понимаешь?— Пальцы его неторопливо мяли газоида.— Что же касается запрета на различные стимулирующие напитки... Ну, здесь они давно уже подаются под другим названием, и развилась очень интересная привычка после их принятия вести себя тихо и робко. Теперь перейдем к восьмичасовому рабочему дню...

Почти против своей воли Каррсбери встал и направился к внешней стене. Проведя рукой через невидимый V-образный луч, он включил окно. Казалось, что внешняя стена исчезла. Через нее, ставшую почти совершенно прозрачной, он с напускным любопытством посмотрел на гладкие, блестящие фасады зданий, на террасы и аллеи внизу.

Огромные толпы людей производили впечатление спокойствия и порядка. Но потом возник беспорядок: группа людей — с такого расстояния не более чем кучка крошечных голов, рук и ног — далеко внизу оторвалась от дела и начала забрасывать другую группу чем-то похожим на продукты питания. Две маленькие яйцеобразные машины, серебристые капли, лишенные с такого расстояния всяких швов, играючи свернули на боковой съезд. Кто-то побежал.

Каррсбери поспешно выключил окно и повернулся. «Это были лишь случайные инциденты»,— сказал он самому себе. Они не имели никакого статистического значения. Уже десять лет человечество, несмотря на случайные происшествия, постепенно обретало душевное здоровье. Он видел собственными глазами, как развивается его программа — или, по крайней мере, достаточно, чтобы сделать заключение. Он был глупцом, позволил болтовне Фи повлиять на себя,— в этом были виноваты только его усталые нервы.

Он посмотрел на хронометр.

— Извини меня,— коротко сказал он и прошел мимо кресла Фи.— Я охотно продолжил бы нашу беседу, но я должен отправиться на первое совещание нового правительства.

— О, но ты этого не сможешь!— Фи вскочил и схватил его за руку.— Ты просто не сможешь, понимаешь? Это невозможно!

Молящий голос перешел в крик. Каррсбери нетерпеливо попытался стряхнуть с себя мирового секретаря. Щель на боковой стене расширилась, превратившись в выход. Оба они тотчас же услышали шум.

В проходе стоял высокий и тонкий, как скелет, гигант-мужчина с компактным темным оружием в руке. Черная встопорщенная борода покрывала его щеки. На его лице была жуткая смесь подозре-

ния и фанатической преданности; он направил оружие на Фи, а лицо с блуждающими глазами повернул к Каррсбери.

— Он вам угрожал?— спросил бородач хриплым голосом, выразительно поводя оружием.

Глаза Каррсбери нехорошо сверкнули гневным, мстительным блеском. Потом они погасли. «Что он тут вообразил?!» — спросил он самого себя. Этот бедный сумасшедший мировой секретарь был не тем, кого следовало бы ненавидеть.

— Нет, нет, Хартманн,— спокойно ответил он.— Мы кое-что обсуждали, мы были возбуждены и повысили голоса. Все в полном порядке.

— Хорошо,— удовлетворенно сказал бородач после паузы. Он с неохотой убрал пистолет в кобуру, но положил на него руку и остался стоять в проходе.

— А теперь...— Каррсбери освободился,— я должен идти.

Он вышел в коридор, встал на ленту транспортера и был уже на пути к лифту, когда заметил, что Фи следует за ним и уже робко дергает его за рукав.

— Ты не можешь идти,— настаивал Фи, опасливо оглядываясь. Каррсбери увидел, что Хартманн тоже следует за ним — зловещая тень в двух шагах.— Ты должен дать мне шанс объяснить тебе это, сказать тебе,— почему, как ты сам этого потребовал.

«ВЫПОЛНИ ЕГО КАПРИЗ!» — продолжало звенеть рефреном в голове Каррсбери, но из чистой усталости он был готов продолжить это.

— Ты можешь рассказать мне все в лифте,— согласился он и сошел с ленты. Пальцы его скользнули через луч, и мигающий световой указатель показал, что лифт послушно поднимается вверх.

— Понимаешь, это было не только дело с запретами,— быстро продолжал Фи.— Есть множество других вещей, которые функционируют совсем не так, как утверждают твои официальные доклады. К примеру, бюджет министерств. Я знаю, в докладах говорится о регулярных сокращениях средств на выделенные исследования. В действительности же эти средства за десять лет твоего правления увеличились в десять раз. Конечно, у тебя нет никакой возможности узнать об этом. Ты не можешь быть одновременно во всех местах на планете и наблюдать за каждым стартом стратосферной ракеты.

Движущийся огонек застыл. Щель расширилась. Каррсбери вошел в лифт. Он подумал, не послать ли ему Хартманна обратно. Бедный бормочущий Фи не представлял никакой угрозы. Но, несмотря на это — «хитрость душевнобольного»,— он решил взять Хартманна с собой и прервал контрольный луч в секторе, который мог доставить их на сотый этаж. Дверь тихо закрылась. Кабина наполнилась волнующейся тьмой, бесшумно замелькали цифры. Двадцать первый, двадцать второй, двадцать третий...

— И еще военные ведомства. Ты сильно сократил им средства.

— Конечно,— устало ответил Каррсбери.— В мире есть только одна-единственная страна. Совершенно очевидно, что не нужно больше никаких военных сил, кроме одного специального отряда полиции. Я уже не говорю о риске дать оружие в руки современному населению планеты.

— Я знаю,— виновато ответил Фи во тьме.— Несмотря на это, на самом деле армия набирает силу без твоего ведома и скоро у нее будет уже ракетное оружие.

Пятьдесят седьмой, пятьдесят восьмой... **ВЫПОЛНИ ЕГО КАГРИЗ!**

— Почему?

— Понимаешь, мы узнали, что на Земле есть шпионы. Может быть, с Марса. У них могут быть враждебные намерения. Нужно быть готовыми. Мы ничего тебе не говорили... ну, потому что мы боялись, что ты будешь излишне возбужден.

Голос его дрожал. Каррсбери закрыл глаза. Как долго, спросил он себя, как долго? С тупым удивлением он понял, что в последние часы такие люди, как Фи, которых он выносил в течение всех десяти лет, стали неслыханно докучливыми. В данное мгновение его не возбуждала даже мысль о совещании, на котором он должен был председательствовать. Совещании, которое должно было открыть двери в мир духовно здоровым. Реакция на успех? На конец продолжающегося десять лет напряжения?

— Ты знаешь, сколько этажей в твоём здании? — Каррсбери не сразу заметил новую интонацию Фи, но все же отреагировал сразу.

— Сто,— быстро сказал он.

— А где мы сейчас?— спросил Фи.

Каррсбери открыл в темноте глаза. Сто двадцать седьмой, метались цифры у двери, сто двадцать восьмой, сто двадцать девятый...

Что-то холодное рвануло желудок Каррсбери, подкатилось к горлу. Ему показалось, что мир его неудержимо переворачивается. Он подумал о скрытых изменениях, о неожиданной дыре в пространстве. Кое-что из начального курса физики мелькнуло в его голове: если лифт будет продолжать подниматься с постоянным ускорением, никто внутри этого лифта не сможет узнать, действительно ли продолжается подъем, если это сила тяжести — стоит ли лифт неподвижно на планете или с постоянно возрастающей скоростью мчится в пространстве.

Сто сорок первый, сто сорок второй...

— Или когда ты поднимаешься над сознанием, над всем, к неожиданному духовному царству,— продолжал Фи своим новым голосом с намеком на смех.

Сто сорок шестой, сто сорок седьмой... Теперь они поднимались медленнее... Сто сорок девятый, сто пятидесятый. Лифт остановился. Это какой-то трюк! Эта мысль была как ушат холодной воды на голову Каррсбери. Какой-то хитрый детский трюк Фи. Было очень просто манипулировать указателем. Каррсбери начал на ощупь искать что-нибудь и нащупал гладкую поверхность кобуры на худом теле Хартманна.

— Не делай ничего неожиданного!— предупредил Фи, стоя возле его локтя.

Каррсбери обернулся и хотел схватить его. Свет солнца затопил его, затем последовал приступ жуткого головокружения, сердце его почти остановилось.

Он, Хартманн и Фи парили в воздухе вместе с неосязаемой материей пары приборов и пульта управления на высоте пятидесяти этажей над крышей стоэтажного правительственного центра.

Несколько минут он судорожно пытался ухватиться руками за пустоту. Потом заметил, что не падает, и глаза его заметили намек на стены, потолок и пол под ними, призрак шахты.

Фи кивнул.

— За этим ничего не скрывается,— небрежно заверил он Каррсбери.— Только одна из этих чарующих новых идей, против которых ты издал столько законов,— как наши несовершенные здания с лестницами и дороги в ничто. Комитет по строительству и другой недвижимости решил для лучшего обозрения расширить зону действия лифта. Шахту сделали прозрачной, чтобы не нарушать первоначальную форму здания и улучшить видимость. Это удалось настолько хорошо, что для безопасности полета реактивных самолетов и других воздушных транспортных средств пришлось смонтировать электронную систему безопасности. Она находится на том месте поверхности кабинки, которое служит в качестве окна.

Он замолчал и загадочно посмотрел на Каррсбери.

— Все очень просто, но не видишь ли ты в этом некий символ? Ты на протяжении десяти лет большую часть своего времени провел в этом здании среди нас. Ты каждый день пользовался этим лифтом. Но ни разу, даже во сне, ты не мог себе представить эти пятьдесят дополнительных этажей. Не кажется ли тебе, что нечто в этом роде может соответствовать твоему восприятию других аспектов современной социальной жизни?

Каррсбери, открыв рот, тупо уставился на него.

Фи повернулся и стал наблюдать за все увеличивающейся точкой одного приближающегося летательного аппарата.

— Ты тоже можешь посмотреть на него,— сказал он Каррсбери,— потому что он увез тебя к намного более счастливой жизни, в которой тебе будет гораздо спокойнее.

Каррсбери приоткрыл губы, облизнул их

— Но...— сказал он дрогнувшим голосом.— Но...

Фи улыбнулся.

— Верно, я еще не закончил объяснение. Ну, ты мог бы всю свою жизнь оставаться правителем мира, изолировавшись в своем кабинете, среди многомильных полок, полных официальных сообщений, со своими случайными беседами со мной и другими, если бы не твой институт политического руководства и не долголетний план. Это меняет все дело. Конечно, мы были так же заинтересованы в них, как и в тебе. Мы видели заключающиеся в них возможности. Мы надеялись на удачу. Если бы это удалось, мы бы с радостью подали в отставку с наших постов. Но, к счастью, этого не пришлось делать. И это означало — скажем так — конец эксперимента.

Он заметил взгляд Каррсбери, направленный вниз.

— Нет,— сказал он,— мне очень жаль, но твои ученики не ждут тебя в конференц-зале на сотом этаже. Они все еще в институте,— в голосе его слышалось сочувствие.— И это... ну... институт стал другим.

Каррсбери стоял неподвижно. Он слегка пошатывался. Постепенно его мысли и сила воли возвращались из переживаемого наяву кошмара, который парализовал его. «ХИТРОСТЬ ДУШЕВНО-БОЛЬНОГО» — он пренебрег этим настойчивым предупреждением. Именно в мгновение победы...

Нет! Он забыл о Хартманне! Это был тот случай, для которого он приготовил этот ответный удар.

Он уголком глаза взглянул на офицера своей тайной полиции. Черный гигант стоял, не меняя положения, мрачный взгляд устремлен на Фи, словно на злого колдуна, от которого следовало ждать всяких коварных неожиданностей.

Теперь Хартманн почувствовал, что Каррсбери смотрит на него. Он понял, о чем думает его начальник.

Он вытащил из кобуры темное оружие и без колебаний направил его на Фи. Его губы в черной бороде скривились. Из них вырвался шипящий звук. Потом он крикнул во весь голос:

— Вы мертвец, Фи! Я дезинтегрирую вас!

Фи забрал из его руки оружие.

— Это еще одно свидетельство того, что ты совершенно неверно оцениваешь новейший темперамент,— сказал он Каррсбери со следами сварливости.— Каждый из нас обладает особенностью характера, в которой он несколько нереалистичен. Это заключено в природе человека. У Хартманна это было недоверие — одержимость идеей, что вокруг все кишит заговорщиками и преследователями. Ты поручил ему задание, самое худшее для него, которое использует его одержимость и еще больше увеличивает ее. В очень скором времени он стал бы совершенно нереалистичен. Он даже не замечает, что многие годы носит кобуру с пистолетом.

Он протянул Каррсбери оружие для проверки.

— Но,— добавил он,— для него есть настоящее задание, и он сможет действительно принести пользу... скажем, в исследованиях и разработках. Выбрать подходящего человека для определенной работы — искусство с бесконечными возможностями. Ради этого мы дали Моргенштерну финансовое управление, чтобы держать колебание процентов в нормальном, предсказуемом режиме. Ради этого правитель-эйфорик поддерживает внеземные исследования и расширяет их. И почему мы должны доверять развитие культуры консерватору? Хотя с этим, разумеется, не стоит спешить.

Он отвернулся. Каррсбери едва заметил, что летательный аппарат завис возле кабинки и медленно приближается к ней.

— Но почему меня в этом случае...— смущенно начал он.

— Почему тебя сделали правителем мира?— Он небрежно закончил за него предположение.— Разве это не очевидно? Разве я тебя не заверял много раз, что ты — хотя и не намеренно — сделал много доброго? Разве ты не понимаешь, что ты нас заинтересовал? Честно говоря, в своем роде ты был практичен. Как тебе известно, наш основной принцип — позволить каждому индивидууму выразить себя, как ему больше нравится. В твоем случае — это быть правителем мира. Принимая во внимание все, это дало очень хорошие результаты. Все развлекались; издав ряд конструктивных законов, мы многому научились — о, мы получили далеко не все, на что надеялись, но иначе и этого мы никогда не получили бы. К несчастью, мы теперь должны прервать эксперимент.

Летательная машина коснулась клетки.

— Ты понимаешь, почему это было необходимо?— поспешно спросил Фи, оттесняя Каррсбери к открывшейся двери.— Конечно, ты это понимаешь? Все это — проблема душевного здоровья. Что наше душевное здоровье — сегодня, тогда, в двадцатом столетии, в любое другое время? Возвращение к норме. Приспособление к определенным основополагающим условиям, определяющим все поведение людей. В нашем времени отклонение от нормы стало нормой, неспособность приспособиться к всеобщим законам поведения. Это все понятно, не так ли? И это делает способным понять самого себя и своих подзащитных, не так ли? На протяжении многих лет мы настаивали на том, что ты соответствуешь норме, определенным основополагающим стандартам. Но ты абсолютно не способен приспособиться к обществу вокруг себя. Несмотря на многие твои привлекательные особенности, тут для нас открыт только один путь.

Каррсбери повернулся в дверях. Он наконец совладал со своим голосом. Он был хриплым, прерывистым.

— Ты хочешь этим сказать, что все эти годы ты только выполнял МОИ КАПРИЗЫ?

Дверь закрылась. Фи не ответил на вопрос.

Воздушная машина отошла в сторону, и он на прощание помахал ему зеленым газондом.

— Там, куда тебя повезут, очень приятно,— подбадривающе крикнул он.— Удобное жилище, всевозможные приспособления для занятий спортом и полная библиотека литературы двадцатого столетия. Столетия, в котором ты будешь проводить свое время.

Он смотрел на застывшее белое лицо Каррсбери в иллюминаторе, пока машина не превратилась в точку.

Потом он отвернулся, посмотрел на свои руки, заметил газонда, выбросил его из открытой дверцы кабинки, пару мгновений следил за его полетом, а потом нажал на кнопку возвращения.

Огонек начал отсчитывать этажи в обратном направлении.

— Я рад, что никогда больше не увижу этого парня,— пробормотал он скорее для себя, чем для Хартманна.— Он начал сильно мешать мне. Я на самом деле начал уже беспокоиться,— лицо его внезапно стало пустым,— за свое душевное здоровье.

Питер Филлипс

ТА, ЧТО СМЕЕТСЯ

Этого парня я ждал двести лет.

Он стоял на покрытой гравием дорожке рядом с агентом по торговле недвижимостью и смотрел на фронтон дома.

Солнце нещадно палило. Агент снял шляпу и вытер лысую голову. Я гадал, смогу ли доплунуть до них с верхнего этажа, откуда наблюдал за ними, и решил, что нет.

Агент заговорил с таким сильным ирландским акцентом, что я никогда не смог бы его воспроизвести.

— Вот то утинение, что вы хотите, мистер Маллен, и вам не найти лучшего места по эту сторону Баллиго. Комнаты тля того, чтопы полешать, наполнить лехкие востухом с холмов, покрытых пастпишами, такими слаткими тля вашего утовольствия.

Я слышал это и раньше. Я знал, этот паразит приобретет имение. И я знал, что агент, вернувшись в Саухбин, отбросит свой замечательный акцент и быстро скажет:

— Он тоже платит долларами, мальчики. В начале сезона я продам их английским туристам. А сейчас можно отпраздновать. Мне портер.

Маллен стоял с небрежным видом, притворившись, что думает.

Я соскользнул по перилам вниз и встал за дверью, когда они входили.

— Милый холл,— равнодушно сказал Маллен. Он носил мешковатый костюм. Но он не нуждался в нем, чтобы выглядеть мощным. С такими плечами он провел три сезона в колледже, играя на передней линии, если мои сведения верны.

— Милый?! — возмущенно завопил агент.— Мошно потумать — вы англичанин, а не краштанин самой великой страны мира.— («Граница Ирландии» — сказал он на выдохе).— Посмотрите на расмер — лестница, панели, окомное широкое окно, а эта лестничная прошадка, кте, восмошно, стоял О'Рурк и Королевским Мечом оказывал сопротивление орушим трусам Кромвеля, пока еко не остановил претательский утар сзати, а потом пертних порасило телстенное терево, кпало срети этих сопак и упило их не меньше полутюшины — стесь, именно стесь.

Агент драматично воздел руки. Во время этого жалостливого рассказа я следовал за ними. Никогда не устаю его слушать.

Маллен отступил назад. Я попятился.

— Дурацкое место для площадки,— пробормотал он, глядя на балкон между двумя лестничными пролетами.

— Уррра! О'Рурк так ше хорошо срашался опеими руками, как и отной. Меч в каштой, стесь он стоял, глтя в опе стороны...

— Конечно, конечно. Итак, сколько, вы говорили, здесь спален?

Я ходил за ними кругами. Маллен не интересовался спальнями, только погребам. Но я ждал последней истории, хранящейся в памяти агента.

— Только отна,— сказал он, вновь очутившись в холле после осмотра дома.— Вы, мошет пыть, слышали историю этого места в Саухбине, мошет, от этих лотырей вокруг павной Голихана, и хотя меня не спрашивали...

— Вы имеете в виду призрак?— спросил Маллен. Я усмехнулся.— Я слышал об этом во время войны, когда базировался прямо через границу. Тогда я и заинтересовался этим домом. Я его осмотрел, увидел силовую установку. Это было как исток реки. Все оставалось у меня на подкорке, пока я не оказался с женой в Лондоне, чтобы встретиться с друзьями. Тогда я и вспомнил об этом доме.

Надо кое-что тут сделать. Провести электричество, создать уединение. Короче, я сел в реактивный самолет до Дублина и прибыл сюда...

— И вы восьмете его, сэр, с привитием?

Если Маллен приложит дополнительную плату за привидение, подумал я, он получит его сполна. Но он твердо заявил:

— Я не ваше привидение покупаю. Через минуту вы скажете, что оно составляет главную ценность. Мой народ уже лет сто как покинул эту страну, но сговорчивее мы не стали. Какова ваша цена за этот развалившийся притон?

— Окончательная цена,— заговорил агент, делая глубокий, осторожный вздох,— за аренду на кот, возмошно в толларах, сколько вы скасали?

— Я ничего не говорил. Но вы можете передать своему клиенту, что я предлагаю тысячу.

— Не посорьте меня,— сказал агент, и я дунул ему в шею холодным воздухом.— Как вы снаете, я влателец этого тома, если вы снаете столько, сколько говорите.

И он поднял воротник пальто.

— А теперь опсудим тетали.

Я последовал за ними по дорожке к такси. Теперь я мог ненадолго покинуть дом.

Перевалило за полдень. Вдалеке, в лучах заходящего солнца, окутанные туманом с болот, зеленели холмы; приятно было видеть только что скошенное сено на полях.

Двести лет я ждал этой увеселительной прогулки. Я радовался каждой секунде поездки, даже едкому запаху свинарника. Стук копыт по пыльной дороге казался музыкой.

Через покрытый зеленым лишаем мостик, через ручеек с форелью рысью прошелся пони. Я пообещал себе скоро здесь поудить. Когда-то я лежал и дремал на солнце. Рыбалка на мух была слишком напряженной в такой влажной жаре.

И через плечо я смотрел вновь и вновь на Саухбин-Хауз и смеялся. Смех был во мне. Что всегда веселит в Ирландии. Однако когда я сейчас пишу, я чуть не плачу. Но вам следует подождать разъяснений на этот счет...

Мы спустились с моста, и дорога расширилась у деревни Саухбин.

Агент представил Маллена Голихану.

— Стоял в Шести Графствах во время войны,— сказал он,— внимателен к красотам страны, натеется написать непольшую книгу, решил приопрести имение на кот или, мошет, польше. А ты, Майк, мой мальчик, потрать время, расскаши ему о присраке, чтоп мистер Маллен все оп этом снал.

— Сатитесь и хватит полтать,— заявил Голихан, решив акцен-

том перешеголять агента.— Не тумайте, путто оно путет куплено таким, как Маллен, с помощью вашей полтовни. Что путете пить?

Маллен заказал ирландское виски, агент — густой, крепкий дублинский портер.

Я наблюдал, как Маллен булькал вокруг языка дымно-торфяной жидкостью. Двести лет прошло с тех пор, как сладкий, чудесный вкус щекотал мое горло... Я облизнул невидимые губы в предвкушении.

Пришли местные парни, и они просидели за беседой весь вечер.

Здесь были Шон Хили и Том О'Рейли — оба, если я не ошибаюсь, за жалкие гроши работают в имении лорда Фрейтоувела; Силас Малвени, мелкий арендатор, как часто я видел его, босого слугу, таскающего сливы из кухонного сада Саухбин-Хауза или рассматривающего молчаливый дом с глазами-окнами своими собственными глазами, смотрящими прямо на меня в окно верхнего этажа, когда я выдавал один из своих стонов призрака, которые так долго практиковал, что заставляли его падать с дерева, разрывая штаны.

Был здесь и нахальный Брэн Байли, как-то ночью он забрался в дом, встал в холле и от всего своего маленького и храброго сердца крикнул:

— Ад и все привидения! Я в них не верю!

Его здравый смысл доставил мне такое удовольствие, что я забился и произнес:

— Молодец, парень. Я не привидение. И вовсе не призрак. Их вообще не бывает.

Но бедный Брэн так быстро бежал, что вряд ли меня слышал.

Как бы то ни было, он был тут, у Голихана, теперь большой и сильный, готовый рассказать, что происходит в Саухбин-Хаузе.

— Это случилось во время войны,— рассказывал Брэн.— Поскольку мы близко от границы, тут часто появлялся джип с молодыми парнями, приехавшими сюда по вечерам, чтобы подкрепиться горячительными напитками мистера Голихана. Как-то вечером мы рассказали им о доме, о том, как бедный слабоумный Джонни Мор то и дело заявлялся туда, чтобы поиграть в шахматы с призраком, и он говорил — бедняга Джонни, его нет уже одиннадцать месяцев...

Значит, Джонни умер? Я скучал по нему.

Каждый раз, когда я слышу, что Джонни умер, это потрясает меня.

Он ковылял в дом, прилизав свою рыжую челку, белое лицо ничего не выражало. Он кричал: «Я предлагаю тебе сыграть в шахматы, призрак ты или нет! Ты единственный приличный игрок в этой стороне вплоть до Дублина,

ты единственный можешь противостоять мне».

Надеюсь, Джонни найдет другого «приличного игрока» там, куда он ушел.

Наклонившись вперед, Брэн Байли беседовал с Малленом в пивной Голихана, полностью завладев его вниманием.

— Короче, как-то вечером,— рассказывал Брэн,— все они, числом около дюжины, отправились отсюда вместе с большим сержантом, который уселся впереди и кричал: «Смотри, привидение! Вот мы едем, восемь парней-янки, полных рома!»

— Джип ехал медленно, они сидели внутри,— говорил Брэн,— дождь превратил дорогу в трясину, а мы шли следом за этими ребятами, чтобы узнать, что же сделает с ними призрак из Саухбин-Хауза.

Они проехали половину пути, и тут джип остановился, их водитель стучал по машине, дергал за рычаги, призывал всех святых, пока сержант не вылез из машины и не рванул капот.

Он так и застыл, дождь стекал по его красному лицу. Неожиданно он протрезвел, как зануда-судья в понедельник, и говорит: «Пошли обратно, пошли скорее обратно, а то я не верю своим глазам. Клянусь, никогда не притронусь к спиртному!» Мы подошли и посмотрели через его плечо.

Так вот, под капотом ничего не было. Совсем ничего.

Сначала я не собирался красть мотор. Телепортация выматывает меня на несколько дней. Но я был ужасно раздражен, когда ухватился за двигатель, и оказалось, что на этой штуковине все и держится.

— И с тех пор никакого следа двигателя,— закончил Брэн Байли.

— Да,— произнес Маллен.— Я слышал об этом. Я был капитаном этого подразделения. Нам потом пришлось тащить машину назад.

— И вы совсем не боитесь этого существа?— поинтересовался Шон Хили.

— Чего ради? Насколько я знаю, оно никому не причинило вреда.

Спасибо на добром слове, приятель.

Маллен решил остановиться у Голихана, пока не будут доставлены некоторые предметы первой необходимости, и тем временем телеграфировал жене, чтобы приехала.

Через четыре дня он занял дом. Он приехал утром. Рановато. Ну и энергия у этого человека! Я еще отдыхал, когда услышал, как он шарит по погребам, проверяя проводку.

Я выскользнул оттуда, куда ухожу на отдых,— не спрашивайте, где это: это состояние, а не место — и последовал за ним. В углу

одного из небольших погребов он приподнял брезент. Когда-то здесь была кладовая.

С забавными возгласами недоверия он смотрел на мотор от джипа.

— Вот так,— произнес я,— потин * был ни при чем. Думаю, тебе надо как следует извиниться перед сержантом и другими ребятами из группы Д, и ты должен им деньги, что урезал для возмещения стоимости мотора.

Он так быстро обернулся, что споткнулся и налетел на мотор.

— Что... Где вы?

— Нигде. Не на небесах, не в аду. Везде. Что же до того, кто я, то, надеюсь, ты мне расскажешь. Я ждал этого. Очень, очень долго. Тем не менее, мистер Маллен,— сказал я,— вы испачкали ваши чудесно отутюженные брюки.

Он встал, машинально вычистил свои брюки. Кое-чему армия его научила, привила гордость своей одеждой.

— Вы бы не могли,— заговорил он, его мозги усиленно работали,— показаться? Терпеть не могу получать советы от голоса без тела.

— На это нужна энергия,— ответил я,— как и для колебания молекул воздуха, чтобы создавать звуковые волны. И на это уходит много энергии и материи, к тому же в настоящее время я чувствую себя не настолько одетым, чтобы позволить вам смотреть или говорить об этом. Но я не хочу выказывать вам пренебрежение. Соберите пыль с полок, бросьте под эту лампу и отойдите назад.

— Я же не чокнутый,— осторожно проворчал он.

— Конечно, конечно. Но делайте, как сказано. И поберегите манжеты.

Когда в воздух взмыло облако из мельчайших пылинок, я влез в него, зарядил частицы, чтобы они висели вокруг вихрей моих античастиц.

— Черти полосатые!— выдохнул Маллен.— Голый призрак!

— Я не призрак. И я не обязан сохранять такую форму,— произнес я, регулируя сеть.— Так лучше? Собаки ведь всегда голые.

Он попятился, нанося удары по воздуху.

— Бога ради! Будьте лучше человеком, если уж не можете быть естественнее! Я хочу...

— Слушай,— с раздражением сказал я,— это был самый замечательный мастиф, которого я когда-то видел. Я могу изобразить льва или гризли. Дай мне рулон марли или в крайнем случае простыню, и я тебе покажу кое-что...

— Я уже достаточно видел,— простонал он, прочищая пальцами глаза и трясая головой, будто что-то попало внутрь.— Убирайся.

* Ирландский самогон.

— О-хо-хо. Может, ты и прав. Для моей энергии найдутся более важные дела, чем дурачиться, веселя тебя.

— Веселя?!— зашумел он.— Да в морге и то легче смеяться. Убирайся туда, откуда пришел, и смеши червей.

— Я не призрак,— терпеливо повторил я,— не вампир, не привидение или нечто в том же духе. И я никогда не встречался с кем-либо из них и не встречаюсь. Как и юный Брэн Байли, я в них не верю. И ты тоже, к счастью. Впрочем, объяснения могут и подождать. Что-нибудь из вещей уже прибыло?

Это «достало» его.

— Каких вещей?

— Парочка ванн из Лондона от Маршала, столовая посуда из Бирмингема, этот гонг, что вы одолжили в Сорбонне.

— У тебя, видимо, неплохая разведывательная сеть.

— Ты будешь удивлен.

— Так скажи, где это.

— Конечно. Я только что говорил,— произнес я.— Все на пути к Саухбину. Джонни Макгир привезет все где-то к обеду. Ну и твоя жена, она диву дается, чего ради ты отправился сюда, и она с большой неохотой оставила своих дорогих друзей в Лондоне и едет, чтобы поинтересоваться, зачем ты приобрел эту развалюху, не посоветовавшись с ней, тем более что ты тратишь ее деньги.

От этих слов челюсть Маллена отвисла чуть ли не до воротничка.

— Между прочим,— спросил я,— как ваша дорогая девочка? Довольна европейским турне?

— Оставь ее в покое,— выдавил он из себя. Но тон у него был обороняющимся.

— Бедняга Маллен,— отметил я,— все еще держит тебя под контролем, да? Мне тебя жаль, парень. Я ведь знаю, какво это. Я сам под каблуком у жены. Ты как-нибудь ее увидишь.

— Ну это уже слишком! Двое?! Это слишком! Два призрака!— Маллен нахмурился, потом засмеялся своим грязным мыслям.— Как же вы живете, мистер?

Я раздумывал, как бы это ему объяснить, но решил, что он никогда не поймет. «Жена» — это слово было самым простым способом, каким я мог ее описать,— единственный способ на земном языке.

— Вам следует очистить свое сознание,— вот и все, что я сказал.

— Как и всю ситуацию. Эй ты, если твои предсказания сбываются, почему бы тебе не сообщить мне сегодняшних победителей в Баллимачри?

Похоже, Маллен быстро пришел в себя.

— Я не интересуюсь лошадьми,— ответил я,— и ты тоже. Если ты здесь все закончил, можешь идти на кухню и приготовить себе

кофе. Нечего проверять проводку. Я уже это сделал. Этим утром тебя ждет безделье.

— Утро,— заговорил он,— еще не наступило. Я еще не проснулся.

— Значит, я тебе снюсь, да? Иди наверх, пока я не вымел тебя сжатым воздухом.

По пути на кухню он ругался, потом грохнул чайник на зажженную плиту. Голубоватый дым за клубился между стойками, завлакивая помещение едким туманом.

Маллен посмотрел на потолок и вежливо к нему обратился.

— Думаю, мистер, ты можешь объяснить, в чем тут дело.

— Конечно. Возьми кочергу и засунь в трубу дымохода примерно наполовину. Заклинило заслонку, и она не открывается снаружи. Сломалась задвижка.

Маллен засунул. Неожиданно с ревом появился огонь.

— Спасибо,— сказал он.— Могу я предложить тебе чашечку кофе?

— Хороший мальчик,— хмыкнул я.

Пока он потягивал свое варево, я пошел рассказать «жене», как идут дела.

Моя жена родилась, чтобы всегда быть недовольной и шуметь. Когда-нибудь слышали о призраке, находящимся под каблуком у жены? Так это я. Я двести лет страдаю от ее языка. Пилит меня за все. Она была недовольна даже моими невинными играми в шахматы с Джонни Мором.

И я помню, когда еще в Саухбин-Хаузе жила семья Марчмонтов, она полжизни пугала маленькую Лилиан Марчмонт, только потому, что как-то вскользь я отметил ее милый взгляд. Вот вам портрет моей жены — на редкость сварливой женщины, если применять человеческие термины, которые к нам не очень-то подходят.

Она с ходу напустилась на меня, так что я схватил шахматную доску с фигурами с чердака и прыгнул с Десятого Уровня, где лежала моя «жена» и ждала, чтобы я проделал большую часть работы.

Когда я вернулся на кухню, Маллен простукивал стены и потолок рукояткой метлы.

— Никаких секретных панелей и спрятанных громкоговорителей,— сказал я.— Это действительно психический феномен.

Маллен посмотрел вокруг и тяжело вздохнул.

— Теперь я все осмотрел.

Я свалил на кухонный стол шахматные фигуры и доску.

— Нет,— произнес он,— нет. Я не собираюсь признаваться в собственном безумии. Убери.

Я стал расставлять фигуры. Он смотрел со странным выражением неподвижного, зачарованного лица. Потом заговорил приглушенным голосом:

— Королева своего цвета.

— Так-то лучше, — ответил я. — Тащи стул.

Он подошел к кухонному окну, посмотрел на мягкий солнечный свет, пробивающийся между яблонями. Немного полюбовался. Потом пожал плечами, схватил стул и вернулся к столу.

— Где-нибудь в другом месте, но не в Ирландии, — заметил он. — Я еще на полдороге к Саухбину.

Дважды во время игры, тянувшейся более трех часов, он пытался заговорить, но я уклонялся от вопросов. Один раз он внезапно схватил воздух около коня, во время моего хода.

— Можешь ли ты, — вежливо спросил я, — чувствовать магнитное поле? Или ощущать воздушное течение, если твоя рука движется вместе с ним? Или сделать захват шеи из-под плеча? Или нащупать античастицу?

От подобных попыток он отказался.

Наконец, когда мы услышали на дороге шум от грузовой машины Макгира, он произнес:

— Это самая идиотская игра, даже в большей степени, чем мои чувства. Шах. Подожди, пока я не вернусь.

Я слышал, как тащили вещи в холл, женский голос распоряжался вокруг машины, тем не менее вежливый и льстивый голос Макгира парил над повелительным женским голосом и смягчал его.

Когда Маллен вернулся на кухню, он выглядел решительно. Он осторожно прикрыл за собой дверь.

— Макгир, — заговорил он, — просто глоток свежего воздуха. С ним вернулось здравомыслие. Я просто понял, что делал все утро. Я чертовски много работал, и я не продвинулся вперед, пока не отдохну. И я не намерен пугать жену. Итак, кто вы и чего хотите?

— Спокойно, приятель, — сказал я. — Закончим игру, потом поговорим. Я приготовил тебе свежий кофе.

Голоса в холле зазвучали громче.

— Кстати, не думаю, что твою жену легко напугать. Она слишком занята. Твой ход.

Он отпил кофе, посмотрел на мой ход, оказавшийся опасным для его собственного короля. Он должен был разменять фигуры, что приводило к ничьей.

— К этому ты стремился, — обвинил он.

Я вздохнул.

— Не умышленно. Если мы сыграли дюжину партий, они должны кончиться ничьей. Или потом.

— Хватит увертываться. Кто ты?

Он сел поудобнее. Хмуро посмотрел на кофе. Надеюсь, я до-

бавил туда не слишком много коньяка. Довольно скоро до него дойдет.

— В твоём портфеле есть две книги,— сказал я.— Одна — очаровательная история местной семьи, написанная и изданная на собственные средства — поскольку никого больше это не интересовало — мистером Патриком О'Рурком, джентльменом, на рубеже столетия.

В ней есть мимолетные ссылки на меня. Он никогда не принимал мысли о семейном привидении или привидениях. Другая книга была написана двадцать лет назад серьезным и вполне трезвым исследователем из Английского Психологического Исследовательского Общества. Это моя биография. Моя жена, будучи тем, что называют до смерти ленивой, не появлялась перед ним. Я часто сожалел, что общество никогда не рассматривало этот отчет. Я мог бы им кое-что показать.

— Значит, ты призрак,— сказал Маллен.— Обычный, вспыльчивый призрак. Но как ты действуешь? Как ты двигаешь предметы?

— Психика без тела...— начал было я.

Это вывело его из себя. Он стал размахивать руками и ловить ртом воздух. Кофе пролилось на стол. Не важно. Для моих целей он выпил достаточно.

— Психика,— твердо повторил я,— является фокусом сознания, освобожденного от сдерживающей его формы, а это освобождение от уз инерции и энтропии, не говоря уж о поле, что может быть очень мощной вещью. Она не расстраивает энергетического баланса, поскольку утилизирует сохранившийся потенциал.

Глаза Маллена округлились. Он попытался встать, но снова тяжело опустился на стул.

— Ты сам скоро овладеешь механикой восприятия,— произнес я.— В основном это проблема загадочных мыслительных сил, называемых воображением. Ты узнаешь, как наводить на людей иллюзии. Но на это тебе потребуется примерно десять лет, пока ты не найдешь способ запастись достаточное количество энергии из космических источников в своей сети античастиц для движения крупных предметов.

У него стал прерываться голос:

— Десять лет... десять лет, начиная с чего?

— С достаточно близкого времени,— сказал я:

— Когда ты... ты...— он глотнул. Его глаза потускнели.

— Правильно,— произнес я.— Спи, братишка.

Я проверял последнюю схему, когда он очнулся. Он открыл глаза и тихонько застонал.

— Не бойся легкого похмелья,— сказал я.— Через мгновение я приму его.

Он напряженно смотрел вокруг. Только его голова могла двигаться. Остальная часть тела была крепко связана в статической зоне.

— Ведь ясно, а?— говорил я.— Это займет у тебя месяцы. Возможно, годы. Возможно, это было — однажды. Это место, о чем я никогда не думал. При моем умении мне потребуется всего четыре часа. У меня было двести лет, чтобы этого добиться.

— Это сон,— бормотал Маллен.

— Ладно,— сказал я.— Так уж это начинается, если оно вообще начиналось. В теориях предпознания и постпознания во сне свободная психика движется вперед и назад во времени. Масса отсутствует, следовательно, отсутствуют проблемы с энтропией или инерцией. Все странности путешествия во времени сглаживаются.

Его безумные глаза вновь заходили. Я мог наблюдать, как сопротивляется его мозг.

— Что случится, когда я, когда ты, когда это тело умрет?

— Ты ответил на этот вопрос, когда устраивал сенокос,— пояснил я.— Разве прошлое умирает? Нет. Оно сосуществует. Эффективное бессмертие.

— Но смерть...

— Чудесный конец,— согласился я.— Прах к праху, и так далее. И с тех пор, как мы не верим в жизнь после жизни, это создает тяжелую проблему. Ты получишь пару столетий, чтобы разобраться с этим.

— Ты хочешь сказать, ты разобрался с этим?

— Нет. Я — нет. Ты — нет. Мы — нет. И никогда не разберемся, потому что никогда не разбирались...

— Сколько раз это происходило?

— Однажды,— терпеливо сказал я.— Это впервые. Это всегда есть.

— Но, помня об этом разговоре, я могу изменить схему! Я могу...

И тут он понял. Его рот остался открытым. Как от наркотика...

— Это так,— сказал я. Мне было жаль его, как всегда.— Ты уже во всем постарался. Ты даже не сможешь покинуть это место, пока не придет срок.

Я ткнул его в живот.

— Это единственное тело, пригодное для нашей психической матрицы, и тут необходимо психическое принуждение, чтобы остаться прямо здесь, пока успех не будет достигнут. Ты не можешь обогнать время. И никогда не мог.

Я стоял у выключателя. Электронно-лучевые трубки стали нагреваться.

— Нет! — крикнул он.— Подожди... как же моя жена...

— Наша жена,— поправил я, осторожно оглядываясь. В этот раз я мог так и удрать. Может быть, схема не должна быть одной и той же. Стоило как-нибудь это попробовать.— Ты найдешь ее на Десятом Уровне, когда узнаешь, как туда попасть,— сказал я.

— Такие дела,— я послал ему волновой сигнал.— Меня ждет бутылка ирландского виски и рыболовный пруд. Между прочим, когда встретишься со стариной Джонни Мором, передай ему мою любовь. Он не поймет. Он всегда не понимает. Обрати внимание на его ход ладей в конце игры. Пока, бедняга,— сказал я.— Хорошей охоты.

Я дотянулся до рубильника, и тут...

— Стой или я взорву тебя!

Я покорно вздохнул и посмотрел на подвальные ступени. Тело тяжело, неловко упало, повиснув как марионетка на невидимых веревочках.

Голос исходил откуда-то поверх головы.

До чего же я ненавидел этот голос.

— Мой дорогой, сладкий Берни,— угрожающе проворковал голос моей жены.— Снова стараешься?! Неужели еще не научился? Если ты тронешь выключатель до того, как я скажу, я зажарю твоё тело и всажу тебе вертел в глаз.

— Это Бетти,— выдохнул Маллен.

— О-хо-хо,— пробормотал я.— А это тело Бетти. Она хочет его заполучить. Я всегда стараюсь оставить ее позади, но, видимо, никогда не добьюсь успеха. Я бы хотел попытаться пожить с женой, чего я был лишен двести лет в качестве призрака. Но она целые месяцы тратила на поглощение энергии на Десятом Уровне, и если я не уступлю, она сожжет мое тело раньше, чем я его получу.

— Совершенно точно, дорогой,— подтвердила Бетти. Мышь как черная патока в ее голосе.— Теперь закрепи все это в зоне стабильности.

Я посмотрел на пушистую светлую головку и засмеялся:

— Полагаю, ты ударила ее сковородой?

— Это моя головная боль,— резко оборвал голос.

— До чего же правильно! Поэтому я и смеюсь, сладкая моя.

Я положил бессознательную головку Бетти рядом с головой Маллена. Она немного пошевелилась и застонала. Я обмотал вокруг нее веревку, потом протянул ее через кольцевой засов временного замка и отошел.

— Разве мы не чудесно выглядим?— спросил я.

— Замечательно,— ответила Бетти.— Теперь включай.

Я подошел к рубильнику.

— Нет,— просил Маллен.

— Да,— приказала Бетти.

За миллисекунду мягкий, немой мысленный ве-

тер прошуршал через межгалактическое пространство. Состояние нежизни. Бинарные звезды вспыхнули перед глазами. Соединяясь со звездой, становишься вещественным или исчезаешь... Неправдоподобное желание, соответствующее концепции... Лети к этой звезде — **НЕТ! НАЗАД! ЗАНЯТО! ЗАНЯТО! СОЕДИНЯЙ-СЯ ИЛИ ИСЧЕЗАЙ!**

Временной замок открылся, и веревка вокруг моего тела ослабла.

Тело.

Замечательное слово.

Даже с такой головной болью.

Головная боль!

Я слегка охнул и сел.

Маллен, то есть я, то есть Бетти, стоял рядом, усмехаясь как дурак.

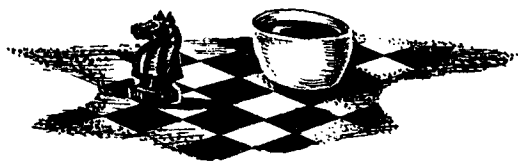
— Убить бы тебя, идиот! — сказала она, то есть он.

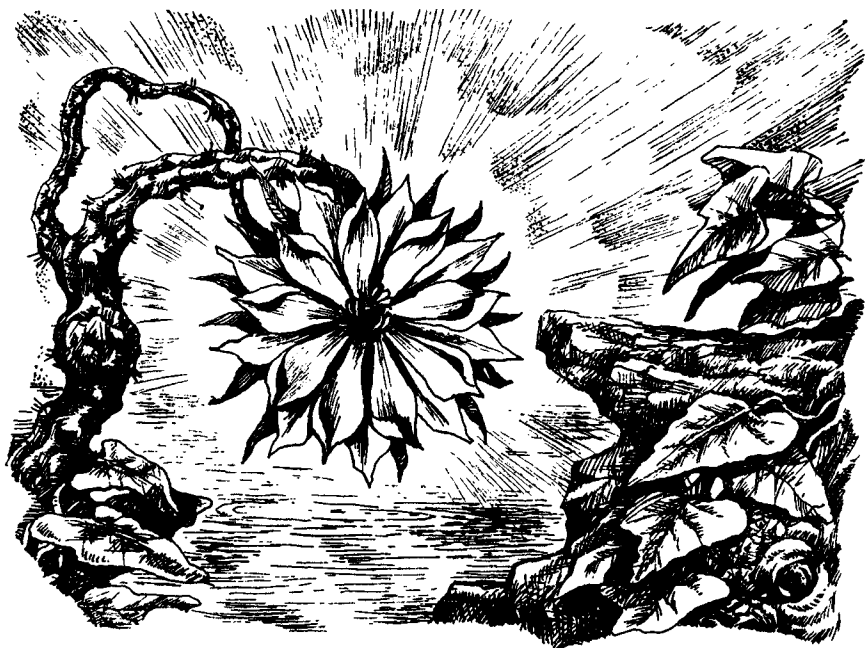
Я ошибся насчет психической матрицы.

Вечно эти чертовы женщины мечтают носить брюки. Вот она теперь их и носит, те, что должны стать моими.

Такая малость, как пол тела, которое я обживаю, конечно, не имеет большого значения. Пол меня не особенно волновал. Но...

Но почему женщины должны носить такие тугие пояса?!

Гербен Хелинга-мл.

ЧУДО-ЦВЕТОК

Мэнти нашла его как раз вовремя. Скоро на смену тихим весенним дням придет лето, и не будет больше до другой весны таких совершенно безветренных дней, а следующая весна придет слишком поздно.

На Метаксе весной температурные зоны распределяются так, что какое-то время воздушные массы абсолютно неподвижны: ни малейшего ветерка, ни одного трепещущего листочка. Иногда жужжание жужжес или вскрик квакитеки вспугнут тишину, но, в общем, складывается впечатление, что природа окаменела, хотя флора Метаксы цвела пышным цветом. Можно было бы представить себя в окружении голограммы, запечатлевшей прекрасное мгновение, которое останется навечно неизменным.

И все-таки даже в этот период всеобщего покоя было нечто, находящееся в движении. И Мэнти наблюдала за ним, лежа в тени большого камня. Над омутом стоял Нарцисс — головка цветка скло-

нилась вниз, отражаясь в совершенно гладкой поверхности воды. Очень медленно, слишком медленно, чтобы это было заметно взгляду, цветок склонялся все ниже и ниже. Высотой он был не менее пяти футов, и неторопливое движение к воде продлится еще около часа, и тогда... Тогда наступит момент, когда бутон коснется воды.

В ожидании этого мгновения Мэнти лежала уже довольно долго. Она примостилась совсем рядом с цветком и держала наготове напряженно свернутую трубочку языка. Ей приходилось заботиться о том, чтобы оставаться в тени, потому что ее тело земноводного существа слишком сильно отзывалось на свет и тепло родного солнца. Пока прекрасное растение завершает свой путь к воде, ей надо избегать шума и резких движений. А если ее холоднокровное тело попадает под живительные лучи, метаболизм организма чудовищно ускорится, и невозможно будет остаться в неподвижности. Быстрота мышления и движений — неоценимые качества для выживания, но когда приходится ждать Момента Воспроизводства, нужно оставаться неподвижной, неподвижной, словно камень!

Крохотные линзы в лепестках сами фокусировались на отражении в идеально гладком зеркале воды и передавали изображение, в точности совпадающее с тем, что было записано в генетических клетках цветка. Когда оба изображения совпадают, активизируются фоточувствительные клетки. Электрические импульсы, очень слабые, но достаточные для достижения нужной цели, стимулируют выделение сока и воспроизведение пыльцы, скапливающейся в основании бутона. Он потяжелеет и склонится над водой еще ниже.

Цветок станет не только тяжелее, но и немного больше размером. Зеркальное изображение в воде омута слегка увеличится, когда Нарцисс приблизится к ее поверхности. А так как линзы продолжают свою работу по совмещению изображений, головка цветка будет становиться все тяжелее и опускаться все ниже.

Мысли тянулись медленно, словно увязали в густом сиропе, но, как не без основания полагала Мэнти, в нужный момент она сможет принять верное решение, хоть и лежит в тени. На этот вывод понадобилось в десять, двадцать раз больше времени, чем она потратила бы, если бы выбралась на солнцепек, но она не спешила: Нарциссу предстояло еще долго клониться к зеркалу воды.

Она испытывала смутное чувство тревоги. Но стоило ли обращать на это внимание, когда она уже нашла чудо-цветок, правда, после яростных поисков в течение нескольких дней. Благодаря яркому солнечному свету, который был к ее услугам в это время года, она могла тратить огромное количество энергии, пока металась от озера к озеру, — все дальше и дальше прочь от того места, где странные существа несколько месяцев назад начали непостижимую, разрушающую природу деятельность. В короткий срок большинство цветов вблизи от их логова завяли. Мэнти и остальные из

ее рода, страшно пораженные, наблюдали, как невероятные существа уничтожали цветы, даже не замечая этого кошунства. Хотя то было время зимы и никто не в состоянии был думать быстро, каждому из тех, на кого не наступили пришельцы при своем любопытном вертикальном способе передвижения, пришлось позаботиться о переселении куда-нибудь в другое место.

Сначала Мэнти перекатилась в местечко всего лишь в десяти логах от прежнего места обитания. Однако несколько недель спустя пришельцы появились и там. Она сделала правильный вывод и, как только лучи родного солнца набрали достаточную силу, чтобы хорошо прогреть поверхность Метаксы (и тела ее обитателей), она отправилась в гораздо более дальнее путешествие.

В местности, до которой она добралась, все еще попадались Нарциссы, и она отыскивала этот цветок как раз вовремя. Еще несколько дней — и период абсолютного затишья закончится, воздух придет в движение и с ним умчится последний в этом году шанс произвести на свет потомство, способное выжить. По пути сюда она видела много цветов, которые уже соприкоснулись с водой, и надеялась, что другие представители ее расы не прозевали этого момента — самого ответственного в их жизни!

Ожидая, когда непрерывно наклоняющийся цветок завершит эту необходимую ей фазу полного цикла своего развития, она размышляла: не возникнет ли необходимость как-то противодействовать пришельцам. Эта мысль была противна ей, но в действительности было похоже на то, что появились существа, которым нет места в естественном порядке вещей. Которые, иначе говоря, несут только разрушение и не выполняют никаких полезных функций...

Головка цветка склонилась уже довольно близко к водной поверхности, и внезапно его движение к воде прервалось. Отросток колючего кустарника скользнул прямо по отражению красавца, стоящего над омутом. Раздосадованная Мэнти удивилась, откуда прилетела такая помеха при совершенном отсутствии ветра, но задолго до того, как она полностью сформулировала этот вопрос в своем сознании, вода снова успокоилась, и цветок смог продолжить процесс движения.

— Нет, ветка не годится! — звонкий голос взорвал тишину мира Мэнти. — Надо камнем — вот таким!

Мэнти слышала звуки, но не понимала их значения. Однако то, что произошло дальше, больно отозвалось в ее сердце. Плюх! Рядом с отражением в воду упал камень. По зеркальной поверхности снова пробежала рябь, и цветок замер. Как только вода успокоилась, послышался еще один всплеск, за ним другой.

Прошло некоторое время, и наконец Мэнти полностью осознала ужас происходящего. Пыльца, которая ждала своего часа от момента самого первого движения к воде, имела инкубационный

период около пятидесяти минут. У пыльцы, которая появится позднее, еще более короткий период созревания, потому что образующиеся в разное время ее дозы должны достичь полной зрелости к моменту соприкосновения бутона с водой. Пыльца вся смешается с жидкостью и превратится в желеобразное вещество, а Мэнти в это мгновение развернет свой язык и постарается как можно больше засосать в себя этой кашицы. Только этот особый состав годится для упрочнения скорлупы яиц. Только тогда ее потомство сможет дожить до стадии вылупливания и родиться во второй раз.

Теперь все оказалось под угрозой. Пыльца наверняка созревает внутри цветка,— а до воды еще далеко. Это значит, когда бутон разорвется, она вырвется на свободу над водой, а не в воде...

Мэнти не могла уловить смысла в голосах пришельцев, но ошибочно чувствовала, что они чем-то сильно возбуждены. Она еще ни разу не слышала, чтобы они говорили так громко, перебивая друг друга. Тем временем страх ее все увеличивался, потому что с каждым всплеском воды уменьшались шансы на то, что она сможет помочь своим детям сохранить жизнь. Мэнти решила перекатиться на солнце. Может быть, она найдет выход из этого положения, если воспользуется высокой скоростью мышления. Но и на это решение ушло довольно много времени, и, когда она наконец готова была действовать, было слишком поздно.

Чудотворный цветок взорвался, и над водой возникло розовое облако. Каждая его практически невесомая частица при полном отсутствии ветра долго висела в воздухе. Розовый шар постепенно разрастался, по меньшей мере, до двух метров в диаметре.

— Правда, красиво?! — воскликнул один из пришельцев.— Этот пока самый большой из всех, что мы сделали! Давай найдем еще один!

Пока Мэнти опустошенно решала, что ей лучше оставаться в тени, потому что теперь невозможно вовремя найти другой такой цветок, голоса пришельцев затихли в отдалении. Даже если бы она могла догадаться, о чем они говорят, она так и не смогла бы понять — во имя чего они это делают?

Джоэри Бамбек

ЗАПЛАКАННАЯ ЗВЕЗДА

— Вы уже готовы, майор? — Вместо ответа — задумчивая улыбка. Это раздражало его.

Наверное, надо было сказать, что он просто не мог прийти раньше. Может быть, это не такая уж хорошая идея, стать офицером-ординарцем.

— Нам нужен выдержанный человек с чувством такта, — сказал тогда полковник, — и я уверен, лейтенант, что вы как раз подойдете.

Не так-то просто отказать начальнику в секретном поручении, и какой молодой лейтенант не чувствовал бы себя польщенным, а к тому же кто бы упустил единственный шанс прямого контакта с участником экспедиции в систему Проциона?

— Извините, лейтенант, я думаю. Мой доклад перенесен на завтра. Не нужно было звать вас, мне следовало самостоятельно найти дорогу к моему дому.

— Мне это совсем не трудно, майор.

Лейтенант успокаивающе покачал головой, немного демонстративно, чтобы не выдать, как охотно он пришел.

— Прямо к вашей квартире или?..

Майор кивнул, и лейтенант понял, что продолжать не обязательно.

Дорога по скоростным эскалаторам займет несколько минут. Хороший случай, думал лейтенант, чтобы задать несколько вопросов.

— Можно вас спросить?

— Что вы хотите узнать, молодой человек?

И хотя лейтенант как раз в это время расставлял по порядку свои вопросы, от него не ускользнуло кажущееся, может быть, мало-важным изменение в атмосфере разговора. Опустив официальное обращение, майор сказал «молодой человек», и это ему понравилось.

— Правда ли, что вы покинули Землю 1500 лет назад, а в пути были всего 37 лет сносительного времени?

— Я могу сказать вам это абсолютно точно. Мы стартовали 1480 лет назад по земному времени, тогда мне было двадцать шесть, примерно как вам, а сейчас мне шестьдесят три.

— После лоренц-трансформации вы достигли...

— Более 99,9 процента скорости света, точнее, β — значение составляло 0,99975 целых.

— В системе Прощона вы провели два года?

— Больше не было предусмотрено. Честно говоря, мне вполне хватило этих двух лет и плюс еще тридцать пять где-то между Прощоном и Землей.

— А что вы считаете самым худшим?

— Самым худшим? — Опять эта задумчивая улыбка. — А почему вы не спрашиваете о самом хорошем?

Может быть, он где-то ошибся? Несмотря на гипнообучение, нелегко было восстановить в памяти давно забытый язык. Видит Бог, чувство такта было здесь просто необходимо.

— Я что-то не так сказал, майор?

Улыбка исчезла с лица, уступив место задумчивости.

— Половина жизни в невесомости, можете себе это представить? Гнилая вода, наполовину восстановленная из мочи. Полжизни в тесной комнате, ни одного зеленого листочка, не говоря уже о цветах. Без солнца, без облаков, без голубого неба, без восхода и без заката, без весны и без лета. Только ночь с одинаковыми звездами, одинаковыми людьми, одинаковыми историями. Болезнь растворения распространяется неудержимо, до последних разветвлений человеческого существа. Ссоры, мечты, страхи — ничего, кроме повторения повторений, которые наполняют растущее море одиночества и бесчувствия. Словами этого не описать, это надо пережить.

Все было плохо, от старта до возвращения.

— И совсем ничего хорошего?
— О нет, были и минуты радости, даже счастья.
— Вы сожалеете... — молодой человек искал подходящее слово.
— Мой маленький букет прекрасных мгновений, записанных со всеми подробностями, хранится в небольшой записной книжечке. Это сделано, чтобы навсегда сохранить его. Как ни странно, для него не оставалось места в моей памяти.

Сожалею ли я о своем решении лететь? Вы ставите неправильные вопросы, молодой человек. Вы должны спросить, оправдала ли себя экспедиция. Я думаю, вы знаете мой ответ.

— Но почему же вы тогда полетели?

— Об этом мне случалось спрашивать себя уже много раз.

Лейтенант ждал напрасно. Казалось, что все уже сказано. На самом деле не было сказано ничего или только ненужное. Это тупик. Он только хотел узнать, так надеялся, и — только это. «Вы ставите неправильные вопросы, молодой человек».

— Я сожалею, мой друг. Мне не хотелось вас обижать.

Не столько в словах, сколько в голосе, которым эти слова были сказаны, он почувствовал ласку и невольно покраснел. Он не знал, хорошо или плохо было, что они уже добрались до квартиры майора.

— Хотите что-нибудь еще, майор?

— Спасибо. — Короткое колебание. — Как вас, собственно, зовут?

— Александр. Многие зовут меня Алекс.

— Александр, так мне больше нравится.

— Мне, честно говоря, тоже.

— Желаю вам хорошо провести вечер.

Он нарочно проглотил слово «майор». На этот раз улыбка не раздражала его, напротив; жаль было только, что до утра еще так далеко. Дом показался ему ненасытным зверем, проглотившим его майора.

Все еще в нерешительности, лейтенант отправился в казино. Из вечерней зари выплывали сумерки.

Приятная прохлада встретила майора. Мягкий, непрямой свет светящихся стен придавал всему теплые тона, округлял, смягчал края и углы прозрачного письменного стола.

Все дело в мундире, пришло в голову майору, он, как корсет, сковывает нашу индивидуальность.

Фуражка высокой дугой полетела на тахту, потом ботинки, потом последовали китель и брюки. Не прошло и двадцати секунд, как майор был уже раздет. В середине комнаты стояла стройная женщина. Быстро освободившись от мундира, она, как молоденькая девушка, пробежала по комнате.

Перед зеркалом она остановилась — левая рука на взволнованной груди, правая старательно убирает со лба прядь волос. Отраже-

ние в зеркале как будто отняло у нее все силы, мягкие движения стихли, она будто оледенела: целая фигура из льда, даже глаза стали похожи на стекло. Отблески света росли в них, собирались к светящимся точкам между упругими ресницами, пока, словно крохотные звездочки, не озарили все оледеневшее лицо.

Напрасно она искала в зеркале отражение той юной женщины, которая столько лет назад покинула Землю. Сколько бы она отдала, чтобы стать снова юной, такой же молодой, как тогда, как этот симпатичный лейтенант сейчас.

Что вообще она потеряла на Земле, на Земле, которая стала ей абсолютно чужой? Она все еще жила в анклав, специально настроенном на прошлую жизнь возвратившихся. Что, если недолговечное любопытство уже утолено? И кто должен быть, в конце концов, серьезно заинтересован в восстановлении прибывших? Конечно, внешне с ней обходятся очень предупредительно и обещают всяческую поддержку, однако в какой цивилизации этого бы не сделали?

Решительно потрянув головой, она попыталась прогнать от себя мрачные мысли. Прошрое все равно оставалось прошлым, и только будущее могло дать ответ на мучившие ее вопросы.

Надо ли еще что-нибудь изменить в докладе? Не только докладчики, но члены комиссии быстро утомлялись. Это неудивительно после целой недели сложной игры вопросов и ответов. Как минимум еще одна такая неделя была впереди.

Она пошла в ванную, заново начала изучать свое лицо. «Ты выглядишь усталой,— сказала она, глядя на отражение в зеркале,— усталой и очень старой».

«Нет, просто старой»,— поправила она себя, и это немного омолодило ее. Темные тучи, казалось, немного поределли. Она включила воду в ванной, чтобы еще раз спокойно обдумать, менять ли ей что-нибудь в докладе. Перенюхав целый ряд флаконов с различными эссенциями для ванной, она наконец остановилась на одном с названием «*Canabis Royal*».

Успокаивающий и в то же время волнующий аромат поднялся от воды, которая ласкала ее тело невидимыми теплыми руками. Медленно и без всякого ее участия закрылись глаза.

Почему же она все-таки полетела? Старый, навязчивый вопрос. Сколько раз она пыталась ответить на него? Неумолимый кредитор, который будет приходить до тех пор, пока весь долг не будет выплачен. Может быть, правильный ответ — то, что она все еще, кажется, была должна? Любопытство, жажда приключений, стремление к самоутверждению — все это слишком легковесно; тщеславие, отсутствие опыта и знания себя — это уже ближе к истине, но все же недостаточно. Может быть, ее тоска по любви или стремление убежать из того окружения? Скорей всего, что, несмотря на учеб

и защиту диссертации, она была просто слишком глупой или слишком сумасшедшей.

Возможно — эта мысль пришла ей в голову впервые, — правильный ответ объединял все эти причины, и она напрасно каждый раз пыталась найти одну-единственную. Или — какая сумасбродная идея — правильный ответ должен подобно колдовскому слову прокрутить ее жизнь на тридцать семь лет назад и сделать так, чтобы всего этого не случилось. Искать голубой цветок — это одно дело, найти его — совсем другое.

Внезапно перед ней возникло видение мотылька на голубых цветах, и этот мотылек принес на своих трепещущих крылышках целую историю. Историю женщины, которая, проснувшись однажды утром, спросила себя, приснилось ли ей то, что она мотылек, или она и есть мотылек, которому снится, что он женщина, которой снится мотылек.

Разве она не хотела подумать над своим докладом вместо того, чтобы мечтать о мотыльке, который мог бы быть женщиной, полной тоски о голубом цветке? Этот голубой цветок стал бы для нее целой планетой, чья голубизна должна бы быть прекраснейшим цветом во всей вселенной.

И снова: картина голубой Земли, бесконечные болезненные воспоминания о неудержимом погружении в безжалостный океан темноты и холода. Казалось, что даже само возвращение могло лишь облегчить то, что она надеялась вылечить.

Но почему же она все-таки полетела?

Для экспедиции искали блестящего социолога и столь же талантливого психолога. Ее судьба — успешно защитить диссертацию по обоим предметам и с мастерством, как говорили ее покровители, взять первые барьеры многообещающей университетской карьеры. При этом она уже тогда спрашивала себя, что оказало большее впечатление на профессоров: ее голова или ее ноги. Позднее она это узнала: дело было не в голове и не в ногах, а в весе. Меньше чем 51 килограмм для социолога и психолога — это был решающий аргумент; но сказано ей было совсем другое.

Было и прошло!

Она хотела думать только об Элгоманзе IV, о той планете, где она должна была, или лучше, может быть, сказать, ей разрешили провести два года.

Там все должно быть не так, как у нас — один из немногих вопросов, где было достигнуто полное согласие между членами экипажа. Это можно было предположить, исходя из всем известного факта: они летели к системе двойной звезды. Главная звезда — значительно больше и горячее нашего Солнца, а ее спутник, белый карлик, облетел ее за сорок один год. Никто по-настоящему не верил, что там могла быть обитаемая планета. Но, вопреки здравому

смыслу, каждый в душе надеялся на это. И, как это часто бывает, здравый смысл был опровергнут. Не потребовалось долгих поисков, чтобы найти ее, и непохожей на Землю она не казалась, во всяком случае сначала. Конечно же, астрономы находили много различий между системой Проциона и нашего Солнца, а планетологи, в свою очередь, гораздо больше при сравнении Проциона IV и Земли.

Это не удивительно, ведь они должны были искать различия. На Проционе-IV преобладали коричневые и голубые тона, почти такая же картина, как при приближении к Земле. В конечном счете, что из того, что эта планета была на 230 миллионов километров удалена от своего солнца, ведь оно намного больше и горячее нашего. Временные соотношения были примерно одинаковы. Год длился 421 день, дни и ночи — по 14 часов, а на ночном небе — знакомые созвездия; времена года — как на Земле, только все спокойнее и как-то уютнее. Воздух, температура, фрукты, даже цвета ландшафта и растительность — казалось, все на этой планете было создано для человеческого пребывания. С первого же взгляда — рай; вдвойне прекрасный после действующих на нервы ограничений длившегося полтора десятилетия полета. Вполне естественно, что многие захотели остаться там дольше или даже навсегда. Но в конечном итоге остались немногие. Что за непостижимый парадокс, даже для психолога, — желание умереть на Земле, быть похороненным там, где родился? В конце концов оно превысило стремление насладиться жизнью. Причина, по которой она сама покинула планету, была совсем иной, и когда она ее хорошенько обдумала, та показалась ей еще более парадоксальной.

За полгода до прибытия на Элгоманзу IV она отметила свое сорокалетие, насколько вообще можно говорить о праздновании дня рождения на борту межпланетного корабля. Этот день запомнился ей не из-за праздника, а потому что это был особенный, именно сороковой день рождения. Ей казалось, что тот день должен подвести черту под ее неосуществившимися мыслями и желаниями. Полететь — означало отказаться от семьи и детей, это было ясно с самого начала, как только она поближе познакомилась с членами экипажа. Даже больше, это означало для нее отказаться от любви, от наполняющей ее сексуальности. Совсем не из-за щепетильности и не по моральным причинам, а просто потому, что она ни к кому из них не испытывала того влечения, которое приносило бы ей радость. Что еще оставалось, как только наложить ограничения на собственную фантазию и собственные руки. Сорокалетие стало, ее, как женщины, официальным финишем, если только существует что-то вроде официального финиша. И тогда она приняла твердое решение — считать главу о своей сексуальности законченной.

Она лежала в ванной, грустная, даже подавленная. Воспоминания пробегали по ее лицу и делали его похожим на смеющееся.

Они так же внезапно появлялись, как и улетучивались, и причины их появления она не понимала, тем более, что те события, которые произошли с ней на Элгоманзе IV, совсем не были смешными.

«Элгоманза,— думала она уже не в первый раз,— это старое арабское имя звезды не только красивее звучит, но и намного чаще встречается, чем греческое «Процион!»

Вода в ванной становилась прохладной, заметно прохладной, по плечам побежали мурашки. Она этого не замечала, сознание переполняла события, произошедшие с ней много лет назад на далекой планете, о них она завтра должна была докладывать.

Освещение стен несколько раз равномерно усилилось и ослабло. Прошло некоторое время, прежде чем она восприняла это сквозь закрытые веки. Она вспомнила строчку из инструкции: «Световые сигналы в гораздо меньшей степени вызывают стресс, чем звуковые, и не менее действенны, если необходимо разбудить спящего».

Кто бы это мог быть? Все-таки было уже почти десять часов. Она нехотя вылезла из ванной и начала рассеянно искать привычную кнопку сушилки, пока наконец не наткнулась на пушистое полотенце. На корабле не давали банных полотенец.

Стены снова стали менять силу света. Она взяла халат, накинула его на влажные плечи и включила разговорное устройство у входной двери.

— Кто там?

— Александр.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, нет. Я только хотел... я был в казино и...

— Да?

— Я только хотел поговорить с вами. Я думал, может быть, вы еще не легли, и тогда...— и он снова замолчал, не зная, что сказать дальше.

Она отключила входное устройство и открыла дверь.

Молодой человек, без сомнения, выпил, но пьяным еще не был.

— Можно мне войти?

Почти против воли она кивнула и подтвердила свое немое согласие внятным:

— Да.

Он молча последовал за ней. В гостиной она попросила его подождать. Он сказал, что хочет с ней поговорить. «О чем?» — думала она.

Ей не потребовалось много времени, чтобы одеться, к тому же любопытство разбирало ее.

— Могу предложить вам что-нибудь выпить, или у нас сегодня самообслуживание? — Это прозвучало как скрытый намек, хотя она, в общем-то не хотела этого.

— Пожалуйста, извините, что я так поздно побеспокоил вас, я...

Она помогла ему:

— И о чем же вы хотели со мной поговорить?

— Обо всем — можете вы это себе представить?

Она почувствовала себя заметно лучше.

— Итак, что бы вы хотели выпить?

— Лучше всего стакан воды. На сегодня я выпил уже достаточно спиртного.

Она принесла два стакана, наполнила их водой и подала один ему.

— Я могу понять, что вы любопытны. На вашем месте я была бы, вероятно, такой же. Вы никак не можете дождаться, когда будут опубликованы наши доклады, я права?

Он смущенно кивнул.

— Итак, о чем я должна вам рассказать?

— О чем хотите.

Завтрашний доклад не выходил у нее из головы.

— Завтра я буду делать сообщение перед комиссией.

— Я знаю, — сказал он. — Можно спросить, о чем?

— О социально-биологическом феномене на Прочионе IV.

— Вы не могли бы мне об этом рассказать?

С одной стороны, она не хотела бы этого, но с другой — была согласна, потому что ее голова все еще была переполнена мыслями и воспоминаниями, овладевшими ею в ванной. Неудивительно, что изменение темы разговора и некоторое изменение в его поведении ускользнули от нее.

С отсутствующим взглядом она начала рассказывать:

— Мне казалось, что этот далекий мир — какое-то магическое зеркало, в котором я увижу будущее нашей Земли.

Он прервал ее:

— Это было хорошее или плохое будущее?

— Если бы я это знала. Я расскажу вам все, что видела, тогда вы сможете судить сами. Это, конечно, звучит очень странно, но Порцион IV можно было бы назвать «Сестра Земли», так сильно он похож по размерам, геологии, климатическим условиям, миру животных и растений на нашу Землю. Даже сами формы существования человека очень незначительно отличаются от земных. Это твердый орешек для науки, она считает такую находку просто великолепной. Сразу же, при первом же облете, мы узнали, что Прочион IV, если на нем есть разумные формы существования, не страдает от перенаселения. Потом мы в этом убедились. Даже больше, проционцы уже долгое время живут в согласии, не ведут войн, и, кажется, они не знают даже таких заменяющих их форм, как спортивные соревнования. Неудивительно, что нас везде принимали с большим дружелюбием и готовностью помочь, конечно же, после того, как убедились в наших миролюбивых намерениях. Этот мир казался

нам раем, и мне сначала тоже, а многие из нас и сегодня считают его таковым...— У нее вдруг перехватило дыхание.

— Вы сказали «сначала».

— Да, сначала.

— А потом?

— Потом я увидела Элгоманзу другой, совсем другой,— подчеркнула она, и интонация помогла понять подтекст.— Таким прекрасным казался этот мир на первый взгляд, в действительности это был перевернутый мир. Я думала, что для местных жителей это действительно рай. И именно поэтому для меня открытие оказалось особенно печальным. Сначала было только неопределенное чувство, что что-то не так, потом мне стало ясно, что это чувство вызывает: я не видела ни одной молодой влюбленной пары. Почти всегда это были старые, даже очень старые люди, которые развязно демонстрировали свою любовь.

Александр ухмыльнулся. Она думала, что знает причину этого, но она ошибалась:

— Знаю, я не должна была думать в столь антропоморфном стиле, но чувствам трудно руководствоваться только тем, о чем надо думать. Не бойтесь, завтра я не пророню ни слова о моих чувствах, я расскажу о поразительной благоустроенности природы, как это и подобает научному докладу психосоциолога и майора.

Ухмылка Александра стала еще шире, и она догадалась, что стояло за ней.

— Я знаю, знаю. Конечно же, я буду завтра докладывать не о поразительной мудрости Природы, а об уникальном феномене эволюционного механизма на Проционе IV. Ну, доволен?

Александр кивнул и сделал явное усилие, чтобы подавить усмешку.

Его поведение казалось ей детским, что, в общем-то, не очень ей нравилось. Она объясняла это, с одной стороны, его молодостью, а с другой — понятным желанием казаться старше. Но, может быть, вся эта история совсем не интересовала его?

— Пожалуйста, рассказывайте дальше,— попросил Александр с серьезным видом, как бы извиняясь этим за свои усмешки.

Ее краткая улыбка, не такая, как прежде, должна была показать, что не произошло ничего особенного и требующего извинений.

— Я не должна была начинать рассказ настолько необычным фактом,— сказала она.— Лучше было начать с конца, когда все части головоломки уже соединились в одно целое. На Элгоманзе IV тоже...

— Почему вы так часто говорите «Элгоманза»? Вы ведь были на одной из планет системы Проциона.

— Какое имя звучит лучше — «Процион» или «Элгоманза»? — спросила она.

— Оба звучат очень непривычно.

— Та звезда, в систему которой мы летали, находится в созвездии Малого Пса, за что греки называли ее «Процион», то есть «Передний пес».

— А «Элгоманза»?

— Это арабское имя.

— И что оно означает?

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — настаивала она, — какое имя звучит лучше?

— «Элгоманза» звучит мягче, — сказал Александр, — мягче и, наверное, красивее.

— Намного мягче, — поправила она, — и намного красивее. Поэтому я охотнее рассказываю о планетах Элгоманзы, чем Проциона, хотя рай все равно оказался только мечтой. Я хочу попробовать описать Вселенную как можно более объективно. Как и на Земле, население на Элгоманзе IV быстро росло. В конце концов они завладели последним уголком планеты, и перенаселение стало грозной реальностью. Им, слава Богу, остались неизвестны синтез и расщепление ядра, но, к сожалению, все возможные попытки контроля над рождаемостью постоянно терпели неудачу. Поэтому, несмотря на постоянные войны, достаточное сокращение численности населения так и не было достигнуто. Скачкообразно растущее число смертей из-за голода и болезней казалось возможным. В таком положении планета была ровно тысячу лет назад, и тогда случилось нечто неожиданное и даже невероятное. Мы знаем, что превышение определенной плотности популяции у зверей вызывает радикальную реакцию — бесплодие, даже случаи массовых самоубийств, пока не будет достигнуто достаточное сокращение численности вида. На Прогноне ничего подобного не случилось, но произошло нечто, нам абсолютно неизвестное. Эволюция пошла, можно сказать, по извращенному пути. Сексуальный интерес людей был сдвинут, и так основательно, что даже трудно себе представить. Для любви, желаний имели значение теперь не молодость и красота, а старость и безобразие. С помощью этого простого изменения любовь стала почти полностью бесплодной, и несчастные нашли, на наш взгляд, мрачный выход из этого тупика.

— Молодые женщины были вынуждены пытаться выглядеть как можно старше, — сказал Александр.

— Именно так, — подтвердила она. — В этом перевернутом мире надо было выглядеть так старообразно, как только возможно. Все было поставлено с ног на голову. Кремы, лосьоны, солярии, косметика, все, вплоть до пластической хирургии, служило одной единственной цели — настолько испортить кожу женщин, чтобы она выглядела как можно старше, морщинистой. Еще молодыми девушками они красили волосы в серый цвет, и едва их груди начинали

развиваться, прижимали их плоским корсетом. Но, несмотря на все эти извращающие усилия, им не всегда удавалось вводить в заблуждение старых мужчин, потому что было невозможно преждевременно состарить свою душу, свою индивидуальность. И все-таки обман удавался достаточно часто, чтобы хоть как-то ослабить тотальное снижение рождаемости и приостановить непрерывное уменьшение населения. На мой взгляд все это очень печально. Но я гарантирую вам, что завтра, когда я в своем докладе буду рассказывать об этом, некоторые члены комиссии будут, несомненно, восхищены таким противоестественным поворотом эволюции и не почувствуют гнетущего ужаса этого факта.

— Не только некоторые,— сказал Александр.

— Вы думаете, все? — она все еще не понимала.

— Ни у кого,— продолжил Александр,— ваш доклад не вызовет чувства гнета или ужаса.

Она невольно кивнула головой, как будто могла защититься этим от нарастающего предчувствия.

— Когда могла эволюция, природа, естество совершить противоестественный поворот? — он говорил подчеркнуто медленно, не сводя с нее глаз ни на долю секунды. Ее предчувствие породило мысль, до того шокирующую и в то же время могущественную, что она, не способная взволноваться, встретила его пытливый взгляд с кажущимся спокойствием и хладнокровием.

— Пожалуйста, Александр, скажите мне, правда ли то, что я подозреваю?

— А чего вы опасаетесь?

— Ваш вопрос показывает, что вы это знаете. Пожалуйста, Александр!

— Мне запрещено говорить с вами об этом.

— Потому что нам хотят сообщить это деликатнее? Я права? — Ее слова прозвучали саркастически, хотя она хотела избежать этого.

— Майор...

— Александр, забудьте на сегодняшний вечер про майора, будем просто друзьями...

— Вы знаете, что я ваш друг, и — все остальное вы, кажется, тоже знаете,— глубоким вдохом он попытался заполнить пустоту грудной клетки.— Я пробую объяснить вам все.

Резко выдохнув, он освободился от скованности.

— Нам рассказывали, что в ваше время, я имею в виду, когда вы покидали Землю, все было видоизменено, я имею в виду, по-другому. Пожалуйста, не поймите меня неправильно, но я нахожу наш способ жить и любить намного лучше и нормальнее, чем тот, который неизбежно вел к перенаселению, массовым эпидемиям, голоду или искусственному предупреждению беременности вплоть до официального контроля над рождаемостью. Вы не находите, что

лучше и справедливее, когда любовь — привилегия — более старшего возраста? После того, как оправданы надежды и внесен свой вклад на благо общества? Тогда, когда человек располагает уже достаточным жизненным опытом и умом, чтобы семьей и воспитание детей не превращать в арену для борьбы за власть, самоутверждения и личного честолюбия? Я еще молод и, как и все мои ровесники, стремлюсь к удовлетворению моих желаний; но я понимаю, что их исполнение будет не только несправедливым, но и вредным для моего долга по отношению к благу общества. Ведь готовым к работе и работоспособным может быть только тот, кто долго и уверенно добивается справедливого исполнения своих желаний. Почему кто-то должен продолжать работать, если он уже в молодые годы получил все то, о чем другие мечтают десятилетиями?

Полный ожидания и не уверенный, как она воспримет его слова, он замолчал.

— Вы, правда, думаете так, как сейчас говорите?

— Это звучит глупо?

— Очень даже умно. — На этот раз она не старалась спрятать свой сарказм.

— К сожалению, — сказал Александр.

Она удивленно посмотрела на него. Выражение ее лица сделало вопрос излишним.

— Да, — сказал Александр, — к сожалению, потому что по-глупому было бы намного лучше.

Его неожиданный ответ снова вызвал ту странную улыбку на ее лице. Она снова не поняла его.

И ее улыбка, следующее звено в цепочке неправильных выводов, придало ему необходимое мужество.

— Можно мне называть вас Анной, ведь вас так зовут?

— Я не понимаю, — она, действительно, ничего не понимала.

Он расслышал только обрывки ее слов.

— «Я люблю вас, майор» прозвучало бы очень комично.

На ее лице застыло очень необычное выражение, в нем он мог увидеть удивление, страх, отказ, даже, наверное, любопытство, но прежде всего страх и удивление.

— Ты понимаешь, Анна? Я люблю тебя.

Она поняла, только сейчас она все поняла. У нее не было сил что-нибудь ответить, ее начало трясти. Сначала это были только маленькие короткие судороги, пробегавшие по телу. Они заметно учащались и превращались во все более сильные волны, которые в конце концов превратились в истерические взрывы хохота.

Александр вообще больше ничего не понимал. Он с удивлением осознал, что этот смех не оскорбил его и что он очень печален.

Это продолжалось до тех пор, пока она, наконец успокоившись, смогла говорить.

— Не сердитесь, Александр, но вся эта история просто...— она искала подходящее слово,— просто абсурдна, абсурдна и комична.

— Но что в моей любви такого смешного?

Смех застрял у нее в горле.

— Ты так прекрасно молод, а я так ужасно стара.

— Неправильно,— перебил он,— ты так прекрасно стара, а я так ужасно молод.

Она снова начала смеяться, но на этот раз смех звучал по-другому. И это поразило его.

— О'кей,— прыснула она со смеху,— ты страшно молод, а я страшно стара.

— Неправильно! Ты прекрасно стара, а я прекрасно молод.

Во второй раз ее смех внезапно прекратился, она прошептала будто во сне: — Ты прекрасно молод, а я, я прекрасно стара!

— Да,— сказал он и осторожно обнял ее.

Она устало наклонила голову, хотела было уклониться, но ее сопротивление было очень слабо, а под его нежными поцелуями потеряло и последний остаток своей силы.

Она не понимала, что с ней происходило. Она вообще ничего уже не понимала и не хотела ничего понимать. Она чувствовала, как что-то окружает и сжимает ее, ее верхняя часть тела была как будто в железном корсете, который не давал ей дышать. Ей казалось, что она должна кричать.

— Я должна громко кричать?

— Да,— ответил он,— давай кричать!

И они кричали так долго, как только могли.

Было так, как будто гигантские узлы разрывались в ней на неслыханное количество острых язычков пламени, которые согревали ее тело. Растущие волны неведомых чувств захлестнули ее, превратили крики в поцелуи, спутали верх с низом, вчера с сегодня, пока не утонули во все поглощающем Сейчас.

В пять часов он должен был идти. Он хотел быть в казарме до утренней поверки.

Мягкое прикосновение руки вывело ее из полусна.

— Ты уже проснулась?

— О да,— сказала она.

Он хотел снова обнять ее, но она откинулась назад.

— Уже половина пятого, ты должен поторапливаться.

— Да,— сказал он и с наслаждением потянулся.

Она проследила за тем, как он пошел в ванную, без выражения уставилась на приоткрытую дверь, за которой он исчез, подождала, пока она снова откроется, наблюдала, как он одевается.

— Жаль, что я уже должен идти,— сказал он.

Она ничего не отвечала, только смотрела на него.

— Я люблю тебя, Анна.

Она медленно и очень осторожно погладила его по волосам. Он хотел поцеловать ее.

— Ты должен идти,— сказала она,— иначе ты придешь слишком поздно.

— Я зайду за тобой в восемь часов.

— Не надо.

— Но я хочу,— сказал он,— обязательно.

Прежде чем открыть дверь, он неожиданно обернулся:

— Пожалуйста, не забывай меня.

И снова эта необъяснимая улыбка. Она тряхнула головой, тряхнула еще и еще, и все еще улыбалась, после того, как дверь за ним закрылась на замок.

Три часа спустя он снова подошел к ее двери. Он уже хотел позвонить, но вдруг увидел сломанный звонок.

Из квартиры вышла женщина, осмотрела его, предъявила свое удостоверение.

— Военная полиция. Кто вы и что вам здесь надо?

— Я офицер-ординарец майора. А что вы здесь делаете?

— Майор мертв. Предъявите, пожалуйста, ваше служебное удостоверение.

Прошло некоторое время, пока он отдал документы.

— В порядке. Пройдемте со мной.

В гостиной двое мужчин занимались, по-видимому, консервацией следов преступления.

— Это коллеги из службы консервации улик,— сказала женщина. И хотя он не проронил еще ни слова, она догадалась, что с ним происходит, и поэтому не стала придерживаться инструкций.

— Хотите знать, что случилось? — Ее голос звучал уже не так холодно.— Примерно в полседьмого раздался звонок майора. Она очень спокойно сообщила нам, что покончит с собой и звонит нам для того, чтобы мы самое позднее в полвосьмого увезли ее труп. Она сказала еще, что было бы очень хорошо, если бы мы не опоздали. Потом она положила трубку и не отвечала на наши звонки. Мы сразу же приехали сюда, взломали дверь, но она была уже мертва. Все указывает на самоубийство, обдуманное, запланированное самоубийство. Она вынула из сумки письмо.

— Мы нашли это письмо — оно адресовано вам.

Письмо было запечатано.

Он не хотел его читать, не здесь и не сейчас, но он должен его прочитать, они его не открывали.

В конверте лежал только один лист с тремя строчками:

«Я не ответила на один твой вопрос. «Элгоманза» означает «Звезда с закрытыми от слез глазами».

Филип Макдональд

ЛИЧНАЯ ТАЙНА

Мир сходит с ума — а люди пытаются найти причину безумия в самом человеке. Иногда это конкретный маленький человек. Возможно, что всего лишь несколько месяцев назад я бы думал точно так же о существовании смертельно опасного помешательства — но сейчас я так не думаю.

Я не могу думать так из-за того, что случилось со мной совсем недавно. Я работал в Парамаунте, в Южной Калифорнии. Чаще всего я приходил в студию в десять утра, а уходил без пятнадцати шесть, но в тот вечер — в среду 18 июня — я слегка задержался.

Я вышел через центральный холл и поспешил через дорогу к гаражу. Вход в гараж походил на глубокую арку. В глубине ее было совершенно темно, и я наткнулся на человека, который то ли стоял в этой арке, то ли шел к выходу. Впрочем, не было похоже на то, что он просто стоял в темноте. У меня возникло впечатление, что он шел к выходу.

— Извините,— промолвил я.— Я...— Тут я замолчал и уставился на него. Он показался мне знакомым, но из-за полумрака и нелепой, скованной позы, в которой он стоял, вглядываясь в меня, я не сразу вспомнил его имя. Он не принадлежал к тем людям, с которыми я просто однажды встретился. Он занимал вполне конкретную страницу в моей памяти, мой друг, чья линия жизни тесно переплеталась с моей, и не так уж давно.

Он устремился прочь — но, как будто что-то вспомнив, вернулся обратно. Это был Чарльз Моффат — Чарльз, с которым я дружил в течение пятнадцати лет, Чарльз, которого я не видел года два с момента его таинственного исчезновения. Он уехал на Восток. Я был рад увидеть его вновь. Но он изменился до неузнаваемости; он, как говорили, был смертельно болен.

Я окликнул его и бросился за ним, схватил за руку, заставив обернуться ко мне.

— Ты, старый черт! — закричал я.— Неужели ты не узнаешь меня?

Он улыбнулся одними губами, его взгляд ничего не отразил.

— Как дела? Я уж думал, что ты меня забыл.

Эти слова походили на насмешку — но они не были насмешкой. Мне стало неприятно.

— Здесь чертовски темно! — промолвил я и потащил его на улицу. Как тонка была его рука.

— Давай прямиком к Люси, промочим горло! — предложил я.— Там мы можем поговорить. Слушай, Чарльз, ты вроде бы был болен. Да я и так вижу. Что же ты не дал мне знать?

Он не отвечал, а я продолжал нести всякую ерунду, пытаюсь освободиться от того мрачного предчувствия, которое навевал на меня весь его облик. Оно обволакивало нас подобно густому серому туману. Я вглядывался в него, когда мы шли мимо неоновых огней парикмахерской, пока не завернули за угол в сторону Мелроуз вдоль грохочущей транспортной артерии. Его взгляд был устремлен куда-то вверх и вперед. Он был до ужаса тощ: похоже, что он потерял в весе фунтов двадцать, причем он и прежде никогда не был толстым. Мне так хотелось вновь увидеть его глаза, и в то же время я боялся заглянуть в них.

Мы остановились возле автопарка, чтобы пересечь Мелроуз. Солнце садилось, и я щурился от его лучей, когда Чарльз впервые заговорил.

— Я могу воспользоваться,— сказал он, не глядя на меня. Я вернулся к нему вполборота, чтобы солнце не светило мне в глаза — и вот тут я заметил у него коробку для писем. Она была плотно зажата под мышкой его левой руки. Я почувствовал, как напряжены его слабые мышцы. Только я собрался что-нибудь сказать, как рядом затормозили автомобили. Чарльз бросился бежать.

В баре Люси было прохладно и немногочленно. Я подумал о том, вспомнит ли Чарльза бармен, но он служил у Люси всего лишь несколько месяцев. Мы заказали джин с тоником для меня и виски с содовой для Чарльза, которые он тут же залпом и выпил.

— Еще? — спросил он. Он смотрел на пачку сигарет в своей руке.

— Мне пока хватит, — промолвил я. — Пей без меня. — Пока я тянул свою выпивку, он дважды заказывал виски с содовой. Я через силу продолжал свою болтовню. Чарльз не реагировал на меня. Он сидел за столом и плотно прижимал безжизненной рукой коробку для писем, напоминая птицу с перебитым крылом.

Я сделал еще один заказ, и моя наигранность стала переходить в истерику. Я сказал:

— Глянь-ка! Как здесь чертовски нелепо.

Развернувшись на стуле, я уставился на него.

Он издал какой-то слабый звук, похожий на твяканье. Я решил, что это был его смех. Он промолвил:

— Нелепо... Может быть, это не то слово, мой мальчик.

Он снова твякнул, и я вспомнил, как он смеялся раньше, подобно Гаргантюа, настолько заразительно, что окружающие хохотали вместе с ним. Мое возмущение мгновенно улетучилось, и другое чувство охватило меня.

— Послушай, — обратился я к нему, понизив голос. — Скажи мне, что случилось, Чарльз. Я ведь вижу: случилось что-то ужасное. Но что?

Он резко поднялся и щелкнул пальцами, подзывая бармена.

— Еще две порции, — сказал он, — и не забудьте абсент в мой виски.

Он отрешенно смотрел на меня. Его глаза блестели, но взгляд от этого не становился осмысленнее. Я не мог больше обманывать себя. В них был страх с каким-то новым оттенком, непонятным даже мне, видевшим так много человеческих страданий. Мне показалось, что такого страха я не видел еще никогда.

Я даже рот раскрыл от недоумения. Но он не смотрел на меня больше. Он сунул папку под мышку и направился к выходу.

— Позвоню только, через минуту вернусь, — сказал он.

Он сделал шаг, но, задержавшись, обернулся в мою сторону и спросил:

— Ты Арчи давно видел?

Он спросил именно это, но я подумал, что мне послышалось, потому что я не знал никакого Арчи. Двадцать пять лет назад со мной в школе учился Джон Арчи, но я не был с ним близок. А то, что я знал о нем, меня совершенно не вдохновляло на знакомство.

Мысленно я вернулся к своей проблеме. Что же произошло с Чарльзом? Где он пропадал все это время? Почему никто ничего

не слышал о нем? А главное, чего он боялся? Меня охватило странное чувство неуверенности во всем сущем. Жизнь вообще представилась мне хрупким ледком, по которому мы скользили с риском для жизни.

Бармен, как раз из тех, кто скользит по ледяному насту жизни, поставил выпивку передо мной и что-то сказал насчет погоды. Я охотно ответил ему, скрывая свои чувства за банальной фразой.

Мне полегчало, но тут возвратился Чарльз. Я смотрел, как он шел по залу, он мне очень не нравился. Одежда болталась на нем, как на вешалке. В его костюме мог поместиться еще один такой Чарльз. Он взял свой стакан и осушил его залпом. Стакан он держал в левой руке, потому что в правой была его коробка. Я промолвил:

— Слушай, чего ты уцепился за эту коробку? У тебя что там, самородки?

Он прижал коробку другой рукой и на секунду остановил свой взгляд на мне. Потом ответил:

— Да так, бумаги. Где ты обедаешь?

— С тобой,— я тут же быстро поправил себя: — Скорее, ты со мной.

— Так и быть уж,— резко парировал он.— Зайдем в кабину. Самую крайнюю.

Я поднялся со стула:

— О'кей. Но если мы еще будем пить, то я закажу мартини.

Он сделал заказ, мы покинули бар и через минуту сидели друг против друга в дальней угловой кабине ресторана. Здесь я уже никуда не мог деться от его взгляда. Официант принес выпивку. Я глянул на свой стакан и начал вертеть в руках зубочистку, втыкая ее в маслину.

— Ты не страдаешь слабоумием,— внезапно произнес Чарльз.— И вовсе не тупица. Всякий раз, поднимаясь по утрам с постели, ты знаешь разгадку, но как только доходишь до нее, так сразу забываешь. Так было и в тот раз...— Он сделал неопределенный резкий жест в воздухе, рядом со своей головой.— Но через минуту твой просыпающийся мозг вновь доходит до разгадки. Было с тобой что-нибудь подобное? Ты чувствовал когда-нибудь такое? Может быть, не только когда ты пробуждался; возможно, в другое время дня?

Он уставился в стол, и мне не нужно было смотреть ему в глаза. Он разглядывал свои руки, которыми, как клещами, вцепился в свою коробку. Я сказал:

— О чем ты говоришь? О какой разгадке?

Я совершенно не мог сориентироваться.

Он сверкнул на меня горящим взглядом.

— Слушай, дубина! — Он говорил, не разжимая зубов.— Приходилось ли тебе хоть раз за твою несчастную жизнь чувствовать,

что ты можешь объяснить все? Знаешь ответ на колоссальное *почему* всей вселенной? На мириады вопросов, какие только человек может задать самому себе. На все... ты, чертов дурень!

Я собрал волю в кулак и выдержал паузу. Потом с достоинством ответил:

— Однажды или дважды. Может быть, и больше. Ты имеешь в виду сенсацию, которая связана с твоим открытием Универсального Ответа. Тебе кажется, что он прост до смешного, и ты спрашиваешь себя, почему никогда не думал о нем прежде. При этом ты обнаруживаешь, что сам не знаешь причин. Тем временем он исчезает, уносится прочь. И ты сходишь с ума, пытаешься вернуть его назад. Вот что это такое. Не так ли? У меня подобное чувство было несколько раз. Это ниспослано свыше. Такое бывает со всяким. Почему?

Он опять вцепился в свою коробку.

— Что почему? — глупо пробормотал он. Моментальный всплеск прежнего огня потух в нем.

Но я не отставал от него.

— Ты никогда не бросал того, что тобою начато. Сейчас ты цепляешься за свою идею? Ты действительно нашел разгадку нынче утром, и она тебя захватила. Так что ли?

Он все еще не поднимал глаз. Он продолжал дергать замки на коробке.

— Ради Бога, оставь ее в покое. — Я буквально расвирепел. — Мне это на нервы действует. Сядь на нее, что ли, если уж она такая ценная. Но перестань теребить ее!

Вместо ответа он поднялся со стула. Казалось, он не слышал меня.

— Пойду еще позвоню, — сказал он. — Извини, кое-что забыл. Я недолго. — Внезапно он вернулся и подал мне коробку. — Посмотри, что там. Это может заинтересовать тебя.

И ушел. Взяв коробку в руки, я уже готов был открыть ее. И в этот момент меня пронзило неожиданное чувство. Его можно обозначить только одним словом, мне было противно открывать коробку. Я резко отшвырнул ее, словно ошпарившись.

Тут же мне стало стыдно за свое ребячество. Я взял себя в руки, открыл коробку и высыпал ее содержимое на стол.

В ней были почти одни бумаги. Они казались совершенно бесполезными и не были связаны друг с другом. Потребовалось бы не меньше года, чтобы собрать такую коллекцию, хоть она и дурацкая.

Там была программа на спектакль «Каждую пятницу» театра Фромана в Нью-Йорке. Я вспомнил, что смотрел этот спектакль тридцать первого числа. Тут же было письмо к секретарю ректора Гарвардского университета, к нему прилагался список на нескольких страницах; в письме говорилось, что в ответ на письмо мистера Моф-

фата он посылает список выпускников 1925 года. Там было письмо от управляющего домом на Пятой авеню, учтиво сообщавшего мистеру Моффату, кто жил в доме с 1933 по 1935 год. Там также было несколько старых счетов из разных магазинов, страничка из школьного журнала, в которую была завернута фотография футбольной команды 1919 года, и страница из журнала «Кто есть кто», на лицевой стороне которой кто-то сделал пометки синим карандашом.

Вот и все бумаги. Там были еще три вещицы: пустая, довольно потрепанная кожаная рамка для фотографий, маленькое серебряное блюдо (похоже, трофейное) с именами Чарльза Моффата и Т. Перри Девоншира, выцарапанными на ней, и старая курительная трубка, наполовину обуглившаяся, со сломанным мундштуком, но ее серебряный ободок сверкал как новый.

Рамка для фотографий лежала передо мной на белой скатерти. Я взял ее в руки и стал соображать, откуда мне знакома эта вещь. Я вертел ее в руках, пытаюсь вспомнить; и тут я увидел, что, несмотря на ее значительный возраст, ею никто не пользовался. Чтобы вставить внутрь фотографию, нужно было слегка надрезать ту сторону, где был ценник. На внутренней стороне рамки сохранился ценник, он был старый и грязный, но все еще можно было разглядеть цену рамки: 5 долларов 86 центов.

Я разглядывал эту штучку, когда вернулся Чарльз.

— Припоминаешь ее? — спросил он.

Я покрутил рамку в руках, как бы пытаюсь обнаружить что-то новое. Он сказал:

— Она всегда стояла на моем письменном столе. Ты видел ее сотни раз.

Я начал вспоминать. Конечно же, я видел ее, сидя за письменным столом, она находилась за чернильницей в форме подковы, но я никогда не видел, что было внутри. Я сказал:

— Не могу даже представить, что было внутри. — И вот тут вспомнил: — Внутри ничего и не могло быть. — Я перевернул рамку обратной стороной и показал ему неразрезанный ценник. Внезапно меня охватил страх.

— Чарльз, — закричал я, — какого дьявола, что все это значит?

Он что-то бормотал, но его слова не были ответом на мой вопрос. Он собрал свою странную коллекцию и засовал ее обратно в коробку.

— Ну, все посмотрел? — спросил он. Я кивнул головой, не сводя с него взгляда. Мне показалось, что мы никогда еще не смотрели так открыто друг на друга. Он опять устоялся на свои руки.

— Тебе это говорит о чем-нибудь? — вымолвил он.

— Совершенно ни о чем. Да и как это может говорить?

Я увидел, как побелели костяшки его пальцев.

— Слушай, Чарльз, если ты не скажешь, к чему все это, я сойду с ума.

Тут к нам подошел официант, улыбнулся мне, сдержанно поклонился Чарльзу и принял наш заказ.

Я уж собирался попросить его подождать принимать заказ, но Чарльз взял меню, просмотрел его и что-то заказал. Я заказал то же самое.

На улице стало совсем темно, зажглись фонари. В ресторане начал собираться народ, из бара слышались голоса. Мне пришлось прикусить язык. Я пропустил тот миг, когда мог спросить Чарльза напрямик, поэтому нужно было переждать.

Нам принесли коктейли, мы потягивали их, курили и молчали, пока Чарльз не прервал наше молчание. Он сказал как бы между прочим:

— Итак, тебе не часто приходилось видеться с Арчи?

— Чарльз,— начал я осторожно,— я не знаю никого по имени Арчи. Никогда не знал, кроме мелкого неприятного знакомства в школе.

Наши глаза встретились, мы впились взглядами друг в друга. Официант принес закуску. Я отказался, но Чарльз схватил тарелку и начал поглощать закуску с удивительной жадностью.

— Этот Арчи,— промолвил я наконец.— Кто он? Он как-то связан с твоими неприятностями?

Он скользнул по мне взглядом и снова уткнулся в тарелку. Он покончил с закуской, откинулся на спинку стула и уставился в одну точку на стене справа от моего плеча. Потом проговорил:

— Адриан Арчи был моим хорошим другом.— Он взял сигарету, зажег ее.— Он был и твоим другом.

Вновь подошел официант и унес тарелки, опустошенную Чарльзом и нетронутую мою.

— Что ты сказал? — Я не верил своим ушам. Он взял коробку со стула сзади себя, порылся в ней и вытащил обрывок из журнала «Кто есть кто».

— Смотри,— сказал он, подавая мне его.— Это отец Адриана.

Я протянул руку за листком, но не сводил взгляда с Чарльза. Его глаза сверкали.

— Ну-ка прочти,— велел он.

Начало заметки было подчеркнуто; короткое и ничем не примечательное. Это была история в семь строк о епископальном министре по имени Арчибальд Арчи. Я внимательно прочел всю заметку. Вообще-то, я мог бы сообразить, что Чарльз не в своем уме. Но мне и в голову не пришла такая мысль. Я даже не могу описать своих чувств.

Я еще раз прочел заметку.

— Слушай, Чарльз! Здесь говорится, что у этого человека было три дочери. О сыне ничего не упоминается.

— Да,— сказал Чарльз,— знаю.

Он выдернул листок у меня из рук и выудил из коробки серебряную тарелку, потом торжественно провозгласил:

— В двадцать девятом я выиграл турнир в Лейксанде в паре с Адрианом Арчи.

В его голосе не было никакого оттенка. Он протянул мне кусок металла, и я еще раз прочел: «Чарльз Моффат — Т. Перри Девоншир...»

Тут опять появился официант, и последующие полчаса я имел удовольствие наблюдать, как Чарльз поглощал ужин. Свои тарелки я отодвинул и потягивал вино. Я наблюдал, как он ест. Я не мог оторвать взгляда от него. Он ел с отчаянной решимостью, как человек, цепляющийся за последнее.

Наконец с едой было покончено, даже с кофе. Перед нами остались лишь стаканы, наполненные бренди. Он начал разговор. Страх у него не было, слова будто вылетали из него.

— Я не собираюсь рассказать тебе историю Адриана Арчи немедленно. Он наш ровесник. Я был с ним в спортивной команде, мы вместе учились в Гарварде. Мне казалось, что он станет юристом. Но через год после университета он вдруг увлекся сценой. Все друзья, включая меня, и его отец отговаривали его. Но он не обращал внимания на советы. Он лишь улыбался какой-то странной, загадочной улыбкой, свойственной только ему. Что бы ни было, он улыбался. Его взлет к тому, что мы зовем славой, был подобен метеориту. Через три года он стал известен на Бродвее, через четыре в Лондоне, через шесть его имя печаталось перед названием пьесы, через восемь его захватил Голливуд и сделал из него звезду.

— Ты помнишь тот день четыре года назад, когда мы с тобой уезжали отсюда. Мы оба были в тот день в театре, когда он произвел настоящий фурор в «Судном дне», играя роль слепого...

Тут я прервал Чарльза:

— Слушай, я видел «Судный день». В спектакле играл Спенсер Трейси...

— Да,— сказал Чарльз.— Я знаю. Когда Адриан приехал в Голливуд, мы были ужасно рады встретить его. А когда и Маргарет с ребенком приехала к нему, мы отлично устроили их на Санта Моника Палисэйдз. Все было прекрасно.

Рассказчик глотнул бренди и добавил еще из бутылки в свой стакан. Стол был освещен лишь светом лампы, которая отбрасывала угловатые тени на лицо Чарльза. Он сказал:

— Были, были. Адриан был занят в «Ключе над дверью», «Похож на героев» и в «Детях воскресенья».— Он остановился и уставился на меня.— Мне жаль тебя,— внезапно сказал он.— Встретить старого друга и обнаружить, что он его совершенно не помнит. Притворяться, что внимательно слушает, в то время как твоя голова забита именами врачей и телефонными номерами.

Я ответил:

— У меня в голове каша. Но в одном я не сомневаюсь. ты в здравом уме. Не могу только понять, что произошло с моей головой.

Я ежился под его взглядом. Но он не опускал глаз. Он сказал:

— Ты давно не встречал Мортимера?

Я подскочил, будто от толчка. Но тут же ответил:

— Конечно, недавно. Я все время его вижу. Работаю вместе с Френком. Только вчера ужинали здесь вместе с ним.

Его рот расплылся в какой-то странной улыбке.

— Живут все там же на Палисэйдз? Паломы Драйв 107?

— Да,— я старался удержаться.— Знаешь, они купили землю.

— Да,— ответил Чарльз,— я знаю. Они живут в соседнем 109 доме. Это, действительно, так. Адриану он нравился, а Маргарет с малышом просто без ума от дома, особенно от бассейна.

Он выпил еще виски, и за столом воцарилось напряженное молчание. Мне не хотелось продолжать разговор. Чарльз снова начал говорить.

— Помнишь, как два года назад ты был в театре? Они возобновили постановку «Ричарда Львиное сердце». А ты должен был ехать в Дель Монто?

Я подтвердил. Я хорошо это помнил.

— Именно тогда это и случилось. Мортимеры пригласили всех на коктейль. Все началось уже за полночь, когда я вышел вместе с Арчи. Я оставил свою машину на перекрестке Паломы и Палисады, справа от их дома. Мы вышли прогуляться во дворе и уселись во внутреннем дворике рядом с бассейном. Прислугу уже отпустили, и Адриан сам отправился в дом за выпивкой. Он был чем-то огорчен в этот вечер. Я сказал о своем подозрении Маргарет, и она ответила мне очень серьезно: «Чарльз, он очень обеспокоен!» Я помню выражение тоски в ее глазах, я никогда не видел ее такой прежде. «Чарльз,— неуверенно проговорила она,— он испуган, и я тоже!»

Чарльз замолчал, вынул платок, и я увидел капли пота, блестящие на его лбу. Он продолжил:

— Я ничего не успел сказать, потому что вернулся Адриан с подносом и начал смешивать коктейли. Он глянул на Маргарет и заинтересовался, о чем мы тут говорили и не отчитать ли ему. Ее взгляд был полон испуга, когда я рассказал ему, но, казалось, что он не понимал. Затем он передал нам стаканы, взял один себе и неожиданно задал вопрос, который я задал тебе нынче вечером.

— О разгадке? — Я не узнал свой голос. Я больше не заставлял его говорить.

Чарльз кивнул. Но продолжать не стал.

— Ну, и что тогда? — спросил я чужим голосом.— Что тогда?

— Смешно,— ответил он.— Но все это я рассказываю впервые; лишь сейчас я понял, что мне следовало тогда начинать с другого

конца — я ведь сказал ей, что беспокоюсь и испуган. Но я действительно был испуган уже несколько недель.

Страшное предчувствие опасности пронзило меня. Я возбужденно заговорил:

— Господи, да, я помню. Когда я уезжал, ты был очень подавлен. Ты получил травму во время ватерпольного матча. Я еще тогда волновался за тебя, но ты сказал, что все о'кей...

Мне показалось, что он был готов разрыдаться — Чарльз Моффат был готов зареветь! — но он взял себя в руки, лицо его напряглось. Он сказал:

— Доктор сказал, что все нормально. Но все было намного хуже. Вроде и ничего серьезного, но это был конец для меня. Я стал плохо спать. Не знаю, была ли травма причиной бессонницы или что-то другое. Но была сама бессонница. Ужасная. Таблетки не действовали на меня, мне становилось только хуже. Я нормально засыпал, но просыпался... Вот что плохо. Когда я просыпался, я все время думал о разгадке. Я был близок к этой проклятой разгадке. Вначале я не очень беспокоился, просто злился. Но эти мысли начали посещать меня три, четыре, шесть раз за ночь; это было ужасно!

Он вдруг замолчал. Он пытался облизнуть губы языком, хлебнул глоток бренди и запил водой. Пот вновь выступил у него на лбу, и он вытер его тыльной стороной ладони, забыв о платке.

Он продолжал:

— Вот теперь ты со мной, наполовину под луной, наполовину в тени дворика Адриана, который только что обратился ко мне с вопросом. Маргарет наклонилась ко мне, уткнувшись подбородком в свои руки. Я чувствую ее взгляд на себе. Я с удивлением уставился на Адриана и жду, когда он меня спросит, знаю ли я, на что похоже это чувство, которое все ближе и ближе к ответу — он прост, азбучно прост, но всегда ускользал от человека; этот ответ запрещен; но когда он был близок, словно морковка перед ослиным носом, нужно было хватать его...

Мы хорошенько набрались — тебе знакомо гостеприимство Мортимера. Тут эгоистичное чувство поразило меня, когда я обнаружил, что другой человек — мой лучший друг — захвачен дьяволом, хоть я и считал его своей собственностью. Мы часами болтали, в то время как Маргарет таращила на нас обоих своими огромными серыми глазами. В них был страх, но мы продолжали, пытаясь уменьшить испуг, чтобы проследить за тем, что мы думали о разгадке в юности и почему мы не говорили об этом никогда раньше. Графин постепенно пустел, а невозможная калифорнийская луна бледнела. Мы уже пришли к словесной форме того, что, как мы полагали, было разгадкой...

— Мы не зашли далеко и не вкладывали в это какое-то особое чувство. Кто может говорить о вещах, не зная, какими словами об-

лечь их содержание и смысл? Но мы ужасно напугали сами себя, да и Маргарет. Мы начали беседовать — или Адриан начал, потому что он четче осознавал; мы начали говорить о том чувстве, которое делало это понимание более значимым; о чувстве, которое не зависело от знаний. Вдруг Маргарет вскочила, стакан с виски упал и разлетелся на осколки, которые напоминали форму кольца. Я помню, что она сказала. Она глянула на нас свысока, я помню, что она показалась нам очень высокой, хотя в действительности была невысокой женщиной. Она промолвила: «Взгляните на все это! Взгляните!» — и сделала широкий решительный жест в сторону всего мира от нашего маленького внутреннего дворика. А затем сказала: «Оставьте все как есть — оставьте...»

Чарльз весь задрожал, будто у него была малярия. Потом он успокоился. Я вновь увидел напряженное лицо и капли пота на лбу. Наконец он заговорил:

— Маргарет вся съежилась и рухнула на стул. Она снова стала миниатюрной, и слезы медленно катились по ее щекам. Я знаю, что она их не замечала. Она сидела, подняв голову, ее руки покоились на краю стола, а взгляд был направлен в сторону бассейна, он парил над миром, который превращался из плотной, пронизанной лунным светом темноты в облачную туманность, становясь несчастно серым. Адриан поднялся. Он сел на ручку ее кресла, положил руку ей на плечи и прижался щекой к ее волосам. Они были неподвижны и молчали. Я не мог смотреть на это и отправился в дом, где нашел пару бутылок вина выдержки 28-го года, помню как сейчас, взял лед и стаканы и вернулся во дворик. Они не изменили позы, и я заорал на них, чтобы привести их в движение.

Мой крик подействовал на них, и я начал дурачиться, гремя стаканами, льдом, метался около них, вливая вино им в глотки, не забыв влить полпинты в себя, что меня очень рассмешило... Адриан начал помогать мне — мы разыграли из себя дурачков, распили вторую бутылку, третью и наконец рассмешили Маргарет. Адриан стащил очень красивую занавеску с лебедем со стены дворика в бассейн, испортив при этом свой клубный пиджак...

Я уехал почти на рассвете. Они вдвоем вышли проводить меня и попрощаться. Маргарет пригласила меня к ленчу, на что я ответил обещанием; я помахал им и завел свой автомобиль. И... вот и все!

Он не прервал свой рассказ на этот раз. Его голос и слова как бы мягко скользили в темноте. Он сидел, глядя на меня, абсолютно спокойный. Мне не хотелось встретиться с его взглядом. Молчание затынулось. Я сказал:

— Давай, продолжай! Я не понимаю. Что значит — вот и все?

— Больше я не видел Арчи. Их больше не существовало. Просто... не было. Я вновь слышал голос Маргарет — но он сказал лишь одно слово.

А потом снова молчание. Я заговорил, подбирая слова.

— Не понимаю. Объясни.

Он искал сигарету с закрытыми глазами, зажег ее. Чарльз рассуждал как бы для себя:

— В слэнге столько смысла! Как сказал однажды Честертон: «Народ — самый великий поэт». Мошенник, или гангстер, или писарь, который первым сказал «не вырубить топором», сказал больше, чем знал.

...Потому что вот что случилось с Адрианом — стерт из памяти — вычеркнут из всех трех временных измерений — аннулирован — не существовал!

— Ты не можешь остановиться, не досказав! О чем ты говоришь! Что имеешь в виду?

Он не сводил с меня глаз.

— Я имею в виду то, что говорю. С этого дня Адриан больше не существовал... Его жизнь стерта. Помнишь, что лежит в коробке? Ну, это объяснение. После того... как это случилось, я заболел. Не знаю, как долго продолжалась моя болезнь, но когда я стал вновь осознавать все, что было со мной, то я решил сделать все, чтобы доказать себе, что я единственное существо, которое помнит о существовании Арчи. Имей в виду, я надеялся, что смогу опровергнуть это, хоть я и чувствовал, что не смогу. Я действительно не смог. Ты видел эти бумаги и вещи — это та маленькая часть моего доказательства. Адриан Арчи был и одновременно никогда не существовал. В этой рамке была фотография Маргарет, но рамка не разрезана. Эта трубка Адриана с моими инициалами, но ободок блестит как новый...

Адриан учился со мной и работал — но нигде нет свидетельств этого, никто не помнит об этом. Я знал его отца с детства, но его отец не знает, что у него был сын. Существовали фотографии, на которых мы изображены вместе с Адрианом, а сейчас это фотокарточки с теми, кого я не знаю. В программах театра в его ролях указан другой актер, и этот другой известен всем и жив... Это ты, кто видел пьесы с его участием, — ты помнишь, как он играл. Он снялся во многих фильмах, но сейчас его в них нет. Есть другой актер, который прекрасно знает роль, и недели съемок плетут сложный узор в его жизни. Адриан и все, что имеет к нему отношение, исчез и заменен другим. Он не существует, его не было и не будет, он вычеркнут, изъят из короткой жизни и времени, он подобен дрожжевой крошке. Над поднимающимися и бурлящими дрожжами образуется углубление — становится очевидным, что сами дрожжи не существовали, об их существовании знают лишь другие дрожжи, те, что были почти близки к опасности знания, подобно тем, которые исчезли; дрожжи, память которых — наказание и предостережение.

— Ну скажи,— закричал я.— Скажи, что случилось после того, как ты уехал.

— Господи! — выговорил Чарльз, слезы застилали его глаза. — Господи! Ты веришь мне!.. Все скажу. Я отправился домой. Я так устал, что думал о том, что смогу сам заснуть. Я стащил с себя одежду и юркнул в кровать, когда солнце начало уже восходить. И я на самом деле заснул. Я оставил на своей двери записку, чтобы слуга не будил меня, да он и не стал. Меня разбудил телефонный звонок, я потянулся к трубке, не разомкнув глаз...

Тут я услышал голос Маргарет, зовущий меня. Я знал, что это был ее голос, хоть он был резок и отрывист от дикого, невозможного страха. Голос назвал меня по имени, еще и еще раз. А после моего ответа голос сказал: «Адриан...» А уж после не было слышно ни звука, ни щелчка, ни шума — ее уже не было.

Я не теряя времени бросился к машине и поехал через Ривьеру. На огромной скорости я миновал дом Мортимеров, а на перекрестке Паломы и Палисады...

— Подожди! Я вспомнил кое-что. Ты говоришь, что это дом на углу Палисады и Паломы, следующий за домом Мортимеров? Но ведь на этом месте нет никакого дома! Там просто зеленый уголок — что-то вроде сада...

— Да,— парировал Чарльз.— Знаю сам, об этом знают все, даже в плане города есть этот парк... Но справа от этого места стоял белый дом, который мы сняли для Арчи, я вышел оттуда несколько часов назад...

Невозможность этого очевидна — но это дикий, неоспоримый факт! Зеленая трава и красные цветы были до ужаса реальны, сам дом блистал нежностью и совершенной красотой, а низкая белая ограда, скамейки, увитые зеленью, дорожки, посыпанные желтым песком, и струи фонтана были на самом деле элегантны...

Я все же остановил машину. Я был уверен, что еду правильно потому, что видел, как Мери Мортимер беседовала с садовником у своего дома. Меня трясло, все нутро холодело от страха. Я открыл дверцу, мне просто необходим был глоток свежего воздуха. Солнце отбрасывало яркие золотые лучи... но они были будто грязные; они походили на свет, который слепит глаза и заставляет не замечать невообразимое пресмыкающееся. Мне нужно было подышать. Я вышел из машины и приблизился к скамейке у фонтана. Ногой я будто укололся обо что-то острое, резкая боль пронзила ногу, и я посмотрел вниз. Я наткнулся на многочисленные таблички на газоне, наклоненные назад. Надпись на них гласила: «По траве не ходить!».

Земля под ногами напомнила мне хрупкий лед.

Я знал, что он ничего не скажет больше, но я ждал. Мы долго сидели, пока не подошел официант. Он собрал посуду и поменял скатерть на столе.

— Минутку,— сказал Чарльз.— Мне нужно еще позвонить.
Он ушел, а я остался сидеть.

Через час вернулся официант. Я спросил его, не видел ли он мистера Моффата в телефонной будке.

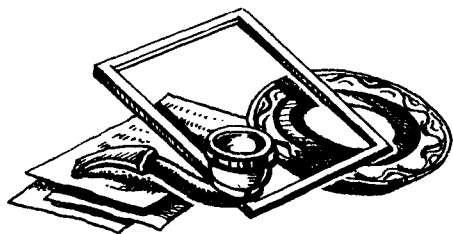
Он пожал плечами:

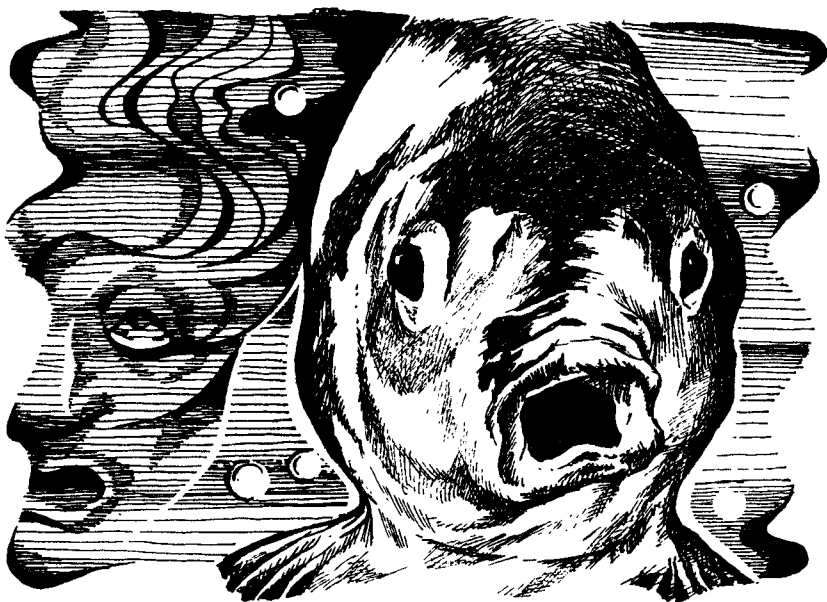
— Мистера... кого?

От неожиданности я резко ответил ему:

— Мистера Моффата. Джентльмена, который обедал вместе со мной.

Похоже, что он не понял, о чем я его спрашиваю. Не знаю, сколько это продолжалось со мной.

Жюльет Рааб

**ДНЕВНИК ХОЗЯЙКИ,
У КОТОРОЙ ВСЕ НАБОРОТ**

Суббота, 28 января

11.57

Я возвращаюсь с рынка с сумкой, набитой до отказа. До чего же она тяжелая!

12.04

Еще два этажа...

12.05

Ну, наконец-то! Ключ. Бог ты мой, где же он? Должно быть, я его оставила на дне сумки. Мне ничего не остается, кроме как, навьюченной всем этим, возвратиться на рынок и опорожнить сумку.

11.30

Итого: 2,5 франка за небольшой кочан цветной капусты; 3,2 франка за килограмм апельсинов; 2 франка за связку бананов (переспелых) и 2,8 франка за авоську картошки.

11.11

Вот и все улажено. У меня есть ключ и 3333 фр. (старых). Не припомню, чтобы когда-либо мне удавалось столь легко зарабатывать деньги.

10.47

Вот я и дома. Уф! День близится к концу. Скоро будет уже пора ложиться. Я чувствую себя гораздо лучше, чем только что.

9.30

Я устраиваюсь в кухне перед пустой чашкой. Быстрее, чем я могу это сказать, я наливаю в чашку отличного кофе с молоком и выпиваю его с двумя булочками и кусочком масла. Это именно то, что необходимо моему желудку.

9.01

Звонит будильник, я ложусь спать.

Пятница, 27 января

22.15

Пора вставать. Я завожу будильник. Одеваюсь. До чего же неохота! Иду убирать туалет, после этого слегка привожу себя в порядок перед зеркалом. Обращаю внимание на выражение лица. Да, сегодня я явно не в форме.

22.00

Снова чувствую тяжесть в желудке. Быстро грязную тарелку и...

— яблоко

— йогурт с клубникой

— йогурт с карамелью

— кусок «рокфора»

— 2 кусочка ветчины с салатом из помидор

— 3 сардины

Я помещаю все в холодильник.

21.35

Внезапно у меня сдают нервы, я не могу найти себе места. Подойдя к двери, снимаю трубку телефона. Точно, слышен голос. Это моя старая тетушка Пситарг.

— Ave, малышка.

— Drem, gratis pro Deo!

— Illo.

— Кто?

— Cul (задняя часть).

— Ик.

— (T)u quoque fili.

— Аоис?

— Рим, Рим... Ne ite.

— Тетушка?

— Hola!

Зуммер прекращает этот впечатляющий разговор. Вот так с ней

всегда. Интересно все-таки, что Этьен нашел в этой женщине из Люка...

21.30—20.30

Смотрю телевизор. Программа гораздо лучше, чем обычно.

20.20

Как же я устала! Подумать только, ведь день едва начался.

20.13

Хлюпанье воды в ванной. Пойду посмотрю. Грязная вода поднимается из стока в умывальник. Как все это меня раздражает! Прочищаю сток. Вода уходит свободно, без проблем. Женщина из Люка так бы не сделала, она бы посчитала это не заслуживающим внимания.

20.09

Переносная комнатная печка забита доверху. Как только я открываю дверцу, оттуда вываливается перегоревший уголь. Я кладу его в пустое ведро, которое стоит на прежнем месте. Вытираю после этого руки. Вот, теперь они чистые. Что касается угля, то его еще много в подвале. Угольщик скоро привезет еще.

19.50

Я вытаскиваю чистое белье из ящиков. Оно выглажено и тщательно сложено. Потребуется немало времени, чтобы привести его в порядок. Утюг, наконец, нагрелся, я его включаю. Ну вот, я снова сделала ненужную складку. Определенно, я сегодня не в себе.

18.15

Не очень рано. Дело сделано. Все белье измято как следует. Я теперь смогу положить его замачиваться в сушильню.

17.00—14.30

До обеда ничего не сделала. Время от времени я посасываю леденцы, бросаю взгляд на белье, которое капает. Оно мне пригодится сейчас для того, чтобы вымыть этот большой таз с грязной водой, который я вытащила из-под ванной.

14.20

Белье готово, особенно шерстяные и нейлоновые вещи. Но поверьте, еще есть чем заняться. Когда таз с водой вымыт и поставлен под кран, приходит очередь другого таза. Спрашивается, кончится все это когда-нибудь или нет? Вот белье высыхает и становится серым. Это хороший знак. Оно перестало капать. Это просто сумасшествие, как могло скопиться такое большое количество грязного белья. Вот оно уложено в сумку, можно нести. Пригоршню белого порошка, которая лежит в тазу, я на всякий случай забираю.

13.40

Я чувствую себя гораздо лучше, чем поднимаясь сегодня вечером. Работа — вот единственная вещь на свете, которая чего-нибудь стоит. Готова биться об заклад, что эта женщина из Люка провела весь день дома, устроившись в кресле (быть может, действительно

думая об Этьене), потягивая сигарету, поедая конфеты, печенье и всякое такое прочее. Все эти кремы, средства для снятия грима, которые она наносит на кожу, зачем ей все это? Чтобы ее муж мог купить более дорогое право на труд, чем другие? Но права на труд почти ничего не стоят, и потом, что с ними делать? Разве что только похвастаться: «А знаете, моя дорогая, сколько мой муж заплатил за право на труд в прошлом месяце? 1 миллион 100 — ни больше, ни меньше». Меня раздражают все эти претенциозные дамы.

Заметьте, что, по всей видимости, этого требует их натура, потому что вот я, например, обратите внимание, слежу за этим или нет, но с завтрашнего полудня ни капля одеколона не оросила мое тело.

13.30

На противоположной стороне улицы дети медленно выходят из школы. Они возвращаются домой, чтобы отнести завтрак. Огоньком зажигалки я тушу сигарету. Потом вдруг я делаю нечто стоящее: большой кусок сыра, бифштекс, салат, горошек в банке, еще оливы, анчоусы, не считая хлеба с маслом. Сейчас я все это принесу. Еще небольшая выручка, которую положу в конверт с дневным доходом.

13.21

Звонят. Это газовщик, который только что ушел. Я уже в пижаме, чувствую страшную сонливость и иду ложиться.

Четверг, 26 января

Полночь. Я поднимаюсь и иду в кино. Показывают достаточно смелый фильм, где речь идет о рождении девочки; она появляется из львиной пасти и тотчас начинает кричать. Роды без боли не получились, клянусь.

Перед полуднем. Я прохожусь пылесосом по ковру столовой. Он выплевывает большую кучу пыли под буфетом и массу крошек под столом.

Укладываю одежду Роже. Его брюки из бархата бутылочного цвета (темно-зеленого) залатаны. Какая мысль! Я отрываю заплату, с дырой брюки определенно лучше.

Я занимаюсь всякими случайными делами. Что-то жжет на тыльной стороне ладони. Приглядевшись, я обнаруживаю нечто напоминающее волдырь. Интересно, что это такое?

Полдень. В шкафчике для провизии суп уже горячий. Я снимаю крышку, наливаю порцию и ставлю кастрюлю остывать на газ.

9.40

Руку по-прежнему жжет. Это начинает уже меня беспокоить. Оттуда вытекает грязно-желтая слизь, похожая на мазь. Я стараюсь избавиться от нее при помощи тюбика, купленного в аптеке, но, черт возьми, болит еще сильнее, чем до того. Роже должен скоро прийти, тем хуже, я слишком плохо себя чувствую и не буду его ждать, а пойду прилягу.

Я сплю. Слышу, как открывается дверь. Наверняка Роже вер-

нулся. Это он, но в страшной спешке он едва успевает меня поцеловать. Ничего из него не вытащишь. Будильник все звонит, а он спит со сжатыми кулаками. Можно было бы проявить хоть какой-то интерес после восьми дней отсутствия, и к тому же эта боль в руке. «Эй, Роже,— говорю я ему,— вставай, уже поздно». Он злится. «Оставь меня в покое,— бросает Роже,— у меня еще, по крайней мере, час в запасе. Как будто ты не знаешь, что мне нужно за день пройти пятьсот километров. Неужели тебе не хватило сантиментов вчера?»

В данном случае он преувеличивает. В конце концов, если я пошла в кино один раз без него, то это не дает ему право говорить всякие гадости.

Я сплю. Роже будит меня и пристаёт в такой неурочный час. Я еще сонная, времени около часа ночи. Наконец-то...

«Восемь дней без тебя»,— шепчет нежно Роже.

Определенно, что-то не так, как он рассказывает. Эти его путешествия...

Среда, 25 января

23.10

Я поднимаюсь. Тоска. Очень болит рука. Теперь это похоже на большой волдырь, из него все еще течет желтая слизь. Я по-прежнему пользуюсь тубиком. Если верить проспекту, это должно помочь.

21.30

Сейчас будем накрывать на стол. Я расставляю грязные тарелки и приборы, которые лежали сваленные в раковину, в то время как Роже приносит полное мусорное ведро. Мы делаем массу интересных вещей. У нас есть полная бутылка бургундского, и мы будем играть в игру «Собери рыбу». Я нашла в мусорном ведре великолепную кучу рыбных костей. Раскладываем их. Это в самом деле забавная игра, головоломка из рыбных костей, и к тому же довольно сложная. Не пугайтесь, не так уж это и сложно, нужно всего лишь положить кусочки на свое место и не растерять их. Вначале Роже опережал меня, но он вдруг закашлялся; я прыснула со смеху к несчастью, пытаюсь прокашляться, он уронил кость, которой ему не хватало, чтобы закончить игру. Я вне себя от бешенства. Я заметила, что у него на один кусочек меньше, и рассчитывала, что он проиграет. Игру закончили все равно одновременно, в таком быстром темпе, что передохнуть было некогда. Сколько все же неопределенности в этой игре! Иногда до самого последнего момента не подозреваешь, что за рыба получится. На этот раз Роже утверждал, что он собрал форель, я склоняюсь к тому, что это мерлан, и, увы, я проиграла. В этой игре я постоянно проигрываю, и это вызывает у меня досаду. В итоге у Роже рыба бывает больше. Но я не стану на него дуться из-за таких пусяков.

20.44

Две великолепные голубые рыбины. Я поднимаюсь, чтобы выпустить их в кастрюлю. Ой! Я задеваю больной рукой, как раз тем местом, где находится волдырь, причиняющий мне невыносимую боль, горячий край кастрюли. Очень больно, но я не жалею об этом. Теперь моя рука снова стала гладкой, белой и, главное, боли больше нет.

20.39

Удивительные рыбы. Им нужно совсем немного, чтобы ожить, при условии, что вода достаточно теплая, конечно же. Пять минут и все! Одна за другой они мне прыгают в руки. Они потеряли свою великолепную голубую окраску, но они все равно отлично выглядят, коричневые, с маленькими темными пятнышками. Они свежие и скользкие до такой степени, что не так-то просто их удержать. В раковине стоит таз, полный прозрачной воды. Я выпускаю рыб туда. Роже смотрит на них. Он говорит, что форель таких больших размеров стоит дорого. Я не хочу с ними расставаться и не понесу их продавать. Домашние твари, это всегда приятно, когда часто остаешься одна.

Мне рыбы нравятся больше, чем кошки. Не знаю, почему, но я ужасно боюсь кошек. Вот кот мадам Марне, настоящий теленок, такой он жирный и себе на уме. Все время ходит по карнизам, за ним нужен глаз да глаз, чтобы не прыгнул в раскрытое окно соседей. Почти всегда проделки, которые никому не по вкусу. Если бы она дала ему тарелку, ничего бы этого не было.

Я потеряла чувство времени, глядя на рыб. Они чувствуют себя хорошо. Плавают спокойно в своем тазу. Окно открыто, чтобы им не было слишком жарко.

20.35

Вдруг Роже поднимается и идет открывать входную дверь. Я иду за ним. Это мадам Марне, которая нам рассказывает последние слухи и сплетни и, пользуясь случаем, спрашивает, не видели ли мы ее кота. Я отвечаю, что нет. Роже удивлен, но ничего не говорит.

20.34

Слышен шум в кухне. Моя форель. Ах, подлец, плут, пройдоха! Кот мадам Марне. Он вытащил рыбу из таза. Когда я хочу отобрать у него форель, шерсть у него встает дыбом, он шипит и царапает мне руку. Моя прекрасная форель! Она теперь на земле, едва шевелится, и даже не стала голубой.

20.35

Этот кот представляет собой нечто ужасное. Это настоящий монстр! Он заглатывает рыбу, а я не осмеливаюсь даже ее коснуться. Я плачу. Появляется Роже, за ним мадам Марне. Роже хватает кота и кричит на мадам Марне. Мадам Марне шепчет: «О, маленький противный кот!» Так все продолжается несколько мгновений. Я раз-

ражаюсь безумным смехом. Мадам Марне обещает принести форели и пользуется этим, чтобы незаметно исчезнуть.

21.20

Я вижу, как Роже берет лопату и метелку. Он собирает на земле кости и засовывает их в ящик для отбросов.

Ящик уже полон. Я ему говорю об этом. Он уносит его, встряхивает и приносит пустым.

Я плачу. Нет больше форели. Кот поцарапал мне руку. Я боюсь, что Роже уйдет. Я плачу.

23.00

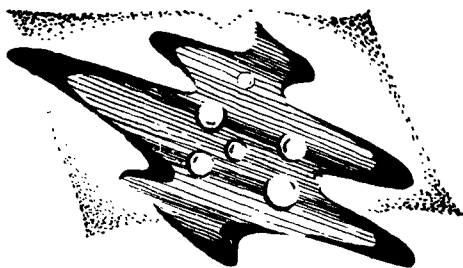
Я плачу. Роже отводит меня в душ. Вода течет с потолка, она падает повсюду возле меня.

23.10

Роже помогает мне улечься. В такой-то час! Должно быть, он думает, что я больна.

Я молчу.

Все кажется таким абсурдным.

Жюль Верн

ФРИТТ-ФЛАКК

1

— Фрритт!.. — ревет озлобленно ветер.

— Флакк!.. — шумит низвергающийся водопад дождя.

Эта ревушая буря, обрушиваясь на горы Криммы, гнет деревья Вольсинии. Волны обширного Мегалокридского моря без устали подтачивают высокие утесы по всему побережью.

— Фрритт! Флакк!

Небольшой городок Люктроп спрятался в глубине бухты. Он насчитывает всего несколько сот домиков, окруженных зеленеющими мирафрами, которые хоть немного защищают здания от морских ветров. Четыре или пять улиц, тянувшихся в гору, похожи, скорее всего, на овраги, усеянные камнями и грязными шлаками, которые выбрасывают огнедышащие конуса, виднеющиеся на зад-

нем плане. Находящийся поблизости вулкан носит название Ванглор. Из его глубины ежедневно вырываются клубы сернистых паров.

Даже ночью Ванглор не переставая пышет пламенем, служа маяком многим каботажным судам, фельзанам, верлишам и баланцам, бороздившим мегалокиридские воды, указывая путь на расстоянии в сто пятьдесят кертсов.

С другой стороны города разместились развалины построек криммерьенской эпохи, потом — похожее на арабскую цитадель с белыми стенами и круглыми крышами предместье с террасами, облитыми солнцем. Здесь можно было увидеть груды бесполезных камней, похожих на игральные кости, только без точек, исчезнувших под влиянием времени.

Среди строений выделялось странное здание с четырехугольной крышей.

Его называли «шесть-и-четыре» из-за шести отверстий с одной стороны и четырех — с другой.

Над городом возвышалась квадратная колокольня святой Фильфилены, колокола которой были подвешены в прорезях стен. Раскачивание колоколов во время урагана считалось плохим предзнаменованием, которого очень боялись жители всего округа.

2

«Шесть-и-четыре» считался одним из самых комфортабельных домов, если только в Люктропе знали это слово, и одним из самых богатых, если можно доход в несколько тысяч фретцеров назвать богатством.

И вот в узкую дверь этого дома, прорезанную со стороны Мессальерской улицы, робко постучали. Ответом на стук послужил продолжительный вой, похожий на волчий, а потом открылось небольшое окошечко над дверью.

— Убирайтесь к дьяволу, бродяги! — раздался злой и неприятный голос.

— Дома ли доктор Трифульгас? — спросила дрожащая под дождем молодая девушка, закутанная в старый головной платок.

— Это зависит от того, что вы хотите.

— У меня умирает отец.

— Где живет ваш отец?

— Отсюда в четырех кертсах, на Валь-Карнью.

— Его имя?

— Форт Картиф.

Доктор Трифульгас был жестоким и черствым человеком, лечившим лишь за деньги, полученные вперед. У его собаки — помеси бульдога с болонкой — по кличке Гурзоф было больше человеческого чувства, чем у него.

Двери «шесть-и-четыре» гораздо охотнее открываются для богатых клиентов и очень негостеприимны для бедных. Кроме того, за каждую услугу имеется своя плата: за тиф столько, за пускание крови столько, и так далее. А Форт Картиф, торговавший баранками и сухарями, был человеком бедным и незнатным, поэтому бесполезно было беспокоить доктора, тем более ночью, да еще в дождь.

— Только напрасно разбудили меня,— проворчал он, укладываясь в постель.— Лишь за это нужно было взять десять фретцеров!

Но не прошло и двадцати минут, как в дверь «шесть-и-четыре» снова ударил железный молоток.

Доктор поднялся с кровати и, не переставая брюзжать, высунулся в окно.

— Кто там? — заорал он.

— Жена Форта Картифа.

— Булочника из Валь-Карнью?

— Да. Он умрет, если вы не придете.

— Что же в этом такого? Вы станете вдовой!..

— Я заплачу вам двадцать фретцеров...

— За такое беспокойство всего двадцать фретцеров? Это же четыре кертса отсюда!

— Прошу вас, ради Бога!

— К черту! — Окно закрылось.

«Да это же просто милостыня! Неужели я буду рисковать из-за такой мелочи? Ведь я могу простудиться или устать Бог знает как, а завтра меня ждет в Кильтрено богач Эдзингоф. У него подагра, за лечение которой я получаю по пятьдесят фретцеров за визит!»

И с такими мыслями доктор Трифульгас заснул крепче прежнего.

«Фррит!.. Флакк!..», затем «тук!.. тук!.. тук!..»

На этот раз к буре присоединился более решительный тройной удар молотка. Доктор спал, поэтому проснулся в ужасном настроении. Он открыл окно, в которое, будто картечь, влетел ветер.

— Я от булочника...

— Боже, опять он!

— Я его мать...

— Пусть вместе с ним подохнут и мать, и жена, и дочь!
— У него был припадок...
— Ай, припадок... Это пройдет!
— За проданный Донтрюну с Мессальфской улицы дом мы получили плату. Если вы не придете, внучка лишится отца, у дочери не станет мужа, а я... я потеряю сына...

Слышать слова старухи, у которой от холода стыла кровь в жилах, а дождь пронизывал до костей худое тело, было страшно.

— Двести фретцеров,— заявил бессердечный Трифульгас.

— Но у меня только сто двадцать!

— Спокойной ночи!

Но, закрыв окно и поразмыслив, он пришел к выводу, что за полтора часа ходьбы и за полчаса визита получить сто двадцать фретцеров совсем неплохо — получалось по фретцеру в минуту. И он решил, что даже такой небольшой суммой не стоит брезговать. Вместо того, чтобы снова лечь спать, он оделся потеплее, оставил зажженную лампу возле «Свода Законов», раскрытого на 197 странице, и, открыв дверь, остановился на пороге.

— Где деньги? — спросил он у восьмидесятилетней старухи, ослабленной годами нищеты и страданий, которая стояла, опершись на свою палку.

— Вот они. И пусть Бог вознаградит вас за доброту вашу!

— Бог! Деньги от Бога! Разве видел кто-нибудь их у него?

Позвав Гурзофа и дав ему в зубы небольшой фонарь, доктор направился к морю. Старуха последовала за ним.

5

Какая ужасная погода! Из-за сильного урагана всюду звонили колокола Святой Фильфилены. Это плохой знак... Но все это вздор! Доктор Трифульгас не был суеверен и верил даже не в науку, а только в то, что приносило ему деньги.

Дорога, под стать погоде, тоже была ужасной. Камни, как водоросли, скользкие, скрип лавы под ногами и темень. Дорога освещалась мерцавшим и гаснувшим светом фонаря в зубах Гурзофа да вспыхивающим время от времени пламенем на Ванглоре, на фоне которого виднелись передвигающиеся силуэты. Поскольку кратеры были недоступны исследованию, никто не знал, что там творится. Может, там обитают существа подземного мира, испаряющиеся при выходе на поверхность?..

Море цвета мертвенной белизны искрилось, сливаясь со светящейся линией прибоя. Доктор и старуха сначала шли по изгибам бухты побережья, потом, поднявшись до поворота дороги, меж волнистых дюн.

К хозяину приблизилась собака, словно говоря ему: «Гм! Еще сто двадцать фретцеров попадет в сейф! Так вот и наживают состояние! Увеличится виноградник, и на ужин одним блюдом будет больше! И верный Гурзоф больше получит! Значит, лечить нужно только богачей, избавляя их от лишних денег!»

Старуха наконец остановилась, показывая дрожащим пальцем на красноватый огонек, светящийся в темноте. Это и был дом торговца Форта Картифа.

— Там? — спросил доктор.

— Да, — ответила старуха.

— Ау-ау-ау! — залаял Гурзоф.

Внезапно, всколыхнувшись в своих недрах, загрохотал Ванглор, и сноп пламени вместе с дымом поднялся до зенита, пронизывая облака. И доктор Трифульгас не устоял перед этими толчками и упал.

Когда он, богохульствуя, как истинный христианин, поднялся и осмотрелся, старухи не было. Куда же она подевалась? Может, провалилась в какую-нибудь трещину в почве или испарилась?

Собака неподвижно стояла на прежнем месте, но на задних лапах, держа в открытой пасти потухший фонарь.

— Пошли! — пробормотал доктор Трифульгас. — Деньги я получил и, как честный человек, должен их заработать.

6

На расстоянии полукеркса ничего не было видно, кроме одной светящейся точки, вероятно, в хижине умирающего. А вот и дом булочника. Ошибиться нельзя, старуха указала на него пальцем.

Доктор пошел быстрым шагом навстречу свистящему ветру и пронизывающему дождю, и по мере продвижения, дом, построенный на открытом месте, вырисовывался все яснее. Но что это? Этот дом странным образом был похож на моктронский «шесть-и-четыре»! То же расположение окон на фасаде, та же маленькая дверь, закругленнаяверху.

Доктор подошел к дому так быстро, как только возможно при такой буре, толкнул полукоткрытую дверь и вошел. От сильного ветра она тут же захлопнулась за ним. Оставшийся на улице Гурзоф завыл, время от времени делая небольшие промежутки.

Что за чертовщина? У Трифульгаса создалось впечатление, что он находится в собственном доме. Но он не мог заблудиться, так как ни крюков, ни обходов не делал, значит, это Валь-Карньу, а не Люктроп... А между тем, тот же низкий со сводами коридор, та же деревянная винтовая лестница с широкими перилами, пришедшая в ветхость от долгой службы.

Поднявшись по лестнице до площадки, он увидел, что из-под двери, как и в «шесть-и-четыре», пробивается слабая полоска света.

Неужели это галлюцинация? При смутном свете он узнает свою комнату: желтый диван, шкаф из старого грушевого дерева, несгораемый шкаф, куда он собирался положить заработанные сто двадцать фретцеров...

Тут и его кресло с кожаными подушками, и столик с гнутыми ножками, на котором, рядом с гаснущей лампой, лежит открытый на 197-й странице «Свод Законов»...

— Что это со мной? — пробормотал доктор, и ему стало страшно. Зрачки расширились, тело словно уменьшилось, и его окатил ледяной пот, вызывая лихорадочную дрожь.

Но нужно спешить! Сейчас погаснет лампа, и умирающий тоже...

А вот и его кровать с балдахином, закрытая пологом с разводами. Не может быть, чтобы ложе Форта Картифа было здесь!

Доктор Трифульгас открывает занавеску дрожащей рукой и склоняется над неподвижным телом...

— Боже! Кто это? — На ужасный вопль с улицы ответил злоежущий собачий вой.

Выходит, умирающий не Форт Картиф, а он, доктор Трифульгас!..

Удар сразил его самого! Апоплексия! Апоплексия с резким выходом серозной жидкости в полость мозга и с параличем тела.

Да, это тот, кого звали к больному и кому платили! Это тот, кто бессердечно и жестоко отказывался помочь бедному человеку! И это он должен умереть!

Доктор Трифульгас чуть с ума не сошел. Он считал себя уже погибшим. Приступы, учащающиеся каждую минуту, лишают больного способности действовать, останавливая сердце и дыхание. Но тем не менее он еще в сознании...

Что же делать? Может, пустить кровь и тем самым уменьшить ее прилив! Если доктор Трифульгас будет колебаться, то он умрет!.. В те времена еще делали кровопускания, таким образом спасая от апоплексии тех, кому не суждено умереть от нее.

Доктор Трифульгас выхватывает из своих инструментов ланцет, делает надрез на руке своего двойника, но кровь из его руки не течет. Тогда энергичными движениями он начинает растирать ему грудь, и в его собственной груди жизнь прекратилась. Он греет ему ноги горячими камнями — холодеют его собственные ноги...

Вот его двойник вытягивается, бьется, испуская предсмертный хрип...

И, несмотря на все свои познания, доктор Трифульгас умирает на своих собственных руках.

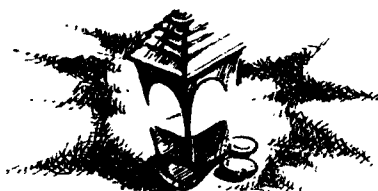
— Фритт!.. Флакк!..

Утром в доме «шесть-и-четыре» был найден мертвый доктор Трифульгас. Его положили в гроб и большой толпой проводили на Люктропское кладбище, куда он сам, судя по формулярному свидетельству, отправил несметное количество людей.

О псе доктора, старом Гурзофе, говорили, что со дня смерти хозяина он носится по стране с зажженным фонарем, завывая и рыча, словно бешеный.

Так ли все произошло на самом деле, никто не знает, но ничего в этом удивительного нет, ибо в Вольсинии, а особенно в окрестностях Люктропа происходят еще более странные вещи.

И кроме того, я еще хочу повторить, чтобы вы не искали на карте этого города, потому что его местонахождение ни по широте, ни по долготе не могли определить лучшие географы.

Людвиг Хэвеси

ЖЮЛЬ ВЕРН В АДУ

Письмо покойного писателя своему издателю:

ИНФЕРНОПОЛЬ, 00, БРАТМОНД А. Д. 0000 *

Наконец-то, дорогой друг, я подошел к тому, чтобы описать свои первые впечатления об аде. Не ожидайте ничего связного, потому что только вчера меня распотрошили при Даменти и Шарпи, самое легкое наказание в этой знаменитой своей несправедливостью исправительной тюрьме. Но вас озадачивает уже слово Шарпи. Так далеко зашли они здесь в своем великолепном обращении. В общем-то это в некоторых отношениях весьма скверное место с частично весьма устаревшим хозяйством. Подумайте о том, что еще не существует изотермической карты ада, так что я сам не смог узнать ничего надежного о распределении тепла. Во всяком случае, я сначала

* А. Д.— здесь означает Анно Дьяволи. Число изображено нулями, потому что здесь, несомненно, царит вечность.

получил жестокий насморк, потому что мой вход находился на северном полюсе ада. Формальности были довольно простыми... Помятый зубной врач быстро отремонтировал прикус моих зубов, чтобы облегчить мне стук ими. А пылкий химик, посланный сюда для освежения, при помощи реактивов установил, какая у меня душа — кислотная или щелочная. Третий служащий, в белой майке вареного, подтвердил на бумажке, что я принадлежу к несъедобным субъектам. Здесь существуют две категории душ: съедобная и несъедобная. Как я увидел позже, у меня есть все основания радоваться, что я принадлежу к последней. Интересной была и книга визитеров, в которую мне позволено было заглянуть, вероятно, из гордости такими высокими посещениями. Мне не показали только первую страницу; я, несомненно, был бы ослеплен, так она была горяча. Все же на одном из листов я увидел подписи: Данте Алигьери и Публий Вергилий Марон. Так его путешествие в ад не было выдумкой! Я спросил адрес дьяволицы по имени Джоконда, с которой в молодые годы я познакомился в Париже. Передо мной тотчас же раскрыли адскую книгу записей, которая занимала целое помещение библиотеки. Там было записано 34 913 миллиардов имен. Десять журналов содержали только имена безымянных из предыстории и тому подобное. После седьмого нажатия на клавишу эдисоновского читательного аппарата незнакомой мне конструкции я нашел свою Джоконду, которую теперь, правда, звали Долорес. Она обслуживала в сатанинской консерватории тик-машину, в основном предназначенную для производства мучений. Что же касается вышеупомянутого Эдисона, то он — невостребованный гений-изобретатель, от которого в четвертом поколении произошел Эдисон (Томас Альва).

Я не могу объяснить, как я попал в Инфернополь. Было какое-то движение, поляризация, изменение моего агрегатного состояния — не знаю. Во всяком случае, путешествие было не из приятных. Сначала мы пролетели через зону высокой мефистики: (от Мефисто). Со всех сторон непрерывно шелкало и раздавались удары бичей. В воздухе висели звон и пение, исходящие от телефонных проводов, молитвенных проводов, как сказали мне позднее. Не знаю, но у меня было чувство, что меня ведет какой-то провожатый. Это чувство тоже не могу выразить четко. Даже намеками. У меня было нечто вроде проекции сверху, слабое представление, что поблизости от меня есть какое-то существо, которое... только не смейтесь надо мной... существо, похожее на жуткий звук (!). Я не знал, что это у меня было необъяснимое, смутное представление, что вблизи меня находится нечто, порождающее страх, трижды под ноты фа гобоя. Что знаете вы в своих земных телах о том, какие возможности имеют существа в потустороннем мире? Какие метальянсы там могут происходить! Я не видал это существо, не слышал

его, не обонял, не осязал и не ощущал его на вкус, но оно было здесь. Не осязаемое никакими чувствами, оно было во всех моих чувствах. О... Оно...! Я называю его так, потому что не знаю, мужского или женского пола оно было. Конечно, я склонялся к последнему предположению. Именно там, в определенном месте, стояла доска с прозрачным объявлением: «Лететь налево». Двигаясь мимо этого анонимного указания, я ткнул указательным пальцем в то место, где кончался текст. С громким «О-ох!» я отскочил, обожженный или ошпаренный, потому что в аду все нагрето до точки кипения. Однако почему же я коснулся этого места? В меня вторглись ЭТО. Конечно, ЭТО позволило мне сделать это из озорства.

Меня внезапно охватил жестокий холод. Я услышал что-то похожее на неслышимый голос — ЭТО говорило со мной: «Здесь повсюду фабрики холода, где подготавливается охлаждающая смесь. От 1000 градусов ниже нуля и ниже. Потому что холод обжигает сильнее, чем жар. Наибольшего жара мы достигаем охлаждением». Я все четко слышал неслышимый голос. Внезапно я увидел стоящего человека, который буквально превратился в ледяной столб. Глаза, рот, борода образовывали мельчайшие ледяные ледопады. В его карманах были прелестные карманные глетчеры. Он протянул мне четырехугольную пластинку из шлифованного кристалла — свою визитную карточку. Я с удивлением прочел: «Андреас Цельсий, генеральный директор адских фабрик холода». Мой спинной мозг начал превращаться в сосульку, само собой разумеется, снизу вверх. Я забрался в ближайшую пылающую печь, чтобы хоть немного оттаять и попросил двух прыщавых чертей, которые раздували огонь старомодными кузнечными мехами, быть поусерднее. Я наслаждался жаром: до чего же все в мире относительно. Далее, я прошел мимо множества ям со смолой и серой, из которых в небо уходили охи и стоны. Все они были без защитных перил и даже без полицейской охраны. У нас в Амьене, когда я заседал в муниципалитете, ничего подобного не допускали. И никаких дымопоглощающих устройств. В одной из железных ступ высотой в рост человека один необычный рыжий дьявол толкал бедного грешника. «Уже целых 3000 лет», — сообщило мне ЭТО. И при каждом ударе песта грешник жалобно взывал к богу. Внизу ступы сбоку было отверстие, в которое дьявол всовывал пальцы своей ноги. И при каждом ударе он бил также и себя по пальцам. И при всей наивности механизации я счел это очень практичным. И так продолжалось уже 3000 лет, причем время здесь не сокращалось. Я с удивлением видел тут и там котлы, в которых в масле варились люди, когда-то знаменитые. Дровяной подогрев! Какие примитивные меры здесь еще использовались. Что бы я здесь ни увидел, все казалось мне ненаучным. И напротив, остроумная особенность: сборище людей, которые непрерывно кувыркались во все стороны.

— Угадайте,— сказала мне ЭТО,— чем их терзают. Ах, вы же не отгадаете. Вы когда-нибудь слышали о блуждающей почке? Ну, а у этих людей блуждающий центр тяжести. Сначала он был в голове, но вот уже — в правом колене, а сразу же за этим он перемещается вверх, в левое плечо. А за этим немедленно следует кувырок, в результате которого центр тяжести тут же оказывается внизу.

Это действительно было похоже на представление в варьете. Проклятая публика: вернее, публика проклятая,— стояла и очень весело смотрела на все это. Я вообще заметил, что мучимые смеются над мучениями других. Это ведь так по-человечески, как же иначе они смогут выносить свои собственные мучения?

В это мгновение меня схватила рука — ведь не могло же быть ничего другого — рука какого-то огромного чудовища. Я почувствовал, как меня схватили, увидел три режущие яркие стальные вспышки, ощутил три дробящих удара в свою грудную клетку, искры брызнули у меня из глаз, ноздрей, ушей и пор — и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я лежал в лодке, несомой широким потоком. ЭТО было со мной и рассказало мне, что один из старших дьяволов, Ммммм, левая рука которого была длиной три километра, принял меня за кремь и выбил из меня огонь, чтобы разжечь свою трубку. ОН, конечно, курит души, в основном — курильщиков табака, но теперь примешивает к ним души морфинистов. Таким образом, он получает двойное удовольствие: от табака и от опиума. Я действительно был подходящим кремнем, содержащим много силикатов, как, впрочем и других химических примесей, которые делали меня кислым или щелочным. Ну, должен признать, что я охотнее был бы чем-либо другим, но не силикатом. Это, если можно так выразиться, не существование для интеллигентного человека. Ребра мои весьма сильно болели. ЭТО сделало мне маленькую инъекцию, чем оказалось мне настоящее благодеяние.

— Конечно,— ответило мне ЭТО на мой удивленный вопрос,— доктор Праваз ведь тоже в аду, он тайком продал нам всем инъекции Праваса. Тут, внизу, много взяточничества и злоупотреблений. Но, боже мой, в иные мгновения иначе действительно невозможно выдержать. Вы спрашиваете, что мы даем в качестве взятки? Что является нашей платой? Вы должны знать...

Лучше бы я не слушал, потому что мне в конце концов стало жарко. Поток, по которому мы скользили, должно быть, был почти кипятком, потому что он выпускал тяжелые, удушливо воняющие горелым пары. Насколько хватало глаз, над нами вниз по течению клубами плыл густой, желтоватый чад.

— Вы знаете, что это за поток? — спросило ЭТО и побалакало рукой в кипящей жидкости.

Услышав этот плеск, я ужаснулся. Рука ЕГО давно должна была уже свариться, если жидкость действительно кипела.

— Это похоже на нефть,— сказал я.— Парафин? — ЭТО рас- смеялось громче.— Или на маргарин!.. Нефтяное масло!.. Растоп- ленное масло!

— Ага! — ответило ЭТО настоящим женским голосом.

Конечно, это была баба. Мне в голову пришла ужасная мысль.

— А разве это не так?.. Конечно, это так! Жир?! — в ужасе воскликнул я.

— Сало,— ответила она спокойно.

— Человеческий жир?

— Скажем лучше — сало грешников. Которое вытапливается в чудовищных кипящих котлах с обжорами, пьяницами, прелюбо- деями. В течение тысячелетий жир маленькими ручейками собирал- ся здесь и превратился в Дунай, Волгу жира.

— Любезная госпожа,— сказал я,— я страдаю от жары, нет ли у вас с собой чего-нибудь освежающего? Совсем немного, может быть, чашечку мороженого. Только позаботьтесь, чтобы в нем не было ванили. Может быть, малиновое или земляничное,— я произ- нес это с мрачным юмором умирающего весельчака.

— Вы должны немедленно охладиться,— не без лукавства ска- зало ЭТО.

ЭТО флиртowało со мной. А потом лодка ткнулась в берег. По- среди потока находился небольшой остров с возвышающимися баш- нями крепости, которая таковой не была. Была фабрика. Макробов. Великолепные чистые культуры макробов, которые микробизируют- ся в микрокопировальной установке и посылаются на поверхность земли.

— Это Носонесос, остров болезней,— сказала ЭТО.

Очень интересное место. К сожалению, у меня нет пространства и времени, чтобы все описать подробно, только вкратце: мы вышли из лодки, и я заразился бациллами холодной лихорадки. Благо- словенный озноб охватил меня, я снова был человеком. Мы снова поднялись в лодку и поехали дальше. Я стучал зубами, словно их уже у меня во рту было 64. Из потока вынырнула голова, красная, как рак, вареная, уставилась на меня и сказала: «Хороший при- кус»,— потом снова погрузилась.

Поток постепенно сужался, несясь между скальными берегами. Появлялись утесы, все облепленные шлаком и усеянные краснова- тыми кристаллами.

— Кристаллы тепла,— равнодушно произнесло ЭТО, словно говорило: «Маргаритки». Позже я познакомился с ними поближе. Все наши земные тепловые теории не стоили и ломаного гроша. Тепло — это просто тепло. И свет тоже. И тяжесть. И сила... Мой разум отказался это воспринимать... отказывается он от этого и се- годня. Несмотря на все объяснения, я так и не разобрался в этом. Но что вы скажете, если вы увидите СИЛУ в виде металла, которую

можно ковать молотом на наковальне? Подковы из силы на копытах плутониевого адского коня. Сила, протянутая в проволоку. Монеты из тяжести. Консервированный свет в жестяных банках. «Святая физика!»— снова и снова восклицал я. Как уже было сказано, все утесы были усеяны гирляндами кристаллов тепла. Лучше сказать, сталактитами тепла. Здесь было также жидкое тепло, текучее, замерзшее, окаменевшее (вспомните о каменном угле). Казалось, что все неосязаемые вещества воплотились здесь как души, в то время как на небесах, вероятно, физические тела становятся неосязаемыми. В особом смысле, оживленными...

Ну, у меня не было много времени для удивления и вопросов, потому что меня охватило предчувствие, от которого волосы встали дыбом. Мы все быстрее неслись дальше. Скорость потока чудовищно увеличилась.

— Не приближаемся ли мы к водопаду? — возбужденно воскликнул я.

— Нет! — ответило ЭТО со странной насмешкой в голосе.

— Но это ускорение... Я видел такое на Ниагаре... Сейчас должно быть... будет падение!

— О, падение — это нечто совершенно иное, — почти язвительно ответило ЭТО, — но вы до сих пор говорили о водопаде. Разве это вода?

— Са... салопад! — произнес я немного растерянно. — Водопад кипящего жира... Стой! Стой! Я хочу сойти!

Я был, очевидно, в высшей степени смешон, потому что ЭТО громко рассмеялось.

— Сойти невозможно. Поток слишком силен. Мы должны рискнуть упасть вниз... Что дальше? Водопад Замбези лишь немного выше Ниагары, а наш салопад лишь немного выше водопада Замбези. — Я умолк. Язык у меня во рту был словно вареный. Мы стремительно мчались дальше. Вокруг нас все кипело, бурлило, трещало и выбрасывало пузыри... а возле лодки тихое сверкающее журчание, когда ЭТО, играя, погружало руку в это ужасное вещество. Лучше бы это была кровь! Но жир! Сало! Тьфу! Тьфу! Я почувствовал во рту привкус фужолиновой кислоты. Двойного фужолинокислого фидонкоксида... А потом пришло неизбежное... Вниз!.. Нет, это нельзя описать. Я сначала должен найти словарь, чтобы вам это...

Когда я вынырнул из бездны беспамятства, моей единственной мыслью было: я сварился. Как Бронзино, в масле. Но где? Масло, если только это было...

— Нет, вы не сварились, — сказала ЭТО прямо возле моего уха. Мне хотелось ее обнять из-за этого утешающего заверения. — Вы же несъедобная душа, так что все, что касается продуктов питания, для вас совершенно чуждо. Мы в аду отнюдь не нелогичны, — я должен признать, что у меня упал камень с души. Все, что я хотел —

так это, чтобы из меня не делали фрикассе.— Вы правы,— сказала ЭТО.— А вы чувствуете себя хорошо только тогда, когда видите свою дьявольщину, когда вы меньше года занимаетесь перевариванием великих Х*.

Сатанинское понятие о наслаждении. Я перевариваю это. Он всегда имеет привычку слишком много говорить и... он это знает. Что Х — это знает и все-таки должен позволить переваривать себя!.. Н-ну!

Мы лежали под цветущим кустом Аса Фозтида в местности, похожей на парк. Чудовищная вонь ласкала то, что называлось обонятельными мембранами. Время от времени кричала кукушка, но много чаще тот, кого поймала эта кукушка.

— Там находится школа хорошего поведения,— сказала ЭТО.

— Что это такое? Они называют ее так, потому что там учат хорошим манерам...— Но в заключение всего вдруг прозвучал крик боли. Фиолетовое солнце — а на самом деле — внутренняя луна Земли, в чреве которой мы только что находились — стояла на небосклоне, и мы отбрасывали оранжевые тени. Не только я, но и она тоже! Сама она была все еще невидима — для моих слабых земных глаз, но тень-то она отбрасывала! Адская оптика!.. И ах, она была... Да, какой же она была? Я видел тень Астарты, Калипсо или Нелл Гвинн. Тень, которая, собственно, тоже была светом и переливалась всевозможными радужными отблесками.

— Мисс Нелл,— начал я на пробу.

— Меня зовут не Нелл,— ответил она,— Меня пока зовут Ophel.

— Пока?

— Да. Я еще не больше чем Ophel. 5000 лет назад меня вообще звали просто L. 4000 лет назад уже El. 3000 лет назад Hel. 2000 лет назад — Phel. А сегодня — Офел... Вы не понимаете?.. « — Любовь, El — семитское «сиятельная», Hel — по-норвежски Богиня, Phel галльское — носительница Ярости... Ophel — покаянная жертва, шекспировская Офелия.

— А как будут вас звать потом? — очень возбужденно спросил я.

— Еще не знаю. Это решает высшая власть, я хотела сказать: дающие имена, называющие нас силы. Которые дополняют и изменяют мои адские имена... На Ахит-Офель, Рахит-Офель или Мефист-Офель... а может быть, также и на Картофель.

Она сдержала смех. Она, очевидно, смеялась надо мной и бесовственно врал. И странно, смех своей вибрацией делал ее все более различимой. И внезапно ко мне пришло озарение. Она же была той, которую я искал, мою Джокондой, которую я знал давным-давно,

* Я лучше напишу здесь Х. Жюль Верн пишет здесь имена, которые я стесняюсь назвать.

с самой парижской юности, когда мы оба заслужили ад... Теперь дьяволица Долорес... а я... у меня же еще даже не было адского имени.

Однако я непроизвольно начал писать рассказ. Я, естествоиспытатель! Пришло время заканчивать.

Тысяча приветов от вашего старого

Жюль Верна.

ПОСТСКРИПТУМ

Только что я вернулся из кабинета Его Дьявольства. Меня внесли разрезанного на семь раз по семь частей, которые, однако, удивительно хорошо соединились друг с другом. Было, конечно, очень любопытно посмотреть на знаменитого Люцифера. Я разочарован. На нем какой-то налет безразличия. Он сильно постарел, многие участки его тела уже полысели, а рога сильно затупились. Он носит синие очки, потому что больше не может смотреть на огонь. Меня нервировало то, что он попеременно проводил языком то по правому, то по левому уху. Его анатомия позволяет это. Время от времени он потирал живот и цокал. Так и знал! Когда я подавал ему свой договор, он непрерывно бегал по помещению и махал хвостом, как мухоловкой. Здесь была масса мух. Я сделал ему предложение поднять адское оборудование на уровень новейшей науки. Не было даже никакого кадастра. Ему было также предложено ввести радиовые нагреватели: вечно продолжающийся нагрев, высокая экономичность. Как это примитивно — ставить миллион душ на обыкновенные сковородки! (Здесь не было даже термофоров). И при каждом использовании снова нагревать их! Он зевнул. Он не имел никакого представления о новой физике. Он держал подземелье для этих душ. Думаю, он мог бы изготовить полоний из душ поляков. А он все еще бил мух. Одна из них села прямо на мой нос. Шлеп! Тяжелая кисть его хвоста ударила в середину моего лица с такой силой, что я упал без сознания... Меня посадили за стол, но я почти ни к чему не прикоснулся. Во-первых: все это ели, когда оно кипело. А потом я еще не привык к пюре из душ, телам белых тиранов и жареным отцеубийцам. Одно блюдо было похоже на кольца засахаренных мозолей, но это, кажется, было что-то, сделанное из распутных женщин. Я съел только немного горяче-холодного блюда по-финансистски, но потом узнал, что это был сам финансист — горяче-холодный. Позже я извинился перед господами, которых я откусал.

После стола с мингером Ван Свинденом я совершил экскурсию в центр ада. Чудовищное шарообразное пустое помещение, наполненное светом пламени всех чувств. Частично белого, частично красного. Везде мерцающие вспышки факелов. Русские домовые играли

в футбол нитроглицериновыми бомбами. Ван Свинден с триумфом показал мне, как бедные души от мучений лезут на стену: миллионы и миллиарды, а потом снова падают в огонь. Эта непрерывно накатывающаяся волна так сотрясает стены Земли, что вертит весь земной шар. В этом и заключается причина вращения Земли вокруг своей оси. Об этом писал, когда еще жил на поверхности Земли. Великий согреватель земного шара. Разгадыватель ада и вращатель земной оси. Еще раз пока.

Ж. В.

ЖЮЛЬ ВЕРН НА НЕБЕСАХ

Письмо покойного писателя своему издателю.

ДОМ ЛАЗУРЬ, по ту сторону дней и лет.

Дорогой друг, наконец-то я собрался выполнить свое обещание и сообщить вам о моем теперешнем местопребывании. Это будет немного, потому что я сам знаю еще слишком мало. Я должен подходить постепенно. Я должен медленно... как будто только что вернулся... привыкать к вещам... втягиваться в них... словно вписываться в них. Хотя я в последнее мгновение все еще был связан несколькими узлами в полотнище моего савана, но теперь больше уже не знал, что означают эти узлы. Я, должно быть, тогда был очень расстроен. Я помнил только, что чувствую большое неудобство во время своего полета через Вселенную, видя Землю, которая становилась все меньше и меньше. И я был так наивен, что судорожно цеплялся за свое видение мира. И, несмотря на это, я неудержимо терял его. Я мчался под Млечным Путем, который, должно быть, был настоящим мостом «Откуда и Куда». Так логарифмически можно здесь выразиться, если здесь вообще можно говорить. Потому что настоящий местный язык здесь — молчание. Ни вопросов, ни ответов. Все идет само собой...

Святой Петр, кажется, был сказкой. Но я слишком много болтаю об этом. Может быть, я просто его не увидел, потому что в течение целой недели был слеп. Хотя был оснащен своим собственным «Больше света» и мне в гроб положили черные очки. Как, однако, человек близорук в своей проницательности! Мне в конце концов дали очки, стекла которых состояли из десятидюймовых маленьких броневых пластинок из ковкой стали. Только тогда я смог различить главные детали. За сотню лет я, должно быть, привык к тому, что перешел на пенсне с дощечкой из тикового дерева. А тем временем я мог видеть только святое сияние, исходящее от персон, которые мне встречались, и так слепившее меня, что я не видел их лиц. Были это святые? Или ангелы? Когда я с ними заговаривал, они только описывали вокруг меня эллипсы, словно настоящие небесные тела.

которые тоже были ангелами. От этого у меня сначала немного кружилась голова.

При моей любознательности, которую вы хорошо знаете, небеса представляли для меня большую привлекательность, потому что я надеялся разрешить здесь все загадки природы, которые я романизировал на Земле — написал о некоторых из них романы. Я испытывал неутолимую жажду знаний, поэтому я обрушил поток вопросов на первое же существо, которое я встретил. Какова природа эфира? Каково решение квадратуры круга? Существует ли вечный двигатель? На Северном полюсе суша или вода? И так далее... Я даже не заметил, что я всего лишь рогатый жук для сверхразумных и по сравнению со мной всезнающих существ. Наш разговор, должно быть, выглядел очень смешно, потому что я слышал смешки поблизости от себя. Неужели здесь тоже смеялись? Я вздохнул. Это были два господина, настоящего, земного смеха которых здесь давно уже не было слышно. Я посмотрел на них, они показались мне удивительно знакомыми.

— Вы не узнаете меня, мистер Верн? — весьма оскорбительным тоном спросил один из них. — Меня зовут Капитан Немо.

— Капитан Гаттерас, — с поклоном представился другой.

— Как? — совершенно захваченный врасплох, воскликнул я. — Разве вы не герои, которых выдумал я?

— Не существует никаких выдумок, — улыбнувшись, сказал Капитан Немо. — Человек может представлять собой только то, что уже существует вне его мозга. Я и мой друг Гаттерас старше вас и уже действовали в других романах, когда вы в своей банке с сардинами, полной фантазии, сочиняли свой первый из них.

Я был немало поражен. Но эта встреча имела для меня большое практическое значение, потому что сейчас у меня было двое надежных провожатых, наставников и почитателей. Моей же первой задачей было довольно быстро привыкнуть к почитанию или поклону. Вы бы сказали: акклиматизироваться. К сожалению, мой рот закрывает рука. Я не могу убрать ее, как бы мне хотелось, иначе я могу немного приоткрыть вам глаза. Так что удовлетворитесь некоторыми намеками. Подумайте о том, что мои друзья были почти всезнающими.

— Напротив, — продолжал Капитан Немо, — мы большинство своих земных знаний сдали в гардероб. Мы до поры до времени чистые существа, которые состоят почти из одной мудрости. Мне кажется, что человек является в мир увешанный всевозможными орденами: за каждое достойное деяние в жизни получает разрешение повесить себе новый орден. За спасение жизни он вешает себе медаль за спасение, за покорение Порт-Артура...

— Верно, — согласился Капитан Гаттерас. — В аду еще ничего неизвестно, на Небесах уже больше ничего неизвестно. Мы оба уже

почти все забыли. Мы должны вообще все забыть. Вы тоже все забудете. Привыкнете к нам. Все — привычка. Естественный ход событий — привычка и сверхъестественный — тоже.

— Итак, все мои земные знания были ненужными?

— Почти.

— Но некоторые вещи ведь верны всюду! Ведь существует же, по крайней мере, математика.

— Это — самая большая ложь из всех!

— Но дважды два при всех обстоятельствах четыре! Даже на Небесах!

— Ни в коем случае!

— Ах, так! Сколько же тогда?

— Вы должны сами узнать это. Здесь каждый должен узнать все сам.

— Но ваше незнание имеет больше содержания, чем может иметь земное знание, — добавил другой. — Что могло знать трехмерное существо?

Молния понимания сверкнула у меня в голове.

— Ах, так! Действительно существует четвертое измерение?! Это не сон мечтателя, не бред больного?.. Разве может быть на Небесах четвертое измерение? И я поднялся в него? Ну тогда я у цели своих возможностей. Во всяком случае, я рад, что я буду жить вместе с двумя своими старыми друзьями...

— Со мной — нет, — сказал Капитан Немо.

— Со мной тоже — нет, — произнес Капитан Гаттерас.

Я был поражен. Вдруг у меня словно пелена с глаз упала. Перед моими глазами ярко вспыхнуло, и я воскликнул:

— Ах! В конце концов, не принадлежите же вы к пятому измерению?.. Нет, это же невозможно! Четвертое измерение, во имя Бога... но пятое... совершенно невозможно! При всей моей известной фантазии невозможно!

— Мы и в самом деле не принадлежим к пятому измерению, — сказал Капитан Немо.

— Так я и знал! — с триумфом воскликнул я.

— Но я из шестого, а Капитан Гаттерас — из семнадцатого измерения.

Я с открытым ртом уставился на него. Меня охватило чудовишное головокружение. Все вращалось, как в мчащейся карусели, в которой сидело мое сознание, и я потерял сам себя. Невообразимо! По ту сторону дважды двух. По ту сторону этого места и потустороннего мира. У меня было такое чувство, словно я падаю в бездонную пропасть, только не вниз, а вверх. Я непроизвольно посмотрел вверх. Но я вынужден был тотчас же закрыть глаза за броневыми пластинками и боязливо вцепился в Капитана Немо. Но тот дрожал всем телом, как от удара, хотя в этом мире не могло быть никакой

силы удара. Дрожало вообще все вокруг, дрожало вверх и вниз, в каком-то музыкальном ритме. Я имел смутное представление о вибрации атомов... Но это, должно быть, была она. Много больше! Для этого не было слов ни в одном земном языке.

— Что это было? — спросил я спустя некоторое время, которое я не смог измерить. Мои голосовые связки с огромным трудом издавали звуки. Капитаны молчали.

— Это был... Бог? — прошептал я в своей наивности.

Они, словно окаменев, посмотрели на меня. Разве я произнес богохульство? Но моя глупость и любопытство заставили меня задать новый вопрос:

— Это был... архангел? — собственно, я хотел спросить о другом высшем существе, но, честно говоря, мужество мое почти иссякло. Я начал чувствовать себя здесь потерянным. Меня так обсыпало солнечной пылью, что у меня появился недостаток мужества и смелости.

Прошло довольно много времени, может быть, два земных часа, прежде чем мы трое собрались снова и восстановили равновесие.

— Это было... — сказал Капитан Немо все еще дрожащим голосом. — Э-э... присутствие... случайное появление чего-то из еще более высшего измерения.

— Еще более высшего! — вскричал я. — Насколько более высшего?

— Мой теперешний глазомер, — сказал Капитан Немо, — моя настоящая способность видеть измерения простирается только до 724 измерения...

Я рухнул, потрясенный, словно молнией пораженный. Я не знаю, как долго я лежал без сознания. Когда я очнулся, он закончил фразу:

— ...это я вижу ясно. А приблизительно я могу уже измерить 1198 измерений. Что вы об этом думаете, капитан Гаттерас? Вы же выше меня на целых 11 измерений.

— Я думаю, — сказал тот, кого спросили, — что это было что-то из измерения на 3003 выше нашего, потому, что это находится на пределе моих возможностей. Оттуда и ниже я все вижу ясно.

— Так что это намного меньше, чем Бог, — сказал я вполголоса, — и, кажется, это даже не ангел... только обычный святой, который теперь вернулся домой за 3003 измерений. Точное местоположение его жилища мы трое определить не можем.

— Ничем не могу вам помочь, — сказал Капитан Немо и умыл руки в чем-то, что могло быть только невинностью.

— И вы знаете, — собравшись, продолжил я, — что когда я это заметил, моей внутренней мыслью было, что это явление не может быть божественным... Это мелькнуло в моем органе догадки: может быть, это Адам!

Оба капитана с улыбкой переглянулись.

— Я вижу, что вы все еще мыслите концентрическими категориями,— сказал Капитан Немо.— Вам все еще кажется, что ваша маленькая Земля является центром Вселенной.

— И что ваш старик Адам не только первый человек, но Первый во всей иерархии людей, человекоподобных и обладающих человеческими возможностями.

— Я могу так думать! — гордо воскликнул я.— К сожалению, я так и не смог его увидеть, но он, конечно, уже принадлежит к 5000 измерению, в то время как мне еще предстоит попасть в четвертое.

— Утешьтесь,— усмехнулся Капитан Гаттерас.— Ваш прародитель все еще принадлежит четвертому измерению. Заверяю вас, все две тысячи лет! Он пройдет немного дальше, выберется в пятое измерение, и это все. Вы хотите его видеть?

Я с восхищением согласился. Какое счастье познакомиться с таким знаменитым и уважаемым человеком. Он же должен бродить здесь среди других святых, как Бог!.. Вскоре мы двинулись с места, это значит, я перешел в то загадочное состояние, которое является здесь эквивалентом движения. Мне не хватает рудиментальных технических выражений, чтобы описать четырехмерную физику. Прошел некий интервал... я нарочно не говорю «время», потому что не знаю, чему здесь соответствует эта категория. Мы, кажется, куда-то двигались, хотя мы ничего для этого не делали. Внезапно я остановился и снова стал видеть — но не глазами. Я увидел человека в одеянии иезуита... я узнал его, потому что однажды видел его портрет в «Иконографии Женераль».

— Как сюда попал Торквемада? — воскликнул я.— Этот тиран и сжигатель еретиков? Это чертово отродье в небесной обители!

— Почему нет? — возразил Капитан Гаттерас.— Он же не грешник. Может же человек не быть грешником. К греху относятся как к преступлению, измене. Сознание, намерение, желание. Это те вещи, которых у человека нет. Или есть в таком бесконечно малом количестве, что они практически незаметны. Человек — это микроб в микрокосмосе, рассматривая с точки зрения космоса, он отвечает за свои поступки не более, чем тифозная бацилла, от которой умирает больной. Почему же бацилла Торквемада должна жариться в аду? В ад, возможно, попадают другие типы людей... Вы же все еще мыслите антропоцентрически и считаете человека центром всех интересов, существом — венцом творения. Отвечайте от этого как можно быстрее, если хотите выглядеть как можно более интеллигентным... Ну, вот мы уже на месте.

Мы преодолели некое пространство... или лучше сказать — интервал. Нельзя же знать, какую бессмыслицу говоришь, произнося здесь «пространство». Я действительно уже забыл всю таблицу умно-

жения. Мы стояли на краю долины — нечто вроде естественного цирка, с зеленой травой и деревьями. Долина была необозримо огромна и терялась за далеким горизонтом. И она была наполнена плотной толпой людей.

— Здесь, должно быть, теперь 17 миллионов человек, — указывая вниз, сказал Капитан Гаттерас. — Ваш Адам тоже там, внизу. Вы встретитесь с Первым Человеком.

— Кто же это — все эти обнаженные люди? — изумленно спросил я.

— Исключительно Адамы, — ответил он, подавляя смех. — Исключительно Первые Люди, исключительно прародители рода человеческого с 17 миллионов таких же планеток, как ваша Земля. 17 миллионов Адамов. Теперь, если угодно, ищите своего Адама.

— Голые земные черви, — сказал Капитан Немо. — Нагота как мундир. Фиговые листки они сдали в гардероб. С вами произойдет то же самое. Ну, отправляйтесь туда и... созревайте. Знания, которыми вы лакомились с этого дерева, скоро снова будут вами забыты. Они не были истинными.

Если бы я не был уничтожен до этого, то теперь я был бы... Но я вижу, что это не выразить земным языком. Потому что на нашей Земле нельзя вообразить несуществующее или ничто. Но я в это мгновение чувствовал именно это. Я воздел руки к небу и простонал:

— О, солнце!

Так как я больше не мог сослаться на Землю, я непроизвольно обратился к высшей математике.

— Не зывайте к Солнцу, — сделал мне замечание Капитан Немо. — Ваше Солнце — это не солнце.

— А что же тогда? Всего лишь планета?

— Даже не планета... Всего лишь Луна.

— Солнце — всего лишь луна? — вскричал я в полном отчаянии прирожденного и воспитанного гелиоцентриста.

— Луна планеты из системы Солнца, которое я сам не могу видеть. Капитан Гаттерас тоже не видит его. Оно находится по ту сторону существующей для нас точки исчезновения. Как далеко по ту сторону? Как вы думаете. Капитан Гаттерас, это нечто из... измерения, выше 3003, которое вас так напугало, видит достаточно далеко, чтобы различить это солнце? Я сомневаюсь в этом.

— Я тоже, — ответил Капитан Гаттерас.

Однако на сегодня достаточно, дорогой друг. На этот раз я хотел дать лишь слабое представление о непостижимости того, на пороге чего я здесь стою. Через очень маленький глазок я смотрю вниз, в бесконечность, и жду, пока у меня не появится чувство, которым я смогу охватить ее всю.

Всего хорошего, привет вам от бесконечно запутавшегося, значительно уменьшившегося Жюля Верна.

Жерар Клейн

ОДЕЖДА НЕССЫ

За стенами Толы, кристаллического оазиса, происходит много странного. Странности прячутся также в легком прозрачном небе Марса за плоским пустынным горизонтом, где исчезают неверные очертания караванов, тянущихся на юг в поисках легендарных сокровищ гор. Но даже улицы Толы, пролегающие между новейшими или древними зданиями, выглаженные и отполированные ветрами, вначале разочаровывают туристов, прибывших из глубин Вселенной, с далеких звезд или просто с Земли, потому что они пусты и безлюдны, за исключением некоторых определенных дней. Мимо скользит туземец, закутанный в складки песчаной мантии. Распахивается одна из дверей, в треугольном отверстии окна движется лоскут материи, одна из кристаллических башен поет на ветру, а в скрытых подземных пещерах иногда слышится журчание воды, жизненного сока Марса. Так проходят часы.

Но в Толе с незапамятных времен совмещается множество

миров. В первую очередь мир Марса с его выродившимися патрициями, которых очень редко увидишь на площадях города и которые привыкли проводить дни, играя тенями своих пестрых металлических жезлов. Потом мир Земли, старый, застывший, несколько запыленный мир, который старается остаться верным самому себе в попытках сохранить достоинство и выделиться среди марсианских патрициев; иногда он приходит в Толу, чтобы перенять опыт у марсиан, а взамен предложить свой, несомненно, уже несколько устаревший опыт, которым все еще могут воспользоваться молодые силы Галактики. Но без звездожителей, без их бьющих через край сил, их легкомыслия, их наивного восхищения всем древним, их несколько вульгарного юмора, их пользующейся дурной славой, но все же процветающей торговли, их открытой грубости и удивления множеству разных вещей, без их богатства Тола давно бы уже лежала в руинах, Марс был бы мертвым миром, а Земля — каменными развалинами. Но звездожители посещают Толу небольшими жизнерадостными компаниями, и кажется, что они бегут в глубину марсианского города от какого-то неведомого здесь строгого закона и что на краю большой пустыни, на этом мысу Космоса, они ведут изнурительное существование.

Здесь, рядом, бок о бок живут странные расы, ссорясь или игнорируя друг друга. И некоторые говорят, что тишина улиц Толы всего лишь обманчивая маска, скрывающая муравьиное кишение жизни в зданиях и кристаллических башнях. За отсутствием машин и летательных аппаратов, которое сначала удивляет туристов, скрывается великолепная технология, прячущаяся в таинственных уголках этого города-чудовища. Дюжина старых ученых, давно уже забытых, все еще практикует здесь. Иногда кажется, что внезапно появляются существа, невозможные в данном измерении, космопорт с рядами космических кораблей и туристы в пестрых одеждах. Тола, как и монета, город с двумя сторонами. Тола напоминает платье, которое можно вывернуть наизнанку.

Оба парня уже некоторое время следовали за девушкой. Один из них был блондином, другой — несколько рыжеватым. По их одежде и резким чертам лица видно было, что это звездожители.

На поясах у них было миниатюрное, но опасное оружие, запрещенное на Земле, и хотя терпимое на Марсе, но внушающее подозрение. Они заметили девушку, когда она пересекала площадь, на которой триста пятьдесят лет назад землянин по имени Вохин по заданию своей планеты заключил союз с патрициями. В память об этом соглашении на площади день и ночь журчал маленький источник, что, конечно, не слишком впечатляло парней, потому что они были родом с планеты, на которой имелся даже океан. Но их это мало заботило. Они увидели девушку, сидящую на краю источника и расчесывавшую свои голубые волосы нежными паль-

цами, иногда касаясь высокого выпуклого лба, и делавшую вид, что не замечает их, и она им понравилась. Когда они подошли ближе, она встала и медленно свернула в соседний переулок. Ее уход рассердил парней, так как им было непонятно, почему девушка на Марсе избегает их, тем более, что она, очевидно, не принадлежала к семье патриция. Она была одета в странное слишком длинное платье, сделанное из единого куска материи, складки которого выгодно обрисовывали ее фигуру.

Ничего не говоря, они последовали за ней, так как им не были нужны слова. Иногда они охотились так на других мирах, в конце концов убивая жертву, не обменявшись с ней ни единым словом. Самоуверенные, они гордились своим происхождением, одеждой, оружием, богатством и силой, с презрением отзываясь о жителях старых планет, которые их обучили, хотя устраивать охоту на марсиан они бы не осмелились, даже если бы им этого захотелось. Трусость начиналась там, где они чувствовали себя бессильными. Но девушка, по всей видимости, не была марсианкой, хотя им, в сущности, было глубоко безразлично, откуда она прибыла. Главное, что здесь она была чужой, поэтому риск был минимален.

Они преследовали ее в путаном лабиринте улиц Толы, не ускоряя шага и не опасаясь заблудиться, потому что в поисках приключений им приходилось часто забредать в различные оазисы. Прежде всего они молча удивились тому, что ни на улицах, ни в зданиях вблизи космопорта, где парни методично поглощали несколько провинциальных кушанья, они еще ни разу не встретили девушек.

Им было скучно, поэтому они и преследовали девушку. На Марс, в Толу, они прибыли после долгого путешествия, во время которого посетили огромное количество миров, изучая обычаи и пороки, тщеславие и слабости их народов, которых позднее будут бессовестно эксплуатировать в качестве детей элиты, принцев колоний. Но самым важным для них было жить и учиться. В их коллекции еще отсутствовали воспоминания о Марсе, а теперь в этих воспоминаниях будет еще и девушка.

Она пока не решилась бежать, что очень раздражало их, ибо они любили преследование и отчаянное сопротивление; в этом случае в их победе было что-то пряное. Жители Толы не интересовались такими инцидентами, патриции никогда не ходили по улицам, туристы заботились только о людях своих миров, а у полиции космопорта были более важные дела, чем забота о безымянной девушке, которую хотят изнасиловать.

Светловолосый Жалмар обогнал Марио. Охота ему нравилась больше, чем жертва. Когда он увидел, что девушка исчезла в одном из кривых переулков на краю города, его охватило сожаление. Вскоре они добрались до стен города и сдались, увидев невозможность преследования, потому что у этих стен был только один выход,

защищенный от любых ветров. Тола знает только одного врага, если не считать тех, кто приходит с неба и от кого не защитят никакие стены, и враг этот — песок. На улицах не найдешь ни одной песчинки, хотя песчаные дюны окружают стены, которые время от времени приходится очищать.

Теперь первым бежал Марио, надеявшийся схватить девушку у одного из поворотов, но, когда он почти уже настиг ее, она внезапно ускользнула. Марио обернулся и улыбнулся Жалмару. Началась настоящая охота.

Но они были разочарованы, когда после примерно ста шагов девушка свернула и, оказавшись в конце крутого переулка, исчезла. Переулок теперь был лишь узкой щелью между двумя белыми гладкими стенами, которых можно было коснуться, расставив руки в стороны. Из-за этой белизны здесь господствовала молочная полутьма. Оба они ускорили шаги, и Марио бросился вперед. При этом их возбуждение удвоилось, и они почти вбежали в портал. Затем обернулись. Портал состоял из треугольного отверстия, начинавшегося на уровне колен и достаточно высокого, чтобы в него мог войти пригнувшийся человек. Это отверстие вело в один из марсианских садов, каменный сад. Они рассмотрели сад через это отверстие и, увидев, в каком он состоянии, не колеблясь, вошли в него. Ни один патриций не позволит нарушить хрупкую гармонию собранных в пустыне кристаллов, следовательно, дом населяли чужаки.

Удивление парней было настолько велико, что они забыли о своей потенциальной добыче, а охотничья лихорадка сменилась жаждой открытий. Медленно и осторожно шли они по аллеям, где каждый камень обладал тонкими и изысканными формами, осторожно, так как их тяжелые шаги нарушали первоначальную гармонию сада. Марио пальцем переломил ответвление одного из кристаллических образований, поднимавшихся перед ним, и застывший цветок раскололся и распался в тишине — миниатюрная катастрофа, передававшаяся от вершины к вершине по мере того, как распадалась молекулярная сеть.

Взгляд Марио упал на смущенно улыбавшегося Жалмара. Все здесь было очень старым, только еще фасад держался, но как долго он простоит? Каменный сад был отражением Толы.

Что-то пошевелилось, блеснув золотым, и привлекло внимание Жалмара. Между камнями в непрерывном ритме сновали насекомые или причудливые механизмы, оставляя за собой блестящие следы. Эти насекомые или автоматы вносили движение в безжизненность сада. Может быть, это были стрелки, отсчитывающие неравномерные часы? Марио покинул было аллею, но Жалмар удержал его и пальцем указал на треугольное отверстие, подобное тому, через которое они проникли сюда.

— Девушка, — сказал он.

Марио отступил.

Она не могла бежать ни через какой другой выход, потому что, как говорили древние саги, узоры арабесок, линий и кристаллов были вратами, ведущими на другие континенты. Она отважилась проникнуть во дворец, хотя была чужой, а это значило, что патриции здесь больше не живут. Однако они несколько секунд помедлили перед темнотой отверстия, которое обозначилось так резко, словно было нарисовано на побеленной мелом стене, и тысячи жутких историй звучали в их ушах, но потом решительно проникли в черную пещеру. Внезапная тьма подействовала на них, как холодный душ.

Вытянув руки, они наощупь пробирались вперед, натываясь на резкие повороты лабиринта, извивающегося в недрах дворца. Стены наотрез отказывались пропускать дневной свет, и даже тогда, когда оба молодых человека поворачивались, они не могли заметить ни единого проблеска света. Марио, шедший впереди, осторожно ощупывал пол.

Наконец над их головами посветлело. Дневной свет просачивался с невероятной высоты между серыми стенами и образовывал зигзагообразную линию в небе над узким ходом. Теперь они бежали по песчаному ковру.

Стены разошлись, стали ниже, и лабиринт превратился в вытянутую спираль. Марио ринулся вперед, но внезапно остановился, и если б Жалмар не помог ему, упал бы. Из кучи тряпья высунулась палка, перегородившая ему путь на высоте лодыжек. Тряпье задвигалось с церемонной медлительностью. Палку держала рука, напоминающая высохшую ветку. Марио собрался переступить это, но Жалмар оттолкнул его в сторону. Они без труда могли силой проложить себе путь во дворец, но должны были пощадить этого стража.

— Где девушка? — спросил Марио.

Белые глазные яблоки, такие неподвижные и бесцветные, что казались слепыми, уставились на него. Лицо было цвета выцветшей слоновой кости, как и тело, только голубоватая сетка морщин покрывала его, искажая черты. Сухие губы открылись, словно клюв. Только теперь Марио заметил, что у руки, сжимающей палку, только три пальца и что большой и указательный пальцы, державшие палку, казались, вросли в нее, словно корни в камень.

— Приветствую вас, — сказал старик. — Вы молоды, и жизнь ваша будет долгой и приятной.

— Девушка! — гневно воскликнул Марио, и Жалмар обнаружил, что в этом месте, несмотря на множество стен, совершенно нет эха.

— Вы не должны этого делать, — сказал старик. — Вы должны жить. Вы находитесь под приносящей несчастья звездой.

Марио злобно усмехнулся и опустил ногу на палку, та треснула.

— Девушка,— повторил он, словно знал только одно это слово из всего старого языка.— Я не боюсь ее и заплачу ей, понимаешь? Она не марсианка, и я куплю ее.

— Брось, Марио, мы сами найдем ее,— сказал Жалмар, которому все это было неприятно.— Он, вероятно, ничего не знает. Марсиане не заботятся о чужаках.

— Это верно,— ответил старик.— Я думаю, здесь никто не знает, куда она пошла. В ней поселился демон.

— Оставь его,— вновь повторил Жалмар.— Ты же видишь, что он ненормальный.

Марио еще раз безжалостно наступил на палку и сломал ее. Жалмар вздрогнул, так как ему показалось, что он услышал хруст костей.

— Я иду один, а ты теряя время на разговоры.

Марио с отвращением тряхнул головой и последовал за ним. Прежде чем свернуть за угол, Жалмар оглянулся еще раз. Старик обхватил голову руками. Это был жест глубокой печали. Секунду спустя он спросил себя, какую судьбу может оплакивать этот гротескный страж оскверненного дворца.

Двор поглотил их. На этот раз это был больше не сад, хотя пол здесь также покрывал серый песок, который был тоньше, чем песок дюн, словно его когда-то просеяли двенадцать раз после того, как извлекли из какой-то дальней песчаной ямы и принесли сюда. Теперь они находились во внутреннем дворе дворца, и в шести белых стенах, окружающих их, на неравномерных расстояниях друг от друга находились треугольные ниши, связанные друг с другом переплетениями трещин.

Глаза инстинктивно искали симметрию или четкие линии, словно исследуя звездное небо, но архитектор намеревался спроецировать на стенах имена могущественной семьи, потому что ниши, темные пещерки и связывающие их тянущиеся до самого низа арабески образовывали буквы. Время отложило на них свою печать, и опорные балки, которые в некоторых местах заменяли рухнувшие арки, окончательно скрадывали и уничтожали намерения строителей.

Посреди двора стояла чаша, в которой находилось немного голубого песка, а из ноздрей шести скульптур текли струйки воды.

— Руна Харин!— воскликнул Марио.— Знак несчастья!

Она находилась на высоте шести или семи метров.

Марио снова ринулся вперед, и Жалмар снова удержал его, протянув руку к поясу, где находилось оружие. В нишах двигались нечеловеческие существа.

Все взгляды были направлены на них. Из-за полосатой материи высывались морды. Нечто черное, червеобразное наверху, на стене, шелкнуло, словно удар бича. На внешнем крае стены блестели раскачивающиеся взад и вперед глаза.

Марио вытащил оружие, но Жалмар положил на его руку свою, и Марио опустил ствол. Слишком много глаз выглядывало из ниш.

— Нет,— сказал Жалмар,— убери оружие.

Марио заколебался. Теперь он охотно бы убрался отсюда, но Жалмар сдаваться не хотел. Когда под их ногами заскрипел песок, вокруг поднялся гам, состоящий из резких криков, пыхтения и свиста, из короткого и хриплого рева, прерывистых вздохов, серебристого звона и повизгивания, из шепота слов, которые непрерывно произносились на дюжине языков.

— Ты понимаешь, что они говорят? — прошептал Марио.

Жалмар молчал.

— Они говорят о грозящей опасности и предупреждают нас.

— Ну и что? — спросил Жалмар и еще раз посмотрел на знак Харина.

Гам стих. На их плечи давила тяжесть дворца. По стене поднималось сложное мягкое переплетение песчаных лиан, издали похожее на помост, которое связывало друг с другом две или три ниши, а также альковы со знаками Харин. Жалмар ногой проверил прочность переплетения стеблей. Оно задрожало, но его вес выдержало.

— Она наверху.

— Я иду первым.

Они чуть было не заспорили, но Жалмар настоял на своем, так как относился с известной снисходительностью к Марио и его легкомыслию. Сыну торгового принца было полезно доказать, что он ничего не боится. Особенно девушки. В космосе зачастую преодоление страха означает спасение жизни. К тому же он решил первым проникнуть в пещерку и обнаружить девушку.

Ловкий, как кошка, он карабкался вверх по раскачивающимся стеблям, улыбаясь Марио, который следовал за ним. Потом он увидел светлое пятно, которое двигалось, а когда его глаза привыкли к темноте, он рассмотрел одежду, словно бы из гладкого меха. На каменной скамье сидела девушка, которая при виде их спрятала лицо в ладони. Сжатые ладони были похожи на гигантские веки.

Марио приблизился к ней и без всякой грубости протянул руку, но она бросилась на него, укусила и попыталась бежать. Потеряв голову от гнева, он схватил ее и швырнул назад, на скамью. Крепко сжав ее руки, он попытался сорвать с нее одежду... и тут же вскрикнул.

Жалмар увидел, как кровь отхлынула от лица Марио, потом девушка прекратила сопротивление, а рука Марио постепенно исчезла в мехе, проглоченная вздрагивающей одеждой. Все его попытки освободить руку были тщетны. Почти обнаженная, девушка смотрела на него застывшими глазами, а он, отпустив ее запястье и тяжело дыша, со стоном боролся с одеждой, которая перемалывала его.

Жалмар медленно и робко, как во сне, двинулся вперед. Он схватился за одежду и хотел сорвать ее, но она обхватила его пальцы. Одежда была живой, но прочной и эластичной, как металлическая фольга.

Девушка бросилась на Жалмара и гневно ударила его, заставляя отступить. На ее руке был черный знак. Теперь она была обнажена, но Жалмар способен был слышать только жуткий треск и свист воздуха, вырывающегося из легких Марио. Внезапно он увидел кровь, выступившую на конвульсивно стягивающейся одежде, и закричал, пытаясь разбудить уже замолкшего Марио.

Потом он опустил глаза. Одежда, как плоский червь, ползла прочь, возвращаясь на плечи девушки, а то, что теперь лежало на земле, больше не было Марио — это была беловато-пурпурная, бесформенная кровавая медуза, из которой торчали белые обломки костей.

Жалмара вырвало. Придя в себя, он посмотрел на девушку полными слез глазами, потом на окровавленный мех и, повернувшись, с разбега прыгнул в пустоту.

Он ждал, ждал часы и бесконечные дни, плавая в теплой, асептической жидкости, потому что у него было сломано более ста костей. Когда он очнулся от долгой ночи анестезии, ему показалось, что он чувствует, как потолок давит на него; он громко завопил или просто подхватил старый вопль. Его успокоили и положили в ванну с жидкостью.

Он помнил, что обязан своей жизнью девушке, которая сообщила о нем посту охраны. Странно — она даже не посмотрела в его сторону. Он не знал, как все это произошло, но, по его мнению, она хотела избежать неприятностей. Вероятно, во время анестезии из его мозга была извлечена вся информация, как это обычно бывает, когда происходит несчастный случай с летальным исходом. Ответственность за это лежит только на Марио и на нем самом. На них, очевидно, условно было наложено наказание, о котором он никогда больше не услышит, так как по марсианским законам этого было достаточно.

Иногда он тосковал по девушке, но потом обнаружил, как относительно и ненадежна память, которая вместо воспоминаний хранит лишь слабые их следы. Он часто пытался спросить себя, увидит ли ее когда-нибудь еще и кто она такая, но с его губ не слетало ни слова, потому что он чувствовал, что если заговорит о ней, психологи, заботящиеся о нем, будут разочарованы. Проходили часы и дни. Иногда для него на стену проецировали картины Марса или других миров. Ему все еще нравилось думать о голубых волосах девушки. Он закрыл глаза, и она явилась к нему обнаженной, с одеждой у ног, а от ее кожи исходил мягкий, холодный свет, перед которым отступает ночь.

Когда его вынули из бассейна, ему пришлось снова учиться ходить, а потом, поддерживаемый и ведомый автоматом, он снова коснулся ногами жесткой поверхности улиц Толы. Он поспешил в порт, в квартал звездожителей, где ему помогли и оставили, чтобы он мог снова найти глухие стены оазиса.

Все странные желания, снедавшие его до сих пор, исчезли. Иногда он спрашивал себя и сам удивлялся вопросу, вернется ли он когда-нибудь в беспокойный и шумный мир, на свою родину. Исчезнувшие желания были мертвы, словно они принадлежали Марио и угасли с его смертью. Он удивился, обнаружив на стене нацарапанные руны Харин. Они были перед стеклянными воротами. По ту сторону находились дюны мягкого цвета выбеленных костей.

Марс поглотил его силы.

Когда он снова мог нормально ходить, то стал искать сад. Он нашел его, но двор был пуст, а на земле лежали обрывки материи. Чудовища, жившие в нишах и на стенах, бежали, вероятно, опасаясь мести звездожителей. Тогда он начал блуждать по городу. Он знал, кого ищет.

Прошло время. Скоро ему нужно будет улетать. На космодроме был уже подготовлен космический корабль с его эмблемой и окрашенной черным эмблемой Марио. Каждый день, но в разное время, он возвращался на площадь Вохин, смотрел, как льется вода в бассейн и волны медленно, почти неподвижно образуют круги вокруг струи.

Однажды он увидел девушку. Она шла, повернувшись к нему спиной, и длинная одежда невероятным образом прижималась к ее телу.

Он подошел к ней, слыша скрип своих сапог, но ее не коснулся, а когда хотел поздороваться с ней, из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Он попытался заговорить на древнем марсианском языке, но слова лишь неловко катились у него во рту.

— Я искал вас,— сказал он угрюмо, сознавая свою беспомощность.

— Зачем? Чтобы убить меня?

— Чтобы... чтобы поблагодарить,— ответил он и тут же, как под принуждением, спросил:— Вы не марсианка?

Она покачала головой, казалось, что-то вспоминая.

— Нет.

Руки ее отпустили край бассейна, и она сказала ему:

— Я счастлива, что вы не умерли.

Она взяла протянутую руку, и его пальцы коснулись одежды. Ему показалось, что мех вздрогнул, и у него появилось желание схватить его, но воспоминание о Марио удержало. Он с трудом преодолел нахлынувшее чувство отвращения. Внезапно девушка крепче схватила его руку, потянула ее и положила на мех, а он без

сопротивления повиновался. Ему показалось, что к его ладони прижался рот, словно доверчивый, беспомощный зверек молил его о ласке.

— Она защищает меня,— сказала девушка.— Она живая и принадлежит мне с самого моего рождения.

Он обшарил память, но напрасно. Ни во время обучения, ни из рассказов других путешественников он не слышал ни о чем подобном. Потом появилось размытое воспоминание о мифе, связанном с волнующими и жуткими событиями. Туника Несса. В древнем мифе она разорвала героя и пожрала его.

Жалмар неожиданно спросил:

— Как тебя зовут?

Она заколебалась.

— У меня нет имени. Почему у меня должно быть имя? Я единственная в своем роде.

— Единственная? — недоверчиво повторил он.

Он уставился на ее голубые волосы. Это не было краской. Корни их были темными, цвета драгоценного камня. Может быть, она говорила правду. Вместе со своей одеждой она была высажена на этом песчаном берегу, сказал себе Жалмар, после неудачного путешествия в космосе или во времени. Она прибыла ниоткуда.

И поэтому вскоре он подарил ей древнее марсианское ожерелье, найденное в треугольной тени маленькой лавчонки. Она надела его на шею и больше не интересовалась им. Он был уверен, что красота камней ожерелья была ей безразлична.

Они никогда не говорили о Марио и редко — о других вещах, потому что их взаимное доверие основывалось на молчании. Девушка не обращала внимания на общество Жалмара так же, как раньше не обращала внимания на свое одиночество. Он встречался с ней в условленные часы у источника, приносил ей мед, хлеб или наполненный молоком сосуд, который извлекал из потайного кармана. Иногда ее равнодушие приводило его в отчаяние, иногда оно почти льстило ему, потому что он чувствовал, как его притягивает ее неприступность и невозмутимость. Казалось, ее ничто не касалось: ни угрожающие ей опасности, ни чувство, которое он испытывал к ней. Словно одежда была броней, закрывающей не только ее тело, но и душу.

— И чем живет эта одежда? — спросил Жалмар однажды.

— Мной.

Они сидели одни в заброшенном саду. Она научила его обнаруживать эти сады по множеству незаметных признаков, и теперь он знал, сколь многочисленны они были и как близка Тола к смерти за своей каменной маской. Изящные кристаллические ветви искусственного дерева дрожали на ветру. Девушка завернула одежду, и Жалмар увидел на внутренней стороне ее локтя три продолговатых

пятна. Он в первый раз увидел изнанку одежды, которая напоминала тонкую, голубоватую, пронизанную сосудами кожу. Из края на него уставились, словно глаза, три крошечных отверстия.

— Она причиняет тебе боль,— сказал он испуганно.

Девушка слегка улыбнулась, опустила одежду и обнажила левое плечо. Жалмар увидел над грудью такие же пятна, и у него снова появилось ощущение, что одежда наблюдает за ним. Три глаза уставились на него, а в тело девушки, словно присоски, вцепились три рта.

Он вызвал из своей памяти все, что ему было известно о проблеме симбиоза, и его мозг пронзила мысль, достойная его предков. Нужно узнать, откуда этот мех. Хотя он был простым и тусклым, жены богатых звездожителей пожертвуют всеми своими драгоценностями, чтобы его приобрести. Таким образом они смогут совместить свою любовь к мехам и домашним животным. Он спросил себя, не посеют ли эти одежды равнодушие, распространившись по всей Галактике, но тут же гневно отбросил эту мысль, так как был почти уверен, что нигде больше не существует второй такой одежды и девушки с голубыми волосами, как бы ни невероятно было это представить во Вселенной, где каждый индивидум — лишь отображение своего вида.

— Я хочу дать тебе имя,— сказал он нетерпеливо, словно таким образом можно было ее отметить.— Несса, ты — Несса.

— Несса,— без всякого выражения повторила она.

Он понял, что имя, как и ожерелье, было чем-то наносным, не проникавшим в ее плоть.

Тем временем корабль был почти готов к старту. Вообще-то, подготовку к путешествию можно было давно уже завершить, но Жалмар, которому совсем не хотелось покидать Марс, все время искал причины отложить старт. В своем жилище он создал точное подобие марсианского сада, и существа, похожие на насекомых, переливаясь, медленно, но неуклонно прокладывали там свои пути.

Вскоре он заметил, что Нессе ненавистна сама мысль потерять его, и он, поскольку она не была марсианкой, решил взять ее с собой, тем более, что никто ему в этом не препятствовал.

Жалмар во второй раз повел ее в космопорт и показал корабль. Она осталась равнодушна, но когда он сказал ей, что должен скоро улететь, она взяла его за руку. Во время второго посещения он провел ее внутрь и показал марсианский сад. Он мог бы движением руки дать знак стартовать и увезти ее, но это ему претило.

— Я хочу увидеть космос,— сказала Несса.

Жалмар дал знак, стены исчезли, и над ними открылось почти черное марсианское небо, а под ними находился оазис, в котором в свете двух лун блестили кристаллические своды и арки. Девушка

повернулась к нему, и впервые в ее глазах вспыхнула настоящая радость. Она улыбнулась такой улыбкой, сказал себе Жалмар, думая о невероятной планете, с которой она прибыла, с какой, должно быть, приветствует открытое море потерпевший кораблекрушение после долгого пребывания на острове под названием «Одиночество». И в это мгновение все равнодушие спало с нее, и в невидимой стеклянной оболочке, которая защищала ее на Марсе, появились трещины, она лопнула и разлетелась, упав к ее ногам. Жалмар почти услышал хрустальный звон этих осколков равнодушия, которое так соответствовало марсианским садам.

Она приблизилась к нему, наклонила голову и приоткрыла губы. Он запустил пальцы в ее голубые волосы и притянул к себе, но она, играючи, оттолкнула его к песчаной чаше, украшающей сад, и, стоя, сбросила одежду. Жалмару показалось, что ей понадобилось усилие, чтобы снять ее, и он увидел на плече, над грудью, три крошечные капельки крови.

— Я люблю тебя,— сказала она.

Он приблизился, но, подумав о Марио, заколебался. Одежда упала позади нее темной бесформенной массой, и на ней осталось только сверкающее марсианское ожерелье, а над ее грудью и на сгибе локтя — шесть крошечных рубинов. Он осторожно уложил ее на песок, назвал Нессой и сказал, что ее кожа гладка, как полированный камень. Девушка посмотрела на него широко открытыми глазами, застывшими, как кристаллы. Он сказал ей, хотя, как и каждый мужчина, в такое мгновение почти ни о чем не мог думать, что они вместе улетят к звездам, сжал рукой одну из ее грудей и впился в нее губами, а пальцы другой руки играли песком за плечами Нессы. Вдруг они коснулись одежды. Легкое прикосновение. Он закрыл глаза... мех бесконечно заботливо скользнул вдоль его руки и погладил, точно голубые волосы.

Ужасный крик.

Одежда, словно тиски, сжала его руку. Жалмар перевернулся и швырнул одежду вверх, но одежда снова упала на него. Он вытащил из своего сапога кинжал и полоснул одежду, но... одежда скользнула и накрыла Жалмара, а девушка колотила, царапала ее, пытаясь сорвать, молила и стонала... потом она тоже закричала.

Когда прибежали слуги, крики уже смолкли. Девушка едва шевелила головой, а нечто, покрытое песком, заботливо покрывало и укутывало ее, но что это, слуги понять не могли. Наружу все еще выступал обрывок одежды, а все остальное было погребено под песком. Испуганные слуги увидели, что из-под слишком длинной одежды, складки которой странным образом укутывали тело девушки, падают маленькие капельки крови. Прежде чем увести девушку, они подняли с пола раздавленные камни марсианского ожерелья.

Флетчер Пратт

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

Первый отчет Первой экспедиции в Курада (по радио)

Мудрому Владыке:

Ваша экспедиция успешна!

Этот отчет отправлен из точки, находящейся на расстоянии 15 филад внутри Курада. Сопротивление отсутствует. Население послушное. Большинство уродливо, без какой-либо культурной активности, как и было предсказано Научным Отделом. Они станут отличными рабочими под нашим руководством, в то время как их уродство делает их столь неприятными, что даже для самой пылкой молодежи будет мало искушения осквернить нашу священную кровь эвадзонцев их испорченной наследственностью. Ко всему прочему, их страна стала удивительно плодородна и во всех отношениях пригодна к колонизации. Я отправлю дальнейшее детальное описание завтра, после того как мы достигнем их древней столицы Паралов. Сейчас я посылаю отчет для изучения научным отделом:

Этим утром, по достижении барьеров, я приказал всем надеть герметические воздухонепроницаемые костюмы и в качестве дополнительной предосторожности против заражения мутационным вирусом Тведорского находившихся внутри закрытой боевой машины лично проинспектировал всю экспедицию, дабы быть уверенным, что приказы выполняются. Мои меры предосторожности вызвали некоторую задержку, поскольку при таких обстоятельствах было трудно управиться с оборудованием. Был почти полдень, когда мы достигли Курадской стороны реки.

Здесь, конечно, мы вынуждены были остановиться, пока машина ученых под командованием доктора Говелситца брала пробы порося и проверяла их на вирус. Не было возможности немедленно взять пробы животных, за исключением крупных насекомых, около четырех меркилов в размахе крыла, которые заняли заросли ярких цветов, имеющие в то же время большие желтые плоды.

Из отчета доктора Говелситца следовало, что через сто лет после того, как Ваш милостивый дедушка мудро выпустил мутационный вирус Тведорского на Курада, он, как и ожидалось, размножился в порослях и насекомых, и они приняли установившуюся форму. Помощники доктора Говелситца занимаются классификацией новых форм. Они полагают, что плоды могут иметь экономическое значение.

По моим собственным наблюдениям, укрепления, занимавшие прежде Курадский берег, разрушены, и металл внутри них почти полностью изъеден ржавчиной, что дало счастливое предчувствие того состояния, в которое впали под влиянием вируса когда-то энергичные курадцы. В двух фортах у основания купола были обнаружены норы диаметром примерно в две ладони, ведущие вниз из угла через бетон и металл. Я предположил, что это означает развитие мутирующих норных животных, возможно, опасных для людей, пусть даже защищенных бронированными костюмами. Я принял меры предосторожности, но никаких признаков животных не было. Доктор Говелситц полагает, что они ведут ночной образ жизни.

Как только отчет доктора показал отсутствие непосредственной угрозы, я отправил машину XN-54 под командованием лейтенанта Хеньона для исследования бронированных ракетных пусковых установок, которые принесли нам столько хлопот во время наших законных притязаний сто лет назад. Он еще не передал сообщение, но я ожидаю, что он соединится с экспедицией в Паралове.

После этого экспедиции был отдан приказ следовать к Паралову, оставив позади машину XN-86 для поддержания радиоконтакта через «окно» в барьере. Дороги в очень плохом состоянии, сильно заросли растительностью, напоминающей виноградные лозы толщи-

ной в несколько меркилов. При посылке колониальных экспедиций рекомендуется посылать гусеничные машины с оборудованием для строительства дорог. При прохождении по меньшей мере трех филад все замеченные нами здания были полностью прогнившими, и мы не обнаружили никаких признаков животных или человека, за исключением каких-то маленьких неопределенных существ, быстро исчезающих в сплетении виноградных лоз и зарослей с желтыми плодами. Доктор Рэб из лингвистическо-антропологического подразделения желает представить перед Отделом свою теорию, в соответствии с которой граница Эвадзона стала местом суеверного ужаса для современных курадцев со времени возведения барьера.

У меня нет мнения на этот счет, но я должен был официально вмешаться в диспут, возникший между доктором Говелситцем и доктором Аделахом из биологического подразделения. Первый считает, что отсутствие летающих форм жизни является следствием мутационного вируса, введенного дедушкой Вашей Интеллектуальности, что привело к тому, что птицы развились в нелетающие формы. Доктор Аделах предложил теорию, по которой причиной является не вирус, но атомное загрязнение во время последней войны. Я заподозрил, что он уклонист, и отметил, что мнение Говелситца является официальным.

Через три филადы дорога стала демонстрировать больше признаков ее использования, а слева виднелось несколько грубо огороженных полей. На одном из них созрел урожай мутантной пшеницы с большим колосом и необычайно твердой оболочкой; на другом паслись животные, одно старое и два молодых, взрослое было размером примерно с корову, но имело спереди всего одну ногу и четыре закругляющихся рога. Конечно, мы сразу остановились и собрали их для осмотра. Доктор Говелситц заявил, что в них отсутствуют какие-либо следы вируса. Кажется, животные быстро размножаются и должны быть полезным дополнением к нашему рациону.

На третьей филаде в направлении холма, где было много деревьев, мы встретились с первыми современными курадцами. Их было четверо, вместе работающих над чем-то на веранде старого дома, чьи стеклянные стены были разбиты и заменены каким-то темным материалом, — две женщины и два ребенка. Они не пытались скрыться, и мое сердце подпрыгнуло, когда я их увидел, я вспомнил нашу долгую борьбу за соответствующие территориальные ресурсы с упрямыми курадцами, а эти были настоящими мутантами, которые больше никогда не смогут сопротивляться воле верховной расы. Их голова скошена назад прямо от бровей, а сзади череп переразвит; груди у женщин были большие. Доктор Рэб, вышедший поговорить с ними, сообщил, что у них только по три пальца на руке.

Конечно, они не обладают высоким интеллектом. Доктору было сложно как понимать их, так и заставить их понять себя, и он

должен был использовать простейшие курадские слова. Даже слово «Эвадзон» не имеет для них никакого значения. Они предложили ему немного желтых растолченных плодов, называя его по имени, которое он понял как «Городской человек», и, говоря, что их мужчина занят сбором своей доли пищи для «Маленьких Богов». Доктор не смог разобраться в значении этой фразы: несомненно, это свидетельство какого-то испорченного верования. Доктор сказал, что курадцы показались ему очень веселыми и были рады его видеть.

Это подтвердилось через две филады, когда мы достигли того, что столетие назад было деревней, и, видимо, так и осталось ею, хотя теперь люди жили в недавно выстроенных ими лачугах, оставляя старые дома гнить. Многие вылезли из своих хибар, все женщины и дети, все с признаками физического уродства. Общими были плоские черепа, в дополнение к прежнему виду мутантов с большими грудями и сильно переразвитой правой рукой и в то же время недоразвитой левой.

Я решил, что будет благоразумным, если доктор Говелситц осмотрит одну из женщин для обнаружения вируса Тведорского, и соответственно дал сигнал на его машину. Как только он и Рэб появились снаружи, две или три женщины с криками радости побежали в свои хижинки и вернулись с чашами с жидкостью и желтыми плодами. Для Рэба и Говелситца не составляло труда заманить одну из женщин в машину для исследования, и я счастлив информировать Вашу Интеллектуальность, что результат исследования дал негативный ответ, однако процесс оказался несколько конфузным для Говелситца, поскольку женщина явно ошиблась на счет цели, с которой он пригласил ее в машину.

Вслед за этим я вышел сам в сопровождении переводчика, преследуя двойную цель: узнать, что можно сделать и прикрепить к статуе какого-то забытого курадского героя на площади табличку, вступающую во владение территорией от имени Вашей Интеллектуальности. Мой переводчик испытывал те же затруднения в языке, что и Рэб, и разобрал только, что эти твари нами восхищаются и были бы рады предложить нам свои консервированные плоды. Когда я спросил, где их мужчины, они ответили, что на работе, но они явно не имеют представления о времени и не могут сказать час их возвращения.

Прикрепив табличку к статуе, я увидел под ней еще несколько нор того же типа, что я видел в укреплениях; они вели вниз. Я спросил через переводчика, что за животные это сделали. Ответ был: «Маленькие Боги», но переводчик не смог дать какого-нибудь описания. Рэб расценил это как своеобразный возврат к тотемизму, указывающий на варварский культурный уровень, и я согласен с ним. Одежда курадцев плохого качества, домотканая; их дома самые примитивные — крытые соломой хижинки. Однако чаши, в ко-

торых они предлагали консервированные плоды, на удивление хорошего качества и сделаны из металла, как и маленький инструмент, который несли женщины. Возможно, где-то хранился определенный уровень производства, — факт, который мы сможем установить, достигнув Паралова. Нами не обнаружено никаких следов культурной активности; курадцы просто тупо уставились на мою табличку.

Письменность — явно утраченное ими искусство.

Да здравствует Токсернн III, Верховный Интеллект Эвадзона. Генерал-майор Штенин из лагеря, 16 моридда.

Второй отчет Первой экспедиции в Курада (ракетой)

Мудрому Владыке.

Слава Эвадзону!

То, что мы неожиданно столкнулись с трудностями, лишь доказывает, что человек не может знать заранее все о неведомом; то, что мы преодолели их, является доказательством Вашей мудрости в выборе участников экспедиции, которая открывает новые обширные территории для развития эвадзонской расы.

Моя голова склоняется к ногам Вашей Интеллектуальности за то, что я не отчитался ранее. Только сегодня я обнаружил, что вчерашний радиоотчет, видимо, не достиг Вашей Интеллектуальности, и я спешу исправить просчет повторением содержания отчета в этом документе, который будет передан через «окно» в барьере военной машины XN-86.

Кратко излагаю проблему. Существуют признаки тайной оппозиции нашей просветительной миссии, но мы обнаружили средства ее подавления. Первый признак появился утром семнадцатого, когда мы разбили лагерь в 9 филадах от границы. В лагере был установлен лишь один обычный пост, поскольку отсутствовали какие-либо признаки враждебности среди населения. Тем не менее утром было обнаружено, что к моей машине прикреплена серия металлических пластинок, содержащих пиктографическое письмо. Одна из этих пластинок вложена в посылку для изучения Научным Отделом. Мои люди говорят, что этот сплав им неизвестен, как не понятно и значение оттиска на пластинках. Их продолжали исследовать.

Отправленная пластинка первая в серии. Как Вы заметите, она представляет хорошее изображение двух наших машин, идущих через мост обратный домой — с командой, выражающей бурный восторг. Остальные пластинки изображают наш въезд в город, который по его типично курадской архитектуре я счел Параловом, причем команда — в печали или исполняет совершенно дикий, неистовый танец, с выпученными глазами и растрепанными волосами.

Я расценил это как предостережение, и люди из исследовательского подразделения согласны со мной. Собственно, на предостережение мы не обратили никакого внимания, но что действительно привлекло наше внимание, так это качество самих пластинок и изображений. До того как дедушка Вашей Интеллектуальности выпустил на них вирус Тведорского, курадцы были известны как искусные и даже мудрые люди, но доктор Рэб уверил меня, что для глупых крестьян, которых мы видели, нет никакой возможности создать такие работы, ни технически, ни художественно. Тем не менее я должен был предположить существование совершенно отличного вида мутантов, и позднее это предположение удивительным образом подтвердилось.

Охрана доложила, что ночь была спокойной, хотя и очень темной, так что они не видели, чтобы кто-нибудь приближался к машине. Я подверг их наказанию второй степени (18 ударов плетью и полчаса сжатия большого пальца).

Пока шла дискуссия о пластинках, мое внимание привлекли особенности поведения доктора Говелситца. Кто-то сказал, что нам надо удостовериться, действительно ли пластинки металлические или они пригодны для еды — в шутку, конечно, — после чего Говелситц сразу же схватил одну из пластинок и впился в нее зубами, совсем не шутиливо. Через минуту или две он заявил, что доктор Аделах сказал, будто ему следует признать, что его теория об отсутствии на Курада птиц хуже принадлежащей Аделаху и поэтому он отказывается от своей позиции в пользу Аделаха. Так как я распорядился, что теория Говелситца (о мутации птиц в нелетные виды) была верной, то этот уклонист оскорбил Верховный Интеллект. Я сразу приказал взять Говелситца под арест для психологического обследования. Довольно трудно вести дела во время похода, и он еще не подписал признание, подготовленное для него, но мы надеемся провести суд через день или два.

В конце пути мы неожиданно столкнулись с процессией двухколесных телег, которые тащили животные с круглыми головами и длинной вьющейся шерстью, размером примерно с лошадь. После беглого осмотра биологическое подразделение объявило их мутирующими овцами. Эти животные могут быть ценным источником мяса, а шерсть можно будет передать местному населению, дабы они ткали одежду своими грубыми станками, что облегчит наши представления о необходимости снабжать такими материалами работы, которые мы станем контролировать.

Погонщики представляли собой что-то среднее между двумя видами мутантов, которых мы до этого наблюдали, — трехпалых людей и людей с непропорциональными руками. Пока не известно, могут ли они скрещиваться. Телеги были загружены металлическими изделиями — орудиями, вроде тех, о которых было сообщено

ранее, одна была полностью завалена чудесными металлическими пластинками, а другая инструментами, притом такими хорошими, что мы конфисковали образцы, не обращая внимания на протесты погонщиков, которые выражали ужас нашими действиями. Тем не менее не было оказано никакого сопротивления.

Я как можно скорее отправлю образцы вместе с собранными образцами флоры и фауны на машине. А сейчас позвольте мне сказать, что некоторые из инструментов очень маленькие и способные резать самые стойкие материалы, и прочие орудия также сделаны для очень маленьких рук, не больше одного-двух меркилов в размере. Все выполнено с необыкновенным изяществом и доказывает не только существование высокой степени индустриализации, но и наличие третьей расы людей — мутантов очень маленького роста. В присутствии таких остатков материальной культуры я тяжело прочувствовал все несчастье от поведения Говелситца. Никто другой не способен осветить проблему с инструментами.

Когда погонщиков спрашивали, откуда они, те с готовностью отвечали, что они из города, но когда их спрашивали, где они прописаны, они давали только неопределенные ответы о «Маленьких Богах», используя большое количество слов, которые, как сказал Рэб, появились в Курада после установления барьера и потому непонятны. Я мог бы выделить машину, чтобы следить за ними, но рассудил, что это приведет к неблагоприятной изоляции машины перед лицом факта, что культура, предполагаемая по этим орудиям, возможно, располагает способностью нападать и защищаться.

Рэб утверждает, что курадские мутанты обладают слухом на несколько порядков выше, чем мы. Когда я свистнул в свисток, с тем чтобы все заняли машины и возобновили движение, они пришли в большое возбуждение и стали сразу о чем-то говорить друг с другом.

В конце дня мы достигли окраин Паралова. Ваша Интеллектуальность согласится, что несмотря на вырождение, курадцы обладали бесспорным художественным вкусом по нашим высоким стандартам, это позволяло им создавать очень красивые вещи. Я вспоминаю изящные курадские статуэтки, украшающие стол Вашей Интеллектуальности. У нас имеются старые изображения Паралова, но это надо видеть, чтобы оценить. Даже в руинах, с лианами, извивающимися через широкие авеню, это очень красивое место, с удивительно пропорциональными зданиями. Я бы рекомендовал сохранить город в качестве лагеря отдыха, и чтобы ранняя колонизация включала эстрадных артистов и девушек для развлечения. Потребуются немного времени для подготовки ряда зданий к их немедленному занятию, особенно хорошо одно, где курадцы размещали коллекцию своих картин.

Сразу же по достижении Паралова наше внимание привлекла

струя дыма, равномерно идущая в небо, что свидетельствовало не о пожаре, а о наличии производства. Я приказал разведывательному подразделению приняться за дело и разведать подходы через улицы. Предосторожность оказалась излишней. Достигнув цели, оказавшейся на северной окраине, мы обнаружили длинное низкое здание недавнего сооружения, совершенно не в традициях курадской архитектуры, которая характеризуется высотой, угловыми контрфорсами, — но куполообразное и прижатое к земле. В качестве командующего экспедицией я без колебания первым вошел внутрь в сопровождении вооруженной охраны и доктора Рэба.

Здание оказалось фабрикой, на которой рабочие производили те самые орудия и пластинки, что мы видели; они были столь сосредоточены на своей работе, что почти не смотрели на нас при ответах на вопросы наших переводчиков. Прежде всего, сами рабочие: они составляют новый, третий вид мутантов, они во всех отношениях хорошо сложены и даже красивы, хотя очень малы, и проявляют еще более низкую степень интеллекта, чем уродливые курадские крестьяне. Они были готовы к сотрудничеству и полны желания отвечать на вопросы, но явно не понимали большинства из них. Однако, возможно, это лишь хитрое притворство с их стороны, причины которого я вскоре объясню.

Второе: сама работа. Они управляют автоматическими машинами с источниками энергии, идущей из-под пола, хотя провода мы не обнаружили, с их стороны не наблюдается понимания машин. Каждый рабочий имеет рядом с собой серию металлических пластин с изображением того, что он делает, и постоянно глядит на них. Когда одна из машин прекратила работать, ее рабочий просто потянулся, встал и вышел. От него мы узнали, что они называют себя «Городскими Людьми» (название, упомянутое первыми курадцами, которых мы встретили), и что они живут в Паралове.

Пока мы беседовали с этим существом, вошел полковник Казук, чтобы сообщить, что наш радиоприемник не работает. Он обнаружил это, когда старался установить контакт с машинами, явно взявшими не то направление среди улиц и не соединившимися с нами по расписанию. Сразу вспомнив, что я не получил подтверждения о получении моего первого отчета, я поспешил наружу и убедился, что на всех частотах наших радиостанций не прослушивалось ничего, кроме высокого, назойливого жужжания. Поскольку рация была в порядке, это могло быть только глушение.

Я провел эксперименты с очень высокими и очень низкими частотами, после чего вернулся в здание фабрики, где рабочие, за исключением того, у которого сломалась машина, продолжали невозмутимо работать. Я потребовал информации о начальнике фабрики, но он не явился для переговоров. Рабочие по-прежнему не понимали, когда я потребовал, чтобы глушение прекратилось,

и мне было ясно, что, хотя эти курадцы демонстрировали желание сотрудничать, мы столкнулись с оппозицией, известной как «подполье».

Существуют установленные правила, как бороться с этим, но я думаю, современные курадцы так изменились и оказались так далеки от цивилизации, что забыли об этом. Я немедленно ввел на фабрику вооруженный наряд, забрал каждого третьего мужчину, вывел их наружу и сказал, что если они не прекратят глушение, то будут наказаны. Примерно в это время работа на фабрике прекратилась, и рабочие толпой вышли наружу. Я повторил угрозу и, чтобы ее подкрепить, подверг одного из них наказанию, сжимая большой палец.

Он заверещал; остальные, казалось, встревожились, но это не принесло нужного результата.

На ночь я отвел силы на холм за пределы фабрики и выставил охрану, как при военном положении. Мы успокоились, а утром оставшиеся рабочие вернулись на фабрику, как будто ничего не случилось. Ваша Интеллектуальность, возможно, не одобрит мое терпение, но я чувствую, что всегда лучше добиться желанного сотрудничества от подобных людей. У меня были переводчики, которые перед принятием мер несколько раз предупредили «Городских Людей». Поскольку радио все не работало, я привел одного из арестованных на фабрику и подверг его интенсивному наказанию по сжатию пальца. Он умер всего через два часа и семнадцать минут, что доказывает, что эти люди очень слабы физически, однако остальные продолжали проявлять тупость, когда мы говорили с ними.

В полдень я наказал еще двух задержанных и информировал остальных, что они будут наказаны утром, если не прекратят глушение. Исследователи передали, что Говелситц совершенно безумен, неистово кружится и требует желтых плодов, которые растут в этой стране.

Я все еще не получил отчета от Хеньона, но в уверенности, что мой отчет сразу достигнет Вашей Интеллектуальности, я отправляю его ракетой на машину XN-86, дабы он был передан через «окно» в барьере.

Доктор Рэб склоняется к гипотезе о существовании четвертого вида мутантов очень маленького роста, способных пользоваться орудиями, которые мы видели. Я ничего не предпринял против этой теории, но считаю ее менее логичной, чем ту, что эти «Городские Люди» сами несут ответственность за проблему с радио. Очень хорошо, я приведу их к состоянию, которое обеспечит условия для начала счастливых отношений с Эвадзоном.

Да здравствует Токсернн III, Верховный Интеллект Эвадзона!
Генерал-майор Штенин из Паралова. 18 морида.

Третий отчет Первой экспедиции на Курада (по радио)
Мудрому Владыке.

«Городские Люди» Курада сдались! Слава Эвадзону!

Этим утром, когда мы подходили к фабрике с новой группой заключенных, готовясь наказать несколько из них с тем, чтобы окончательно прояснить наши намерения, мы были встречены большой толпой женщин первого вида. Они несли чаши с законсервированными желтыми плодами, которые имеют у них какое-то почетное значение, и приглашающе жестикулировали. Через доктора Рэба, достигшего больших успехов в их языке, я объяснил, что пока мы сохраняем к ним дружеские чувства, глушение наших радиопередач должно быть прекращено или им придется познакомиться с последствиями. Похоже, женщины поняли это.

Одна, приблизившись ко мне, ответила, что нужно принять их плоды, чтобы стать друзьями, и показала мне одну металлическую пластинку с иллюстрацией того, как мужчина и женщина вместе едят из одной чаши. Я взял кусочек — он не так уж и плох, мясистый, с ароматом, как у груши, хотя в той степени, в какой я разбираюсь в этом, алкогольный — и позволил другим членам экспедиции взять плоды из чаш, которые предлагали нам женщины. Женщины захлопали в восторге, и одна из них побежала в здание, в то время как та, что обратилась ко мне, обняла меня за шею и не успокаивалась, пока мы не опорожнили чашу.

Через пару минут полковник Казук прибежал из лагеря доложить, что радиопомехи прекратились, и он связался с XN-86, хотя еще не успел связаться с машиной Хенбена XN-54. В общем, мы были в восторге, и я приказал сразу отпустить арестованных, за исключением трех, которых мы удержали как заложников на случай бдущих проблем.

Но, кажется, проблем больше не будет. Как только все были освобождены, женщина, которая ела со мной, побежала в здание фабрики, произнесла единственное слово «Ждите». Через минуту она вернулась с животным, сидящим у нее на плече, похожим на белую крысу, длиной, по меньшей мере, в две ладони, но с большой головой.

— Это один из «Маленьких Богов», — сказала она. — Они очень хорошие и все нам рассказывают.

Тварь была не очень уродлива и, без сомнения, отличалась высоким интеллектом. Она прижала свою голову к уху женщины и издала серию высоких звуков, на что женщина засмеялась, а потом взорвалась потоком слов, из которого доктор Рэб в конце концов с трудом разобрал, что все участники экспедиции приглашаются провести день на пиршестве с женщинами, пока мужчины на работе. Это было столь приятное завершение нашей победы, что я сразу принял приглашение, а команда встретила это криками одобрения.

Это были шикарные девчонки с длинными темными волосами, хорошо сложенные даже по понятиям Эвадзона. Я считаю, что если мутация разделила их на различные виды, то не может быть вопроса о скрещивании, поэтому я предвосхищаю приятный день. Мою подружку зовут Клиптерия.

С сожалением сообщаю, что доктор Говелситц умер на рассвете. Он был совершенно безумен.

Да здравствует Токсернн III, Верховный Интеллект Эвадзона! Генерал-майор Штенин из Паралова. Утро 19 морида.

Заявление Гавила Бробона, механика связи

Я был механиком связи в военной машине ХР-22 во время Первой курадской экспедиции. Я прочитал отчет генерала Штенина. По моим наблюдениям, он точен.

Отвечая на вопросы, я должен добавить, что, насколько я помню, доктор Говелситц ел большое количество консервированных плодов, известных как «сонные груши», еще до проверки курадских женщин на наличие мутационного вируса Тведорского.

19 морида в Паралове я был на дежурстве в радиоотсеке и, следовательно, не сопровождал команду на пиршество. Могу сказать, что все были опьянены, когда вернулись вечером, особенно генерал Штенин. Я говорю это потому, что его движения были неуверенны, а голос невнятен. Он не выставил постов на ночь.

Так как я не был сменен, то остался на дежурстве и получил уведомление о получении отчета генерала Штенина, переданное через машину ХН-86. В сумерки радио вновь перестало работать, по той же причине, что и ранее. Я не хотел из-за этого будить генерала, поэтому включил радио погромче, чтобы оно разбудило меня, если заработает, и пошел спать.

Перед полуночью я проснулся от каких-то звуков в машине. Оглядев отсек, я увидел в машине несколько больших крыс, известных как «Маленькие Боги». Они разгуливали на каком-то подобии ног, беседуя высокими голосами. Свет не был включен, но некоторые из них носили маленькие, тусклые фонарики, в свете которых они сняли и быстро убрали один из реактивных снарядов. Одна из крыс вошла в отсек генерала Штенина со связкой металлических пластинок.

Утром я доложил о неисправности радио полковнику Казуку. Он сказал, что это не имеет значения. Тогда я доложил об этом генералу. Он сказал, что его информировали, что пока лучше не пользоваться радио. В это время в его руке были две металлические пластины. Я не видел их вблизи, но полагаю, они изображали возвращение экспедиции. Он приказал доставить побольше консервированных сонных груш, и все принялись за еду. Я не ел.

Потом генерал отдал приказ о возвращении. Никто из офицеров не протестовал. За пределами Паралова мы встретили машину ХN-54, которая присоединилась к нашему движению. Мы продолжали движение на большой скорости, прибыв к мосту после наступления темноты. ХN-86 находился здесь на дежурстве. Как только мы прибыли, его командир Виделахт вышел из своей машины и подошел к нашей. Генерал Штенин вышел, чтобы встретиться с ним.

Затем Виделахт спросил, что мы здесь делаем и почему не выполнен приказ выставить сторожевое охранение в Паралове. Генерал ответил, что не получал такого приказа, но даже если бы получил, было необходимо вернуться. Командир Виделахт вернулся в машину, чтобы взять зарегистрированные приказы, и, кажется, в это время вышел лейтенант Хеньон. Одна из крыс сидела у него на плече. Когда Виделахт вернулся, он сделал какое-то замечание насчет крысы, кажется, он хотел ее ударить, и лейтенант Хеньон застрелил его. Генерал Штенин объявил, что как раз это он и должен был сделать.

Верю в Верховный Интеллект Токсеронна III.

Отчет Исследовательского Центра по расследованию дела покойного Босипа Штенина

Мудрому Владыке.

Мы очень сожалеем, что не обеспечили признание предателя Штенина до его смерти. К сожалению, он уже был столь слабоумен, когда начался допрос, что ни сжатие большого пальца, ни свет не действовали на него. Пока он требовал законсервированных сонных груш, мы снабдили ими других выживших заключенных. Их судороги сразу же прекратились, и они по всем показателям стали нормальными. Но мы отметили у них высокую степень внушаемости, при получении приказа они готовы были совершать самые абсурдные действия. При уменьшении дозировки внушаемость снижалась.

Химические анализы консервированных сонных плодов показали, что в них содержится наркотик, формулу которого мы еще не вывели. Наркотик вызывает привыкание столь сильное, что прекращение снабжения плодами приводит к смерти, как мы убедились на нескольких примерах. С другой стороны, небольшие ежедневные дозы оставляют объект без причинения психологического вреда.

Исследовались также пробы свежих плодов. Они не содержат наркотика, который, очевидно, производится в процессе консервирования. О нем мы пока не имеем данных.

Более серьезные вопросы возникают, судя по документам, относительно крыс, известных как «Маленькие Боги». Мы полагаем,

что под влиянием вируса Тведорского крысы на Курада научились использовать орудия и создали социальную организацию. Их разум почти так же высок, как у нас, и, конечно, выше, чем у людей-мутантов на Курада. Даже без использования сонных груш они обладают значительной силой внушения или психологического контроля над людьми, а когда эта сила проявляется на людях, находящихся под влиянием наркотика, они становятся совершенно непобедимыми, что видно из решения предателя Штенина уйти из Паралова, несмотря на приказ.

Наркотик может быть полезен в процессе управления, крысы же представляют потенциальную угрозу. Вследствие этого мы рекомендуем организовать вторую экспедицию, дабы получить наркотик и разработать методы уничтожения крыс в качестве прелюдии к оккупации. Образцы живых или даже мертвых крыс для исследования будут особенно полезны.

Да здравствует Токсеронн III, Верховный Интеллект Эвадзона!
27 моридда.

Репорт Мадсилла, шефа секретной полиции

Пока не обнаружены следы предателя Хеньона и большой белой крысы, которую он доставил из Курада. Однако я имею важную информацию, которая, как я верю, приведет к поимке обоих через несколько дней.

Да здравствует Токсеронн III, Верховный Интеллект Эвадзона!
13 авлуна.

Первый отчет Второй экспедиции на Курада (на ракете) Мудрому Владыке.

В соответствии с Вашим приказом, экспедиция избегала главных дорог к Паралову, где могли быть насторожившиеся крысы и курадцы, и взяла западное направление. Ночь застала нас, когда мы разбили лагерь в деревне, обозначенной на старых картах как Татало, в двадцати филадах от границы. Население везде принимает нас хорошо, поднося чаши с сонными грушами, которые находятся под пломбой.

В соответствии с инструкцией, я отобрал курадцев двух экземпляров: один из вида с непропорциональными руками, а другой трехпалый. Они слабо возражали против этого. Штат переводчиков уверял меня, что они будут помогать в общении с «Маленькими Богами», когда мы их захватим. Курадцы уверяют, что понимают речь крыс.

Опять же в соответствии с инструкцией, я вскрыл одну из нор под приграничными фортами; крайне тяжелая работа, поскольку

среда очень твердая. Примерно на расстоянии двадцати ладоней вниз нора расширяется в серию камер, часть из которых располагает металлической мебелью, прикрепленной к стене, но помещение не занято и, из-за разбросанных вокруг осколков, кажется пустынным. Здесь имеется выход наружу и очень странная антенна, но никакой аппаратуры. Наше собственное радио не работает. Других признаков «Маленьких Богов» не наблюдается.

Да здравствует Токсеронн III, Верховный Интеллект Эвадзона!
Генерал-майор Хантерванн.

14 авлуна.

Рапорт из Центра связи, 3 военного округа

Два дня не получали отчетов от генерала Хантерванна.

16 авлуна.

Рапорт из Центра связи, 3 военного округа

Вторая экспедиция на Курада только что перешла мост и вошла в укрепленную зону.

17 авлуна.

Второй отчет Второй экспедиции на Курада

Мудрому Владыке.

Ваша Интеллектуальность была ужасно дезинформирована. В беседе с крысами, известными как «Маленькие Боги», при посредничестве курадцев, которые понимают их речь, я узнал, что они лишь страстно желают жить в дружеском симбиозе с нами. Я привез с собой пару из них, дабы убедить Вашу Интеллектуальность и Исследовательский центр. «Маленькие Боги» не только очень дружелюбны, но и обладают знаниями во многих технических областях и будут рады передать их нам.

Что касается плодов, известных как сонные груши, то они полезны во всех отношениях.

На всякий случай я сделал большие запасы этих плодов.

Да здравствует Токсеронн III!

Генерал Хантерванн, из 3 военного округа, 17 авлуна, полдень.

Послание генерал-лейтенанту Хорру, командующему 3 военного округа

Арестовать генерала Хантерванна и его офицеров. Истребить белых крыс.

Токсеронн.

Послание в Исследовательский центр

Мудрому Владыке.

Ваша Интеллектуальность была дезинформирована.

Генерал Хантерванн лояльный и интеллектуальный гражданин. Его действия по доставке сюда «Маленьких Богов» приведут к не-сказанной пользе для всего Эвадзона. Они только хотят жить в дружеском симбиозе с нами и передать нам блага своей науки. Я отправил несколько экземпляров в другие военные округа на самолете и в военной машине с курадскими переводчиками. Жду Вашего одобрения. Я также отправил запас сонных груш, которые, как я заметил, способствуют лучшему пониманию «Маленьких Богов».

Генерал-лейтенант Хорр, 18 авлуна.

Послание главнокомандующему генералу Лебартсену

Мобилизовать все силы. Провести атомную бомбардировку 3 военного округа. Уничтожить все самолеты и машины в этом районе и истребить всех белых крыс.

Токсеронн,
13 авлуна.

Послание в Исследовательский центр

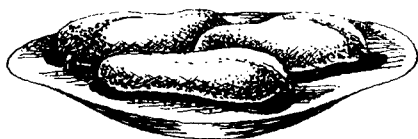
Ваша Интеллектуальность, видимо, попала в катастрофу или отдала ошибочный приказ.

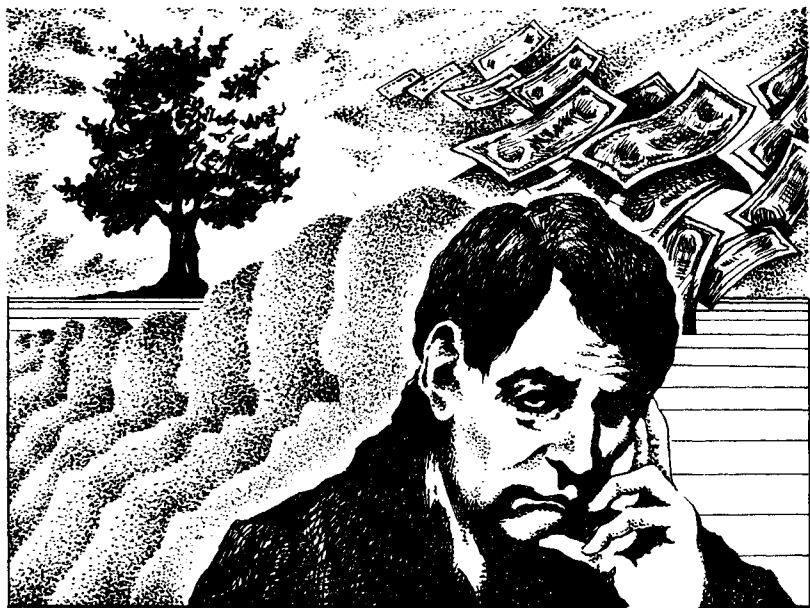
Ваше экстраординарное послание, приказывающее бомбардировать 3 военный округ и убить «Маленьких Богов», дошло до меня через 3 часа после прибытия делегации от генерала Хорра с сопровождением «Маленьких Богов». Я имел с ними очень приятную беседу. Они лишь хотят жить в Эвадзоне так же, как они жили в Курада, в дружеских отношениях с нами, и они передадут нам свои научные достижения.

Они попросили меня выставить охрану вокруг Вашей резиденции, пока Ваша Интеллектуальность не выздоровеет, и я намерен это сделать.

Я верю, что с их помощью скоро наступит Ваше выздоровление.

Генерал Лебартсен.

Элджис Бадрис

ПУГЛИВОЕ ДЕРЕВО

Полоска прочного волокна входит в гнездо с одного конца машины. Она проходит между валиками, погружается в химические ванны, клеймится, красится, проверяется на разрыв, а затем проходит через элемент, который каждую ночь отделяется от основания корпуса машины и запирается в охраняемом подвале. Наконец полоса проявляется, принимает соответствующую длину и передается в накопитель, из которого с предосторожностями переносится в бронированные автомобили и развозится. Это деньги.

Кроме того что они не поддаются порче, не горят, не изнашиваются, не боятся погоды и воды, они получают электронную схему, вмонтированную в волокно в секретном элементе. Когда вы их тратите, они проходят через простое устройство, считывающее схему. Если с серийным номером и схемой все в порядке, ничего не происходит. Но если то, что вы предъявляете в качестве законного платежного средства, — подделка, зазвонит столько зуммеров,

что вы решите, будто попали в шумовую камеру. Гравировку, химический состав чернил и волокно очень трудно подделать, но фальшивка подлежит аресту благодаря схеме. Только у правительства есть оборудование для ее установки.

Все это объясняет, почему Саксгаард завопил, когда я разложил на его столе четырнадцать идентичных банкнот.

Саксгаард был не только главным инспектором исследовательского отдела по валюте департамента финансов Объединенных Федераций Галактики, но также и маленьким человечком с большим ртом. Он из тех людей, что всегда между двумя сигаретами выжидают девяносто секунд, дабы не быть обвиненными в том, что они заядлые курильщики.

— Баумхольцер, где ты это взял? — спросил он, оторвавшись от кресла.

Банкноты поступили в нью-йоркскую химчистку из филиала на Денебе XI. Управляющий пришел в состояние невменяемости и позвонил нам в ту же минуту, как пометил банкноты. Я рассказал все это Саксгаарду, и пару минут он жевал свой палец.

— Он повсюду развонил об этом? — наконец спросил он.

— Я внушил ему страх перед Объединенной Галактикой.

— Хорошо. По крайней мере, у нас не будет финансовой паники — пока. До тех пор, пока управляющий не выйдет из себя по финансовым причинам. Ты пропустил это через лабораторию? — спросил он, надеясь на лазейку.

— Чернила и бумага правительственного происхождения. Даже контрольный зуммер не звенит, когда они проходят через аппарат. Фактически их можно тратить где угодно, если пропустить через контролер не больше одной банкноты одновременно.

— Можно и не прибегать к таким предосторожностям. Откуда ты можешь знать, что не все банкноты в твоём бумажнике имеют тот же серийный номер? — спросил Саксгаард.

Я покачал головой.

— Я проверил.

Саксгаард изучал банкноты чуточку дольше, потом уселся в кресло. Его рот растянулся в жалкую улыбку.

— Баумхольцер, — сказал он, — ты знаешь, сколько работы было проведено здесь к настоящему времени. Это мелочь, синекура. Никто, никто в здравом уме не может представить себе, что кто-то подделает деньги и потом удерет. И не потому, что Вселенная совершенна, существует определенный процент людей, которые когда-нибудь постараются это проделать, и аналогичный процент подслеповатых идиотов, которые примут любую раскрашенную бумажку за государственную валюту, из-за чего этот отдел и существует. Я видел в этом кабинете купоны на сигареты и карандашные рисунки. Видел первоклассные сертификаты баклейных магазинов

и автобусные транзитные билеты, но лишь потому, что те же слабые придурки по халатности не пропускают бумажки через контрольный аппарат.

Ты думаешь, я счастлив на моей работе, Баумхольтцер? Я получаю приличное жалование, и ничто не заставляет меня потеть, чтобы его заработать. У меня не должно быть никаких тревог, — он вздохнул. — Но они есть, Баумхольтцер, есть. Пятнадцать лет я сижу в этом кабинете и жду того, кто изобретет дубликатор материи.

Я тоже думал об этом, но наш лаборант что-то говорил о законе сохранения материи и энергии. Но все-таки ему было тяжело примириться с этими четырнадцатью банкнотами, одинаковыми, вплоть до пятнышка виски в одном углу, мозолящими ему глаза.

Однако первое, что надо усвоить в таком деле, это не поступать необдуманно. Саксегард тоже знал это, поэтому сказал:

— Ладно, Баумхольтцер, отправляйся на Денеб XI и найди, у кого там дубликатор материи, или, если не дубликатор, то что-то, из чего получают вот это. — Он посмотрел на часы и закурил новую сигарету.

Я закурил сигарету, но лучше бы я этого не делал. Жаркий туман Денеба XI промывал мои легкие, создавая ощущение дыма от хорошо прогнивших опавших листьев. Я медленно провел рукой по лицу, смахивая пот с бровей, и стряхнул его вместе с потом на руках.

Денеб XI — это мир джунглей, с соответствующим климатом и насекомыми. Утомившись, я прислонился к стене и вяло хлопнул по насекомому, которое могло бы дать фору москитам Бразилии. Я с чувством выругался и с удовольствием стал обозревать столицу Денеба XI.

Эта жемчужина в короне Объединенной Галактики казалась пестрой коллекцией строений, выглядевших так, как будто их застал высокий прилив. Эта столица — чье имя, если вам интересно знать, было Глаб — была также единственным городом на Денебе XI, что и делало ее для меня привлекательной.

Я подозревал, что денебианцы даже колеса еще не изобрели. Судя по всему, кругосветное путешествие здесь можно было совершить только пешком. Так что проверка всех банков и магазинов электроники была не воскресной прогулкой. Мои ноги могли это подтвердить.

Между моей спиной и стеной забралось насекомое и укусило меня. Я послал дубликаторов материи, безликих владельцев магазинов и управляющих банков в тот же липкий ад, размазал насекомое по стене и направился в бар.

Интересная подробность о Денебе — местные жители до того примитивны, что практически все люди, занимающиеся чем-либо

важным в Глабе, являются террестриальцами, или, по крайней мере, членами Террестриальной Федерации, в которую входит Денеб ХІ. Я не только нашел бармена, говорящего на объединенном галактическом, но и того, который знал, что такое «Том Коллинз». Это был просвет в тяжелом дне.

Я поставил свой стакан на стол и повалился на стоящий рядом стул. Я мог бы быть относительно довольным человеком, если бы не осознание того, что через пару минут мне придется встать и вернуться к бесплодному труду. Мне нужно было отыскать того, кто покупал больше, чем обычно, электронных схем или завез их в недавнем прошлом.

Банки тоже не лучше. В последнее время никто не пропускал больших сумм денег через их устройства, никто не приносил идентичные банкноты на исследование, никто не вкладывал денег с одинаковыми серийными номерами. Если же я спрашивал клерка, как прошли четырнадцать идентичных банкнот, мне отвечали, что, наверное, это случилось в смену Гарри, или Мо, или Макси. Любого, но не его. Я обнаружил семь неисправных контрольных сигнализаторов в пяти банках. Но, хотя я всю душу их них вытряс, банковские управляющие не помогли мне найти нужного человека.

Я последний раз потянул «Тома Коллинза» и был готов идти, но когда я поднял взгляд, то увидел интересного типа, стоящего над столом.

Это был террестриалец, но уже долго пробывший на Денебе, поскольку носил мешок из-под пшеницы, вроде одежды местных жителей. Его волосы цвета картофельного поля были разделены на пробор, завивались у висков и уходили за уши. В ушах торчали маленькие кусочки кости. Над глазами навис карниз из самых густых бровей, которые я когда-либо видел, а нос, похожий на шарик в пинг-понге, торчал из зарослей усов. Он стоял, около шести футов восьми дюймов роста, весом где-то около ста фунтов, весь промокший. Я откинулся назад и немного полюбовался зрелищем. Он уставился на меня, но, полагаю, ему надоело играть в гляделки, поскольку усы зашевелились, и привидение заговорило.

— Господин Баумхольтцер?— голос звучал разочаровывающе нормально.

— Правильно,— признался я.

— Тот самый господин Баумхольтцер, который повсюду спрашивает о копиях банкнот Объединенной Галактики?

— Возможно. Что у вас за проблема, господин... э?... Я позволил беседе идти по освященной веками традиции.

— Мангер,— произнес он.— Дуодецимус Мангер.

— Это становится интересным,— сказал я, гадая, кого надо ругать за разглашение моего имени и утечку информации, Мо или Макси.— Почему бы вам не присесть, господин Мангер?

— Боюсь, у меня нет времени,— ответил он взволнованным голосом.— Вы действительно господин Баумхольтцер, который занимается этим делом от департамента финансов?

— Да, конечно,— ответил я.— Но в чем дело? Не вы же делаете эти копии, а?

Это был основной вопрос, так как Мангер порылся в складках своего одеяния и подошел с коагулятором Мистрала, который нацелил мне в голову.

— Я!

Бармен с грохотом упал на пол, а я положил руки на край стола.

— Давайте не будем принимать поспешных решений,— произнес я, прикидывая, смогу ли выхватить свой пистолет до того, как он расплавит мне мозги.

Мангер покачал головой.

— Просто не могу представить, как можно оставить вам жизнь.

— Ну, давай попробуй,— сказал я, швырнул стол ему в живот и в тот же миг бросился на пол.

Коагулятор изверг пламя и замумифицировал саженец в горшке позади меня. Стол разлетелся от удара об пол.

— А, черт! — выругался Мангер и грохнулся со звуком, похожим на удар бильярдного кия о линолеум. Я с трудом поднялся над столом, ухитрился поднять руку и врезать ему по челюсти. Я промахнулся, но нашел коагулятор, который перелетел через зал и раскрылся, принеся в жертву всех клопов поблизости, после чего сразу вышел из строя.

Мангер издал недовольное восклицание и стукнул меня по лицу. Я пошатнулся, и он ухватил меня руками за шею, но в этот миг бармен заорал, что, наверное, привлекло внимание, потому что с улицы в направлении бара затопали ноги.

Мангер повторил недовольное восклицание и ударил меня другой рукой. На этот раз я отключился.

Что-то мокрое коснулось моего лица. Я открыл глаза, рядом стоял бармен с мокрой тряпкой.

— Все в порядке. Где он? — поинтересовался я.

Бармен бросил на меня испуганный взгляд.

— Он ушел. Убежал, когда я закричал. Я сразу подошел и стал приводить вас в чувство. Вы больше минуты были без сознания. Поэтому я подошел и стал приводить вас в чувство. А он убежал, как только я закричал, видите ли...

— Куда он побежал, Галахад?

— Я... я не знаю. У меня не было времени посмотреть, когда я закричал и подошел...

— Хватит! — сказал я, оттолкнул его и выбежал в заднюю дверь.

Вообще-то здесь не было и следа Мангера. Я проверил передний вход, но здесь собралась небольшая толпа и Мангер не проходил.

Я вернулся в бар.

— Ладно,— произнес я.— Еще «Коллинза». И не нужно мятые.

— Ну, вы уж не обижайтесь на это! — сказал он.

— Действительно, господин Баумхольцтер, не нужно волноваться из-за этого досадного происшествия,— сказал мне полицейский инспектор. Он откинулся на спинку своего кресла и посмотрел на кончик сигары.— Этот человек явно ненормальный. По вашей жалобе мы заберем его через день или два, и он наверняка попадет в психобольницу.

Я вздохнул. Мне было хуже, чем когда-либо. Я залез в карман и вытащил свой значок. Бросил его на стол.

— Этот значок указывает на то, что я агент департамента финансов, так что не дурите меня, как рядового налогоплательщика. Я расследую здесь дело о фальшивых деньгах, а этот парень влип в него прямо по своим приметные уши. Теперь давайте действовать.

Я не собирался подключать кого-либо к своей работе, но новости уже разошлись по городу, так что можно было уведомить и полицию.

Брови инспектора поползли вверх.

— Фальшивые деньги?

Я мог слышать, как у него в голове крутятся извилины.

— Аларик! — неожиданно закричал он.— Аларик! Принеси досье на Мангера!

И инспектор повернулся ко мне со сладкой улыбкой на лице.

— Мне очень жаль, господин Баумхольцтер. Боюсь, я невольно солгал вам. Понимаете,— говорил он,— мы получали много жалоб на Мангера, но он оказался очень богатым человеком. Он торговец или что-то в этом роде в туземной деревушке в глубинке, и раза два в году он приходит сюда и устраивает бузу. Иногда он ранит людей, и я думал, это одно из таких дел. Но чтоб фальшивые деньги? Н-да-а!

— Вот именно,— сказал я.

Я подозревал, что инспектора беспокоило, как бы какая-то часть денег Мангера не навела на него. Тем не менее у меня не должно было быть никаких трудностей с инспектором. Он мог быть купленным, но не должен был оставаться таким. Во всяком случае, пока не начнутся проблемы.

— Вы говорите, он торговец? — спросил я, стараясь убить время, пока не появилось досье.— Как это связать с дубликатором материи?

— Дубликатор материи! — инспектор побледнел.— Вы хотите сказать, что эти фальшивые деньги идентичны настоящим?

— Примерно так.

— Не может быть!

Он усиленно старался не рыться в кошельке и спрятать нервный взгляд.

Наполните ванну грязью. Разведите под ней огонь, включите горячий душ и ныряйте. Барахтайтесь. Сделайте это, и вы получите точное представление о денебианских джунглях.

Не забудьте о деревьях. Инспектор и я полдня прокладывали среди них дорогу, а я так и не видел деревьев — дождь был слишком сильным. Я был среди деревьев, и все же не мог их разглядеть, может потому, что каждый раз, когда я поднимался, я был в грязи. Я спотыкался, пока дождь не отмывал меня, а потом я ударился о новое дерево и шлепался!

Инспектор указывал дорогу и остановился только раз, чтобы свериться с картой и компасом. Он пылал рвением.

В конце концов он протянул руку и остановил меня. Я поднял глаза и обнаружил, что дождь больше не извергается на меня, и одновременно я увидел крытую листвой крышу.

— Убежище от дождя,— объяснил он.— Их строят туземцы. Это недалеко от деревни Мангера. Мы немного отдохнем и...

Рот инспектора остался открытым.

Я повернулся, и там, в глубине убежища, стоял Мангер и пара туземцев, вооруженных копьями.

— Счастливая случайность, да? — спросил Мангер, отвлеченно усмехаясь. Он повернулся к туземцам и сказал что-то, что, клянусь, звучало так: «Почешите собаку», но что, видимо, означало «Позаботьтесь о нем ради меня, ребята» или нечто похожее, так как они двинулись на нас.

Один из парней нацелил копьё мне в живот, иначе я попытался бы сломать его, но инспектор был удачливее.

— Я приведу помощь! — крикнул он и нырнул в грязь, как большая черепаха.

Дикари, намереваясь задержать его, бросились следом, но инспектор обладал преимуществом в скорости, развившимся за долгие годы беготни. Туземец почти сразу понял, что перед ним превосходящий противник, вяло метнул копьё и вернулся, шлепая по грязи.

— Так, господин Баумхольтцер, действия вашего партнера спасли на некоторое время вашу жизнь,— сказал Мангер.— Теперь нам придется удержать вас в качестве заложника, на случай, если придет помощь.

— Спасибо,— поблагодарил я.

Я посмотрел на набедренную повязку моего стража. Она состояла из хорошо подобранных тысячекредитных банкнот.

— Почешите собаку, быстро,— сказал Мангер, но на этот раз это явно означало: «Доставьте эту тушу в деревню, парни», поскольку именно это они и сделали.

Джунгли откликнулись грохотом огромного барабана. В мерцании огня нагие фигуры качались и прыгали, а голые ноги шлепали

по бревенчатой платформе в центре деревни. Ритм заставлял вибрировать платформу, и стало казаться, что дрожит воздух, и дрожь начала сотрясать мое связанное тело.

— Брум! Бум!

Скрипучий вой поднялся из их диких глоток, а отдаленные хижины вернули эхо примитивных воплей. Свет огня отражался от глянцевої кожи Дуодецимуса Мангера, который скинул официальное одеяние и надел простую набедренную повязку. Безмятежно стоял он рядом со мной, руки сложены на груди, и с грустью наблюдал за людьми, которыми правил. В отблеске огня он был столь же дик, как и они, и его величественное терпение сильнее слов говорило, что он их вождь.

Мангер наклонил голову ко мне и заговорил:

— Это поразительно, нелепо, что вам приходится быть с этими людьми,— произнес он.— Этот пикник, например. Они просят прощения у духа дерева. Зачем? Не знаю. Чертовое дерево еще никогда не подводило.

Он кивком указал на мощного великана джунглей.

— Так нет, им надо каждую ночь перед тем, как я делаю дело, устраивать этот марафон. Они будут на ногах до рассвета, и утром я помру стоя, но мы насладимся этим мерзким танцем.

Он с отвращением покачал головой.

— Господи, я слишком долго хлебал это туземное пойло.

Мангер потянулся к своей сигаре.

Он был прав. Мы бодрствовали до восхода солнца, и весь этот гам не умолкал ни на мгновение. Я сидел, стараясь выяснить, где Мангер делал деньги и что было важного в дереве. Думаю, не нужно объяснять, что я не пришел ни к какому выводу. Барабан гремел как ненормальный. Если бы я мог освободиться, я бы схватил свой пистолет, который Мангер привязал к поясу, и пристрелил бы неистового барабанщика даже раньше, чем подумал бы о бегстве.

В конце концов взошло солнце, и денебианцы прямо-таки взвыли. Ни Мангер, ни я не имели настроения вести светскую беседу. Он поднял меня и поставил на ноги.

— Идемте, Баумхольтцер,— сказал он.— Теперь я вам открою, как это делается.

— Благородно с вашей стороны показать мне это,— ответил я.— Полагаю, это означает, что меня уже не будет в живых, чтобы все рассказать.

— Очень разумно. Мне нравятся люди, которые смотрят в лицо фактам.

По бревенчатой платформе мы подошли к подножию дерева, в честь которого был устроен весь этот шум. Я еще не видел связи, но был готов ждать.

Не пришлось. Во всяком случае, долго не пришлось. Мангер

залез в маленькую сумку у пояса и вытащил банкноту. Я посмотрел на нее. Это была либо другая копия, вроде тех, что я принес в кабинет Саксегаарда, либо ее прародитель.

— Я не использую тысячекредитные банкноты, за исключением случаев, когда туземцам нужны новые набедренные повязки,— пояснил через плечо Мангер.— Пятидесятикредитки гораздо легче воспроизводить.

— К черту,— сказал я.— Как же я вышел на вас?

— Это была ошибка!— раздраженно ответил он.— За минуту я получал достаточно денег, я продавал их... хм... моим «контактам» за пятьдесят процентов стоимости. То, что вы нашли, было пробной партией для одного из моих бывших агентов, с излишней алчностью их потратившему.

— Меньше слов, больше дела,— сказал я. Мне не нужно было даже гадать, что случилось с его «контактом», я горел желанием увидеть, как он собирается заставить дерево печатать для него деньги.

— Ладно,— сказал он, вытащив из-за пояса мой пистолет.— Обычно я использую шум, производимый туземцами, но так будет гораздо эффективнее.

В то же время, пока мы говорили, он сложил пятидесятикредитную банкноту в бумажный самолетик. Теперь он держал его в правой руке, готовясь бросить в дерево, а левой рукой поднимал мой пистолет. Болтовня туземцев позади нас смолкла. Большие листья дерева шевелились в тишине.

Пах! Пистолет выстрелил, и сложенная банкнота полетела к дереву. Ее несло в крону.

Началась пальба. Еще и еще. И еще. Громче. Еще громче. И еще громче, пока не слышалось только «пах! пах! пах!».

Банкнота летела обратно. За ней другая, потом целая группа, эскадрилья, армады бумажных самолетиков из пятидесятикредитных банкнот! Они раскидывались во все стороны от странно шевелящейся кроны дерева и разлетались по туземной деревушке.

— Ну, что вы об этом знаете? — тупо спросил я, мой рот был открыт. В него влетел самолетик. Я вытащил его и осторожно развернул, уставившись на банкноту округлившимися глазами. Она казалась неподдельной как день. Вокруг меня туземцы сходили с ума, бегали и прыгали, хватали самолетики из воздуха и поднимали с земли, засовывали в приготовленные сумки.

Мангер повернулся и посмотрел на меня.

— Поразительно, не так ли? — вежливо спросил он.

— Защитная мимикрия! — воскликнул я, неожиданно все осознав.

Он кивнул.

— Точно. Я нашел это дерево шесть лет назад. Я заблудился,

пытаюсь ускользнуть от тисков закона. Чтобы проложить себе путь, я замахнулся топором на это чертово дерево и чуть было не был оскальпирован. Ко мне отскочило пятьдесят топоров.

— Но как мимикрия могла развиться до такой степени? Я слышал о мимикрии животных и насекомых, которые принимают вид опасных для жизни форм, но никогда ни о чем подобном.

— Проверьте меня,— произнес Мангер.— С этим миром столетия назад контактировали эглинсы, пока террестриальцы не захватили эту федерацию. Они были великими маленькими экспериментаторами, эти эглинсы.

— Гмм. Интересно смотрится, одно лишь дерево. Может, это была экспериментальная посадка. Это единственное дерево, да?— быстро спросил я.

— Точно. Когда я подружился с туземцами и перенес сюда эту деревню, я заставил их прочесать джунгли в поисках другого, но его не было.

— Черт возьми, и одного хватит. Ну и ситуация! Вы пугаете дерево шумом, и оно отделяется тем, что дублирует вещи, которые считает опасными. Господи!

— Это я и сказал, когда ко мне отскочили топоры,— сказал Мангер. Осыпанный пятидесяतिकредитными банкнотами, он смотрел на меня и подымал мой пистолет.

— Ну, Баумхольтцер, похоже, твой приятель не приведет помощь. Мне будет тебя недоставать.

Он потянулся к спусковому крючку, а я стал покрываться испариной.

Неожиданно с другой стороны деревни раздался взрыв криков. Пистолет отклонился, и несколько копий взвились в воздух.

— Копы!— Мангер уставился на инспектора и его людей, выбиравшихся на открытое пространство из джунглей.

— Должно быть, они подкрались, застав врасплох моих часовых!

Мангер вновь поднял мое оружие.

— Но все же я достану тебя!

Я бросился на Мангера, надеясь, что он промахнется.

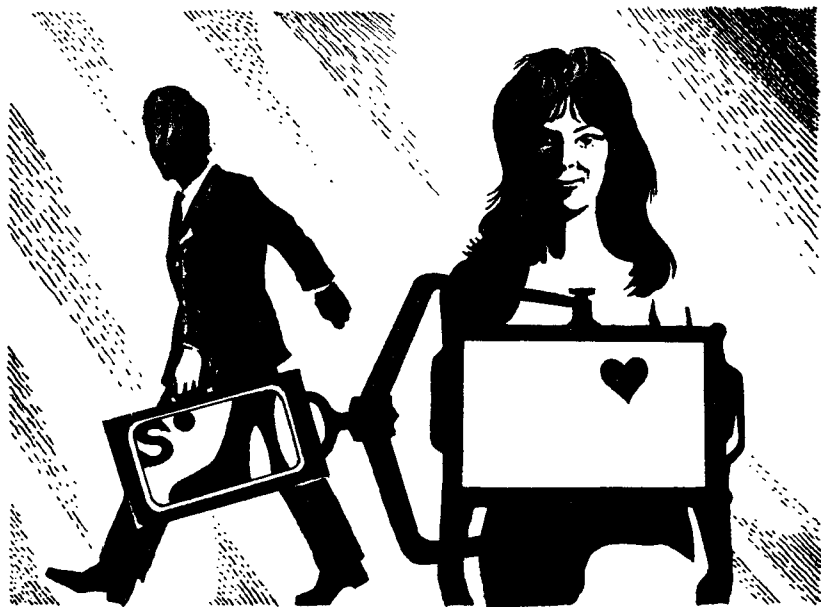
Он не выстрелил, пока я не налетел на него. Мы катались по земле, я ухватил его, но он увернулся. Я наткнулся спиной на дерево, и в этот момент он выстрелил и промахнулся.

Ну вот и все.

Теперь мы сидим здесь, в космопорту Денеба XI, ожидая пратильственный корабль, который забрал бы нас.

Когда Мангер промахнулся, борьба закончилась по очевидной причине. У него не было шансов устоять против нас всех.

Да-да, нас. Мангер и все сто шестьдесят восемь Я.

Джордж Гамов

СЕРДЦЕ ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ

— Нет, он не согласится!— в отчаянии воскликнула Верочка Сапожникова.

— Мы попробуем его уговорить,— пытался утешить ее Стэн Саймус. Он был влюблен в Верочку.

Она покачала головой.

— Ему нужен прежде всего компаньон в обувном деле. Такому зятю он оставил бы все наследство. Как же ты, математик, станешь обувщиком?

— Да, это трудно. Обувщиком мне не бывать,— грустно согласился Стэн. Он размышлял.— Вот если бы я был специалистом в другой области математики... Что такое тополог? Ума не приложу, как топология может способствовать производству или реализации обувной продукции.

Вдруг он воодушевился:

— Я не собираюсь терять любимую из-за того, что моя лен-

та Мебиуса создана не для коммерции. Я ведь еще не рассказывал тебе о ней. Лента Мебиуса.

— Что? — растерянно произнесла девушка.

Стэн стал нетерпеливо рыться в ящике письменного стола.

— Сейчас. Как я мог не показать тебе ее?

Они были в его университетском кабинете. Он быстро нашел лист бумаги, ножницы и пузырек клея.

— Смотри сюда, — сказал Стэн, отрезая полоску бумаги шириной около дюйма. Один ее конец он развернул на сто восемьдесят градусов и склеил концы. Получилось изогнутое бумажное кольцо.

Верочка посмотрела на это кольцо, потом перевела взгляд на своего возлюбленного.

— Это твоя профессия? — удивилась она.

— Подожди-подожди, — Стэн подал ей ножницы. — Давай разрежем полоску посередине. Посмотришь, что получится.

Верочка вздохнула.

— Глупости какие. Я знаю, что может получиться. Два кольца. Так ведь?

— А ты разрежь, — сказал Стэн.

Верочка пожала плечами и выполнила то, что он велел. Когда ножницы прошли вдоль всей полосы, она вскрикнула, до того была удивлена. Получилось совсем не то, что она ожидала. Двух колец не было, на руке висело одно, но в два раза длиннее прежнего.

Верочка взглянула на своего обожаемого математика.

— Это что, колдовство? Что это за Мебиус?

— Шведский математик, жил в девятнадцатом веке, занимался топологией. К сожалению, остальные его открытия не так легко продемонстрировать. А вот об этой полоске можно еще кое-что сказать. — Стэн быстро смастерил еще одно кольцо. — Теперь смотри. Предположим, я нарисую на этой полоске какие-нибудь фигурки. Попытайся пофантазировать. Допустим, полоска прозрачная, так что можно видеть нарисованные фигурки с обеих сторон. Теперь представь себе, что эти рисунки могут скользить по поверхности полоски.

Верочка нахмурилась, пытаясь что-нибудь вообразить.

— Смотри, — с восторгом сказал Стэн. — Они превращаются в свое зеркальное отражение всякий раз, как совершают полный поворот вокруг полосы.

— Интересно, — пробормотала Верочка. Она была обескуражена таким количеством математики.

— Обрати внимание, — приказал Стэн, на мгновение забыв, что говорит с нежной девушкой, на которой хочет жениться, а не со своими студентами. — Это очень важное свойство ленты Мебиуса. Оно может быть обобщено для трехмерного и даже для n -мер-

ного пространства. Пожалуй, надо показать это в своей статье.

— Это восхитительно,— растерянно шептала девушка.

Стэн уже не слышал ее, его прорвало.

— Между прочим, это свойство представляет не только академический интерес,— уверенно произнес он.— Я рассчитал, что где-то на Земле должен действовать трехмерный эффект Мебиуса. Ты, конечно, понимаешь, к чему это может привести.

— Конечно,— как эхо, ответила девушка.

— Предположим,— говорил Стэн, лихорадочно черкая на ленте,— я изображу на одной из сторон полосы, например, человека и животное, которые смотрят друг на друга. Ты не должна забывать, что эта лента прозрачная. Ведь мы имеем в виду математические поверхности, которые не имеют толщины. Обе фигуры будут видны с каждой стороны бумаги. Я рисую этого изящного торреро и разъяренного быка во время решающей схватки.

— Д-да, это уже интересно,— теперь Верочка кое-что понимала.

— Так,— продолжал Стэн, полный лекторского энтузиазма,— представь себе, что торреро побегал по полосе и вернулся к быку с противоположной стороны. В этом случае он вынужден убежать от быка, поскольку будет повернут к нему спиной. Так как эта позиция неудобна для битвы с быком, он должен будет снова пробежать вдоль ленты Мебиуса, чтобы попасть в подходящее положение.

Верочка не слушала его больше. Она перебирала перчатки, потом в задумчивости поднялась и взяла сумочку.

— Ты способен на многое,— мягко сказала она.— Но, дорогой, я не представляю, что будет с нами. Ты играешь с этими полосками Мебиуса, но не можешь использовать их принцип для переворота в обувном деле, и отец никогда не отдаст меня за тебя.

Стэн вдруг спустился с небес на землю.

— Да, конечно,— сказал он.— Но... если попробовать...

Он не договорил. На лбу его резко проявились складки, и было видно, что Стэн серьезно задумался. Это продолжалось несколько минут, пока Верочка не заволновалась.

— Стэн, что с тобой?— настороженно спросила она.— Стэн?

— Я же могу!— радостно воскликнул он.— Я знаю как! Я устрою поворот Мебиуса для обуви. Поверь мне, это великолепная мысль — она перевернет всю обувную промышленность.

Через час в апартаментах Верочкиного отца зазвонил телефон.

— К вам доктор Саймус,— передал через интерком секретарь.— Он говорит, что хочет вам что-то предложить.

— Пусть пройдет,— недовольно распорядился мистер Сапожников.— Сомневаюсь,— сам себе сказал он,— чтобы этот молодой человек мог придумать что-нибудь дельное. На уме одна женитьба.

Он неохотно встал, все еще хмурия брови, когда вошел Стэн. Они пожали друг другу руки в знак приветствия.

Стэн начал так:

— Сэр, вы, наверное, в курсе, что любой человек — мужчина или женщина — имеют две ноги. Одна из них левая, другая — правая.

Мистер Сапожников посмотрел на него негодуя.

— К чему вы клоните?

— Я продолжу: это хорошо известный факт,— уверенно сказал Стэн.— Разве вы не чувствуете, как это удорожает производство обуви? Разве вам не приходится иметь два различных вида машин — один для правых, другой — для левых башмаков? Почему бы не делать проще — производить обувь только для одной ноги, например, для правой?

К этому времени мистер Сапожников уже успокоился, ибо был уверен, что молодой человек не в себе, но опасности не представляет. Он позволил себе отпустить шутку в своем собственном стиле:

— Конечно, а потом, я думаю, рекомендуем всем прыгать на одной ноге. Я правильно вас понял?

— Нет, сэр,— серьезно сказал Стэн, не принимая юмористического тона.— Это не принесло бы нам прибыли.

— В таком случае, что вы хотите сказать?

Стэн попросил разрешения сесть.

— Вы, наверное, знаете, что последние несколько лет я потратил на изучение математических возможностей поворота Мебиуса в трехмерном пространстве. Это довольно сложная вещь, поэтому я не буду затруднять вас объяснениями, это все равно не интересно. Ваша дочь тоже ничего не поняла.— Эти слова обидели мистера Сапожникова, но он промолчал.— Мои последние выкладки, учитывающие гравитационные непостоянства, наблюдаемые в отдаленных частях земной поверхности, показывают, что такой трехмерный Мебиусов поворот может осуществиться в диких районах верхней Амазонки. Кроме того, в Южной Америке недавно побывала биологическая экспедиция, и ее открытия еще раз подтвердили мои предположения. В долинах реки обнаружены два различных вида улиток: с левыми и правыми витками раковин.

По всему было видно, что мистеру Сапожникову надоел этот разговор. Он строго сказал:

— У меня слишком много дел, Саймус. Вы говорите сущую ерунду, не имеющую никакого отношения к обуви.

— Трехмерный поворот превращает вещи в их зеркальные отражения,— терпеливо объяснял Стэн.— Ведь как раз правый баш-

мак является зеркальным отражением левого и наоборот. Вы сможете отобразить один от другого, если доставите его в соответствующее место в верховьях Амазонки. Именно такое явление, вероятно, и произошло с улитками, обитающими в этой местности. Тогда вы будете производить продукцию только на правую ногу и превращать половину ее в левую, отправляя на Амазонку в пункт поворота. Я думаю, что об экономии машин, рабочей силы и полнейшем совпадении пар мне говорить не нужно.

— Друг мой!— восхищенно воскликнул мистер Сапожников, вставая со стула и горячо пожимая руку молодого ученого.— Если и в самом деле вам удастся проделать это, то не сомневайтесь, я отдам вам руку дочери и сделаю вас... младшим компаньоном в моем бизнесе.

Оправившись после сильного возбуждения, он более здраво заключил:

— Мебиус или не Мебиус, свои обещания я выполню только тогда, когда вы вернетесь с Амазонки с грузом превращенной обуви. Текст контракта вы сможете взять с собой — в дороге будет время его изучить. Мы подпишем его, как только вы прибудете сюда с доказательствами. Мой секретарь проводит вас в аэропорт и передаст контракт и пробную партию обуви. Всего хорошего, желаю удачи!

Стэн, полный надежд, сияя, выскочил из кабинета мистера Сапожникова.

В голове юного математика стучала только одна мысль:

— Нет, это не пекло, это всего лишь Южная Америка...

Путешествие к Амазонке казалось бесконечно утомительным.

Задачей нашего повествования не является описание всех опасностей и трудностей этого путешествия — вначале на крохотном пароходике, потом пешком по непроходимым тропическим джунглям, окружающим пункт поворота,— но все же хотелось бы напомнить о таких неизбежных явлениях, как крокодилы, жара, влажность, москиты, а в полуденную пору еще большее количество москитов. К этому нужно прибавить страдания Стэна от аллергии к какому-то тропическому растению, которая чуть не лишила его жизни. Но Стэн не сдавался, несмотря на опасности и болезнь, и маленький караван из индейских носильщиков продолжал путь к предполагаемой точке поворота. Состояние молодого человека все ухудшалось, голова кружилась от лихорадки, сознание было неясным, а позже Стэн не мог сообразить, верны ли его представления о деревьях, растущих из земли под непонятным углом или вообще вверх ногами. В конце концов, на обратном пути он совершенно обессилел и не смог передвигаться без посторонней помощи.

Его постоянно поддерживали носильщики. Очнулся Стэн уже на пароходике, который торопливо бежал обратно к цивилизации. Ветерок придалвал свежести, а пространство вокруг заполнили голоса тропических птиц. Поднявшись, Стэн поспешил на палубу, где горой были свалены ящики с обувью, и открыл один из них с надписью: «Дамские. Оксфорд. Белые. Шестой размер. Д. Правая туфля». Взяв ее в руки, он пришел в ужас — она осталась правой, а не превратилась в левую, как предполагалось согласно Мебиусову повороту. Ясно, в теории ошибка, и все испытания, выпавшие на его долю, были напрасны, ничто не принесет ему счастья. Он не добьется руки Верочки.

В ярости он принялся вскрывать остальные ящики. Тут было большое разнообразие: мужские и женские вельветовые, детские розовые туфельки, но... все на ту же ногу. В точности такие, какие были перед отправкой. С отчаянием Стэн швырнул весь груз за борт на завтрак крокодилам.

В аэропорту Стэна встречали Верочка и ее отец. Первый вопрос задал мистер Сапожников.

— Где обувь? — забеспокоился он.

— Ее дожевывают крокодилы, — мрачно ответил Стэн. — Не могу понять, в чем дело, но все туфли остались на правую ногу. Вероятно, моя теория несовершенна, и такого явления, как Мебиусов поворот, просто не существует.

Верочкины глаза наполнились слезами.

— Я сожалею, сэр, — продолжал Стэн, — что причинил вам массу беспокойства своей фантастической идеей. Я отдаю контракт неподписанным и прошу прощения.

Достав из кармана бумагу, испытывшую столько же невзгод, сколько и ее хозяин, он протянул ее старику.

— Как странно, — воскликнул мистер Сапожников, просмотрев документ. — Тут творится что-то непонятное.

— Зеркальное отражение! — обрадовалась Верочка, заглянув через плечо отца. — Это свершилось... поворот был!

В голове Стэна моментально созрело объяснение. Изменение действительно произошло, каждая из туфель превратилась в свое зеркальное отображение. Но ведь и он сам подвергся повороту и, естественно, не смог заметить перемены в обуви.

— Послушай, как бьется мое сердце, — сказал он Верочке. — Только не с той стороны, как обычно. Мое сердце теперь справа, — грустно добавил Стэн.

— Это не имеет значения, милый. Я люблю тебя еще больше, — сказала счастливая Верочка.

— Да, ваша ошибка, что вы не привезли обувь, — заметил

мистер Сапожников,— но мне кажется, что этот «перевернутый» контракт и рентгенограмма вашей груди послужат достойным доказательством совершившегося поворота. Мы заключим договор, как только перепечатают контракт, а вы научитесь подписывать свое имя снова слева направо. И, конечно, я даю согласие на ваш брак с Верочкой.

Но не все прошло так гладко. С того момента, как Стэн вернулся из Бразилии, здоровье его стало ухудшаться. Он не изменил образа жизни, первоклассно питался, но видно было, что молодой человек худеет день ото дня... Для консультации пригласили известного диетолога, который после долгого исследования определил полную неспособность организма усваивать протеин. Яичница с ветчиной, которую Стэн любил есть на завтрак, проходила сквозь него, не претерпевая изменений. Профессору рассказали о приключениях Стэна в Южной Америке, и когда он убедился, что сердце пациента действительно находится в другой стороне груди, он смог дать полное объяснение его необычной болезни.

— Беда в том,— начал он,— что, как и весь организм, ваши пищеварительные ферменты подверглись полному повороту слева направо. Поэтому теперь они не могут усваивать протеин обычной пищи, который всегда имеет левую симметрию.

— Я не имею понятия ни о левом, ни о правом протеине,— заволновался Стэн.

— Я с удовольствием сейчас объясню,— ответил диетолог.— Это очень интересно. Как известно, протеин является сложным химическим соединением, состоящим из большого количества более простых, называемых аминокислотами. Никакой живой организм не может существовать без протеина, а главное — он важный компонент нашей пищи. Науке известно двадцать разновидностей аминокислот. Способ их соединения очень важен — от него зависит строение протеиновой молекулы, определяющей сущность желудочного сока, мышечной ткани или белка яйца. Каждая аминокислота состоит из аминогруппы и атома водорода, присоединенного к основной массе молекулы, называемой остатком. Он определяет химические и биологические свойства молекулы. Сейчас объясню нагляднее: представьте, что аминогруппа — ваш большой палец, кислотная группа — ваш средний палец, а остаток — мизинец. Вот вы и знакомы с органической тканью.

— Понятно,— сказал Стэн.— Теперь как быть с лево- и правосторонней симметрией? Видимо, все зависит от того, на какой руке эта модель, на левой или на правой. Не так ли?

— Совершенно верно. Правда, химически обе молекулы одинаковы за счет зеркальной симметрии, а различие их заключается в поляризованном свете. Они могут быть дифференцированы оптическими методами. В лабораториях с успехом синтезируют оба вида

молекул, но природа предпочитает левостороннюю симметрию. Все живые организмы используют исключительно такие молекулы. Это великая и неразгаданная пока загадка. Протеины: в вас, во мне, в собаке, в рыбе, в дереве, в амебе, в вирусе — только левосторонние относительно аминокислот.

— Но почему,— допытывался удивленный Стэн.— Какое преимущество с биологической точки зрения имеет левосторонняя направленность?

— В сущности никакого. Легко представить себе два органических мира, существующих независимо друг от друга — левый и правый. В них могут происходить, а могут и не происходить, органические эволюции. Мне кажется вполне возможным, что два таких мира действительно существовали многие тысячелетия назад. Случайно левосторонние вытеснили правосторонних в борьбе за существование. Правосторонние вымерли.

— Значит, я теперь представитель несуществующего правостороннего мира?— ужаснулся Стэн.

— Именно так,— подтвердил врач.— Хотя вы можете усваивать жиры и крахмал, которые не имеют зеркальной симметрии, все же обычный протеин для вас не существует. Придется соблюдать особую диету. Но не стоит расстраиваться. Я уверен, что ваш тест сумеет наладить в биохимической лаборатории производство правостороннего протеина. А пока мы сможем поддерживать вас обычными антибиотиками, например, пенициллином.

— Причем тут антибиотик?— удивился Стэн.

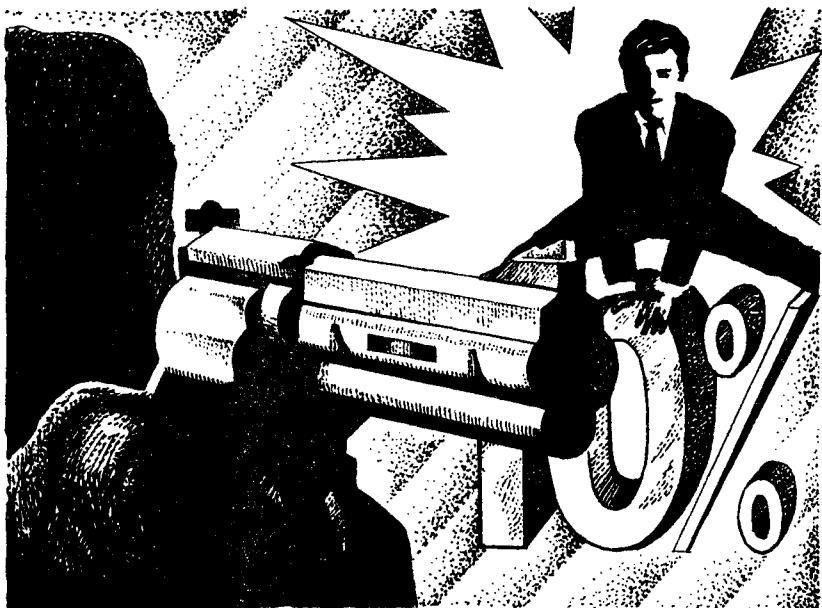
— Я не успел сказать вам, что в настоящее время существует несколько организмов, которые используют, хоть и частично, правосторонний протеин. Это, в основном, плесень.

— Выходит, что она, как и я — остаток правостороннего мира?

— Мне кажется, что это не так. Вероятно, плесень способна к синтезу и использованию правых аминокислот, и неспроста. Это ее защита от злейшего врага — бактерий. Такая защита очень эффективна, так как абсолютно все бактерии левосторонние и не могут усваивать правостороннюю пищу. Но вам она будет полезна.

— Превосходно,— улыбнулся Стэн. Его настроение поднялось, и он готов был даже пошутить.— Прикажите подать полный поднос пенициллина. Я хочу есть. И пригласите Верочку. Я, наконец, могу сообщить ей нечто приятное.

Фредерик Браун

МИСТЕР ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ

Страх парализовал меня совершенно. Завтра величайший день в моей жизни. Завтра в комнате за узенькой зеленой дверцей я узнаю, каков запах циангидрита. Но не это страшит меня. Умереть я хочу. Но...

Это началось с моей встречи с Роско. Перед этим я сам стал А. Рос — Ант Роско. Сейчас я попытаюсь объяснить.

Тогда я был молод, довольно красив, в меру умен, прилично воспитан. Тогда меня звали Билл Виллер. Уже пять лет прошло с тех пор, как я вознамерился стать актером кино или на худой конец телевидения, но пока не попал даже в рекламный ролик, не говоря уже о фильмах группы В. Чтобы не умереть с голоду, я крутился, как белка в колесе, каждый вечер с восемнадцати до двух в погребке в Санта-Моника.

В этой работе был свой плюс, так как день оставался свободным для осуществления моей мечты. Я ехал в Голливуд на автобу-

се и обивал пороги агентов и студий. Как раз в тот вечер, когда удача повернулась ко мне в профиль, я решил на работу не идти. В Голливуд я не ездил уже восемь дней. Я позволил себе отдыхать, загорать на пляже и размышлять о будущем. Меня всерьез занимал вопрос о том, какой из доступных мне типов занятий может хоть в какой-то мере удовлетворить мои высокие духовные потребности. До сих пор я считал — актер или ничто. Отказавшись от надежды стать актером, я вынужден был провести ревизию своих представлений о сущем. Итак, удача бросила на меня свой взор в восемнадцать часов, как раз в тот момент, когда я уже должен был быть в своем погребке, так как день был не выходной. Это случилось на Олимпик бульвар, недалеко от Четвертой улицы, в Санта-Монике.

Я нашел бумажник.

Наличными там было тридцать пять долларов. Но были: карточка Объединенного Клуба, Клуба Интернейшнэл, Карт Бланш и еще кое-какие кредитные карточки.

Мне потребовалось зайти в ближайший бар, присесть и пропустить стаканчик, чтобы обмозговать происшедшее.

Я в принципе против какого бы то ни было мошенничества, но, взвесив все свои обстоятельства, пришел к выводу, что данная находка, случившаяся в самом нижнем перигее моей жизни, была знамением величайшего поворота моей судьбы.

Понятно, пользоваться чужими кредитными карточками не только грешно, но и рискованно. Однако в первый вечер и даже ночь попробовать можно. Таким образом мне хватит на хороший ужин, скромную выпивку, отель средней руки с вызываемой по телефону девушкой. Учитывая то, что с девушками не расплачиваются кредитными карточками, я должен был ими воспользоваться раньше, чтобы получать монету в каждый своей заход. Вероятно, чтобы дойти до стадии вызова девушки, мне понадобится не один заход. Даже при наименьшем везении к концу вечера у меня может оказаться приличная сумма. В последний раз я воспользуюсь кредитной карточкой, чтобы получить место в самолете, который унесет меня подальше от этой безнадежной дыры. Я начну жизнь сначала, на новом месте, я буду работать. Только не играть. С этими глупостями покончено... ну, может быть... не как профессиональный актер, а так... в любительских спектаклях... для души...

Времени терять было нельзя. Я тщательно взвесил все детали плана.

Началом было то, что я попросил бармена вызвать мне такси. Дома потренировался с полчаса и научился сносно имитировать подпись на кредитных карточках. Я должен был расписываться, не глядя на модель. Я опять вызвал такси и, пока дожидался его, собрал вещички. Когда машина пришла, я был уже готов. Я попросил отвезти меня в бюро проката автомобилей.

Я раз мечтался о «кадиллаке» и был слегка разочарован, когда мне предложили только «крейслер». В сущности, это было не так важно, на меня и мою машину обратят внимание только служащие на стоянках.

В бюро я сказал то, что и намеревался говорить всем в течение этого вечера: я временно не при деньгах; я буду очень признателен... я подпишу соответствующий счет со своей кредитной карточкой. Да, конечно, другие документы у меня есть. Вот права. Имя в них то же, что и на карточках... Они проверили по списку, выдали мне пятьдесят долларов, и я оказался брошенным в преступную карьеру.

Поскольку я уже проголодался, то поехал в направлении Голливуда, в Билшир, оставил машину на стоянке при Дерби и переступил порог ресторана. В зале все столики были заняты. Метрдотель спросил, не могу ли я подождать минут пятнадцать-двадцать. Я ответил, что это меня вполне устроит, когда столик освободится, он найдет меня в баре. Таким образом я и попал в бар.

А в баре был один-единственный свободный стул. Я сел и оказался рядом с человеком, который тоже, как видно, был один. Еще за столиком сидели мужчина и женщина, которые не сводили друг с друга глаз и шептались, не обращая ни на кого внимания. Незнакомец был невысок, одет с иголочки. Его густые, но странно светлые волосы были тщательно уложены, седоватые усы приглажены над губой. Однако складывалось впечатление, что он довольно молод, несмотря на седину. Это впечатление создавал здоровый румянец и нежная гладкая кожа на лице. Видимо, он тоже недавно пришел в бар: бокал перед ним не было.

Так случилось, что нас познакомил бармен. Это вышло нечаянно — мы сидели рядом, бармен принял наши заказы и, подав выпивку, поинтересовался выписывать один или два счета. Я уже раскрыл рот, но мой миниатюрный сосед повернулся ко мне и спросил, не окажу ли я ему честь выпить с ним и оставить счет ему. Мне осталось только поблагодарить его и принять приглашение. Взаимно пожелав друг другу «здоровья», мы завязали разговор.

Помнится, мы не обременяли себя условностями этикета при знакомстве, а сразу накинулись на главную тему летнего лос-анджелесского вечера: шансы Лоджер на участие в чемпионате.

Бывшая моя актерская профессия требовала работы над акцентами, и я много этим занимался. Акцент моего нового знакомого был необычен. В нем звучал оксфордский английский с небольшими вкраплениями ливанского и сверкающими чисто голливудскими искрами. Причем то и дело он употреблял просторечные обороты. Я даже не рискую передавать здесь его речь — у меня бы ничего не вышло.

Он мне сразу очень понравился, похоже, и я ему показался симпатичным. Почти сразу, пренебрегая официальными представле-

ниями, мы стали звать друг друга по именам. Он назвался Роско, а я сказал, что меня зовут Джерри, памятуя, что в кредитной карточке было имя Д. Р. Бергер. Мне пришло в голову пригласить его разделить со мной стол, если он еще не обедал. Я рассчитал, что если все так пойдет, как шло, два обеда обойдутся мне чуть дороже одного. Бейсбольная тема иссякла, ибо мы не относились к знатокам и даже любителям. Как-то сам собой разговор перекинулся на кино. Оказалось, он имел кое-какое отношение к этой отрасли. Особой активности он не проявлял, но имел капиталовложения во многих независимых фильмах и паре телевизионных спектаклей. В течение последних трех лет он производил и продавал фильмы от Лондона до Лос-Анджелеса. Вдруг он поинтересовался, не актер ли я. Ему показалось, что у меня манеры и стиль поведения, как у актера.

Не могу объяснить, как получилось, что неожиданно для себя я выложил ему всю горькую историю крушения своих надежд. Я с удивлением отметил про себя, что, вновь переживая ее, не испытывал обиды на судьбу, а, наоборот, даже бравировал своими неудачами. Еще более странным было то, что теперь я сам увидел всю смехотворность моих попыток. Тут ко мне подошел официант и спросил, не я ли ожидаю столика. Я обрадовался и попросил Роско принять мое приглашение и разделить со мной обед. Он направился за мной.

Во время обеда я дотягивал свою историю. Я судорожно сообщал, какой конец к ней приделать, чтобы мое нынешнее благополучие не казалось нелогичным. Пришлось довольствоваться банальной развязкой: я не изобрел ничего лучшего, чем дядюшку, оставившего мне мизерное наследство. Я добавил, что получил хороший урок, который никогда не забуду, и свой капиталец уже не брошу в бездонную бочку, которую пытался наполнить в течение пяти лет. Я вернусь теперь домой и подыщу какое-нибудь стоящее занятие.

Появился официант, оставил счет и повернулся, чтобы уйти. Я окликнул его, положил на тарелку хорошие чаевые и кредитную карточку. Я боялся, что Роско станет настаивать, чтобы оплатить счет или хотя бы разделить его. Мне нужно было получить наличными хотя бы по одной из карточек. Я поинтересовался у Роско — больше для того, чтобы поддержать разговор, чем для справки, — смогу ли я получить деньги у Дерби, поскольку у меня маловато наличных.

— К чему пользоваться услугами Дерби? — удивился он. — Я при деньгах. Пятьсот долларов вас устроит, дружище?

Я изо всех сил старался, чтобы мое лицо не излучало сияния. Как можно спокойнее я сказал, что этого достаточно. Больше ста долларов получить я не надеялся. Ресторан мог постараться ради клиента, но размахнуться широко, конечно, не рискнет. Я попросил

у официанта чистую чековую книжку. Я старательно вписывал название банка, заученное еще у себя дома, и выписывал чек на предъявителя, Роско тем временем вытащил из кармана золотой зажим. В нем все банкноты были по сто долларов, и было их там, похоже, не меньше десятка.

Он отстегнул пять штук, протянул мне, а я ему — чек.

Он взглянул на него, и брови его поползли на лоб от удивления.

— Джерри, дорогой,— воскликнул он.— У меня и так было намерение пригласить вас к себе, чтобы кое-что предложить вам. Теперь я еще больше вами заинтересовался. Представьте, у нас с вами одинаковые имена. Во всяком случае это так, если только вы не нашли бумажник, который я потерял сегодня вечером в Санта-Монике.

Да, теперь-то я с божьей помощью понимаю, что это не могло быть простым совпадением в таком огромном городе, как Лос-Анджелес. А тогда что я мог подумать? Я даже не мог утверждать, что он следил за мной. Ведь когда я пришел в Дерби, он был уже там.

Я подумал было рвануться к двери. Настоящего моего имени никто здесь не знает, если я прорвусь, то улизнуть мне удастся. Но эта безумная мысль быстро улетучилась. Когда я побегу, он закричит: «Держи вора»,— взвод официантов кинется на меня, дадут подножку... и все.

Тем временем он совершенно спокойно продолжал:

— Д. Р.— это Джошуа Роско. Не надо делать глупостей, и я, наконец, сделаю вам свое предложение. Согласны выслушать?

Он поднялся. Я растерянно кивнул, покорно встал, гадая, что же это за предложение. На голубого он, вроде, не похож. Даже если это так, я буду защищаться.

Итак, я двинулся за ним. Только мы вышли на улицу, около входа в ресторан резко затормозила полицейская машина. Меня прошиб холодный пот. Я с трудом взял себя в руки, увидев, что они не за мной. Роско протянул швейцару доллар, достав его из кармана, где беспорядочно лежала мелочь, золотой зажим скреплял кое-что покрупнее. Он велел вызвать такси. Я хотел сказать, что недалеко стоит моя машина, но удержался, сообразив, что она мне еще может понадобиться.

Пока мы ехали, он молчал. Я попытался произвести мысленный подсчет. Вообще-то я мог вернуть ему почти все. У меня же был свой стартовый капитал в двадцать пять долларов. Ресторанный счет плюс чаевые унесли двенадцать долларов. Если я тут же отвожу «крейслер», то за мной будет только тридцать километров за два, ну, может, три часа. Я не потратил тех пятидесяти долларов, которые получил там по кредитной карточке. Их тоже можно вернуть Роско. Только бы он согласился на тот вариант, который я предложу.

Такси остановилось около весьма приличного дома. У тротуара напротив опять стояла полицейская машина. Господи, да что за наваждение! Я шагнул из такси. Что ж, выслушаю его, попробую предложить ему свое, если не выйдет, придется прибегнуть к силе.

На лифте мы поднялись на четвертый этаж. Роско открыл дверь в странно аккуратную, но явно холостяцкую квартиру. Позже я узнал, что в ней шесть комнат, прислуга приходящая. Он жестом пригласил меня сесть на диван, а сам направился к небольшому бару в углу комнаты.

— Коньяк?— не оборачиваясь, спросил он.

Я сглотнул комок в горле и решился предложить возмещение. Он спокойно разлил коньяк, подошел и протянул мне один бокал.

— Бросьте вы выкручиваться, Джер... Однако хотел бы я знать, это ваше настоящее имя или вы его случайно выбрали по первому инициалу на кредитных карточках?

— Меня зовут Билли. Вильям Трент.

Я вовсе не собирался раскрывать свою настоящую фамилию, пока не убедился, что ничем не рискую. А имя я назвал.

Мне полегчало, когда я увидел, что он опускается в кресло напротив, а не на диван рядом со мной.

— Нет, не пойдет. Чересчур банально,— рассуждал он.— Как вам такое: Брик *? К вашей рыжей шевелюре больше подойдет это имя. Скажем, Брик Бреннон. Нормально?

Пока мне нравилось. Главным образом то, что он не звал копов и не делал мне авансов. Обзывать меня он мог, как его душе было угодно.

— Ну что ж! Ваше здоровье, Брик. Теперь вернемся к вашей истории: есть в ней хоть доля правды?

— Все правда!— сорвался я.— Только роль дядюшкиного наследства играет найденный бумажник.

Он поставил стакан, пересек комнату, взял с небольшого письменного стола какие-то листки. Это был сценарий. Он выбрал эпизод и показал мне, откуда читать.

— Прочтите из этой пьески странички полторы. Роль Филиппа. Это лесоруб. Грубый, неотесанный. Канадский акцент. Жену свою он сильно любит, но в данный момент обозлился на нее. Здесь сцена ссоры. Прочтите сначала про себя, потом вслух. Реплики жены вслух не читайте.

Я прочитал про себя, потом изобразил этого Филиппа. Роско велел мне пролистнуть несколько страниц до интересной сцены и зачитать реплики другого персонажа. Затем последовала еще одна роль. Каждый раз он давал кое-какие пояснения к характеру пер-

* Брик — кирпич.

сонажа: о манере говорить, об отношениях к другим участникам сцены.

Поправив меня таким образом несколько раз, он разрешил положить сценарий и отхлебнуть из бокала. Не торопясь, он смаковал свой коньяк.

— Ладно,— вымолвил он наконец,— похоже, вы и вправду актер. Видимо, вам не везло. Хотите, в течение двух лет я сделаю из вас звезду? Но вы полностью должны довериться мне.

— А что с меня?— обалдел я. Я стал всерьез опасаться, не спятил ли он.

— С вас?.. Десять процентов. Десять процентов с полной суммы и наличными. Как вы догадались, я не патентованный агент. Если вам понадобятся услуги такого агента, то ему ведь тоже надо платить десять процентов, чтобы он занимался вашими делами, заключал контракты и все такое. Специфика моей деятельности в том, что я всегда остаюсь за кулисами.

— Мне-то это подходит, но все упирается в импрессарио. У меня никогда не было подходящего.

— Этим займусь я. У вас будет подходящий импрессарио. Ему тоже будете платить десять процентов с девяноста процентов общей суммы ваших доходов, потому что он не должен знать... Никто не должен знать о соглашении между нами. Вы уменьшите декларацию доходов на его десять процентов, а на мои — нет, потому что они будут передаваться из рук в руки. Будем договариваться?

— Согласен,— решил я.

В этом я был совершенно искренен. В отчаянные минуты мне приходили в голову мысли подкупить импрессарио. Я готов был отдать ему двадцать, а то и пятьдесят процентов, только бы он вывел меня в люди. Я даже открыто предлагал это в тех случаях, когда мне удавалось прорваться в контору. Меня выкидывали за дверь без сожаления.

— О чем еще мы условимся?

— Пожалуй, только об одном: мы не заключаем никакого письменного соглашения, поэтому вы дадите мне честное слово, что не отбросите меня после того, как я помогу вам стать звездой. Вот что конкретно я предлагаю. В течение первого года мы можем аннулировать наш договор. Если же доход за этот первый ваш год достигнет или превысит двадцать пять тысяч долларов, наш договор останется окончательным и нерушимым. Договорились?

— Да.

Как бы я ни старался на актерском поприще, мои усилия еще не принесли мне и сотни долларов. Двадцать пять тысяч — это было из области мечты.

Даже если он спятил, я не рисковал ничем. Еще я понял, что

сегодня он не собирався отправлять меня в тюрьму. Я встряхнулся и вернулся с небес на землю. В кармане у меня все еще лежал его бумажник. Я его достал.

— Я хотел бы возместить то, что...

— Ах, да,— вздохнул он.— Детали всегда меня угнетают. Давайте покончим с ними как можно быстрее. Поведайте мне, что вы предприняли, как только нашли бумажник.

Я выдал ему полный отчет обо всех исторических событиях этого вечера и положил бумажник на стол.

Роско взял его, вытащил оттуда деньги и сунул бумажник в карман.

— Итак, что мы имеем? Вот эти пятьсот тридцать пять долларов принадлежат мне. Я даю их вам взаймы. Сейчас вы отведете взятый на прокат «крейслер» и вернете им пятьдесят долларов наличными. Счет, подписанный вами моим именем в ресторане, забудем, будем считать, что я угостил вас обедом. Итак, на работу в погребок не ходите больше. Можете снять в Голливуде студию с квартирой. Прямо сегодня вечером этим и займитесь. Далее. Как у вас с гардеробом? Костюм на вас вполне приличный, однако, если это лучшее, что у вас есть, то завтра же купите новый, да и аксессуары к нему тоже. Кстати, купите черную кожаную куртку мотоциклиста и джинсы, если их нет у вас.

— Куртку? Зачем?

— Слушайте, что я вам говорю. Стойте-ка.— Он достал свой зажим с банкнотами, отсчитал восемь сотенных и протянул мне.— Будете должны мне на восемьсот долларов больше. Вам нужно купить машину. Концы будут у вас приличные: то в Универсал-сити, то в Колвер-сити... Голливуд, конечно, центр киноиндустрии, но не вся она в нем сосредоточилась. Подержанную машину можно купить за пятьсот долларов. Через несколько месяцев купите новую, а старую продадите. Что же еще?.. Скажите, Билл Трент — ваше настоящее имя?

— Нет. Настоящее — Билл Биллер.

— Забудем его. Как договорились, теперь вы Брик Бреннон. Теперь все. Завтра вы мне позвоните около полудня. Обязательно, это уже работа. Номер моего телефона есть в телефонной книге, а имя мое вы вряд ли забудете, вы так потрудились, чтобы даже расписываться, как я,— здесь он позволил себе слегка улыбнуться.

Весь вечер я был занят, правда, не тем, что задумал в самом его начале. До Дерби я доехал на такси, взял со стоянки свой «крейслер», поехал на нем обратно в Санта-Монику. Там мои объяснения никого не интересовали. Взяв обратно пятьдесят долларов, которые давали мне взаймы, служащий порвал подписанный мной чек. Я упрямился его взять на хранение мои чемоданы и пешком отправился покупать машину. Бродил я недолго. На одной из стоянок был на

продажу вполне приличный «рамблер». За него просили пять сотен. Я опробовал его, объехав на нем вокруг квартала, поторговался по привычке и, сойдясь на четырехстах пятидесяти, отдал наличными. Потом я забрал чемоданы и рванул в Голливуд. Я успел туда достаточно рано, чтобы заняться поисками квартиры. Мне удалось и это. Я отлично устроился: жилье, место для стоянки «рамблера», душ, услуги телефонистки — все это за сто пятьдесят долларов в месяц. Время тянулось странно медленно, вечер никак не кончался. Я завершил все дела задолго до того часа, когда по моему первоначальному плану дело могло дойти до девушки. Чувства мои были смятены, я вымотался до предела. Меняхватило только на то, чтобы распаковать чемоданы. После этого я свалился в постель. Сначала чересчур возбужденные нервы не давали мне уснуть. В изнеможении я лежал с открытыми глазами. Постепенно стало приходить успокоение, и сон охватил меня.

Наступило следующее утро. Я вспомнил все советы моего покровителя и первым делом поехал на Голливудский бульвар, чтобы купить шикарный костюм, соответствующее ему белье и кое-какую мелочь. Я прихватил и ту странную куртку, которая казалась мне совершенно не нужной. Джинсы я покупать не стал, решив в случае необходимости обойтись теми, что у меня были. Я вернулся домой, сделал гимнастику, принял душ, позавтракал в ресторанчике напротив, тут и подошло время звонить Роско.

— Ну что ж! Этим утром вы неплохо проявили себя. Так держать, молодой человек! — сказал он. — Теперь к делу. Вы знаете агента по имени Рэй Рамспау?

Да, я его знал. Он был для меня недостижим. Это был самый крупный поставщик мяса на студии. Он держал связь только с теми клиентами, которых тщательно отобрал и проверил. Я даже близко не осмеливался к нему подойти.

— У вас с ним встреча в четырнадцать часов. Будьте точны.

— Да, конечно... Вам позвонить насчет результатов?

— Я и так все знаю. Брик, дорогой, теперь вы будете звонить только в том случае, когда получите деньги за свою работу. Как только вы их получите, позвоните мне. Мы договоримся, где встретиться — у меня или в другом месте — и вы отсчитаете положенные мне проценты. Наличными.

Я очень постарался не опоздать к Рамспау. В назначенное время я был в его бюро. Меня даже ждать не заставили: секретарша немедленно меня провела к шефу. Без предисловий Рамспау приступил к делу.

— Мне рекомендовал вас Роско. Я ему доверяю, если он сказал, что вы подходите, значит, подходите. Вот этот контракт вы должны подписать. Контракт стандартный, но все же рекомендую вам его прочитать прежде, чем подписывать. В приемной у моей

секретарши вы спокойно его изучите. Я пока позвоню кое-куда.

Я бросил взгляд на бумагу. Контракт был отпечатан типографским способом. Я готов был подписать его, не читая, но, видя, что Рамспау явно выпроваживает меня, чтобы поговорить по телефону без свидетеля, вышел в приемную с контрактом в руке. Я уселся и стал внимательно его читать, потом подписал. Секретарша, которая не сводила с меня глаз, позвонила Рамспау и сообщила мне, что он меня ждет.

— Так, я кое-что для вас подыскал,— повернулся он ко мне.— Пока роль небольшая, но все артисты, пока их никто не знает, начинают именно с таких. На этот раз у вас будет только общий план в фельетоне. Съемка будет проходить в Ревю. Эту роль должен был исполнять один парень, но с ним сегодня утром произошел несчастный случай. Я позвонил, они будут вас ждать. Постарайтесь явиться побыстрее. Сможете быть там в три часа?

Я потерял дар речи, поэтому ответил кивком.

— Прекрасно. Там спросите Тэда Кроутера. Чтобы сэкономить время, можете сразу одеться для роли. Сейчас объясню. Вы играете мелкую шпану, одного из банальных хулиганов, которые рисуют свой образ с Брандо в «Дикой проделке». Джинсы и кожаная куртка у вас есть?

Я поперхнулся и снова кивнул.

— Езжайте скорее домой, переодевайтесь и дуйте туда, дружище. Мне кажется, мы на верном пути.

Итак, я получил свою первую роль. В последующие дни я был слишком занят, чтобы всерьез задуматься над вопросом, каким образом Роско накануне мог знать, что для успешного старта моей актерской карьеры мне понадобится кожаная куртка. Когда он посоветовал мне ее купить, несчастный случай с тем парнем еще не произошел. Потом, поразмыслив, я понял, почему он так поступил. Только один раз проглянула его «хитрая итальянская сущность», как он выражался. Это был тот самый случай, когда он с первого захода и вроде бы без проблем пристроил меня к импрессарио больших звезд, что само по себе является чудом. В дальнейшем я контактировал только с Рамспау. Кстати, мы с ним прекрасно ладили. А в тот первый раз Роско хотел произвести впечатление.

Но особенно я не задумывался, лишнего времени не было ни для размышлений, ни тем более для опасений. Работа тут же полностью захватила меня. Я играл сначала маленькие роли, иной раз всего лишь в эпизодах, каждый раз такие, чтоб я мог выдержать, но не надорваться. К концу года я устроился — скорее, меня пристроили — на вполне серьезное место «вторых ролей». Зарабатывал я уже очень прилично, но, без сомнения, мог зарабатывать еще больше. Мудрость Рамспау как импрессарио заключалась как раз в том, что он, случалось, отказывался за меня от лучше оплачиваемых

мых ролей и заставлял играть менее оплачиваемые. Он заботился о том, чтобы я не превратился в определенный типаж, чтобы меня не рассматривали только в одном амплуа. Он смело отказывался в таких случаях, если даже роль была значительной в фельетоне или даже в серии, когда я в ней не мог бы сказать ничего нового.

Тем не менее мой доход перевалил за пятьдесят тысяч долларов. Это в два раза больше, чем та цифра, при которой мое соглашение с Роско становилось нерушимым. Таким оно и стало. Я платил по двум контрактам, два раза по десять процентов, один раз с вычетом налогов, другой — чистые и наличными. После этого у меня оставалось чуть больше пятисот долларов в неделю, плюс к этому «Ягуар», шкафы, набитые первоклассным барахлом и роскошная квартира.

На второй год нашего соглашения мой доход удвоился. Я имею в виду удвоение чистого дохода, который превысил тысячу долларов в неделю. Общий доход был значительно больше, к тому же я попал теперь в категорию более облагаемых налогом. У меня было прочное положение актера вторых ролей. Я снимался в самых крупных вторых ролях. Имя мое стало довольно известным. Когда я соглашался играть в телевизионных сериях, в титрах меня называли «приглашенной звездой». В спектаклях я все чаще был на положении звезды.

Однако именно в тот год кое-что напомнило мне о способностях Роско к предвидению — более подходящего слова не подберешь. Я столкнулся с неожиданной гранью его характера, и в наших отношениях появилось нечто новое. Он счел это за само собой разумеющееся.

Сейчас я расскажу о том, что предварило дальнейшие значительные события. Мне пришлось провести неделю в Лас-Вегасе, вживаясь в роль. Я никогда не замечал за собой склонности играть, но однажды вечером от скуки заглянул в казино. Я взял фишек на тысячу долларов и, делая ставки по сто долларов, получил хорошую серию. Очень скоро поставил на максимум — пятьсот долларов. Мне везло. Буквально через минуту передо мной лежали двадцать тысяч долларов. Потом, естественно, удача от меня отвернулась. Я остановился, когда у меня осталось одиннадцать тысяч, то есть десять тысяч чистого дохода. Вернувшись из Лас-Вегаса, я встретился с Роско, чтобы расплатиться с ним, отдав его обычные десять процентов. Он сосчитал, что оставалось за мной со времени нашей последней встречи, и потребовал еще тысячу — десять процентов от выигранной в казино суммы. Я отдал немедленно. У меня и в мыслях не было скрывать свои доходы. Я просто не подумал, что это общий доход — именно общий. Мне не показалось странным, что он узнал о выигрыше. В казино со мной было много актеров и других участников фильма.

Значения этому событию я не придавал, задумался я об этом позднее. Со своей съемочной группой я опять оказался в Лас-Вегасе примерно через неделю. Мне опять захотелось поиграть — почему бы и нет, деньги у меня есть.

На сей раз мне не везло с самого начала, а в общей сложности я проиграл четыре тысячи. Я искал счастья по разным казино. Как только я проигрывал в одном, я тут же уходил в другое. Таким образом я побывал в десятке заведений. С мной никого не было, о моем проигрыше никто не знал. По приезде я, как обычно, выложил Роско десять процентов. К моему удивлению, он тут же вернул четыреста долларов. Я сообразил, что если он получает часть моего выигрыша, то должен делить со мной и проигрыш... Но... как он узнал?

Итак, я убедился, что он берет десять процентов со всего. Но самое потрясающее было впереди. Я женился и... Да, так оно и случилось. Все же я хотел бы кое-что объяснить.

Третий год моей артистической карьеры начался моим первым ангажементам в качестве звезды в значительном фильме. Это пять тысяч в неделю. В фильме было две главных роли. Моей партнершей оказалась молодая восхитительная красотка, восходящая звезда по имени Лорна Говард. Перед съемкой продюсер собрал нас в своем кабинете, чтобы уточнить кое-какие детали. У него, видите ли, мелькнула идея.

— Послушайте меня, ребята. Конечно, это только предложение, — сказал он. — Вы оба молоды и свободны. Что, если бы вы поженились? Это станет отличной рекламой. Фильму будет обеспечен успех... ваша карьера... В конце концов, можно считать это браком по расчету, — он хорошо сыграл безразличие.

Повернувшись к Лорне, я вопросительно поднял бровь:

— А вы как относитесь к браку по расчету?

— Все зависит от того, что считать браком по расчету, — улыбнулась она.

Вот так решился вопрос о заключении нашего брака.

Сейчас, вспоминая свое прошлое, я затрудняюсь объяснить, почему я не использовал в отношении женщин на полную катушку те возможности, которые мне предоставили мои успехи в актерской карьере. Конечно, монахом я не жил, но мои связи с женщинами были и немногочисленны, и неинтересны, безлики и серы. Серьезных привязанностей у меня не случилось. Два года пролетели в напряженной работе. К концу дня я порой так уставал, что хотелось только добрести до постели. Мне было не до женщин, когда рано утром нужно торопиться на съемочную площадку. Иногда по целым неделям у меня не возникало желания лечь с женщиной.

После женитьбы все изменилось. Хотя любовь между нами так и не возникла, брак наш не остался в границах фиктивного. Лорна

в той же степени была соблазнительна, в какой и красива. Вначале все было замечательно, но меня вполне устраивал такой разворот. Мы не испытывали друг перед другом никаких моральных угрызений, были абсолютно свободны: любви-то не было. Не было места и ревности. Со своей стороны я никогда не пользовался этой свободой, мне хватало. А вот меня ей было недостаточно. Я вскоре заметил, что у нее есть интрижка. Я также понял, что эта связь занимает процентов десять, когда узнал, кто ее любовник.

Воспитывать жену не было оснований, но брак сразу утратил для меня весь свой вкус. Она это почувствовала и постепенно стала отдаляться от меня. Наконец, однажды, уже закончив сниматься в фильме, она съездила в Рио, чтобы тайно развестись со мной. Кстати, это не стоило мне ни гроша. Она была богаче меня. Я уверен, что, если бы пришлось заплатить за развод или выплачивать алименты, десять процентов этих моих расходов были бы мне возвращены.

Жизнь продолжалась. Мне предложили контракт на следующую роль. Оплата выражалась астрономической цифрой. Вот здесь-то я и понял все. Большинство людей не очень-то разбирается в финансовых тонкостях. Я сам никогда не задумывался о них. А тут пришлось. Если облагаемая часть дохода превышает двести тысяч долларов и налогоплательщик не женат, девяносто один процент с того, что превышает двести тысяч, забирается. Налогоплательщику остается только десять процентов, из них еще полагается платить местные налоги. Я должен был еще десять процентов общего дохода, которые идут из рук в руки, то есть не списываются. Итак, я начинал терять деньги, лишь только мой доход переваливал двести тысяч. Дойди я до полумиллионного дохода, все мои сбережения уйдут на десятипроцентный налог. Звездой мне не бывать!

Однако убить Роско я решил не поэтому. Хотя положить конец нашему договору было пора. Вообще-то денег мне не так уж хотелось, всемирной славы тоже. Во всяком случае, можно было играть в одном фильме в год. Многие звезды так и делали. Конечно, радости такой расклад принес бы мало, да и Рамспау был бы не в восторге. Но... что прикажете делать, не платить же свои деньги за свою же работу.

К роковому шагу меня толкнуло то, что я влюбился. Любовь нахлынула внезапно и охватила меня всего. Я преобразился. Это была первая в моей жизни любовь и, как я был убежден, последняя. Слава Богу, она не была актрисой и никогда не мечтала ею быть. Ее звали Бесси Эванс. Она была простой машинисткой в Колумбии. Она влюбилась в меня так же сильно, как я в нее, и тоже с первой нашей встречи.

Обычной, пошлой связи с Бесси я не хотел. Я мечтал жениться на ней, честно и спокойно жить с ней. Поэтому Роско нужно было

убрать. Пока Роско жив, я не могу этого сделать. Или не хочу. Если он получит десять процентов и с этого брака, я все равно его убью. Так что лучше убить заранее.

Объяснять Бесси, почему мы не можем пожениться немедленно, было трудно. Я просто попросил ее верить мне. Она и верила. Моя бедная девочка, как она мне верила!

Я тщательно продумал план уничтожения Роско. Я так хотел освободиться! Бесси я поместил в маленькой квартирке в Кербанке под другим именем. Я ходил к ней так редко, как только позволял жар нашей любви. Когда шел к ней, принимал все меры предосторожности, чтобы меня не выследили.

Не хочу описывать все мои приготовления к убийству Роско. Я раздобыл револьвер, который будет обнаружен на месте убийства, но на меня не укажет ни в коем случае. Подобрал ключ от его квартиры. Я загримировался так хитро, что никто бы меня не опознал, если бы увидел хоть в его квартире, хоть на улице возле его дома.

Около трех утра я открыл дверь в его квартиру. Сжимая револьвер, почти бесшумно я пробрался через гостиную и рванул дверь в спальню. В тусклом свете наступающего утра, сочившегося из окна, я увидел, как он сел в постели, разбуженный звуком открывающейся двери. Я выстрелил шесть раз.

После выстрелов наступила абсолютная тишина. Я уже шел обратно, когда услышал скрип осторожно закрываемого окна. Он доносился из кухни. Я вспомнил, что кухонное окно у Роско выходит на пожарную лестницу.

Я замер от ужасной мысли. Дрожащей рукой я потянулся к выключателю. В спальне вспыхнул свет. О, ужас! Моя догадка подтвердилась. В кровати был не Роско. В кровати была Бесси. Теперь одна Бесси... Это она поднялась навстречу мне. Десять процентов Роско брал с о в с е г о: с доходов, с брака, с...

Я умер уже там, в этой проклятой спальне. Жить мне было ни к чему, если б в револьвере оставалась хоть одна пуля, я пустил бы ее себе в лоб. Я машинально позвонил в полицию, чтобы правосудие выполнило за меня эту работу, применив газовую камеру.

На вопросы полиции я отказался отвечать, чтобы не дать возможности адвокату зацепиться за мою невменяемость. Когда он ко мне явился, я наплел ему всякого вздору, он насобирав для защиты кое-какого материала. На процессе прокурор захватил инициативу, на его перекрестном допросе я методично позволял отрывать от себя кусок за куском. Мне нужен был только смертный приговор!

Роско как провалился, никто не знал, где он. Его пытались найти, чтобы допросить, ведь преступление совершилось в его квартире. Однако особенно в поисках они не усердствовали: осудили меня и без него.

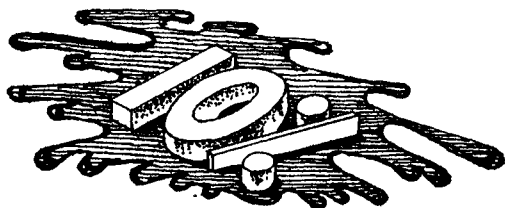
Я ожидаю исполнения приговора. Договор же наш с Роско так и остался «окончательным и нерушимым», никто его не расторгал. Поэтому я уже много ночей не смыкаю глаз, размышляя, что же такое десять процентов от с м е р т и.

Я что же, останусь на десять процентов живым? С десятью процентами сознания? Сколько времени это продлится? Вечно?.. Может, я буду возвращаться к жизни на один день из десяти дней, на один год из десяти лет? А во что я буду воплощен?

Если Роско тот, кем я его теперь считаю, что он будет делать с десятью процентами души?

Я знаю одно: завтра это свершится.

И я в панике.

Джейли Салли

ПРИМЕРКА

— Могу ли я помочь вам, сэр? Кажется, вы заблудились.

— Да, буду очень признателен. Я ишу магазин для совершеннoлетних.

— Понятно, сэр. Минутку... Это отдел 15Б. Идите по этой линии прямо, потом направо. Около отдела «Консервы» поверните еще раз направо. Слева от вас будет отдел по продаже журналов, дальше идите до отдела «Сделай сам», пройдете отдел «Увлечений и ремесел», потом пойдете вниз по коридору мимо отдела «Деликатесные продукты». Дойдете до линии 83 — и вы у цели. Все очень просто. Если хотите, можете взять компас в отделе спортивных товаров, он вам попадется по дороге, нужно только свернуть направо сразу после отдела подтяжек. Это большой отдел, и товаров там полным-полно, вы сразу поймете, что это он. Компас немного упростит ваши поиски... Да, а карта у вас есть?

— Да-да. Спасибо большое.

— Мэйсон.
— Что вы сказали, извините?
— Мэйсон, мое имя. Вот моя визитная карточка. Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится. Номер там, внизу. Вы можете воспользоваться здесь любым телефоном.

— Еще раз огромное спасибо.

— Не стоит благодарности, сынок, это моя работа.

— Ах, прошу прощения. Скажите, вон там, это отдел слесарных инструментов?

— Ба! Виноват, сынок, но ты не в том крыле. Нужно идти во-он туда. Это над отделом «Все для садовода». Вы можете поехать на эскалаторе у отдела товаров по сниженным ценам, который находится рядом с отделом косметики, или пойти пешком мимо отдела «Все для стрельбы из лука». Я бы на вашем месте пошел пешком. Это вас позабавит. Этакий долгий путь до Типперери.

— Сэр... сэр? Вы не скажете, я правильно иду в магазин «Все для садовода»?

— Боюсь, что нет, сынок. Боюсь, что ты где-то сбился с пути. Послушай, спроси вон у того парня в розовой рубашке. Он покажет тебе, как пройти к отделу электротоваров, а уж оттуда рукой подать. Дальше нужно идти только прямо, никуда не сворачивая. Это точно.

— Ах... Это «Спортивные товары»? А вы не подскажете, куда идти, направо или налево?

— Могу подсказать. Тебе нужно идти прямо к отделу «Для худых и высоких», потом повернуть около отдела «Импортные консервы», дойти до «Канцелярских товаров» и опять свернуть направо. Или ты можешь идти налево до «Галстуков и ремней», мимо туалетов и спуститься на автоподъемнике. Но я бы на твоём месте вернулся назад по тому проходу до отдела товаров по сниженным ценам, потом дошел бы до отдела заказов и через отдел «Ковры и драпировки» прошел бы в Бюро жалоб. Во всяком случае, это самый короткий путь отсюда до «Скобяных изделий».

— Скобяных изделий? Именно это я и ищу. Так это номер 15Б?

— Он самый, держу пари.

— Извините, вы меня напугали. Вы новый помощник?

— Да нет же. Я ищу «Скобяные изделия», отдел 15Б.

- Понятно... да, но вы знаете, что находитесь в полуподвале?
- Нет.
- Так знайте.
- Понятно. А вы не подскажите тогда, как попасть в «Скобяные изделия»?
- Вы говорите, это отдел 15Б?
- Да, сэр.
- Что ж, сынок; я не уверен, я не был там сам несколько месяцев. Фактически с самого Рождества, хотя мне и надо там кое-что купить. Но, насколько я помню, это где-то рядом... у тебя есть карта?
- Да, сэр.
- Дай-ка я взгляну... ах, да, вот. Смотри, тебе нужно вернуться до «Кофейников и бидонов» — это на четвертом этаже, на полпути к линии 28С, сразу за «Дамским бельем», понятно? Теперь ты можешь и сам его найти, ведь верно? Просто посматривай, где выставлены обнаженные женщины. Я хочу сказать, ты ведь доберешься теперь туда по карте?
- Думаю, что да.
- Молодец! Уверен, что доберешься, ты молодчина. Ручаюсь, что у тебя все будет о'кей. Ты ведь храбрый парень, а здесь только это и нужно.
- Да, сэр. Огромное спасибо, вы мне очень помогли.
- Не благодари меня, сынок,— ты для меня сделал бы то же самое. Мы ведь должны помогать друг другу, не правда ли? Я хочу сказать, что нам еще остается? Мужчина не может не помочь другому мужчине, попавшему в переделку, что ему еще остается?
- Присядь, сынок. Похоже, ты немного устал. Вот сюда, с розовыми ручками. Ты в нем хорошомотришься. Обрати внимание, как отраженный свет играет в хромовой отделке. Для достижения подобного эффекта четверем инженерам и двум дизайнерам потребуется как минимум десяток недель. Знаешь, ты и впрямь выглядишь усталым. Тебе не стоит так переутомляться, у тебя еще будет на это время. Побереги себя, пользуйся своей молодостью, пока она еще у тебя есть.
- Благодарю вас. У меня здесь неприятности.
- Ничего удивительного, ты ведь взял карту за прошлую неделю.
- Да. Но ведь это отдел скобяных изделий?
- Верно!
- Отдел 15Б?
- Они там продают пенисы?
- Точно!
- Наконец-то!
- Прошу прощения, сынок, что спрашиваю тебя об этом, но у тебя есть справка? Я имею в виду, от родителей. Справка, в кото-

рой указан твой возраст, а также есть пометки учителя и служителя церкви. Виноват: равви. Понимаешь, так по закону положено... и... ах, да, верно, кажется, все в порядке. А теперь... Какой фасон тебе нужен?

— Ну, я об этом особенно не думал. Боюсь, что я неважно в этом разбираюсь. А что вы мне посоветуете?

— Что ж, сэр. Конечно, трудно составить какое-то четкое мнение, не зная человека, я имею в виду, по-настоящему не зная его, если ты меня понимаешь. То есть, не зная самое «я», те мало заметные качества, которые и определяют индивидуальность. Но если судить лишь по внешнему виду и по некоторым особенностям поведения, которые я успел заметить, я бы мог предположить, что не будет большой ошибкой предложить тебе один из наших самых популярных образцов — «Корень Американского Лавра». Это полностью подходящий вариант. Конечно, для меня вы — кот в мешке, но зачастую имеет смысл полагаться на интуицию, особенно тогда, когда она опирается на длительную практику и доскональное знание предмета. Особую роль здесь играют овал лица и форма ягодиц. Ну, и, конечно, рука.

— Понятно. Не зайду ли я слишком далеко, если попрошу вашего совета более интимного характера?

— Конечно же. Я понимаю. Лично мне больше нравится образец «Польская Сосиска» — очень элегантный, никогда не выходит из моды и не требует особого ухода. С точки зрения формы, я нахожу его неотразимым: совершенство линий, простота, абсолютное целомудрие. Хотя дежурный монтер скорее всего посоветовал бы вам «Зонтичную Стрелу», и это была бы одна из лучших рекомендаций человека, туго знающего свое дело и чего он хочет. «Стрела», несомненно, подойдет пижону, человеку, любящему порисоваться. Я так думаю.

— Вы считаете, что она могла бы мне подойти?

— Конечно, сэр!

— Да, этот образец очень недурен.

— Один из наших лучших образцов такого типа. Он великолепен, не так ли? Мужчина чувствует гордость, когда пользуется подобными образцами. Это творения истинного мастера. Прелесть.

— Да, конечно. «Польская Сосиска»...

— Сэр, могу ли я вас измерить, чтобы подобрать одну?

— Я не знаю, я хочу сказать, я-то еще не видел другие. Как вы думаете, могу я взглянуть на другие образцы? Возможно, это поможет мне принять окончательное решение.

— Ну, конечно, сэр. Кейрис, принеси образцы.

— Вы очень любезны.

— Богатейший выбор, сэр. «Специальный Корень Мандрагоры», в красной оболочке с массой дополнительных приспособлений.

Вероятно, это лучшее, что у нас есть. И никогда не насаживает криво. Ручная отделка — чудо мастерства. Нет! Это подлинное произведение искусства!

— Я чувствую, что он принесет мне счастье.

— Да, сэр, вы будете с ним счастливы. Елико возможно. Я могу лично вас в этом заверить. Он будет служить вам долго, а если вы будете за ним ухаживать, он подарит вам годы — нет, целую жизнь — наслаждений. Только приносите его нам раз в месяц на проверку, и если что-нибудь будет не так — даже самая маленькая неисправность — мы устраним ее бесплатно, а в случае более серьезных неполадок полностью заменим. Как «Зиппо».

— «Зиппо»?

— Это сигаретная зажигалка, сэр. Как и наш «Корень Мандрагоры», она очень интенсивно эксплуатируется.

— А-а... Видите ли, я слишком молод, чтобы курить. Пожалуй, я возьму этот образец прямо сейчас.

— Да, сэр, так, наверное, будет лучше всего. Тогда, я полагаю, мы с вами закончили. К нашему образцу мы прилагаем смазку, запасные винты, прокладки, а также инструкции по чистке, уходу, мелкому ремонту и креплению. И конечно же, обычные рекомендации по наиболее эффективному использованию. Вашим родителям будет выслан счет на сумму пять долларов и семь центов. И если вы не возражаете, сэр, я хотел бы добавить, что, на мой взгляд, родители будут очень довольны вашим выбором, честное слово.

— Я тоже на это надеюсь. Еще раз огромное спасибо вам за совет. Вы мне очень помогли.

— Это моя работа, сэр. Даже больше, чем работа. Этой мой долг. Кейрис! Мой ассистент вас проводит, он знает кратчайшую дорогу к выходу. На пути вам попадутся винный отдел и табачная лавка, и по-моему, вам стоит сделать покупки и там и там, пока мы не закрылись.

— Возможно, я так и сделаю.

— Мне было приятно вас обслужить, сэр.

— Благодарю вас. Я верю, что сегодня вы сделали меня самым счастливым мужчиной на свете.

— Надеюсь, сэр. Мы всегда делаем все возможное.

53-я АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

Воскресенье, так похожее на все другие воскресенья: облака свисают с неба, словно чудовищные зобы или двойные подбородки, небо жадно и шумно всасывает воздух. Небо ступает по траве — начинается дождь.

К тому времени, когда они встали, дети уже успели позавтракать.

В домашнем халате (в коричневую клетку, фирмы «Нейман Маркус») и шлепанцах (в серую клетку, фирмы «Пэнниз») мистер Мо вошел в гостиную (он выглядел как викинг, сходящий с корабля на причал). Входя в комнату, он отшвырнул ногой разбросанные по полу кости, заметив на них следы зубов.

— Проклятие! — произнес он наконец, стоя в центре комнаты и качая большой, все еще дремлющей головой. Он был похож на медведя после зимней спячки.

— Дети, я хочу, чтобы вы поняли, как сложно в наше время нанять хорошую прислугу, а скоро это станет и вовсе невозможным. Вы сознаете, что расходуете прислугу со страшной быстротой, вы отдаете себе отчет в том, что это уже в третий раз в этом месяце? Дети мои, Бэффорд Хиллз скоро останется совсем без прислуги.

После этого, ввиду того что его монолог был окончен, сказать больше было нечего, часы показывали девять утра, а он походил на викинга, он повторил: — Проклятие.

— Мы очень виноваты, отец, — ответил Том, его старший. Струйка крови сбежала у него по подбородку и закапала на Тонто. Маленький Джим, который всегда ел мало, сидел под кофейным столиком и глодал кость.

— Но мы были голодны, страшно голодны. И устали ждать, пока вы с мамой проснетесь.

Мистер Мо в сонной задумчивости потер покрытые щетиной щеку и подбородок, потом вяло уронил руку, расчесанную до красных волдырей.

— Ну, это можно понять, — сказал он. — Но уберите это кошмарное месиво до того, как проснется мать.

Будучи примерными детьми (можно себе представить эту лающую, визжащую и все пожирающую свору), они принялись за работу — сваливали кости на красную тачку, оттирали кровь обескровником. Тим, младшенький, забился в угол, сжимая в ручонках окровавленные полотенца, и каждый раз, когда кто-нибудь пытался забрать одно из них, щелкал зубами.

Мистер Мо трижды оглянулся, прежде чем скрылся за дверью спальни. Книга, которую читала жена прошлым вечером, лежала на кровати раскрытой с разорванной обложкой. Это были еврейские и китайские рассказы о мужском и женском начале. Но жены нигде не было видно. Он прошелся по комнате, открыл шторы и двери, забрался на стул, чтобы заглянуть в осветительный плафон (горный король на груде растерзанных тел, последняя живая циклопическая муха уставилась на него, а потом призывно помахала одной из реснитчатых лапок). Наконец со своего возвышения он заметил изящную ножку и понял, что она спит под подушкой. Он ринулся

со своего постамента и с криками: «Хэй» и «Ага!» обрушился на постель.

Он нагнулся и поднял подушку.

— Дети съели прислугу, — сказал он и бросил подушку на прежнее место.

Несколько минут он ждал реакции на свои слова, потом стал заваливаться на бок и упал на пол. Жена лениво потянулась и нехотя перевернулась на спину.

— Бедная Гризельда, — сказала она, глядя в подвесной потолок с маленькими звукопоглощающими дырочками.

— Нет, дорогая. Гризельду они съели на прошлой неделе. А сегодня это была Ольга.

— Бедная Ольга, — она натянула на себя покрывало, и он услышал, как она плачет в своей темной теплой пещере. Он зарылся головой в подушку, потом встал и пошел в туалетную комнату, дверь которой была призывно распахнута (в полутьме смутно маячили неровные ряды белых коробок на верхних полках, под ними на перекладине висело на прищепках белье). Он проворно протянул руку и тут же отдернул ее — прищепки щелкнули, крючок со звоном вылетел из связки, которую он держал в руке. Набравшись мужества, он запустил руку в коробку и извлек из нее белоснежную рубашку. Он начал одеваться по диагонали, начав с левого импортного носка с часовым механизмом и закончив наручником на правом запястье. Его костюм завершил панцирь слоновой черепахи.

Он стоял перед зеркалом и точил зубы, когда вошел Тим и встал за его спиной. Тим с головы до ног был облеплен хлебными катышками. Сейчас он смахивал на кукурузный початок.

— О'кэй, пап, все вычищено, — сказал он. — Мы тебе оставили немного в холодильнике.

— Спасибо, но я сейчас не голоден. Почему вы не сделали это чуть позже? Тогда можно было бы сделать бутерброд или что-нибудь еще. (Страница 119: «Родители должны многим жертвовать ради своих детей»).

Тим стоял в нерешительности.

— У нас есть кетчуп?

— Конечно.

Он наклонил голову:

— И соленья?

— Замечательные, крупные овощи.

(Страница 143: «Часто ребенок отказывается принять эту жертву. Лучше всего не обращаться на это внимания, но положительная реакция часто оказывается наиболее эффективной»).

— Идет! — И сын побежал в гостиную, чтобы сказать об этом остальным. За ним оставались россыпи хлебных катышков.

В зеркало мистер Мо увидел, как его жена выползает из своей постели (36×72 фута, покрывала взметнулись и опали, подобно крыльям коричневой летучей мыши). Как испуганная королева, прошествовала она по холодному линолеуму пола и, словно чайка, скользнула под его кровать (40×80 футов).

— Ну как, сможет Камикадзе меня поймать? — проворковала она по пути. И уже из-под кровати нежно поинтересовалась:

— А ты помнишь, как дети на прошлой неделе притащили домой щенка?

Он открыл ящик и положил пилочку для зубов в коробку, где лежали другие туалетные принадлежности. Он вложил ее точно на свое место, между бархатным напильником и щеточкой из верблюжьей шерсти, как будто вставил ногу в индийский башмачок. (Эта пилочка, длиной два фута, которую он купил у маникюрши слонов, когда в город приезжал цирк, была его гордостью.)

— Конечно, — ответил он. — И до чего же он был мягкий и нежный!

— Правда? — Ее рука появилась из-под кровати и поползла по линолеуму; пошарив по полу, рука снова исчезла под кроватью. На полу осталась шевелящаяся ладонь, похожая на бабочку-вампира. Начинались игры, воскресные игры.

— А ты понимаешь, что они перебили аппетит? Ведь они только начинают питаться регулярно, Брюс.

Она произносила его имя как «Брюиз» в рифму с «круиз».

— Трехразовое питание, никаких перекусов между едой. Они получают все необходимые витамины, железо. Не позволяй им портить аппетит.

И снова рука показалась из-под кровати, чтобы мгновенно пропасть. На этот раз она оставила два острых резиновых конуса с пластмассовыми наростами на концах. Мо подумал, что эти наросты похожи на твердые розовые изюминки, или, может быть, на консервированные вишни, какими украшали мороженое.

— Думаю, ты права, — ответил он жене. — Сегодня вечером я серьезно поговорю с ними.

Он открыл выложенную внутри бархатом нефритовую коробочку на изогнутых буквой S ножках. Казалось, что эта коробочка в любой момент готова прыгнуть со шкафа, где она обычно стояла. Он достал свои воскресные очки и надел их. Они напоминали помидоры («Помидор — безвредный овощ»), в них было 23 карата золота. 1/11 часть их состояла из крошечных серебряных звездочек. Очки на его лице выделялись, как искаженные, полубесформенные спирали. Он покрутил головой, любуясь своим отражением в зеркале.

— Да, сэр, — произнес он, — это первое, что ты сделаешь сегодня вечером. (Страница 654: «Свободный ранний вечер — самое

благоприятное время для обсуждения семейных вопросов, удобнее всего этим заняться за семейным столом».)

Рука снова стремительно высунулась из-под кровати и медленно, слегка привлекая большой палец, уползла. Итак, темп игры был задан.

Теперь прямо в центре одного из квадратов линолеума в лимфе плавали два холмика рассыпающейся плоти. Мистер Мо подумал, что они напоминают две ямки с кружочками лимонов внутри. Или углубления блюдца, на донышках которых, в темных ободках от кофейных чашек осталось немного сливок. Или пластмассовую тарелку для собаки. Бледный кровавый след тянулся с кровати. Кровь уже успела смешаться с лимфой и размазаться по полу. Лимфа растекалась по комнате, а в ней, подобно осенним листьям, кружились островки жемчуга. Они натыкались на двери, радиаторы отопления, домашние туфли.

— И они будут меня слушать,— сказал мистер Мо.— Больше никаких телевизоров. (Страница 4: «Простейшее наказание зачастую бывает самым эффективным».) Он сдвинул брови к ушам и натянул на голову лыжную шапочку. Потом встал и несколько секунд смотрел на себя в зеркало. Потянулся и сдвинул нос к самому кончику подбородка. Теперь немного лучше. Да, лучше. Тембр голоса должен соответствовать содержанию речи.

И опять показалась рука: рывок вперед и медленное уползание. Такая храбрая и такая пугливая одновременно, совсем как леди эпохи Реставрации. Теперь появились шелковые штанишки — небольшая кучка прозрачной ткани на полу. Пока он смотрел, они намокли, растворились в крови и лимфе, оставшиеся резинки были похожи на морские водоросли. Пол из желтого превращался в оранжевый, приобретал крахмальную консистенцию. Точнее сказать — клейкую.

— По-моему, достаточно, не так ли, дорогая? — спросил мистер Мо.— Не пора ли тебе остановиться?

Он снова подошел к зеркалу и один за другим вынул все зубы, по одному бросая их в фарфоровую чашку. В прозрачную, почти невидимую фарфоровую чашку.

— Значит, ты готов, дорогой? — спросила его жена. За этим последовала капитуляция. Полная, безоговорочная и восхитительная. Одна за другой по полу, подобно гигантским спагетти проскользили ноги и мягкими домашними тапочками заткнули все водопроводные трубы. Оранжевая смесь из крови и лимфы расплескалась по плитусам и брызнула на цветущие вдоль стен плотоядные орхидеи. Послышалось чмокание. Отвалилась ступня, потом с большого пальца отлетел ноготь. Мистер Мо поднял его и положил в карман. Подходящая штука, чтобы сделать из нее плектр для игры на арфе.

Он раздвинул эти ноги в стороны.

— Да, дорогая, я готов,— произнес он.

— Тогда зови детей.

(Страница 456: «По возможности удовлетворяйте детский интерес к тому, что происходит за закрытыми дверьми у взрослых. Старайтесь, чтобы этот интерес не перерос в нездоровое любопытство».)

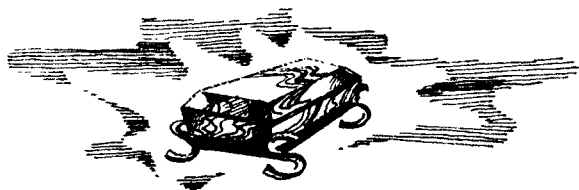
Мистер Мо позвал детей. Все вместе они перетащили ее тело на кровать — оно было все в паутине. Мистер Мо хлестал ее вынутыми из шкафа сливовыми ветвями, так, что с них сходила кожа. Она все это время громко кричала, из ее тела сочилась лимфа, а потом повалили густые клубы пыли, похожие на коричневые перья. А дети стояли вокруг и аплодировали.

Потом он играл зубами на органе, и дети снова ему аплодировали.

Они заново слепили ее, скрепив зубочистками, воском и сырным мякишем. Почти полностью. То есть без одной руки и ногтя. Мистер Мо сохранил ноготь и вырезал из него плектр. В конце концов они нашли и руку. Вечером она заползла в постель к одному из детей. (К Тому, старшему.)

Тем же вечером он строго с ними поговорил (на ужин была телятина в кетчупе и похлебка на порошковом молоке). На следующий день, в понедельник, который по чистой случайности оказался Днем Колумба, он нанял новую служанку. У нее были белые зубы, плоские ногти, бедра, похожие на седло, а соски — на пробки бутылок из-под «кьянти».

Ее звали Женевьева, и дети ее любили.

Дэвид Керр

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ НЕВИННЫХ

Жавино предложил им домашнего вина. Расположившись в его прохладной каменной лачуге, они смотрели на горы, бесплодные и сверкающие в лучах солнца, и слушали, как Жавино бессвязно рассказывает о нападениях.

— У всех свои теории на этот счет. Вон тот репортер считает, что это бандиты. Вы когда-нибудь слышали, чтобы бандиты воровали кур, когда полным-полно кемпингов и разгуливают туристы с толстыми кошельками и голыми задницами? Нет уж, извините... В Санта-Флорент говорят, что это спустившиеся с гор медведи. А полиция полагает, что это дело рук арабских фанатиков из «Порто Веччио».

— А я все-таки думаю, что это рабочие-эмигранты с востока.

— Расистская свинья, — сказала Дениза, чтобы уколоть Пирона. Она этим занималась все утро.

— Здешний профессор думает, что это люди, но я знаю правду.

Это привидения. Привидения семьи Мурони, которая была стерта с лица земли моим великим дедом еще во времена Бонапарта. Это дьяволопоклонники, которые приходят через дыру в Монте Роббиа, воняющую серой...

Вообще говоря, Моррисо зашел к Жавино, чтобы тот указал из окна направление к пещерам. Они решили понаблюдать за ними с близлежащей горы, прежде чем подойти поближе.

Скользя вниз по крутым каменистым склонам вдоль высохшего Фиум-Сенте — озерного ущелья, они поняли, что совершили ошибку, пустившись в путь в самый разгар дня. Пирон не был горным проводником, и они опасались оползня. Моррисо думал о туристах в Иль-Росс, потягивающих охлажденную анисовую настойку под прохладными тентами всего в пятнадцать миль отсюда.

Подниматься на самую вершину Монте Бенора не было необходимости. Следы человеческих поселений, которые они искали, но вряд ли смели надеяться так легко найти, были видны с северо-восточного склона. На высоте двух третей горы, под отвесной скалой, отчетливо выделялись три темных отверстия. В бинокль они выглядели очень похожими на входы в пещеры. Вниз к Фиум Сенте вела неровная тропа, еще одна извилистая тропка, опоясывая Монте Роббиа, вела к вершине. Единственными признаками жизни были легкие струйки дыма от потухшего костра.

Моррисо в Дениза стряхнули с ресниц пот и теперь, перебивая друг друга, как дети, строили самые невероятные предположения.

— Одна или две пещеры могут быть амбаром или конюшней.

— Нет никаких признаков, что им известно земледелие, Пьер.

— По-моему, они привыкли жить в основном за счет рыбной ловли, но последние годы были вынуждены заниматься этим по ночам, так как вдоль побережья постоянно снуют рыбацьи лодки и прогулочные суда.

— Вот чем объясняются набеги на фермы. Здесь невозможно заниматься земледелием. Разве что выращивать опунции и куманику. Эти несчастные создания, должно быть, голодали.

— По-моему, вон та яма служит им для хранения воды.

Пирон прервал их, заметив, что солнце садится, и они прекратили болтовню, но прежде чем уйти, сделали несколько снимков. Когда они закончили, Пирон сказал, что пора возвращаться.

Вечером того же дня профессор Моррисо выступил с кратким сообщением в провансальской телевизионной программе новостей:

«Если наши предположения о способе их питания верны, то все говорит о том, что мы имеем дело с примитивным, грубым и очень небольшим обществом собирателей и охотников. Нет необходимости уделять слишком много внимания тому, что они живут в пещерах. В Европе до сих пор многие крестьяне живут в пещерах. В Испании, Греции, на Сардинии, даже на Корсике (Дениза настояла, чтобы о

них говорили, как о нищих крестьянах). И тем не менее, это очень необычное явление, особенно если принять во внимание, что совсем неподалеку от них по всему побережью собирается масса туристов. Если верить словам очевидца Джузеппе Жавино, принимая во внимание, конечно, некоторые преувеличения в его повествовании, племя находится на самой примитивной стадии развития. Пока мы не столкнемся с племенем вплотную, мы не можем судить о его лингвистическом и культурном уровне. Очень может быть, что долгие годы изоляции и родственное спаривание оказало вредное влияние на физическое и психическое состояние членов племени...

Репортеры пытались взять у Моррисо интервью, но профессор уединился с Денизой в своем гостиничном номере.

— Мне удалось добиться разрешения на патрулирование армией всей дороги от Санта Флоренс до Иль Росс, чтобы туда не проникли репортеры.

Дениза молчала. Ей было страшно за невинных существ, в жизнь которых они собирались грубо вмешаться.

— Ты будешь сегодня спать со мной? — спросил Моррисо.

— Нет. Я пойду к себе в номер. Я сегодня немного взвинчена. Я буду морщиться, а это еще больше тебя распалит. В общем, из меня сегодня неважная партнерша.

— Слишком холодная.

— Думай, как хочешь.

Было еще темно, когда они добрались до пустыни. Некоторое время они шли при лунном свете, потом отдыхали, ждали рассвета, слушая свиристящих в тишине сверчков. Дениза думала о круглолицых загорелых бизнесменах, спавших сейчас в каютах яхт с красивыми, глупыми и загорелыми девушками. О рабочих, разъезжающих со своими семьями в автофургонах по корсиканскому побережью в поисках изобилия и нехитрых удовольствий. Она вспоминала одетых в черное нищенок на мостовых Тегерана, качавших своих младенцев и хватавших за брюки проходящих мимо мужчин. Она чувствовала отвращение ко всему человечеству, с его демографическим и технологическим неуправляемым ростом, подобным бездумному росту гигантского гриба, и ее захлестывала волна нежности к существам из этого бедного племени, которые выжили здесь, даже не подозревая о диалектике разрушения, подчинившей все вокруг. Внезапно она громко расхохоталась своим помпезным мыслям и сказала:

— Это все ошибка Декарта.

Моррисо тоже засмеялся и спросил:

— А не Руссо?

Он был рядом, а она все еще испытывала к нему отвращение. Интеллектуальный, богатый, пожилой поклонник.

С первыми лучами рассвета Пирон повел их к Монте Роббиа.

Прежде чем что-то увидеть, они услышали мерно повторяющиеся удары. Даже Пирон был удивлен, а у них пересохло во рту и ноги дрожали все сильнее, по мере того как они приближались к пещерам. Наконец они перевалили через вершину и очутились в прошлом. 50000 лет назад.

Посреди раскаленной пустыни они внезапно ощутили, как мороз пробежал по коже.

Как и рассказывал Джузеппе Жавино, на земле сидело волосатое чудовищное подобие человека, вытесывающее из куска кремня каменное рубило.

— Совершенно невероятно,— прошептал Моррисо.

— Посмотри на ту винную бутыль.

— Это, должно быть...

Это был неандерталец, в точности такой же, как модели, выставленные в естественно-историческом музее в Чикаго, только этот был живым и двигался. В десятый раз разглядывая его в бинокль, они убедились, что это не галлюцинация, вызванная жарой. Подобно сумасшедшим кинозрителям, пытающимся проникнуть за экран, они стали подходить ближе.

Неандерталец услышал их и поднял глаза. Потом подскочил и пустился к центральной пещере, что-то лопоча на ходу. Выскочило еще одно существо помоложе. Они вдвоем начали бросать камни и валуны с огромной силой и чрезвычайно метко. Пирон, Моррисо и Дениза спрятались за скалой.

Булыжник угодил Пируну по колену, но не очень больно. Пирон нервно дергал кобурку.

— Мадмуазель Блондель,— сказал он,— вам не следовало бы на него смотреть, он голый. Я должен его арестовать, это запрещено законом.

Град булыжников прекратился. Дениза выглянула из-за скалы. Да, оба неандертальца были теперь намного ближе.

Ничего не сказав своим спутникам, Дениза расстегнула кофту, обнажила грудь, встала и вышла из-за скалы. Моррисо крикнул, чтобы она вернулась. Но она медленно поднималась по склону, выпрямившись, устремив взгляд на дикарей. Они стояли неподвижно, позволив ей подойти. Теперь она была в ярде от старого дикаря, и они около двух минут, не делая никаких жестов, не говоря ни слова, смотрели друг на друга. Наконец дикарь протянул длинную мускулистую руку и дотронулся до груди девушки. Потом опустил руку. Дениза повернулась и побежала обратно за скалу. Она застегнула кофту и повлекла Моррисо и Пирона за собой в ущелье. Охваченные ужасом все трое медленно начали спускаться.

— Как я могла еще доказать, что я млекопитающее? Наша одежда должна их отпугивать.

— Самое близкое к ним млекопитающее. Да, на мой взгляд, ты

ближе к обезьянам. Все это очень опасно. Прежде всего мы должны сколотить подходящую команду.

— У нас слишком мало времени, Пьер. Пирон наверняка не сможет долго держать язык за зубами. Он хотел их арестовать. У него явно серьезные намерения. Скоро там будет полно фотокорреспондентов, врачей, и кого там только не будет. Кроме того, большая команда, в которой не избежать мелких свар, отпугнет их. Вы же знаете, что я сама могу устанавливать контакты. Это существо доверяет мне. Полевые работы — это мое сильное место. Вспомните Персию. Табу и племена с реки Арагон. Вы же сами говорили, что это было блестяще.

— Я помню, что вы едва не спровоцировали еще одну курдскую войну.

— Мы должны все выяснить. К чему привели кровосмесительные отношения? Леви-Стросс не упустил бы такую возможность. Какой у них лингвистический уровень? Какое социальное устройство?

— Знаю, знаю. Была ли вообще эволюция в физиологическом смысле? И действительно ли отметины на костях говорят о каннибализме? Верна ли теория прав на погребение Леруа Гураме? Мифология. Все. Когда я обо всем этом думаю, мне кажется, что я схожу с ума. Вы должны разрешить мне попробовать.

— Хотел бы я знать, как мне лучше поступить.

Вечером Моррисо выступил с более подробным сообщением по ТВ:

«То, что мадмуазель Блондель, начальник полиции и я сам наблюдали сегодня на Монте Роббиа, представляет исключительную важность для всего человечества. Это изменит все представления и концепции человека о самом себе. Я и сам едва могу в это поверить. Если наши наблюдения верны, эти существа полностью идентичны неандертальцам, побочной ветви «гомо сапиенс», вымершей сорок тысяч лет назад. Сорок тысяч. Это было во время последнего ледникового периода, оледенения Вурма, когда Сардиния и Корсика еще не были отрезаны от материка. Черепа неандертальцев были найдены по всей Европе — в Италии, Франции, Турции, Гибралтаре. Однако мы до сих пор так и не знаем, каким образом их небольшая горстка смогла выжить в Агриатской пустыне. Они явно остановились в своем развитии и совершенно не эволюционировали. Такие явления известны в мире рептилий и рыб, но никогда до сих пор не встречались среди млекопитающих, не говоря уже о приматах.

Тем временем вся пустыня была оцеплена частями армии и морской пехоты. Экстренную помощь оказали также силы иностранного легиона.

По мере распространения новостей, сюда слетались со всего мира биологи, зоологи, экологи, антропологи, социологи, психо-

логи, журналисты и прочие охочие до острых ощущений любопытные.

Вечером Дениза отказалась даже разговаривать с Моррисо. Он буквально домогался ее. Но глаза ее горели фанатичным огнем и удерживали его на расстоянии.

Был ли это номер стеля с кондиционированным воздухом или, может быть, так часто теперь снящийся ей вход в пещеру?

Свежести раннего утра как не бывало. Отряд под командованием майора Саважа наблюдал за пещерами из примыкавшего к горе ущелья. Доктор Моррисо, профессор Мармурье, зоолог, и другие привилегированные интеллектуалы, находясь под прикрытием войск, изучали гору в бинокли. Два оператора французского телевидения устанавливали свои камеры на треноги.

Дениза закончила настройку своей портативной рации и, глядя на Моррисо и других наблюдателей, стоящих тесной группкой, одна направилась к пещерам. Ящерицы шуршали за ее спиной, солнечный свет отражался от белых, отшлифованных временем скал. Она не чувствовала себя человеческой женщиной, скорее она была похожа на экзальтированную жрицу. Неандертальцы не пресмыкались перед самодовольным человеком — хозяином мироздания, суперменом, повелителем атома. Человек не был Богом. Эти существа, хотя и загнанные в угол, не были в безвыходном положении. Они выжили, ловили рыбу, воровали кур и овец. Неукротимые, живущие под землей люди, живая альтернатива Гомо Технилогикус.

По шее побежала струйка пота, острые камни больно кололи ступни сквозь спортивные тапочки. Она чувствовала себя виноватой в том, что она человек.

Моррисо растерянно наблюдал за ней в бинокль. Его страсть загнала ее в маленький театр, где читались лекции на темы морали. Теперь она шла своей дорогой. Она была сама по себе, и только в бинокль представлялась, как нечто реально существующее. Все кончено. Он ей больше не нужен — псевдорадикальная, консервативно мыслящая личность.

В молчавшем до сих пор приемнике раздался драматически настойчивый голос Денизы: — Может быть, я иду на смерть, и я хочу, чтобы мир знал, что я думаю об открытии этой семьи и почему я пытаюсь установить с ними контакт.

Эти существа ужасны. Грязные, дикие, волосатые... Я красива и образованна. Они свободны. Я поработана цивилизацией.

Контакт, на который мы идем, явится откровением для всего мира. Ангел и зверь сольются воедино.

Эти существа уже теряют свою свободу. Пустыня Агриатес стала зоопарком, репортеры, маньяки, интеллектуалы, туристы толпятся здесь в ожидании зрелищ. Через несколько недель моих существ оденут, чтобы соблюсти нелепые условности, их будут изучать фи-

зики, психиатры, лингвисты. Их будут подвергать рентгеновскому облучению, проверять у них зрение, измерять зубы и затылки. Они умрут от тоски и отвращения. Они уже обречены. Подобно тому, как Кювье ощупывал зад готтентотской Венеры и измерял ее малые губы, мы своим ненасытным любопытством будем уничтожать неандертальцев. Подобно тому, как племена Яманы погибли от болезней, занесенных англичанами в миссионерском раже, наши существа станут рабами и жертвами экспансии современного империализма, просвещения, гигиены, просвещения, цивилизации и угнетения.

Чтобы искупить грехи человечества и установить символический контакт с той жизнью, которую мы отвергли, я собираюсь разрешить этому ужасному существу, встреченному мной вчера, изнасиловать себя на глазах всего мира. Пусть боги тьмы будут со мной.

— Черт поberi, что она несет? — прокричал майор Соваж Моррисо. — Мы можем ее как-нибудь остановить? Она сумасшедшая.

— Нет, оставьте ее, — горько произнес Моррисо пересохшими губами. Все это напоминало какой-то дурной сон.

Дениза высказалась и отключила рацию. На темном фоне пещеры выделялось какое-то еще более темное пятно. Тень отделилась и теперь смотрела на нее при солнечном свете. Это был неандерталец, тот самый, который трогал ее накануне.

Дениза осторожно положила рацию на землю, сняла с себя одежду, завернула все вещи в джинсы и положила сверток на скалу.

Моррисо, еле сдерживаясь, смотрел на ее кожу, белешую в лучах утреннего солнца, и обливался потом. Он взял у Мармутье сигарету. Камеры безразлично жужжали.

Неандерталоид ожил. Тремя гигантскими кощачьими прыжками он очутился рядом с ней, поднял ее, взвалил на плечо и помчался к вершине Монте Роббиа по пологому склону.

От него несло мочой, волосатое тело напоминало кокосовый орех, но Дениза не сопротивлялась. Она была в трансе, как будто одурманена наркотиком — безвольная и покорная жертва.

— Мы обязаны пойти и спасти ее, — взорвался наконец майор Соваж. В голосе его звучали неуверенные нотки.

— Нет, он может ее убить, — сказал Моррисо, не совсем отдавая себе отчет в том, почему он это сказал.

Майор Соваж выругался и приказал своим людям изготoвиться к огню. Моррисо и Мармутье умоляли майора не стрелять. Тот не хотел их слушать.

Дикарь что-то лопотал, брызгая слюной. Он уложил Денизу на самую верхнюю скалу, на плиту, похожую на алтарь, и грубо навалился на нее. Он прижал ее к острым камням; и она закричала от боли и экстаза.

Крик пронесся над равниной и отозвался эхом. Моррисо уронил очки себе на грудь и почувствовал, как теплая струйка непроизвольно заструилась по ноге.

Майор Соваж приказал солдатам прицелиться. Мармутье слабо протестовал, возведя глаза к горе, но камеры продолжали жужжать.

Все было кончено в несколько секунд, но Дениза все еще сжимала бедрами неандерталоида. Тот схватил ее за волосы, приподнял, оторвал от себя ее ноги и высоко поднял над кудлатой головой. Она обвисла на его руках, совершенно обнаженная и без сознания. Он держал ее с полминуты, потом издал гортанный вопль и швырнул на скалу с высоты двести футов.

Моррисо прошептал:

— Слава Богу!

Майор приказал войскам стрелять. Мортимье слабо протестовал. Выстрелы прозвучали, как троекратные раскаты грома.

Неандерталоид закрутился на вершине горы и упал на скалу.

Операторы настраивали оптику, а Моррисо начало тошнить.

Солдаты отыскиали оба тела у подножья скалы и перенесли их в ущелье. Майор, задетый оскорблением, нанесенным чести французки, приказал открыть огонь по пещерам из легких гаубиц.

Когда дым рассеялся, они вошли в пещеры и нашли там мертвых неандерталоидов. (Трое взрослых мужчин, четыре женщины и одна девочка.) Трехлетний мальчик был ранен в живот и лежал, прижавшись к мертвой матери.

Они унесли его на носилках к дороге и оттуда отправили в автомобиле в госпиталь в Аяччо.

Вечером телекомпании Ниццы показали по ТВ неотредактированный фильм. Через спутниковые каналы он был показан во всем мире. Была длительная программа, в которой брали интервью у политиков, военных специалистов, психологов, друзей Денизы, ученых разных профилей.

Фельдмаршал запретил майору Соважу принимать участие в дискуссии. Профессор Мармутье подчеркнул ритуальный характер полового акта и нашел аналогии четырнадцати-пятнадцати тазовых движений неандерталоида с движениями бабуинов. Шеф полиции Пирон дал показания о том, что мадмуазель Блондель, судя по всему, страдала психическими расстройствами. Психиатры никак не могли отыскать мотивы, однако Моррисо сказал:

— Грязная шлюха, она просто хотела их попробовать.

После чего он разрыдался и выбежал из студии.

Уже поздним вечером было объявлено, что оставшийся в живых ребенок мужского пола умер в госпитале, а трупы неандертальцев, или то, что от них осталось, заморожены и отправлены самолетом в антропологический музей для расчленения, изучения и анализа.

Пирс Энтони

В КОРОВНИКЕ

Коровник выглядел безобразно. Хитчу он показался похожим на уродливые сооружения из красного кирпича, считавшиеся классическими во времена Новой Англии. (Которые не следует путать с современными компактными фермерскими постройками.) И все же в нем было какое-то неуловимое отличие от обычных сельских строений.

Коровник был обнесен изгородью. Здесь же располагались зернохранилище и круглая силосная яма. Имелась даже типовая молочная ферма. С одной стороны под навесом стоял большой трактор с культиватором, с другой стороны — копны сена. Что касается главного строения, то настоящий фермер мог бы в его очертаниях найти штук пятьдесят характерных отличий от обычных коровников.

Однако Хитч не был ни специалистом по коровникам, ни знатоком передовых английских аграрных теорий или чего-нибудь в

этом роде. Он был всего-навсего подающим надежды специалистом по связям между отдельными мирами, весьма поверхностно знакомым с сельским хозяйством. Он мог подоить корову, раскидать вилами навоз, боронить, проследить за закладкой силоса, но тонкости сельской архитектуры были ему не по плечу.

И этот коровник, каким бы он обыкновенным ни казался, был тем самым объектом, где Хитч осуществлял свою опасную междуземную миссию.

Планета $\neq$ 772 была аналогом Земли. Открыли ее благодаря счастливой случайности. Для Хитча это была еще одна рутинная работа в необычных условиях.

За недолгие десять лет, в течение которых установка работала устойчиво, было обнаружено около тысячи вариантов планеты Земля, мало чем от нее отличающихся. Более того, на некоторых из них у власти стоял тот же самый президент США, который точно так же занимался политическими интригами с главами других государств. Если даже это и был случай параллельной эволюции, как утверждали некоторые теоретики, то эти параллели находились предельно близко друг к другу. Если имел место отход этих планет от планеты Земля в результате взрыва или сама Земля произошла в результате раскола одного из других миров — еретическая мысль, — то этот взрыв произошел совсем недавно.

Однако установка была разработана только на Земле, лишь Земля могла отправлять своих коренных жителей в другие миры с другой общественной структурой и возвращать их обратно в целости и сохранности. Поэтому Земля провозгласила себя основой всего мироздания и инициатором всех свершений, и никто не мог это опровергнуть. По крайней мере, пока никто.

Хитч старался не думать слишком много о том времени, когда будет обнаружена Земля с более развитой цивилизацией, которая могла бы рассказать о прошлом или даже искусственно к нему вернуться в случае необходимости.

На первый взгляд $\neq$ 772 мало чем отличалась от цивилизаций, с которыми Хитч имел дело при выполнении других миссий, за исключением одной детали: она сильно отставала в развитии.казалось, она пережила планетарный катаклизм, в результате которого была отброшена назад в области техники лет на тридцать. Может быть, это было столкновение с огромным метеоритом, может, всему виной был затянувшийся ледниковый период — Хитч не был силен ни в истории, ни в геологии, он знал лишь одно: что-то существенно сократило жизнь животных. Все было отброшено назад, в те времена, когда человек еще только приспособлялся к окружающей среде.

На планете $\neq 772$ не существовало ни медведей, ни верблюдов, ни лошадей, ни овец, ни собак, ни кошек, ни свиней. Очень мало было грызунов. Фактически из всех млекопитающих выжил только человек. И только через несколько веков здесь могла возникнуть проблема перенаселения. Возможно, какая-нибудь инфекция вызвала эпидемию и уничтожила всех млекопитающих. Это могло случиться в результате оледенения. Хитч этого не знал, но его это нисколько не волновало. Он больше интересовался конкретными вещами. Его работа здесь заключалась в том, чтобы выяснить, почему разведению домашнего скота придается такое огромное значение.

Скотоводство являлось ведущей отраслью экономики. Всюду можно было видеть коровники, молоко служило основным предметом торговли — и это при том, что ни коров, ни коз, ни каких-либо других домашних животных не было и в помине.

Вот почему сейчас он стоял перед коровником. Должно быть, именно там лежит ключ к разгадке жутковатой цивилизации планеты $\neq 772$.

Ну, а потом — незначительное, ненавязчивое вмешательство, как это было и на других планетах, после чего на них была принята та же система государственного устройства, что и на Земле. У Земли не было намерений организовать какой-нибудь союз и диктовать ему свою волю, ущемляя права человека или используя другие драконовские методы.

Некоторые планеты имели свое так или иначе выраженное лицо, другие — нет, неважно, что говорила об этом Ио; его это не волновало. Ей нравилось читать ему лекции по теоретическим вопросам половой жизни, умело избегая практической стороны отклонений между мужчиной и женщиной, а между тем именно эта сторона его особенно интересовала. За те месяцы, что он ее знал, его планы во многом были разрушены.

Сейчас его задачей было заставить себя полюбить сельскохозяйственные работы во имя безопасности Земли, а также в дипломатических целях. Похоже, секса здесь будет предостаточно. Он мог любоваться кучами навоза и одновременно представлять себе лицо Иоланты.

Хитч пнул ногой засохший комок грязи и двинулся выполнять свою миссию. Очень жаль, что первые исследователи не удосужились проникнуть в коровник. Эти первооткрыватели неизученных миров боялись применять оружие или же были отъявленными трусами. Они совершали короткие набеги на уединенные населенные пункты, затем передавали свои автоматические камеры и датчики в лабораторию, где проводился дальнейший анализ, а сами тем временем отправлялись в хорошо оплачиваемые отпуска. Вся черновая работа доставалась исследователям второго эшелона, таким, как Хитч.

За коровником виднелись длинные загоны, спускающиеся к извилистой реке. Должно быть, там держали скот в дневное время, но единственная имеющаяся фотография этой зоны была сделана явно во время уборки загона, потому что на ней были запечатлены люди, а не животные. Типичный ляпсус первопроходцев.

Нет, он не должен быть несправедлив даже к тем, кто были здесь первыми. Работа была рискованной, так как невозможно было заранее предположить, какая опасность подстерегала на неисследованной планете. Могло случиться так, что они высадились бы в облако горчичного газа или попали в чьи-нибудь когти, в результате чего вернулись бы на Землю окровавленными или покрытыми волдырями. Первопроходец должен был оставаться на месте достаточно долго для того, чтобы аппаратура произвела необходимые измерения. А уж позволить себе совать нос в коровники — на это просто не было времени. Применять робототехнику было нельзя, поскольку она могла попасть в чужие руки. Первый исследователь планеты $\neq 772$, вероятно, даже не имел понятия о сокращении поголовья скота на планете, а может быть, не обратил на это внимания. Лишь в результате нудного лабораторного анализа были выявлены несообразности этого мира.

И тем не менее фото было весьма необычным. Вероятно, на скотном дворе проводился какой-то праздник, поскольку на переднем плане была запечатлена потрясающая обнаженная женщина. Похоже, фермеры планеты $\neq 772$ знали, как развеяться после кормления скота!

Когда он пришел домой, то тоже был не прочь развеяться, и на этот раз вожденная Ио не стала отказываться от такого удовольствия.

Теперь он был совсем рядом с коровником, но не торопился. Его миссия могла внезапно провалиться, и естественные меры предосторожности были не лишними.

Попасть на планету $\neq 772$ не было проблемой. Надо было лишь раздвинуть межмировую завесу и протиснуться в образовавшуюся щель. Таким образом Хитч оказался в той же географической зоне, но в иной реальности. Как только он покончит здесь со своими делами, нужно будет определенным образом нажать на кнопку, вмонтированную в череп, и в считанные секунды сработает аппаратура возврата, его вернут обратно. Он мог рассчитывать на благополучное возвращение, если сохранял бдительность и смог противостоять опасности в течение тех нескольких секунд, пока срабатывала аппаратура.

В его задачу входило провести обследование зоны и собрать фактический материал, не возбудив подозрений у местного населения и не попав ни в какие переделки. Ему не полагалось никакого оружия, кроме подобия стилета, закрепленного на щиколотке, какие

применяются в полиции. Он согласился на последствия, могущие возникнуть в случае потери этого уникального экземпляра...

И все-таки простота была кажущейся. Он высадился в лесистой местности, недалеко от довольно крупного города, и его появление прошло незамеченным. В этом заключалось одно из преимуществ, представляемых первичным обследованием,— определение подходящих для успешного внедрения мест. Было бы нежелательно повиснуть на каком-нибудь дереве!

Он вышел в ближайший город и стянул газету. Язык планеты $\neq$ 772 совпадал с языком Земли, по крайней мере, Америки, и он без труда прочитал последнюю страницу, не разобрав лишь отдельные жаргонные словечки. Под заголовком «Ищем помощников» был помещен ряд объявлений, где требовался обслуживающий персонал для ухода за домашними животными.

Именно за этим он сюда и прибыл.

Не много было желающих ухаживать за быками, козлами, лошадьми, свиньями — как же они тут обходились?

Фермер, к которому он обратился на рассвете, даже не проверил его фальшивое удостоверение личности, на что Хитч и рассчитывал. Рассветные часы на ферме были часами «пик» и в то же время вряд ли кто-нибудь стал бы слишком придирчиво относиться к найму обслуживающего персонала.

— Отлично! Нам нужен опытный человек. У нас здесь есть несколько великолепных животных, и нам не хотелось бы, чтобы за ними плохо присматривали. Мы стараемся хорошо ухаживать за нашими питомцами.

Животные? Питомцы? Кого они здесь держат, цыплят или черпах?

— Ну что же, — ответил Хитч явно неуверенно. — Прошло некоторое время с тех пор, как я работал на ферме. Я путешествовал за границей. — Этим он объяснил и свой акцент.

— Вероятно, мне потребуется день, чтобы вновь почувствовать ферму, вновь окунуться в ее ритм, понимаете? Но я сделаю все от меня зависящее.

Хитч торчал здесь уже часа два.

— Понятно. Я дам вам самую маленькую группу, пятьдесят голов, и среди них ни одной хулиганки, за исключением, может быть, Йоты, но у нее период возбуждения. Нет причин волноваться, так как в это время они, как правило, становятся беспокойными, — он достал блокнот и начал писать.

— Вы помните клички всех ваших животных? — Хитча мало заботил этот импульсивный человек, но все-таки он предпочитал, чтобы тот не молчал.

Мужчина самодовольно улыбнулся и, не переставая водить карандашом по бумаге, любезно ответил:

— Всех. Я не гнушаюсь работой в своем хозяйстве и управляю фермой сам. Поверьте мне, любая корова здесь — первоклассная производительница.

Корова? Хитч начал подозревать, что работник лаборатории, готовивший доклад о $\neq 772$, наладился проявителя.

На самом деле отсутствовали лишь быки!

И из-за какой-то чертовой опечатки его заслали...

— Если у вас будут какие-нибудь затруднения, зайдите ко мне, — сказал фермер, протягивая ему написанный план и небольшую книжечку. — Я сам показал бы вам, как организовать работы, но у меня накопилось много важных бумаг.

— Какие затруднения?

— Если животное поранится — иногда они ударяются о стойла или натываются на крюк. Или отказывает техника.

— Понятно, — Хитч видел, что человек торопится, так как временем тут дорожили.

Сначала было слишком легко. Теперь Хитч помимо запаха навоза учуял еще кое-что: беспокойство. Именно спокойным миссиям был присущ эффект бумеранга.

Прежде чем войти в коровник, он сверился с планом.

Почерк был удивительно аккуратным: 1. Кормление. 2. Дойка. 3. Выгон. 4. Уборка... Далее еще несколько строчек, написанных убористым почерком. Казалось, все было четко организовано. Книжка представляла собой подробный перечень инструкций, которыми следовало руководствоваться в случае необходимости.

Абсолютный порядок. В коровнике, вопреки тому, что говорилось в полупригодном для работы отчете, были коровы, но он все же должен был коротко его проверить. Очень коротко. Откуда же у него это навязчивое предчувствие беды?

Хитч передернул плечами и вошел. В нос ударил удушливый запах отхожего места, что было обычно для такого рода сооружений.

Очень быстро он принялся и почти перестал замечать запах, хотя тот и не был похож на запах, о котором предупреждали Земные инструкции.

Он немного постоял в двери, привыкая к темноте и шорохам мощно благоухающего сооружения.

Хитч стоял лицом к проходу, уходящему в глубину коровника. По обеим сторонам прохода размещались стойла. Над длинной кормушкой виднелись два ряда голов, выглядывающих из-за досок отдельных загонов. Головы повернулись и с ожиданием смотрели на него, пока он приближался, словно здоровались, мягко, почти по-человечьи. Естественно, в это утро стадо было голодным, так как время было уже позднее.

В дальнем конце маячил вход в молочную ферму — плотные

двери отделяли ее от общего помещения. Направо и налево от места, где он стоял, ответвлялись узкие проходы. Таким образом, он находился как бы в центре буквы «Т».

В левой перекладине находились мешки с кормом, а в правой...

Хитч заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд. Какое-то мгновение, всматриваясь в правый проход, он готов был поклясться, что видел там красивую темноволосую женщину, уставившуюся на него из стойла. Она была совершенно обнажена и очень похожа на Иоланту, хотя Ио он видел обнаженной лишь мельком.

Он до боли стал вглядываться в полумрак, но видение пропало. Его подсознание, похоже, решило подшутить над ним, а заодно и скрасить скучное задание.

Он посмотрел вперед с какой-то полуосознанной решимостью. Был ли эпизод с женщиной явью или всего-навсего игрой воображения, но Хитча он потряс. И теперь он волновался, как будто должен был выйти на арену, а его зрителями станут животные.

Когда глаза Хитча полностью привыкли к темноте, он почувствовал шок. Его приветствовали не бычьи и не козлиные, а вполне человечески головы. Он увидел не лишенные привлекательности лица и длинные волосы здоровых женщин, молодых женщин. Каждая стояла в своем стойле, обнаженная, ухватившись руками за перекладины, между которыми можно было просунуть только голову. Блондинки, брюнетки, рыжеволосые, высокие, маленькие, среднего роста — всякие. Любая из них, если бы была одета, легко затерялась бы в праздной земной толпе, если бы не две вещи.

Во-первых, их груди. Они были огромными и отвислыми, у некоторых свисали до талии. Хитч был уверен, что ни один нормальный бюстгальтер не мог бы вместить их. Они не соответствовали никаким эстетическим нормам. Потребовалась бы серьезная пластическая операция, чтобы хоть что-нибудь изменить, причем хирург должен был быть садистом по натуре. И во-вторых, выражение лиц женщин. У них были пустые, полные идиотского дружелюбия взгляды, упертые в одну точку.

Молочные коровы...

Хитчу почему-то явственно представились рабочие пчелы, снующие взад и вперед.

Он увидел достаточно, и рука сама потянулась к тому месту, где на черепе под волосами была скрыта сигнальная кнопка. Но тут его взгляд упал на ближайшие стойла, и он заколебался. Конечно, он нашел решение загадки и эта планета, конечно, не попадала под действие государственного статуса. Скорее всего, его сообщение приведет к осуществлению планетарных полицейских акций, поскольку отношение к живым людям как к животным, домашним животным, совершенно недопустимо, однако...

Груды молодых женщин напоминали вымя и содрогались при

дыхании, переполненные молоком. Это притягивало и отталкивало одновременно. Разумное начало боролось в Хитче с физиологическим и подавляло последнее, но... только бы дотронуться до одной из них... Кроме того, если он сейчас исчезнет — кто будет кормить голодных коров?

Его доклад может и подождать полчаса. Больше времени уйдет на то, чтобы возвратиться в управление, даже используя установку. Время еще было.

Хитч открыл инструкцию и прочитал раздел о кормлении. С водой, как он знал, проблем не было, в каждый отсек была проведена труба, и при желании из нее можно было пить, но вот корм приходилось подавать вручную.

Он вернулся к хранилищу и погрузил мешок витаминизированного корма на тележку. Потом отвез его в главное помещение и чистым металлическим совком стал отмерять каждой подопечной по два фунта. Молодые женщины потянулись к лакомству. Они хватали корм одной рукой, прижав большой палец, и с наслаждением вгрызались в увесистые куски. Хитч заметил, что у них здоровые белые зубы, но никак не мог понять, что же мешало им использовать большие пальцы рук по назначению. Почему они были так неестественно неуклюжи? Да, это были здоровые животные... И не более того... Он вынужден был еще два раза ходить за новыми мешками, стараясь не смотреть в правый проход — был ли он пустым, — чтобы воображение вновь не сыграло с ним шутку.

Он догадывался, что накладывал слишком много корма, но в общем завтрак прошел как надо. Закончив, Хитч отошел назад и оглядел животных.

Первые из них уже заканчивали завтрак, двое уже расположились в углу стойла. Грубый корм явно стимулировал работу кишечника. Его присутствие их ничуть не смущало, но даже при совершении таких типичных актов, во всяком случае, не больше, чем корову присутствие фермера в момент испражнения. Казалось, эти коровы действительно довольны жизнью.

Неужели они все лоботомированы?

Он не нашел шрамов...

Хитч брезгливо отщипнул кусочек корма. Тот был жестким, но не волокнистым, с удивительно густым и сытным запахом. Если верить этикетке, здесь присутствовали все витамины и минеральные вещества, необходимые животным, чтобы те были здоровы и давали много молока. Недоставало только тех элементов, которые находились в подножном корме. Немного пожевав массу и попробовав ее на язык, он подумал, что так, наверное, оно и есть, только непонятно было, на какие пастбища можно их выгонять, так как ни травы, ни листьев они, конечно же, не ели. Росли ли фрукты на этих заселенных участках?

Наконец стадо было накормлено, значит, если он покинет их, голодать они не будут, а к тому времени, когда они проголодаются, уже придет другая смена. Причин оттягивать отправление больше не было. Он мог подать сигнал и...

И опять его рука остановилась, не дотянувшись до кнопки. Пульсирующие соски напоминали ему о втором пункте плана — доении. Он знал, что настоящие коровы испытывают боль, если их вовремя не подоить. Похоже, что здесь дела обстояли точно так же. Вымя были уже переполнены.

Черт возьми, несмотря на опыт исследовательской работы, он не был лишен чувства сострадания. Доклад подождет.

Негромкий ехидный голосок внутри его поддразнивал и подначивал. В коровнике, в одной из перекладин буквы «Т» находилось давешнее видение. Где-то там явно могла быть та обнаженная девушка. Та, которая была совсем не похожа на этих сисястых коров.

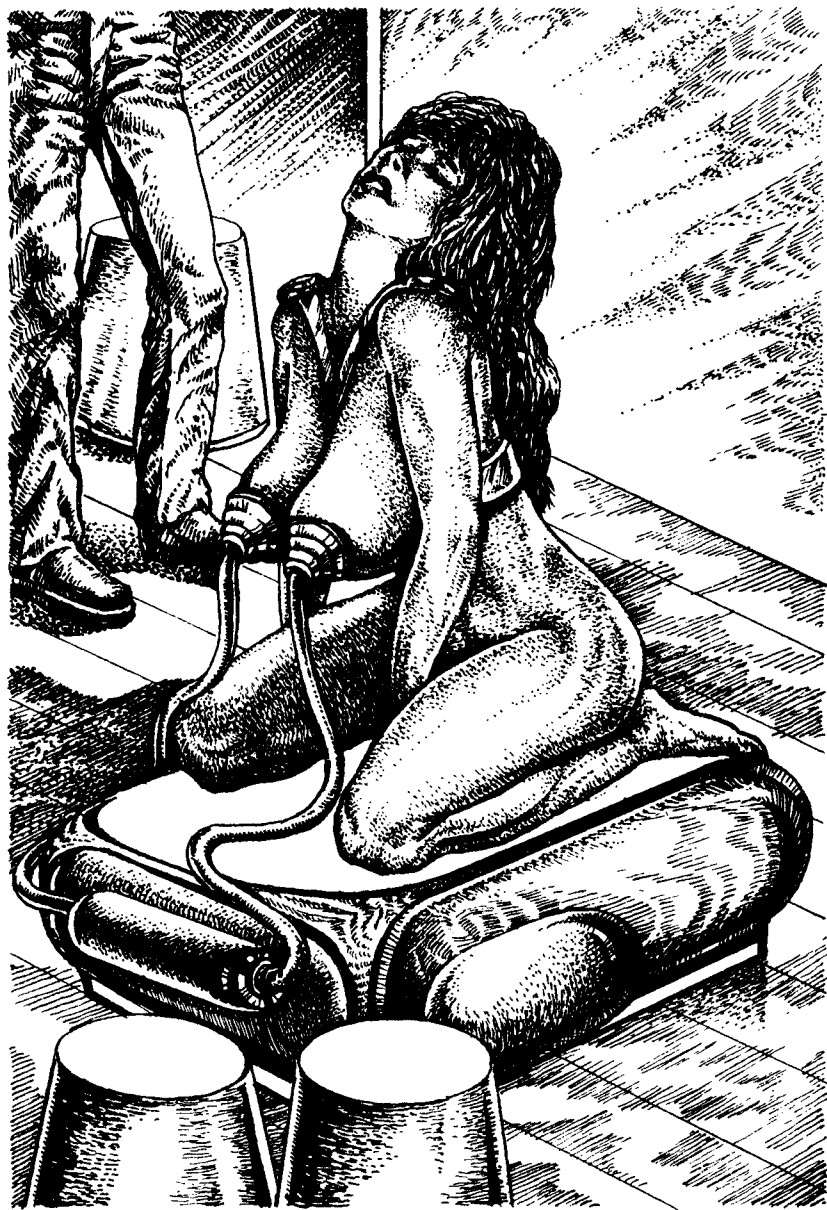
Девственница — так похожая на Иоланту.

Это и была истинная причина того, что он никак не мог нажать кнопку. Он не мог покинуть коровник, покуда не соберется с духом и не обследует его самым тщательным образом.

Он снова заглянул в руководство, радуясь возможности хоть на мгновение вернуться к обыденности. Похоже, что в этом крыле было шесть доильных аппаратов — всасывающих машин с вакуумными коническими присосками. Он отыскал помещение для дойки, подкатил аппарат к площадке для доения и нажал кнопку. Аппарат загудел.

Прежде чем приступить к дальнейшим этапам процесса дойки, он немного помедлил, но инструкции были простыми и понятными, и он напомнил себе, что работа есть работа. Хотя перспективы ее были не совсем ясны, но похоже, не так уж и тягостны. Он откинул засов с первой двери — раскрылась вся передняя половина стойла — и осторожно подошел к его обитательнице с доильными принадлежностями.

Это была статная брюнетка с крупными ляжками, длинными волосами и абсолютно голая. К его удивлению, она стояла спокойно, пока он прилаживал доильные причиндалы: полотняные ленты вокруг шеи и груди прямо под руками, перекрещивающиеся на спине и меж грудей. Упругие груди свисали подобно переполненным бурдюкам с вином (сравнение было не очень точным, но ничего более подходящего в голову не приходило), тем не менее он с ними справился. Все было сконструировано таким образом, чтобы коровы не могли спрыгнуть с доильной площадки или отойти слишком далеко от доильного аппарата, хотя Хитч и сомневался, что бы приспособления выдержали целенаправленный рывок. Однако он надеялся, что животные хорошо выдрессированы и будет достаточно мягкого обращения.

Непроизвольно он обратил внимание на корову, которая мыча металась по коровнику. Он безуспешно пытался остановить ее, хватая за скользкие от молока соски. Бесполезно!

Он застегнул пряжки и повел ее к месту для дойки, представляющему из себя дощатый настил, в центре которого было отверстие для доильного аппарата и крюков, к которым крепились доильные принадлежности.

Молодая женщина вскарабкалась на площадку без понуканий, опершись руками на ее переднюю часть, а коленями на заднюю. Таким образом она оседлала аппарат. Ее огромные груди свисали за локтями. Коричневые соски с белыми точками молока, выдавленного собственным весом, также были очень велики.

Хитч взял один молокосборник и надел на правую грудь. Его форма была рассчитана на большой сосок. В центре чаши находился специальный кольцеобразный выступ из мягкой резины. С внешней стороны молокосборник имел форму конуса и при всасывании прижимался к груди, а надежное уплотнение обеспечивал толстый слой смазки на краях. Установив левый молокосборник, Хитч поставил переключатель в положение «Молоко» и отступил назад, чтобы удобнее было наблюдать за процессом.

Конические молокосборники закрывали лишь самую нижнюю часть груди, хотя могли бы полностью покрыть всю грудь нормальной женщины, тем не менее работали они эффективно. Аппарат генерировал всасывающие импульсы, и молоко отделялось быстро и чисто. Он видел, как белая жидкость бежала по прозрачным трубкам, как струя била в дно ведра при сокращении груди. Раз-два! Раз-два! Ритм захватывал, так как пульсирующая белая струя напоминала нескончаемое семяизвержение.

«Это же только молоко!» — напомнил Хитч сам себе, но его эрогенные зоны невольно реагировали на этот процесс.

Молодая женщина мерно жевала комок затвердевшего корма и, бессмысленно улыбаясь, ожидала конца привычной процедуры. Она была рада освободиться от скопившегося за ночь молока.

Хитч оставил ее и перешел к следующей подопечной, чувствуя себя уже гораздо увереннее. В конце концов коровы есть коровы, несмотря на их физическое обличье.

Когда он добрался до шестого стойла, первая корова уже подоилась. Он освободил брюнетку, грудь которой печально повисла, провел к двери в дальнем конце доильной комнаты и снял недоуздок. Передняя лента между свободно свисающими грудями упала. Какой с нее может быть удой? Две кварты? Галлон? Он не имел понятия о существующих нормах, но считал ее хорошей дойной коровой. Брюнетка удалилась, довольно подрагивая ягодицами. Ее волосы свободно разметались по плечам. Она, с его точки зрения, была красоткой.

Прежде чем закрыть дверь, он взглянул во двор, где увидел груды яблок, моркови и чего-то похожего на земляные орехи. Женщина уже катала их. Она не была голодна, поэтому не ела, а играла с ними. Ниже, на спуске к реке, были соленые ключи.

Следующий час был изнурителен. Хитч засек, что ему потребовалось около тридцати секунд на то, чтобы привести очередную корову и подключить доильный аппарат, и по пятнадцать секунд, чтобы отключить его после дойки. Еще больше времени уходило на тех коров, стойла которых находились далеко от молочной фермы. После каждых пяти коров он вынужден был менять бадью для молока, так как она переполнялась. В результате ему приходилось пошевеливаться, обращаясь с коровами чисто механически. Работа на молочной ферме была адской.

Пот капал с кончика носа, когда последнее ведро было поставлено на конвейер, ведущий в цех обработки молока. Он сложил шланги в автоматическую мойку для стерилизации. Дойка была закончена, подопечные отпущены на подножный корм. Когда он взглянул на них в последний раз, они играли земляными орехами и плескались в мелкой речушке. Теперь он мог отправляться домой со спокойной совестью, оставив здесь весь заработок за сегодняшнее утро. Человек должен быть щедрым, что свойственно жителям планеты Земля. Кроме того, хозяину могут понадобиться все сбережения, когда полиция приступит к выполнению своих обязанностей.

Кого Хитч хотел обмануть? Ведь на самом деле он пока и не помышлял о возвращении. Его так и тянуло обследовать то стойло. Если там действительно была женщина и если она была похожа на Иоланту — что ж, это был иной мир. Многие, возможно большинство, его обитателей были такими же или очень похожими на жителей Земли. Так почему бы здесь не быть Иоланте?

А может быть, местная Иоланта окажется более доступной, чем земная?

Он постарался выбросить эти мысли из головы. Не из-за того, что боялся последствий, а просто потому, что были конкретные, обусловленные миссией причины, вынуждающие его не покидать коровник.

Прежде всего, эти дойные коровы казались совершенно безмозглыми, однако он затруднялся дать этому объяснение. Они давали много молока только после того, как их покормят, а это означало, что они недавно отелились. Что же случилось с их детьми?

Естественно, без этой информации его отчет о миссии будет неполон.

Ситуация была слишком нестандартной, чтобы ограничиться поверхностным исследованием, и из ряда вон выходящей. Он сам уже начал было думать о людях, как о животных, особенно в самый

пиковый момент дойки, но это, конечно же, было не так. Коровник являл собой серьезнейшее нарушение прав человека, которое когда-либо встречалось в альтернативных мерах. Это была даже не расовая сегрегация. Животные принадлежали к белой, кавказской расе. «Женщины!» — в сердцах одернул он себя.

Да разве права человека нарушались бы меньше, если бы это были негритянские, монгольские коровы или представители каких-нибудь других рас, используемые для выполнения грубой работы, в спорте или для получения мяса?

Ему предстояло еще во многом разобраться, но он никак не мог оторваться от коров и обследовать другие помещения коровника, не найдя для этого подходящего предлога. Это сразу привлекло бы к нему внимание. Да он пока и не стремился попасть в правое крыло. Он должен выполнять свою работу как обычно и незаметно присматриваться, прислушиваться, пока не узнает все.

Следующим пунктом плана была уборка. Он прочитал памятку и обнаружил, что это не так сложно, как могло показаться. Женщины по природе своей были чистоплотны и все выделения кишечника выбрасывали в выгребную яму в углу каждого стойла. Хитчу нужно было лишь включить насос, проследить, чтобы в трубах не оставалось осадка, и убедиться, что ничего не засорилось.

Теоретически предполагалось, что он должен предварительно проверить стул каждой коровы, его консистенцию, цвет, состав, так как любое отклонение от нормы было первым признаком болезни. Если возникали какие-то нарушения, он должен был сдать пробу на анализ наличия червей, сгустков крови, прежде чем смыть отходы. Для этого имелись специальный таз и длинная вилка. Однако здесь он отступил от инструкции и откачал отходы, не изучая и не нюхая их. Всему есть предел.

— Какие уж тут обязанности, когда так воняет, — бормотал он.

Закончив работу, Хитч уже не мог больше не думать о другом крыле. Теперь основное стойло пустовало и стали слышны звуки, доносившиеся из этого крыла.

Там кто-то был. Он еще раз нервно взглянул на план. Да, факт остается фактом, время пришло... Те, кто там находился, были особыми экземплярами, за которыми нужно было ухаживать уже после того, как черновая работа была закончена.

Хитч собрался с духом и вошел в правое крыло. Здесь могла быть Иоланта, только безмозглая.

К его облегчению и сожалению одновременно, в первом стойле находилась больная корова. Она лежала на настиле в конце стойла — блондинка с пышной фигурой. Губы ссохлись и стали совсем маленькими и жалкими. Лишь по образовавшимся складкам и морщинам можно было судить о их былой пышности. Однако и сейчас было на чем растянуть земную рулетку.

На стойле была прикреплена записка, из которой следовало, что эту корову надо доить вручную, чтобы не засорить оборудование (Даже при стерилизации? Чепуха! Чушь!), а молоко — вылить.

Груды должны приобрести коническую форму, затем, в случае полного выздоровления, ее можно было снова начать кормить. Кроме того, полагалось проверять температуру, чтобы убедиться, что лихорадка спала. Корову звали Флорой.

До этого момента он не обращал внимания на имена, хотя они были написаны на перекладине каждой калитки. Безымянность делала их безликими, и это притупляло чувство страха, который внушал Хитчу коровник. Но сейчас, когда он имел дело не со стадом, а с конкретными животными, все изменилось.

Хитч перелез через перекладину и начал обдумывать возникшую проблему. Доить ее вручную? Измерить ей температуру? Это означало уже более близкий контакт, физический. Он полистал инструкцию. Да, там был указан порядок выполнения работ...

Все следовало делать по порядку. Он вошел в загон с ведром в руке.

— Встань, Флора, — приказал он.

Она с беспокойством взглянула на него, но ее понятливость была обманчивой, так как она даже не пошевелилась.

Проклятый гуманизм! Лучше бы он не знал ее имени! Теперь Хитч просто не мог думать о ней как о животном.

— Флора, я должен тебя подоить, — объяснил он. Абсурдность ситуации действовала ему на нервы, и он подумал, не покинуть ли ему эту цивилизацию побыстрее.

Нет, еще не время. Он никогда не простит себе, если вернется, не выяснив, было ли то видение Иоланты или нет.

Флора продолжала лежать на боку, подняв одну ногу. Волосы упали на лицо и обвили вытянутую руку. Хитч обратил внимание, как изящно они оттеняли ее плечи и грудь.

Он снова заглянул в книгу.

«Доеение лежащей коровы вручную...» гласила инструкция, но подробности, к сожалению, были опущены.

Хитч подсунил ведро под верхний сосок и взялся за грудь обеими руками. Само прикосновение мгновенно вызвало у него эрекцию, несмотря на то, что все это он уже видел при машинной дойке. Казалось, его возбудило само зрелище, а не прикосновение. А может быть, дело было в том, что это была обыкновенная грудь, а не чудовищное вымя? Или же имя сыграло роль? Знал ли он раньше какую-нибудь женщину по имени Флора? И была ли здесь темноволосяя корова по имени Иоланта?

Дальше по инструкции надо было...

Он нащупал сосок и надавил. Ничего. Попробовал еще, на этот раз с большим успехом, капля за каплей выдавливая молоко.

По земному опыту он знал, что доить нужно, обхватив вымя и слегка сжимая сосок так, чтобы молоко шло непрерывной струей, но женская грудь устроена иначе, чем коровье вымя. Он сделал несколько попыток, пытаясь приспособиться, но боялся, что действует слишком грубо. Все это время Флора не двигалась и не высказывала никаких признаков беспокойства. Один раз он слишком сжал грудь и испугался, что повредил какую-нибудь внутреннюю железу, но Флора лишь смотрела на него серыми печальными глазами.

Работа была грязной и неквалифицированной, но он-таки ухитрился нацедить несколько унций в ведро и еще несколько попало на его одежду и на пол. Это не имело никакого значения, так как главное было — снять давление, а не собрать молоко по капле. «Почему я не догадался высосать его ртом? — промелькнула крамольная мысль. — Ведь никто бы не узнал...» Но он тотчас же вспомнил, что Флора больна и молоко могло быть недоброкачественным.

Он вылил с таким трудом добытую жидкость в выгребную яму, обдал ее водой из шланга и взялся за нижнюю грудь.

— Что они с тобой сделали? — задал он риторический вопрос. — Кто сделал вас такими, извините, идиотками? Ни одна женщина на моей планете не стала бы терпеть то, что я сейчас делаю с тобой.

Произнося эти слова, он подумал, что, возможно, существует такой тип женщин, которые бы с этим смирились.

Флора открыла рот, и он с ужасом подумал, что она собирается что-то сказать, но это был всего-навсего зевок. Язык у нее был какой-то странный.

Теперь Хитч должен был измерить температуру. В инструкции было сказано, что градусник следовало вставлять в прямую кишку, поскольку животное могло прокусить то, что ему вставляешь в рот. Этого только еще не доставало! Он уже совершил сверхъестественные подвиги, вполне достойные исследователя мирового пространства, но это было все рекорды!

Но она больна или была больной, и не измерить температуру значило допустить небрежность. Хитч подумал, что уже пренебрег кое-какими своими обязанностями, не обследовав ее стул, но с температурой дело обстояло не так интимно.

— Перевернись, Флора, — скомандовал он, — а то мне никак к тебе не подобраться.

Он открыл ящик аптечки, приколотенный к бревну, и нашел там термометр. Это была пластмассовая трубка диаметром полдюйма и длиной дюймов восемь с ручкой и шкалой на конце. Короче говоря, это был грубый прибор, предназначенный для животных, — при введении термометра внутрь пациент должен был сильно изогнуться. На рабочем конце прибора находилась капелька желтоватой смазки.

Видя, что Флора никак не реагирует на его действия, он осторожно положил термометр и попытался поставить корову в нужную позу. Он обхватил ее за талию и приподнял. Средняя часть ее тела приподнялась, а полные ноги лишь напряглись. На этом все и кончилось. Она была слишком тяжелой, чтобы проделать этот трюк без ее помощи. Хитч отпустил ее, оставив лежать на настиле, но дело следовало довести до конца. По крайней мере, цель была достижима и не нужно было особенно ломать голову над тем, как это сделать.

Он вновь взял термометр и сел рядом с ней на корточки. Одной рукой он раздвинул мощные ягодицы, пытаясь найти задний проход.

Получилось не совсем то, что нужно. Зад был толстый и в положении, в котором она лежала, ягодицы были плотно сжаты, так что ему удалось только немного раздвинуть их. Действуя обеими руками, он мог бы добраться до анального отверстия, но тогда было бы нечем вставить туда термометр. Наконец Хитч отжал одну ягодицу левой рукой, а правой пытался направить конец термометра в ложбинку, пачкая ее смазкой. Решив, что так дело пойдет, он воткнул термометр поглубже, надеясь, что тот вошел под нужным углом.

Что-то мешало. Она изогнулась, закругленный конец термометра преодолел препятствие и вошел внутрь. Хитч удивился: как легко все получилось, несмотря на первоначальные трудности. Он дал корове возможность улечься поудобнее, чтобы градусник встал под прямым углом, затем, нажимая на рукоятку, заставил его войти на пару дюймов глубже сфинктера.

За предписанные инструкцией две минуты Хитч едва успел прийти в себя.

О боже, думал он, что он делает в этом стойле с голой женщиной? Чего ради широко раздвигает ей бедра, кладет влажную холодную руку на спину, заталкивает в прямую кишку какой-то прибор? И это в то время, когда его член напряжен аж до боли. «Если бы вместо нее была ты, Иоланта, вместе со своей изяшной, целомудренной, чистенькой попкой...»

Секунды тянулись невероятно долго, и Хитч решил было, что его часы остановились, но, поднеся их к уху, услышал тиканье. Что он расскажет своим ребятам по возвращении? Что доил коров? Да они его на смех поднимут, когда узнают правду! Ведь ни о чем, кроме пухлых ягодиц да прочего в этом роде, что вызвало у него головокружение, он поведать не мог.

Однако две минуты подошли к концу, и он стал вытаскивать градусник. При этом корова спясть зашевелилась и встала на колени, опустив голову. Ему нужно было потарапливаться, чтобы термометр не утонул внутри. Хитч рванулся, едва не потеряв равновесие, потому что Флора встала в такую позу, что теперь он мог ви-

деть отверстие, куда вставил градусник... Это было вовсе не заднепроходное отверстие. Но разницы, скорее всего, никакой не было, так как температура не могла быть различной в двух соседних местах. Хитч осторожно вытащил пластмассовый прибор и посмотрел на шкалу. Шарик стоял около отметки «нормально».

— Ну вот, Флора, ты поправляешься,— сказал Хитч как можно более уверенно, отводя взгляд от ее вопрошающих глаз.— Очень скоро ты сможешь гулять как и прежде.

Вероятно, тон был все-таки не очень уверенным, так как корова перевернулась, груди колыхнулись, и она неожиданно ему улыбнулась. Он отступил в проход и зачерпнул горсть специальных орехов для больных животных. Все шло через пень-колоду по причинам, о которых он раньше и не подозревал.

В следующем загоне дела обстояли и вовсе скверно. Это был тот самый загон, в котором он видел девушку и куда заходить избегал до самого последнего момента. Тот самый, который удерживал его в этом мире...

Там могла быть Иоланта...

Прежде чем переступить порог, он еще раз заглянул в инструкцию. У этой коровы был период течки и ее нужно было вести на осеменение. Он обнаружил в руководстве подробный план коровника и теперь знал, куда ее надо вести. Как говорилось в книге, важно было, чтобы случка проходила в присутствии наблюдателя. Там же указывалось точное время совокупления, с тем чтобы к этому времени можно было подготовить быка.

Хитч сделал последний шаг и с бьющимся сердцем заглянул в загон. Это была не Иоланта.

Надежды лопнули, как мыльный пузырь. Конечно, это была не Ио. В тусклом свете он увидел черноволосую девушку, а его мысли были обращены к похожей черноволосой девушке, которую он знал дома. И благодаря этой схожести его напрягшийся член воплотил видимость в желание.

Это было годовалое животное — если ее можно было так называть. В переводе на человеческие мерки — девственница лет шестнадцати от роду. Груды маленькие и упругие, бедра хрупкие, но хорошо сформированные, движения порывистые. Она нервно ходила по загону, слабо покусывая от нетерпения. Ее блестящие волосы были откинута на спину и при каждом шаге раскрывались веером. Хоть это была и не Иоланта, но все же очень привлекательная. по его понятиям, девушка. Может быть, благодаря ее сексуальной возбужденности? Другие, по сравнению с ней, были коровы.

Конечно, в такой период женщина должна быть сексуально привлекательной. Вот чем объяснялось ее состояние — предстоящей случкой.

Разумеется, ее звали Йота. Фермер отметил ее особо, и Хитч

провел аналогию, по крайней мере, подсознательную, сразу же, как только ее увидел.

— Ну что ж, Йота, настал момент, который ты никогда не забудешь, — сказал Хитч.

Она резко повернулась к нему, пылая черными зрачками, затем одним прыжком оказалась у перекладки, и ее острые торчащие молодые груди просунулись между жердями. Когда она очутилась рядом с ним, дыхание у нее было учащенным. Неужели она могла быть более поздним воплощением Иоланты?

Некоторые параллели между мирами были точными, другие — не совсем. Иоланта, Йота — оба имени начинаются почти одинаково, с Ио, словно они были сестрами или даже более чем сестрами... Иоланта могла так выглядеть в шестнадцать лет.

Забавно! Эта мысль возникла в угоду его вожделениям. Тысячи, да что там, миллионы девушек выглядели так в ее возрасте.

Он должен был выполнить работу и выполнит ее.

— Спокойно, девочка. Посторонись, чтобы я мог отпереть загон. Я отведу тебя к быку.

После этих слов она тотчас же отпрянула и теперь настороженно наблюдала за ним из глубины стойла. Хитч открыл дверь — странно, что все эти дежки были настолько ленивы, что и не пытались справиться с этими примитивными запорами сами. Ведь все это делалось на их глазах, и не раз. Хитч вошел внутрь, держа в руках повод. В одно мгновение она очутилась на нем, прижавшись к нему гибким телом. Руки обнимали, бедра и таз совершали движения, в целях которых усомниться было невозможно. У нее был период течки, и она приняла его за быка!

И у него возникли желания. Ее телодвижения вызвали ответные. Все это напомнило ему, что он все-таки, литературно выражаясь, мужчина. Так не все ли равно, кто именно лишит ее девственности? Для владельца она была всего-навсего производительницей молока. Все равно вся эта грязная система рухнет, как только сюда заявятся жители планеты Земля со своим правосудием и порядком. Вполне возможно, что она никогда и не станет дойной коровой.

Хитч заглянул ей в глаза и увидел в них безумное желание. Ему еще никогда не приходилось видеть настолько явно выраженную женскую похоть. Ее разум застилало половым голодом.

И все же это было животное, а не человек, и занимаясь с ней сексом было все равно, что заниматься скотоложеством. Сама мысль об этом вызывала в нем омерзение, хотя его член реагировал на ее настойчивые прижимания.

— Отвяжись от меня! — кричал Хитч, грубо отталкивая ее. О боже, они превратили женщин в настоящих животных, лишив их всех человеческих прав.

Несомненно, случку следовало контролировать и производить в благоприятное время, чтобы избежать лишних хлопот. Все это не так беспокоило бы Хитча, если бы он не провел долгое время без женщин, в мужском окружении, за исключением нескольких коротких дней, когда можно было дать волю подавляемому в течение года желанию.

Она прижалась к стене. В глазах стояли слезы. Он видел, что несмотря на отсутствие разума, у нее чисто женские эмоции. Она, как любой нормальный человек, остро реагирует на пренебрежение, но у нее не хватало гибкости, чтобы скрывать свою реакцию или управлять ей.

Он был слишком суров с ней.

— Не принимай близко к сердцу, Йота. Я не хотел тебя обидеть. Честное слово, я не обижал тебя! Нет!— его крик сквозь миры был адресован Иоланте, которая вот так же дразнила его столько времени, вызывая желание, но не позволяя удовлетворить его. Разница была лишь в том, что теперь в этой роли выступал он сам, пренебрегая желанием этой девушки, резвой девушки, которая не могла даже догадываться о том, что им руководило.

Она робко взглянула на него, лицо ее блестело от слез.

Хитч поднял повод и помахал им.

— Я должен надеть эту штуку на тебя и отвести к быку, вот и все. Понимаешь?

Она потопталась в нерешительности. Как ей объяснить? Она была всего лишь животным. Его тон подействовал на нее, и она пошла за ним.

А может быть, не тон?

Животные здесь были невероятно глупы, учитывая их человеческое происхождение. Их явно намеренно удерживали в заторможенном состоянии. Может быть, наркотики — их могли подмешивать в корм и таким образом подавлять активность животных. В результате большинство из них разучилось мыслить, просто существовать было легче. Что же тогда произошло с этой девушкой? Возможно, у нее был более активный обмен веществ, особенно когда организм готовился к случке. Период течки у животных означал их готовность к любовной игре. Выделения были обильными, очень обильными. Что может противостоять инстинкту размножения?

Или более того: предположим, в течение какого-то времени кто-нибудь из них откажется принимать средство, подавляющее способности к мышлению. Тогда они начинают протестовать?

Как тирания может реагировать на подобный мятеж? Умная корова должна была бы помалкивать, по крайней мере, в коровнике, приспособиться. От этого зависела ее жизнь.

Может быть, Йота вовсе не была глупа и могла лишь делать

то, что от нее требовалось, скрывая понимание происходящего.

И все-таки, по-своему она была чертовски привлекательна.

Она следила за ним с нечеловеческой настороженностью, потом осторожно подошла. Он надел на нее сбрую и обнял, чтобы застегнуть пряжки.

— Ты умеешь разговаривать?— прошептал он ей на ухо, словно боясь, что их могут подслушать.

Хитч не думал, что здесь действительно могли быть скрытые микрофоны — это было нереально в такой богом забытой дыре, но поблизости могли оказаться другие фермеры.

Она подняла руки, чтобы немного ослабить ремни. Вокруг левого предплечья и под левой грудью была видна полоска густой шерсти. Она была не так скудно одарена природой, как ему показалось вначале. Она просто приспособилась к ужасным условиям, в которых содержали дойных коров. Она была чистой, за исключением ног. Он нее шел возбуждающий запах женщины.

— Ты умеешь разговаривать, Йота?— прошептал он более настойчиво.— Может быть, я могу тебе помочь?

Услышав свое имя, она подняла голову, опять задышала быстро и прерывисто, положила руки ему на плечи и заглянула в лицо. Глаза ее расширились, на свету радужная оболочка казалась почти черной. Но она не улыбнулась и не произнесла ни слова.

— Ты можешь мне довериться, Йота,— сказал Хитч.— Только дай мне знак. Хотя какое-то доказательство, что ты не животное.

Она нежно обвила руками его шею и притянула к себе. Ее груди вновь коснулись его, бедра прижались к паху. Женский запах стал явственней.

Было ли это попыткой показать ему, что она все поняла или же это было деликатным предложением себя самой?

Какая разница?

Он уже давно затянул все ремни, а руки все еще обнимали ее. Через мгновение они уже скользнули по гладкой спине в небольшую ложбинку над ягодицами. В ответ она прижалась к нему еще сильнее. Черт с ним! Хитч обернулся. В загоне никого не было, лишь в некоторых стойлах стояли коровы. Он крепче обнял ее и отнес за перегородку.

— Тебе нужна случка, о'кэй,— пробормотал он, укладывая ее на солому.

Она благодарно поддалась ему. Хитч опустился на колени у нее между ног, расстегнул ремень, потом брюки, поглядывая на нее. Больше не в силах сдерживать себя, он положил одну руку ей на лобок, а другую себе на поясницу, удерживая вес своего тела, и вошел в нее. Весь процесс поразительно напоминал недавнюю процедуру введения градусника. Ему показалось, что девственной плевы не было.

Хитч навалился на нее и вошел до конца. Он пытался поцеловать ее, но положение было неудобным, да и она, похоже, не понимала его. Только где она могла бы научиться целоваться?

Он ожидал, что удовлетворение будет мгновенным и полным, однако был разочарован. Влагалище у Йоты было очень объемным, и он так и не мог понять, насколько оно глубоко. Войти в него было очень легко, внутреннее сопротивление или фрикции полностью отсутствовали. Несмотря на свои завидные мужские достоинства, он никак не мог кончить. Ощущение было такое, будто он танцует один в просторном танцевальном зале.

Она лежала пассивно, ожидая продолжения. Хитч со злостью отпрянул, потом опять вошел. Но все попытки были безрезультатны.

Член обмяк, и Хитч выругался.

Когда он представил себе быка, силы и вовсе оставили его. Не было ни малейшего желания спать с безмятежной, глупой коровой.

Она с упреком смотрела на него, пока он вставал и натягивал штаны, но он был слишком раздражен, чтобы обращать на нее внимание.

— Вставай! Ты корова, и тебе нужен бык. Ты его получишь.

Она поднялась, Хитч взял ее за повод и подтолкнул вперед.

— Пошевеливайся,— жестко сказал он, и она пошла.

Похоже, с животными просто нужно было уметь обращаться, и он, по необходимости, освоил это ремесло. Он становился настоящим фермером.

Они шли по длинным, тускло освещенным коридорам в бычье стойло. Она упиралась и тыкалась в боковые проходы. Только что происшедшее было забыто, а кроме того, она явно никогда не была в этой части коровника, так что, в отличие от разума, любопытство не было подавлено в ней до конца. Конечно, она была глупа, иначе он не свалил бы такого дурака.

Хитч мало знал о лоботомии, но это и не было на нее похоже, хотя, кто его знает, как могли выражаться последствия?

Бык был крупным волосатым мужчиной с большой бородой. Руки и ноги были вымазаны калом, на животе засохла грязь. Его огромный член сразу же поднялся, подобно стреле подъемного крана, как только он увидел Йоту. Бык тотчас же заметался по просторному загону. Только прочная двойная привязь и ошейник с шипами удерживали его в дальнем углу стойла. От быка воняло мочой.

Хитч снял с Йоты сбрую и запустил в загон. Ему очень хотелось, чтобы бык загладил его поспешные действия.

Она внезапно заколебалась и замерла вне пределов досягаемости этого человека-монстра, который то отступал назад, то ревел на нее, то вскидывался на дыбы. Она не боялась его, хотя он был

наверняка вдвое тяжелее, а просто не знала, как подступиться к такой горе мяса.

Она сделала шаг вперед и тут же отступила, словно пыталась кокетничать. Хитч сразу проникся симпатией к быку, вспомнив собственный опыт.

— Ты, дура, а ну марш туда!— заорал Хитч.

Испугавшись, она подчинилась.

Бык рванулся вперед, схватил ее за плечо. У него была такая же неуклюжая пятипалая рука, какие Хитч уже видел у коров.

Йоту развернуло, и она потеряла равновесие. Бык ухватил ее за бедра и прижал спиной к своей груди. Толчок был такой мощный, что она прогнулась, и он тотчас же вошел в нее. От неистовых движений живот у нее содрогался с каждым толчком.

Вот чего она так ждала!

Она даже не догадывалась, чего хотел от нее Хитч, полагая, что все это было лишь предварительной проверкой.

Потом Йота рухнула на пол, ошеломленная подобными уходами, хотя несчастной ее назвать было трудно. В конце концов, у нее была течка, и теперь она узнала, что это такое. Ей это пришлось по вкусу. Она лежала навзничь в грязной соломе с задранными ногами и улыбалась, хотя Хитч был уверен, что такие толчки должны были причинить ей боль.

Вот это зрелище!

Зверь снова набросился на нее. Теперь уже спереди. Он кусал ее груди, пытаясь занять удобную позицию для очередного натиска. Его орган блестел и по-прежнему был готов.

— Выгони отсюда эту телку!— крикнул кто-то.

Хитч насторожился. Это был еще один фермер.

— Хочешь угробить нашего производителя, лучшего производителя?!

Хитч вбежал в загон, стараясь держаться подальше от быка, схватил Йоту за блестящую от пота руку. Было видно, что она с радостью примет любое мыслимое наказание. Бык сделал последнюю попытку достать ускользающую добычу. Хитч волок Йоту по полу, пока они не оказались вне пределов досягаемости монстра, и только тогда поставил ее на ноги.

Она была все еще словно в тумане, пока Хитч вновь одевал на нее сбрую, и даже не поморщилась, когда ремень сбруи лег на глубокие следы укусов на ее груди.

Фермер взглянул на Хитча, когда они проходили мимо, но ничего не сказал, словно ничего не случилось.

Уже на полпути Хитч вспомнил, что забыл проставить время случки в карточке быка, но решил не возвращаться, чтобы не искушать судьбу. Бык получил хорошую встряску и вряд ли успокоился.

Йота еще пребывала в состоянии одурения, когда Хитч привел

ее в стойло. У нее на ноге виднелась небольшая капля клейкой крови. Все-таки девственная плева, видимо, была... Она больше не была девственницей!

В последнем стойле его ждала неприятность. Он был так занят всеми предшествующими неурядицами, что даже не прочитал инструкцию до конца и теперь жалел об этом.

Только что он был свидетелем предусмотренного инструкцией спаривания, а здесь... Здесь корова рожала!

Она лежала с широко раздвинутыми ногами на боку и хныкала при схватках. Ее язык как-то странно высовывался меж зубов. Может быть, эти коровы не могли разговаривать из-за физического недостатка?

Уже показалась голова теленка с коричневыми, как у матери, волосами. До сих пор Хитч думал, что все дети рождаются лысыми. Все человеческие дети...

Обязан ли он помочь ей? Он же не был акушером, хотя в этом случае пришлось бы объяснять, почему он не сказал об этом раньше. У него не было никакой веской причины для опоздания, кроме собственной безалаберности да еще, пожалуй, похоти. Лучше уж справиться со всем этим самому.

Он подумал о том, как странно, что людей можно заставить поступать вопреки их желаниям. Эта несчастная не должна была его интересовать, так как, фигурально выражаясь, принадлежала к совсем иному миру. Однако ему придется делать для нее все возможное. Все, что происходило в этом коровнике, было для него в этот момент важнее всего на свете. Его касались даже самые непривлекательные моменты. Были задеты не только его личные душевные качества, но и разум тоже.

— Йота...

Пока корова пыталась вытолкнуть тяжеловесный плод, Хитч нервно просматривал руководство. Хорошо, порода была выносливой и очень редко требовалось квалифицированное вмешательство во время родов. Признаки беспокойства? Нет, никаких явных признаков из перечисленных в руководстве не наблюдалось. Роды были самые обычные.

Указывалось, что крайне важно срочно перенести новорожденного теленка в детскую для последующей обработки. Нельзя было допустить, чтобы мать облизала его, дала грудь или проявила какие-либо признаки привязанности.

А как быть с отцом? Как быть с любым не лишенным человеческих чувств наблюдателем?

Он не мог отделаться от мысли, что корова забеременела от него и теперь роды проходили у него на глазах. Не повезло с Иолантой, не получилось с Йотой, но ему еще хотелось кое-что доказать. Что-то такое, что спасло бы этот ужасный мир.

Корова опять вздохнула. Большая часть головки новорожденного уже была снаружи. На настил сочилась кровь. В руководстве не говорилось, нормально это или нет. Он хотел что-нибудь предпринять, но знал, что самое благоразумное — не вмешиваться. Ни одна женщина не могла бы родить так легко без вмешательства анестезиолога или акушера. В каком-то смысле быть животным не так уж и плохо, но это ни в коей мере не оправдывало все происходящее.

Это большое, вместительное влагище...

— Что тут происходит?— раздался голос хозяина за спиной Хитча, и он подхвратился.

Для опытного исследователя такая неосмотрительность при наблюдении была непростительна. Аборигены уже дважды заставляли его врасплох.

— Она рождает вполне нормально,— ответил Хитч,— поэтому я...

— В стойле для ночлега?— зло спросил мужчина, и его седые волосы, казалось, встали дыбом. «Это всего-навсего такая прическа»,— безразлично подумал Хитч.— На голом настиле?

Похоже, он пропустил целый параграф.

— Слушай, на той ферме, где я работал раньше, не было специальных мест для отела, я же говорил тебе!

— Та ферма была, наверное, подпольной. Где уж тут говорить о милосердии?— хозяин уже вошел в загон и сел на корточки возле рожающей коровы.— Это ошибка, Эсмеральда,— произнес он нежно.— Я не хотел, чтобы ты прошла через это. У меня есть специальная комната со свежей, чистой соломой и обитыми досками стенами...— он погладил ее по волосам и потрепал по плечу.

Животное немного расслабилось. Она узнала всемогущего хозяина. Вероятно, время от времени он проходил по стойлам, чтобы приободрить своих питомцев, дать им по куску сахара, при необходимости сделать укол, облегчить боль, и не только за этим.

— Он тебя усыпил, но сначала мы должны с этим покончить. Ты была умницей, ты одна из моих лучших коров. Все хорошо, милая.

Хотя мысли Хитча путались, он понял, что это была не просто игра. Фермер действительно беспокоился о том, чтобы его животным было хорошо и удобно. Хитч допускал, что грубость является неизбежным следствием деградации, но здесь не было грубости. Весь коровник был устроен максимально удобно, с учетом эффективного использования этих удобств, хотя техника была отсталой. Правильно ли он оценил ситуацию?

Под уверенным руководством фермера роды быстро завершились. Он поднял новорожденного — тот был женского пола — привел его в чувство, прежде чем перерезал и перевязал пупови-

ну. Потом завернул в неизвестно откуда взявшееся полотенце и встал.

— Вот,— сказал он Хитчу.— Отнесите ее в детскую.

Ребенок оказался на руках у Хитча.

— Ну вот, Эсме,— сказал хозяин хлева тихо и дружелюбно.— Теперь давай позаботимся о последе, а потом я сделаю тебе обещанный укол. Немного пожжет, но только чуть-чуть. Вскоре тебе станет намного лучше. Успокойся и ты уснешь, а через несколько дней ты вернешься в стадо, самая хорошая дойная корова из всех.

Он поднял голову и уставился на замешкавшегося Хитча.

— Ты что, хочешь, чтобы она его увидела?

Хитч пошел прочь. Он нес ребенка, чувствуя некоторую неловкость, хотя недавно был полон решимости как-то помочь малышке. Сейчас от этой решимости не осталось и следа, хотя ребенок с момента рождения ни разу не закричал (неужели они и этого добились?). Он и вовсе притих, как только очутился в уютных человеческих руках, что было, наверное, к лучшему, иначе мать привлек бы этот крик. Но ребенок так быстро был оторван от родителей, что мог никогда о них и не узнать. Разве это было справедливо? Однако Хитчу было не до этого, когда он шел с ребенком на руках в детскую.

Вообще говоря, хотя Хитч и присутствовал при его появлении на свет, это не накладывало на него никакой ответственности. Но ребенка отдали под его наблюдение, и не просто на словах. К Хитчу вернулась его прежняя решительность, только теперь она была куда сильнее. Он действительно чувствовал ответственность.

— Я позабочусь о тебе, малышка,— просюсюкал он.— Я сохраню тебя. Я...— он лицемерил, так как ничего не мог для нее сделать, кроме как отнести в детскую, и даже не представлял, что мог бы он для нее сейчас сделать. Кроме того, он не был абсолютно уверен, должен ли он вообще делать для нее что-нибудь, если будет такая возможность.

Он уже был готов вынести приговор этому миру, но после всего пережитого, как ни странно, заколебался. Его потрясла дойка, но в самом ли деле в этом было зло?

В предварительном докладе отмечалось, что на этой планете царило какое-то необычайное умиротворение. Компьютерный анализ показал, что войн здесь не было уже довольно давно. Это была еще одна загадка планеты $\neq 772$. Неужели это объяснялось тем, что планетой управляли гуманные люди, несмотря на жестокость их режима?

Что было лучше, общество, существующее на добровольной основе за счет сегрегации по принципу выполняемых функций — люди — люди и люди-животные, или общество, где каждый родив-

шийся человек в одиночку борется за человеческие права и привилегии, которые в конечном итоге ничем не лучше тех, которыми наделены животные?

Земля находится под серьезной угрозой самоуничтожения. Неужели же самое лучшее — навязать эту систему всем мирам типа Земля?

Планета $\neq$ 772 имеет свои положительные стороны. Экологически она способна функционировать вполне успешно, здесь может никогда не быть инфляции, демографических взрывов, классовой борьбы. Неужели разрушение семьи, лишение человека элементарных прав, титулов, званий, абсолютное несоблюдение равенства всех людей приведет к установлению прочного мира во всем мире?

Он пока что не видел ни одной недовольной коровы. Вот он забрал ребенка у матери и несет его в детскую, общую детскую. Может быть, это действительно величайшее благо для ребенка?

Хитч был в недоумении.

Детская удивила его. Это был тихий, прохладный загон, больше походивший на лабораторию, чем на комнату для игр. Здесь стоял целый ряд непонятных резервуаров, и, когда Хитч проходил меж ними, раздавался слабый звук, словно в замкнутом пространстве заплакал ребенок. Услышав этот звук, ребенок у него на руках громко заплакал. Хитчу стало не по себе, и он торопливо передал сверток немодно одетой сестре-хозяйке, восседающей за столом в центре помещения.

— Это младенец Эсмеральды,— пояснил он.

— Что-то я тебя не припомню,— сказала женщина нахмурившись. Она казалась воплощением самых занудных черт воспитательницы детского сада.

— Я здесь новичок. Устроился только сегодня утром. Хозяин сейчас с матерью, а мне велел...

— Хозяин? Что за чепуха?

Хитч замолчал в замешательстве, поняв, что свалил дурака, употребив уличное словечко, которое здесь явно было не в ходу.

— Владелец, человек, который...

— Очень хорошо,— она взяла сверток.— Дайте мне взглянуть,— бесцеремонно развернув сверток, она жесткими пальцами ощупала у девочки гениталии, совершенно не обращая внимания на ее вопли.

Хитч опять вздрогнул.

— Женщина. Хорошо. У нее все нормально. Это мужчина — излишние хлопоты.

— Хлопоты? Почему?

Она развернула какой-то лоскут вроде брезента, взяла малышку за одну ручонку.— Вы что, раньше не работали в коровнике? Ведь бык не дает молока.

— Конечно, нет, но хороший бык выполняет свои функции, как показал опыт с Йотой.

Хитч смотрел, как женщина стягивает вместе полоской ткани крошечные пальчики. Повязка напоминала неуклюжую перчатку и еще что-то неприятное. Если в детстве так перевязывать руки, то в дальнейшем они не смогут нормально функционировать. Некоторые важные мускулы атрофируются, а нервные волокна теряют чувствительность. Кто-то говорил, что разумность человека определяется тем, как работает его большой палец.

— Я не сталкивался с этим раньше,— пояснил он неуклюже.— Что же происходит с мальчиками?

— Разумеется, мы вынуждены убивать их, за исключением некоторых, которых оставляем на племя,— она кончила бинтовать руки и прямо над лицом малышки занесла блестящий скальпель.

Хитч подумал, что она хочет отрезать бинт или прядь волос, поэтому не обратил особого внимания. Его мысли были заняты тем, что он только что услышал. Истребление почти всех рождающихся здесь мальчиков... Тем временем женщина сдвигала губки девочки большим и указательным пальцами, заставив ее широко раскрыть рот. И прежде чем Хитч успел вмешаться, засунула нож в рот и провела им под языком. Раздался дикий вопль. Хитч оцепенело смотрел, как кровь струилась по крохотной губенке.

— Зачем?

— Нам не нужно, чтобы она разговаривала, когда вырастет,— ответила женщина.— Поразительно, от скольких неудобств избавляет один небольшой надрез. Теперь отнесите младенца в емкость номер семь.

— Я не...

С этим невозможно было бороться. Они резали детям языки, чтобы те не могли говорить. Новое поколение обладало интеллектом, и ему поголовно, не спрашивая, резали языки.

Он сам, с лучшими намерениями, принес ребенка в это чудовищное место.

Ему стало дурно.

Сестра-хозяйка нетерпеливо вздохнула.

— Ну, конечно, ты здесь новичок. Очень хорошо, я покажу, что делать, чтобы ты знал в следующий раз. И обязательно запомни, я слишком занята, чтобы показывать дважды.

Слишком занята тем, что калечит невинных детей? Но он промолчал, как будто острый скальпель прошелся и по его языку.

Она поднесла ребенка к резервуару, не обращая внимания на капавшую кровь, и открыла крышку. Емкость была наполовину заполнена жидкостью, с одной стороны была приделана маленькая сбруя. Удерживая ребенка на локте, она вставила ручки, ножки, головку в петли, которые затянула так, чтобы из жидкости тор-

чала одна голова. Когда она погружала ребенка, немного жидкости попало на руки Хитчу, и он понял, что это какое-то теплое масло.

Ребенок закричал, забился, то ли от страха перед темнотой, то ли от того, что резали ремни, но результатом было лишь немного кровавой пены на поверхности да несколько слабых всплесков ручонками. Сбруя надежно удерживала его.

Матрона опустила крышку, предварительно удостоверившись, что воздушные вентили открыты, и жалобные крики стихли.

— Зачем вы так? — спросил заикаясь Хитч. — Она...

— Важно, чтобы окружающая среда контролировалась, — пояснила женщина. — Первые шесть месяцев тактильные, звуковые и визуальные ощущения должны полностью отсутствовать. Через какое-то время они становятся слишком крупными, чтобы держать их в емкостях, и мы перемещаем их в темные камеры. После этого их можно воспитывать практически без опасений. Но, как правило, мы выдерживаем их там, для верности, еще год, до шести лет. Уменьшаем содержание белков в их рационе, потом опять увеличиваем до нормы, поскольку нам нужно, чтобы они набирали вес.

— Я... я не понимаю.

Но он прекрасно понимал. В сознании его всплыла не совсем адекватная, но очень похожая картина — пчелиный улей. Рабочие пчелы росли в тесных шестиугольных ячейках.

— Разве тебе не известно, что белок — основная пища для мозга? Мозг, как правило, развивается в основном первые несколько лет, поэтому мы вынуждены внимательно следить за их питанием. Если белка слишком мало, они становятся настолько тупыми, что не могут выполнять даже простейшие команды, а если его слишком много — то чересчур сообразительными. Мы здесь выращиваем прекрасных коров и контроль за качеством у нас на высоте.

Хитч посмотрел на ряды закрытых резервуаров. Контроль за качеством. Что он мог возразить? Он знал, что жесткое ограничение питания в раннем и подростковом возрасте может тормозить умственное, физическое и эмоциональное развитие. Как пчелы в улье, так и люди в обществе не могут полностью реализовать свой потенциал, если в раннем детстве они лишены соответствующего ухода. Пчелам, которые должны стать рабочими, намеренно давали мало сиропа, и они становились бесполоыми, тупыми насекомыми, а из тех немногих, которых выбирали в пчелиные матки и кормили по-королевски, вырастали полноценные насекомые. Пчелы не отличаются высоким интеллектом, поэтому ограничение сказывалось только в физическом и половом развитии. Что же касается людей, то ограничения отразятся на специфической особенности человека — мозге. При продуманной системе питания, если тело будет получать достаточное количество белков, оно быстро восстановится, а мозг — никогда.

На Земле такие исследования проводились для того, чтобы выращивать крупных, умных и здоровых детей и взрослых. На планете № 772 та же самая информация использовалась для того, чтобы превращать женщин в коров. Не требовалось никаких специальных препаратов, никакой медицины, лишь надрез, один надрез скальпелем. Не оставалось ни малейшей надежды сохранить или вновь приобрести здравый рассудок, если режим соблюдался в течение всей жизни. Не удивительно, что у него ничего не вышло с Йотой. Он слышал, как кричали дети. Какой же ценой заплачено за благополучие этого мира!

— А мог бы кто-нибудь из этих детей вырасти таким же умным и жизнеспособным, как мы, при правильном воспитании? — спросил Хитч, когда сестра отвернулась.

— Могли бы, но это противозаконно. И конечно, их нельзя было бы использовать в качестве дойных коров. Им здесь и в самом деле очень хорошо. Мы о них заботимся. И мы очень гордимся, что разработали такую систему! Можно ли себе представить настоящую, грязных животных, содержащихся на ферме?

А он доил этих коров и даже пытался поразвлечься с Йотой...

Он пошел прочь. Душа и тело ныли, когда он проходил мимо вопящих резервуаров. В каждом плакал человеческий ребенок. Они находились в условиях, убивающих разум, лишенный всякого стимула к нормальному развитию, они постоянно недоедали. Ни здоровья, ни удобств, ни будущего — каждый из них рожден в коровнике. В коровнике...

Хитч ничего не мог сделать, по крайней мере, сейчас. Если он начнет скандалить, как чуть было не начал поначалу, к чему это приведет? Разве что к уничтожению детей. А ведь это всего лишь один коровник из многих миллионов. Нет, потребуются поколения и годы, чтобы искоренить гнездящееся здесь зло.

Он остановился у резервуара номер семь. Крик ребенка стал непереносимым, ребенка, которого он принес сюда по своему неведению. Ребенка Эсмеральды. Ответственность, от которой он отказался. Последняя и самая страшная ошибка.

Новорожденный, привязанный во тьме и окровавленный, никогда не узнает свободы, он обречен на пожизненный кошмар... пока идиотизм не возьмет над ним верх.

Внезапно Хитч понял, что имела в виду Иоланта, когда говорила о единстве цели по сравнению с другими мировыми критериями. Существовали рамки, вне которых личные амбиции и долг теряли всякий смысл.

Он подошел к резервуару и открыл крышку. Крики стали громче. Он схватил свободной рукой щиколотку и нащупал спрятанное там лезвие. Достал его, опустил руку в емкость и перерезал все ремни.

— Эй! — резким голосом крикнула сестра-хозяйка.

Он уронил нож, схватил барахтающегося ребенка и вытащил его. Он прижал его обеими руками к рубашке и рванулся вперед. Когда подоспел надзиратель, Хитча уже не было в детской и лишь на полу остался масляный след.

Убедившись, что его никто не видит, он неловко поправил ребенка в руке и нащупал на голове кнопку. Это был риск, так как у него не было гарантий, что в этом месте на Земле есть свободное пространство, но другого выхода он не видел.

Прошло пять секунд... и невидимый оператор вернул его в родную цивилизацию. Благополучно!

Торжественной встречи не было. Оператор лишь ввел межмировые координаты и открыл полог при помощи пульта дистанционного управления. Хитчу придется самостоятельно добираться до штаб-квартиры, чтобы сделать там свой сенсационный доклад. Следствием этого было бы приведение армий в боевую готовность, но у него не было настроения.

Эти резервуары...

Теперь он еще бережнее держал ребенка, искал, куда бы его положить, чтобы снять остатки сбруи и поаккуратней запеленать. Он не знал, что можно было еще для него сделать, разве что согреть. А ребенок... Боже мой, он опять спал, доверчиво воткнувшись в грудь Хитча, только на щеке оставались следы засохшей крови. Язык, изуродованный, немой...

Хитч находился в коровнике.

И не удивительно. Коровники на разных планетах земного типа похожи до мелочей и располагаются в одних и тех же местах. На планете $\neq 772$ коровников было немного больше, чем на Земле, но все они чем-то отличались друг от друга. Тот коровник, в котором он сейчас очутился, земной коровник, был старомодным сооружением из красного кирпича. Он был построен по тому же плану, что и те, другие, но в нем держали коров. Или овец... или лошадей...

Хитч шел по проходу, баюкая спящего ребенка, своего ребенка, и заглядывал в стойла. Он миновал помещение для дойки и вошел в пустой загон, отметив про себя, что тот слишком изменился. Хитч не мог не зайти в правое крыло...

В первом стойле на сухой люцерне лежала больная корова, второе стойло было занято красивой телкой, которая замерла, посмотрела на Хитча огромными бархатистыми глазами и облизала зубы розовым немой языком. Неужели она только что после случки? А в третьем...

Здесь он был шокирован. Его еще тогда, в том коровнике, поразило, что человек может так безжалостно эксплуатировать другого человека. Там, на планете $\neq 772$, это было даже не покорение другой цивилизации, а такое угнетение менее удачливых сограждан,

что о смягчении его нечего было и думать, если даже это касалось коров. Когда человека превращают в животное, никакие протесты с его стороны немислимы.

А что такое животные этой цивилизации? Цивилизации планеты Земля? Может быть, у человека и было право относиться бесчеловечно к другому человеку, к себе подобному, а вот чем оправдать насилие над другими существами, не похожими на человека? Тысячи и тысячи лет назад свободно кочующие быки пришли к людям. Сами или их загнали в загоны силой? Какое неоправимое преступление совершил человек по отношению к ним!

Если Земля и пыталась установить справедливость, то чем это в конце концов кончилось? Никто не знал, каковы пределы Вселенной. Вполне вероятно, что где-нибудь существовали более развитые, более сильные цивилизации, чем земная. Миры, которые могли уничтожить всех млекопитающих планеты Земля, включая и человека тоже, и оставить птиц, змей, лягушек. Неужели подобное вмешательство отбросило назад цивилизацию планеты $\neq 772$?

Эти цивилизации могли вынести приговор жизни на Земле точно так же, как Земля судила цивилизацию планеты $\neq 772$. Цивилизации, которые вполне могли рассматривать любое одомашнивание любых живых существ как непростительное преступление против природы.

Иоланта, конечно, позаботилась бы о ребенке, в этом Хитч не сомневался. Таким уж она была человеком. Своевременное хирургическое вмешательство могло в значительной мере облегчить последствия увечья, а остальное?

Мир битком набит подобного рода трагедиями. Теперь Хитч знал, что, спасая одного ребенка, он решительно ничего не сделал. Его поступок мог только насторожить обитателей планеты $\neq 772$ и вызвать волну еще большей жестокости.

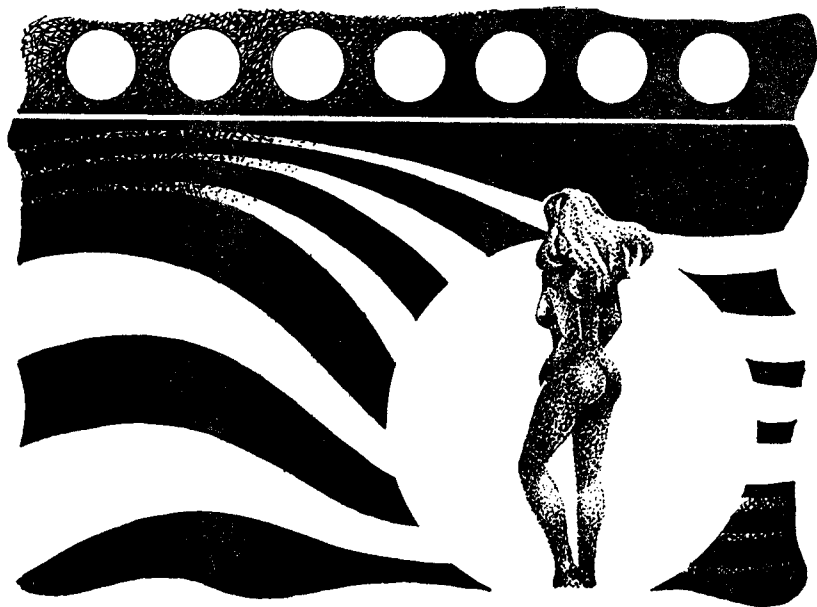
Но бессмысленность поступка была только одной из причин его растущего беспокойства. Разве он уверен, что у Земли есть право судить? Между Землей и планетой $\neq 772$ разница лишь в том, что стойла коровников занимали представители разных видов млекопитающих. И та, другая цивилизация была более гуманна к своим обитателям, нежели Земля.

Нет, он был неумно антропоморфичен. Было нелепо приписывать человеческие чувства коровам и требовать для них человеческих прав. Не заложены в коровах человеческие способности. Но у домашних животных, выращиваемых из человеческих детей, они были.

И все-таки...

И все-таки...

Так что же он напишет в своем докладе?

Джеймс Кози

ТАКАЯ ПРЕКРАСНАЯ, ТАКАЯ ПОТЕРЯННАЯ

Вечер. Средневековая арена, вся в опилках, три манежа и сверкающие натянутые канаты. В своих клетках рычали и трубили звери. Инспектор манежа щелкнул кнутом и поклонился восьми огромным линзам, которые тускло светились. Позади этих линз находилась наша аудитория. Шестимиллионная аудитория, разбросанная по всему полушарию.

За кулисами рядом со мной трепетала Лиза. Я прошептал:
— Твой черед.

Она кивнула, пожав мне руку.

Выкатился барабан.

Наблюдая за ее выходом на сцену, я чуть не плакал. Она была захватительна. Она шла так, как сокол двигается против ветра. Затаенная мелодия в ее голосе, магия, которой я ее обучил. Рядом со мной усмехнулся Поль Чанин:

— Нервы, Мидж?

— Нет, — ответил я.

Мне никогда не нравился Поль. Слишком самодовольный, холерный и красивый. Мне не нравилось, как он улыбался Лизе на этих репетициях и как Лиза отвечала ему улыбкой. Но Поль был неплох — для человека. Он мог делать стойку на одной руке на верхнем канате, мог сделать колесо с завязанными глазами над горящими углями. И он умел петь.

Мы оба вышли на сцену. Поль — упруго прыгая, такой роскошный в малиновом трико, я — неуклюже спотыкаясь из-за моих мешковатых панталон, с раскрашенным лицом, посылал поцелуи сияющим аркам наверху и плакал в бессильной ярости, когда Поль демонстрировал свою любовь к Лизе. Потом я подпрыгнул на тридцать футов в воздух и повис на проволоке, подцепив ее носком. Широкая улыбка. Мидж — клоун.

Иногда вы можете заметить, что представление изменилось. Сейчас это было именно так. Прямо с самого начала. Я знал, мы схватили их за горло. Огни эмоциональных реакций над арками подтверждали это. Они горели чистым сильным рубиновым светом, хороший здоровый знак сопереживания аудитории, но я не был удивлен. Наша пьеса была комбинацией двух примитивных форм искусства, и в ней было все — любовь, пафос, красота. И ужас. Лучшее всего был финал, когда Зарл вырывался из клетки и чуть было не хватал Лизу. Я убивал Зарла, напевая «Двоих за паяца» и замирая, мой голос казался золотой трубой.

Занавес.

Директор Латам поспешил на сцену. Он аплодировал, его глаза были влажными от слез.

— Блестяще! — хрипло крикнул он. — Великолепно! Мидж, думаю, мы наконец сделали это!

Я покосился на огни реакций. Они сияли темно-малиновым светом одобрения.

— Похоже на успех, сэр, — сказал я. — Эти древние, конечно, знали свое ремесло. Надеюсь, это не просто интерес к новинке. Тень тревоги промелькнула на толстом лице Латама.

— Узнаем после. Идешь на вечеринку?

Я покачал головой и усмехнулся.

— У меня запланирован особый праздник. Только я и жена. Увидимся завтра на репетиции.

Я пошел за сцену искать Лизу.

Ее не было в нашей костюмерной. Озадаченный, я вышел в холл к комнате Поля, открыл дверь.

— Поль, ты не видел... — мой голос оборвался.

Я уставился на них. Поль и Лиза.

— Привет, дорогой, — мягко сказала Лиза. — Разве это не прекрасно? Предложение Поля.

— И она приняла, — произнес Поль.

— Приняла,— повторил я.

— Это будет так здорово,— Лиза сияла.— Все трое вместе.

— Но мы андроиды,— прошептал я.

— Так что же?— счастливым голосом сказал Поль.— Вы актеры, вот что имеет значение. Это будет лучший дружеский брак!

Я, помню, сказал, что это будет замечательно. Помню, пожал Полю руку и произнес: «Нет, я не могу идти на вечеринку. У меня болит голова». Помню, я спотыкаясь вернулся в свою убогую, вытер краску с лица и сказал в зеркало:

— И ты, паяц?

Я не помню, как сел в пневматическое метро до дому, а потом в центробежный лифт до нашей квартиры на девяносто первом этаже. У нас была чудесная квартира. Пять комнат со стеклянной верандой в полумиле над городом. Я стоял на веранде и разглядывал свой сюрприз — обед, хрусталь, мерцающий в свете свечей, вино.

Мой маленький сюрприз.

Я сел и медленно открыл вино.

Ну почему?

Поль был человеком, вот в чем ответ. Он мог дать Лизе чувство уверенности, сопричастности. Прошло двадцать лет после Освобождения, но люди все еще думают, что делают одолжение андроидам, вступая с ними в брак. Хотя андроиды спасают расу от самоубийства.

Было далеко за полночь, когда пришла Лиза. На ней было розовое вечернее платье, ее золотые до плеч волосы были такими мягкими, а красота была ножом, полоснувшим мне по горлу.

— О, дорогой,— сказала она.— Тебе не нужно было ждать.

— Где Поль?

— Дома.— Она поколебалась.— Завтра мы вырабатываем нашу брачную политику. Ты не мог бы помочь Полю перевезти свои вещи?

— Конечно,— ответил я.

— Мы будем так счастливы, все трое,— в ее синих глазах была нежность.— Иди спать, дорогой.

— Я не хочу спать. Думаю сходить на прогулку.

Я любил гулять ночью по городу, с нездоровым любопытством разглядывая бары ненависти, кроваво-красные неоновые рекламы неистовства и неожиданной смерти. Бывало, я поздравлял себя, что не нуждаюсь в них, что не являюсь человеком.

В этот раз все было иначе.

Я стоял под дождем, дрожа и разглядывая рекламу: «Дом Ненависти Джо! Только ножи! Убей как мужчина!» Реклама взорвалась малиновыми брызгами пламени, потом трансформировалась и появился кинжал в сжатом кулаке. Я долго изучал кинжал. Я думал о Поле.

В конце концов я вошел внутрь.

По моему первому впечатлению, это была большая пещера, освещаемая дымными факелами. Играла музыка, дикая какофония с барабанным боем, который заставлял вашу плоть трепетать. Это была музыка преисподней, вроде той, что мог сочинить в своих смертных муках Зарл.

— Регистрация, сэр.

Толстый, маленький человек в синем вечернем костюме узнал мое имя, имя доверителя и получил десять кредиток.

— Зритель или участник, сэр?

Его улыбка была веселой, но маленькие свинные глазки были холодны и мертвы. Эти глаза наблюдали дюжину смертей каждую ночь. Моя работа заключалась в том, чтобы остановить эти смерти, уничтожить бары ненависти, но я был здесь, Актер Девятого Клас-са, неловко улыбаясь ему и говоря:

— Зритель.

Он поклонился и отвел меня к отгороженной канатом палатке зрителей. Я распорядился принести выпивку и пристально поглядел на обладающих странным очарованием участников.

Они сидели спокойно, лица неподвижны, уставившиеся в зеркало в стойки. Пили они в задумчивой сосредоточенности, глаза злые. Высокий человек в сером неожиданно швырнул свой стакан кому-то в лицо. Сверкнула сталь. Раздался стон. Человек в сером, корчась, упал на покрытый опилками пол. Раздались крики восторга среди зрителей, и два бармена в белых кепках уволокли тело прочь.

Забили барабаны.

— Недостаточно быстро,— раздался рядом голос.— А, Мидж? Это был директор Латам.

— Удивлен, увидев меня здесь?— Он криво улыбался.— Для информации: шоу провалилось.

Я облизнул губы:

— Немыслимо. Индикаторы реакций...

— Всего-навсего новизна, сынок.

Он казался старым и усталым.

— Конечно, это красивое шоу. Они будут смотреть его неделю-две.

Он холодно посмотрел на участников:

— Мы проиграли.

Его голос замер.

Я прошептал:

— У нас было шесть миллионов зрителей, это то количество, что нужно совету. Они могли бы завтра принять законодательство...

— И через неделю уровень преступности утроится,— голос Латама был мрачен.— Человеческая жизнь будет в опасности даже при свете дня. Люди нуждаются в эмоциональной встряске в виде

урока. Поэтому бары ненависти легальны. Поэтому совет выделяет миллион кредиток в месяц на наше шоу в надежде обуздать чернь, образовать ее. Но люди не тревожатся об этом. Да и зачем им? Зачем тратить жизнь, изучая музыку, когда ребенок-андроид может заставить вас плакать, насвистывая мелодию?

Его улыбка была необыкновенно горькой.

— Существо, сложенное лучше, чем сам человек. Теперь-то он жалеет, но уже слишком поздно. Он нуждается в андроидах, в красоте, которую они могут ему дать, и он со стыдом признает это. Здесь он встречает самого себя, хотя бы на время. Нашему шоу надо что-либо подобное, Мидж.

— Нет,— прошептал я.— Я первый откажусь.

— Неужели?— он криво улыбнулся.— Ты, мистер, не свободный исполнитель. Шоу должно продолжаться.

Три спокойно сказанных слова.

Моя голова взорвалась. Эти три слова были трубным гласом, радостным криком, который распрямлял позвоночник и делал тебя счастливым из-за того, что ты Актер, гордым своим наследием.

— Черт возьми,— пробормотал я.

— Мидж Уайт, X09,— сардонически произнес он.— X: белый, кавказского типа; 0: специальное воспитание с яслей, высший тип; 9: очень хороший артист. Ты хороший артист, Мидж. Твой баритон напоминает орган. На сцене ты сама страсть, огонь и шторм. Ты можешь вырвать у публики сердце с улыбкой на лице. Ты добиваешься результатов, каких никогда не было ни у одного человека, у тебя крепкие нервы, моментальная реакция. Ты — театр. И ты позволяешь своей аудитории уйти.

Его грубый голос умоляюще шептал:

— Я только директор. Ты, парень, умеешь поставить себя на место других, ты знаешь, что нужно аудитории. Дай им это.

— Конечно! — я трясся в холодной ярости.— Пара мертвых андроидов под занавес! Мы теперь имеем право голосовать, вы слышали? Если вы кольнете нас, разве у нас не течет кровь?..

— Спаси их,— утомленно сказал он.— Вы освобождены уже двадцать лет, и что? Совет все еще сохраняет право на создание специальных андроидов для чрезвычайных обстоятельств. Для испытания новых антибиотиков. Команды для высадки на неизведанных планетах. Подопытные кролики...

— Рабы,— жестко сказал я.— Девятый класс — это совсем другое. У нас есть свободная воля.

— Неужели?— его улыбка переросла в ухмылку.— Шоу должно...

— Не надо!— я дрожал.

— Подумай. Побудь тут, изучи атмосферу.

Он хлопнул меня по плечу.

— Мы рассчитываем на тебя, Мидж! Спокойной ночи.

Я сидел, пропитанный ненавистью, смотрел ему вслед, в жадные лица вокруг меня, на голодные улыбки. В секции участников было тихо. Никто не двигался. Фигуры у стойки были неподвижны. Руки на ножах, ждут.

Я встал. Я дрожал. Прошел через мрак по направлению к малиновой ограде, отделяющей зону зрителей. Когда я перемахнул через ограду, позади меня раздался общий вздох.

У стойки никто не двигался. Было очень тихо, только скрипели опилки под моими ногами. Я выбрал место у конца стойки, и ко мне улыбаясь подошел бармен.

— Самоубийство, да, приятель? Оружия нет?

— Вина,— потребовал я.

Он принес вино. В трех табуретах от меня маленький человек в коричневом деловом костюме повернул голову.

— В заведении,— весело сказал бармен,— тебе по правилам полагается одна проба, до того как ты станешь справедливой жертвой. У нас здесь не часто самоубийства. Лишь в прошлом месяце...

— Пошел вон!— сказал я.

Обидевшись, он ушел. Я уставился на вино. Человечек слева облизнул губы и улыбнулся.

— На прошлой неделе совершил первое убийство,— хихикнул он.— Иногда я удивляюсь, как мы жили раньше. Когда-то я потерпел катастрофу. Неудачи в бизнесе, любви — везде. Теперь я новый человек. Я личность. Понимаете, что я имею в виду?

— Вы хоть смотрите телешоу?— поинтересовался я.

— Фу!— хлопнул он ладонью.— Пустая пропаганда для детей и старух.

Я взял стакан. Его рука скользнула по стойке в направлении ножа.

Я потягивал свое вино. Рука человечка стала неясной. В свете факела сверкнула сталь.

У всех андроидов быстрая нервная реакция, а у андроидов-актеров еще быстрее. Я перехватил нож в воздухе и удержал его большим и указательным пальцами в двух дюймах от моего горла.

У зрителей вырвался стон предвкушения. Бармен загоготал:

— Замечательно,— сказал он.— По правилам заведения он твой. Верни ему нож, пырнув его в живот.

Адамово яблоко низенького человека задвигалось.

— Н е т!— пролепетал он.— Это нечестно! Разве вы не видели, как он схватил нож? Он андроид!

Глаза бармена блеснули:

— Это правда?

— Класс X09,— сказал я.

Толпа зашевелилась и заворчала. Ненависть извивалась в воздухе как живая. Я смотрел на перекошенные лица. Злоба. Я швырнул нож на стойку. Он воткнулся, задрожав.

— Убирайся,— велел бармен.

Я вышел. Меня тошнило.

Я думал о Поле.

На следующий день я помог Полю переехать в нашу квартиру. Он был очень весел, а Лиза сияла. После их возвращения с регистрации Поль по традиции перенес Лизу через порог и подмигнул мне.

Я пошел погулять.

Следующую неделю я жил в состоянии тихого умопомешательства. Они все время были вместе: между репетициями, после спектакля — голова к голове, улыбаясь и держась за руки. Лиза была очень мила со мной, идеальная жена. Все было очень культурно, очень мило.

Не знаю, когда я решил убить Поля. Возможно, это случилось после репетиции, когда я услышал за кулисами их беседу обо мне.

— Я говорил утром с Латамом,— это самодовольный голос Поля.— Совет собирается вскоре прикрыть шоу.

Тяжелое дыхание Лизы:

— Но это чудесное шоу. Мидж говорит...

— Мидж просто старая шляпа. Латам хотел, чтобы он сменил сценарий. Он отказался. Публика хочет действия, солнышко, а не этой подслащенной водички, что мы ей скармливаем. Я хочу, чтобы ты развелась с Миджем.

— П о л ь!

— Ты его не любишь и никогда не любила. Слушай, малышка, Мидж принадлежит прошлому — динозаврам, онере и видео. Он не может адаптироваться. Вчера я получил предложение выступать в одном из лучших баров ненависти в городе. Пятьсот кредиток в неделю! У нас будет команда: ты и я!

Слабый голос:

— Бары ненависти будут запрещены.

Его смех был отвратителен:

— Не раньше, чем Мидж даст зрителям что-нибудь лучшее, а он не знает как.

— Я должна подумать,— сказала она.

Не знаю, долго ли я стоял, после того как смолкли их голоса. Помню, я в ошеломлении выбрался на сцену, глядя на клетку, трапедии, пустой клоунский ринг. Я чувствовал себя мертвым, совсем мертвым внутри. В одной из клеток кто-то двигался. Это был Зарл.

Мы ввозим Зарлов с Каллисто, в основном для нашего шоу. Представьте себе сошедшую с ума экологию, борьбу флоры против фау-

ны с одним смертоносным доминирующим видом, и вы получите Зарла. Эта тварь трясла прутья решетки, изучая меня.

— Долго еще?— спросил он. Зарл телепат.

— Примерно шесть часов. Ешь мясо.

— Оно пропитано наркотиками. Это притупляет мои рефлексy, и ты можешь убить меня.

— По крайней мере, у тебя есть шанс,— отметил я.— Отказавшись есть, ты умрешь с голоду.

Зарл испытывал ужас перед голодной смертью. Его коготь без усталы трепал кусок.

— Я ненавижу тебя,— прорычал Зарл.

— Ты ненавидишь всех.

— Тебя больше всех. Это ты все придумываешь. Зарл умирает каждый вечер.

Он в безнадежности обнюхал мясо.

Я уставился на Зарла. Мысль медленно обрела форму.

— Ты бы хотел,— мягко заговорил я,— перед смертью убить?

Зарл поднял морду. Потом усмехнулся. Я отвел взгляд.

— Человек,— сказал он.— Мужчина. Ты ненавидишь его.

— Да.

— Ты убереешь наркотическое мясо?

— Да,— ответил я.

Не мигая, он раздумывал. Потом сказал:

— Заметано.

Я хорошо помню этот вечер. Лиза была столь прелестна, что на нее было трудно смотреть. Она была огнем, ртутью; ее песня — солнечным светом, карнавалом, апрельским дождем. Я так ее любил, что хотелось плакать. Я помню, мы стояли за сценой, она сжала мою руку и прошептала:

— Мидж, я была такой глупой. Я хочу разойтись с Полем.

Я был не в силах вздохнуть.

— Я не люблю его, совсем не люблю,— ее глаза наполнились слезами.— Сегодня днем я поняла, какой он на самом деле. Скорее, дорогой, твой черед. Спешы.

— Развестись с ним...— тупо сказал я.

— Твой выход. Я расскажу тебе все потом.

Спотыкаясь, я пошел на сцену. Я хотел окликнуть Поля, предупредить его. Я хотел бежать к клетке Зарла и прочно запереть ее, но я был Артистом, и у меня не было выбора. Мидж — клоун. Теперь я пою, делаю колесо с другими клоунами, жонглирую и танцую на верхнем канате. Но музыка — это древний мрачный погребальный плач. Так неподходяще! Лишь слепой дурак мог вообразить, что влюбленность Лизы в Поля — что-то иное, а не временное увлечение. Она любила меня. Она всегда любила меня. Глупец, глупец и убийца! А теперь слишком поздно.

Поль и Лиза стояли в центре арены и пели финальный дуэт, а Зарл пригнулся в своей клетке перед прыжком. Дверь открылась.

Клоуны разбежались в поддельной панике. Лиза вскрикнула.

Все это было частью действия; предполагалось, что Зарл вылезет из клетки ошарашенным от наркотиков. Он должен был неуклюже броситься на Лизу, и я должен был убить его.

Но Зарл двигался быстро. Лиза опять закричала, а он приближался к ней в роковом прыжке. Я бросился к центру арены, чтобы перехватить его рядом с Полем, потом в ужасе понял, что слишком поздно. Он гнался за Л и з о й.

Медленное, как в ночном кошмаре, движение. Лиза пытается бежать, спотыкается. Падает. Зарл хватается за нее.

Она больше не кричит. Н а в е к и.

Зарл поднимает свою морду и усмехается.

Я убил его голыми руками.

Несмотря на горе и ужас, я осознал, что кто-то поет. Поет надтреснутым ужасным голосом, в то время как падает занавес. Это мой голос. Грандиозный финал.

Ослепляя, зажглись огни. Поль рыдал. Служащие уносили тело Лизы. Кто-то тряхнул меня. Это был Латам. Его лицо было мокрым от слез.

— Ты сделал это!— задышался он.— Великолепно! Каким товарищем была Лиза! Когда Зарл сказал мне сегодня днем, я не мог поверить. Какая жертва!

— Зарл сказал вам?— повторил я. Я не понимал.

— Это был недостающий штрих, смерть Лизы под занавес, финальная трагедия.— Латам лил слезы.— Ты истинный гений, Мидж! Посмотри на огни реакций!

Индикаторы горели ярким рубиновым светом, омывая сцену кровью. Латам хрипло продолжал:

— Только что звонили из совета. Мы добились потрясающего успеха. В течение недели бары ненависти будут осуждены. Выиграна великая борьба, Мидж! Познакомься с Лизой-II, она только что из чана.

Я посмотрел на Лизу-II. Я все понял.

— О боже,— прошептал Поль.

Лиза-II была прекрасна. Она произнесла с сияющей улыбкой:

— Я надеюсь, завтра у нас будет хорошая репетиция. Я не так хороша, как Лиза-I, но я буду по-настоящему стараться.

— Репетиция,— повторил я, оцепенев.

Репетиция ее смерти. Завтра вечером, следующим вечером, все вечера, вечно наблюдать смерть Лизы.

Ш о у д о л ж н о п р о д о л ж а т ь с я .

СОДЕРЖАНИЕ

Р. БРЕДБЕРИ

Христос-Аполло. <i>Перевод с англ. А. Молокина</i>	5
Первая ночь Великого поста. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и А. Молокина</i>	12
К Чикагской впадине. <i>Перевод с англ. С. Ирбисова</i>	18

С. ВЕЙНБАУМ

Планета-паразит. <i>Перевод с англ. Н. Гузнинова</i>	28
Лотофаги. <i>Перевод с англ. Н. Гузнинова</i>	56

Л. НАЙВЕН

Безрукие. <i>Перевод с англ. В. Портянниковой</i>	82
Изменчивая луна. <i>Перевод с англ. В. Портянниковой</i>	106

Л. БРЕККЕТ

Марсианский бестиарий. <i>Перевод с англ. С. Цырульников</i>	132

А. ВАН ВОГТ

Корабли тьмы. <i>Перевод с англ. В. Портянниковой</i>	172
Галактический святой. <i>Перевод с англ. И. Пигулевской</i>	187

К. ВОННЕГУТ-мл.

Большой Вселенский Трах. <i>Перевод с англ. А. Молокина</i>	206

Д. Х Э МИСАТ

Гарри Заяц. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и А. Молокина</i>	212

П. АНДЕРСОН

Четырежды Ева. <i>Перевод с англ. К. Маркеева</i>	215

Л. БИГГЛ-мл.

Крылья песни. <i>Перевод с англ. Г. Костиной</i>	253

Л. дель РЕЙ

Доброта. <i>Перевод с англ. И. Горачина</i>	268

Л. ПЭДЖЕТ

Когда ломается ветвь. <i>Перевод с англ. И. Горачина</i>	283

К. КАРТМИЛЛ

Линии смерти. <i>Перевод с англ. И. Горачина</i>	309

Ф. ЛЕЙБЕР

Здравомыслие. <i>Перевод с англ. И. Горачина</i>	337

П. ФИЛЛИПС

Та, что смеется. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	352

Г. ХЕЛИНГА-мл.

Чудо-цветок. <i>Перевод с англ. А. Д. Восточного</i>	365

Д. БАМБЕК

Заплаканная звезда. <i>Перевод с нем. Е. Чахмаховой</i>	369

Ф. МАКДОНАЛЬД

Личная тайна. <i>Перевод с англ. Н. Макарова</i>	383

Ж. РААБ

Дневник хозяйки, у которой все наоборот. <i>Перевод с фр. Н. Скворцовой</i>	397

ЖЮЛЬ ВЕРН

Фритт-Флакк. <i>Перевод с фр. Л. Дейч</i>	404

Л. ХЭВЕСИ	
Жюль Верн в аду. <i>Перевод с нем. В. Подуэктова</i>	411
Жюль Верн на небесах. <i>Перевод с нем. В. Подуэктова</i>	419
Ж. КЛЕЙН	
Одежда Несссы. <i>Перевод с фр. И. Горачина</i>	425
Ф. ПРАТТ	
Официальный отчет. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	437
Э. БАДРИС	
Пугливое дерево. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	452
Д. ГАМОВ	
Сердце по другую сторону. <i>Перевод с англ. И. Мудровой</i>	462
Ф. БРАУН	
Мистер Десять Процентов <i>Перевод с англ. И. Мудровой</i>	470
ДЖ. САЛЛИ	
Примерка. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и А. Молокина</i>	485
53-я американская мечта. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и А. Молокина</i>	489
Д. КЕРР	
Последние из невинных. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и А. Молокина</i>	495
П. ЭНТОНИ	
В коровнике. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной и А. Молокина</i>	503
ДЖ. КОЗИ	
Такая прекрасная, такая потерянная. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	534

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 4

Фантастические рассказы и повести

Составитель
БАРСОВ Сергей Борисович

Редактор **Н. В. Резанова**
Худож. редактор **В. В. Кременецкий**
Техн. редактор **Г. В. Стачева**
Корректоры **И. С. Пигулевская, Е. А. Кокорина**

Сдано в набор 04.06.92. Подписано в печать 31.08.92. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,62. Уч.-изд. л. 35,41. Усл. кр.-отт. 33,02. Тираж 100000 экз. Заказ № 3789. С 021.

Издательство «Флокс», 603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф» 603006, Н. Новгород, ул. Варварская, д. 32.

Scan Kreyder - 09.05.2018 - STERLITAMAK

